2
ВХ
516

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
Шкафъ 4
Полка 2
№ 40
Инвентарь:
№

П. Соколовъ.

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА

ИМПЕРАТОРА ІОСИФА II.

Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія въ исторіи западныхъ исповѣданій.

САРАТОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1892.

12

Печатать дозволяется. Антоній, Епископъ Выборгскій, Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи. 1892. Іюля 17.

1002
37

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Стр.

Общія замѣчанія объ эпохѣ «просвѣщенія» и объ Іосифѣ II.—**Литература предмета:** 1. **Источники:** I, **1 иностранные:** 1) Acta in consistorio secreto. Feria VI Decembris MDCCLXXVIII.-2—5) Arneth, A.-6) Avis aux princes catholiques.-7—8) Ballerinius, P.-9) Beer.-10) Eisenbach.-11—13) Febronius, J.-14) Kropatschek.-15) Мальмсбюри.-16) Нолькенъ.-17) Otto.-18) Pius, papa sextus. Responsio.-I, **2 Русскіе:** 19) Екатерина II.-20) Гриммъ.-**II. Пособія:** II, **1 иностранныя:** 21) Arneth, A.-22) Block.-23) Borbis.-24) Bourgoing.-25) Brück.-26) Brunner-27) Coxe. 28) Dohm.-29) Frank.-30) Friedberg.-31) «Geschichte d. zu München neu errichtet. Nuntiatur».-32—33)Helfert.-34) Hock und Bidermann.-35—36)Gross-Hoffinger.-37) Jäger.-38) Krones.-39) Mailáth.-40) Mejer, O.-41) Meynert.-42) Mohnike.-43) Müller.-44) Nicolai.-45) 13 брошюръ изъ времени Іосифа II.-46) Planck.-47) Статьи «Политическаго журнала».-48) Ramshorn.-49) Ranke.-50) Riehl und Reinöhl.-51—52) Шлоссеръ.-53) Theiner.-54) Walch.-55) Веберъ.-56) Wendrinsky.-57) Werner. 58) Wolf, Ad.—59) Wolf, Ad. und Zwiedineck.-Südenhorst.-60—64) Wolf, G.-65) Wolf, P. Ph.-66) Zwiedineck-Sudenhorst.-II, **2 русскія:** 67) Брикнеръ.-68) Касицынъ.-69) Оно.-70) Соловьевъ, С. М.-71—72) Трачевскій.—Задача и планъ работы. . . . . I—XXXVIII.

Глава I.

Вопросъ о папской церковной власти въ католической Европѣ XVIII в.

Вѣяніе времени въ государственной жизни Европы XVIII в., сказывающееся и въ церковной.—Вопросъ о папской церковной власти надъ національными церквами.—Оживленіе тенденціи къ эмансипаціи отъ Рима.—Юридически-историческое обоснованіе послѣдней французскими учеными.—Начало осуществленія новыхъ идей въ уничтоженіи іезуитскаго ордена.—Въ Германіи I. H. Гонтгеймъ подъ псевдонимомъ Юстина Февронія выступаетъ защитникомъ епископальной системы. Цѣль его труда; сущность проекта. Содержаніе труда по главамъ. Феноменальный успѣхъ его. Мѣры папы. Литературные противники Февронія. Отреченіе Февронія и «Commentarius in suam retractationem».—Распространеніе его идей

въ Австріи.—Попытки нѣмецкихъ архіепископовъ примѣнить на практикѣ теорію Гонтгейма: обращеніе къ Іосифу II курфирстовъ съ просьбой о защитѣ нѣмецкой церковной свободы противъ посягательствъ на нее со стороны папы (1764 г.) и Кобленцская статья (1769 г.) . . . . . Стр. 1—54.

Глава II.

Католическая церковь въ Австріи при Маріи-Терезіи.

Гнетъ католицизма въ Австріи; іезуиты; умственный застой страны.—Личное настроеніе Маріи-Терезіи.—Положеніе при ней иновѣрцевъ.—Переписка ея по этому поводу съ Іосифомъ.—Разладъ Іосифа съ матерью и просьбы объ отставкѣ.—Общій характеръ отношеній Маріи-Терезіи къ католической церкви и папѣ — Проявленіе вѣяній времени въ церковныхъ распоряженіяхъ Маріи-Терезіи.—Отношеніе послѣднихъ къ церковной реформѣ Іосифа II. . . . . 55—86.

Глава III.

Іосифъ II, какъ реформаторъ въ церковной сферѣ.

Воспитаніе и характеръ Іосифа II.—Реформаторская дѣятельность его во всѣхъ сферахъ государственной жизни въ періодъ самодержавнаго правленія.—Государственные взгляды его.—Взглядъ его на церковь въ ея отношеніи къ государству.—Цѣль его церковной реформы.—Потребность въ реформѣ католической церкви въ Австріи въ половинѣ XVIII вѣка.—Упадокъ церкви: духовенство, монашество, богослуженіе, мощи, чудотворныя иконы, паломничества, индульгенціи, братства.—Гнетъ папы.—Характеръ церковной реформы Іосифа.—Порядокъ разсмотрѣнія ея и основанія для него . . . . . 87—102.

Глава IV.

Церковная реформа Іосифа II.

a) **Измѣненіе отношеній къ Риму.**—«Placetum regium»; запрещеніе буллъ «In Coena Domini», «Unigenitus» и «De largitione munerum».—Всеобщее разрѣшеніе библіи.—Клятва епископовъ на вѣрность папѣ.—Разрѣшеніе епископами брачныхъ препятствій.—Вопросъ о бракѣ.—Папскіе придворные титулы и должности.—Назначеніе на духовныя мѣста въ Миланскомъ герцогствѣ.—Передѣлъ австрійскихъ епархій.—Запрещеніе совмѣщенія нѣсколькихъ епархій.

b) **Монастырская реформа; религіозный фондъ; упраздненіе братствъ.**—Взглядъ Іосифа II на монашество.—Чрезвычайное размноженіе въ Австріи монастырей.—Мѣры Іосифа.—Уничтоженіе связи монаховъ съ иноземными генералами орденовъ.—Закрытіе монастырей.—Религіозный фондъ.—Вопросъ о правѣ императора на закрытіе монастырей.—Отношеніе императора къ оставшимся монастырямъ.—Упраздненіе братствъ.—«Братство дѣятельной любви къ ближнему».

Стр.

c) **Забота объ образованіи и улучшеніи положенія бѣлаго духовенства.**—Забота императора объ образованіи вообще и объ образованіи духовенства въ частности.—Закрытіе Collegium germanicum и учрежденіе коллегіи въ Павіи.—Вопросъ о монастырскихъ школахъ.—Генеральныя семинаріи.—Противники и сторонники ихъ.—Недостатокъ въ духовенствѣ.—Проекты устраненія этого недостатка.—Закрытіе генеральныхъ семинарій по смерти императора.—Разрѣшеніе духовенству читать дозволенныя цензурой книги.—Конкурсныя испытанія на мѣста.—Мѣры къ обезпеченію духовенства.

d) **Церковно-богослужебныя измѣненія**—Новый богослужебный порядокъ для Вѣны.—Распоряженія о церковной проповѣди.—Введеніе родного языка.—Распоряженія относительно внутренности церквей: алтарей, свѣтильниковъ, статуй, образовъ.—Запрещеніе освѣщенія и цѣлованія мощей.—Хожденіе въ церквахъ съ кошелькомъ.—Запрещеніе продажи въ церквахъ и при входахъ въ нихъ восковыхъ свѣчъ и фигуръ.—Сокращеніе праздниковъ.—Запрещеніе излишней роскоши въ украшеніи и освѣщеніи святыхъ.—Запрещеніе процессій и паломничествъ.—Распоряжанія о погребеніи умершихъ.—Отношеніе народа къ этимъ распоряженіямъ церковно-богослужебнаго характера.

e) **Вѣротерпимость**—Распоряженія Іосифа въ этой области до патента о вѣротерпимости.—Происхожденіе послѣдняго, текстъ, обнародованіе по разнымъ провинціямъ.—Ближайшее разъясненіе его позднѣйшими распоряженіями.—Организація церковнаго дѣла протестантовъ и реформатовъ при Іосифѣ II.—Положеніе православныхъ не-уніатовъ.—Положеніе евреевъ.—Отношеніе Іосифа къ деистамъ и другимъ сектантамъ . . . . . 103—195.

Глава V.

Отношеніе къ церковной реформѣ Іосифа II современниковъ.

Реакція церковной реформѣ Іосифа.—Кардиналъ-архіепископъ Мигацци. Представленіе его противъ прекращенія связи монашескихъ орденовъ съ иноземными генералами.—Впечатлѣніе въ Римѣ отъ этого распоряженія и «Placetum regium». Мѣры папы.—Представленіе Мигацци противъ закрытія монастырей.—Поведеніе папы.—Нота нунція гр. Гарампи и отвѣтъ на нее Кауница.—Переписка съ Іосифомъ Трирскаго архіепископа, Клемента Венцеля.—Продолженіе оппозиціи Іосифовскимъ распоряженіямъ со стороны Мигацци.—Представленіе его о запрещеніи «Specimen Monachologiae» Борна.—Сторонники взглядовъ Мигацци въ католической іерархіи.—Гёрцскій архіепископъ, гр. Эдлингъ.—Переписка папы съ Іосифомъ по поводу его церковной реформы. Поѣздка папы въ Вѣну и ея результаты.—Путешествіе въ Римъ императора.—Анонимныя брошюры и пасквили на императора и отношеніе его къ нимъ.—Нидерландская революція.—Венгерскіе безпорядки.—Отмѣна Іосифомъ реформы въ Тиролѣ.—Сочувствіе къ церковной реформѣ императора: пастырскія посланія Гая, Кёниггрецкаго епископа; Карла Гербершгейна Лайбахскаго; Ауершперга Гурскаго; Іеронима Зальцбургскаго; Шпаура Бриксенскаго, Керенса Нейштадтскаго и итальянскихъ епископовъ—Падуи, Фельтре, Вероны и Мантуи.—Отношеніе къ реформѣ Іосифа въ современной ему литературѣ.—Эмсскій конгрессъ . . . . . 196—371.

Глава VI.

Стр.

Итоги церковной реформы Іосифа II.

Неудача реформы Іосифа.—Различные взгляды ученыхъ на его реформу.—Итоги церковной реформы.—Причина неудачи реформы.—Матеріальный и духовный прогрессъ Австріи за время царствованія Іосифа и историческое значеніе его преобразованій . 372—381

Алфавитный личный указатель . . . . . 382—392

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно читать.
XII	19 снизу	gegründe,	gegründete,
XXV	12 сверху	Рима.	Риму.
10	1 снизу	expere)	expiere)
14	9 сверху	дѣла своихъ	дѣла не своихъ
20	3 сверху	епископами.	епископами,
—	20 —	нѣчто и доселѣ	нѣчто новое и доселѣ
21	10 снизу	созданные	созванные
24	10 -9 снизу	митрополи-товъ	митрополитъ
—	4 —	что̀ необходимо	что̀ не необходимо
25	4 —	возникшихъ,	возникшихъ
—	15 —	но недостатку	по недостатку
26	5 сверху	предоставленія	представленія
37	5 —	Юстіана	Юстиніана
39	11 —	К	J-c
40	18 —	Francesantonio	Francescantouio
45	9 —	престолу церкви.	престолу и церкви.
47	прим. 5)	Въ мѣстѣ	Вмѣстѣ
52	10 снизу	картина	каргина“
—	9 —	членахъ“ злоупотребленій	членахъ „злоупотребленій
53	12 сверху	полліумы	палліумы,
66	13 —	Швейцаріи	Швейцарію.
78	15 —	его, одновременно	одновременно.
85	7 —	центрѣ,	цензурѣ,
—	6 снизу	іозефонизмомъ.	іозефинизмомъ.
124	15 —	закрытій	закрытія
131	6 сверху	мессы	мессы,
—	14 —	Horbuchhaltung	Hofbuchhaltung
134	13 снизу	отвѣчаетъ	отвѣчаютъ
138	17 сверху	братства	братствъ
—	10 снизу	которыя	которые
152	3 —	они	онѣ
164	9 сверху	*спѣтно*	*спѣшно*
—	2 снизу	esetze	Gesetze
172	21 —	вызвавшіяся	вызывавшіяся
183	прим. 4)	22	252
197	6 снизу	безпокоющимъ епископокъ.	безпокойнымъ епископомъ
202	14 —	которое	которые
206	6 —	„in	„In
207	прим. 3)	—323). Это	—323) это
221	8 снизу	подчеиіи	подчиненіи
256	17 —	закрутыхъ	закрытыхъ
258	19 —	и мператору	императору
282	1 —	убивъ,	убивъ
284	4 сверху	доспотизмъ	деспотизмъ
287	9 —	Краумпинепъ	Крумпинепъ
289	15 снизу	кака	какъ
294	—	Венгіи.—	Венгріи.—
296	12 сверху	языкамъ,	языкомъ,
298	13 снизу	комитетамъ	комитатамъ
302	4 сверху	непосредствен-	неприкосновен-
304	6 снизу	отпуская	опуская
339	10 сверху	честныхъ	частныхъ
363	1 —	удостоило	удостоилъ
366	19 снизу	Вельденфельсомъ	Вальденфельсомъ

ВВЕДЕНІЕ.

Въ исторіи цивилизованныхъ народовъ бываютъ эпохи расцвѣта умственной жизни, эпохи широкаго распространенія и всеобщаго господства новыхъ идей, радикально реформирующихъ весь строй жизни. Одною изъ такихъ эпохъ было время Іосифа II, вторая половина XVIII в., извѣстная въ исторіи подъ именемъ эпохи „просвѣщенія".

Толчекъ къ умственному движенію былъ данъ изъ Англіи, но развилось оно и отлилось въ опредѣленныя формы во Франціи. Здѣсь во главѣ его стали Вольтеръ и энциклопедисты съ выдающимися представителями въ лицѣ Дидро, д'Аламбера, Гельвеція и Руссо. Первый съ исто-галльскимъ остроуміемъ въ очень изящной формѣ съ безпощаднымъ сарказмомъ напалъ на все, доселѣ всѣми считавшееся самымъ святымъ и, разрушая старое, сложившееся вѣками, проложилъ дорогу новымъ идеямъ: предоставляя другимъ созидающую работу, онъ оставилъ себѣ одну разрушающую, отрицательную. Строить новое зданіе на развалинахъ стараго взялись энциклопедисты, взялись усердно и работали съ большимъ успѣхомъ. Ихъ идеи достаточно всѣмъ извѣстны, такъ что мы не считаемъ нужнымъ входить здѣсь въ подробное изложеніе ихъ. Egalité, fraternité, liberté, отрицаніе личнаго христіанскаго Бога во имя новаго идола-разума—вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ихъ profession de foi. Они громко ратовали противъ сословныхъ привиллегій, національныхъ предразсудковъ, выступая поборниками правъ человѣка, какъ человѣка, независимо и безотносительно къ его происхожденію и національности. Проповѣдуя гуманныя идеи, они стояли за реформу въ духѣ гуманности всего законодательства въ соціальной и криминальной сферахъ. Ненормальныя соціальныя отношенія между различными классами общества, невѣжество массы, суевѣрія и религіозные предразсудки—вотъ, по мнѣнію руководителей этого новаго движенія, тормазы прогресса человѣчества. Возстановить естественныя права человѣка, попиравшіяся вѣками, въ этомъ смыслѣ пересоздать соціальный строй, свѣтомъ просвѣщенія разсѣять густой мракъ умственнаго и религіознаго невѣжества и, какъ

естественный результатъ послѣдняго, нравственной испорченности—задача истинной цивилизаціи, содѣйствовать осуществленію ея—долгъ всякаго правительства, не желающаго упадка своей страны.

Такія идеи французскихъ энциклопедистовъ XVIII в. быстро разнеслись далеко за предѣлы Франціи, завоевали себѣ почетное мѣсто во всѣхъ странахъ Европы и оказали могущественное вліяніе на ихъ жизнь, хотя оно не вездѣ сказалось въ одинаковыхъ формахъ, сообразно съ различіемъ мѣстныхъ условій. Подъ ихъ воздѣйствіемъ Европа какъ бы встрепенулась; во всѣхъ ея странахъ началась какая-то лихорадочная жизнь, жизненный пульсъ забился чаще. Даже самыя отсталыя страны ея не остались въ сторонѣ отъ этого общаго движенія.

Одною изъ такихъ отсталыхъ европейскихъ странъ въ XVIII в. безспорно была Австрія: отъ передовыхъ государствъ, въ родѣ Франціи и Англіи, въ это время ее отдѣляла пропасть не въ одно столѣтіе. Вѣковое сѣяніе католическаго духовенства съ инквизиціей и іезуитами принесло свой плодъ сторицею; Габсбурги твердо держались старыхъ традицій, при дворѣ господствовалъ испанскій этикетъ со всею его смѣшной чопорностью и обрядностью; напыщенные царедворцы и коварные іезуиты свили себѣ теплое гнѣздо у трона.

Но новыя идеи проникли и въ Австрію. Вліяніе ихъ стало сказываться еще въ царствованіе Маріи-Терезіи [1]), особенно во вторую половину его. Кн. Кауницъ, ванъ-Свитенъ, Мартини, гр. Блюмегенъ, бар. Крезель, бар. Зонненфельсъ, Риттеръ и, наконецъ, самъ Іосифъ, со времени избранія римскимъ императоромъ и вступленія въ соправительство съ матерью [2]), получившій нѣкоторое вліяніе на теченіе государственной жизни,—вотъ главныя лица изъ окружавшихъ Марію-Терезію, настроенныя въ духѣ новыхъ идей и старавшіяся провести ихъ въ жизнь. И ихъ усилія въ этомъ направленіи не остались тщетными, хотя и парализовались, съ одной стороны, всѣмъ духовнымъ складомъ и убѣжденіями самой императрицы, а съ другой—сильной при ея дворѣ клерикально-іезуитской партіей во главѣ съ вѣнскимъ архіепископомъ, гр. Мигацци.

Положеніе дѣла измѣнилось съ того дня, какъ Іосифъ II выступилъ на тронѣ въ роли самостоятельнаго государя по смерти матери. Ему не удалось въ свое время получить правильнаго систематическаго образованія въ духѣ новыхъ идей, недостатокъ его онъ восполнилъ уже въ юношескихъ и зрѣлыхъ годахъ самообразованіемъ, путемъ изученія произведеній модныхъ французскихъ писателей и ближайшаго знакомства съ народной и государственной жизнью лицомъ къ лицу во время своихъ почти постоянныхъ путешествій изъ одного конца австрійской имперіи и Европы въ другой. Новыя идеи оказали на него, несомнѣнно, глубокое, неизгладимое вліяніе, но не поработили его: онъ оказался выше ихъ, съумѣлъ въ нихъ разобрать-

[1]) Съ 20 окт. 1740 г.—29 нояб. 1780 г.

[2]) 27 марта 1764 года былъ избранъ и 3 апрѣля того же года коронованъ во Франкфуртѣ.

ся. Можно было ждать, что одна крайность смѣнитъ другую,—что опротивѣвшій ему придворный іезуитскій католицизмъ и ханжество матери толкнутъ его если не въ атеизмъ французскихъ философовъ, то, по крайней мѣрѣ, въ индифферентизмъ. Ультрамонтанскіе писатели и представляютъ Іосифа или прямымъ атеистомъ, или человѣкомъ индифферентнымъ къ религіи, мѣрившимъ и ее на государственный аршинъ. Но это клевета на Іосифа, онъ былъ и остался до конца своей жизни добрымъ католикомъ. Отрицательные взгляды Вольтера вызывали въ немъ отвращеніе, онъ не любилъ этого философа и не допустилъ распространенія нѣмецкаго перевода его сочиненій въ Австріи, несмотря на усвоенную имъ систему свободы печати. Единственно, что онъ заимствовалъ изъ новыхъ взглядовъ,—была гуманность, мягкій взглядъ на человѣка, какъ таковаго, независимо отъ его соціальнаго положенія, и желаніе принести государству посильную пользу, желаніе, переходившее у него въ страсть. Отсюда вытекали всѣ его гражданскія и церковныя реформы и въ этомъ только смыслѣ его можно съ полнымъ правомъ назвать сыномъ своего вѣка, „дитятею просвѣщенія“. При свѣтѣ новыхъ идей онъ ясно увидѣлъ и отсталость Австріи и причины этой отсталости. Человѣкъ энергичный, крайне горячій, нервный, увлекающійся, онъ немедленно желалъ бы взяться за переустройство имперіи въ новомъ духѣ, но у него связаны были руки матерью, соправителемъ которой ему пришлось такъ долго быть. Стоитъ прочитать его письма за это время къ матери и брату Леопольду, чтобы понять его духовныя мученія: онъ видѣлъ вопіющее зло, возмутительную несправедливость и не могъ бороться съ ней, такъ какъ мѣшала мать; имъ овладѣвало по временамъ отчаяніе и онъ, не надѣясь сдѣлать ничего хорошаго, не разъ просилъ мать уволить его отъ соправительства.

Наконецъ, Іосифъ II сталъ самостоятельнымъ государемъ и получилъ возможность примѣнить къ дѣлу свои взгляды. Съ первыхъ же дней выступленія его въ новой отвѣтственной роли начинается лихорадочная дѣятельность, окончившаяся лишь съ послѣднимъ его вздохомъ. Австрійская имперія много страдала отъ своей „разнонаціональности“ [1]), она представляла собою пестрый конгломератъ различныхъ частей, несвязанныхъ между собою ничѣмъ, кромѣ государя,—ни языкомъ, ни вѣрою, ни государственными и общественными учрежденіями, ни, иногда, даже географическимъ положеніемъ (напр., Нидерланды). Дворянство и духовенство были привиллегированными сословіями. Эти два класса общества, сильные имущественными владѣніями, составляли въ нѣкоторомъ смыслѣ государство въ государствѣ: дворяне, занимая всѣ административныя должности, не подчинялись обычнымъ судамъ, а духовенство съ безчисленнымъ множествомъ монастырей всевозможныхъ орденовъ стояло въ прямой зависимости отъ Рима и на него работало, высасывая послѣдніе

[1]) При 22 милліонахъ населенія въ Австріи было въ это время 15 народностей. («Краткое начертаніе жизни импер. Іосифа II». «Политическій журналъ» 1790 г., мартъ, 349).

соки изъ забитаго, невѣжественнаго народа. Послѣ не очень многочисленнаго и сравнительно обезпеченнаго класса горожанъ, купцовъ и ремесленниковъ стояли крѣпостные крестьяне, одичавшіе подъ вѣковымъ гнетомъ дворянства и духовенства. Католическое духовенство съ инквизиціей и іезуитами раздувало въ правовѣрныхъ членахъ римской церкви нетерпимость и фанатизмъ. Эти черты характеризуютъ династію Габсбурговъ, усердно работавшую, по іезуитскому принципу, ad majorem Dei gloriam. Безпросвѣтное невѣжество, грубость, фанатичная нетерпимость, крайняя забитость и нравственный упадокъ—вотъ чѣмъ въ подавляющемъ большинствѣ характеризовалась австрійская имперія при Габсбургахъ до половины XVIII в. Іосифъ II поставилъ цѣлью своего правленія—подъемъ австрійской имперіи на одинъ уровень съ передовыми европейскими державами, его мечтой было—создать изъ Австріи единую сильную монархію и національную церковь, независимую отъ папы и служащую государству. Для выполненія поставленной имъ самимъ себѣ задачи онъ возвелъ въ оффиціальный языкъ нѣмецкій; ввелъ во всѣхъ частяхъ имперіи однообразное государственное устройство и законодательство, подчинивъ послѣднему и привиллегированныя сословія; отмѣнилъ крѣпостное право; старался о распространеніи просвѣщенія въ болѣе здравой формѣ и широкихъ размѣрахъ, чѣмъ было до него; ограничилъ вліяніе Рима на австрійскую церковь; старался поставить послѣднюю въ зависимость отъ правительства; призналъ терпимыми въ государствѣ послѣдователей аугсбургскаго, гельветическаго и восточно-православнаго исповѣданій; закрылъ значительное количество монастырей и конфискованныя имущества ихъ обратилъ въ пользу основаннаго имъ „религіознаго фонда“; взялъ въ руки правительства образованіе духовенства и, наконецъ, старался устранить въ церковной сферѣ всевозможныя аномаліи. Все это онъ дѣлалъ своей собственной властью, не обращая вниманія на національныя и сословныя привиллегіи и предразсудки, на уровень развитія своего государства. Австрія не была подготовлена къ такой радикальной реформѣ, Іосифъ II насильственно толкнулъ ее и велъ по этой дорогѣ цивилизаціи. Естественно, отъ непривычной высоты у нея закружилась голова и она упиралась, не хотѣла идти впередъ, несмотря на всѣ усилія просвѣщеннаго монарха, родившагося, по крайней мѣрѣ, цѣлымъ столѣтіемъ раньше, чѣмъ слѣдовало, по развитію государства. Своей реформой онъ неизбѣжно долженъ былъ чувствительно задѣть національные, сословные и, наконецъ, личные интересы сильныхъ міра сего. Отсюда протестъ противъ его реформы, протестъ систематическій, горячій, страстный и энергичный, такъ что подъ конецъ 9-ти-лѣтней неутомимой работы Іосифу II пришлось своими руками разрушать зданіе, построенное съ такимъ трудомъ и, можно сказать, съ такими муками и, что всего тяжелѣе, при полномъ сознаніи его правильности и пользы. Ему пришлось увидѣть предъ смертью, какъ любимая имъ имперія снова пошла назадъ, проклиная то, чему онъ всю жизнь молился и служилъ.

Какъ одинъ изъ энергичныхъ государей эпохи „просвѣщенія“, своей реформой коснувшійся всѣхъ сторонъ государственной жизни и затронувшій интересы цѣлыхъ націй и сословій, Іосифъ II не могъ не привлекать на себя вниманія прежде всего своихъ современниковъ, а потомъ и послѣдующихъ ученыхъ. Поэтому на разныхъ языкахъ существуетъ богатая литература какъ вообще относительно Іосифа II, такъ въ частности и касательно его церковной реформы. При свободѣ печати, принятой Іосифомъ II, всѣ его реформы немедленно по выходѣ въ свѣтъ высочайшихъ распоряженій, указовъ, рескриптовъ и т. п., а часто и до появленія послѣднихъ, становились предметомъ обсужденія въ современной ему періодической печати, а также и въ различныхъ брошюрахъ и книжкахъ, которыми была запружена въ то время Вѣна, не говоря уже о заграничныхъ изданіяхъ. Одни серьезно обсуждали высочайшія распоряженія, другіе писали восторженные панегирики имъ, третьи, чьи интересы вслѣдствіе нововведеній страдали, писали анонимные пасквили. Конечно, для занимающагося въ наше время изслѣдованіемъ реформы Іосифа вообще, или только церковной, не лишне знакомство съ этой современной послѣднему, большею частью, подпольной и анонимной литературой. Но, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, это знакомство не можетъ быть полнымъ даже у занимающагося этимъ вопросомъ заграницею, а тѣмъ болѣе у русскаго, живущаго въ провинціальномъ городѣ, когда этой литературы нельзя достать даже въ нашихъ столичныхъ книгохранилищахъ. Благодаря любезности высокочтимаго профессора Ивана Егоровича Троицкаго, отъ котораго всецѣло зависитъ появленіе въ свѣтъ нашей книги, намъ удалось ознакомиться съ 13 произведеніями, современными Іосифу, авторы которыхъ обсуждаютъ его церковную реформу.

Впрочемъ, эта современная литература не имѣетъ особенно важнаго значенія для изслѣдованія нашего вопроса. Гораздо важнѣе для него ученая литература предмета, крайне обширная, особенно въ виду широты реформы Іосифа II. Имѣть всю ее подъ руками для русскаго изслѣдователя невозможно даже физически. Но, благодаря многоуважаемому профессору Ивану Егоровичу Троицкому, выславшему намъ главную литературу изъ своей богатой библіотеки, и поѣздкѣ въ С.П.Б., мы имѣли возможность воспользоваться почти всѣми существенно необходимыми источниками и пособіями. Мы говоримъ почти всѣми, такъ какъ нѣкоторыхъ у насъ не было и даже изъ тѣхъ, которыми можно-бы было воспользоваться, живя въ С.П.Б.: долго жить въ послѣднемъ, кромѣ лѣтняго каникулярнаго времени, мы не имѣли возможности по своему служебному положенію, а лѣтомъ библіотеки нѣкоторыхъ учрежденій (напр., богатая юридическая библіотека бывшаго Втораго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи) закрыты.

Всякое историческое изслѣдованіе особенную цѣнность имѣетъ тогда, когда оно основывается на документальномъ изученіи предмета, когда ученый пользуется архивными, неизданными дотолѣ матеріалами. Такое документальное изученіе и изслѣдованіе Терезіано-Іоси-

фовской эпохи въ Австріи началось лишь съ половины нашего столѣтія: съ этого времени началось изданіе документовъ, раньше хранившихся во всевозможныхъ архивахъ, и стали появляться ученыя изслѣдованія по архивнымъ даннымъ. Съ теченіемъ времени до нашихъ дней такая литература все ростетъ и соотвѣтственно падаетъ значеніе всей предшествовавшей ученой литературы, основывающейся на печатныхъ матеріалахъ. За вторую половину нашего вѣка много свѣта пролито такими изданіями и изслѣдованіями на занимающій насъ вопросъ, хотя многаго остается еще ждать.

Особенно много сдѣлалъ для этой эпохи Альфредъ фонъ-Арнетъ, въ настоящее время президентъ Пештской академіи наукъ и библіотекарь Haus-Hof-und Familien-Archiv австрійскаго императора, какъ изданіемъ матеріаловъ, такъ и научной обработкой ихъ. За нимъ послѣдовали Бееръ, Адамъ и Жерсонъ Вольфы, баронъ Гоккъ и Бидерманнъ, Мейнертъ, Бруннеръ, Ранке, Кронесъ, Цвидинекк-Зюденгорстъ, Франкъ и друг. Въ Россіи Императорское русское историческое общество, издавая переписку Екатерины II съ Гриммомъ, содѣйствовало до извѣстной степени разработкѣ на почвѣ архивныхъ данныхъ вопроса объ отношеніяхъ Россіи къ Іосифу II. Покойный С. М. Соловьевъ по этому вопросу также пользовался русскими архивными матеріалами (въ XXVIII т. своей исторіи, 4-мъ царств. Екатерины II). Наконецъ, много пользовался драгоцѣннымъ матеріаломъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ профессоръ Трачевскій для своего изслѣдованія „Союзъ князей“ [1]).

Всю литературу по нашему вопросу, бывшую въ нашемъ распоряженіи, мы дѣлимъ на двѣ группы: I., источники и II., пособія, а каждую изъ нихъ въ частности опять на двѣ: I,1 иностранные источники и I,2 русскіе источники и II,1 иностранныя пособія и II, 2 русскія пособія.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію литературы вопроса по указаннымъ группамъ, считаемъ необходимымъ сдѣлать общее замѣчаніе о положеніи нашего вопроса въ русской оригинальной литературѣ: если на западѣ литература по этому вопросу очень богата, то у насъ, можно сказать, ея почти совсѣмъ не существуетъ.

I. Источники.

I. 1) Иностранные.

I. Acta in consistorio secreto, habito a sanctissimo Domino nostro Pio divina providentia papa sexto Feria VI Decembris MDCCLXXVIII. Solemni Dominicae Nativitatis die statim post missam pontificalem in basilica vaticana prope B. M. V. de Columna et s. Leonis Magni altaria, qui locus nunc pro sacrario

[1]) «Союзъ князей», предисл., IV.

est, nondum novo, quod construitur, absoluto.—Juxta exemplar Romanum MDCCLXXVIII. Ex typographia Camerae Apostolicae.—Monachii.—Другой экземпляръ этихъ-же „Acta“ ex typographia Reverendae Camerae Apostolicae.—Кромѣ того, эти „Acta“ перепечатаны въ „Commentarius in suam retractationem“ Февронія (по изданію во Франкфуртѣ на Майнѣ 1781 г. p. p. 243—296).—Это—изданные римской куріей акты тайной консисторіи въ день Р. Хр. 1778 г., по поводу отреченія Николая Гонтгейма, Трирскаго викарія, отъ своей книги, изданной подъ псевдонимомъ Юстина Февронія. Начинаются они рѣчью папы къ членамъ консисторіи (p.p. 3—5, по первому экземпляру, Майнцскаго изданія). Далѣе содержится письмо Трирскаго курфирста и архіепископа, Клемента Венцеля отъ 15 ноября 1778 г. къ папѣ Пію VI о томъ, какъ онъ довелъ своего викарія Гонтгейма до сознанія неправоты и отреченія отъ изданной имъ зловредной книги (p.p. 5—8). Потомъ слѣдуетъ письмо къ папѣ самого Гонтгейма отъ 1-го ноября того-же года (p.p. 8—17). Далѣе письма папы Пія VI къ обоимъ—Клементу Венцелю (p.p. 17—21) и Николаю Гонтгейму (p.p. 21—24) отъ 19 декабря 1778 г.—Заканчиваются „акты“ рѣчью папы (p.p. 25—28).

При перепечаткѣ этихъ „Acta“ въ „Commentarius in suam retractationem“ Февронія имъ предпослано посланіе послѣдняго къ клиру и народу Трирской архіепископіи отъ 3 февраля 1779 года (p.p. 244—249), по поводу этого отреченія его отъ своего произведенія; въ концѣ же этихъ „Acta“ (p.p. 294—296) прибавлено папское бреве отъ 2 января 1779 г. на имя Трирскаго архіепископа, въ которомъ папа, препровождая ему 2 экз. этихъ „Acta“, изъ которыхъ одинъ предназначенъ ему, а другой Гонтгейму, разсказываетъ Клементу Венцелю о тайной консисторіи, по поводу отреченія Гонтгейма, и о радости и огромномъ стеченіи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ церкви, вслѣдствіе этого событія.

2. Arneth, Alfred Ritter von. Joseph II und Leopold von Toscana. Ihr Briefwechsel von 1781 bis 1790. Wien, 1872. I—II.

А. Арнетъ болѣе всѣхъ ученыхъ поработалъ для эпохи Маріи-Терезіи и Іосифа II: только съ выходомъ въ свѣтъ изданныхъ имъ переписокъ и документовъ стало возможнымъ дѣйствительно научное изслѣдованіе этого времени. Онъ представляетъ собою такую крупную ученую силу, что ему вполнѣ вѣрятъ даже ультрамонтанскіе писатели. Такъ, С. Бруннеръ считаетъ его признаннымъ авторитетомъ для этой эпохи и на основаніи его показанія отрицаетъ подлинность нѣкоторыхъ писемъ Іосифа II, изъ изданныхъ впервые вскорѣ послѣ его смерти въ вѣнской университетской библіотекѣ („Neu gesammelte Briefe von Joseph II, Kaiser d. Deutschen. Konstantinopel, gedruckt in d. geheimen Hofbuchdruckerei) и позднѣе (въ 1821 и 1846 г.г.)

дважды переизданныхъ Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ[1]). Между тѣмъ этими письмами, какъ подлинными, пользуется большинство ученыхъ, въ томъ числѣ и проф. Трачевскій[2]).

Поименованные выше два тома изданія А. Арнета представляютъ собою переписку Іосифа II съ братомъ своимъ, въ то время Тосканскимъ герцогомъ, а впослѣдствіи австрійскимъ императоромъ, Леопольдомъ съ 3 января 1781 г. по 24 февраля 1790, или вѣрнѣе, по 8 февраля; такъ какъ этимъ числомъ датировано послѣднее письмо Іосифа къ Леопольду, а 24-мъ помѣчено письмо Леопольда, написанное уже спустя 4 дня по смерти Іосифа. Письма Іосифа и отвѣты на нихъ Леопольда расположены въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ на французскомъ языкѣ. Первому тому издатель предпослалъ обширное предисловіе (p.p. III—LXIX), а въ приложеніи помѣстилъ произведенія Іосифовскаго пера: I) Déduction de l'état dans lequel se trouve la question de l'établissement future de l'Archiduc François. 19 февраля 1781 г. (p.p. 323—328). II) Réflexions sur le future établissement de l'Archiduc François de Toscane avec la Princess Elisabeth de Württemberg (p.p. 328—332). III) Description des circonstances qui accompagnent les voyages et les goûts de L. L. A. A. I. I. le Grand Duc et la Grand—Duchesse de Russie. (p.p. 332—339). IV) Description de la Princesse Elisabeth de Württemberg. (p.p. 339—343). V) Points de réflexions au sujet de l'Archiduc François. (p.p. 344—355).—Въ приложеніи ко 2-му тому помѣщены „Note de S. M. l'Empereur Joseph sur la campagne de l'année 1788. (p.p. 325—354).—Оба тома снабжены указателемъ именъ

Нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ Арнетомъ, что внутреннія дѣла австрійской имперіи, гдѣ особенно обнаруживалась реформаторская дѣятельность Іосифа II, въ этой перепискѣ обсуждаются гораздо рѣже и меньше семейныхъ событій и политическихъ отношеній. Правда, императоръ постоянно извѣщалъ брата обо всѣхъ принятыхъ имъ мѣрахъ и сдѣланныхъ распоряженіяхъ, но эти сообщенія ограничивались, большею частью, пересылкой соотвѣтственныхъ оффиціальныхъ указовъ, безъ обсужденія ихъ содержанія, лишь изрѣдка встрѣчаются въ письмахъ замѣчанія о мотивахъ къ извѣстнымъ мѣрамъ, о встрѣтившихся затрудненіяхъ къ приведенію ихъ въ исполненіе и о достигнутыхъ результатахъ. [3]) Церковной реформѣ въ этихъ замѣчаніяхъ удѣляется важное мѣсто. Въ общемъ, эта переписка очень важна для характеристики какъ Іосифа, такъ и Леопольда.

3. Онъ же. Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel, herausgegeben von A. von Arneth. Wien 1869.

Извѣстно, что при Іосифѣ II произошелъ поворотъ въ иностранной политикѣ Россіи: послѣдняя отвернулась отъ Пруссіи и вступи-

[1]) Brunner, S. «D. theologische Dienerschaft.» 517—518 ср. Vorwort, 3.
[2]) «Союзъ князей». 17, пр. I.
[3]) XXX—XXXI.

ла въ союзъ съ прежнимъ непримиримымъ врагомъ своимъ, Австріей. Эта переписка Іосифа II съ Екатериной II, начинающаяся письмомъ послѣдней къ Іосифу отъ 26 мая 1774 г., оканчивается письмомъ Іосифа къ ней отъ 16 февраля 1790 г. Кромѣ предисловія (p.p. III—XXIV), въ приложеніи къ этой перепискѣ (p.p. 351—376) помѣщены письма Іосифа II къ фельдмаршалу гр. Ласси о своемъ путешествіи въ Херсонъ и Крымъ въ 1787 г.—Всѣ письма на французскомъ языкѣ. Указателя нѣтъ. Приложены факсимиле Іосифа II и Екатерины II.—Эта переписка очень важна для изученія взаимныхъ отношеній Австріи и Россіи за данный періодъ времени. Кромѣ того, въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ II Іосифъ мимоходомъ касается и своихъ церковныхъ распоряженій. По нимъ же можно правильно судить о настроеніи императора во время Нидерландскихъ безпорядковъ и по окончаніи ихъ отпаденіемъ Нидерландовъ отъ Австріи.

4. Онъ-же. Maria-Theresia und Joseph II. Ihre correspondenz. Wien, 1867—1868. I—II—.Трачевскій называетъ эту переписку „безцѣнной въ психологическомъ отношеніи“ и „особенно любопытными“ находитъ I, 192—362 и II, 5—161[1]). Но этого мало. Эта переписка имѣетъ и очень важное значеніе историческое,—только при ея освѣщеніи можно нарисовать правильный портретъ Іосифа во весь ростъ за время его соправительства съ матерью. Здѣсь у насъ документальное свидѣтельство различія во взглядахъ между коронованными матерью и сыномъ и вытекавшей изъ этого различія постоянной борьбы между послѣдними, часто принимавшей очень рѣзкія формы.

5. Кромѣ поименованныхъ изданій Арнета и его десяти-томной „Исторіи Маріи-Терезіи“, о которой мы скажемъ ниже, историческая наука обязана ему драгоцѣнными изданіями и другихъ матеріаловъ для этой-же эпохи. Такъ, онъ принималъ и продолжаетъ принимать участіе въ изданіи ихъ Вѣнской академіей наукъ подъ заглавіемъ „Fontes rerum Austriacarum herausgegeben von d. Wiener Akademie d. Wissenschaften“ v. Arneth. Въ XXII томѣ этихъ «Fontes» помѣщены изданныя Арнетомъ: «Die Relationen d. Botschafter Venedigs über Oesterreich im achtcehnten Jahrhundert. Nach d. Originalien herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth». Wien, 1863. Между прочими „реляціями“ венеціанскихъ посланниковъ здѣсь помѣщена „реляція“ Даніеля Дольфина 1793 г. [2]), содержащая характеристику Іосифа II. Послѣдняя блѣдна, хотя авторъ очень симпатизируетъ личности и дѣятельности покойнаго императора.—Къ церковной реформѣ Іосифа II эти дипломатическіе документы отношенія не имѣютъ.

6. Avis aux princes catholiques, ou Mémoires de canonistes célèbres, sur les moyens de se pourvoir contre les refus injustes de la Cour de Rome, soit pour les Bulles des Prélatures,

---

[1]) L. c., 13, прим. 2.
[2]) 326—328.

soit pour les Dispenses des empêchements dirimans. Ouvrage composé en partie par ordre du Conçeil de Régence, en 1718. I—II. MDCCLXVIII.

Происхожденіе этой книги таково. Въ малолѣтство Людовика XV во Франціи многіе изъ ея епископовъ отказались принять извѣстную буллу, на которую потомъ королемъ было наложено молчаніе. Папа Климентъ XI воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы отплатить за этотъ отказъ епископовъ. Когда въ 1716 г. французскій дворъ представилъ папѣ для посвященія въ епископы троихъ аббатовъ, онъ, по секретнымъ свѣдѣніямъ, отвергъ свидѣтельства объ ихъ способностяхъ и нравственности, хотя они были сдѣланы вполнѣ по конкордату и самъ нунцій принялъ ихъ и послалъ въ Римъ съ своимъ отдѣльнымъ одобреніемъ. Папскій отказъ продолжался два года (1716—1718). Такъ какъ за это время со дня на день увеличивалось число вакантныхъ прелатуръ, то регентъ, герцогъ Орлеанскій, назначилъ комиссію для разбора этого дѣла (2 мая 1718 г.). Въ составъ ея вошли д'Аржансонъ, государственный канцлеръ, де-Вилльруа и д'Гюкселль, французскіе маршалы, герцогъ де Сенъ-Симонъ, герцогъ д'Антэнъ и маркизъ де-Торси. Предметъ ея разсужденій былъ раздѣленъ на 9 членовъ, изъ которыхъ главными были: не противорѣчитъ-ли отказъ папы конкордату, какими средствами заставить его отступить и какія принять мѣры для защиты противъ Рима, въ случаѣ ихъ нужды. Для рѣшенія этихъ вопросовъ члены коммиссіи пригласили извѣстныхъ богослововъ и канонистовъ. Изъ богослововъ были: аббатъ Птипье, Дюпэнъ, Бурсье, Ганнекэнъ, всѣ трое доктора Сорбонны; Ле-Гро, Реймсскій каноникъ докторъ богословія, Шевалье, великій викарій Мо, де-Лятуръ, Диге́, аббатъ де-Лёнгерю, аббатъ Беро; изъ канонистовъ: Ле-Мерръ отецъ, Нуэ, Арро и Капонъ; другіе ученые прислали плоды своихъ трудовъ по этому вопросу (аббатъ Жиберъ, богословъ и канонистъ вмѣстѣ). Когда эти ученые представили свои мемуары по данному вопросу и было рѣшено подражать торжественному протесту испанскаго министра по дѣлу Севильскаго архіепископа, маршалъ д' Гюкселль написалъ о. Лаффито, посланному въ Римъ по этому дѣлу, что Франція, по примѣру самыхъ цвѣтущихъ вѣковъ церкви, готова посвятить епископовъ безъ буллъ; причемъ прибавилъ, что и теперь есть въ Германіи католическіе епископы, не требующіе папскихъ буллъ, каковы Вистбургскій и прелаты, зависящіе отъ Страссбургскаго митрополита, и что одну и ту же практику нельзя считать католическою въ Германіи и схизматическою во Франціи. Это представленіе подѣйствовало: 15 мая прибылъ въ Парижъ папскій курьеръ, извѣстившій, что папа въ первой консисторіи приметъ всѣхъ назначенныхъ королемъ лицъ [1]).

Въ двухъ частяхъ поименованныхъ выше „Avis“ помѣщено 16 мемуаровъ по данному вопросу. Первые 11—тѣ, которые были при-

[1]) Avertissement, I- XII.

сланы въ комиссію; въ подлинности ихъ можно быть увѣреннымъ, хотя многіе изъ нихъ безъ имени авторовъ. Это—мемуары: 1) Ле-Мерра (I, 1—74); 2) Дюпэна (I, 75—92); 3) безъименный (I, 93—144); 4) Ле-Гро (I, 145—230); 5) Пуже, доктора Сорбонны (I, 231—348); 6) Ле-Гро (I, 349—374); 7) анонимный (II, 1—52); 8) тоже (II, 53—90); 9) доктора богословія и права въ университетѣ Э, извѣстнаго канониста, Жибера (II, 91—115); 10) аббата Шевалье (II, 116—158); 11) анонимный (II, 159—162). Остальные 5 мемуаровъ не менѣе важны. 12-й—мнѣніе 19 докторовъ Сорбонны о томъ, что папскія буллы не безусловно необходимы для посвященія епископовъ (II, 163—180). 13-й мемуаръ принадлежитъ перу Бурсье, котораго министръ де-Торси спрашивалъ (въ 1718 г.) о средствахъ давать разрѣшеніе брачныхъ препятствій, въ случаѣ полнаго разрыва съ папскимъ дворомъ изъ-за пустыхъ difficultés (II, 181—196). Три остальныя статьи [14-я извѣстнаго ванъ Эспена (II, 197—213), 15-я де-ля Шалоте́ (II, 214—240), 16-я—Прево (II, 241—351] касаются одного и того же предмета и въ сложности представляютъ полное доказательство права епископовъ относительно разрѣшеній, предоставленныхъ папѣ продолжительной практикой и чрезмѣрной снисходительностью. Въ подтвержденіе текста мемуаровъ издатель снабдилъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ примѣчаніями изъ новѣйшихъ писателей, по большей части, неподозрительныхъ для римскаго двора. Для отличія этихъ издательскихъ примѣчаній отъ примѣчаній, сдѣланныхъ самими авторами или другими лицами, они поставлены въ скобкахъ. Въ концѣ перваго и четвертаго мемуаровъ помѣщено нѣсколько важныхъ извлеченій, имѣющихъ отношеніе къ событіямъ, упомянутымъ въ текстѣ этихъ обоихъ мемуаровъ [1]).

Эти „Avis“ имѣютъ значеніе для знакомства съ научнымъ обоснованіемъ во Франціи, такъ называемыхъ, „вольностей“ галликанской церкви, къ нашему же вопросу они имѣютъ отношеніе постольку, поскольку Февроній воспользовался галликанскими воззрѣніями въ своемъ извѣстномъ произведеніи.

7. Ballerinius, Petrus. De vi ac ratione primatus Romanorum Pontificum et de ipsorum infallibilitate in definiendis controversiis fidei liber singularis, in quo utrumque deducitur et constituitur ex principiis concessis ab iis ipsis adversariis, contra quos disputatio futura est. Augustae Vindelicorum. MDCCLXX.

Это произведеніе извѣстнаго ультрамонтанскаго ученаго, веронскаго пресвитера, Петра Баллерини въ защиту примата папъ и ихъ непогрѣшимости въ рѣшеніи споровъ о вѣрѣ представляетъ собою апологію папъ по упомянутымъ пунктамъ. Авторъ выступаетъ во всеоружіи науки и знанія и дѣлаетъ все, что можно по самому характеру неблагодарнаго предмета. Это произведеніе его, какъ и слѣ-

[1]) Avertissement, XII—XVI.

дующее, имѣетъ значеніе какъ голосъ католическаго ученаго противника взглядовъ Фебронія.

8. Онъ же. De potestate ecclesiastica summorum Pontificum et conciliorum generalium liber una cum vindiciis auctoritatis pontificiae contra opus Justini Febronii.... Accidit appendix de infallibilitate eorumdem Pontificum in definitionibus fidei. Augustae Vindelicorum. MDCCLXX.—О церковной власти папъ и вселенскихъ соборахъ авторъ разсуждаетъ на 146 стр., а далѣе идутъ „Vindiciae auctoritatis pontificiae contra opus Justini Febronii inscriptum: „De statu Ecclesiae et de legitima potestate Romani Pontificis (p.p. 147—246). Наконецъ, помѣщенъ (p.p. 247—290) „Appendix de infallibilitate pontificia in definitionibus dogmaticis, qua brevis explicatur atque statuitur, quaenam et qualis auctoritas summis pontificibus tribuenda sit, quando ex fine et officio primatus ob conservandam in tota Ecclesia fidei unitatem definiunt controversias dogmaticas".—Оба трактата снабжены index'ами „rerum memorabilium" (въ первомъ—p.p. 344—359, во второмъ—p.p. 291—304).

9. Beer. Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel. Wien. 1873.

Эта переписка Іосифа II важна для его характеристики и является въ pendant къ перепискѣ его, изданной Арнетомъ. По мнѣнію Трачевскаго, въ этихъ изданіяхъ Арнета и Беера „весьма важны для характеристики Іосифа.... его письма къ Леопольду и Каунициу въ концѣ 1780 г. и началѣ 1781" [1]).

10. Eisenbach, M. G. M. Die von Kaiser Joseph II in seinen Staaten gegründe, aber von d. Römischen Hierarchie untergrabene Toleranz.—In einer Species facti dargestellt mit mehr als hundert Urkunden beleuchtet und d. Kaiser zugeeignet von einem noch blutenden Opfer d. Römishen Hierarchie und d. polilischen Kirche M. G. M. Eisenbach. Frankfurt und Lpz. 1779.

Это произведеніе злосчастнаго пастора Эйзенбаха, пострадавшаго въ неравной борьбѣ съ чиновниками и даже самой протестантской консисторіей за сохраненіе вѣротерпимости, интересно въ качествѣ иллюстраціи положенія протестантовъ въ Австріи послѣ объявленія Іосифомъ вѣротерпимости. Но въ виду того, что авторъ—жертва борьбы, къ его словамъ нужно относиться осторожно, особенно когда у него нѣтъ документальныхъ данныхъ.

11. Febronius, Justinus, Jurisconsultus. De statu Ecclesiae et legitima potestate Romani pontificis liber singularis, ad reuniendos dissidentes in religione christianos compositus. I—II. Editio quinta, caeteris emendatior et multo auctior. Bullioni. MDCCLXVI.

12. Онъ же. Abbreviatus et emendatus, id est de statu Ecclesiae tractatus ex sacra scriptura, traditione et melioris notae

[1] Союзъ князей. 17, прим. 1.

catholicis scriptoribus adornatus, ab auctore ipso in hoc compendium redactus. Coloniae et Francofurti. MDCCLXXVII.

13. Онъ же. Commentarius in suam retractationem Pio VI Pont. Max. Kalendis Novembr. An. MDCCLXXVIII submissam. Francofurti ad Moenum MDCCLXXXI.

Всѣ эти произведенія Юстина Февронія, alias Николая Гонтгейма, Трирскаго викарнаго епископа, ниже будутъ предметомъ подробнаго нашего разсмотрѣнія. Здѣсь мы замѣтимъ только, что они входятъ въ наше изслѣдованіе потому, что подготовили почву для церковной реформы Іосифа, повліявъ на общественное мнѣніе въ Германіи по церковнымъ вопросамъ.

14. Kropatschek, J. Handbuch aller unter d. Regierung d. Kaiser Joseph II für d. K. K. Erbländer ergangenen Verordnungen und Gesetze in einer systematischen Verbindung. Wien. B.B. I—IV, 1785. B.B. V—VII. 1786. B.B. VIII—IX. 1787. B.B. X—XII. 1788. B.B. XIII—XVI. 1789. B.B. XVII—XVIII 1790.

Это одинъ изъ самыхъ обширныхъ, современныхъ Іосифу II сборниковъ его законовъ. Въ виду чисто практической нужды въ такомъ сборникѣ, за изданіе Іосифовскихъ распоряженій взялся, какъ за частную работу, канцелярист Кропачекъ. Но скоро это изданіе достигло широкаго распространенія, само правительство осталось имъ довольно. Вліяніе правительства на это изданіе ограничивалось заботою о томъ, чтобы въ немъ не было помѣщено распоряженій, уже отмѣненныхъ или измѣненныхъ, или такихъ, публикація которыхъ во всеобщее свѣдѣніе казалась нецѣлесообразной [1]). Въ настоящее время этотъ сборникъ представляетъ собой библіографическую рѣдкость. Въ С.П.Б. онъ есть единственно въ библіотекѣ бывшаго Второго Отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. Неудобство сборника въ томъ, что законы помѣщены не въ системѣ, а по годамъ. Законы разбиты на 9 группъ: I) Dominien und Unterthansangelegenheiten; II) Polizei-und Sicherheitsgegenstände; III) Studien-und Zensurwesen; IV) Geistliche Sachen und Stiftungsangelegenheiten; V) Militärgegenstände; VI) Kommerziensachen; VII) Kammeralangelegenheiten; VIII) Gerichtssachen; IX) Verordnungen zur Richtschnurr d. Kreisämter und aller k. Beamten.—Первые 5 томовъ содержатъ въ себѣ законы и распоряженія Іосифа II съ 1780 по 1783 г. включительно; VI-й и VII-й за 1784 г.; VIII и IX за 1785 г.; X и XI за 1786 г.; XII-й—Hauptrepertorium ко всѣмъ одиннадцати томамъ; XIII и XIV за 1787 г.; XV и XVI за 1788 г.; XVII и XVIII за 1789 г. Послѣдній томъ касается и распоряженій 1790 г. Послѣднимъ распоряженіемъ помѣщенъ Haus-Decret отъ 19 февраля 1790 г.—Каждый годъ законовъ снабженъ указателемъ. Въ послѣднемъ томѣ законы только до 598 стр., а дальше указатель къ XVII и XVIII томамъ.—Какъ видно изъ вышесказаннаго, сборника

[1]) Hock und Bidermann. D.österreichische Staatsrath. 127.

этого нельзя назвать полнымъ. Пользованіе имъ было бы много облегчено, если бы законы и распоряженія были обозначены №№, начиная съ перваго, какъ въ русскомъ „Полномъ собраніи законовъ".

15. Мальмсбюри, Лордъ. (Гаррисъ). „О Россіи въ царствованіе Екатерины II". („Русскій Архивъ", 1876 г. №№ VI стр. 1465—1512; VII, 143—186; VIII, 349—440; XI, 737—900).

Хотя эти очень интересныя донесенія англійскаго посланника въ С.-Петербургѣ, въ Лондонѣ и Берлинѣ на русскомъ языкѣ, но мы сочли нужнымъ отнести ихъ къ иностраннымъ источникамъ по нашему вопросу, такъ какъ авторъ ихъ—англичанинъ. Мальмсбюри занимается главнымъ образомъ политикой и частною жизнью Екатерины II, Іосифа II касается очень мало, по чисто внѣшнимъ поводамъ (напр., по поводу поѣздки его въ Россію, турецкихъ войнъ), характеристики его не даетъ. Во всѣхъ донесеніяхъ сквозитъ нерасположеніе англичанина къ Россіи и Екатеринѣ II. По нашему вопросу, безъ ущерба для дѣла, эти донесенія можно оставить безъ вниманія.

16. Нолькенъ. „Императоръ Іосифъ II въ Россіи по донесеніямъ шведскаго посланника Нолькена".—Сообщ. акад. Я. Гротъ. („Русская Старина" т. XI, стр. 309—328. 1883 г. ноябрь.) Шведскій текстъ донесеній Нолькена отпечатанъ во второмъ томѣ рѣдкой нынѣ книги: «Scrifter af blandart, dock mest politiskt och historiskt innehall, af Gustaf d'Albedyhll». Nyköping, 1810 [1]).

Это 7 №№ донесеній шведскаго посланника Нолькена о пребываніи въ Петербургѣ гр. Фалькенштейна (Іосифа II) (первое отъ $^{19}/_{30}$ іюня 1780 г., а послѣднее отъ $\frac{24 \text{ іюля}}{4 \text{ августа}}$ того же года [2]). На 320—324 стр. Я. К. Гротъ помѣстилъ „краткій обзоръ царствованія Іосифа II и характеристику его личности, пользуясь преимущественно обширнымъ историческимъ трудомъ Георга Вебера [3]). Очевидно, онъ вполнѣ раздѣляетъ взгляды этого ученаго на Іосифа II.—На 324—328 стр. Я. К. Гротъ касается отношеній Іосифа II къ Россіи, его сношеній съ Екатериной II.—Эти донесенія не имѣютъ важнаго значенія для характеристики Іосифа II, они даютъ только нѣсколько мелкихъ штриховъ, причемъ нужно постоянно помнить нерасположеніе автора-шведа къ Іосифу и стараніе поставить выше его шведскаго короля, Густава III, также бывшаго въ Россіи, подъ именемъ гр. Готландскаго. Къ нашему спеціальному вопросу эти донесенія не имѣютъ никакого отношенія.

17. Otto, Everhardus. Tractatio de jure Imperatoris et statum imperii circa sacra, vom Recht d. Kaysers und d. Stände d. Reichs in Kirchen-Sachen, anno MDCCXX edita. Halae Magd. 1740. in 8°—80.

Это—вступительная рѣчь профессора гражданскаго, публичнаго и феодальнаго права въ Утрехтской академіи. Предметомъ рѣчи авторъ ставитъ изслѣдованіе вопроса, кому и до какой сте-

[1]) 309, прим. 1. [2]) 309—320. [3]) 320.

пени въ Германіи принадлежитъ власть circa sacra? [1]) Вполнѣ безпристрастно, отрѣшившись отъ споровъ и частныхъ фактовъ своего времени, авторъ хочетъ разсуждать «de jure imperatoris et statuum imperii circa sacra» въ 3 главахъ: въ 1-й показать, что церковь не есть учрежденіе, вполнѣ отдѣльное отъ государства; во 2-й, что все право circa sacra первоначально принадлежало императорамъ, а потомъ Ordinibus imperii; въ 3-й предложить ex legibus imperii, возможно кратко, образъ примѣненія этого права [2]).—Рѣчь написана живымъ, красивымъ языкомъ и направлена къ защитѣ принциповъ Утрехтской церкви, отдѣлившейся отъ папы. Къ нашему вопросу этотъ трактатъ имѣетъ отношеніе, съ одной стороны, потому, что взгляды автора отчасти усвоены Фебронiемъ, а съ другой—потому, что Іосифъ руководился въ своей церковной реформѣ сходными принципами.

18. Pius, Papa Sextus. Sanctissimi Domini nostri Pii Papae Sexti Responsio ad Metropolitanos Moguntinum, Trevirensem, Coloniensem et Salisburgensem super Nuntiaturis Apostolicis. Editio altera, additis binis litteris ad Archiepiscopum et ad caritulum Coloniae. Romae MDCCXC.

Это—второе изданіе отвѣта папы Пія VI въ формѣ бреве отъ 14 ноября 1789 г. на имя 4 германскихъ архіепископовъ, по поводу ихъ обращенія къ нему за примиреніемъ, для прекращенія обострившихся изъ-за Эмсской пунктаціи отношеній между ними и папскимъ дворомъ.

I. 2) Русскіе источники.

19. Екатерина II, императрица. Письма императрицы Екатерины II къ Гримму. (1774—1796). С.П.Б. 1878. Lettres de Catherine II à Grimm.—Изданы Я. К. Гротомъ, по порученію императорскаго русскаго историческаго общества.

Всѣ письма на французскомъ языкѣ, съ нерѣдкими нѣмецкими вставками. Въ этой перепискѣ Екатерина II часто касается Іосифа II (такъ, напр., на стр. 96, 106, 108, 113, 190, 254, 270, 430, 484, 490, 646; 128, 179, 180—184, 400; 219, 242, 410, 411, 412, 432, 449, 483, 509; 192, 202, 218, 233, 261, 361, 450, 470, 574, 632). Ничего важнаго въ этихъ письмахъ нѣтъ, но они небезъинтересны для исторіи отношеній Екатерины II къ Іосифу II. До личнаго знакомства съ послѣднимъ Екатерина была не очень лестнаго мнѣнія объ немъ, такъ: называла его двулицымъ господиномъ [3]); господиномъ Янусомъ [4]); предполагала, что, если онъ не сдѣлается великимъ человѣкомъ, станетъ очень злымъ и свои тѣлесныя, душевныя и умственныя потребности вымѣститъ на другихъ [5]); называла его piccolo bambino (малюткой) [6]). Не лишенъ интереса ея взглядъ на Іосифа и его реформу, высказанный уже по смерти этого ея, ami intime [7]).

20. Гриммъ. Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II, изданныя по порученію императорскаго общества Я. Гротомъ. С.П.Б. 1880. Lettrec de Grimme à l' Imperatrice Catherine II, publiées sous les auspices de la societè imperiale pour l' histoire de Russie par J. Grot.

Текстъ писемъ французскій съ русскимъ подстрочнымъ переводомъ. Іосифъ II упоминается на 18, 43, 45, 46, 51, 52, 54, 56, 67, 68, 69, 80, 99, 100, 157, 202, 211—212, 221, 222, 223, 224, 225, 230 стр. Гриммъ не сообщаетъ про Іосифа II ничего интереснаго, характеристики его не даетъ и всѣ остроты на счетъ Іосифа тупы.

II. Пособія.

II. 1) Иностранныя.

21. Arneth, A. Geschichte Maria Theresia's. BBd. I—X. Wien, 1862—1879. Выдающееся въ своей области произведеніе Арнета какъ по объему, такъ и по богатству матеріала, которымъ воспользовался авторъ. Не говоря уже обо всей печатной литературѣ, у него были въ распоряженіи всѣ государственные архивы и много частныхъ. Поэтому его „Исторія Маріи-Терезіи" является неоцѣнимымъ вкладомъ въ науку. Хорошій, безукоризненно правильный въ стилистическомъ отношеніи языкъ сочиненія еще болѣе увеличиваетъ достоинство произведенія неутомимаго ученаго.

22. Block, W. D. kirchlichen und politischen Zustände Oesterreichs seit den letzten 120 Jahren hauptsächilch nach glaubwürdigen katholischen Auctoren Oesterreichs dargestellt. Lippstadt. 1870.

Своею задачею авторъ ставитъ—представить въ краткомъ очеркѣ прежнее и настоящее внутреннее состояніе Австріи за послѣдніе 120 лѣтъ. Чтобы избѣжать упрека въ партійности, онъ цитуетъ австрійскихъ авторовъ, признаваемыхъ и въ Австріи и внѣ ея за добрыхъ католиковъ и почтенныхъ историковъ. Пользуется и современными строго католическими органами австрійской литературы, хотя и признаетъ невозможнымъ обойтись безъ протестантскихъ историковъ [1]). Сочиненіе компилятивнаго характера, причемъ авторъ не трудится даже указывать по страницамъ, откуда что беретъ, а ограничивается одними „ковычками". Къ Іосифу II относится довольно благосклонно, признавая его сыномъ своего времени.

23. Borbis, I. D. evangelisch-lutherische Kirche Ungarns in ihrer geschichtlichen Entwicklung nebst einem Anhange über d. Geschichte d. protestantischen Kirche in d. deutsch-slavischen Ländern und in Siebenbürgen. Nördlingen, 1861.

[1]) IV.

Это произведеніе Борби представляетъ собою мѣстную исторію евангелическо-лютеранской церкви въ Венгріи, нѣмецко-славянскихъ земляхъ и Трансильваніи. Авторъ заявляетъ, что имѣвшимися у него подъ руками источниками воспользовался со всею тщательностью, критическими пріемами и точностью [1]), но исторія венгерской церкви совсѣмъ не разработана, въ различныхъ архивахъ лежитъ множество рукописей, не тронутыхъ учеными; хорошо, что появляются частныя монографіи и біографіи, по рукописнымъ даннымъ [2]). Авторъ не даетъ наукѣ ничего новаго, пользуясь лишь печатнымъ матеріаломъ, по крайней мѣрѣ, для времени Маріи-Терезіи и Іосифа II.

24. (Bourgoing.) Mémoires historiques et philosophiques sur Pie VI et son Pontificat, jusqú a sa retraite en Toscane, etc. Tirés des sources les plus authentiques. à Paris chez F. Buisson, an 7 de la Republique. I—II. У насъ былъ въ рукахъ нѣмецкій переводъ этой книги Мейера, подъ заглавіемъ: „Pius der Sechste und sein Pontificat. Eine historische und philosophische Schilderung. Hamburg. 1800.

Ни самъ авторъ, ни переводчикъ не указали имени написавшаго эти мемуары. Мы раскрыли анонимъ, благодаря Гроссъ-Гоффингеру [3]). Переводчикъ этой книги говоритъ, что авторъ ея много лѣтъ уже занимался дипломатическими дѣлами, долго жилъ въ чужихъ земляхъ и о нѣкоторыхъ изъ нихъ написалъ книги признаннаго достоинства. Матеріалъ для этихъ мемуаровъ онъ собралъ изъ достовѣрныхъ источниковъ. Въ Парижѣ онъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ различнымъ значительнымъ лицамъ какъ изъ французовъ, такъ изъ итальянцевъ и испанцевъ, очевидцевъ и участниковъ въ государственныхъ событіяхъ послѣднихъ 20-ти лѣтъ въ Италіи и особенно въ Римѣ. Изъ ихъ устъ онъ получилъ много точныхъ и интересныхъ свѣдѣній. Важнѣйшіе факты и ихъ хронологическій порядокъ съ 1774 г. до провозглашенія французской республики авторъ сообщаетъ, пользуясь, главнымъ образомъ, подлинными депешами версальскому двору кардинала Берни, бывшаго съ 1774 по 1791 г. французскимъ посланникомъ и протекторомъ французской націи въ Римѣ; что же касается хронологическаго порядка событій и документовъ до 1791 г., то онъ имѣлъ предъ собою тяжелое по формѣ, плану и слогу нѣмецкое сочиненіе протест. [проповѣдника въ Вюртембергѣ, Аде[4]] «Lebens-und Regierungs-Geschichte des jetzo glorreich regierenden Papstes Pius VI». I—VI. Cesena. (Ulm). 1781—1796. Мѣстами онъ пользовался мемуарами Горани, письмами объ Италіи Роланда и «Darstellungen aus Italien» Мейера. Кажется, у него не было въ рукахъ богатой содержаніемъ «Geschichte d. römisch-katholischen Kirche» P. Ph. Wolf'a[5]). Авторъ касается только главнѣйшихъ церковныхъ реформъ Іосифа II, предоставляя „полный, скучный разборъ ихъ бо-

[1]) Пред., XVI. [2]) Тоже, XIV—XVI. [3]) «D. Allein-Regierung K. Joseph II. 88,114—115. [4]) Gross-Hoffinger. L. c., 114. [5]) Предисловіе переводчика, III—V.

гословамъ и канонистамъ“ [1]). Книга написана живымъ, увлекательнымъ языкомъ. Авторъ на сторонѣ „просвѣщенія“ и его дѣятелей, поэтому очень симпатизируетъ Іосифу II.

25. Brück, H. Dr. Geschichte d. katholischen Kirche in Deutschland im neunzehnten Jahrhundert. Bd. I. Mainz, 1887.

Авторъ, ревностный католикъ, по самому предмету своего труда, не долженъ былъ подробно заниматься временемъ Іосифа II, какъ предшествовавшимъ, и потому касается его лишь мимоходомъ. Нѣтъ ничего оригинальнаго, или особеннаго, кромѣ крайне неблагосклоннаго взгляда на „просвѣщеніе“ XVIII в. и на установившуюся при немъ систему отношеній государства къ церкви и въ частности на образованіе, поставленное въ сторонѣ отъ церкви.

26. Brunner, S. D. theologische Dienerschaft am Hofe Joseph II.—Geheime Correspondenzen und Enthüllungen zum Verständniss d. Kirchen—und Profan-Geschichte in Oesterreich von 1770—1800, aus bisher unedirten Quellen d. k. k. Haus-Hof-Staats-und Ministerialarchive. Wien. 1868.

Признавая выдающимися труды Арнета и Ад. Вольфа, Бруннеръ находитъ, что на изученіе источниковъ объ отношеніи Іосифа II къ католической церкви до сего времени не было обращено вниманія, поэтому онъ занялся этимъ вопросомъ и часть результата своихъ изслѣдованій предлагаетъ въ этомъ сочиненіи. Главными источниками для него были дѣла архивовъ—импер.-королевскаго домашняго, придворнаго и государственнаго, министерскаго, иначе называемаго архивомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, министерства исповѣданій (Cultus-Minist.), а также рукописи частныхъ и монастырскихъ архивовъ. Для объясненія архивныхъ источниковъ Бруннеръ бралъ цитаты изъ современныхъ авторовъ изъ такъ называемой партіи „просвѣщенія“. Это обстоятельство въ связи съ исторически-критической справедливостью въ отношеніи къ заинтересованнымъ членамъ клира всѣхъ степеней можетъ, по предположенію автора, гарантировать его въ глазахъ ученыхъ и не предубѣжденныхъ историковъ отъ упрека въ партійности. Авторъ представляетъ здѣсь *не все*, что дѣлалось въ то время по отношенію къ церкви, а *какъ* все дѣлалось [2]). До нашего автора никто не воспользовался тайными донесеніями изъ Рима въ Вѣну съ 1770 по 1796 г. кардинала Герзана, австрійскаго министра при римскомъ дворѣ, хотя они представляютъ для историка величайшій интересъ [3]). Хотя въ донесеніяхъ посланниковъ, по словамъ Бруннера, много соломы, теперь ни для кого неинтересной, однако въ этой соломѣ есть у Герзана и историческое зерно: образъ и способъ, какъ дѣйствовалъ онъ въ Римѣ за насильственныя посягательства Іосифовскаго правительства на церковный организмъ, достаточно показываютъ, по мнѣнію нашего автора, что во многихъ случаяхъ, которые досел

[1]) 190. [2]) Vorwort, III—IV. [3]) 6.

сваливали единственно на императора, самая большая вина падаетъ на лицъ сильнаго клира, которыя не были расположены служить церкви до пожертвованія личными интересами, а прежде всего старались сохранить послѣдніе. Такія только личности въ данное время и достигали власти и вліянія. Уже при Маріи-Терезіи на высшіе церковные посты назначали лицъ покорныхъ и мягкихъ, давшихъ уже нѣсколько опытовъ слѣпаго подчиненія государственной власти. Такъ и Герзана Кауницъ испытывалъ 10 лѣтъ (1770—1780 г.г.). Этой же тактики держались и при назначеніи на епископскія каѳедры. Изъ богатаго матеріала въ этомъ родѣ авторъ останавливается только на Гёрцскомъ архіепископѣ и Лайбахскомъ епископѣ, такъ какъ эти примѣры освѣщаютъ факторы того времени и духъ австрійской дипломатіи въ Римѣ[1]). Авторъ очень невысокаго мнѣнія о Герзанѣ, говоритъ, что у него не было никакихъ высшихъ убѣжденій, идеаловъ, что онъ всецѣло руководился тѣмъ, что прикажутъ „по высочайшей службѣ“. Какъ кардиналъ и австрійскій посланникъ, онъ занималъ двойственное положеніе, а по св. Писанію (Мѳ. VI, 24), никто не можетъ служить двумъ господамъ... Пій VI неизмѣримо выше его; отсюда въ перепискѣ Герзанъ смѣялся надъ папой, чѣмъ платилъ за чувство униженія, съ которымъ ему не разъ приходилось покидать Ватиканъ. Иначе Герзанъ служилъ Маріи-Терезіи, иначе Іосифу II, иначе Леопольду II. Въ письмахъ отъ 15 и 19 мая 1790 г. онъ сообщаетъ о радости въ Римѣ по поводу того, что Леопольдъ хочетъ править не какъ Іосифъ II и предложилъ епископамъ высказать свои жалобы, слѣд., онъ не былъ одушевленъ іосифовскими распоряженіями; словомъ, это былъ только послушный, подкладистый дипломатъ[2]).—Заглавіе сочиненія оправдывается содержаніемъ[3]): по всей книгѣ проходитъ одна цѣль—доказать лакейство при австрійскомъ дворѣ высшаго духовенства, поддерживавшаго императора. Авторъ—рьяный католикъ, прямой врагъ всѣхъ церковныхъ преобразованій Іосифа II. Порядочными людьми ему кажутся только люди, противодѣйствовавшіе императору. Герзанъ выставленъ темною личностью. Всѣ руководители „просвѣщенія“—предметъ особеннаго нерасположенія автора. Дѣятельность Іосифа представляется ему произвольной, безпринципной, непостоянной; въ ней онъ не видитъ ничего свѣтлаго и лишь по мѣстамъ оговаривается относительно добраго сердца и добрыхъ намѣреній императора, слагая вину на совѣтниковъ его и исполнителей. Секуляризація монастырскихъ имуществъ даетъ ему поводъ довольно недвусмысленно обозвать правительство грабителемъ. Поэтому особенно достается панегиристамъ Іосифа II. По своему времени, это былъ одинъ изъ первыхъ опытовъ документальнаго изслѣдованія данной эпохи. Авторъ много работалъ по разнымъ архивамъ и извлекъ изъ нихъ массу документовъ, но все въ одномъ направленіи. Ад. Вольфъ, занимавшійся также по архивамъ спеціально вопросомъ о

[1]) 8—9. [2]) 10—12. [3]) Vorwort, III.

закрытіи монастырей внутренней Австріи (Штиріи, Каринтіи и Крайны) въ 1782—1790 г.г., находитъ, что этотъ вопросъ изслѣдованъ Бруннеромъ въ упомянутомъ сейчасъ сочиненіи и еще въ „Mysterien d. Aufklärung“ неточно, неполно и окрашенъ клерикально, да послѣдній и самъ сознается, что не могъ найти для этого вопроса матеріала[1]). Кромѣ того, Ад. Вольфъ замѣчаетъ, что детали его сочиненія опровергаютъ сообщаемое Бруннеромъ[2]) о хозяйничаньѣ при закрытіи монастырей[3]) и отрицаетъ заявленіе того же Бруннера[4]), будто при закрытіи монастырей значительныя крохи остались у комиссаровъ, занимавшихся этимъ дѣломъ[5]).

«Mysterien d. Aufklärung» Бруннера (Wien, 1869) у насъ, къ сожалѣнію, не было подъ руками.

27. Coxe, W. Geschichte d. Hauses Oesterreichs von Rudolf von Habsburg bis auf Leopold d. zweiten Tod. (1218—1792). Deutsch herausgegeben von H. K. Dippold und A. Wagner. Bd. IV. Leipzig und Altenburg. 1817.

Домъ одобряетъ изображеніе царствованія Маріи-Терезіи Коксомъ. Особенно интересно оно, по мнѣнію Дома, вслѣдствіе нѣкоторыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ авторомъ изъ депешъ англійскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ, Кейта: такъ, напр., относительно важной перемѣны политической системы въ Австріи въ 1756 г. сообщены поучительныя, неизвѣстныя дотолѣ данныя[6]). Но въ наше время, когда исторія Австріи этой эпохи пишется по архивнымъ матеріаламъ, трудъ Кокса потерялъ свое значеніе. Къ тому же авторъ болѣе занятъ политической исторіей, чѣмъ внутренней и Маріи-Терезіи посвятилъ бо́льшую часть тома [322 стр. изъ 555 (88—420)], а Іосифу удѣлилъ всего 84 стр. (421—504) и, если касается его реформъ, въ томъ числѣ и церковной, то лишь бѣгло. Этого мало—авторъ пристрастенъ. Гроссъ-Гоффингеръ не могъ понять, что заставило англичанина-автора такъ враждебно отнестись ко всѣмъ предпріятіямъ Іосифа II. Коксъ намѣренно выставляетъ на видъ все, что могло бросить тѣнь на характеръ императора и проходитъ молчаніемъ обстоятельства, которыя могли служить ему къ славѣ, или извиненію[7]).

28. Dohm, Chr. W. Denkwürdigkeiten meiner Zeit oder Beiträge zur Geschichte vom letzten Viertel d. achtzehnten und vom Anfang d. neunzehnten Jahrhunderts 1778 bis 1806. Lemgo und Hannover. 1814. Bd. I.

Въ этомъ томѣ записокъ Дома Маріи-Терезіи посвящено 10 стр. (379—388. VIII гл. „Общій взглядъ на характеръ и правленіе Маріи-Терезіи“) и Іосифу II—42 стр. (389—430. IX гл. «Начало правленія Іосифа II. Перемѣна политической системы»). Вотъ отзывъ Шлоссера объ этомъ произведеніи Дома: „Записки Дома... представляютъ исторію, извлеченную имъ не изъ книгъ, а изъ непосредствен-

[1]) Wolf, Ad. D. Aufhebung d. Klöster in Innerösterreich 1782—1790. Wien. 1871. Vorwort, V. [2]) L. c., 481—502. [3]) L. c., 58, пр. 2. [4]) L. c., 480. [5]) L. c., 58.
[6]) Dohm. Chr. W. «Denkwürdigkeiten». I, 381, пр. 2 ср. 446, пр. 7. [7]) L. c., 232, пр. 1.

наго опыта; она идетъ рука объ руку съ уроками о политикѣ и государственной наукѣ, въ тоже время вовсе не подчиняется имъ, какъ это бываетъ у доктринеровъ.... Домъ разсматриваетъ вещи только съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ, какъ свободномыслящій нѣмецкій государственный, или дѣловой человѣкъ; онъ не аффектируетъ никакой геніальности, или философіи и это-то даетъ его книгѣ, между сотнями другихъ, написанныхъ по той или другой искусственной манерѣ, особенное достоинство. Извѣстно, что книга Дома—единственная въ своемъ родѣ: въ ней нѣмецкій государственный человѣкъ просто и ясно говоритъ объ общественныхъ дѣлахъ, не руководясь никакими другими мыслями, кромѣ мыслей честнаго человѣка. Домъ является поклонникомъ Фридриха II....., но у него нельзя найти глупаго обожанія и слѣпаго поклоненія всему, что этотъ государь дѣлалъ и думалъ“[1]). Но, какъ поклонникъ Фридриха, Домъ не могъ быть безпристрастнымъ къ Іосифу II, его сопернику. Нашего вопроса авторъ почти не касается.

29. Frank, G. Dr. D. Toleranz-Patent Kaiser Joseph II.—Urkundliche Geschichte seiner Entstehung und seiner Folgen. Säcular-Festschrift d. k. k. evangelischen Oberkirchenrathes A. C. und H. C. in Wien. Wien. 1881.

Эта книга принадлежитъ перу Франка, духовнаго члена аугсбургскаго исповѣданія въ импер.-кор. верховномъ церковномъ совѣтѣ и ордин. профессора имп.-кор. евангелическо-богословскаго факультета въ Вѣнѣ. Написана она, по порученію вышеупомянутаго совѣта, къ 100-лѣтнему юбилею патента о вѣротерпимости императора Іосифа II на основаніи всей печатной литературы и тщательнаго изученія архивныхъ матеріаловъ, въ значительной части доселѣ неизданныхъ. Поэтому это сочиненіе по своимъ научнымъ достоинствамъ неоцѣнимо для части нашего изслѣдованія, трактующей о вѣротерпимости Іосифа и о положеніи при немъ инославныхъ вѣроисповѣданій. Всѣ симпатіи автора на сторонѣ гуманнаго императора.—По мнѣнію Франка, въ печатныхъ изслѣдованіяхъ по вопросу объ Іосифовскомъ патентѣ о вѣротерпимости пошли дальше Вальха (сочиненіе котораго вышло въ 1783 году) только тѣ ученые, которымъ были открыты архивные источники, какъ Жерсонъ Вольфъ въ исторіи, предшествовавшей этому патенту, и Мейнертъ для его исторіи. Въ ихъ распоряженіи былъ архивъ придворной канцеляріи. Но этотъ патентъ и послѣдующіе указы выходили не изъ послѣдней, а изъ государственнаго совѣта. Архивомъ этого совѣта воспользовался уже баронъ Гоккъ, но въ части, касающейся патента о вѣротерпимости, недостаточно и съ такимъ малымъ знаніемъ дѣла, что, не говоря о неправильностяхъ, изрекаемыя имъ аѳористическія объясненія вызываютъ недоумѣнія, такъ, напр., нельзя понять, по изложенію Гокка,

[1]) Шлоссеръ, Ф. К. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи. IV. СПБ. 1859. 180—181.

какъ патентъ о вѣротерпимости отъ 13 окт. 20 окт. снова былъ разобранъ государственнымъ совѣтомъ и окончательно редактированъ. При собственномъ изученіи названныхъ архивовъ, по мнѣнію автора, темные пункты исчезли.—Для исторіи патента о вѣротерпимости въ отдѣльныхъ коронныхъ земляхъ, гдѣ нѣтъ печатныхъ источниковъ, архивы имп.-кор. провинціальныхъ присутственныхъ мѣстъ вездѣ почти даютъ желательное дополненіе. Для втораго отдѣла книги („Организація евангелическаго церковнаго строя") богатый матеріалъ даетъ особенно архивъ верховнаго церковнаго совѣта, для третьяго—(„Противники и дѣятели вѣротерпимости")—брошюрная литература, вызванная патентомъ о вѣротерпимости.—При такихъ средствахъ Франкъ былъ въ состояніи дать возможно полную исторію этого патента; особенно авторъ радъ, что могъ издать его въ не напечатанномъ до него первоначальномъ текстѣ, т. е., въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ утвержденъ Іосифомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Франкъ смѣетъ надѣяться, что окончательно рѣшилъ и вопросъ о значеніи этого патента для Тироля[1]).

30. Friedberg, E. Dr. D. Gränzen zwischen Staat und Kirche und d. Garantien gegen deren Verletzung.—Historisch-dogmatische Studie mit Berücksichtigung d. deutschen und ausserdeutschen Gesetzgebungen und einem Anhange theils ungedruckter Aktenstücke.—Erste Abtheilung.—Tübingen. 1872.

По самому характеру работы, Фридбергъ, разсматривая исторически отношеніе между церковью и государствомъ въ Германіи по ея отдѣльнымъ территоріямъ со среднихъ вѣковъ до 1848 г., не могъ удѣлить много мѣста Іосифу II[2]). Да и въ этомъ незначительномъ отдѣлѣ авторъ не даетъ ничего новаго и оригинальнаго, ограничиваясь сжатымъ изложеніемъ, по ученымъ изслѣдованіямъ, мѣръ Іосифа по отношенію къ церкви. Особенно часто онъ пользуется Бруннеромъ[3]).

31. Geschichte, Pragmatische und Aktenmässige d. zu München neu errichteten Nuntiatur sammt Beleuchtung d. Breve Pius VI an d. Fürst Bischoffen zu Freisingen. Frankfurt und Leipzig. 1787.

Эта документальная исторія учрежденія Мюнхенской нунціатуры имѣетъ важное значеніе для вопроса объ Эмсской пунктаціи. Какъ вся основанная на документахъ, она очень цѣнна, хотя главное вниманіе автора обращено на бреве Пія VI на имя Фрейзингенскаго князя-епископа. Къ сожалѣнію, она не доведена до конца: изложено только начало волненій, вызванныхъ въ средѣ высшей германской іерархіи учрежденіемъ въ Мюнхенѣ новой нунціатуры.

32. Helfert, D. Rechte und Verfassung d. Akatholiken in d. österreich. Kaiserstaate. Nach d. k.k. Verordnungen zusammengestellt. 3 Auflage. Prag. 1843.

Гельфертъ представилъ права и организацію не-католиковъ въ Австріи, по высочайшимъ распоряженіямъ; касается, конечно, и вре-

[1]) Vorrede. [2]) Всего 21 стр. (156—176) изъ 346 всей книги. [3]) См. 157, 162, 164, 166, 168, 171, 172, 174, 175, 176 стр.

мени Іосифа II, но не отдѣльно, а въ связи, и потому очень разбросанно по всей книгѣ, что и понятно по самому характеру послѣдней. Чего нибудь новаго, оригинальнаго нѣтъ. Вся заслуга автора въ томъ, что онъ даетъ, на основаніи печатнаго матеріала, полное представленіе о правахъ и организаціи въ Австріи не-католиковъ; для нашего вопроса это сочиненіе не имѣетъ значенія.

33. Онъ же. Von d. Kirchenvermögen. I—II. Prag. 1834. Theil I. Von d. Kirchenvermögen und d. Religionsfonde. 3 Auflage. Prag. 1834.

Въ этомъ сочиненіи авторъ на основаніи печатной литературы представляетъ положеніе церкви въ Австріи въ имущественномъ отношеніи до своего времени. Кропотливый, добросовѣстный трудъ встрѣтилъ радушный пріемъ: оба изданія его были необыкновенно быстро распроданы. И характеръ этой книги и значеніе ея для насъ тѣже, что и предыдущей того же автора.

34. Hock, C. Dr. Freiherr und Bidermann, H. Ign. D. österreichische Staatsrath (1760—1848) vorbereitet und begonnen von Dr. C. Fr. von Hock., aus dessen literarischen Nachlasse fortgesetzt und vollendet von Dr. Bidermann. Wien. 1868—1879.

Эта книга выходила выпусками съ 1868 г. Исторію австрійскаго государственнаго совѣта началъ писать баронъ Гоккъ. Онъ предполагалъ довести ее съ учрежденія этого совѣта до 1867 г.[1]). Въ 1868 г. было уже рѣшено упразднить этотъ совѣтъ и Гоккъ своей исторіей его хотѣлъ написать надгробную рѣчь умирающему[2]). Но ему не суждено было выполнить своего намѣренія: онъ умеръ, приготовивъ для печати лишь 129 стр., не выйдя изъ времени Маріи-Терезіи и оставивъ 250 листовъ мелкаго письма остальной исторіи. Докончить дѣло взялся Бидерманнъ, которому и принадлежитъ остальная часть книги. Ему пришлось разобрать рукопись барона, со множествомъ сокращеній, привести въ порядокъ и связать соотвѣтственно намѣренію Гокка[3]). Выше мы привели указанные Франкомъ недостатки этого произведенія Гокка и Бидерманна[4]). Несомнѣнно, эти недостатки въ значительной мѣрѣ объясняются смертью Гокка до окончанія работы. Но во всякомъ случаѣ этотъ трудъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣетъ капитальное значеніе для исторіи царствованія Маріи-Терезіи и Іосифа II и въ частности для изученія изслѣдуемаго нами вопроса: всѣ важныя распоряженія и при Іосифѣ II, не говоря уже о Маріи-Терезіи, обсуждались въ государственномъ совѣтѣ, архивъ котораго до нашего времени не изданъ, данная же книга представляетъ in extenso изложеніе обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ въ государственномъ совѣтѣ.

35. Gross-Hoffinger. (D. Allein-Regierung Kaiser Joseph's d. Zweiten) Historische Darstellung d. Allein-Regierung Joseph's des Zweiten insbesondere d. politisch-kirchlich-moralischen Reaction

[1]) Vorwort von Bidermann. III. [2]) Vorwort von Hock. 2—3. [3]) Vorwort von Bidermann. III. [4]) XXXI.

gegen d. Geist seiner Anstalten in-und ausserhald d. österreichi schen Erbländer. Aus d. grösseren Geschichtswerke über d. Leben und. d. Regierung Kaiser Joseph's d. Zweiten. Stuttgart und Leipzig. 1837.

Эта книга Гроссъ-Гоффингера составляетъ отдѣльное изданіе 3-го тома его четырехтомной «Lebens-und Regierungsgeschichte Joseph II». Stuttgart. 1835. I—IV, къ сожалѣнію, не бывшей у насъ въ рукахъ.

36. Онъ же. Geschichte Joseph's d. Zweiten. Leipzig. 1847.

Это—одинъ изъ выпусковъ „Исторической домашней библіотеки" изданія К. Лоркка въ Лейпцигѣ. Судя по тому, что въ 35—46 гл. ея (49-я гл. изъ „Результатъ царств. Іосифа II", 563—603) передано въ сокращеніи все вышеназванное сочиненіе того же автора, можно заключить, что остальное взято изъ того же четырехтомнаго сочиненія. Все дѣло въ сокращеніи. Такъ какъ эта книга не ученаго характера, то въ ней совсѣмъ нѣтъ указаній на источники. — Въ общемъ, Гроссъ-Гоффингеръ—горячій поклонникъ и идей и личности Іосифа II. Рамсгорнъ, писатель изъ лагеря, сочувствующаго послѣднему, считаетъ Гроссъ-Гоффингера больше всѣхъ біографовъ Іосифа II заслуживающимъ признательности[1]), а ученый противнаго лагеря, Лоренцъ называетъ Гроссъ-Гоффингера „неразумнымъ панегиристомъ"[2]).

37. Jäger, A. Dr. Kaiser Joseph II und Leopold II. Reform und Gegenreform 1780—1792. Wien. 1869.

Это—популярное сочиненіе, безъ всякихъ цитатъ и ссылокъ. Издано оно обществомъ распространенія книгъ для народнаго образованія. Ни новаго, ни оригинальнаго во взглядахъ автора ничего нѣтъ. Значенія для насъ не имѣетъ.

37. Krones, Fr. Dr. Ungarn unter Maria-Theresia und Joseph II 1740—1790. Geschichtliche Studien im Bereiche d. inneren Staatslebens.—Graz. 1871.

Это небольшое по объему (124 стр.), но содержательное сочиненіе проф. Кронеса написано въ значительной части на основаніи архивныхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ матеріаловъ. Авторъ относится къ Іосифу II хотя критически, но сочувственно. Правда, эта книга имѣетъ спеціально-мѣстный характеръ, но, помимо того, что Венгрія—одна изъ крупныхъ составныхъ частей австрійской монархіи, реформы Іосифа II были одинаковыми для всей имперіи и сказанное объ нихъ авторомъ примѣнительно къ Венгріи въ значительной степени можно отнести и къ его реформамъ вообще. Основная мысль, проходящая у автора въ пестрой мозаикѣ фактовъ,—борьба между провинціальной автономіей и монархической централизаціей, между исторически-традиціоннымъ и требованіями времени и его дитяти, государственнаго смысла, наконецъ, противоположность между церковью и государствомъ, іерархическими привиллегіями и общегражданскими правами, между церковнымъ самоуправленіемъ и государственнымъ всемогуществомъ[3]).

[1]) Ramshorn. Kaiser Joseph II. 87. [2]) Brunner. L. c., 437. [3]) Vorwort.

39. Mailáth, I. Graf. Geschichte d. Magyaren. Bd. IV. Regensburg, 1853. Иначе: «Neuere Geschichte d. Magyaren von Maria-Theresia bis zum Ende der Revolution. Bd. I. Von Maria-Theresia bis 1848. Regensburg. 1853.

Іосифу II авторъ посвящаетъ изъ всей книги (324 стр.) 38 стр. (63—100). Новаго ничего, значенія для насъ не имѣетъ.

40. Mejer, Otto. Dr. Zur Geschichte d. römisch-deutshen Frage. I. Rostock. 1871.

Эта книга написана по поводу старокатолическаго движенія въ современной Германіи. Авторъ ставитъ его въ связь съ движеніемъ, связаннымъ съ именемъ Гонтгейма-Февронія[1]) и исторически представляетъ ходъ католической оппозиціи Рима. Для насъ это сочиненіе представляетъ особенную важность потому, что мы не могли достать спеціальныхъ изслѣдованій о спорахъ и волненіяхъ въ средѣ германскихъ епископовъ по поводу учрежденія новой нунціатуры въ Мюнхенѣ и пользовались почти исключительно этимъ сочиненіемъ Мейера. —

41. Meynert, H. Dr. Kaiser Josef II. Ein Beitrag zur Würdigung d. Geistes seiner Regierung.—Nach archivalischen Quellen. Wien. 1862.

Очень цѣнная по нашему вопросу книга, какъ написанная по архиву прежняго имп.-кор. министерства внутреннихъ дѣлъ. Заимствованныя изъ послѣдняго высочайшія резолюціи и письма, въ свое время, по большей части, впервые явились въ печати[2]), да и теперь сохраняютъ свое значеніе. Задача книги—показать, какая цѣль была у Іосифа и какъ онъ ея достигалъ[3]). У нашего автора, по его собственному заявленію, Іосифъ II впервые является очищеннымъ отъ шлаковъ традиціоннаго, или тенденціознаго изображенія[4]). Авторъ—горячій поклонникъ Іосифа.

42. Mohnike, G. Dr. «Briefwechsel zwischen Kaiser Joseph dem Zweiten und Clemens Wenzel, Churfürsten von Trier». («Zeitschrift für d. historische Theologie» von Dr. Illgen. Leipzig. 1834. Bd. IV, Stück I, 241—290).

Въ этой журнальной статьѣ г. Монике впервые далъ надлежащее освѣщеніе перепискѣ между Іосифомъ II и его кузеномъ, Трирскимъ архіепископомъ, Клементомъ Венцелемъ, выступившимъ подъ вліяніемъ іезуитовъ однимъ изъ первыхъ противниковъ церковной реформы брата. Монике даетъ изслѣдованіе объ этой перепискѣ и самую переписку на французскомъ языкѣ оригинала съ подстрочнымъ, соотвѣтствующимъ страницамъ нѣмецкимъ переводомъ и примѣчаніями.—Нашъ авторъ не берется ни утверждать, ни отрицать, съ вѣдома или безъ вѣдома Іосифа II сдѣлалась извѣстною публикѣ переписка его съ Клементомъ. Она не только въ рукописи ходила по рукамъ въ многочисленныхъ провинціяхъ Германіи и смежныхъ съ нею странъ, но стала извѣстна и въ печатномъ видѣ во французскомъ

[1]) Vorwort. V. [2]) Vorwort. IV. [3]) Ibidem. IV. [4]) Ibidem. V.

подлинникѣ и нѣмецкомъ переводѣ, однако съ измышленнымъ мѣстомъ печати (Philadelphia), которое стоитъ на многихъ анонимныхъ и псевдонимныхъ произведеніяхъ того времени. На французскомъ языкѣ она вышла подъ заглавіемъ: Correspondence entre S. Maj. l'Empereur Joseph II et S. A. R. l'Electeur de Treves, touchant les edictes impériaux en matière de Religion». à Philadelphia, chez Jean. Hurter. 1782», а въ нѣмецкомъ переводѣ: «Briefwechsel zwischen Sr. Maj. dem Kaiser Joseph II und I. K. Hoheit dem Kurfürsten zu Trier, wegen d. Kaiserl. Religions-Edicte». Aus dem französischen übersetzt. Philadelphia, bei Joh. Hurter. 1782. По словамъ Монике, теперь эти брошюры—библіографическая рѣдкость. Издатели «Zeitschriften» того времени, естественно, обратили вниманіе на эту переписку и помѣстили ея переводы, хотя очень неудачные [особенно въ сент. книжкѣ «Histor. Portfeuille» 1782 г., p. p. 1070—1091 и отчасти въ «Acta histor.-eccles. nostri temporis» 8 Bd. (LXIV Th. Weimar., 1783) p. 1045 ssq.].—Съ самаго начала возникъ вопросъ о подлинности этой переписки. Скорѣе сомнѣніе, чѣмъ увѣренность, видно у Шлёцера («Staats-Anzeigen». Bd. I. Heft 3. Göttingen. 1782. Sept., 309), но уже въ январѣ 1783 г. онъ могъ говорить: „es ist ganz zuverlässig, что эта всему міру извѣстная корреспонденція подлинна.....“ Такое же извѣстіе получилъ онъ 26 февр. 1783 г. съ нижняго Рейна, но еще до напечатанія Шлёцеромъ дополнительныхъ свѣдѣній, проф. Мейзель въ Эрлангенѣ получилъ изъ Кобленца письмо, устранявшее всякое сомнѣніе въ подлинности переписки. Мейзель сообщилъ его подъ заглавіемъ: „Извлеченіе изъ одного письма изъ Кобленца, отъ 15 декабря 1782 г.“ („Hist. Literatur für d. Jahr 1783. In Gesellschaft einiger Gelehrten herausgegeben von I. G. Meusel. Frlangen 1783. Erstes Stück. Januar, 94—95).—Монике считаетъ сомнѣніе въ подлинности этой переписки плодомъ неумѣстнаго историческаго скептицизма. Относительно писемъ императора всякое сомнѣніе для него устраняется ихъ тономъ. Письма курфирста—произведеніе аббата Бекка, какъ говоритъ и корреспондентъ Мейзеля, хотя у Шлёцеровскаго вѣрнаго человѣка Беккъ представляется лишь главнымъ виновникомъ этой переписки. Приписка императора къ первому письму показываетъ, что онъ считалъ Бекка авторомъ писемъ кузена, а то обстоятельство, что корреспондентъ Мейзеля дѣлаетъ тайну изъ того, какъ эта переписка попала въ публику, вызываетъ предположеніе, что обнародованіе переписки произошло не безъ вѣдома императора; по крайней мѣрѣ, это согласно съ его характеромъ и любовью къ гласности. Сомнѣніе въ подлинности переписки устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что и католическіе церковные историки упоминаютъ о послѣдней и приводятъ изъ нея мѣста, напр., аббатъ де Беро-Беркастель въ своей «Geschichte d. Kirche, in einem getreuen Auszuge». Bd. 9. Th. II, 58 (Wien. 1824 и 1825), Braun, Placidus, Gesch. d. Bischöffe zu Augsburg. Bd. 4 (Ausburg. 1814, 538 ssq.) и Huth, Versuch einer Kirchen-

geschichte des 18-ten Jahrhunderts. 2 B. (Augsburg. 1809) 520[1]).— У насъ есть болѣе прочное основаніе для признанія подлинною переписки Іосифа II съ Клементомъ: копія того времени съ этой переписки хранится въ придворномъ архивѣ австрійскаго дома[2]).

43. Müller, A. Febronius, der. Neue, oder Grundlagen für d. Reformangelegenheiten d. deutschen Kirchenverfassung im Geiste d. Baseler Beschlusse, d. Fürstenkonkordate, d. Emser Punctation und d. Frankfurter Grundzüge.—Karlsruhe. 1838.

Предметъ этой книги—показать, какъ въ лонѣ нѣмецкаго католицизма образовались силы, стремящіяся къ возрожденію, какъ все стремится къ реставраціи католицизма и достиженію для него научной равноправности съ евангелической церковью и какъ, вопреки систематическому противодѣйствію, дѣло церковной реформы неудержимо идетъ впередъ. Авторъ представляетъ римскую курію въ прошедшемъ и настоящемъ, напоминаетъ повсюду о духѣ христіанства, показываетъ, что многое, называемое римско-католическимъ, должно быть разсматриваемо не какъ истинно-и древне-католическое.—Касаясь старыхъ и новыхъ столкновеній Рима съ государственной властью, авторъ указываетъ вредныя послѣдствія отъ твердаго средневѣковаго слѣдованія римской системѣ, грозящія государственному спокойствію и учрежденіямъ для христіанскаго и гражданскаго образованія[3]).

44. Nicolai, Fr. Beschreibung einer Reise durch Dentschland und d. Schweiz im Jahre 1781. Nebst Bemerkungen über Gelehrsamkeit, Industrie, Religion und Sitten.—У насъ были томы: 1-й третье изданіе Berlin und Stettin, 1788; IV-й—Berlin und Stettin, 1784; V-й—тамъ же, 1785; VI-й—тамъ же, 1785; VII-й—тамъ же, 1786 г.; VIII-й—тамъ же, 1787 и IX-й—тамъ же, 1795.—Болѣе важны для нашего вопроса—4-й томъ (о просвѣщеніи въ Вѣнѣ, нормальныхъ школахъ и университетахъ) и 7-й (объ Аугсбургѣ, пребываніи тамъ папы и пастырскомъ посланіи аугсбургскаго архіепископа). Арнетъ называетъ Николаи современникомъ, который очень рѣдко произноситъ слова признательности, а бо́льшею частью разражается горькими упреками[4]). Николаи, издатель извѣстной „Всеобщей нѣмецкой библіотеки“ былъ горячимъ поборникомъ французскаго „просвѣщенія“ и неутомимо насаждалъ его идеи въ Германіи. Описаніе путешествія его важно, какъ свидѣтельство умнаго и образованнаго современника. Не мало занесено у него здѣсь курьезовъ, напр., относительно народныхъ суевѣрій и поддерживавшихся католическими монахами всѣхъ орденовъ религіозныхъ процессій и разныхъ празднествъ.

45. 13 брошюръ изъ времени Іосифа II.—Почти всѣ эти брошюры, бо́льшею частью анонимныя, сочувственнаго Іосифу II направленія; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ характеръ пасквилей и очень неприличныхъ (особенно №№ 12-й и 13-й). Ниже мы подробно разсмотримъ эти брошюры, а теперь ограничимся однимъ перечнемъ ихъ:

---

[1]) Mohnike, L. c., 241—249. [2]) Brunner. 518. [3]) Vorwort. V—VI.
[4]) Geschichte Maria-Theresia's. IX, 243.

1) S. Der Klostergeist geschildert in d. Untersuchung d. Hindernisse einer vollkommenen und standhaften Verbesserung d. Kirchenwesens überhaupt, insbesondere der Ordensstände.—Wien. 1781.

2) Beyträge zur Schilderung Wien. I. 1781.

3) Das Grab der Bettelmönche. 1781.

4) Die Auferstehung der Bettelmönche. Mietau. 1782.

5) (Eibel). Sieben Kapitel von Klosterleuten. Wien. 1782.

6) Gmeiner, F. X. Beweis, dass die Ordensgelübde jener Orden, die der Landesfürst in seinen Staaten nicht mehr dulden will, ohne vorhergehender Dispensation ihre Verbindlichkeit verlieren. Wien und Graz. 1782.

7) Die Klostergelübde historisch und sittlich betrachtet. Frankfurt am Mayn. 1782.

8) Ja! der Kayser hat Recht. Oder: vertraute Briefe über die Aufhebung d. Kloster. 1782.

9) Fortsetzung der Vorzügen und Gerechtsamen der Römischen Kaiser.—Mit einem Anhang gegründeter Anmerkungen über d. Mönchenstand. Wien. 1782.

10) Von dem Einflusse des Mönchswesens auf Staat und Religion. 1782.

11) Der Weltpriester und Mönch. 1782.

12) Der goldne Esel. Beyträge zur Geschichte der Bettel-Orden aus alten Urkunden gezogen von einem reduzirten Bettler. Sulzbach. 1782.

13) Vertheidigung der Mönche von einem Capuziner. Aus dem Französischen übersetzt mit Anmerkungen. Berlin. 1783.

46. Planck, G. Jac. Neueste Religions Geschichte vortgesetzt unter der Aufsicht von G. J. Planck. Th. I. Lemgo. 1787.

Планкъ, ординарный профессоръ богословія въ Гёттингенскомъ университетѣ, взялся продолжать трудъ покойнаго Вальха, оставившаго послѣ себя 9 томовъ новѣйшей, современной ему церковной исторіи, по его же плану. Цѣлью Планка, какъ и Вальха, было дать не столько собственно исторію религіи и церкви своего времени, сколько сборникъ матеріаловъ для будущаго историка. Такъ какъ не всѣ явленія церковной жизни имѣютъ историческое значеніе, то авторъ дѣлалъ выборъ между ними, причемъ старался, по возможности, избѣгать совпаденія съ двумя изданіями, задававшимися тою же цѣлью: «Acta historico-ecclesiastica» и «D. neueste Religions-Begebenheiten»[1]).—Въ этомъ томѣ для насъ имѣетъ значеніе VI-я глава—о новыхъ движеніяхъ нѣмецкихъ архіепископовъ противъ папскаго престола. (Объ Эмсскомъ конгрессѣ, S.S. 335—432). Въ настоящее время, съ разработкой архивныхъ данныхъ за этотъ періодъ для австрійской исторіи вообще и церковной въ частности, трудъ Планка, какъ и Вальха утратилъ свое значеніе и благое намѣреніе авторовъ—дать

[1]) Vorrede. III—VII.

матеріалъ для будущихъ историковъ—въ значительной степени не достигается.

47. Въ „Политическомъ Журналѣ“, основанномъ въ 1790 г. и издававшемся въ Москвѣ въ продолженіе первыхъ 10 лѣтъ проф. Московскаго университета, П. А. Сохацкимъ, но представлявшемъ собою простой переводъ нѣмецкаго журнала, издававшагося въ Гамбургѣ обществомъ ученыхъ[1]), въ годъ смерти Іосифа II (1790) помѣщено было нѣсколько замѣтокъ, или даже статеекъ объ немъ. Такъ, 1) въ февр. книжкѣ „Кончина императора Іосифа II“ (стр. 336—337). Это—краткая замѣтка объ его смерти съ обѣщаніемъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ дать „обстоятельное разсужденіе о жизни и свойствахъ сего Великаго Самодержца на первомъ престолѣ свѣта, который былъ столь великъ, что современный свѣтъ не можетъ отдать ему полной справедливости“. Онъ „былъ болѣе своего столѣтія“[2]).

Въ панегирическомъ тонѣ написаны и слѣдующія статейки объ Іосифѣ II: 2) „Краткое начертаніе жизни императора Іосифа II“ (мартъ, 347—361) и 3) „Разсужденіе о жизни, правленіи и кончинѣ Іосифа II“ (сообщено однимъ очевиднымъ свидѣтелемъ въ Вѣнѣ) [апрѣль, 519—534].

Но всѣ эти статейки, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, ученаго значенія не имѣютъ и ничего новаго, оригинальнаго не даютъ.

48. Ramshorn, C. Dr. Kaiser Joseph II und seine Zeit. Leipzig. 1861.

Авторъ—поклонникъ Іосифа II, вся книга проникнута полнымъ сочувствіемъ къ его личности и дѣлу, написана хорошимъ языкомъ, съ увлеченіемъ, но по печатнымъ матеріаламъ и потому ученаго значенія не имѣетъ.

49. Ranke. Die dentschen Mächte und der Fürstenbund. Berlin. 1872. I—II.

Это произведеніе знаменитаго историка имѣетъ для насъ значеніе въ вопросѣ объ Эмсскомъ конгрессѣ, тѣмъ болѣе, что у насъ не было другихъ капитальныхъ изслѣдованій по этому вопросу, кромѣ не разъ уже упомянутаго выше „Союза князей“ проф. Трачевскаго. Послѣдній не придаетъ особеннаго значенія этому изслѣдованію Ранке: „послѣ изданнаго Ад. Шмидтомъ,—говоритъ онъ,—довольно полнаго свода главныхъ документовъ по этому вопросу, почерпнутыхъ изъ прусскаго архива („Geschichte d. preussisch-deutschen Unionsbestrebungen“, 1851), сочиненіе Ранке представляетъ уже немного новыхъ, да и то мелкихъ данныхъ, почерпнутыхъ отчасти изъ австрійскаго, но больше изъ княжескихъ архивовъ, въ особенности же веймарскаго[3]).

50. Riehl und Rainer von Reinöhl. Kaiser Josef II, als Reformator auf kirchlichem Gebiete.-Eine Festschrit zur Feier des 100 Jahrestages des Toleranz-Patentes von 13 October 1781.) Wien. 1881.

---

[1]) Неустроевъ, А. Н. Библіографическое указаніе «Полит. Журнала» за 1790—1802 г.г. С.П.Б. 1874. 3, 5. [2]) 336—337. Курсивъ подлинника. [3]) L. c., Ш, примѣч.

Эта юбилейная книжка представляетъ собою почти простой сводъ распоряженій Іосифа по церковнымъ вопросамъ, распредѣленныхъ по извѣстнымъ группамъ.

51. Шлоссеръ, Ф. К. Всемірная исторія. Томъ VI. С.П.Б. 1872. Іосифу II и его реформѣ отведено не много мѣста (стр. 177—180, 207—210, 210—215). О чемъ-либо оригинальномъ и новомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Авторъ относится къ дѣлу и личности Іосифа II сочувственно и признаетъ церковныя реформы его самыми удачными изъ его реформъ, по крайней мѣрѣ, въ самой Австріи[1]).

52. Онъ-же. Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи. Т. IV-й С.П.Б. 1859.

Въ этой исторіи Шлоссеръ имѣлъ возможность обстоятельнѣе коснуться дѣла и политики Іосифа II (301—334, 334—350, 350—375, 375—424). Взглядъ его на Іосифа, конечно, тотъ-же, что̀ и въ вышеназванномъ сочиненіи. Встрѣчаются ошибочныя мнѣнія: такъ, напр., Шлоссеръ признаетъ подлиннымъ письмо Іосифа къ Герзану (въ окт. 1781 г.)[2]), думаетъ, что placet regium на обнародованіе всѣхъ буллъ введено только Іосифомъ II[3]), считаетъ фактомъ анекдотъ о свиданіи Пія VI съ Кауницемъ въ Вѣнѣ[4]).

53. Theiner, A. Der Cardinal Johann Heinrich Graf von Frankenberg und sein Kampf für d. Freiheit der Kirche und die bischoflichen Seminarien unter Kaiser Joseph II. Freiburg in Breishau. 1850.

Тейнеръ—крайній клерикалъ, ревностнѣйшій поборникъ ультрамонтанскихъ взглядовъ. Кардиналъ Франкенбергъ, въ его глазахъ,—замѣчательнѣйшій человѣкъ въ церкви за послѣднія 3 столѣтія; онъ прилагаетъ къ нему имя Аѳанасія за его „геройскую борьбу противъ несчастныхъ церковныхъ реформъ императора Іосифа II, которыя должны были привести и отчасти дѣйствительно привели къ торжеству надъ церковью господствующаго невѣрія“[5]).

54. Walch, Chr. W. Fr. Neueste Religions-Geschichte. Th. I. Lemgo. 1771. Th. IX. Lemgo, 1783.

О характерѣ и задачѣ „исторіи“ Вальха было сказано выше, когда шла рѣчь объ его продолжателѣ, Планкѣ[6]). Въ 1-й части этого труда нашего вопроса касаются главы—3-я [„Исторія изданной Юстиномъ Феброніемъ книги и возникшихъ по поводу ея споровъ“[7])] и 5-я [„О религіозныхъ стѣсненіяхъ евангелической части священной римской имперіи и сдѣланныхъ для устраненія ихъ распоряженіяхъ“[8]). Въ IX-й части имѣютъ отношеніе къ нашему вопросу главы—1-я [Представленіе Іосифу II венгерскихъ подданныхъ евангелическаго аугсбургскаго и гельветическаго исповѣданій относительно религіозныхъ стѣсненій, отъ 29 апр. 1781 г. и отвѣтъ на него императора, отъ 25 октября 1781 г.[9])] и 2-я [О распоряженіяхъ Іосифа II по религіознымъ и

[1]) 177. [2]) IV, 305 и пр. 93 ср. Brunner. L. c., 7—8 [3]) IV, 306. [4]) IV, 313 ср. Ranke. I, 86. [5]) Vorwort, V.
[6]) XXVIII. [7]) 145—198. [8]) 249—292. [9]) 1—66.

церковнымъ вопросамъ][1]). — Значеніе „исторіи“ Вальха опредѣлено нами выше[2]).

65. Веберъ, Г. Всеобщая исторія. Т. XIII. Москва. 1891.

Авторъ посвятилъ немного страницъ дѣятельности Іосифа II (400—413, 417—451) и изъ нихъ всего 8 церковной реформѣ его. Ничего новаго на этихъ 8 стр. (435—442) онъ не даетъ, повторяя лишь старыя ошибки: такъ, напр., признаетъ подлинность писемъ Іосифа II къ кардиналу Герзану[3]) и Зальцбургскому архіепископу[4]) и разсказываетъ старый анекдотъ про визитъ папы Кауницу[5]). Въ общемъ Веберъ относится къ Іосифу сочувственно, видитъ въ немъ „истый типъ той идеалистически настроенной эпохи, которая хотѣла освободить міръ изъ суевѣрія, духовной и соціальной неволи, устарѣвшихъ доктринъ и учрежденій, ввести разумъ и природу въ ихъ права. Смѣло, правда, было поползновеніе его устроить счастіе людей по собственному усмотрѣнію, а всетаки источникъ, изъ котораго истекали его мотивы, былъ чистъ и ясенъ“..... „Однако, онъ поступалъ черезчуръ торопливо и произвольно, слишкомъ мало обращалъ вниманія на историческое право, на существовавшія условія, обычаи и предразсудки и не давалъ времени созрѣть посѣву. Онъ путемъ указовъ хотѣлъ облагородить и усовершенствовать міръ. Вотъ отчего гуманныя идеи его гибли и заподозрѣвались: ими оскорблялись и нарушались исконныя преимущества и привычки; его стремленія устранить церковныя злоупотребленія, положить предѣлъ суевѣрію, внесть въ народъ образованіе и просвѣщеніе, —все это порицалось, какъ невѣріе и вольнодумство, а его попытки создать единство въ государственномъ строѣ съ равномѣрнымъ судопроизводствомъ и болѣе простою администраціей считались тиранствомъ и проявленіемъ деспотической души“..... „Многіе изъ его проектовъ и созданій миновали словно сонъ, но духъ его остался. Благодаря ему, Австрія и впослѣдствіи даже не совсѣмъ подчинилась ультрамонтанизму и іезуитизму, подобно инымъ странамъ“[6]).

56. Wendrincky, J. Kaiser Josef II. Ein Lebens-und Charakterbild zur hundertjahrigen Gedenkfeier seiner Thronbesteigung. Wien. 1880.

Признавая, что нѣтъ недостатка въ біографіяхъ Іосифа II, авторъ находитъ, что онѣ частью устарѣли, частью представляютъ изъ себя одни панегирики, или сборники анекдотовъ, и, большею частью, ихъ нельзя достать въ продажѣ. Помимо всего этого, онѣ не даютъ полной исторіи жизни Іосифа II, которая стала возможною только въ новѣйшее время съ появленіемъ на свѣтъ трудовъ Арнета, Ад. Вольфа, Бруннера, Гокка-Бидерманна и т. п. Вендринскій и взялъ на себя скромную задачу—по этимъ капитальнымъ трудамъ написать книгу, безъ претензій дать что-либо новое и не выдвигая на первый планъ политической исторіи, особенно въ виду тяжелыхъ нападковъ въ настоящее время на основную идею Іосифа II—единаго австрій-

[1]) 67—240. [2]) XXVIII—XXIX. [3]) 435, см. выше XXX. пр. 2. [4]) 435 ср. Brunner. 517. [5]) 441 см. выше XXX, пр. 4. [6]) 450—451.

скаго государства. Находя крайнимъ взглядъ Іосифа на обсолютное государство, нашъ авторъ признаетъ, что мысль о свободномъ австрійскомъ государствѣ, съ австрійскимъ сознаніемъ и государственнымъ чувствомъ, все еще нуждается въ укрѣпленіи и оживленіи въ противовѣсъ федеративнымъ и національнымъ претензіямъ [1]). — Все значеніе труда Вендринскаго въ популяризаціи и въ этомъ смыслѣ его книга вполнѣ удовлетворяетъ своей задачѣ. Не хорошо одно: авторъ очень часто не указываетъ, откуда что̀ беретъ. Впрочемъ, этого недостатка нельзя ставить въ вину автору, такъ какъ онъ и не претендуетъ на ученое значеніе своего труда.

57. Werner, R. M. Aus dem Josephinischen Wien. Geblers und Nicolai' Briefwechsel während d. Jahre 1771—1786, herausgegeben und erläutert von Dr. R. M. Werner. Berlin. 1888.

Переписка Николаи съ Геблеромъ не имѣетъ почти никакого отношенія къ церковной реформѣ Іосифа II; бо́льшая часть этой переписки посвящена театру, остальное текущей литературѣ, представляющей интересъ дня. Здѣсь много характернаго для эпохи, вѣяній, распространенія „просвѣщенія“, отношенія вѣнскаго правительства къ новымъ идеямъ (напр., запрещеніе „Всеобщей нѣмецкой библіотеки [2])“, романа Бюнкеля [3]), Клингеровскихъ „Близнецовъ“ [4]); много о массонствѣ [5]), о народныхъ школахъ [6]); о церковной же реформѣ Іосифа II Николаи бесѣдовалъ съ Геблеромъ мало,—встрѣчаются только общія выраженія о разсѣяніи суевѣрій [7]), или замѣчанія о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ богословскихъ сочиненіяхъ [8]).

58. Wolf, Adam. Die Aufhebung der Klöster in Inneröster-reich 1782—1790. Ein Beitrag zur Geschichte Kaiser Joseph's II.— Wien. 1871.

Занимаясь исторіей картезіанцевъ въ Австріи, Ад. Вольфъ ознакомился съ матеріалами въ правительственныхъ архивахъ Града, Лайбаха и Клагенфурта. Эти монастырскіе акты, протоколы, инвентари и особенно донесенія ко́миссаровъ по закрытію монастырей дали ему возможность составить полное представленіе о приведеніи въ исполненіе распоряженій Іосифа II о закрытіи монастырей, о числѣ послѣднихъ, хозяйствѣ и имуществѣ. Дальнѣйшія работы въ вѣнскихъ министерскихъ архивахъ дали ему возможность увеличить матеріалъ, вставить картину въ общія рамки и представить руководящія идеи іосифовскаго законодательства. Въ изображеніи частностей онъ ограничивается монастырями внутренней Австріи, т. е. Штиріи, Каринтіи и Крайны, предоставляя болѣе молодой силѣ пересмотрѣть монастырскіе инвентари въ остальныхъ частяхъ австрійской монархіи и закончить перечень числа и имущества монастырей. Такъ какъ историческій вопросъ, разрабатываемый нашимъ авторомъ, тѣсно связанъ съ современной политикой, то онъ предостерегаетъ отъ объявленія его сочиненія тенденціознымъ той или другой партіей. Это—истори-

[1]) Vorrede. V—VI. [2]) 19, 91, 93 сл., 98, 101 сл., 150 сл., 153. [3]) 94. [4]) 86. [5]) 119 сл. [6]) 20 сл., 22, 109; 143 сл., 153 сл. [7]) 113. [8]) 26.

ческая работа и, несомнѣнно, закрытіе монастырей, наравнѣ со всѣми реформами Іосифа II, подлежитъ научному разъясненію. Впрочемъ, историческое представленіе, извлекающее на свѣтъ факты изъ софистическаго запутыванія ихъ партіями, особенно способно примирить настоящее съ прошедшимъ и укрѣпить убѣжденіе, что всегда послѣ горячей борьбы партій открывается мѣсто для спокойнаго посредничества[1]).—Такимъ образомъ, авторъ изучилъ не только вѣнскіе центральные правительственные архивы, но отчасти (для внутренней Австріи) и провинціальные монастырскіе. Поэтому его сочиненіе очень цѣнно, тѣмъ болѣе, что авторъ желаетъ быть объективнымъ историкомъ. Только благодаря этому изслѣдованію мы можемъ поставить на надлежащее мѣсто вышеупомянутое сочиненіе Бруннера „Die theologische Dienerschaft am Hofe Joseph II", написанное также по архивамъ различныхъ учрежденій и потому очень импонирующее на любого изслѣдователя даннаго вопроса.

59. Wolf, Adam und Hans von Zwiedineck—Südenhorst. Oesterreich unter Maria-Theresia, Joseph II und Leopold II (1740—1792). Berlin. 1884. (Изданіе Онкена, IX-а часть).

Этотъ коллективный трудъ двоихъ ученыхъ отводитъ мало мѣста церковной реформѣ Іосифа[2]), да и то, что̀ есть, написано по Риттеру, Рилю и Рейнёлю, П. Ф. Вольфу, Гроссъ-Гоффингеру, Егеру, Мейнерту, Гейссеру, Франку, Вендринскому, Жерсону Вольфу и Адаму Вольфу.

60. Wolf, G. D. Verhältnisse d. Protestanten in Oesterreich unter d. Kaiserin Maria-Theresia und d. Toleranz-Patent. («Histor. Taschenbuch». 5 Folge. Achter Jahrgang. Leipzig. 1878. S.S. 131—165).

Эта статья Ж. Вольфа, извѣстнаго многими солидными учеными работами по исторіи Австріи, имѣетъ значеніе для характеристики положенія протестантовъ при Маріи-Терезіи. Къ сожалѣнію, у насъ не было въ рукахъ другой статьи его по этому вопросу: «Grundsätze zur Behandlung d. Protestanten in Oesterreich vom 14 Nov. 1777» («Jahrbuch d. Gesellschaft d. Protestantismus in Oesterreiche». Jahrgang I. Wien und Leipzig. 1880).

61. Онъ же. Kaiser Joseph II und d. österreichischen Generalseminarien («Histor. Taschenbuch». 5 Folge. Siebenter Jahrgang. Leipzig. 1877. S.S. 331—387).

По вполнѣ справедливому замѣчанію автора этой статьи, посвященной учрежденію въ Австріи генеральныхъ семинарій, вопросъ объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ доселѣ изслѣдованъ очень недостаточно, да и занимавшіеся имъ ученые (Тейнеръ, Бруннеръ, Егеръ и др.) трактовали его односторонне и черпали, большею частью, изъ мутныхъ источниковъ, нашъ же авторъ бралъ матеріалъ исключительно изъ вѣнскихъ архивовъ—министерства исповѣданій и просвѣщенія и кня-

[1]) Vorwort. V—VII. [2]) 248—263.

жеско-епископскаго[1]). Поэтому его статья очень цѣнна, несмотря на незначительный объемъ.

62. Онъ же. D. Unterrichtswesen in Oesterreich unter Kaiser Joseph II.—Nach einer Darstellung von J. v. Sonnenfels. Wien. 1880.

Эта книжка Ж. Вольфа, написанная къ 100-лѣтнему юбилею вступленія Іосифа II на престолъ, очень важна для обрисовки положенія школьнаго дѣла въ Австріи при этомъ императорѣ. Она представляетъ собою подробный анализъ объемистой записки бар. Зонненфельса о современномъ ему положеніи въ Австріи учебнаго дѣла, написанной вслѣдствіе выраженнаго въ 1785 г. русской императрицей Екатериной II желанія получить свѣдѣнія по этому вопросу. Эта доселѣ неизданная записка подробно знакомитъ читателя со всѣмъ, чего желали и къ чему стремились въ то время въ указанной области на всѣхъ ея ступеняхъ. При анализѣ записки Ж. Вольфъ, гдѣ находитъ нужнымъ, поясняетъ и дополняетъ ее, приводя соотвѣтственныя высочайшія резолюціи или сообщая свѣдѣнія о происхожденіи тѣхъ, или другихъ распоряженій[2]).

63. Онъ же. Josefina. Wien. 1890.

Это также юбилейное произведеніе Ж. Вольфа (къ 100-лѣтнему юбилею кончины Іосифа II) имѣетъ значеніе въ виду того, что написано по архивнымъ матеріаламъ. Не ставя своей задачей, какъ показываетъ самое заглавіе, дать что либо цѣльное, законченное, авторъ беретъ изъ исторіи этого императора только тѣ моменты, которые казались ему заслуживающими особаго вниманія. Высочайшія резолюціи приводятся, большею частью, дословно[3]).

64. Онъ-же. Kaiser Josef II. Wien. 1877.

Эта монографія Ж. Вольфа представляетъ собою сжато, просто, но ясно и увлекательно написанную біографію Іосифа II. Она издана Гёльдеромъ въ видѣ одного изъ выпусковъ его „Исторической библіотеки для юношества“, поэтому въ ней нѣтъ ни одной ссылки на литературу. Признавая ошибки въ реформаторской дѣятельности Іосифа II, авторъ въ общемъ очень симпатизируетъ ему.

65. Wolf, Peter Philipp. Geschichte d. römisch-katholischen Kirche unter d. Regierung Pius d. sechsten. Bd. I. Zürich. 1793. II. Leipzig. 1794. III. Germanien. 1795. IV. Leipzig. 1796. Третій томъ есть и отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Geschichte d. Veränderungen in d. religiösen, kirchlichen und wissenschaftlichen Zustande d. österreichischen Staaten unter d. Regierung Joseph II». Germanien. 1795.—Есть еще 3 тома, всего 7 томовъ, послѣдній вышелъ въ 1802 г.

Это произведеніе П. Ф. Вольфа представляетъ собою очень полную исторію католической церкви за время правленія папы Пія VI. Но въ распоряженіи автора былъ лишь печатный матеріалъ[4]), поэтому

---

[1]) 333—334. [2]) Vorwort (III—IV) и первыя 4 стр. [3]) Vorwort.

[4]) Только на пространствѣ 251—492 стр. I-го тома онъ пользуется какою-то итальянской рукописью.

въ наше время, съ изданіемъ архивныхъ данныхъ, его трудъ потерялъ свое прежнее значеніе и имѣетъ цѣну лишь въ качествѣ сборника богатаго печатнаго матеріала. Авторъ настроенъ очень враждебно противъ папы и ультрамонтанскихъ взглядовъ. Всѣ его симпатіи на сторонѣ Іосифа II и его церковной реформы.

66. Zwiedineck-Südenhorst. Geschichte d. religiös. Bewegungen in Inner-Oesterreich im 18 Jahrhundert («Archiv für öster. Geschichte». Bd. LIII. Wien. 1875. S.S. 460—546).

Эта небольшая статья, касающаяся положенія иновѣрцевъ въ Австріи при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II, написана, помимо печатной литературы, по архивнымъ даннымъ. Есть кое-что новое и цѣнное.

II. 2. Русскія пособія.

67. Брикнеръ, А. Проф. Исторія Екатерины II. I—V ч.ч. въ 1 томѣ. С.П.Б. 1885.

Объ Іосифѣ II въ этой исторіи упоминается нерѣдко[1]), но авторъ касается исключительно внѣшней исторіи, отношеній его къ Екатеринѣ II, поѣздокъ въ Россію, переговоровъ, союза съ ней и турецкихъ войнъ. Характеристики Іосифа II, а также чего либо новаго и оригинальнаго нѣтъ.

68. Касицынъ, Д. Февроніанизмъ и нѣмецкій католицизмъ (по поводу современнаго церковнаго движенія въ Германіи) („Русскій Вѣстникъ", 1872 г., мартъ, стр. 5—37).

Это—журнальная статейка проф. М. Д. А., Д. Ѳ. Касицына, спѣшно написанная въ началѣ (15 янв.) 1872 г. по поводу старокатолическаго движенія во главѣ съ покойнымъ теперь проф. Дёллингеромъ. Авторъ ставитъ это движеніе въ связь съ февроніанизмомъ и протестомъ противъ Рима Черскаго и Ронге[2]), въ виду чего касается Февронія и его произведенія, указываетъ его мѣсто и значеніе въ церковной исторіи[3]), а также въ общихъ чертахъ излагаетъ церковныя реформы Іосифа II[4]), при чемъ относится къ нимъ сочувственно. Ничего оригинальнаго не высказываетъ. Встрѣчаются и неправильности. Такъ, онъ признаетъ подлиннымъ подложное, какъ было доказано наукою еще за нѣсколько лѣтъ до появленія въ свѣтъ этой статьи[5]), письмо Іосифа II къ кардиналу Герзану въ октябрѣ 1781 г.[6]). Далѣе, онъ находитъ „замѣчательнымъ" то обстоятельство, что сами католическіе писатели не заподозрѣваютъ его (Іосифа) по сему случаю (по поводу закрытія монастырей) ни въ антирелигіозныхъ, ни въ корыстолюбивыхъ стремленіяхъ"[7]). Между тѣмъ, Іосифа не только „заподозрѣвали" въ такихъ неблаговидныхъ стремленіяхъ, а и обвиняли публично, печатно не только его современники, а и наши, напр., Брун-

[1]) Ч. I, 130. III, 262, 264, 266, 267, 340, 343, 344, 347, 360, 365—370, 373—385, 390, 392—394, 396—403, 405, 407, 410, 412, 414, 416, 418, 422, 424—426, 430, 432, 434, 436, 449, 452, 489, 490, 492—493, 515. IV, 611, 614—616, 648—649. V, 670, 708, 721, 748, 750, 766, 786. [2]) 34. [3]) 6—12. [4]) 13—16. [5]) Brunner. 7—8. [6]) 13. [7]) 14.

неръ, Брюккъ, Тейнеръ и др. Это обстоятельство, повидимому, не должно бы было оставаться неизвѣстнымъ для нашего почтеннаго автора.

69. Ону, А. М. Іосифъ II и „философія“ XVIII в.

Эта небольшая статья молодаго ученаго (36 стр. in 8°, отдѣльный оттискъ изъ 2-го тома „Истор. Обозрѣнія“ С.П.Б. 1891 г.) представляетъ переработку его реферата, читаннаго въ XII засѣданіи Историческаго Общества 7 ноября 1890 г.

Сначала авторъ устанавливаетъ, что Іосифъ II „былъ такимъ же звеномъ въ ряду австрійскихъ монарховъ и государственныхъ людей, какъ и Марія-Терезія“, что „движеніе, во главѣ котораго стоялъ онъ, и направленіе, которое онъ ему придалъ, все это было шагомъ впередъ, но нельзя сказать, чтобы здѣсь не было почвы подъ ногами, главное же различіе между нимъ и Маріей-Терезіей обусловлено формой просвѣщеннаго абсолютизма“ [1]). Эту связь Іосифа съ прошлымъ Ону проводитъ по всѣмъ сторонамъ государственной жизни[2]).

Установивъ эту связь, авторъ переходитъ къ доказательству того, что Іосифъ II былъ человѣкомъ дѣла, борцомъ и мученикомъ, не бывъ смѣлымъ теоретикомъ или мечтателемъ[3]), что напрасно во всѣхъ планахъ и распоряженіяхъ его историки видятъ привнесеніе элемента идеологіи, не составляющаго необходимаго свойства просвѣщеннаго абсолютизма, будто онъ, подобно законодателямъ Учредительнаго собранія и Конвента, видѣлъ предъ собою не конкретныхъ людей, а отвлеченныхъ гражданъ, понималъ государство не какъ реальную силу, воздѣйствующую на другія историческія силы, а какъ отвлеченную схему, обязательную и легко осуществимую[4]). Неудачная борьба императора съ національнымъ и провинціализмомъ является какъ будто бы полнымъ оправданіемъ этой точки зрѣнія, какъ проявленіе слабой стороны отвлеченнаго взгляда на государство и человѣческую личность. Императоръ видѣлъ предъ собою (въ Нидерландахъ и Венгріи) не живыхъ людей съ самобытнымъ преданіемъ, прошлымъ, привычками, языкомъ, а безсодержательную фикцію, отвлеченныхъ гражданъ, которымъ хотѣлъ навязать свою волю, свою „философію“ въ одинъ пріемъ и во всемъ объемѣ. Вся выработанная долгими вѣками особность провинцій объявлена предразсудкомъ, который „философія“ съ высоты трона можетъ разсѣять и разгромить указами въ какіе нибудь 24 часа. Ключъ къ объясненію преувеличенной вѣры императора въ свое могущество ищутъ такимъ образомъ, прежде всего, въ раціоналистической вѣрѣ во всемогущество разума и, благодаря этому, судьба Іосифа II подводится подъ общую категорію принциповъ XVIII в.[5]). По мнѣнію нашего автора, корень пренебреженія императора къ племенной и областной самостоятельности, пагубнаго легкомыслія при крутомъ приведеніи всего къ одному знаменателю не въ мнимой идеологичности Іосифа, достойнаго сына своего вѣка, не понимавшаго живой исторической почвы, а въ ослѣпленіи своей властью, подобно Фи-

[1]) 4—5. [2]) 5—22. [3]) 36. [4]) 23. [5]) 24—25.

липпу II. Это былъ промахъ, свойственный старому порядку[1]). Современное теченіе мысли отразилось на императорѣ принципами свободы и гуманности, при чемъ получило практическое примѣненіе сообразно условіямъ времени и мѣста[2]). „Философія“ императора была гораздо умѣреннѣе сравнительно съ крайними ученіями XVIII в.[3]).

Если первая половина разсужденій автора (о связи Іосифа съ прошлымъ) не представляетъ собою ничего новаго[4]), то вторая (отсутствіе въ его дѣятельности элемента идеологіи) недостаточно обоснована. Для нашего вопроса эта статья значенія не имѣетъ.

70. Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XXVIII. 1878 (Исторія Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. Т. IV. Москва. 1878).

С. М. Соловьевъ касается Іосифа II мимоходомъ, когда говоритъ о раздѣлѣ Польши, объ отношеніяхъ между Россіей, Пруссіей и Австріей и о русско-турецкихъ кампаніяхъ. Ничего особеннаго, оригинальнаго нѣтъ. Характеристика Іосифа II, если только можно назвать этимъ именемъ замѣчанія С. М. Соловьева[5]), бѣглаго характера и очень блѣдна. Впрочемъ, въ его задачу и не входила обстоятельная характеристика Іосифа, соправителя своей матери, а до времени самостоятельнаго правленія его онъ не дошелъ.

71. Трачевскій, А. Германія наканунѣ революціи („Вѣстникъ Европы“, 1875 г., №№ 5—8).

Хотя эта статья почтеннаго профессора и не имѣетъ прямого отношенія къ нашему вопросу, но она интересна потому, что даетъ намъ картину Германіи этого времени въ политическомъ, административномъ, отчасти экономическомъ и морально-интеллектуальномъ отношеніяхъ.

72. Онъ же. Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—1790 г.г. С.П.Б. 1877. (Первоначально это изслѣдованіе печаталось въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1876 г. №№ 4—12).

Авторъ, по самому характеру сочиненія, долженъ былъ коснуться Іосифа II и его реформъ, хотя центръ тяжести его изслѣдованія въ союзѣ князей. Ученое достоинство его труда, придающее ему важное значеніе и въ западно-европейской литературѣ, состоитъ въ томъ, что онъ первый воспользовался московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ оказался богатый матеріалъ по этому вопросу. Церковной реформы Іосифа Трачевскій касается меньше, чѣмъ гражданской, но касается и ея. Много мѣста удѣляетъ онъ Эмсскому конгрессу.

Задача нашей работы—представить въ истинномъ свѣтѣ церковную реформу императора Іосифа II. По возможности, мы будемъ объективными: для насъ Іосифъ II—чужой человѣкъ и по націи и по вѣроисповѣданію, поэтому мы нисколько не затрогиваемся его церков-

[1]) 26—27. [2]) 29—34. [3]) 34—35. [4]) Meynert, 1 ср. 113, 180. Block. 2, 2—13.
[5]) 153 ср. 155.

ной реформой; кромѣ того, живемъ вѣкомъ позже, поэтому онъ не можетъ волновать нашихъ страстей, какъ у современниковъ—вотъ обстоятельства, дающія намъ большой перевѣсъ предъ католическими писателями, касавшимися этого вопроса, современными какъ ему, такъ и намъ, и гарантирующія насъ отъ увлеченій и пристрастія, непримиримыхъ враговъ исторической правды. Мы не льстимъ себя надеждой сказать что-либо новое и оригинальное, для насъ будетъ вполнѣ довольно, если намъ удастся своей работой восполнить пробѣлъ въ нашей русской ученой литературѣ по данному вопросу. Необходимость работать въ провинціи, надѣемся, объяснитъ и оправдаетъ въ кругу высокопросвѣщенной публики недочеты и промахи нашего труда.

Такъ какъ церковная реформа Іосифа II затрогивала власть папы и выдвигала на сцену старый, но вѣчно юный въ католическомъ мірѣ вопросъ о положеніи папы въ церкви и объ отношеніяхъ его къ государству и, безспорно, стояла въ тѣсной связи съ распоряженіями въ этой же церковной сферѣ императрицы Маріи-Терезіи, то намъ представляется вполнѣ естественнымъ такой планъ работы: сначала мы коснемся вопроса о папской церковной власти въ католической Европѣ XVIII в. (1-я гл.); потомъ представимъ положеніе католической церкви въ Австріи при Маріи-Терезіи (II-я гл.); укажемъ, какими идеями руководился Іосифъ II въ своей церковной реформѣ, ея характеръ и смыслъ (III-я гл.); послѣ этого, какъ бы введенія, изложимъ самую церковную реформу (IV-я гл.); покажемъ отношеніе къ ней современниковъ Іосифа II (V-я гл.) и, наконецъ, представимъ ея итоги (VI-я гл.).

Глава I.

Вопросъ о папской церковной власти въ католической Европѣ XVIII вѣка.

Вѣяніе времени въ государственной жизни Европы XVIII в., сказывающееся и въ церковной.—Вопросъ о папской церковной власти надъ національными церквами.—Оживленіе тенденціи къ эмансипаціи отъ Рима.—Юридическо-историческое обоснованіе послѣдней французскими учеными.—Начало осуществленія новыхъ идей въ уничтоженіи іезуитскаго ордена.—Въ Германіи І. Н. Гонтгеймъ подъ псевдонимомъ Юстина Февронія выступаетъ защитникомъ епископальной системы.—Цѣль его труда; сущность проекта.—Содержаніе труда по главамъ.—Феноменальный успѣхъ его.—Мѣры папы.—Литературные противники Февронія.—Отреченіе Февронія и «Commentarius in suam retractationem».—Распространеніе его идей въ Австріи.—Попытки нѣмецкихъ архіепископовъ примѣнить на практикѣ теорію Гонтгейма: обращеніе къ Іосифу II курфирстовъ съ просьбой о защитѣ нѣмецкой церковной свободы противъ посягательствъ на нее со стороны папы (1764 г.) и Кобленцская статья (1769 г.).

Стремленіе государственной власти къ абсолютизму и торжество бюрократизма—характерная черта въ жизни Европы XVIII вѣка. Это вѣяніе—продуктъ своего времени, поэтому оно сказывается и тамъ, гдѣ его совсѣмъ нельзя было бы ожидать: мѣста неспособныхъ, ограниченныхъ государей занимаютъ талантливые, энергичные министры, являющіеся горячими поборниками идеи абсолютной монархической власти. Примѣры—Неаполь, Испанія, Португалія и Данія въ половинѣ XVIII столѣтія. При такой тенденціи государственной власти, естественно, и католическая церковь, представлявшая собою дотолѣ государство въ государствѣ, должна была раздѣлить судьбу сословій. Такъ, въ XVIII в. снова выступилъ на первый планъ и обострился старый вопросъ о папской церковной власти надъ національными церквами. Власть государей столкнулась съ властью папъ. Снова раздались толки объ освобожденіи церкви отъ духовнаго рабства, о возстановленіи церковной свободы, о возвращеніи церкви правъ, принадлежащихъ ей по установленію Христа и апостоловъ и по древнимъ канонамъ. Ожили идеи реформаторскихъ соборовъ XV в.; папскому дес-

потизму была противопоставлена епископальная система; на смѣну монархическаго церковнаго устройства предлагалось аристократическое. На папство со всѣхъ сторонъ посыпались прямые и косвенные удары.

Первый толчекъ движенію въ этомъ направленіи былъ данъ изъ Франціи. Въ ея церковномъ устройствѣ, выработавшемся путемъ вѣковой борьбы съ папствомъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо изъ католическихъ странъ нашли себѣ практическое примѣненіе неосуществившіяся идеи реформаторскихъ соборовъ XV в. Буржской прагматической санкціей было принято много постановленій Базельскаго собора, а конкордатомъ 1516 г. за королемъ было признано рѣшительное вліяніе при назначеніи на епископскія каѳедры. Съ проникновеніемъ во Францію протестантства здѣсь возникла партія, посредствовавшая между гугенотами и іезуитской: стоя на вполнѣ католической почвѣ, она имѣла въ виду болѣе миръ страны, чѣмъ торжество папства. Она настаивала на обнародованіи только догматическихъ постановленій Тридентскаго собора, но не дисциплинарныхъ. Когда пресѣкся домъ Валуа и на французскій тронъ, благодаря союзу съ этой партіей, вступили Бурбоны, Генриху IV, новокатолическому королю, боровшемуся съ папой (1594 г.), ею былъ представленъ въ качествѣ церковно-политической программы научный сводъ положеній, въ которыхъ французское католическое церковное право разсматривалось, какъ отличное отъ куріальнаго. Она назвала этотъ сводъ „вольностями“ галликанской церкви, потому что смотрѣла на него, какъ на выраженіе древняго церковнаго устройства. Послѣднее было общимъ въ церкви до развитія папскаго приматства, съ торжествомъ котораго погибло, но болѣе чѣмъ гдѣ-либо сохранилось во Франціи: здѣсь первоначальная свобода епископовъ была подавлена папою менѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ католическихъ странахъ. Новое правительство согласилось съ этими взглядами. Такъ, епископальная система была принята и сдѣлалась у Бурбоновъ фамильной традиціей. Когда при Людовикѣ XIV она была облечена въ форму 4 извѣстныхъ галликанскихъ членовъ, подъ королевскимъ покровительствомъ развилась богатая ученая литература этого направленія: въ рядахъ ея защитниковъ мы находимъ такихъ ученыхъ, какъ Питу, Петръ де-Марка, Томассинъ, Боссюэтъ и др. Эта галликанская епископальная система отличалась отъ проектированной въ XV в., прежде всего, въ научномъ отношеніи: она опиралась на историческо-юридическія данныя—прежнее церковное устройство, признававшееся ея защитниками нормальнымъ, изучалось по первоисточникамъ, а потомъ и въ томъ, что отчасти въ связи съ этими историческими изслѣдованіями, отчасти съ французской практикой французскому королю въ церковной сферѣ усвоялась власть гораздо большая той, которую отводила государямъ древняя епископальная система[1]).

Эти взгляды изъ Франціи расходились по всей Европѣ и не только въ ученой формѣ, но и въ популярной: французская литература

[1]) Meier, I, 25—27.

съ половины XVIII в. становится модной во всѣхъ государствахъ и дѣлаетъ эти взгляды прямо или косвенно достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей. Ближайшему знакомству Германіи съ галликанствомъ много содѣйствовалъ Лёвенскій университетъ, принадлежавшій въ то время Австріи и часто посѣщавшійся нѣмцами. Здѣсь долго былъ профессоромъ (съ 1673 г.) извѣстный канонистъ ванъ-Эспенъ, вполнѣ усвоившій галликанскую систему и проводившій ее на лекціяхъ и въ своихъ сочиненіяхъ. Въ своемъ „Jus ecclesiasticum universum“ (1702 г.) онъ воспользовался всей галликанской литературой, обработавъ ее примѣнительно къ практикѣ. Для нѣмцевъ-католиковъ и протестантовъ его „Jus“ сдѣлалось главнымъ источникомъ для изученія церковнаго права. Онъ имѣлъ случай примѣнить свои взгляды на практикѣ: образованіе утрехтской независимой отъ папы католической янсенистской церкви (1706 г.) совершилось при его дѣятельномъ участіи, за что онъ впослѣдствіи попалъ подъ судъ, не дождавшись окончанія котораго, бѣжалъ въ Голландію[1]).

XVIII вѣкъ въ исторіи извѣстенъ, какъ вѣкъ „просвѣщенія“. И „просвѣщеніе“ поднимало голосъ противъ господства папы, противъ духовнаго рабства Риму, хотя по мотивамъ, совершенно отличнымъ отъ правительственныхъ и епископальныхъ.

Такъ все соединилось и вышло на рѣшительную борьбу съ папствомъ, борьбу на жизнь и смерть.

Но если толчокъ и былъ данъ изъ Франціи, на практикѣ эти идеи были примѣнены прежде всего въ странахъ, до того времени считавшихся безусловными доменами римскаго папизма,—въ Португаліи, Испаніи и Неаполѣ. Объясненіе этого, страннаго на первый взглядъ, явленія въ томъ, что въ послѣднихъ положеніе дѣла было доведено духовенствомъ до критическаго и государству не оставалось другаго выхода, какъ вступить съ нимъ въ борьбу, чтобы хоть немного вернуть себѣ изъ утраченной власти. Духовенство владѣло огромными имѣніями, съ которыхъ не платило налоговъ, у него былъ свой ревниво охраняемый судъ, юрисдикцію котораго оно съ большимъ успѣхомъ простирало на возможно большее число свѣтскихъ случаевъ и лицъ; въ Южной Америкѣ между испанскими и португальскими колоніями въ Парагваѣ іезуиты создали по своимъ принципамъ свое собственное государство и сами вели торговлю; въ Неаполѣ около 1740 г., по Коллеттѣ, считалось 112 тысячъ духовныхъ, въ томъ числѣ 22 архіепископа, 116 епископовъ, 31800 монаховъ, 23000 монахинь; въ одномъ городѣ Неаполѣ было 16 тысячъ лицъ духовнаго званія,—и всѣ они сами лично, ихъ имущество и скрывавшіеся у нихъ бѣглецы были свободны отъ общаго права. Особенно Неаполь, вслѣдствіе продолжительнаго испанскаго владычества въ немъ, сталъ совершенно доменомъ папы, смотрѣвшаго на него, какъ на церковный ленъ. Когда, по Вѣнскимъ прелиминаріямъ, Неаполь былъ обра-

[1]) Mejer. I, 27—28.

щенъ въ самостоятельное королевство съ испанскимъ принцемъ Карломъ Бурбономъ во главѣ, послѣднему пришлось въ интересахъ новаго государства ограничить силу духовенства. Его министръ, Тануччи заключилъ съ папою Бенедиктомъ XIV конкордатъ, по которому были ограничены число духовенства, его судъ и свобода отъ налоговъ, хотя этими мѣрами, по словамъ Коллетты, надежды разумныхъ и свободомыслящихъ людей были оправданы только отчасти, отчасти же оказались тщетными. Но Тануччи постепенно расширялъ права государства: такъ, запретилъ обнародованіе папскихъ буллъ безъ королевскаго разрѣшенія, лишилъ силы епископскія отлученія и затруднилъ для духовенства пріобрѣтеніе новыхъ имѣній. И въ правленіи малолѣтняго сына Карла, Фердинанда (съ 1759 г.) Тануччи долго продолжалъ идти въ принятомъ направленіи [1]).

Но первый ударъ папѣ изгнаніемъ іезуитовъ былъ нанесенъ въ Португаліи Помбалемъ. Въ октябрѣ 1759 г. королевскимъ указомъ іезуиты были объявлены здѣсь измѣнниками, бунтовщиками, врагами государства, изгнанными изъ него; въ случаѣ возвращенія, имъ грозила смерть. 13 іюня 1760 г. папскій нунцій Аксіахуоли былъ перевезенъ изъ Лиссабона на испанскую границу. И папа такъ боялся порвать связи съ Португаліей, что отдалъ іезуитовъ на волю министра и даже самому Помбалю оказывалъ знаки особаго расположенія, напр., позволилъ ему имѣть переносный алтарь для мессъ.

Папа хорошо понималъ враждебное настроеніе свѣтскихъ правительствъ къ римскому престолу. Въ Испаніи въ духѣ Помбаля дѣйствовалъ графъ Аранда, во Франціи — Шуазёль. Только 3 апрѣля 1767 г. сдѣлалось извѣстнымъ въ Испаніи королевское распоряженіе, которымъ іезуиты объявлялись преступниками, а ихъ орденъ въ Испаніи уничтоженнымъ, тогда какъ еще въ ночь на 31 марта 1767 г. они были арестованы по всей Испаніи, въ количествѣ болѣе 5 тысячъ человѣкъ посажены на корабли и представлены въ Чивита-Веккіа, гдѣ однако папа не позволилъ имъ высадиться. Таже судьба постигла ихъ и въ другихъ государствахъ. 5 ноября 1767 г. всѣ іезуиты были арестованы въ Неаполѣ, 7 февраля слѣдующаго года въ Пармѣ; во Франціи ихъ орденъ былъ уничтоженъ еще въ декабрѣ 1764 г.[2]).

Мы не будемъ подробно разсматривать столкновеній римскаго двора со свѣтской властью разныхъ государствъ по частнымъ случаямъ, изображать перипетій борьбы этихъ двухъ властей,—это не входитъ въ нашу задачу и завело бы насъ слишкомъ далеко. И сказаннаго, кажется, достаточно для знакомства съ духомъ времени.

При такомъ направленіи теченія духовной жизни Европы половины XVIII в. можно было предвидѣть, какъ будетъ встрѣчено написанное въ духѣ времени сочиненіе о положеніи папы въ церкви. Такимъ сочиненіемъ явилась вышедшая въ свѣтъ въ 1763 г. псевдоним-

[1]) Wendrinsky, 4—5. [2]) Ibidem, 5—8.

ная книга подъ заглавіемъ: «Justini Febronii Jcti de statu ecclesiae et legitima potestate Romani Pontificis liber singularis ad reuniendos dissidentes in religione christianos compositus. Bullioni apud Guilielmum Evrardi». Въ дѣйствительности, она была издана во Франкфуртѣ на Майнѣ книгопродавцемъ Эсслингеромъ и была плодомъ 22-хъ-лѣтняго труда епископа Миріофиса, викарія Трирскаго архіепископа, Іоанна Николая фонъ-Гонтгейма[1]).

Цѣлью труда было, какъ видно изъ самаго заглавія его, соединеніе протестантовъ съ католическою церковью (ad reuniendos dissidentes in religione christianos compositus). На эту же цѣль своего трактата авторъ указывалъ и въ помѣщенныхъ впереди книги обращеніяхъ своихъ къ папѣ Клименту XIII, къ христіанскимъ королямъ и князьямъ, къ епископамъ католической церкви и докторамъ богословія и каноническаго права. Миръ церкви, прекращеніе печальнаго, болѣе 2 вѣковъ продолжающагося въ ней раскола, возвращеніе заблудившихся въ вѣрѣ, даже возсоединеніе восточной церкви съ западной подъ одной видимой главой—вотъ горячее желаніе автора. Весь его трудъ представлялъ собою проектъ реформы католической церкви, способной привести къ этой цѣли, проектъ, основанный на догматическихъ, каноническихъ и историческихъ данныхъ.

Противъ цѣли ничего не могъ имѣть не только „видимая глава церкви“, папа, но и всякій истый католикъ, которому дорога его церковь и ея интересы. Но далеко не могли расчитывать на такое сочувствіе не только со стороны папы, но и со стороны всѣхъ куріаловъ предложенныя авторомъ средства къ достиженію этой цѣли. Послѣдній и не обольщался: онъ ясно сознавалъ, что въ его проектѣ мало пріятнаго для куріаловъ, даже предвидѣлъ ожидавшія его преслѣдованія, но ради своей идеи готовъ былъ вынести ихъ[2]).

Сущность своего проекта Гонтгеймъ изложилъ въ вышеупомянутыхъ обращеніяхъ, занимающихъ мѣсто предисловія къ книгѣ.

Масса церковныхъ злоупотребленій, вытекающихъ изъ непомѣрнаго расширенія папской церковной власти,—вотъ, по мнѣнію автора, причина, удерживающая еретиковъ отъ соединенія съ католической церковью. Безъ удаленія ихъ источника и устраненія ихъ самихъ, никогда не послѣдуетъ этого желаемаго соединенія. Единственное средство—въ возвращеніи къ первобытной церковной практикѣ, въ возстановленіи власти и правъ папы въ тѣхъ размѣрахъ, которые опредѣлены истинными церковными канонами. Поэтому Гонтгеймъ убѣждаетъ папу отказаться отъ политической системы куріи, отъ того, что́ первоначально и по закону не дано ему[3]).

Въ этомъ возстановленіи древней церковной практики заинтересованы не менѣе другихъ государи. Извѣстна тѣсная связь между

[1]) Wolf, P. Ph II, 169—172.

[2]) Обращеніе къ папѣ Клименту XIII. Мы пользуемся 5-мъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ этого произведенія. Bullioni. 1766. (Во всѣхъ упомянутыхъ обращеніяхъ автора страницы не перемѣчены).

[3]) Обращеніе къ папѣ Клименту XIII.

церковью и государствомъ, между миромъ церковнымъ и государственнымъ; церковные расколы всегда и неизбѣжно отражались на государственномъ спокойствіи. Сколько зла и войнъ принесло злоупотребленіе папъ своимъ приматствомъ, сколько опасности для общественнаго спокойствія кроется во множествѣ лицъ, не признающихъ законной власти и надзора за собою со стороны своихъ епископовъ, составляющихъ одно государство по всей Европѣ во главѣ съ папой! Тридентскій соборъ поднялъ 3 очень важныхъ вопроса: 1) о вселенскомъ епископствѣ папы, на которое онъ претендуетъ, 2) о посредственной или непосредственной юрисдикціи другихъ епископовъ и 3) объ изъятіи монаховъ изъ юрисдикціи епископовъ. Но съ принятіемъ только provisionalis средства по послѣднему вопросу, соборъ оставилъ нерѣшенными первые два, тогда какъ отъ ихъ рѣшенія зависѣло рѣшеніе и послѣдняго. Государи, какъ покровители церкви, не должны допускать подавленія и разграбленія своихъ церквей и отнятія ихъ законныхъ правъ со стороны постороннихъ церквей; они не должны терпѣть ничего, что бы, по общему суду епископовъ и благоразумныхъ людей, дѣлало святѣйшую религію столь ненавистною въ глазахъ стоящихъ внѣ, чтобы чрезъ это удерживалось соединеніе церквей. Какъ достаточно показываетъ исторія, для умиротворенія и соединенія церквей не дѣйствительны ни диспуты, ни внѣшняя сила; единственное средство— приведеніе церковной дисциплины въ первоначальное состояніе. Авторъ и приглашаетъ государей постараться объ этомъ: пусть чрезъ честныхъ, ученыхъ, ничѣмъ несвязанныхъ съ римской куріей лицъ, особенно епископовъ, они установятъ истинныя границы тому приматству, которое въ практиковавшейся въ древности, установленной Христомъ формѣ, необходимо для церкви и государства, но когда выходитъ изъ своей сферы, вредно для обоихъ[1]).

Но болѣе всѣхъ заинтересованы въ возстановленіи первоначальнаго порядка церковныхъ вещей епископы: чрезмѣрное расширеніе папской власти произошло на ихъ счетъ. Поэтому Гонтгеймъ призываетъ ихъ къ мужественной борьбѣ противъ папъ за возстановленіе своихъ правъ. „Никто не оспариваетъ у васъ,—говоритъ онъ, обращаясь къ епископамъ,—„качества преемниковъ апостоловъ и всего ихъ служенія. Смотрите, владѣете-ли вы доселѣ всѣми правами послѣднихъ? Если вы лишены бо́льшей части этихъ правъ, остается изслѣдовать, кто васъ лишилъ ихъ: Богъ или церковь? Если ни Тотъ, ни другая, взвѣсьте, требуетъ-ли дѣйствительная польза церкви, чтобы вы далѣе и всегда были лишены тѣхъ правъ, которыми надѣлилъ васъ Виновникъ, Творецъ и постоянный Господь всей церковной власти, конечно, съ божественной цѣлью, не для пустой славы, а для совершенія Его дѣла“? Для рѣшенія этого вопроса не можетъ быть лучшаго средства, какъ идти къ началу, изслѣдуя, когда, по какому поводу, какъ и кѣмъ были отняты эти права? Этимъ авторъ и зани-

[1]) Обращеніе къ христіанскимъ королямъ и князьямъ.

мается въ своемъ трудѣ. Отъ епископовъ требуютъ и ожидаютъ, что они исполнятъ святѣйшую волю своего Главы и вѣчнаго Пастыря, возвратятъ церкви ея блескъ и божественно-установленный порядокъ. Возстановленіемъ своихъ правъ они приведутъ церковь въ ея первоначальное состояніе и славу. Злоупотребленія римскаго двора церковной властью вызвали въ католической церкви расколъ, они же и поддерживаютъ его, поэтому епископы должны позаботиться о возвращеніи полученныхъ отъ Христа правъ, чтобы помочь церкви, трудящейся надъ возсоединеніемъ отпадшихъ отъ нея: послѣдняго никогда не будетъ, если дѣло въ Римѣ будетъ оставаться въ такомъ же положеніи, какъ теперь. Пусть епископы соединятся и не боятся пустаго страха [1]).

Въ обращеніи къ докторамъ богословія и каноническаго права авторъ прямо заявляетъ, что онъ во всемъ своемъ трактатѣ опровергаетъ систему церковной монархіи, аттрибуты папскаго монархическаго права—то, что папа не подчиненъ канонамъ и никѣмъ не можетъ быть судимъ, и его непогрѣшимость.

Весь трудъ Февронія [2]) распадается на 9 главъ:

I) О внѣшней формѣ правленія, которую Христосъ установилъ въ Своей церкви (I p.p. 1—42).

II) О приматствѣ въ церкви и истинныхъ (genuinus) его правахъ (I, 43—76).

III) О возростаніи правъ римскаго приматства и о поводахъ къ нему, частью случайныхъ и невинныхъ, частью предосудительныхъ (sons) (I, 77—109).

IV) О дѣлахъ, называемыхъ обыкновенно болѣе важными (causae majores) (I, 110—133).

V) О церковныхъ законахъ, о правѣ изданія ихъ для вселенской церкви и объ апелляціяхъ къ римскому іерарху (pontifex). (I, 134—176).

VI) О вселенскихъ соборахъ (I, 177—266).

VII) О власти епископовъ, по божественному праву (II, 1—52).

VIII) О свободѣ церкви, о правѣ и случаяхъ ея возстановленія (II, 53—84).

IX) О средствахъ къ возвращенію церковной свободы (II, 85—127).

Ознакомимся поближе со взглядами автора.

Указавъ на св. писаніе и преданіе, какъ на два источника, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты свѣдѣнія о формѣ церковнаго правленія, авторъ, слѣдуя за Викентіемъ Лиринскимъ, даетъ правила толкованія св. писанія [3]) и, руководясь ими, приступаетъ къ разбору мнѣнія куріаловъ о монархическомъ устройствѣ церкви. Мѣста св. писанія, приводимыя куріалами въ подтвержденіе взгляда о монар-

---

[1]) Обращеніе къ епископамъ католической церкви.

[2]) По 5-му изданію (Bullioni, 1766) въ двухъ томахъ: въ первомъ I—VI главы и во второмъ VII—IX и 4 appendix'a.

[3]) I т., I гл., § 1, стр. 1—4.

хическомъ устройствѣ церкви, неограниченной и монархической власти въ ней ап. Петра и его преемниковъ, при правильномъ толкованіи, совсѣмъ не доказываютъ ихъ положенія[1]). Напротивъ, ясныя мѣста св. писанія даютъ представленіе объ устройствѣ церкви, противоположномъ монархическому: они показываютъ, что церковь не была подчинена первому изъ апостоловъ, а представлявшій ее собою общій соборъ имѣлъ власть непосредственно отъ Христа и былъ выше Петра и его преемника, римскаго іерарха[2]). Власть ключей, право вязать и рѣшать даны Христомъ всей церкви, ею она пользуется чрезъ своихъ служителей, между которыми папа первый, но, тѣмъ не менѣе, подчиненный ей. Если эта власть по существу и первоначально принадлежитъ церкви и послѣдняя сообщаетъ ее въ соотвѣтственной мѣрѣ каждому изъ своихъ служителей, то отсюда слѣдуетъ, что церковь управляется по своему собственному усмотрѣнію (juxta propriam suam dispensationem), т. е. канону, и что власть соборовъ, такъ какъ они представляютъ собою всю церковь, выше власти каждаго служителя послѣдней, даже высшаго; что папа не можетъ отмѣнить изданнаго вселенскимъ соборомъ закона, развѣ лишь съ соборнаго согласія, по крайней мѣрѣ, предполагаемаго (praesumpto), т. е. въ томъ случаѣ, въ которомъ разрѣшилъ бы самъ соборъ; что епископы, собравшіеся на вселенскомъ соборѣ,— судьи всѣхъ церковныхъ споровъ и лицъ, даже самихъ римскихъ іерарховъ, если они погрѣшатъ въ вѣрѣ, долгѣ и нравственности[3]). Изъ св. писанія ясно видно равенство всѣхъ апостоловъ по церковной власти, при сохраненіи примата Петра. Особенно это подтверждается апостольскимъ соборомъ въ Іерусалимѣ. Да и вся практика какъ первобытной церкви при апостолахъ, такъ и при ихъ ближайшихъ преемникахъ—епископахъ свидѣтельствуетъ о формѣ церковнаго правленія, противоположной монархіи[4]). Этотъ важный вопросъ о монархической формѣ церкви поднимался на Тридентскомъ соборѣ, но встрѣтилъ такой сильный протестъ, что былъ оставленъ безъ рѣшенія. Приводившіеся на соборѣ аргументы въ пользу папы не имѣютъ силы[5]). Церковь и по днесь управляется Основателемъ своимъ, Христомъ; Духъ Святый, по Его слову, присутствуетъ въ ней и просвѣщаетъ ее. Здѣсь источникъ ея непогрѣшимости[6]), папскую же непогрѣшимость нашъ авторъ отрицаетъ. Ультрамонтанское ученіе о послѣдней не признается различными церквами (напр., греческой, африканской, галликанской, германской) и не приноситъ практической пользы[7]).

Такъ, Гонтгеймъ не признаетъ монархическаго устройства церкви, но отсюда не приходитъ къ отрицанію въ ней приматства и примаса; напротивъ, по его мнѣнію, всякій, признающій единство церкви, легко поймете, насколько важно для нея, чтобы одинъ между епископами былъ первымъ, и признаетъ, что естественно поручить при-

[1]) I, I, §§ 2—4, 6—12. [2]) I, I, § 5, 12—15. [3]) I, I, § 6, 15—18. [4]) I, I, § 7, 19—24. [5]) I, I, § 8, 24—30. [6]) I, I, § 9, 30—39. [7]) I, I, § 10, 39—42.

матство епископу, по достоинству и превосходству своей каѳедры имѣющему наиболѣе авторитета. Приматство сообразно съ духомъ Христа, свято и апостольское. Это съ достаточною ясностью видно изъ св. писанія и преданія[1]). Причина установленія приматства между апостолами и въ церкви—благо единства, безъ котораго невозможно самое существованіе послѣдней[2]). Постоянная наличность причины, вызвавшей установленіе приматства, требуетъ и постояннаго существованія его, поэтому Христосъ желалъ, чтобы оно всегда пребывало въ Его церкви. Но Онъ не назначилъ ни лица въ преемники Петру въ качествѣ примаса, ни его мѣстопребыванія. Поэтому во власти церкви было и остается право опредѣленія, кому быть первымъ въ ней. Она вмѣстѣ съ Петромъ въ свое время ввѣрила это приматство римскому епископу, но за нею, съ логической необходимостью, нужно признать власть перенесенія приматства, по достаточнымъ мотивамъ, и на другую каѳедру[3]).

Съ признаніемъ необходимости въ церкви приматства, естественно, возникаетъ вопросъ объ его правахъ. Въ опредѣленіи ихъ Гонтгеймъ выходитъ изъ указанной цѣли учрежденія приматства; если основаніемъ для установленія его въ церкви было благо единства ея, то тѣ и только тѣ права составляютъ его существенную принадлежность, безъ которыхъ не можетъ быть достигнута цѣль, безъ которыхъ не можетъ сохраниться церковное единство. Чтобы избѣжать возможныхъ ошибокъ при приложеніи общаго правила къ частнѣйшему опредѣленію правъ приматства, Гонтгеймъ обращается къ общей церковной практикѣ въ первые 6—7 вѣковъ, до появленія подложныхъ декреталій, и къ тому, въ чемъ въ новое время согласны всѣ католическія школы. Такимъ образомъ, онъ избираетъ историческій путь.—Прежде всего, съ приматствомъ связано управленіе [directorium). Ни одному изъ апостоловъ въ отдѣльности не принадлежала власть надъ другимъ, или юрисдикція въ собственномъ смыслѣ, но всѣ они подчинялись собору (collegio), его рѣшеніямъ и приказаніямъ. Петръ занималъ въ соборѣ апостоловъ тоже положеніе, какое предсѣдатель въ сенатѣ: онъ былъ главою, но не господиномъ; ему воздавалась первая честь; его мнѣнію придавалось большое значеніе; безъ его участія не рѣшалось ни одного дѣла, особенно касавшагося всей церкви; онъ самъ предлагалъ предметъ для обсужденія; самъ, когда это было удобно, возвышалъ свой голосъ и говорилъ отъ имени и вмѣсто всѣхъ. Но этого только недостаточно для сохраненія единства въ церкви, которая не всегда является созванною на соборѣ. На римскомъ іерархѣ, какъ первомъ между іерархами, лежала забота о томъ, чтобы по всей вселенной соблюдались каноны, хранилась чистая вѣра, удерживались одни и тѣ же существенные обряды при совершеніи таинствъ, наконецъ, исповѣдывалось одно и тоже здравое нравственное ученіе. Само собою понятно, что обремененный этой заботой былъ надѣленъ вла-

[1]) I, II, § 1, 43—45. [2]) I, II, § 2, 46. [3]) I, II, § 3, 46—50.

стью принуждать непокорныхъ средствами, сообразными съ системой и установленными съ этой цѣлью канонами.—Хотя папѣ не принадлежитъ законодательная власть по отношенію ко вселенской церкви, но при большомъ затрудненіи въ созваніи вселенскихъ соборовъ, онъ можетъ издавать для всей церкви общіе законы, которые, однако, общеобязательное значеніе получаютъ лишь со всеобщаго согласія. Хотя папа и не крайній судья всѣхъ споровъ, однако, ему принадлежитъ въ судѣ главная роль (praecipuae partes) и, хотя его опредѣленія касательно вѣры и нравовъ не совершенно безспорны (non omnino irrefragabiles), однако у всѣхъ имѣютъ большое значеніе и частныя церкви должны относиться къ нимъ съ особымъ почтеніемъ. слѣдовать имъ provisorie, по крайней мѣрѣ, какъ говоритъ Жерсонъ, ad non dogmatisandum contrarium, пока противъ нихъ не возстаетъ церковь. Въ иномъ положеніи другіе епископы: ихъ декретамъ подчиняются только находящіеся подъ ихъ юрисдикціей. Когда голосъ папы оказывается безсильнымъ или въ виду противодѣйствія сильныхъ церквей, или упорства еретиковъ, или раскольниковъ, словомъ, когда необходимъ соборъ, представляющій всю церковь, а другіе не созываютъ его, несомнѣнно, римскій іерархъ, въ силу приматства, можетъ и долженъ сдѣлать это. Такъ какъ папа—центръ церковнаго единства, то всегда частью по важнымъ дѣламъ, частью по касающимся всей церкви, въ области ученія или дисциплины, сносились съ нимъ, чтобы этимъ путемъ разсѣянныя церкви могли снестись между собою *даже и помимо собора*, посовѣтоваться объ общемъ благѣ, особенно для сохраненія между собою единства и чистоты вѣры. Справедливо допускается всею церковью, чтобы папа, какъ глава, разрѣшалъ отъ законовъ, изданныхъ соборами, даже вселенскими, конечно, только въ томъ случаѣ, когда бы разрѣшилъ самъ соборъ. Соборами на западѣ и прежде всего Сардикійскимъ (347 г.) за папою было признано вмѣстѣ съ властью надзора право суда въ высшей инстанціи. Наконецъ, западныя церкви обязаны почтеніемъ къ римской, въ качествѣ ихъ матери и учительницы, какъ назвалъ ее Тридентскій соборъ, потому что онѣ отъ нея получили христіанство[1]).

Въ силу приматства римская церковь является центромъ единства. Для сохраненія единства вѣры было необходимо, чтобы Богомъ была установлена одна какая-либо церковь, при помощи и властью которой становилось бы извѣстнымъ по всей землѣ, какія открываются еретическія заблужденія въ частныхъ провинціяхъ и какія нужно употреблять противъ нихъ средства. Для сохраненія въ чистотѣ вѣры и религіи и священной іерархіи въ ея состояніи необходимо общеніе церквей между собою чрезъ этотъ общій центръ [2]). Чтобы папа могъ выполнять связанныя съ приматствомъ обязанности, ему должно доносить обо всемъ, касающемся церкви, гдѣ-бы что ни происходило, иначе онъ не въ состояніи былъ бы заботиться (sollicitudinem expere)

[1]) I, II, § 4, 50—52. [2]) I, II, § 5, 52—54.

о всѣхъ церквахъ въ качествѣ ихъ главы [1]). Римскій іерархъ—tutor и vindex каноновъ во вселенской церкви. Въ древности всѣ епископы не сомнѣвались въ томъ, что папы должны наблюдать за сохраненіемъ и исполненіемъ повсюду апостольскихъ преданій и соборныхъ каноновъ; въ случаѣ неисполненія ихъ, учить, увѣщевать, а гдѣ это не поможетъ, употреблять противъ упорныхъ и средства, предписанныя съ этой цѣлью канонами, не только для исправленія отступающихъ, но и для примѣра другимъ. Но эти каноны не только не предполагаютъ въ церкви абсолютной монархической власти, а напротивъ, исключаютъ всякую мысль объ ней, такъ что папа, напр., самъ по себѣ не можетъ низлагать непокорныхъ. Одни изъ правъ примата—божественнаго права, другія—человѣческаго, а епископы всѣ почти свои права имѣютъ по божественному праву; за сохраненіе ихъ и защиту—постоянное преданіе церкви. Поэтому, если естественный охранитель и защитникъ каноновъ не только не защищаетъ, а еще уничтожаетъ и ниспровергаетъ усвоенное послѣдними епископамъ, то онъ quo ad hoc не признается охранителемъ до тѣхъ поръ, пока снова не возьмется за исполненіе своего долга [2]). Папа имѣетъ право, отъ имени вселенской церкви, предлагать законы или какія-либо опредѣленія, но высказанное имъ только тогда получаетъ значеніе мнѣнія всѣхъ и вселенской церкви, когда съ нимъ согласны всѣ, или почти всѣ церкви, а если церкви въ высказанномъ не признаютъ своего преданія, то онѣ имѣютъ право возражать. Тогда вопросъ переносится на соборъ. И это право praetaxationis относится не только къ изданію законовъ, но и ко всѣмъ важнымъ дѣламъ, касающимся всей церкви. И декреты папъ по дисциплинарнымъ вопросамъ имѣютъ значеніе дисциплинарныхъ каноновъ, но только тѣ, въ основаніи которыхъ лежатъ признанные церковью каноны, особенно соборные, и которые касаются ихъ исполненія. Нерѣдко и соборы отсылали свои постановленія папѣ, чтобы чрезъ его посредство послѣднія сдѣлались извѣстными всѣмъ церквамъ [3]). Для примѣненія на практикѣ правъ приматства папа можетъ назначать въ провинціи и государства своихъ легатовъ и викаріевъ. Первоначально эти лица не имѣли никакой юрисдикціи, были лишь apocrisiarii и responsales. Но съ необычайнымъ возрастаніемъ, подъ вліяніемъ лжеисидоровскихъ декреталій, папской власти развилась и власть его легатовъ, въ ущербъ власти епископовъ и митрополитовъ. Свѣтскіе государи и соборы старались устранить эти злоупотребленія со стороны легатовъ. Самъ Тридентскій соборъ старался ограничить чрезмѣрную власть легатовъ и возстановить юрисдикцію епископовъ. Послѣ открытія подложности декреталій на долю послѣдующаго времени осталось привести права ихъ къ надлежащей нормѣ [4]).—Суммируя все сказанное о приматствѣ папы во вселенской церкви, Феброній такъ опредѣляетъ его: principa-

[1]) I, II, § 6, 54—57. [2]) I, II, § 7, 58—61. [3]) I, II, § 8, 61—64. [4]) I, II § 10, 67—70.

tus Summi Pontificis per universam ecclesiam non tam est (jurisdictionis, quam ordinis ac consociationis. На Тридентскомъ соборѣ старались, хоть и безуспѣшно, объявить папу епископомъ и правителемъ вселенской церкви. Хотя ему принадлежитъ забота о вселенской церкви, но отсюда не слѣдуетъ, что ему непосредственно принадлежитъ въ собственномъ смыслѣ юрисдикція надъ всѣми церквами. Онъ имѣетъ право предлагать законы для соблюденія всѣми церквами, но дѣлаетъ это не по своему праву, а отъ имени вселенской церкви и отъ послѣдней зависитъ признать ихъ за свои, или нѣтъ. Разузнавать и дѣлать опредѣленія по какимъ бы то ни было дѣламъ церковнымъ по христіанскому міру не касается до него; до Сардикійскаго собора папѣ не приписывалось права принимать апелляціи. Онъ можетъ собирать соборы, но и президентъ собираетъ сенатъ, хотя юрисдикція не у него одного. а у всего собранія. Въ случаѣ появленія ереси, онъ долженъ писать къ епископамъ провинціи, или государства, чтобы, по изслѣдованіи дѣла, они низложили епископа-схизматика, уничтожили соблазнъ, сохраняли каноны соборовъ, всюду принятые, и тому подобное, но, если его увѣщанія не принимаются во вниманіе, онъ самъ своею властью не можетъ низложить еретика-епископа, а только отлучаетъ его вмѣстѣ съ послѣдователями, но это отлученіе не есть актъ юрисдикціи въ собственномъ смыслѣ, потому что право послѣдняго принадлежитъ каждому епископу въ отношеніи къ каждому еретику, даже неподчиненному. Заблуждаются думающіе, что, по названію папы „епископомъ католической церкви“, вся католическая церковь представляется какъ бы его діоцезомъ, въ которомъ онъ одинъ поступаетъ въ качествѣ епископа по собственному праву, а остальные исполняютъ только vicariam praefecturam его одного. Противъ этого часто говоритъ въ своихъ письмахъ Григорій великій. Папѣ можно усвоить названіе вселенскаго епископа въ томъ только смыслѣ, какой Беллярминъ находитъ въ словахъ Григорія великаго, что онъ имѣетъ заботу обо всей церкви, но общую, такъ что онъ не исключаетъ частныхъ епископовъ[1]). Приматство въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало 8 вѣковъ, служило ко благу церкви. Вотъ взглядъ автора на право приматства: преемнику Петра принадлежитъ забота обо всѣхъ церквахъ. Поэтому изъ всѣхъ провинцій ему должно доносить (referendum) обо всемъ, касающемся общаго состоянія церкви. Все стекается къ нему, какъ къ центру, чтобы сохранялось единство вѣры, чистота нравовъ, церковная іерархія. Ему принадлежитъ забота (cura) и защита каноновъ, составленныхъ вселенскими соборами, или иначе принятыхъ церковью. Съ этою цѣлью онъ наставляетъ, увѣщеваетъ, обличаетъ; противъ упорныхъ пользуется указанными канонами средствами. Наконецъ, онъ отказываетъ въ общеніи съ собою и церковью, отъ чего много зависитъ подобное общеніе другихъ церквей и respective экскоммуникація. Онъ пишетъ даже къ епископамъ

[1]) I, II, § 11, 70—73.

провинціи о низложеніи соблазнительнаго, или еретика-коллеги. Когда возникнетъ сомнѣніе въ вопросахъ вѣры прежде опредѣленія и объявленія того, что̀ должно составить предметъ вѣры всей церкви, папа спрашиваетъ у епископовъ мнѣній, собираетъ и взвѣшиваетъ послѣднія. Если его рѣшеніе не удовлетворяетъ ожиданію церквей, со стороны многихъ и значительныхъ изъ нихъ раздается протестъ, онъ собираетъ вселенскій соборъ и ему, подъ своимъ предсѣдательствомъ, предоставляетъ свободное изслѣдованіе, разборъ и рѣшеніе дѣла. Также поступаетъ онъ и въ вопросахъ дисциплины, насколько они касаются всей церкви, потому что и въ нихъ онъ имѣетъ право предлагать общій законъ, сила котораго зависитъ отъ принятія и публикаціи. Но онъ не касается обычныхъ правъ епископовъ и не присвоиваетъ себѣ того, что̀ Христосъ въ лицѣ апостоловъ далъ всѣмъ епископамъ, и чѣмъ они пользовались съ начала церкви. Такъ какъ, по церковнымъ канонамъ, всѣ церковныя дѣла должны быть разбираемы и рѣшаемы на мѣстѣ, въ провинціи, то охранитель и защитникъ тѣхъ же каноновъ не можетъ ослаблять ихъ силы. Хотя, по спеціальнымъ основаніямъ, отцы позволили епископу, обиженному (vexatus) своими коллегами, обращаться къ папѣ для разбора, не нужно-ли пересмотрѣть процессъ, призвавши больше судей изъ сосѣднихъ провинцій съ участіемъ папскаго легата, но этимъ не предоставляется папѣ всего изслѣдованія и рѣшенія дѣла и свободнаго права апелляціи къ нему по какимъ бы то ни было дѣламъ[1]).—Въ заключеніе двухъ главъ, поставивъ вопросъ о формѣ церковнаго устройства, Гонтгеймъ отвѣчаетъ словами Пуффендорфа: безразсудны вопросы, какая форма прилична церкви—монархическая, аристократическая или демократическая, это все формы государства, а церковь—не государство[2]).—Очевидно, этимъ отвѣтомъ авторъ уклоняется лишь отъ категорическаго рѣшенія вопроса, хотя, прямо отвергаетъ ультрамонтанское мнѣніе о церковной монархіи. Въ дѣйствительности, его симпатіи, какъ епископала, на сторонѣ аристократическаго церковнаго строя, какъ это достаточно видно изъ изложеннаго уже, а еще яснѣе изъ послѣдующаго, особенно же изъ его разсужденій о вселенскихъ соборахъ и объ епископахъ.

Вотъ въ какомъ видѣ Гонтгеймъ признаетъ приматство римскаго іерарха, вотъ его законныя права, которыхъ никто не можетъ оспаривать. Но извѣстно, что власть папы не удержалась въ этихъ рамкахъ, а далеко вышла за нихъ. Это расширеніе папской власти нововведеніе, противное духу древней церкви, церковнымъ законамъ и во вредъ церковной свободѣ, а особенно въ ущербъ законнымъ правамъ епископовъ. Какимъ путемъ исторически шло это расширеніе правъ приматства? Этому вопросу Гонтгеймъ посвящаетъ третью главу своего труда.

---

[1]) I, II, § 12, 73—75. [2]) I, II, § 12, 75—76.

Епископство въ церкви одно и, въ извѣстной степени (modo), всѣмъ епископамъ обще. Когда ереси, или гоненія грозили опасностью вѣрѣ, ни одинъ епископъ не считалъ не своимъ дѣломъ принять участіе и работать для какого угодно діоцеза, какъ для своего. Діоцезы въ мирное время были необходимы для сохраненія добраго порядка, но вѣра — общее достояніе, поэтому, когда она подвергалась нападеніямъ, вся вселенная считалась за одинъ діоцезъ и вся церковь за одно стадо. Исторія представляетъ множество примѣровъ вмѣшательства епископовъ, въ случаѣ нужды, въ дѣла своихъ діоцезовъ[1]). Но если всякій епископъ, въ случаѣ нужды, могъ вмѣшиваться въ дѣла не своего діоцеза, то тѣмъ болѣе имѣлъ право на это примасъ церкви, папа: вина опущенія въ этомъ отношеніи съ его стороны не только предъ Богомъ, но и предъ всею церковью была несравненно больше, чѣмъ со стороны другаго епископа. Поэтому, если мы видимъ, что папа для поддержанія ли вѣры, или подавленія ереси, для исполненія-ли каноновъ, принимаетъ участіе въ дѣлахъ церквей не только внѣ своего діоцеза, а и патріархата, это совсѣмъ еще не предполагаетъ въ немъ юрисдикціи въ собственномъ смыслѣ этого слова по всѣмъ діоцезамъ. Какъ во всякомъ обществѣ есть одинъ, на которомъ лежитъ обязанность слѣдить за остальными и заставлять ихъ исполнять законъ, такъ и въ церкви, и такимъ лицомъ въ ней является папа. Поэтому спеціальная обязанность послѣдняго, въ качествѣ главы церкви,—противостоять вторгающимся въ нее заблужденіямъ и порокамъ и въ болѣе трудныхъ дѣлахъ итти впереди церкви, первому высказывать свое мнѣніе, даже безъ собора, а другія церкви слѣдуютъ ему, молча, или выразивъ свое согласіе,—въ послѣднемъ окончаніе всего дѣла. Наконецъ, нельзя не признать, что папы дѣлали многое, въ случаѣ крайней нужды, или очевидной церковной пользы, по экстраординарному праву. Но послѣдняго нельзя же обращать въ обычное и признавать за папою право постоянно отправлять обязанности епископовъ въ чужихъ діоцезахъ. Въ этомъ и кроется первый поводъ къ ошибочному заключенію объ обычныхъ и настоящихъ обязанностяхъ приматства[2]).—Второй причиной ошибочныхъ заключеній по этому вопросу является заключеніе отъ фактовъ къ праву, тогда какъ въ этой области нормою нужно брать право, а не частные случаи. О настоящей власти папъ нельзя судить по тому, чѣмъ они пользовались, когда еще не были ограничены никакими предѣлами, ее нужно соразмѣрять съ актами соборовъ, мнѣніемъ церковныхъ учителей, особенно сужденіемъ самихъ папъ о своихъ правахъ, до временъ невѣжества. Отъ частныхъ правъ или привиллегій, даже законныхъ, нельзя заключать къ общему праву. Но теперь не такъ-то легко опредѣлить истинныя границы римскаго приматства и связанныхъ съ нимъ правъ, вслѣдствіе смѣшенія богословами и канонистами новѣйшаго времени взглядовъ на этотъ предметъ Граціана и Лже-

[1]) I, III, § 1, 76—78. [2]) I, III, § 2, 79—80.

Исидора съ вытекающимъ изъ божественнаго права и первоначальнаго и законнаго установленія [1]).—Можетъ привести къ ошибочному заключенію о всеобщей юрисдикціи папы—общеніе между римской и другими церквами и отлученіе отъ этого общенія. Но римская церковь была центромъ единства и ея епископъ, какъ глава остальныхъ, естественно, для уничтоженія повода къ расколу часто отлучалъ отъ общенія другія церкви, какъ всякій епископъ можетъ отлучить другого, или одна церковь—другую, сосѣднюю или далекую, безъ всякой юрисдикціи, даже безъ тѣни ея. Древнее основаніе отлученія и его право не были результатомъ юрисдикціи относительно отлученнаго. Поэтому если папа отлучалъ безъ законнаго повода, что̀ признавала вся или бо́льшая часть церкви, то отлученный не считался отлученнымъ, схизматикомъ [2]). Не нужно забывать, что папа былъ патріархомъ Запада и потому пользовался соотвѣтствующими правами. А съ теченіемъ времени, съ уничтоженіемъ названія и правъ римскаго патріархата, всѣ дѣйствія папы на Западѣ, основывавшіяся на этомъ положеніи его, были приписаны праву его вселенскаго приматства[3]), имѣющему свое основаніе въ божественномъ установленіи, тогда какъ патріаршескія права—человѣческаго установленія. Достоинство апостольской церкви, преимущественно присущее римской, и святость ея епископовъ снискали ей большой авторитетъ, но ничего не могли прибавить къ правамъ приматства. Тоже нужно сказать и о занимаемомъ ею положеніи *матери и учительницы* по отношенію къ западнымъ церквамъ. Титулъ и достоинство главы церкви и намѣстника Христа, принадлежащіе папѣ, не даютъ ему безусловнаго превосходства (absoluta superioritas) надъ другими. Не всякой главѣ принадлежитъ въ собственномъ смыслѣ superioritas надъ всѣмъ тѣломъ. Такъ, папа подчиняется постановленіямъ вселенскаго собора, хотя и предсѣдательствуетъ на немъ и является главою его, но чрезъ это онъ не перестаетъ быть членомъ собора. Если папа—намѣстникъ Христа, то и прочіе епископы, наравнѣ съ нимъ преемники Христа, не лишены этого достоинства, разница лишь та, что папа въ этомъ намѣстничествѣ имѣетъ часть, равную съ Петромъ и поэтому онъ—первый намѣстникъ Христа и въ указанномъ смыслѣ глава. Но съ теченіемъ времени то, что̀ основывалось на одномъ приматствѣ и, по первоначальному происхожденію, на сыновней почтительности и учительской власти (auctoritas), было отнесено къ священной власти и многими, вслѣдствіе господства невѣжества и трусости, признается такимъ[4]).—

Не мало содѣйствовало возрастанію папской власти обращеніе къ папѣ отдѣльныхъ церквей въ затруднительныхъ случаяхъ. Самъ по себѣ этотъ обычай обращенія за совѣтомъ къ римской церкви, какъ матери и учительницѣ, ничуть не свидѣтельствовалъ о монархическомъ устройствѣ церкви, но папы воспользовались имъ въ этомъ смыслѣ.

[1]) I, III, § 3, 80—81. [2]) I, III, § 4, 81—83. [3]) I, III, § 5, 84—85.
[4]) I, III, § 6, 85—90.

Эти обращенія не были необходимостью, обращались не исключительно въ Римъ, а и къ другимъ важнымъ епископамъ. Но папы, привыкнувъ къ этимъ обращеніямъ, обратили ихъ въ должное, стали требовать, какъ необходимаго, ex jure. Свои отвѣты, подъ названіемъ декретовъ, они стали обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, какъ норму общей церковной практики. Лжеисидоровскія декреталіи дали твердую опору этимъ стремленіямъ папъ [1]).—Истинныя права римской церкви дали поводъ какъ отцамъ и писателямъ церковнымъ, такъ и самимъ папамъ, когда приходилось писать, или говорить объ нихъ, употреблять преувеличенныя выраженія (amplissima verba). И вотъ этими выраженіями доказываютъ претензіи на права. Невольно припоминается отвѣтъ грековъ на Флорентійскомъ соборѣ римлянамъ, ссылавшимся на выраженія отцовъ, что „сказаннымъ для чести не нужно пользоваться, какъ доказательствомъ“ (in consequentiam trahi non debet). Особенно злоупотребляютъ словами Христа: „ты—Петръ“ въ декретѣ Граціана, въ декреталіяхъ и въ письмахъ позднѣйшихъ папъ. Что же говорить о выраженіяхъ отцовъ? [2]).—Всѣ указанные поводы къ расширенію папской власти за законные предѣлы, соединившись вмѣстѣ, вызвали на свѣтъ въ концѣ VIII вѣка лжеисидоровскія декреталіи, которыя упрочили церковное устройство, совершенно чуждое первоначальному установленію и истинѣ. Что же было введено новаго этими декреталіями? Прежде всего Лжеисидоръ сдѣлалъ папу епископомъ вселенской церкви, потребовалъ перенесенія на судъ папы всѣхъ болѣе важныхъ случаевъ (causae majores). По его взгляду, папа—одинъ судья епископовъ, безъ его согласія не можетъ быть созванъ никакой, даже помѣстный соборъ, рѣшенія послѣдняго нуждаются въ его утвержденіи; ему принадлежитъ право перемѣщать епископовъ съ одной каѳедры на другую; къ нему апеллируютъ епископы; митрополиты и архіепископы должны получать изъ Рима палліумъ и до его полученія не могутъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей; всѣ церкви должны соблюдать римскіе церковные обряды—„не позволительно членамъ (membris) разногласить съ практикой церкви римской“. Разсмотрѣвъ все это, нельзя не притти къ заключенію о римской монархіи: вся власть въ рукахъ римскаго іерарха, епископы же—лишь его служители. Это и заявилъ Граціанъ, утверждая, что епископы призваны только къ участію въ заботѣ, одинъ папа—къ полнотѣ власти[3]).—Утвержденію этой новой системы не мало содѣйствовала обширная свѣтская власть папы надъ территоріей, данной римской церкви щедростью императоровъ и князей[4]).—Созданная лжеисидоровскими декреталіями система остается въ римской церкви въ полной силѣ и практикуется и до настоящаго времени[5]).

Чтобы представить въ истинномъ видѣ приматство, показать, что оно, по происхожденію и сущности, далеко стоитъ отъ монархіи,

[1]) I, III, § 7, 91—93. [2]) I, III, § 8, 93—96. [3]) I, III, § 9, 96—101. [4]) I, III, § 10, 101—103. [5]) I, III, § 11, 104—109.

Гонтгеймъ разбираетъ такъ называемыя causae majores, съ теченіемъ времени удержанныя за папою, и приходитъ къ выводу, что, по жественному праву и практикѣ первыхъ вѣковъ, онѣ не принадле жали особенно апостольскому престолу. До V вѣка не было и мысли о предоставленіи ихъ папѣ. Онѣ развились изъ обращенія къ папамъ за совѣтами. Викаріямъ при назначеніи поручалось болѣе важныя дѣла направлять къ папѣ. Этимъ много ослаблялась власть митрополитовъ и соборовъ. Съ теченіемъ времени соборы стали все рѣже и рѣже, а съ дѣлами чаще и чаще стали обращаться къ папѣ. Явившимися въ VIII в. лжеисидоровскими декреталіями низложеніе епископовъ предоставлено было папѣ, какъ одна изъ causae majores. Послѣ этихъ декреталій соборы почти совсѣмъ прекратились; епископы и митрополиты стали обращаться къ папѣ, сами епископы плохо сохраняли свои права, собственная власть митрополитовъ оказывалась недостаточной для прекращенія споровъ, папскіе легаты со времени папы Николая I были облечены громадной властью, наконецъ, папская власть въ періодъ съ VIII—XIII в.в. необыкновенно возрасла [1])—вотъ причины, вызвавшія удержаніе за папою права рѣшать наиболѣе важные вопросы въ церковной жизни, извѣстные подъ именемъ causae majores, и вотъ путь, какимъ этотъ процессъ совершился.

И, прежде всего, дѣла вѣры не составляютъ привиллегіи папы. Св. писаніе и церковная практика показываютъ, что апостолы и ихъ преемники, епископы имѣли право обсуждать вопросы вѣры и осуждать ереси и заблужденія, равно какъ охранять чистоту нравовъ и искоренять пороки. Какъ показываетъ исторія, ереси осуждались до вселенскихъ соборовъ или епископами, или помѣстными соборами. Такъ, 9 вѣковъ за папою не признавалось исключительнаго права произнесенія приговоровъ по вопросамъ вѣры. Только Граціанъ установилъ, что важнѣйшія дѣла и особенно вопросы вѣры должны быть отсылаемы на рѣшеніе къ апостольскому престолу и рѣшаемы судомъ его одного. Отдѣльные епископы и помѣстные соборы могутъ подвергать изслѣдованію папскія опредѣленія, согласны-ли они съ писаннымъ и неписаннымъ словомъ Божіимъ. Епископы должны принимать папскія опредѣленія, даже по вопросамъ вѣры, только съ разсужденіемъ, потому что они—не простые исполнители его приговоровъ и папа—не господинъ церкви и не признается ими непогрѣшимымъ [2]).—Право утвержденія и одобренія избранія епископовъ въ первые вѣка было вполнѣ во власти митрополитовъ съ ихъ суффраганами, а потомъ постепенно перешло къ одному митрополиту, на западѣ же до папы Александра III принадлежало помѣстнымъ соборамъ. До послѣдняго вновь избранные и посвященные западные епископы давали папамъ только знать и, посылая исповѣданіе вѣры, просили ихъ общенія, со времени же Александра III въ правѣ дѣлаются частыя упоминанія объ утвержденіи епископовъ римскимъ престо-

[1]) I, IV, § 1, 110—112. [2]) I, IV, § 2, 113—117.

лонъ.[1])—Кому принадлежитъ утвержденіе епископскаго избранія, то-же и принятіе прошеній (postulationes), если разрѣшеніе, нужное просящему, не превышаетъ власти утверждающаго [2]).—Назначеніе коадъюторовъ только въ исходѣ XIII в. было причислено къ causis majoribus[3]).—Перемѣщенія епископовъ, всегда производившіяся властью помѣстныхъ соборовъ, лжеисидоровскими декреталіями были предоставлены папѣ. Но въ истинномъ правѣ раньше Иннокентія III нѣтъ мѣста, которое ясно предоставляло бы это право папѣ[4]).—Увольненіе епископовъ на покой разрѣшалось помѣстными соборами. До XII в. во всемъ правѣ нельзя найти мѣста, которымъ бы это увольненіе епископовъ относилось къ causis majoribus и предоставлялось папѣ[5]). Низложеніе епископовъ по праву принадлежитъ помѣстнымъ соборамъ. Чтобы предоставить это право папѣ измышлено очень много декреталій[6]).—Открытіе новыхъ епархій никогда въ правѣ не предоставляется папѣ. Это—дѣло митрополитовъ и помѣстныхъ соборовъ. Даже на Тридентскомъ соборѣ не было ничего, благопріятнаго для предоставленія папѣ этого права. По мнѣнію ученыхъ, поводъ къ предоставленію этого права папѣ былъ данъ миссіями въ связи съ ослабленіемъ значенія соборовъ, подъ вліяніемъ лжеисидоровскихъ декреталій. Въ виду жалобъ на недостаточность епископій для новообращенныхъ, для церкви, можетъ быть, было бы полезнѣе возвратиться къ прежней практикѣ [7]).—Не принадлежитъ папѣ и право возведенія епископій въ митрополичьи и примасскія церкви. До лжеисидоровскихъ декреталій нѣтъ совершенно ничего, благопріятствующаго этимъ ультрамонтанскимъ претензіямъ. Но послѣ ихъ принятія, около X в. папы начали присвоивать себѣ это право, однако не безъ ропота епископовъ. Пользуясь тѣми же декреталіями, папы многихъ епископовъ подчиняли себѣ непосредственно, исключая ихъ изъ власти митрополитовъ и даже помѣстныхъ соборовъ[8]) —Итакъ, предоставленныя папѣ causae majores не принадлежатъ примаству по природѣ, т. е. по установленію; что же говорить о менѣе важныхъ церковныхъ дѣлахъ и на какомъ основаніи можно предполагать, что вся сумма дѣлъ во власти одного папы, а епископамъ предоставлена нашею одна забота, а не власть Христомъ?—Вообще, вопреки мнѣнію кардинала Орси, папѣ не принадлежитъ ни одного аттрибута монархическаго права по всей церкви, хотя въ дѣлахъ, касающихся вселенской церкви, папа, какъ примасъ, безъ собора имѣетъ много значенія, особенно когда онъ отказываетъ въ своемъ согласіи на что нибудь[9]).

Всѣ церковныя опредѣленія и постановленія относятся или къ ученію, или къ дисциплинѣ. Выше было уже сказано, что соборы и епископы—истинные судьи вѣры и что догматы совсѣмъ не зависятъ отъ суда и власти одного папы. Послѣдній не можетъ приписывать себѣ этой власти по праву непогрѣшимости, на которую претендуетъ.

[1]) I, IV, § 3, 118. [2]) I, IV, § 4, 119. [3]) I, IV, § 5, 119—120. [4]) I, IV, § 6, 120—121. [5]) I, IV, § 7. 121. [6]) I, IV, § 8, 121—126. [7]) I, IV, § 9, 126—127. [8]) I, IV, § 10, 127—129. [9]) I, IV, § 11, 129—133.

Тоже самое нужно сказать и объ изданіи новыхъ декретовъ по дѣламъ вѣры для всей церкви: разсѣянные епископы имѣютъ ту же власть, что̀ и собранные на соборѣ, хотя и съ различнымъ дѣйствіемъ. Приписывать папѣ законодательную власть для всей церкви въ дѣлахъ вѣры—и само по себѣ невѣроятно и противорѣчитъ апостольской формулѣ: „изволися Святому Духу и намъ“. Все принадлежащее ему, какъ примасу, какъ говорилось выше, сводится къ праву предлагать прежде другихъ церковные законы. Слова Христа Петру (Лук. XXII, 32) совсѣмъ не доказываютъ папской непогрѣшимости, они относятся лично къ Петру, а не къ его преемникамъ[1]). Также и въ вопросахъ церковной дисциплины: папа не имѣетъ власти, обязательной для всей церкви. Даже постановленія вселенскихъ соборовъ этого рода не имѣютъ законной силы, безъ обнародованія ихъ по провинціямъ и безъ принятія ихъ помѣстными церквами. Но, разъ они уже приняты, папа не можетъ измѣнять, или нарушать ихъ. Поэтому, если онъ отмѣняетъ каноны, созданные Духомъ Святымъ и принятые всѣмъ міромъ, то не только епископы, но и свѣтскіе государи могутъ принять дѣйствительныя мѣры для сохраненія силы каноновъ[2]). Сказанное о частныхъ постановленіяхъ папъ сохраняетъ свою полную силу и въ примѣненіи къ цѣлымъ сборникамъ декреталій: силу общаго закона они получаютъ не отъ авторитета тѣхъ, по приказанію которыхъ собраны и опубликованы, а только отъ принятія ихъ церквами. Въ частности это справедливо о декретѣ Граціана, декреталіяхъ Григорія IX и остальныхъ частяхъ каноническаго права. Еще менѣе могутъ претендовать на обязательность правила папской канцеляріи, булла Coenae и объясненія постановленій Тридентскаго собора[3]).—Какъ не принадлежитъ папѣ законодательная власть по всей церкви, такъ не принадлежитъ ему и судебная. Всѣ доводы Турнелія въ пользу законодательной и судебной власти папы по всей церкви могутъ подтверждать только его авторитетъ управленія (directivam authoritatem), необходимо вытекающій изъ приматства, но не въ собственномъ смыслѣ юрисдикцію его надъ всею церковью[4]). Самъ папа подчиненъ общимъ церковнымъ законамъ. Правда, онъ можетъ разрѣшать отъ нихъ въ частныхъ случаяхъ, но это право не его личноисключительная принадлежность, а общая у него съ остальными епископами. Бываютъ случаи, когда нужно отступить отъ общаго права, каноновъ, или отъ буквы ихъ. Поэтому необходима въ церкви власть, которая могла бы истолковывать законы, съ отеческой снисходительностью смягчать и, наконецъ, разрѣшать отступленіе отъ нихъ. Но въ послѣднемъ случаѣ нужны благоразуміе и строгая осмотрительность: разрѣшать можно только тогда, когда сдѣлали бы это сами законодатели, если бы предвидѣли такой случай, иначе разрѣшеніе было бы нарушеніемъ закона. IV Латеранскимъ и Тридентскимъ со-

[1]) I, V, § 1, 134—136. [2]) I, V, § 3, 136—142. [3]) I, V, § 3, 142—146. [4]) I, V, § 3, 146—154.

борами указаны двѣ причины къ разрѣшеніямъ: необходимость и польза не частная, но общая. Первоначально эти разрѣшенія давались самими епископами, послѣдніе въ своихъ діоцезахъ при достаточной причинѣ (de causa canonica) имѣютъ на это божественное право. Съ теченіемъ времени епископы перенесли эти разрѣшенія на соборы въ виду того, что послѣдніе были часты, а первые рѣдки, съ соборовъ же право разрѣшеній перешло къ папамъ, въ силу принадлежащаго каждому епископу права „вязать и рѣшить". Только съ необыкновеннымъ усиленіемъ папъ большая часть разрѣшеній была ими присвоена себѣ исключительно, по претензіи на полноту власти, но это присвоеніе не могло лишить епископовъ ихъ права. Даже приписанное папамъ соборами не было и не есть нѣчто постоянное, а зависѣло отъ современныхъ обстоятельствъ. Тоже самое нужно сказать и о папскихъ привиллегіяхъ[1]).

Однимъ изъ сильныхъ аргументовъ въ пользу папской судебной власти во всей церкви служитъ право апелляцій къ папѣ изъ всѣхъ частей христіанскаго міра. Въ дѣйствительности же право апелляцій, по природѣ и по праву приматства, не принадлежитъ римскому епископу. Оно опирается на постановленіи Сардикійскаго собора. Но изъ послѣдняго, прежде всего, видно, что соборъ вводитъ нѣчто и доселѣ необычное, не принадлежащее папѣ по природѣ приматства, а потомъ оно не даетъ ему власти рѣшать дѣло осужденнаго въ провинціи епископа, а только власть назначать пересмотръ дѣла на мѣстѣ епископами сосѣднихъ областей, съ назначеніемъ, по желанію папы, легатовъ. Папа не разбираетъ внутренней стороны дѣла,—правильно или неправильно произнесенъ приговоръ, а только, соблюдена ли форма суда, не вытекъ ли приговоръ изъ ненависти, или пристрастія, достаточно ли разобрано дѣло, или нѣтъ. Такъ, здѣсь нѣтъ апелляціи въ собственномъ смыслѣ. Но и эта новая форма суда не нравилась епископамъ Африки, заявившимъ (въ 425 г.) на Карѳагенскомъ соборѣ Целестину, чтобы онъ не только отклонялъ эти обращенія къ нему со стороны клириковъ, но и не посылалъ отъ себя легатовъ для изслѣдованія дѣлъ обращавшихся къ нему епископовъ. Священное право рѣшать дѣла въ провинціи осталось-бы цѣлымъ, если бы лжеисидоровскій сборникъ не измѣнилъ совершенно форму церковной дисциплины[2]). Постановленіе Сардикійскаго собора понятно. Естественно, что люди, считавшіе себя обиженными, обращались къ имѣющимъ власть, или отъ кого ожидали себѣ милости: такъ многіе, осужденные соборами, обращались къ императорамъ, другимъ каѳедрамъ, чаще же всего къ большимъ соборамъ, а не только къ папѣ. Если они оказывались невинно осужденными, то безъ затрудненія принимались въ общеніе другими епископами. Нужно было установить опредѣленный порядокъ въ этомъ случаѣ, чтобы не приходилось блуждать по напрасну. Это и сдѣлалъ Сардикійскій соборъ. Но такъ какъ постановленія соборовъ,

[1]) I, V, § 5, 155—161. [2]) I, V, § 6, 161—166.

какъ упоминалось выше, необязательны, если они не приняты, то едва-ли и постановленіе Сардикійскаго собора примѣнялось въ Африкѣ и на востокѣ. Но оно дало возможность Лжеисидору проявить свою ревность къ римской куріи интерполяціей текста и расширеніемъ въ безконечность — на всѣ дѣла и на всѣхъ судей — того, что́ было позволено только по дѣламъ епископовъ. И такая практика, въ ущербъ справедливости и церковной дисциплины, продолжается до настоящаго времени, хотя и вызываетъ много жалобъ[1]). Обращенія къ римскому престолу Аѳанасія, Іоанна Златоуста и Флавіана не предполагаютъ и не могутъ служить основаніемъ для того права апелляціи, которое приписываютъ себѣ папы со времени Геласія (V в.) поднесь[2]). Установленная лжеисидоровскими декреталіями практика всѣмъ представлялась такой невыносимой, что всѣ признавали необходимость принятія мѣръ къ ея ограниченію, хотя при недостаткѣ исторической критики и не могли отвергнуть ее въ самомъ основаніи. Такъ, на Базельскомъ соборѣ принимались мѣры къ ея урегулированію; конкордаты Галліи и Германіи съ папою клонились къ той же цѣли, но Тридентскій соборъ не принялъ мѣръ, достаточныхъ для устраненія злоупотребленій въ этой сферѣ[3]).

Итакъ, Гонтгеймъ противъ римской монархіи въ церкви: предъ св. писаніемъ и практикой первыхъ вѣковъ церкви исчезаетъ всякая тѣнь ея. Что же даетъ онъ самъ вмѣсто отрицаемаго? Каково нормальное устройство церкви? Управленіе вселенской церковью принадлежитъ вселенскимъ соборамъ, а каждою отдѣльно — епископамъ: вотъ въ двухъ словахъ сущность его системы. При коренномъ отличіи взглядовъ Гонтгейма на устройство церкви отъ ультрамонтанскихъ, само собою разумѣется, должны отличаться отъ ультрамонтанскихъ и его представленія о вселенскихъ соборахъ и епископахъ. Къ нимъ мы и переходимъ.

Если противъ монархической власти папы идетъ церковная практика первыхъ вѣковъ относительно болѣе важныхъ дѣлъ, способа изданія обязательныхъ для всей церкви законовъ, судебной власти и правъ апелляціи, то не менѣе противорѣчатъ ей права и практика вселенскихъ соборовъ. Вселенскую церковь представляетъ вселенскій соборъ, а не одинъ папа. Вселенскіе соборы, законно созданные во св. Духѣ, имѣютъ свою власть непосредственно отъ Христа. Все, что́ говорится о власти церкви, необходимо относится къ представляющимъ ее соборамъ. Эта власть всей церкви должна простираться и дѣйствительно простирается на всѣхъ и каждаго въ отдѣльности изъ признающихъ ее своею матерью, съ перваго до послѣдняго. И перваго члена церкви нельзя считать изъятымъ изъ этой вселенской власти церкви, вытекающей изъ божественнаго установленія. Констанцскій и Базельскій соборы прямо опредѣлили, что римскій іерархъ подчиненъ вселенскимъ соборамъ. Самъ

[1]) I, V, § 7, 166—169. [2]) § 9, 171—174; I, V, § 8, 170—171.
[3]) I, V, § 10, 174—176.

Тридентскій соборъ, хотя и воздержался отъ открытаго рѣшенія этого капитальнаго вопроса, однако, если не словомъ, то дѣломъ во многихъ мѣстахъ показалъ, что онъ выше папы: такова сила истины, что обнаруживается противъ воли тѣхъ, кому важно скрыть ее. Епископы на соборахъ—не только совѣтники папъ, но и судьи вмѣстѣ съ нимъ (conjudices)[1]). Нѣтъ ни божественнаго, ни церковнаго закона, которымъ бы созваніе вселенскихъ соборовъ предоставлялось папѣ и объявлялись бы недѣйствительными созванные безъ его воли. Напротивъ, первые 8 соборовъ, всѣми христіанами признаваемые за вселенскіе[2]), были созваны единственно властью императоровъ и нѣкоторые даже вопреки волѣ папъ[3]). Чрезъ 8 столѣтій практика относительно созванія соборовъ императорами измѣнилась. Съ раздѣленіемъ римской имперіи на восточную и западную и съ распаденіемъ послѣдней на множество государствъ уже не стало во власти одного государя созваніе епископовъ всей вселенной въ одно мѣсто. И вотъ практикой и молчаливымъ согласіемъ какъ церквей, такъ и государей это право было передано одному папѣ, какъ занимающему первую каѳедру, но этимъ не исключалось согласія государей: епископы, какъ ихъ подданные, не могли безъ ихъ разрѣшенія оставить своихъ церквей. Но отсюда еще совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы государи окончательно отказались отъ своего права созванія соборовъ, особенно если папа не созываетъ ихъ къ большому вреду для церкви. Во время авиньонскаго раскола кардиналы рѣшили (1408 г., Флоренція), что созванный ими соборъ будетъ законнымъ. Всякій разъ, когда дѣло идетъ о судѣ надъ папою, его право созванія собора прекращается и возвращается государямъ и епископамъ, и правильно созванный соборъ можетъ воспрепятствовать неблаговременному перерыву его папою[4]).—На соборахъ двоякое предсѣдательство—одно свѣтскихъ государей, для внѣшняго порядка, другое—папъ. Съ этимъ правомъ предсѣдательства въ естественной связи право перваго голоса, но съ сохраненіемъ права епископовъ. Но это предсѣдательство и связанное съ нимъ право такъ же мало доказываютъ власть (superioritatem) папы надъ соборомъ, какъ предсѣдательство во всякой другой корпораціи—гражданской, или церковной. Таково общее правило и если соборъ не рѣшитъ иначе; послѣдній имѣетъ право, даже въ случаѣ присутствія папскихъ легатовъ, переносить предсѣдательство на другаго. Папское право перваго голоса не препятствовало однако и другимъ, съ согласія собравшихся отцовъ, дѣлать предложенія, когда дѣло касалось лица или претензій папы и другихъ интересовъ церкви[5]).—Декреты вселенскихъ соборовъ не нуждаются въ папскомъ утвержденіи. Конечно, желательно согласіе на заключенія собора со стороны папы, какъ видимаго главы церкви, тогда общее согласіе церкви съ тѣмъ большею силою и ясностью можно противопоставить

---

[1]) I, VI, § 1, 177—184.
[2]) Авторъ забываетъ православную церковь.—Прим. автора.
[3]) I, VI, § 2, 184—187.
[4]) I, VI, § 3, 187—189. [5]) I, VI, § 4, 189—191.

желающимъ возмутить церковный миръ; но если папа отказывается подписаться подъ постановленіями собора, представляющими собою рѣшеніе всей церкви, то вселенскій соборъ можетъ воспользоваться своей властью и противъ него, какъ противъ другихъ членовъ церкви. Такъ заявили Констанцскій и Базельскій соборы и ихъ рѣшеніе выражаетъ ученіе галликанской или, вѣрнѣе, вселенской церкви. До XII в., по замѣчанію ученыхъ, нельзя указать декретовъ ни одного собора отъ имени папы, какъ предсѣдателя: раньше говорилось и рѣшалось соборомъ отъ своего имени. И практика вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ показываетъ, что они не обращались за утвержденіемъ къ папѣ, исключеніе представляетъ соборъ Тридентскій, хотя и на немъ отцы не опредѣлили, въ какомъ смыслѣ нужно понимать это утвержденіе[1]). Не слыхано, чтобы какой-либо вселенскій соборъ, тѣмъ менѣе папа осмѣлился снова разбирать опредѣленія предшествующихъ соборовъ, повсюду признанныхъ вселенскими, напротивъ, эти опредѣленія почитались, какъ документы вѣры, и ими пользовались для прекращенія новыхъ споровъ. Совсѣмъ иначе относились къ папскимъ опредѣленіямъ: какъ показываетъ исторія, ихъ разбирали, обсуждали и тогда лишь принимали. Не было бы смысла собираться на соборы, если бы въ папѣ былъ высшій церковный авторитетъ для опредѣленія истины. Напротивъ, епископы какъ въ отдѣльности, такъ и на соборѣ являются въ собственномъ смыслѣ судьями[2]). Церковь не разъ заявляла о безусловной необходимости соборовъ и канонами предписывала, чтобы они созывались чаще[3]). Неправильно мнѣніе, будто окончательное рѣшеніе устанавливается вслѣдствіе согласія большей части епископовъ съ опредѣленіемъ римскаго іерарха, помимо собора. Окончательное, неизмѣнное рѣшеніе принадлежитъ не отдѣльнымъ членамъ, но вселенскимъ соборамъ[4]). Споръ о крещеніи еретиковъ между Кипріаномъ и папою Стефаномъ хорошо подтверждаетъ и иллюстрируетъ это[5]). Во всѣ вѣка и всѣми націями признавалась законность апелляціи отъ папы къ вселенскому собору и, слѣд., власть (superioritas) собора надъ папою. Иногда сами папы отклоняли отъ себя дѣла до будущаго собора[6]). Если церковью признается необходимость частаго созванія соборовъ для сохраненія чистоты вѣры и охраненія и возстановленія дисциплины, то и теперь соборы не лишни. Люди, знающіе церковные каноны, понимаютъ, что Тридентскій соборъ не возстановилъ церковной дисциплины въ томъ видѣ, въ какомъ желали этого отцы собора; сдѣлать это—должно было составить задачу позднѣйшихъ соборовъ[7]). Нужно совсѣмъ ослѣпнуть, чтобы не видѣть, и быть безразсуднымъ, чтобы стараться извинять злоупотребленія церковной властью, практикуемыя римской куріей и угнетающія всю церковь. Средствомъ къ увраченію этихъ золъ, къ возстановленію церковной дисциплины можетъ служить, по мнѣнію Карла Борромео, при-

[1]) I, VI, § 5, 191—195. [2]) I, VI, § 6, 195—200. [3]) I, VI, § 7, 200—205. [4]) I, VI, § 8, 205—216. [5]) I, VI, § 9, 216—220. [6]) I, VI, § 10, 221—224. [7]) I, VI, § 12, 226—231.

мѣненіе тѣхъ же мѣръ, которыми была установлена эта дисциплина[1]). Какъ только начался въ церкви упадокъ дисциплины, первая устами ученыхъ и святыхъ мужей какъ на соборахъ, такъ и безъ нихъ возстала противъ него и не переставала протестовать. Церковь не виновата, она не переставала требовать исправленія, вся вина падаетъ на римскую курію, изъ своекорыстныхъ расчетовъ постоянно противодѣйствовавшую, какъ показываетъ исторія Вьенскаго, Пизанскаго, Констанцскаго, Базельскаго и Тридентскаго соборовъ[2]). Все сказанное о соборахъ и ихъ правахъ хорошо подтверждаетъ и иллюстрируетъ рѣчь кардинала Юліана, предсѣдателя отъ имени папы на Базельскомъ соборѣ. Онъ заявилъ и неопровержимо доказалъ, что законно собранный соборъ имѣетъ власть непосредственно отъ Христа, что его постановленіямъ обязаны повиноваться всѣ, не исключая папы, и, наконецъ, что онъ не можетъ быть распущенъ папою[3]).

Таковы истинныя права соборовъ въ церкви. Но власть папы возросла еще на счетъ епископовъ; ихъ значеніе и права были умалены, а потомъ, съ измѣненіемъ практики, была измѣнена и теорія, такъ что папскія пріобрѣтенія на счетъ епископовъ получили нѣкоторую правовую опору. Для Гонтгейма поэтому очень важно дать настоящее представленіе объ епископахъ, указать ихъ истинныя права.

И, прежде всего, онъ ставитъ положеніе, что епископы установлены Самимъ Христомъ въ лицѣ апостоловъ и поэтому права свои они получили непосредственно отъ Самого же Христа и вполнѣ равны между собою по власти. Изъ св. писанія видно, что Христосъ Самъ далъ апостоламъ ихъ права и власть, связанную съ ихъ служеніемъ, а не послалъ за нею къ Петру. И какъ апостолы получили свою юрисдикцію непосредственно отъ Христа, такъ, по праву законнаго преемства, и ихъ преемники, епископы получили ее изъ того-же источника. Не только св. писаніе, но и преданіе, церковная практика совершенно отвергаетъ претензіи папъ на право сообщать юрисдикцію епископамъ. 12 вѣковъ власть Петра и его преемниковъ не имѣла никакого вліянія на рукоположеніе епископовъ: въ избраніи послѣднихъ принимали участіе народъ, клиръ и сосѣдніе епископы съ митрополитомъ; утверждалъ избраніе и посвящалъ митрополитовъ съ суффраганами, къ папѣ не обращались за согласіемъ на избраніе и за утвержденіемъ его. Епископы, какъ преемники апостоловъ, получили отъ нихъ и всю ихъ власть епископскую, т. е. относящуюся до церковнаго управленія. Къ епископамъ не перешло только то, что̀ принадлежало апостоламъ, какъ апостоламъ, а не епископамъ и что̀ необходимо для церковнаго управленія, развѣ только на время. Всѣ апостолы получили равную власть вязать и рѣшить, а такъ какъ всѣ епископы—преемники апостоловъ, то отсюда выходитъ равенство всѣхъ епископовъ между собою, такъ что, по божественно-

[1]) I, VI, § 14, 240—243. [2]) I, VI, § 15, 243—253 ср. § 13, 231—240. [3]) I, VI, § 16, 253—266.

му праву, епископы въ управленіи своими церквами не признаютъ ничего предоставленнаго папѣ. Иное дѣло то, что̀ предоставлено папѣ канонами и практикой, тѣ привиллегіи, которыя называются патріаршескими. Поэтому до IX в. епископы называли папъ именемъ „братьевъ“, а съ этого времени римскіе іерархи претендуютъ на титулъ „отцовъ“ съ исключеніемъ братства[1]). На Тридентскомъ соборѣ поднимался вопросъ о непосредственной, или посредственной власти епископовъ, но прямо рѣшенъ не былъ. Однако самъ соборъ сказалъ, что епископы наслѣдовали апостоламъ, слѣд., кто отрицаетъ непосредственную власть епископовъ долженъ допустить, что апостолы получили свою власть не отъ Христа, а отъ Петра[2]). Поэтому папѣ не принадлежитъ правоспособность (facultas) пользоваться правами епископовъ въ чужихъ діоцезахъ. Хотя въ силу нераздѣльнаго единаго епископства, установленнаго Христомъ, и съ раздѣленіемъ діоцезовъ осталась общая забота и обязанность первыхъ пастырей, но безъ ущерба для правъ, принадлежащихъ въ частности каждому епископу въ своемъ діоцезѣ Церковь постановленіями строго запрещала епископамъ дѣлать что-либо или рукополагать въ чужомъ діоцезѣ. Это запрещеніе простирается и на папъ, которымъ не принадлежитъ въ чужихъ діоцезахъ никакая непосредственная епископская юрисдикція. Нужно отличать епископское право папы отъ приматства: первое равно праву остальныхъ епископовъ и ограничено тѣми же постановленіями, а второе само по себѣ не даетъ права отправлять епископскія функціи въ чужихъ діоцезахъ. Этому нисколько не противорѣчатъ многочисленные примѣры того, что епископы добровольно предоставляли папамъ свои права въ своихъ діоцезахъ: ими руководили законъ любви и согласія и забота объ общемъ церковномъ благѣ. Папа могъ пользоваться своей юрисдикціей въ другихъ церквахъ только въ виду необходимости, или очевидной пользы церкви, но недостатку епископовъ; слѣд., этого нельзя отнести къ обыкновенной юрисдикціи, а къ тому чрезвычайному праву, которое, коренясь въ единствѣ епископства, присуще было всѣмъ епископамъ, а особенно примасу, чтобы исправлять допущенныя другими неправильности и итти на помощь необходимости. Поэтому-то, какъ показываетъ исторія, папы нерѣдко встрѣчали протестъ со стороны епископовъ, когда вмѣшивались въ ихъ дѣла безъ ихъ согласія[3]).—Первоначально раздача бенефицій составляла принадлежность епископовъ. Такъ дѣло шло до XI в. Но позднѣе подъ разными предлогами, основывавшимися, большею частью, на незнаніи истиннаго церковнаго права, различными путями provisiones бенефицій были предоставлены папскому престолу. Для устраненія возникшихъ, вслѣдствіе этой практики безпорядковъ, различныя націи заключали съ папской куріей конкордаты, но частыя жалобы націй, особенно германской, свидѣтельствуютъ о нарушеніи ихъ папами[4]).—Пріобрѣвши себѣ право назначе-

[1]) II, VII, § 1, 3—7. [2]) II, VII, § 2, 7—10. [3]) II, VII, § 3, 10—16. [4]) II, VII, § 4, 16—20.

нія бенефицій во всемъ христіанскомъ мірѣ и право утвержденія всѣхъ provisiones de dignitatibus et beneficiis, которыя теперь называются consistorialia, папы задались цѣлью пользоваться и плодами бенефицій, стали брать себѣ доходы за годъ, или соотвѣтственную сумму денегъ и до предоставленія ея не стали выдавать буллъ. Аннаты эти незаконны какъ по существу своему, такъ и по способу сбора[1]).—Доколѣ въ церкви не признавалось за папою никакого права и непосредственной юрисдикціи въ діоцезахъ другихъ епископовъ, ничего не было извѣстно о случаяхъ, предоставленныхъ римскому престолу. Епископы имѣли полную власть разрѣшать на исповѣди виновныхъ во всякихъ преступленіяхъ. Только съ теченіемъ времени явились папскія резерваціи, отчасти по желанію самихъ епископовъ, отсылавшихъ нѣкоторыхъ виновныхъ къ папѣ, чтобы затрудненіемъ получить разрѣшеніе отъ папы (нужно было лично являться) удерживать отъ совершенія такихъ преступленій, отчасти вслѣдствіе распространенія ученія, будто папѣ принадлежитъ столько же права и непосредственной юрисдикціи въ чужихъ діоцезахъ, сколько и своему епископу. Но этого права не признавалось за папами до 1034 г. На Тридентскомъ соборѣ было сказано, что папы могутъ сохранять за собою болѣе тяжелыя преступленія, но только *могутъ*. Да и это заявленіе на соборѣ вызвало протестъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ, настаивавшихъ на томъ, что такое право не можетъ быть доказано изъ древности; къ тому же въ то время не было извѣстна подложность декреталій Исидора, а было еще въ силѣ согласное съ ними, общераспространенное тогда мнѣніе, что папа ordinarius ordinariorum, имѣющій по всѣмъ діоцезамъ власть даже большую, чѣмъ мѣстные епископы. Теперь по этому вопросу отцы говорили бы, можетъ быть, иначе[2]). До IX в. было общимъ мнѣніемъ, что папа не можетъ пользоваться епископскими правами во всѣхъ діоцезахъ, или разрѣшать чужихъ прихожанъ, безъ позволенія мѣстныхъ епископовъ. Ни епископскія права папы въ собственномъ діоцезѣ, ни патріаршескія, ни папскія (въ силу всеобщаго приматства) не могутъ затруднять епископу пользованіе въ своемъ діоцезѣ своими правами: папѣ, какъ примасу, принадлежитъ попеченіе о всѣхъ церквахъ, а не непосредственная забота и управленіе отдѣльными овцами. Когда ложными декреталіями этотъ принципъ былъ разрушенъ, папы начали давать нищенствующимъ монахамъ привиллегію—принимать исповѣдь въ чужихъ діоцезахъ. Первый сдѣлалъ это Григорій IX. Понятно, это вызвало массу споровъ между прелатами и священниками, съ одной стороны и нищенствующими монахами съ другой, продолжавшихся до Тридентскаго собора. На послѣднемъ многіе отцы настаивали на отобраніи у монаховъ этой привиллегіи и на возвращеніи ихъ къ первоначальному положенію, по которому они были только помощниками прелатовъ и священниковъ въ іерархическихъ функціяхъ и зависѣли отъ нихъ. Но это предложе-

[1]) II. VII. § 5, 20—27. [2]) II, VII, § 6, 27—29.

ніе было опротестовано не только генералами орденовъ, а и особенно римскими куріалами. Вообще же это вмѣшательство монаховъ съ ихъ привиллегіями очень вредно отозвалось на церковной дисциплинѣ[1]).—Не меньшимъ нарушеніемъ епископскихъ правъ было и доселѣ остается личное изъятіе монаховъ изъ-подъ власти епископовъ. Даже въ IX и слѣдующихъ вѣкахъ издавалось безчисленное множество каноновъ о подчиненіи монаховъ епископской власти secundum canonicam auctoritatem, причемъ имѣлось въ виду особенно 4-е правило Халкидонскаго собора. Между тѣмъ, были изъяты изъ епископской юрисдикціи сначала много частныхъ монастырей, а потомъ и цѣлые ордена. Какъ только начались эти изъятія, со стороны епископовъ стали раздаваться жалобы. Такъ, на Вьенскомъ соборѣ было сдѣлано заявленіе объ уничтоженіи этихъ изъятій; на Тридентскомъ соборѣ оно не разъ было повторено, но папы вышли побѣдителями. Въ то время неизвѣстна была подложность лжеисидоровскихъ декреталій, поэтому епископы не могли съ успѣхомъ бороться противъ универсальнаго и абсолютнаго епископата папы. Помимо справедливости, много какъ государственныхъ (politica motiva) (спокойствіе и безопасность государствъ), такъ и церковныхъ основаній за возстановленіе епископскихъ правъ надъ монахами[2]). Епископы занимаютъ въ церкви, по божественному установленію, первое мѣсто, хотя съ теченіемъ времени кардиналы и были поставлены выше ихъ[3]). Жерсонъ указалъ путь, какимъ епископы могутъ возвратить свои права: они всѣ должны обратиться за помощью къ папѣ, вселенскому собору и католическимъ государямъ. Гонтгеймъ прибавляетъ еще новое средство: „развѣ они не могутъ сами по себѣ охранять и защищать противъ кого угодно права своихъ престоловъ?“ Такъ поступили епископы на Англиканскомъ соборѣ 787 г.[4]).

Итакъ, въ церкви, вопреки ея духу и практики, возникла папская монархія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся церковь и отдѣльные члены ея лишились свободы: ее подавилъ Римъ. Но этотъ деспотизмъ, это подавленіе свободы—несправедливо и опирается единственно на лжеисидоровскія декреталіи, поэтому и у всей церкви, какъ у отдѣльныхъ членовъ ея, остается право возстановить утраченную свободу. Церковная свобода—двоякая: общая—всѣхъ церквей или вселенской церкви и частная—отдѣльныхъ или частныхъ церквей. И соборы (Никейскій, 6-е пр., Константинопольскій I, 2-е и 4-е пр.) повелѣвали хранить эти обычаи (consuetudines), составляющіе вольности помѣстныхъ церквей. Кто предпринимаетъ что-либо противъ обычаевъ частныхъ церквей, тотъ хочетъ поработить послѣднія, тотъ посягаетъ на ихъ свободу; свобода же вселенской церкви состоитъ въ сохраненіи и примѣненіи истиннаго права и въ отверженіи ложнаго, въ свободѣ отъ всякаго несправедливаго бремени, особенно отъ оковъ

[1]) II, VII, § 7, 29—35. [2]) II, VII, § 8, 35—49. [3]) II, VII, § 9, 49—52. [4]) II, VII, § 10, 52—53.

закона, выходящаго не отъ законной власти и равно тяготящаго всѣ церкви. Таково особенно право Исидоровское. При древнемъ правѣ, имѣвшемъ силу до Карла великаго, церковь управлялась правильно, ея свобода вполнѣ сохранялась, а при новомъ (Исидоровскомъ) Христова невѣста впала въ нетерпимое рабство, изъ котораго можетъ быть освобождена насильственными, но законными средствами[1]). Папа—глава церкви, но не монархъ, обладающій властью и правомъ самъ по себѣ управлять всею церковью и отдѣльными ея членами и сообщать и отнимать у епископовъ, по произволу, участіе въ этой своей власти. Въ этомъ сущность воззрѣній Гонтгейма; если онъ ошибся въ этомъ пунктѣ, то и все его сочиненіе—сплошная ошибка, если же не ошибся, то высказалъ рядъ связанныхъ между собою истинъ, способныхъ возстановить первоначальную форму и практику церкви, которую совершенно уничтожила та несчастная идея священной монархіи, которая явилась въ міръ, благодаря лжеисидоровскимъ декреталіямъ[2]). Въ послѣднихъ корень, первоначальная причина упадка первобытной церковной дисциплины, 8 вѣковъ сохранявшейся въ церкви, онѣ дали норму церковной жизни (actis publicis), которая существуетъ до настоящаго времени[3]). Подлогъ (fraus) Исидора встрѣтилъ въ Римѣ радушный пріемъ, но ни въ началѣ, ни теперь не въ состояніи защитить курію[4]). Конечно, много сдѣлали для римскаго двора лжеисидоровскія декреталіи, но онѣ не были въ состояніи совершенно затемнить истинныя права церкви такъ, чтобы истина не прорвалась наружу. Свобода церкви, ея права на свободу не канули въ Лету. Вьенскій, Констанцскій и Базельскій соборы—живое свидѣтельство этого, хотя въ то время еще не была извѣстна подложность декреталій, однако, на этихъ соборахъ ясно высказывались горячія желанія возстановить истинный порядокъ вещей въ церковной жизни[5]). Римская церковь получила множество выгодъ отъ подложныхъ декреталій, но теперь, когда истина открыта, папы не могутъ пользоваться этимъ неправеднымъ стяжаніемъ, безъ нарушенія правъ обиженныхъ сторонъ[6]). Въ пользу выгодъ, полученныхъ папами ложнымъ путемъ, послѣ открытія его ложности, не могутъ служить ни praescriptio, ни cessio, ни possessio, ни consuetudo. Если Виновникъ нашего спасенія и Основатель церкви далъ ей форму правленія, чуждую монархической, то введенныя, вопреки этому божественному установленію, злоупотребленія никогда не могутъ получить значенія законнаго предписанія (praescriptio), потому что нельзя предписывать противъ божественной воли и установленій нашего Спасителя. Еще менѣе можетъ измѣнить истину первоначальнаго установленія сдѣланное позднѣе. Если невѣжество и крайнее суевѣріе воспрепятствовали истинѣ сдѣлаться извѣстною въ свое время, то ничто не мѣшаетъ, съ познаніемъ истины, устранить введенное вслѣдствіе заблужденія. Даже напротивъ, возстановленіе первоначальной практики

[1]) II, VIII, § 1, 53—55. [2]) II, VIII, § 2, 55—56. [3]) II, VIII, § 2, 55—59. [4]) II, VIII, § 3, 59—60. [5]) II, VIII, § 4, 60—64. [6]) II, VIII, § 5, 64—66.

приблизило бы насъ къ совершенству первыхъ вѣковъ. Нельзя оправдывать существующій порядокъ жизни, какъ consuetudo. Самый естественный смыслъ и духъ церковныхъ каноновъ отнимаетъ у этой consuetudo силу права: consuetudo, идущее въ разрѣзъ съ каноническими установленіями, не только не имѣетъ никакого значенія, но и не можетъ быть считаема за consuetudo, это—corruptela, враждебная священнымъ канонамъ. Тѣмъ менѣе могли получить силу привиллегіи римской куріи, основанныя на такомъ обычаѣ (consuetudo). Сами папы столько разъ признавали, что привиллегіи церквей, установленныя властью отцовъ, не могутъ быть измѣнены, или уничтожены никакимъ новшествомъ, что права митрополитовъ и епископовъ, согласно съ канонами св. отцовъ, созданными Духомъ Святымъ и освященными практикой всего міра, должны оставаться неизмѣнными, что умаленіе или нарушеніе правъ ихъ, какъ братій своихъ, папа сочтетъ за обиду себѣ, что папамъ нельзя отступать отъ правъ церкви, утвержденныхъ документами. Остается теперь возстановить истинныя права церквей, властью отцовъ и соборовъ не столько установленныя, сколько скорѣе признанныя и утвержденныя[1]).—Вполнѣ понятно расширеніе папской власти въ темные вѣка невѣжества. Авторитетъ папы основанъ на религіи, что же удивительнаго въ томъ, что невѣжество и фанатизмъ должное и законное почтеніе обратили въ суевѣрный культъ и, думая приносить жертву религіи, въ жертву честолюбію принесли церковную свободу? Но теперь, когда стало извѣстнымъ настоящее церковное право, папская власть должна быть приведена въ настоящія границы[2]).—Чрезмѣрная власть, какою стали пользоваться папы послѣ появленія лжеисидоровскихъ декреталій и до настоящаго времени продолжаютъ пользоваться, очень вредна для церкви и служитъ препятствіемъ къ соединенію церквей. Протестанты признаютъ, что несчастнаго раздѣленія XVI в. никогда не произошло-бы, если бы папы стояли въ предѣлахъ законнаго приматства. Они же заявляютъ, что, даже при полномъ соглашеніи во всѣхъ догматическихъ положеніяхъ, монархія папы и его чрезмѣрная власть останутся навсегда препятствіемъ къ соединенію, они никакъ не могутъ помириться съ этимъ незаслуженнымъ ярмомъ. Одинъ Лжеисидоръ принесъ зла церкви болѣе всѣхъ ересіарховъ вмѣстѣ: ученіе о монархическомъ устройствѣ церкви не только будетъ постояннымъ препятствіемъ къ соединенію церквей, но и было если не причиной, то, по крайней мѣрѣ, поводомъ къ безчисленнымъ бѣдствіямъ, вотъ уже болѣе двухъ столѣтій разоряющимъ Европу изъ-за религіозной розни и впредь имѣющимъ разорять[3]). Всѣмъ извѣстно, что галликанская церковь пользуется по отношенію къ папѣ такъ называемыми вольностями (libertates), которыхъ нѣтъ у другихъ католическихъ церквей. Но всѣ ученые согласны въ томъ, что эти вольности не результатъ какой либо особенной уступки, но лишь крупи-

[1]) II, VIII, § 6, 66—69. [2]) II, VIII, § 7, 69—70. [3]) II, VIII, § 8, 70—76.

цы (portiones) прежней вселенской свободы и церковной дисциплины, удержанныя Галлами, не смотря на происки папскаго двора. Если другія націи въ средніе вѣка были менѣе осторожны и менѣе заботились объ охраненіи священнаго права, то вслѣдствіе этого имъ не заграждены пути къ возвращенію утраченнаго. Примѣръ Галліи, пользующейся свободою, показываетъ, какіе благіе результаты получаются отъ этой вѣрности древнему. Поэтому и другія націи должны подражать Галламъ[1]). Возстановленію истиннаго каноническаго права не мѣшаютъ конкордаты, заключенные римскимъ престоломъ съ различными націями. Всѣ эти конкордаты явились въ эпоху невѣжества, господства несчастныхъ мнѣній, будто вся церковная власть въ рукахъ папы и сами свѣтскіе государи подчинены имъ. Если съ теченіемъ времени, съ открытіемъ истины, власть папы въ области государственной жизни по свѣтскимъ дѣламъ упала, то почему и по духовнымъ не привести ее въ должныя границы, такъ какъ заблужденіе и невѣжество дали поводъ къ тѣмъ договорамъ, на которыхъ она основывается, и которые уже по этому одному не имѣютъ обязательности. Къ томуже эти конкордаты папами постоянно нарушаются[2]). Въ заключеніе Гонтгеймъ высказываетъ свое убѣжденіе, что церковной свободѣ мѣшаетъ не столько папа, сколько римская курія. Послѣ того, какъ идея монархизма, къ несчастью, овладѣла духомъ куріи, даже самымъ умѣреннымъ папамъ не предоставлялось свободы думать, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать иначе, чѣмъ какъ думали или дѣйствовали кардиналы, конгрегаціи и коллегіи. Иначе папу сочли бы расточителемъ привиллегій, принадлежащихъ первому престолу по божественному праву, и онъ встрѣтилъ бы сильнѣйшую оппозицію[3]).

Возвращеніе къ древнему порядку церковной жизни, возстановленіе свободы церкви, истинныхъ границъ приматства и правъ епископовъ—вотъ великая церковная реформа, которой горячо желаетъ Гонтгеймъ. Средства къ достиженію этой цѣли имъ указываются въ IX-й, послѣдней главѣ всего труда.

Позволять папамъ пользоваться тѣми правами, на которыя они претендуютъ и которыми дѣйствительно пользуются, со стороны епископовъ значитъ преступно пренебрегать своимъ долгомъ по отношенію къ самимъ себѣ и своимъ церквамъ. Если римская курія всѣми мѣрами старается охранять и усиливать свою власть, какъ бы она ни произошла, долгъ епископовъ—также стараться возвратить себѣ древнія права (possessiones) и вольности (libertates), призвавъ на помощь саму религію. Должно постоянно бодрствовать и внимательно слѣдить за всѣми шагами римской куріи, противными священному праву и направленными въ ущербъ отдѣльнымъ церквамъ. Къ этому побуждаетъ сама религія[4]).

---

[1]) II, VIII, § 9. 76—80. [2]) II, VIII, § 10, 80—81. [3]) II, VIII, § 11 81—84.
[4]) II, IX, § 1, 85—86.

Первымъ средствомъ противъ злоупотребленій церковной властью со стороны папъ можетъ служить соотвѣтственное наученіе народа относительно истинныхъ предѣловъ его обязанностей, относительно происхожденія и законныхъ прерогативъ римскаго приматства, относительно почтенія къ древнимъ канонамъ, какое должно быть присуще самому римскому престолу. Но особенно сами пастыри и свѣтскіе государи должны изучить церковную дисциплину, іерархію и права епископовъ. Послѣднимъ особенно важно основательно знать и быть убѣжденнымъ, что они—преемники апостоловъ во всѣхъ правахъ. Поэтому и важны сочиненія, основательно и безъ предубѣжденія трактующія объ этихъ предметахъ. Сколько злоупотребленій вкралось въ церковную жизнь въ прежніе вѣка и остается въ ней до послѣдняго времени вслѣдствіе невѣжества! Понятно отсюда, какъ важно развитіе исторической критики и науки церковной исторіи. Есла папа можетъ защищать свои права запрещеніемъ отрицающихъ ихъ сочиненій, то и епископы въ своихъ діоцезахъ по тому же праву могутъ запрещать чтеніе и употребленіе книгъ, въ которыхъ ниспровергаются истинныя епископскія права. Не менѣе въ правѣ и государи запрещать книги, явно противныя правамъ государства, или провинціи, или частныхъ подданныхъ; Галлія въ этомъ отношеніи бдительнѣе другихъ государствъ[1]).

Вторымъ средствомъ къ возвращенію утраченной свободы можетъ служить свободный вселенскій соборъ. Нужно требовать созванія собора, настаивать на этомъ созваніи. Если папа откажетъ, соборъ, какъ было замѣчено выше, можетъ быть созванъ и помимо него[2]). Но, чтобы привести къ хорошимъ результатамъ, соборъ долженъ быть свободнымъ, папа долженъ признать себя подчиненнымъ ему. Объ апелляціяхъ къ такому собору даже на папу выше также упоминалось[3]). Этотъ соборъ и долженъ будетъ рѣшить, о чемъ можетъ быть еще вопросъ, законной-ли практикой и уступкой епископовъ и государей должны быть названы такія пріобрѣтенія папскаго престола,—какъ переводъ епископовъ, открытіе новыхъ епископій, право разрѣшать въ извѣстныхъ случаяхъ и т. п., потому что очевидныя злоупотребленія могутъ быть исправлены, какъ сейчасъ увидимъ, и безъ вселенскаго собора[4]).

Третьимъ средствомъ являются помѣстные (національные) соборы; на нихъ, смотря по ходу дѣла (pro re nata), можно постановлять и отказъ повиноваться папѣ. Помѣстные соборы были до настоящаго времени, да, вѣроятно, и впредь будутъ дѣйствительной мѣрой къ полученію отъ папы разрѣшенія на созваніе вселенскаго собора. Но и сами по себѣ они—очень удобное средство для приведенія всего къ нормѣ законовъ. Трудно достигнуть общей церковной реформы, для нея нужно согласіе большинства, вселенскій соборъ, такъ что,

---

[1]) II, IX, § 2, 87—91.
[2]) I, VI, § 3, 187—189. [3]) I, VI, §§ 10—11, 221-226. [4]) II, IX, § 3, 91—93.

можно сказать, исчезаетъ всякая надежда на общую реформу. Несравненно легче реформировать частную церковь, въ одномъ государствѣ, чтобы не томиться подъ игомъ застарѣлыхъ злоупотребленій. Это и можно сдѣлать на помѣстномъ соборѣ. Если римская курія останется глухою къ представленіямъ угнетаемой церкви, у которой отнимаются всѣ права, вольности и привиллегіи, то вполнѣ справедливымъ будетъ отказъ повиноваться папѣ, но не въ томъ, что̀ принадлежитъ ему по божественному праву, а въ томъ, что̀ по человѣческому, какъ, напр., назначеніе бенефицій, утвержденіе избраній, право апелляцій и т п. Это будетъ временнымъ и не несправедливымъ отдѣленіемъ не отъ престола, а отъ сидящаго на немъ; этимъ средствомъ курія будетъ принуждена возвратиться къ своимъ обязанностямъ и устранить gravamina[1]), нанесенныя ею свободнымъ церквамъ[2]). Этимъ средствомъ—помѣстными соборами—гораздо удобнѣе воспользоваться противъ папы въ монархическихъ государствахъ, какъ, напр., въ Галліи, въ другихъ же—римской куріи легко интриговать, поселяя раздоры. Въ Германіи, напр., курія не разъ то склоняла на свою сторону императоровъ политическими соображеніями, то производила раздѣленіе между епископами и государями. Нерѣдко, какъ показываетъ исторія, свѣтская власть сама искала и находила себѣ защиту въ чрезмѣрномъ развитіи папской власти, почему въ своихъ личныхъ интересахъ не только терпѣла, но даже поддерживала римскія претензіи[3]).

Четвертое средство—въ соглашеніи между католическими государями относительно устраненія злоупотребленій въ церковной жизни. Застарѣлое зло требуетъ и экстраординарныхъ средствъ, участіе же государей въ церковныхъ дѣлахъ подтверждается всею исторіей. Но, во избѣжаніе возможныхъ при примѣненіи этой мѣры ошибокъ со стороны свѣтскихъ лицъ, необходимо для нихъ руководство духовныхъ лицъ, особенно епископовъ. Если трудно соединиться всѣмъ католическимъ государямъ, или большей части ихъ, то можно установить соглашеніе, по крайней мѣрѣ, Германіи съ Галліей, какъ предлагаетъ Шильтеръ, а остальныя націи послѣдуютъ ихъ примѣру[4]). При этомъ нечего бояться громовъ запрещеній съ папскаго престола или раскола, хотя для успѣха предпринимаемой реформы необходимы нѣкоторыя предосторожности. Прежде всего нужно дѣйствовать съ общаго согласія, особенно же необходима поддержка свѣтской власти. Не нужно искать расположенія римской куріи, нужно обратить вниманіе на тѣхъ, которые обращаются туда, или къ апостольскимъ нунціямъ за разрѣшеніями, предоставленными Христомъ епископамъ въ общей власти вязать и рѣшить. Монахамъ необходимо запретить при-

[1]) Самъ Гонтгеймъ такъ опредѣляетъ это понятіе: «Appelamus autem Libertates jura ex Christi et Apostolorum instituto et ordinatione sacrorum Canonum, spiritu Dei conditorum, omnibus Ecclesiis competentia. Gravamina vocamus illas eorundem jurium diminutiones, quas vel confictae ab Isidoro Mercatore Decretales, vel alia mala fata induxerunt in detrimentum ecclesiasticae disciplinae et grave onus populorum, praecipue vero in praejudicium ordinis Episcopalis. (Febronius, J. Abbreviatus et emendatus. 252).
[2]) II, IX, § 4, 93—96. [3]) II, IX, § 5, 96—98. [4]) II, IX, § 6, 98—102.

нимать исповѣдь и пользоваться другими привиллегіями въ діоцезахъ епископовъ, потому что они могутъ дать превратное направленіе исповѣдающемуся. Если епископы такъ поведутъ дѣло, то мало-по-малу возстановятъ свою власть. Впрочемъ, если гдѣ, то здѣсь особенно должно сохранять мѣру[1]).

Пятое средство къ достиженію той же цѣли—недопущеніе папскихъ буллъ. Не менѣе вѣрное и удобное, даже болѣе удобное средство для возвращенія священныхъ правъ—placetum regium, правительственная цензура папскихъ буллъ. Это placetum regium, практикуется во многихъ государствахъ и составляетъ одно изъ правъ величества (jus majestaticum), съ которымъ тѣсно связано по существу. Критеріемъ при запрещеніи буллъ является государственная и общественная польза[2]).

Шестое и болѣе общее средство, заключающее въ себѣ ранѣе указанныя, состоитъ въ законномъ сопротивленіи папѣ. Это средство признается важнѣйшими богословами и канонистами, даже преданными римской куріи, въ томъ случаѣ, когда какіе-либо рескрипты, декреты, постановленія. или другія распоряженія, или поступки папъ производятъ соблазнъ въ церкви, противны Христову установленію, священнымъ канонамъ и дисциплинѣ, предписаннымъ и одобреннымъ нравамъ, или наносятъ глубокую рану правамъ и свободѣ государей, церквей или цѣлаго сословія, напр., епископовъ, незаконными и частыми разрѣшеніями ниспровергаютъ общіе церковные законы. Даже сами папы нерѣдко заявляли, что они не возстаютъ противъ сопротивленія имъ въ такихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, о самой мѣрѣ не можетъ быть и рѣчи, весь вопросъ въ томъ только, есть-ли на лицо вызывающія ее причины. Если, какъ показываетъ исторія, вселенскій соборъ можетъ быть созванъ, даже вопреки желанію папы, и такой соборъ можетъ отказать послѣднему въ подчиненіи, обратившись за содѣйствіемъ къ свѣтской власти для сопротивленія ему, когда бы онъ хотѣлъ разрушить церковь Петра, расточить церковное имѣніе, предпринять что-либо во вредъ церкви, возбудить въ ней несогласія и соблазны, замыслить что-либо противъ statum вселенской церкви, то развѣ нельзя употребить тѣ же средства, когда папа разрушаетъ не матеріальный храмъ и отнимаетъ его временныя блага, а задумалъ бы ввести въ церкви такое управленіе, которое уклоняется отъ Христова установленія, и чрезъ это не только возложить на вѣрующихъ недолжное ярмо, но и сдѣлать церковь ненавистною еретикамъ и язычникамъ. Отсюда должно было ждать большаго вреда и, дѣйствительно, онъ налицо и остается до настоящаго времени. Если папы не низложили всѣхъ епископовъ, то всѣхъ лишили правъ, свойственныхъ ихъ сану, первоначальную и божественную форму церкви изъ страсти къ господству измѣнили не на лучшую, а на худшую, частыми разрѣшеніями безъ каноническаго основанія уничтожили святѣйшіе каноны,

[1]) II, IX, § 7, 102—108. [2]) II, IX, § 8, 108—113.

освященные даже вселенскими соборами. Никто не будетъ спорить, что когда папа замышляетъ подобное, можно, даже должно, открыто противостоять ему. Зачѣмъ же терпѣть это, если оно вошло хотя и незамѣтно, но все таки въ ущербъ истинному строю церкви, ея чести и благу, что̀ очевидно для всѣхъ образованныхъ?[1]).

Изъ всѣхъ перечисленныхъ средствъ вытекаетъ апелляція на злоупотребленія папы, она постоянно практикуется во Франціи и съ полнымъ правомъ должна быть примѣнена и повсюду. Это обращеніе противъ злоупотребленій церковной властью къ власти государей должно практиковаться въ случаѣ несправедливаго отношенія римской куріи къ государямъ, или нарушеніе ею священныхъ каноновъ, охраненіе которыхъ поручено государямъ даже соборами. Такъ, епископы, чтобы избавиться отъ *новаго* права, обращались къ государямъ, какъ Самимъ Христомъ постановленнымъ для охраненія каноновъ, чтобы они своею властью воспрепятствовали исполненію новыхъ декретовъ, какъ неправильныхъ (abusivorum)[2]).

Итакъ,—заканчиваетъ Гонтгеймъ,—церкви очень полезно сохраненіе приматства, но въ законныхъ предѣлахъ его. Привести послѣднее въ законныя границы и составляетъ задачу церковной реформы. Это „приведеніе“ можетъ быть сдѣлано самимъ папою, можетъ быть сдѣлано и соборомъ, разница только въ формѣ: папа можетъ сдѣлать это понемногу, постепенно, а на соборахъ все дѣло реформы совершится сразу (simul ac semel)[3]).

Вотъ довольно подробный анализъ произведенія Гонтгейма. Авторъ—поборникъ епископальной системы. Во всемъ своемъ трудѣ онъ разбиваетъ монархическое устройство церкви, доказываетъ власть собора надъ папою и самостоятельность епископства; папскія права онъ ограничиваетъ приматствомъ, какъ безусловно необходимымъ только для поддержанія церковнаго единства. Власть надъ всею церковью въ рукахъ вселенскаго собора, надъ помѣстными церквами въ рукахъ помѣстныхъ, національныхъ соборовъ, надъ каждою частною—въ рукахъ епископовъ, равныхъ между собою по правамъ, ведущимъ свое происхожденіе изъ божественнаго установленія. Онъ предлагаетъ инціативу возвращенія къ древней практикѣ, сообразной съ духомъ Христова установленія, реформы современной церковной жизни—главѣ церкви, примасу, папѣ. Онъ—за реформу „сверху“, какъ прямо говоритъ въ обращеніи къ папѣ Клименту XIII. Но исторія, многовѣковой опытъ не позволяетъ ему обольщаться, предаваться радужнымъ надеждамъ на папу, поэтому онъ начертываетъ программу реформы „снизу“. Онъ настаиваетъ на созваніи вселенскаго собора, хотя-бы и противъ воли папы. Но общая реформа кажется ему трудно осуществимой, поэтому онъ предлагаетъ провести ее по частямъ, путемъ преобразованія помѣстныхъ, національныхъ церквей на помѣстныхъ же соборахъ. Въ этой борьбѣ противъ папы за автономію національныхъ

[1]) II, IX, § 9, 113—121. [2]) II, IX, § 10, 121—124. [3]) II, IX, § 11, 124—127.

церквей необходимъ союзъ послѣднихъ съ государственною властью. Онъ приглашаетъ свѣтскихъ государей воспользоваться своимъ исконнымъ правомъ покровительства церкви, стремящейся въ ихъ объятія[1]), противъ узурпацій папы и вмѣстѣ съ національными епископами выработать статутъ, который навсегда твердо опредѣлилъ бы права папы.—

Взгляды Гонтгейма не были новостью для 1763 г. Многіе изъ нихъ волновали умы еще въ XV в. и нашли свое выраженіе въ постановленіяхъ и еще болѣе въ разсужденіяхъ реформаторскихъ соборовъ, а также въ конкордатахъ различныхъ государствъ съ папой. На нихъ авторъ часто и ссылается. Но онъ и не претендуетъ на полную авторскую оригинальность своей реформы. Въ обращеніи къ докторамъ богословія и каноническаго права онъ прямо говоритъ, что не помнитъ ни одной изъ предложенныхъ мѣръ, которая непосредственно не вытекала бы изъ здравыхъ положеній, содержащихся въ трудахъ Іоанна Жерсона, Бенигна Боссюэта, Александра Наталиса и Клавдія Флёри, произведеніямъ которыхъ, послѣ отцовъ, больше всего обязана церковь и замѣчательной эрудиціи которыхъ не можетъ не уважать сама римская курія. Впрочемъ, авторъ не слѣдовалъ слѣпо ихъ авторитету, а обращался къ источникамъ, изъ которыхъ черпали они и ихъ противники, и взялъ изъ нихъ только то, что нашелъ сообразнымъ съ божественнымъ словомъ и объясняющимъ его церковнымъ преданіемъ. Помимо этихъ галликанскихъ писателей, онъ пользовался и другими, указанными въ примѣчаніяхъ, здѣсь же не упомянулъ объ нихъ совсѣмъ не вслѣдствіе подозрительности ихъ, какъ думаетъ Мейеръ[2]): иначе ихъ нельзя было указывать ему и въ примѣчаніяхъ. По I. B. Schwab Franz Berg (1869, s. 204) Гонтгеймъ воспользовался преимущественно неупоминаемымъ имъ французскимъ произведеніемъ M. L. de B. (т. е. Bourigny, совѣтника парламента и члена Академіи) „Traité de l'autorité du Pape, dans lequel ses droits sont établis et reduits à leurs justes bornes et les principes de libertés de l' Eglise Gallicane justifiez. A la Haye. 1720[3]). У насъ не было подъ руками этой книги и потому приходится вѣрить на слово.—Наконецъ, многое изъ проектируемаго авторомъ было уже осуществлено на практикѣ въ Галликанской церкви, которую онъ часто приводитъ въ примѣръ остальнымъ церквамъ.

Несмотря на отсутствіе оригинальности, книга Февронія имѣла феноменальный успѣхъ, по единогласному признанію всѣхъ изслѣдователей, хотя замѣчаніе П. Ф. Вольфа, что ни одно печатное произведеніе не вызывало столько шуму[4]), несомнѣнно страдаетъ преувеличеніемъ.

Само собою понятно, какъ долженъ былъ встрѣтить это произведеніе папа. Первый экземпляръ книги, попавшій въ руки папскаго нунція въ Вѣнѣ, былъ съ курьеромъ отосланъ имъ въ Римъ. 27 февр. 1764 г.

[1]) Заключеніе. II, 128. [2]) 28, прим. [3]) Ibidem, 28, прим. [4]) II, 181.

книга была предана проклятію[1]). Но этимъ дѣло не кончилось. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (14 марта 1764 г.) папа Климентъ XIII обратился ко всѣмъ нѣмецкимъ архіепископамъ и епископамъ съ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ требовалъ отъ нихъ полнаго уничтоженія столь вредной для папскаго престола книги[2]). Но епископскія запрещенія только еще больше создавали популярность книги, поэтому въ Римѣ обратились къ свѣтской власти. Папскимъ нунціямъ при дворахъ, особенно вѣнскому, было приказано хлопотать о совершенномъ воспрещеніи сочиненія Февронія. Вѣнскій архіепископъ долженъ былъ содѣйствовать нунцію въ достиженіи этой цѣли[3]). И, дѣйствительно, кардиналъ Мигацци горячо взялся за это дѣло, настаивая на запрещеніи книги изъ одного уваженія къ римскому престолу. Марія-Терезія обратилась за совѣтомъ къ ванъ-Свитену, въ то время президенту цензурной комиссіи. Въ послѣдней книга Февронія уже дважды была разсмотрѣна и одобрена какъ Мартини, такъ и духовными цензорами. Ванъ-Свитенъ горячо вступился за рѣшеніе комиссіи и отстоялъ его. Но скоро въ нее же поступило извлеченіе изъ Февронія на нѣмецкомъ языкѣ. Духовные члены комиссіи высказались противъ этой книги по тому соображенію, что изданная на общепонятномъ языкѣ она можетъ быть соблазнительною для малообразованныхъ читателей. На этотъ разъ не помогла и защита Свитена: по настоянію Мигацци, Марія-Терезія издала приказъ объ уничтоженіи повсюду сочиненія Февронія на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ[4]). Ванъ-Свитену удалось добиться только замѣны уничтоженія книги запрещеніемъ. Послѣднее продержалось болѣе 4 лѣтъ: только въ 1769 г., послѣ разсмотрѣнія въ цензурной комиссіи въ третій разъ, она была разрѣшена, хотя и съ ограниченіемъ,—только для ученыхъ и вообще скромныхъ покупателей[5]); для полученія права читать ее требовалось дозволеніе отъ цензуры, но это было простою формальностью—каждый обращавшійся, безъ всякихъ затрудненій, получалъ его[6]). Эта сравнительная безуспѣшность папскихъ стараній кажется Фридбергу характерной для духа времени, господствовавшаго въ Австріи и именно среди чиновничества[7]).

Еще безуспѣшнѣе были старанія римскаго двора въ Венеціи. Папскій нунцій употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать распространенію книги Февронія, но книгопродавецъ Беттинелли не только распродалъ два латинскихъ изданія, но, съ согласія сената, объявилъ объ изданіи итальянскаго перевода книги и она читалась по всей Италіи, несмотря на угрозу галерами, объявленную государственнымъ секретаремъ, кардиналомъ Торреджіани[8]).

Первое изданіе разошлось съ необыкновенной быстротой. Второе, также во Франкфуртѣ на Майнѣ (1765 г.), явилось съ дополненіями

---

[1]) Запрещеніе книги было повторено—3 февр. 1766 г., 24 мая 1771 г. и 29 марта 1773 г. (Febronius. Commentarius. Acta, 251). [2]) Walch, I, 152—153. Wolf, P. Ph., II, 184—191. [3]) Walch, I, 154. [4]) Fournier, Van Swieten, als Censor. 50. (Arneth, IX, 149—150, 573, прим. 246). [5]) Fournier, Ibidem, 72—73. 50—51. (Arneth, IX, 150, 573, прим. 248). [6]) Wolf, P. Ph., II, 183 cf. Walch, I, 154. [7]) L. c. I, 140. [8]) Wolf, P. Ph. II, 183—184. Walch, I, 158.

и измѣненіями editio altera („priore emendatior et multo auctior“). Кромѣ измѣненій въ текстѣ, здѣсь было сдѣлано прибавленіе, такъ что число страницъ съ 621 (первое изданіе) возросло до 816. Дополненію къ первому изданію составили отвѣты Гонтгейма тремъ выступившимъ противъ него литературнымъ противникамъ: 1) Л. Саппелю, скрывшемуся подъ псевдонимомъ Юстіана Фробенія; ему Гонтгеймъ отвѣчалъ отъ имени Юстиніана Новаго; 2) Іосифу Клейнеру, іезуиту и профессору богословія въ Гейдельбергскомъ университетѣ, отъ имени Іоанна клирика изъ Пфальца и 3) Карлу Фридриху Бардту изъ Лейпцига отъ имени Авла Іордана. Такъ, Гонтгеймъ прячется за цѣлыхъ три псевдонима и даже предупреждаетъ объ отличіи ихъ отъ Февронія,[1]) хотя въ это время у римскаго двора были уже вѣрныя свѣдѣнія о личности послѣдняго[2]). Эти опроверженія вышли и отдѣльнымъ изданіемъ въ Цюрихѣ, какъ говоритъ самъ Феброній въ запискѣ о своемъ трудѣ[3]) подъ заглавіемъ: «Vindiciae Febronianae, seu refutationes nonnullorum opusculorum, quae adversus Justini Febronii J—cti tractatum.... nuper prodierunt“[4]), а Вальхъ, судя по печати, думаетъ, что и они вышли во Франкфуртѣ, а не Цюрихѣ[5]). Въ 1766 г. вышло уже пятое изданіе труда Февронія.

Скоро появились и переводы его—нѣмецкій, французскій и итальянскій. Нѣмецкій вышелъ въ 1764 г. подъ заглавіемъ: „Justini Febronii J—cti Buch von dem Zustande der Kirche und der rechtmässigen Gewalt d. römischen Pabsts, die in d. Religion widrig gesinnten Christen zu vereinigen aus dem lateinischen in einem getreuen Auszuge übersetzt.—Французскихъ переводовъ два: одинъ 1766 г. въ двухъ томахъ 12^0 подъ заглавіемъ—„De l'Etat de l'Eglise et de la puissance legitime du Pontife Romain, à Wurzbourg, chez Jean Müller, вышедшій въ дѣйствительности не въ Вюрцбургѣ, а въ Седанѣ. Это—не вполнѣ вѣрный оригиналу переводъ: есть сокращенія, а по мѣстамъ и вставки переводчика. Чрезъ годъ вышелъ совершенно полный переводъ со 2-го Франкфуртскаго изданія, отпечатанный въ Парижѣ въ 3-хъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Traité du Gouvernement de l'Eglise et de la puissance du Pape par rapport à ce Gouvernement. Traduit du latin de Justin Febronius Jurisconsulte, par L. D. L. S. membre de l'Academie de B. a Venise chez Pierre Remundi. 1767“[6]).—Въ Испаніи сначала явилось въ печати нѣсколько извлеченій изъ Февронія въ формѣ отдѣльныхъ разсужденій. Потомъ сюда было занесено изъ Италіи множество полныхъ экземпляровъ и книга пріобрѣла такое значеніе, что на нее стали смотрѣть, по выраженію извѣстнаго папскаго министра, какъ на codex canonum. Дворъ рѣшилъ исправить, согласно съ Февроніевскими положеніями, злоупотребленія, столѣтіями вошедшія въ церковную практику.—Въ Португаліи Антонъ Перейра (въ 1766 г.) издалъ на португальскомъ языкѣ ученый и надѣлавшій много шуму трактатъ—„De potestate episcoporum circa dispensa-

[1]) Walch, I, 156 cf. 166—167, 164—165. [2]) Ibidem, 155. [3]) Walch, I, 156. [4]) Ibidem, I, 166. [5]) Ibidem, I, 167. [6]) Ibidem I, 157.

tiones in publicis impedimentis matrimonii et absolutione a casibus Rom. Pontifici reservatis", который въ слѣдующемъ году былъ напечатанъ въ Венеціи на итальянскомъ языкѣ, а въ 1769 г. въ Лиссабонѣ на латинскомъ. Авторъ приложилъ къ книгѣ много отзывовъ и одобреній и между ними R-mi Patris Magistri Ioan. Baptistae de S. Gaetano Procuratoris generalis ordinis S. Benedicti, Doctoris Theologiae in universitate Conibricensi. Этотъ отзывъ вполнѣ взятъ изъ труда Февронія[1]).

О вниманіи къ труду Февронія во всей Европѣ не менѣе изданій и переводовъ говорятъ многочисленные литературные противники его.

Первымъ изъ католиковъ выступилъ противъ Февронія Францисканецъ Ладиславъ Саппель, издавшій подъ именемъ Юстиніана Фробенія въ 1764 г. „Epistola ad cl. vir. Justinum Febronium J—ctum de legitima potestate summi pontificis"[2]).

Еще раньше его (въ 1763 г.) протестантъ К. Фр. Бардтъ въ Лейпцигѣ представилъ диссертацію на степень магистра: »Dissertatio de eo, an fieri possit, ut sublato pontificis imperio reconcilientur in religione dissidentes christiani", въ которой оспаривалъ возможность соединенія протестантовъ съ католиками, даже при осуществленіи проектируемой Февроніемъ реформы. Ему одному изъ протестантовъ[3]) отвѣтилъ Февроній въ приложеніи ко второму изданію своей книги.

Въ одномъ году съ Саппелемъ іезуитъ І. Клейнеръ, профессоръ богословія въ Гейдельбергскомъ университетѣ, издалъ: «Unio dissidentium in religione Christianorum, dissertatio inauguralis pertractata, facta antithesi parallela ad Justini Febronii librum"[4]).

13 сентября 1765 г. Кёльнскій университетъ издалъ академическое сужденіе о Февроніѣ подъ заглавіемъ: „Universitatis Coloniensis de proscriptis a S. S. D. N. Clemente divina providentia Papa XIII Actis pseudosynodi Ultrajectinae anno 1765 d. 30 Aprilis et libris Justini Febronii J—cti anno 1765 27 febr. Judicium academicum"[5]).

Въ этомъ же году упомянутый уже Саппель подъ именемъ Ladislai Simmoschorvini напечаталъ: »Epistola, Tusci-Romae et a Sorbonna Lutetiae Parisiorum probata; nunc primum, paucis intuitu circumstantiarum mutatis, in lucem ad cl. vir. Justinum Febronium J—ctum emanata". Siena, 1765[6]).

Одновременно съ нимъ Г. Траутвейнъ, аббатъ монастыря въ Венденѣ на Ульмѣ, написалъ крайне рѣзкія „Vindiciae adversus Justini Febronii de abusu et usurpatione summae potestatis Pontificis, liber singularis"[7]).

Въ томъ же году во Флоренціи монахъ миноритъ Р. М. Корси

---

[1]) Walch, I, 158—159. [2]) Wolf, P. Ph. II, 192.

[3]) Противъ проекта Февронія относительно уніи протестантовъ съ католиками выступали еще въ небольшихъ брошюркахъ отецъ этого Бардта, І. Фр. Бардтъ и генералъ-суперъинтендентъ, въ Виттенбергѣ, К. Г. Гофманъ. (Walch I, 192).

[4]) Wolf, P. Ph. II, 192—193. [5]) Walch, I, 193—194. cf. Wolf, P. Ph., II, 193. [6]) Wolf. P. Ph. II, 193. Walch, I, 162. [7]) Walch, I, 160. Wolf, P. Ph. II, 193.

написалъ брошюру „De legitima potestate et spirituali monarchia Romani Pontificis adversus Justinum Febronium“ [1]).

Въ 1766 г. іезуитъ и профессоръ каноническаго права въ Ингольштадтѣ, Фр. К. Зехъ въ послѣдней части своего «Jus ecclesiasticum» подъ заглавіемъ »De judiciis ecclesiasticis ad Germaniae Catholicae principia et usum pars posterior» въ 3 §§ опровергалъ систему Февронія[2]).

Въ этомъ-же году миноритъ Ю. Сангалло издалъ въ Венеціи „Dello stato della Chiesa e legitima potesta del Romano Pontefice dal medesimo sostenuta conforme l'antica tradizione, libro apologetico dato alla luce di Giustino Febronio K. per conservare nell'unione fedeli e disingannare gli eretici“. Въ Римѣ такъ понравилось это опроверженіе, что Климентъ XIII письменно благодарилъ автора и назначилъ ему пенсію[3]).

Гораздо важнѣе было вышедшее въ томъ же 1766 г. сочиненіе Веронскаго пресвитера, Петра Баллерини: De vi ac ratione primatus Romanorum pontificum et de ipsorum infallibilitate in definiendis controversiis fidei liber singularis, in quo utrumque deducitur et constituitur ex principiis concessis ab iis ipsis adversariis, contra quos disputatio futura est.“. Февроній здѣсь не называется по имени, авторъ борется съ защитниками галликанскихъ вольностей, особенно Боссюэтомъ, но, какъ справедливо говоритъ Вальхъ, ни въ церкви, ни въ ученомъ мірѣ не принято, безъ особеннаго повода, браться за публичное опроверженіе сочиненія, вышедшаго 40 лѣтъ тому назадъ, а если принять во вниманіе, что между Боссюэтомъ и Февроніемъ много общаго, то нельзя не признать не безосновательною догадку нѣкоторыхъ, что Баллерини выступилъ не противъ Боссюэта, а противъ Февронія[4]). Это предположеніе еще болѣе подкрѣпляется изданною тѣмъ же Баллерини въ 1768 г. также въ Веронѣ книгою „De potestate ecclesiastica summorum pontificum et conciliorum generalium liber, una cum vindiciis auctoritatis pontificiae contra opus Justini Febronii, auctore Petro Ballerinio, presbytero Veronensi. Accedit appendix de infallibilitate eorundem pontificum in definitionibus fidei“. Въ предисловіи авторъ прямо заявляетъ, что все сочиненіе Февронія опирается на ложныя основанія, поэтому для опроверженія его сначала нужно доказать ошибочность послѣднихъ и твердо установить противоположныя, иначе трудъ опроверженія былъ бы безполезнымъ. Онъ такъ и сдѣлалъ: сначала написалъ книгу „De vi ac ratione primatus“, потомъ „De potestate ecclesiastica“ и только уже послѣ этого приступилъ къ опроверженію произведенія Февронія[5]).

Въ 1767 г. Саппель снова выступилъ на литературномъ поприщѣ съ „Liber singularis ad formandum genuinum conceptum de statu

---

[1]) Wolf, P. Ph. II, 193. [2]) Walch, I, 163. Wolf, P. Ph. II, 193—194.
[3]) Walch, I, 160—161. Wolf, P. Ph. II, 194. [4]) Walch, I, 196.
[5]) Ad lectorem, III—IV, по изданію 1770 г. Augustae Vindelicorum. Wolf, P. Ph. II, 194, 197—198.

Ecclesiae et summi Pontificis potestate contra Justinum Febronium." Папа Климентъ XIII былъ такъ доволенъ имъ, что въ знакъ своего благоволенія послалъ ему самое милостивое письмо[1]).

Этой же чести удостоился I. Г. Кауфманъ, деканъ богословскаго факультета и каноникъ Кёльнскій, за свое „Pro statu Ecclesiae catholicae et legitima potestate Romani Pontificis contra Justini Febronii J—cti librum ad reuniendos dissidentes in religione Christianos Apologeticon Theologicum, opera Ioan. Godefridi Kauffmanns, Hulsensis, S. T. D. et nunc Facult. Theol. Coloniens. Decani, librorum censoris ordinarii, Archiepiscopalis curiae Sigilliferi majoris Canonici S. Mariae"[2]).

Адвокатъ Константини изъ Феррары издалъ въ этомъ же году „Desinganno sopra l'oggeto scritto in fronte del libro, intitolato de statu Eccleciae etc.... del supposto Giustino Febronio"[3]).

Изъ всѣхъ противниковъ Фебронія гораздо бо́льшаго вниманія, какъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ, заслуживаетъ извѣстный іезуитъ и библіотекарь въ Моденѣ Фр. А. Заккаріа, напечатавшій въ двухъ томахъ большаго формата,—„Antifebronio di Francesantonio Zaccaria della Compagnia di Giesu, Bibliotecario di S. A. S. il. Signor Duca di Modena, o sia Apologia polemico-storica del Primato del Papa, consecrata alla santita di N. S. Papa Clemente XIII contra la dannata opera di Giustino Febronio". Замѣчательно отношеніе къ его работѣ Моденскаго правительства. Оно запретило ему печатаніе книги, указавъ на различіе между прошлымъ и настоящимъ временемъ; когда же онъ пустилъ ее въ продажу, былъ лишенъ библіотекарскаго мѣста. Папа былъ очень доволенъ трудомъ Заккаріи, послалъ ему собственноручное письмо и, въ интересахъ распространенія книги, велѣлъ отпечатать извлеченіе изъ нея на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но осуществленію его желанія помѣшали его собственная смерть, удаленіе отъ кормила правленія кардинала Торреджіани, болѣе умѣренное настроеніе новаго папы и удары ордену іезуитовъ[4]).

Въ 1768 г. капуцинъ изъ Брешіи, Віаторъ да Коккальо напечаталъ въ Луккѣ 20 писемъ подъ заглавіемъ: „Italus ad Febronium J—ctum clarissimum de statu Ecclesiae, pro supplemento ad tentamina theologica"[5]).

Въ вышедшемъ въ 1770 г. во Франкфуртѣ второмъ томѣ книги Фебронія надъ заглавіемъ: „Justini Febronii J—cti de statu ecclesiae et legitima potestate Romani Pontificis liber singularis ad reuniendos dissidentes in religione christianos compositus. Tomus secundus, ulteriores operis vindicias continens" Гонтгеймъ подъ разными именами отвѣчалъ кромѣ противниковъ, вошедшихъ въ прибавленіе ко второму изданію, Зеху, Кауфману, Траутвейну, Сангалло и

[1]) Wolf, P. Ph., II., 194. Walch, I, 161. [2]) Wolf, P. Ph. II, 194—195. Walch, I, 161. [3]) Wolf, P. Ph. II, 195.
[4]) Walch, I, 162. Wolf, P. Ph., II, 195—196. [5]) Wolf, P. Ph. II, 196—197.

Заккаріа и заканчивалъ книгу письмомъ отъ имени Февронія о прекращеніи повиновенія папѣ[1]).

Въ пятомъ изданіи труда Гонтгейма (1766 г.) сдѣлано только 4 прибавленія: 1) извлеченіе изъ 3 диссертацій Бартеля по порядку главъ и §§ книги Февронія (II, 129—149); 2) отвѣтъ Юстиніану Фробенію (II, 150—163) съ добавленіемъ изъ „Germani Pasifici Litterae responsoriae ad Justiniani Frobenii Epistolam“ (II, 163—165); 3) отвѣтъ Клейнеру (II, 166—195) и 4) Карлу Фридриху Бардту Лейпцигскому (II, 196—228).

1769 и 1770 гг. прошли для Февронія безъ появленія новыхъ противниковъ, за то въ 1771 г. на него снова напали съ тѣмъ большею яростью. Первую вылазку сдѣлалъ іезуитъ и профессоръ церковнаго права въ Гейдельбергскомъ университетѣ, Антонъ Шмидъ въ своихъ „Institutiones juris ecclesiastici Germaniae accommodatae“[2]).

Въ это же время не разъ упомянутый Саппель издалъ въ Аугсбургѣ вторую часть своей „Liber singularis ad formandum genuinum conceptum de statu Ecclesiae contra Justinum Febronium“[3]).

Между тѣмъ упомянутый выше Фр. А. Заккаріа работалъ надъ новымъ обширнымъ трудомъ, подъ заглавіемъ: „Antifebronius vindicatus, seu suprema Romani Pontificis potestas adversus Justinum Febronium ejusque vindicem, Theodorum a Palude, iterum adserta et confirmata“. Три первыя части его вышли въ 1771 г., а четвертая—въ 1772 г. въ Чезенѣ. Нѣмецкіе іезуиты перепечатали двѣ первыя части во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, но онѣ не пошли въ продажѣ и большую половину ихъ имъ пришлось раздарить своимъ патронамъ[4]).

Карлъ Траверсари изъ Фаенцы не ограничился изданіемъ въ 1772 г. подъ псевдонимомъ Эннодія «Dissertatio critica de Romani Pontificis primatu adversus Justinum Febronium», но даже основалъ въ Фаенцѣ антифебронiанскую академію[5]).

Въ 1773 г. іезуитъ І. Каррихій, докторъ богословія въ Кёльнскомъ университетѣ, выступилъ противъ Февронія съ «De Ecclesia Romanique Pontificis et Episcoporum legitima potestate, contra perturbatores ecclesiasticae hierarchiae ac pacis istorumque principem, Justinum Febronium». Обѣщано было три тома, но авторъ остановился на первомъ выпускѣ[6]).

Саппель продолжалъ трудиться противъ Февронія и въ 1774 г. издалъ 3-й томъ своей «Liber singularis, quo ostendatur in quales scopulos hujus navarchi (Febronii) infelix navicula impegerit»[7]).

Въ томъ же году аббатъ І. А. Миньярелли напечаталъ: «In tertium tomum Justini Febronii animadversiones romano catholicae tribus epistolis comprehensae»[8]).

Въ 1775 г. Хр. Зоннлейтнеръ издалъ въ Вѣнѣ: «Dissertatio Antifebroniana de infallibili Ecclesiae dispersae consensu»[9]).

---

[1]) Walch, I. 168—169 ср. 163. [2]) Wolf. P. Ph. II, 198. [3]) Ibidem. II, 198—199. [4]) Ibidem. II, 199—200. [5]) Ibidem. II, 200. [6]) Ibidem. II, 200. [7]) Ibidem II, 200—201. [8]) Ibidem. II, 201. [9]) Ibidem. II, 201.

Наконецъ, въ 1776 г. доминиканецъ Т. М. Мамахій напечаталъ: «Fratris Thomae Mariae Mamachii Ord. Praedicat. Theologi Casanatensis, Epistolarum ad Justinum Febronium J-ctum de ratione regendae christianae reipublicae, deque legitima Romani Pontificis potestate, liber primus», но его трудъ встрѣтилъ такой пріемъ, что продолженія его не послѣдовало. Папскія претензіи авторъ завелъ такъ далеко, что въ Вѣнѣ цензура не разрѣшила свободной продажи его книги[1]). Февроній обличалъ его въ пристрастіи[2]), упрекалъ за намѣренное извращеніе смысла его словъ[3]), за то, что, хорошо зная его личность, Мамахій напрасно отождествлялъ его съ авторомъ «Principia juris ecclesiastici cath. ad statum Germaniae accommodata» и за одну невинную ссылку на Пуффендорфа приписывалъ ему всѣ заблужденія послѣдняго, вопреки всему труду[4]).

Между тѣмъ Февроній не только читалъ возраженія своихъ противниковъ и нѣкоторымъ отвѣчалъ, но былъ занятъ обработкой своего труда и чрезъ 13 лѣтъ послѣ перваго изданія выпустилъ въ свѣтъ въ значительно сокращенномъ видѣ вновь переработанную и исправленную книгу подъ заглавіемъ «Justinus Febronius abbreviatus et emendatus id est de statu Ecclesiae tractatus ex sacra scriptura, traditione et melioris notae catholicis scriptoribus adornatus, ab auctore ipso in hoc compendium redactus». Coloniae et Francofurti. 1777. 8^0. 310. Эта книга, по словамъ автора, вызвана была просьбами со стороны просвѣщенныхъ людей, такъ какъ, дѣйствительно, трудно разобраться въ цѣлыхъ 5 томахъ, въ которые разрослось первое изданіе. Пользуясь удобнымъ случаемъ, Февроній подкрѣпилъ свои воззрѣнія новыми авторитетами и представилъ яснѣе положенія, которыя пытались затемнить столько враждебныхъ писателей[5]).—Вся книга распадается на 7 главъ: 1) о церкви и ея устройствѣ (7—34); 2) о вселенскихъ соборахъ (35—100); 3) о приматствѣ въ церкви (101—148); 4) объ епископствѣ (149—180); 5) о пребендахъ и санахъ (181—209); 6) о законахъ и судахъ церковныхъ (210—250) и 7) о свободѣ церкви (251—295). Въ видѣ предисловія помѣщено письмо Февронія къ Мамахію, представляющее собою отвѣтъ на упомянутое нами выше сочиненіе послѣдняго (III—XLIII); далѣе,—предварительное разсужденіе о средствахъ и методѣ въ изслѣдованіи церковной дисциплины (1—6); въ заключеніи приложенъ къ книгѣ предметный указатель (297—310).

Не прошло и года съ изданія этой книги, какъ вся Европа была удивлена отреченіемъ Февронія. 1-го ноября 1778 г. Гонтгеймъ написалъ свое отреченіе отъ высказанныхъ раньше взглядовъ: онъ заявилъ, что признаетъ и оплакиваетъ свое заблужденіе, что изъ ревности о присоединеніи протестантовъ къ католической церкви и апостольскому престолу старался примѣнить ко всѣмъ церквамъ практику

[1]) Wolf, P. Ph. II, 201—202. [2]) Epistola ad Mamachium, помѣщенное въ видѣ предисловія къ «Justinus Febronius abbreviatus et emendatus». Coloniae et Franc. 1777. XIV—XVII. [3]) Ibidem. VI. [4]) Ibidem. VII—VIII. [5]) Ibidem. III—IV.

частныхъ церквей и часто сверхъ мѣры преувеличенную[1]), въ 38 положеніяхъ исповѣдалъ свои новыя убѣжденія ультрамонтанскаго характера[2]) и въ заключеніе просилъ у папы прощенія, принятія, какъ кающагося сына, въ отеческую любовь и апостольскаго благословенія[3]).

Какъ могла произойти въ немъ такая неожиданная перемѣна и помогло ли это отреченіе престарѣлаго автора отъ убѣжденій, которыхъ онъ держался въ продолженіи всей своей предшествовавшей жизни? Мы уже упоминали, что римская курія скоро узнала, кто скрывается подъ псевдонимомъ Февронія. Литературный походъ противъ Февронія защитниковъ папской власти обнаружилъ ихъ полное безсиліе. Оставалось, сознавъ неравенство силъ, отступить съ поля сраженія и предоставить времени заглушить поднявшееся движеніе. Папа Климентъ XIV, смѣнившій Климента XIII, былъ дальновиднѣе своего предшественника и потому держался этой политики невмѣшательства. Другого характера былъ Пій VI: нерѣшительный, лавировавшій между двумя противными партіями—ревнителей и умѣренныхъ, онъ поднялъ фебронієвскій вопросъ въ очень прозрачной формѣ въ рѣчи, произнесенной имъ 24 сент. 1775 г. при посвященіи въ епископы назначеннаго въ Кёльнъ нунціемъ Карла Беллисони и отпечатанной по его личному требованію[4]). Предыдущая исторія фебронієвскаго вопроса съ достаточной ясностью показала безуспѣшность всѣхъ попытокъ запретить, или опровергнуть ненавистную для папъ книгу. Для поборниковъ папской куріи оставалось еще одно средство выйти побѣдителями изъ этой продолжительной и пока неудачной борьбы—это какимъ бы то ни было путемъ заставить Февронія отречься отъ своихъ взглядовъ, признать ихъ ошибочными и снова припасть къ стопамъ намѣстника Христа. Не всѣ способны быть мучениками идеи. Гонтгеймъ уступилъ давленію и въ іюлѣ 1778 г. отправилъ въ Римъ отреченіе, или, вѣрнѣе, объясненіе въ выраженіяхъ, согласныхъ съ его честью и совѣстью. Онъ писалъ папѣ, что проникнутъ почтеніемъ къ апостольскому престолу и для этого вовсе не нуждается въ отреченіи отъ своего труда, потому что ратовалъ въ немъ собственно не противъ этого престола, а только противъ римскаго двора. Въ Римѣ, конечно, остались недовольны такимъ выраженіемъ почтенія къ папскому престолу, эксъ-іезуитъ Заккаріа написалъ проектъ инаго отреченія, въ которомъ проводились въ качествѣ догматическихъ положеній претензіи римскаго двора временъ Гильдебрандта. 22 сентября этотъ проектъ былъ присланъ папою съ бреве Трирскому курфирсту для подписи Гонтгейму. Въ этомъ бреве папа грозилъ послѣднему, что для него будетъ загражденъ остающійся пока открытымъ путь къ полученію прощенія и милости, если онъ откажется принять эти исправленія въ отреченіи[5]). И вотъ, благодаря принятымъ Трирскимъ архіепископомъ Клементомъ Венцелемъ мѣ-

[1]) «Acta in consistorio secreto», 9. [2]) Ibidem. 9—16. [3]) Ibidem. 16—17. [4]) Wolf, P. Ph. II, 205—209. [5]) Ibidem. II, 213—215.

рамъ, о которыхъ онъ благоразумно умалчиваетъ въ своемъ письмѣ къ папѣ отъ 15 ноября 1778 г.[1]), Гонтгеймъ 1 ноября 1778 г. подписалъ предложенное ему отреченіе и, собственноручно переписавъ[2]), отправилъ чрезъ своего архіепископа въ Римъ. Клементъ Венцель препроводилъ папѣ отреченіе Гонтгейма съ письмомъ (отъ 15 ноября 1778 г.), въ которомъ далъ очень лестный отзывъ о своемъ суффраганѣ[3]) и просилъ папу принять послѣдняго, какъ блуднаго сына, за его искреннее раскаяніе и желаніе исправить причиненный церкви вредъ[4]). Папа съ живѣйшей радостью принялъ отреченіе Гонтгейма, хотя и зналъ закулисную сторону этого дѣла. Въ письмѣ къ Венцелю (отъ 19 декабря 1778 г.), выразивъ свою радость по поводу состоявшагося отреченія[5]), папа горячо благодарилъ его за „труды“ по этому дѣлу[6]) и поручалъ ему постараться, чтобы Гонтгеймъ исполнилъ свое обѣщаніе—написать опроверженіе своего перваго труда, чѣмъ придалъ бы больше вѣсу и самому своему отреченію[7]). Въ письмѣ къ Гонтгейму (тоже отъ 19 декабря 1778 г.) Пій VI объявлялъ ему полное прощеніе, встрѣчалъ съ распростертыми отеческими объятіями, причислялъ къ сонму своихъ епископовъ, называлъ своимъ сыномъ, усматривалъ въ отреченіи „величіе духа“ и приглашалъ послѣдніе годы жизни заняться опроверженіемъ написаннаго раньше, уврачеваніемъ ранъ, нанесенныхъ церкви и апостольскому престолу[8]). Отреченіе Гонтгейма казалось Пію VI такимъ важнымъ событіемъ, что онъ назначилъ въ день Р. Х. тайную консисторію для торжественнаго сообщенія объ немъ кардиналамъ. Въ этомъ засѣданіи коллегіи кардиналовъ папа въ своей рѣчи не постѣснился особенно оттѣнить искренность обращенія Гонтгейма—„и, на что особенно должно обратить вниманіе»—говорилъ онъ,—„Февроній не увлеченъ никакими матеріальными выгодами, отвергаетъ свои заблужденія не вслѣдствіе слабости силъ, или разсудка, не въ виду тяжелыхъ увѣщаній, а единственно вслѣдствіе познанія истины, по просвѣщенію благодати свыше и заботы о своемъ спасеніи“[9]). Папа не удовольствовался однимъ торжественнымъ засѣданіемъ, а велѣлъ издать читанное въ немъ[10]): такъ явились въ свѣтъ «Acta in consistorio secreto habito a sanctissimo Domino nostro Pio, divina providentia papa sexto, feria VI Decembris MDCCLXXVIII solemni Dominicae nativitatis die statim post missam pontificalem in basilica vaticana».

По полученіи этихъ «Acta», Февроній разослалъ ихъ своей паствѣ съ приложеніемъ окружнаго посланія, въ которомъ заявлялъ, что страстью къ новому былъ увлеченъ къ доказательству и защитѣ нѣкото-

---

[1]) «Чтобы не отнимать много времени,—говоритъ онъ,—я опускаю разсказъ о томъ, по какому поводу я началъ увѣщевать своего суффрагана (Гонтгейма) къ исполненію его долга и *какими ступенями божественное милосердіе привело его къ стопамъ твоего святѣйшества*“. («Acta». 7.)

[2]) Рѣчь папы въ консисторіи 25 декабря 1778 г. («Acta», 25). [3]) «Acta». 5. [4]) Ibidem. 7—8. [5]) Ibidem, 17. [6]) Ibidem, 18. [7]) Ibidem, 20. [8]) bidem, 22—23. [9]) Ibidem. 25. [10]) Папское бреве Венцелю Трирскому отъ 2 января 1779 г. (Commentarius, 295—296).

рыхъ ложныхъ мнѣній о папѣ и епископахъ. Архіепископъ открылъ ему глаза, показавъ, что это сочиненіе можетъ разрушить церковное единство, къ чему стремятся протестанты. Онъ желаетъ считать ненаписаннымъ, отвергаетъ и отказывается отъ того, что въ его сочиненіи можетъ какъ нибудь умалить чьи-либо, особенно папскія, права, повторяетъ данное папѣ отреченіе и объясненія. Въ особомъ сочиненіи онъ предполагаетъ изложить и защитить истинныя права папъ, съ твердой аргументаціей, а не на манеръ тѣхъ слѣпыхъ вожаковъ, которые не только не помогли, а даже повредили св. престолу церкви. Въ заключеніе же Гонтгеймъ увѣщеваетъ всю свою паству повиноваться папскому престолу и присоединяетъ запрещеніе мѣстнаго архіепископа читать книги Февронія тѣмъ, кто не имѣетъ права читать запрещенныхъ книгъ[1]).

Папа зашелъ такъ далеко, что чрезъ кардинала Альбани, какъ протектора нѣмецкой націи, выразилъ духовнымъ курфирстамъ и имперскимъ князьямъ свое желаніе, чтобы они въ собственноручныхъ письмахъ высказали ему благожеланія, по поводу отреченія Гонтгейма. Майнцскій курфирстъ обратился за совѣтомъ къ Вѣнскому двору. Кауницъ въ представленіи по этому поводу Маріи-Терезіи заявилъ, между прочимъ, что тѣ положенія, отъ которыхъ Гонтгеймъ теперь отрекается и которыя папа объявляетъ пагубными заблужденіями, противными Христову ученію, публично преподаются во всѣхъ австрійскихъ университетахъ и признаются правильными всѣмъ благоразумнымъ католическимъ міромъ, кромѣ римской куріи и ея приверженцевъ. Далѣе, въ отреченіи Гонтгейма встрѣчаются положенія и выраженія, противныя безспорнымъ правамъ государей. Поэтому нужно посовѣтовать Майнцскому курфирсту поступить, какъ поступитъ императрица въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ: ни письмомъ въ Римъ, никакъ иначе не высказывать одобренія положеніямъ и намѣреніямъ куріи, съ другой стороны, воздержаться отъ всякаго шага, который могъ бы привести къ прямому противорѣчію папѣ, вызвать шумъ, вредный для чести и достоинства его святѣйшества. или иначе повлечь за собою въ нѣмецкой имперіи значительныя происшествія и ошибки[2]).

Насколько принесло пользы папѣ отреченіе Гонтгейма и какъ на него смотрѣли въ католической Европѣ, всего лучше можно видѣть на пріемѣ упомянутыхъ выше «Acta in consistorio secreto»: въ Мадридѣ, Миланѣ, Венеціи, Вѣнѣ[3]) и даже во владѣніяхъ трехъ первыхъ архіепископовъ римской имперіи (Майнцскаго, Кельнскаго и Зальцбургскаго)[4]) было запрещено распространеніе ихъ чрезъ перепечатку. Тоже распоряженіе было сдѣлано Нидерландскимъ правительствомъ 28 марта 1779 г. Въ Вѣнѣ сначала не повѣрили было отреченію Гонтгейма. Но крайней мѣрѣ, бывшій тамъ въ это время великій герцогъ Флорентійскій, Петръ Леопольдъ никакъ не могъ понять, какъ

[1]) Commentarius, 244—249.
[2]) Рефератъ 29 марта 1779 г. (Arneth. IX, 151—152 cf. 573). [3]) Wolf, P. Ph. II, 370. [4]) Ritter (у Block'a, 19).

произошло это отреченіе, и чрезъ бар. Мартини наводилъ справки объ этомъ у проживавшаго въ Вѣнѣ племянника старика Гонтгейма, но тотъ не могъ дать никакого объясненія. Скоро папскій нунцій съ кардиналомъ-архіепископомъ разрѣшили загадку: они явились во дворецъ просить позволенія напечатать въ „Вѣнской газетѣ“ извѣстіе объ отреченіи Гонтгейма вмѣстѣ съ рѣчью папы. Марія-Терезія отказалась исполнить ихъ просьбу, „потому что болѣе чѣмъ изъ одного мѣста получила свѣдѣнія, какими непозволительными интригами было вынуждено у Гонтгейма выдаваемое за добровольное отреченіе отъ феброніевскихъ книгъ“[1]). Несмотря на это, аббатъ-бенедиктинецъ Вольфгангъ фонъ Глейнкъ чрезъ своего брата, типографа Гольцмайера въ Штейерѣ перепечаталъ папскія «Acta». Но пробстъ Виттола конфисковалъ изданіе и донесъ объ этомъ императрицѣ, которая была такъ раздражена этимъ, что аббатъ считалъ за счастье, что отдѣлался однимъ выговоромъ. Пражскій архіепископскій типографъ за такую же перепечатку былъ привлеченъ къ отвѣтственности; вмѣстѣ съ тѣмъ по всѣмъ императорскимъ наслѣдственнымъ землямъ былъ изданъ приказъ, воспрещавшій перепечатку упомянутыхъ „Acta“. Въ тоже время цензура задерживала всякій экземпляръ ихъ, приходившій изъ Рима[2]).

Еще худшая судьба постигла „Acta“ во Флоренціи. Здѣсь правительство не запрещало ихъ перепечатки, но издатель флорентійской «Gazetta universale» имѣлъ дерзость напечатать въ ней вмѣстѣ для сравненія оба breve папы къ Трирскому архіепископу отъ 22 сент.[3]) съ угрозой Фебронію и отъ 19 дек. 1778 г. съ благожеланіемъ архіепископу. Послѣ сопоставленія обоихъ breve, издатель ограничился замѣчаніемъ, что честные и непредубѣжденные люди сами рѣшатъ, совмѣстимо-ли и насколько содержаніе одного breve съ содержаніемъ другого. Этотъ № газеты надѣлалъ въ Римѣ много шуму. Папскому нунцію во Флоренціи было дано приказаніе потребовать отъ великаго герцога удовлетворенія. Послѣдній, узнавъ о волненіяхъ при римскомъ дворѣ, далъ понять просившему у него аудіенціи папскому нунцію, что его посѣщеніе будетъ для него—герцога непріятнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ заявлять что-либо о флорентійской газетѣ. Въ виду такого отвѣта, нунцій не рѣшился явиться во дворецъ, а папа Пій VI не имѣлъ храбрости настоять на своемъ[4]).

Одинъ Пфальцскій курфирстъ порадовалъ папу отпечатаніемъ «Acta» въ Маннгеймѣ и поднесеніемъ ему экземпляра ихъ въ роскошномъ переплетѣ[5]).

При такомъ настроеніи общества естественно было явиться сомнѣнію въ томъ, что Гонтгеймъ былъ дѣйствительно авторомъ отреченія. Отдѣльныя выраженія въ „Acta“, напр., въ рѣчи папы къ кар-

[1]) Menzel. Neuere Geschichte d. Deutschen. (y Friedberg, 1, 140—141). [2]) Wolf, P: Ph. II, 271—272. [3]) Здѣсь (273) у П. Ф. Вольфа оно, вѣроятно, по опечаткѣ, помѣчено 13, тогда какъ выше (215) и ниже (281) датировано 22.
[4]) Ibidem II, 273—274. [5]) Ibidem, II, 274—275.

диналамъ, что Гонтгеймъ собственноручно *переписалъ* (perscribere voluit) свое отреченіе[1]), и непомѣщеніе здѣсь папскаго бреве къ Трирскому архіепископу отъ 22 сент. давали достаточно основаній для этого сомнѣнія. И вотъ 26 марта 1779 г. въ газетѣ „Coblenzer Intelligenzblatt» былъ пущенъ слухъ, что Гонтгеймъ не писалъ, а только подписалъ свое отреченіе[2]). Трирскій курфирстъ объявилъ распространеніе подобныхъ слуховъ преступленіемъ и грозилъ за него законнымъ преслѣдованіемъ[3]). Конечно, эта мѣра должна была оказать дѣйствіе обратное ожидаемому: благодаря ей, слухъ получалъ характеръ полной достовѣрности, сомнѣніе переходило въ убѣжденіе. Въ виду слабости этой мѣры, курфирстъ, по внушенію нунція Беллисони, принудилъ Гонтгейма публично заявить о добровольности своего отреченія. Это заявленіе Гонтгейма отъ 2 апр. 1780 г. было помѣщено въ „Coblenzer Zeitung“ 7 апр. Въ немъ Гонтгеймъ, между прочимъ, говорилъ, что работаетъ надъ новымъ трудомъ, въ которомъ церковными постановленіями и практикой подтвердитъ и иллюстрируетъ свое отреченіе[4]). Понятно, и это заявленіе не помогло римской куріи: разъ заставили человѣка публично отречься отъ убѣжденій, сложившихся у него путемъ основательнаго историческаго изученія вопроса въ теченіе десятковъ лѣтъ жизни, чего стоило заставить его заявить о добровольности того же отреченія? Чѣмъ больше старались убѣдить, тѣмъ больше вызывали сомнѣнія. Весь интересъ теперь сосредоточивался въ обѣщанномъ Гонтгеймомъ сочиненіи. Ожидавшееся съ нетерпѣніемъ произведеніе его явилось въ 1781 г. подъ заглавіемъ: „Justini Febronii J-cti Commentarius in suam retractationem Pio VI Pontifici Maximo kalendis Novembr. an. MDCCLXXVIII submissam“. Francofurti ad Moenum MDCCLXXXI. 8°. 312[5]). Съ эпиграфомъ изъ Сенеки „rectum iter, quod sero cognovi et lassus errando aliis monstro“ (Epist. VIII). Въ предисловіи (Lectori) Гонтгеймъ объяснялъ появленіе этого комментарія желаніемъ удовлетворить ожидающихъ отъ него истолкованія и защиты его отреченія, особенно въ виду ясно выраженной воли папы увидѣть его защитникомъ тѣхъ прерогативъ первой каѳедры, противъ которыхъ онъ нѣкогда вооружался[6]). „Комментарій“ написанъ въ порядкѣ отреченія и распадается на 38 положеній. Вольфъ П. Ф. такъ,—и вполнѣ справедливо,—характеризуетъ это произведеніе Гонтгейма: „первыя его произведенія блестѣли остроуміемъ, здравой критикой и благородной любовью къ истинѣ, а этотъ „Комментарій“ казался скорѣе произведеніемъ софиста—іезуита, чѣмъ здравомыслящаго человѣка“.... Но и этой работой Гонтгеймъ не угодилъ куріаламъ: его смягченныя объясненія слишкомъ рѣзкихъ положеній отреченія, не совсѣмъ скрытое расположеніе къ французской церкви и по мѣстамъ

---

[1]) «Acta», 25. [2]) Wolf, P. Ph. II, 279.

[3]) Ibidem II. 282—283. [4]) Ibidem. II, 284—286. [5]) Въ мѣстѣ съ «Комментаріемъ» напечатаны, кромѣ вышеупомянутыхъ «Acta» и окружнаго посланія Гонтгейма (242—296), заключеніе изъ сочиненія Заккаріа объ отреченіяхъ знаменитыхъ мужей (297—304) и указатель къ этому труду Гонтгейма (305—312). [6]) III—V.

разсѣянныя замѣчанія въ пользу свѣтской государственной власти такъ не понравились іезуитамъ, что они хотѣли было остановить изданіе „Комментарія“. Курфирстъ хотѣлъ было взять назадъ изъ типографіи рукопись Гонтгейма, но ему объяснили, что отпечатанные уже листы ея отосланы въ Голландію и Францію, поэтому въ случаѣ запрещенія здѣсь, сочиненіе все равно будетъ напечатано заграницей. Въ виду этого, курфирстъ потребовалъ отъ автора замѣтки, которая и была напечатана на особомъ листѣ впереди предисловія, что авторъ сдалъ свой „Комментарій“ въ типографію безъ всякой предварительной цензуры, поэтому все ошибочное и соблазнительное въ послѣднемъ должно быть отнесено на счетъ одного автора[1]).

И этотъ „Комментарій“ не имѣлъ значенія въ папскихъ интересахъ: стоило сопоставить его съ „De statu Ecclesiae et legitima potestate Romani pontificis liber singularis“, чтобы опредѣлить ему цѣну. Мы уже не говоримъ о томъ, что онъ явился слишкомъ заднимъ числомъ, что идеи Февронія за 18 лѣтъ успѣли пустить глубокіе корни въ сознаніи современнаго общества.

Феноменальный успѣхъ произведенія Февронія объясняется тѣмъ, что оно, какъ нельзя болѣе, отвѣчало теченію современной государственной жизни: авторъ выбралъ очень удобный моментъ напомнить старыя вещи. Поворотъ въ отношеніяхъ свѣтской власти къ Риму начался, конечно, не вслѣдствіе появленія его сочиненія, оно дало только выраженіе государственно-церковнымъ теоріямъ того времени, формально-каноническую подкладку стремленію къ эмансипаціи отъ Рима: въ этомъ объясненіе его успѣха и вмѣстѣ великое историческое значеніе[2]).

Сочиненіе Февронія „De statu Ecclesiae“, какъ вполнѣ соотвѣтствовавшее настроенію времени, имѣло огромное вліяніе на жизнь современной ему католической церкви. Мы уже упоминали выше[3]) о заявленіи Кауница, что положенія Февронія публично преподаются съ каѳедръ австрійскихъ университетовъ. Въ подтвержденіе его словъ нужно указать нѣсколько примѣровъ. Мартини, занимавшій въ вѣнскомъ университетѣ каѳедру естественнаго права, въ своихъ чтеніяхъ проводилъ положенія государственнаго абсолютизма на февроніевской подкладкѣ[4]). Съ 1753 г. церковное право преподавалъ тамъ же П. І. Риггеръ, издавшій за 1765—1768 г.г. 4 тома „Institutiones jurisprudentiae ecclesiasticae“. Основная точка зрѣнія его—февроніевская. Духовенство не разъ вооружалось противъ этихъ „Institutiones“, въ Римѣ ихъ занесли въ Index запрещенныхъ книгъ, а австрійское правительство одобрило (1768 г.) и распорядилось положить ихъ въ основу всѣхъ чтеній. Рескриптомъ 5 окт. 1776 г. было строго приказано пріобрѣтать ихъ для частнаго чтенія всѣмъ духовнымъ лицамъ

---

[1]) Wolf, P. Ph. H, 286—288.

[2]) Мы не находимъ основанія видѣть одну изъ немаловажныхъ причинъ составляющаго эпоху значенія этого сочиненія къ лицѣ автора, какъ это дѣлаетъ Мейеръ (l. c. I, 30—31). Намъ кажется, послѣднее ничего не потеряло бы, если бы Гонтгеймъ никогда не выглянулъ изъ-за своего псевдонима.

[3]) 45. [4]) Friedberg, I, 141—142.

и особенно всѣмъ монастырямъ[1]). Правда, при второмъ изданіи книги, снова одобренной правительствомъ въ качествѣ учебника, Марія-Терезія, въ виду жалобъ духовенства, изъявила готовность пересмотрѣть ее, но смерть императрицы помѣшала этому дѣлу[2]).

„Synopsis juris ecclesiastici publici et privati quod per terras hereditaris aug. Imperatricis Mariae Theresiae obtinet“ аббата Раутенштрауха въ основныхъ положеніяхъ былъ заимствованъ изъ Риггера[3]). Въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ времени, церковь представлялась у него вполнѣ и всецѣло подчиненною высшей государственной цѣли, какъ своего рода полицейское учрежденіе[4]).

Эйбель, преемникъ Риггера по каѳедрѣ, въ своемъ „Introductio in jus ecclesiasticum“ еще рѣшительнѣе своего предшественника проводилъ фебронієвскія положенія и старался обосновать права государства въ церковной сферѣ. Впрочемъ, правительство скоро нашло, что онъ зашелъ въ своихъ положеніяхъ слишкомъ далеко и потому 24 марта 1779 г. отмѣнило употребленіе его „Introductio“ въ качествѣ учебника послѣ двухлѣтняго уже пользованія имъ[5]).

Насколько безгранично господствовало въ Австріи въ наукѣ проложенное Феброніемъ направленіе, можно судить по тому, что одно время въ вѣнскомъ университетѣ сомнѣвались, нужна ли вообще каѳедра церковнаго права, потому что проф. Шейдлейнъ заявилъ: „церковно дисциплинарные законы, хотя бы они были изданы соборомъ, или римскимъ или какимъ-либо другимъ епископомъ, въ австрійскомъ государствѣ имѣютъ значеніе только постольку, поскольку признаютъ за ними значеніе наши государи.... Для австрійскихъ подданныхъ не имѣетъ значенія, признается ли и въ какой мѣрѣ сила „Corpus juris canonici“ въ другихъ европейскихъ государствахъ.... Кажется, не стоитъ труда читать о не имѣющихъ у насъ силы декреталіяхъ, которыя могли бы дать поводъ къ появленію у учащихся мысли о законодательной духовной власти, отличной отъ свѣтской. Чтобы твердо итти въ разрѣзъ съ поборниками „Corpus juris canonici“, не нужно знать его содержанія, достаточно сказать имъ разъ навсегда, что оно qua tale болѣе необязательно“.—Когда вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу церковнаго права уже изъ того только, чтобы не упускать изъ рукъ воздѣйствія на образованіе духовенства, эта каѳедра была предоставлена І. І. Пегему, „Vorlesungen über d. Kirchenrecht“ котораго уже въ 1784 г. (указъ 24 сент.) были одобрены въ качествѣ оффиціальнаго руководства въ университетахъ, вмѣсто риггеровскихъ „Institutiones“, и господствовали здѣсь цѣлыхъ 25 лѣтъ до 1810 г.[6]). Между тѣмъ, онъ оставлялъ далеко позади себя Фебронія во взглядахъ на роль государства въ церковной области[7]).

---

[1]) Freidberg. I, 142—144 ср. Brück. I, 399. 3 окт. 1778 г. было приказано каждому монастырю пріобрѣсти по 2 экземпляра Rieggeri Juris Canonici, а тамъ, гдѣ есть учащіеся, по числу послѣднихъ. (Kropatschek. II, 172). [2]) Friedberg. I, 148. [3]) Ibidem. I, 144—145. [4]) Brunner. 322. [5]) Friedberg. I, 146—147 ср. Brück. I, 399—400.
[6]) Brück. I, 400. [7]) Friedberg. I, 158—162. Frank. 9.

Въ учрежденныхъ Іосифомъ II генеральныхъ семинаріяхъ, кромѣ этого учебника Пегема, въ основу преподаванія было положено „Jus ecclesiasticum“ ванъ-Эспена, а въ Грацѣ „Institutiones juris ecclesiastici“ Ксавера Гмейнера, по взглядамъ немногимъ отличавшіяся отъ пегемовскихъ „Vorlesungen“ и отчасти, можетъ быть, послужившія для него образцомъ[1]).

Вотъ какъ широко распространились идеи Гонтгейма въ Австріи, сколько тысячъ человѣкъ воспиталось на нихъ, изучая проникнутыя ими руководства упомянутыхъ сейчасъ профессоровъ!

Но вліяніе этихъ идей не ограничилось одной теоретической сферой: во многихъ государствахъ свѣтская власть устранила множество злоупотребленій римской куріи и, большею частью, благодаря Февронію. Это признавали и на это жаловались сами римляне. Оставалось ждать въ будущемъ еще бо̀льшихъ исправленій въ церковной жизни, въ соотвѣтствіи съ идеями Февронія[2]).

Съ попытками примѣнить послѣднія на практикѣ мы встрѣчаемся даже въ Германіи, откуда папы менѣе всего ждали удара.

Не прошло и года со времени появленія на свѣтъ книги Февронія, какъ курфирсты собрались во Франкфуртѣ по поводу избранія Іосифа II въ римскіе императоры. Здѣсь, по совершенно частному случаю, они рѣшили обратиться къ Іосифу II съ просьбой о защитѣ нѣмецкой церковной свободы противъ посягательствъ на нее со стороны папы. Дѣло было вотъ въ чемъ: между Шпейерскимъ епископомъ и капитуломъ канониковъ возникли кой-какія несогласія, окончившіяся въ 1760 г. миромъ. Противъ послѣдняго возставалъ тогдашній деканъ капитула, графъ Лимбургъ-Штирумъ. Изъ-за этого вышла ссора между нимъ и капитуломъ, послѣдній отрѣшилъ декана, а онъ выхлопоталъ себѣ возстановительный приказъ у архіепископскаго митрополичьяго суда въ Майнцѣ; капитулъ тогда аппеллировалъ къ римской ротѣ. Папа перенесъ все дѣло для разсмотрѣнія въ Римъ. Майнцскій архіепископскій дворъ счелъ себя обиженнымъ. По мнѣнію послѣдняго, это перенесеніе дѣла противорѣчило нѣмецкимъ княжескимъ конкордатамъ 1446 г.; при этомъ онъ вспомнилъ, что уже въ первые годы царствованія Карла VI была жалоба на вмѣшательство римской куріи въ ходъ дѣлъ нѣмецкаго суда, императоръ перенесъ ее въ рейхстагъ, гдѣ она и застряла. Рейхстагъ только пообѣщалъ (15 дек. 1719 г.) издать имперское постановленіе, но не исполнилъ своего обѣщанія. Теперь Пфальцскій курфирстъ предложилъ обязать Іосифа II особымъ прибавленіемъ къ избирательному акту выписать, наконецъ, въ виду новаго случая, упомянутое имперское постановленіе. Трирскій курфирстъ, соглашаясь по существу, признавалъ самой удобной формой обращеніе къ Іосифу съ коллегіальнымъ письмомъ-жалобой. Это мнѣніе было принято большинствомъ и 19 марта 1764 г. формулированное Майнцскимъ курфирстомъ письмо было подписано

[1]) Friedberg. I, 162. [2]) Walch. I, 159—160.

курфирстами. Въ немъ послѣдніе, не касаясь лично папы, жаловались на посягательство римскаго двора и на нарушеніе имъ нѣмецкихъ духовныхъ судебныхъ постановленій. Не входя въ частности, они только призывали императора къ защитѣ нѣмецкой церковной свободы въ этихъ дѣлахъ, просили его выписать обѣщанное въ 1719 г. имперское постановленіе, причемъ сущность жалобы направлялась не только противъ римской куріи, но и противъ папскихъ нунціевъ, потому что это имперское постановленіе особенно относилось къ послѣднимъ. При этомъ они ссылались вообще на всѣ жалобы, подававшіяся раньше нѣмецкой націей. Хотя и не видно, чтобы имперскій дворъ сдѣлалъ что-нибудь по этой жалобѣ[1]), но она сама по себѣ характерна, какъ проявленіе настроенія въ отношеніяхъ къ римскому двору, выраженіемъ каковаго настроенія служило и не задолго предъ тѣмъ вышедшее произведеніе Гонтгейма.

Еще рѣзче высказалось это настроеніе и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ послѣдняго чрезъ 5 лѣтъ. Мы разумѣемъ Кобленцскую статью 1769 г. Въ сентябрѣ этого года въ Кобленцѣ, мѣстѣ жительства Гонтгейма, собрались уполномоченные отъ трехъ духовныхъ курфирстовъ для обсужденія ряда требованій къ папѣ по вопросу объ устраненіи различныхъ злоупотребленій римскаго двора. Отъ Трирскаго курфирста депутатомъ на этомъ съѣздѣ былъ Гонтгеймъ, очевидно, душа всего этого предпріятія; отъ Майнцскаго курфирста, Эммериха-Іосифа—свѣтскій чиновникъ, тайный совѣтникъ и референдарій фонъ Деель; отъ Кёльнскаго—членъ капитула, профессоръ государственнаго права въ университетѣ и тайный совѣтникъ Ф. К. І. фонъ Гиллесгеймъ. Имъ было поручено государями, „по предварительномъ совѣщаніи съ нѣкоторыми нѣмецкими епископами“, рѣшить, что нужно сдѣлать, сохраняя полную неприкосновенность католической вѣры, „для возстановленія первоначальной власти епископовъ“ противъ вкравшихся злоупотребленій и для защиты подданныхъ отъ расходовъ на Римъ. По обсужденіи вопроса депутаты (13 дек. 1769 г.) составили для передачи императору записку въ 30 пунктовъ. Къ ней они присоединили просьбу, чтобы подъ охраной императора «съ одной стороны, была возстановлена свобода нѣмецкой церкви и чтобы первыя церкви этой націи пользовались не меньшей свободой, чѣмъ церкви другихъ націй» (разумѣлась французская); съ другой стороны, чтобы повсюду были устранены всякія непріятности для клира и народа и чтобы церковныя дѣла приняли направленіе, отвѣчающее современнымъ нѣмецкимъ государственнымъ и церковнымъ потребностямъ[2]).

Всѣ пункты, за исключеніемъ двухъ[3]), направлены къ расширенію епископской власти на счетъ папы. Очень многіе касались прекращенія вліянія римскаго двора на замѣщеніе мѣстъ въ нѣмецкой

[1]) Mejer. I, 33—34. [2]) Ibidem. I, 35—36.

[3]) По одному, духовныя должности не должны быть наслѣдственными и по нѣскольку совмѣщаться въ однихъ рукахъ; по другому, beneficia curata—священническія мѣста должны быть распредѣляемы только по достоинству. (Mejer. I, 36).

церкви. Предоставленное папѣ право разрѣшенія въ различныхъ случаяхъ должно прекратить свое существованіе; мотивируемые исторически назначенія на мѣста въ папскіе мѣсяцы должны перейти къ архіепископамъ[1]); право папы утверждать избранія нѣмецкихъ епископовъ должно быть ограничено; между прочимъ, изъ папскихъ конфирмаціонныхъ буллъ должна быть опущена обычная передача администраціи in temporalibus,—такъ какъ она должна быть получаема отъ императора и имперіи[2]). „Выжиманіе денегъ со стороны римской канцеляріи", а также аннаты должны покончить свое существованіе, или, по крайней мѣрѣ, быть ограничены; папскія распоряженія, изданныя безъ вѣдома и согласія епископовъ, не должны быть публикуемы; обычная клятва вѣрности папамъ со стороны епископовъ должна быть отмѣнена[3]). Всѣ литургическія распоряженія въ діоцезѣ, всѣ разрѣшенія, надзоръ надъ монахами, монахинями и монастырями, духовная карающая власть въ діоцезахъ должны быть предоставлены исключительно епископамъ, всякое вмѣшательство сюда папскаго престола должно быть устранено[4]).

Довольно бѣглаго обозрѣнія кобленцскихъ постановленій, чтобы ясно видѣть вліяніе Февронія,—все это цѣликомъ заимствовано изъ его сочиненія Въ составленномъ во время этихъ кобленцскихъ переговоровъ имперскомъ постановленіи по тому же вопросу говорится: „понятіе о монархѣ не можетъ болѣе связываться съ понятіемъ о высшемъ церковномъ приматствѣ съ того времени, какъ измышленія ложныхъ декреталій уступили мѣсто истинному образу первоначальнаго церковнаго устройства",—здѣсь разумѣется появленіе книги Февронія. Папскія нунціатуры въ этомъ постановленіи признаются неудобными для судебныхъ дѣлъ, а „другіе предметы ихъ занятій имѣютъ цѣлью только утвержденіе и расширеніе настоящихъ римскихъ полномочій." Такъ какъ, должно, наконецъ, привести послѣднія въ истинныя границы, то само собою слѣдуетъ, что въ Германіи не должно болѣе терпѣть судовъ нунціатуръ. Есть въ этомъ постановленіи и ссылка въ пользу кобленцскихъ требованій на бурбонскій примѣръ „всѣхъ остальныхъ католическихъ націй" и замѣчается: „никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что ужасная картина „приведенныхъ въ кобленцскихъ членахъ" злоупотребленій ежедневно все болѣе затемняетъ святыню истиннаго ученія вѣры и чрезъ то саму религію подвергаетъ все новымъ опасностямъ, или будетъ удерживать, по крайней мѣрѣ, противниковъ отъ возвращенія къ древней церкви"[5]).—Здѣсь не только мысли, а и выраженія взяты изъ книги Февронія, на которую не прямо и указывается.

Эти кобленцкіе члены были приняты троими курфирстами и въ январѣ 1770 г. каждымъ отдѣльно при собственноручномъ письмѣ были пересланы императору. Въ мартѣ къ курфирстамъ присоединил-

[1]) Gravam. 1—5, 7, 10—11, 13, 14 (Ibidem. I, 36).
[2]) Gravam. 17—19. (Mejer, I, 36). [3]) Gravam. 6, 21, 15, 22, 20. (Ibidem, I, 36).
[4]) Gravam. 23—30 (Ibidem. I, 36). [5]) Mejer. I, 37.

ся архіепископъ Бамберга и Вюрцбурга, А. Фр. фонъ Зейнсгеймъ[1]). Императоръ отвѣтилъ министерскимъ письмомъ только 4 октября. Онъ отклонилъ отъ себя роль дипломатическаго посредника между обратившимися къ нему іерархами и Римомъ. Часть этихъ жалобъ по существующему праву, какъ на него смотрятъ въ Вѣнѣ,—говорилъ Іосифъ II,—можетъ быть устранена и безъ согласія папы каждымъ епископомъ или архіепископомъ въ своемъ діоцезѣ, частью только съ вѣдома, частью же при обѣщанномъ содѣйствіи императора. Нѣкоторыя жалобы, напр., на злоупотребленія по совмѣщенію многихъ приходовъ въ однихъ рукахъ, не могутъ быть теперь же удовлетворены, а должны быть отложены до будущаго времени. Наконецъ, уничтоженіе папскихъ мѣсяцевъ, аннатовъ, денегъ за полліумы, за конфирмаціонныя буллы требуютъ совмѣстнаго обсужденія всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ имперскихъ чиновъ, слѣд., подлежатъ разсмотрѣнію рейхстага. По этимъ тремъ категоріямъ были распредѣлены въ императорскомъ отвѣтѣ отдѣльные пункты жалобъ. Для того, чтобы оказать съ своей стороны содѣйствіе осуществленію желаній просителей, императоръ потребовалъ частью ближайшей правовой мотивировки отдѣльныхъ жалобъ; частью, въ интересахъ императорскихъ правъ, точнаго указанія, чего думаютъ достигнуть этитъ путемъ іерархи; наконецъ, частью болѣе подробныхъ свѣдѣній объ упомянутыхъ кобленцскихъ совѣщаніяхъ, результатомъ которыхъ явились эти пункты 13 дек. 1769 г.[2]).

Конечно, отвѣтъ Іосифа II обманулъ ожиданія архіепископовъ: имъ предлагалось, по крайней мѣрѣ, часть кампаніи противъ папы вести открыто, на рейхстагѣ, чего они хотѣли было избѣжать. Они стали совѣтоваться, что дѣлать. Бамбергско-Вюрцбургскій архіепископъ, кажется, отсталъ. Майнцскій и Кёльнскій курфирсты изъявили готовность рѣшительно вступить на указанный императоромъ путь, менѣе рѣшительнымъ былъ Трирскій, Клементъ Венцель. Онъ сдѣлался Трирскимъ архіепископомъ въ 1768 г., принималъ участіе въ Кобленцскихъ членахъ и предложилъ самому Гонтгейму дать отзывъ о положеніи вопроса послѣ отвѣта императора. Въ февр. 1771 г. этотъ отзывъ былъ представленъ, но, какъ обнаружилось въ апрѣлѣ уже, не имѣлъ желаемаго результата, а вызвалъ въ курфирстѣ колебаніе. Лѣтомъ его колебаніе было побѣждено и 29 авг. три курфирста подписали рѣшеніе дѣйствовать въ указанномъ императоромъ направленіи, при соотвѣтствующей классификаціи жалобъ. Итакъ предстояло часть дѣла провести на рейхстагѣ, часть въ Вѣнѣ и, наконецъ, предварительно не мало сдѣлать самимъ архіепископамъ безъ папы или рейхстага съ вѣдома императора или при его помощи.—По совѣщаніи, рѣшили приступить къ послѣднему прежде вѣнскихъ переговоровъ и съ этимъ порученіемъ отправить въ Вѣну Трирскаго каноника капитула, графа Д. фонъ деръ Лейена. Но въ мартѣ 1772 г. Трирскій курфирстъ довелъ до общаго свѣдѣнія, что, по вѣрнымъ извѣстіямъ,

[1]) Brück. I, 12. Mejer. I, 38. [2]) Mejer. I, 38—39.

удобный моментъ еще не насталъ. что поспѣшная посылка скорѣе повредитъ дѣлу. поэтому нужно отложить отправленіе посла въ Вѣну. Такъ и сдѣлали. Этимъ дѣло и кончилось [1]).

Такимъ образомъ, проектъ курфирстовъ потерпѣлъ полное фіаско: примѣнить теорію Гонтгейма къ церковной практикѣ не удалось; римскій дворъ торжествовалъ побѣду. Но только мертворожденнымъ идеямъ выпадаетъ на долю такое краткое, мимолетное существованіе, жизненныя же идеи, являющіяся продуктомъ своего времени, такъ скоро не умираютъ: ихъ можно на время задавить, но рано или поздно онѣ оживутъ съ новой силой. Эмансипація отъ Рима, созданіе національныхъ церквей. независимыхъ отъ папы, за что ратовалъ Февроній, составляли насущную потребность. Поэтому не прошло и 15 лѣтъ съ этого крушенія проекта курфирстовъ, какъ ихъ стремленія нашли себѣ выраженіе въ постановленіяхъ Эмсскаго конгресса, извѣстныхъ подъ именемъ Эмсской пунктаціи. Но объ ней мы скажемъ послѣ. Пока для насъ достаточно и этихъ попытокъ нѣмецкихъ архіепископовъ примѣнить на практикѣ теорію Гонтгейма: онѣ даютъ ясное представленіе о настроеніи въ наиболѣе просвѣщенной части нѣмецкой католической церкви, которое вызываетъ сожалѣніе въ ревностныхъ католикахъ-поборникахъ папской монархіи даже въ наши дни [2]).

Вотъ общее настроеніе католической Европы въ половинѣ XVIII в., по вопросу объ отношеніи національныхъ церквей къ Риму. Теперь мы можемъ перейти въ частности къ Австріи и разсмотрѣть положеніе въ ней католической церкви при Маріи-Терезіи.

---

[1]) Mejer. I, 39—40. [2]) Brück. I, 9.

Глава II.

Католическая церковь въ Австріи при Маріи-Терезіи.

Гнетъ католицизма въ Австріи; іезуиты; умственный застой страны.—Личное настроеніе Маріи-Терезіи.—Положеніе при ней иновѣрцевъ.—Переписка ея по этому поводу съ Іосифомъ.—Разладъ Іосифа съ матерью и просьбы объ отставкѣ.—Общій характеръ отношеній Маріи-Терезіи къ католической церкви и папѣ.—Проявленіе вѣяній времени въ церковныхъ распоряженіяхъ Маріи-Терезіи.—Отношеніе послѣднихъ къ церковной реформѣ Іосифа II.

Историческія судьбы Австріи сложились несчастно: ей, вмѣстѣ съ немногими европейскими государствами, въ родѣ Испаніи и Италіи, выпала печальная доля провести цѣлые вѣка подъ тяжелымъ гнетомъ римскаго католицизма. Монахи всевозможныхъ орденовъ и особенно іезуиты руководили духовною жизнью страны. Просвѣщеніе съ высшихъ ступеней до низшихъ, книжная цензура, церковное проповѣдничество и исповѣдь—словомъ, всѣ лучшія средства для воздѣйствія на умственную и нравственную жизнь народа—были въ рукахъ іезуитовъ. И они воспользовались своимъ положеніемъ очень успѣшно: Австрія далеко отстала въ умственной жизни отъ передовыхъ странъ Европы. Полное невѣжество, крайнее суевѣріе и религіозная нетерпимость—вотъ плоды вѣковой работы іезуитовъ и прочихъ монаховъ на народной австрійской нивѣ.

Сама Марія-Терезія была воспитана въ ханжескихъ воззрѣніяхъ и формахъ прежняго габсбургскаго придворнаго этикета и всю жизнь была слишкомъ предана имъ[1]). И всѣ окружавшіе государыню старались подлаживаться къ ея настроенію, отсюда господство вокругъ нея ханжества и лицемѣрія. Она обращала особенное вниманіе на внѣшнее обнаруженіе благочестія, этимъ пользовались и лицемѣріемъ пріобрѣтали себѣ ея расположеніе и получали важныя мѣста. Николаи разсказываетъ, какъ невѣроятно далеко заходили въ этомъ направленіи и находитъ, что въ то время даже должно было заботиться о томъ, чтобы благочестіе было замѣчено, во избѣжаніе высочайшей не-

[1]) Arneth. X, 739—740.

милости, такъ какъ было много шпіоновъ, караулившихъ поступки. Для высокопоставленныхъ лицъ, особенно изъ судебнаго міра, въ то время было въ высшей степени необходимою предосторожностью не только въ опредѣленный часъ въ опредѣленной церкви на опредѣленномъ мѣстѣ слушать мессу по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, но и исповѣдываться въ извѣстное время у опредѣленнаго духовника, пріобщаться въ присутствіи извѣстныхъ лицъ, въ постные дни ѣсть постныя кушанья въ опредѣленной гостинницѣ за опредѣленнымъ столомъ, въ присутствіи извѣстныхъ лицъ, чтобы, въ случаѣ обвиненія въ неисполненіи церковныхъ предписаній или подозрѣнія въ неправовѣріи, имъ можно было доказать судебнымъ порядкомъ съ свидѣтелями, что они, какъ истые добрые католики, исполняли все, существенно относящееся къ католической вѣрѣ. Если они не могли доказать этого, то впадали въ немилость или даже теряли свои мѣста. Николаи же указывалъ извѣстнаго кавалера, попавшаго въ президенты за усердное прислуживанье при алтарѣ[1]). Рисбекъ зналъ одного ученаго, который перевелъ съ французскаго молитвенникъ и посвятилъ его государынѣ, разсчитывая вмѣстѣ съ подаркомъ получить и придворное мѣсто. И онъ не ошибся. Государыня сочла его за благочестиваго человѣка, а онъ былъ настолько безстыднымъ, что въ кругу близкихъ смѣялся надъ ея довѣрчивостью[2]).

Этотъ духъ ханжества не ограничивался дворомъ, а проникалъ даже въ народныя школы, извѣстныя подъ именемъ „нормальныхъ“. Заводя ихъ, Марія-Терезія думала облагодѣтельствовать цѣлыми столѣтіями забытый народъ, но ожидавшейся пользы отъ нихъ не получилось, вслѣдствіе отсутствія цѣлесообразнаго и разумнаго метода[3]). Николаи разсказываетъ, какъ онъ не разъ заходилъ въ нормальную школу св. Анны, безъ предварительнаго увѣдомленія, чтобы застать преподаваніе въ его обычномъ видѣ, и все напрасно: дѣти были или у мессы или у исповѣди и это съ семилѣтняго возраста! Даже въ тотъ день, когда онъ пришелъ по предварительному извѣщенію, налицо оказались только 1-й и 2-й классы, а 3-й и 4-й ушли на исповѣдь[4]). Гимназіи стояли еще хуже народныхъ школъ[5]); университеты всѣ почти безъ исключенія стояли необыкновенно плохо[6]).

Чтобы показать, насколько была требовательна Марія-Терезія относительно соблюденія церковныхъ предписаній, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1774 г. кн. Кауницъ, по болѣзни, не могъ принять участія въ обычномъ при дворѣ въ великій четвергъ пріобщеніи и онъ представляетъ императрицѣ записку въ удостовѣреніе того, что исполнилъ религіозный долгъ наканунѣ. И Марія-Терезія собственноручно отвѣчаетъ ему на это: „Вы слишкомъ хорошо служите мнѣ, чтобы я могла сомнѣваться въ такомъ же служеніи вашемъ нашему об-

[1]) L. c. Bd. V, 56—57.
[2]) Briefe eines reisenden Franzosen durch Deutschland. Th. I, 231 (у Wolf, P. Ph. III, 64, прим.). [3]) Wolf, P. Ph. III, 65—66. [4]) L. c. Bd. IV, 665—666. [5]) Wolf, P. Ph. III, 66—68. [6]) Ibidem. III, 69.

щему Господу, исполняя свой долгъ съ такою же вѣрностью, какъ и расположеніемъ. Признаюсь, я желала бы для своего утѣшенія въ этотъ великій день и для публики, чтобы ваше здоровье позволило вамъ присутствовать, какъ въ прежніе годы. Я благодарна вамъ за засвидѣтельство объ исповѣди и надѣюсь, если доживемъ до будущаго года, встрѣтиться здѣсь“ [1]).

И къ соблюденію постовъ Марія-Терезія относилась съ неменьшею строгостью, чѣмъ къ исповѣди и причащенію; разрѣшенія отъ постовъ она давала только въ совершенно неизбѣжныхъ случаяхъ. Въ февралѣ 1772 г. канцлеръ гр. Блюмегенъ просилъ ее, въ виду господства эпидеміи, необыкновенной дороговизны хлѣба и остальныхъ съѣстныхъ припасовъ и, наконецъ, крайней бѣдности и недостатка въ наличныхъ деньгахъ, разрѣшить всѣмъ ѣсть постомъ мясо. Въ виду крайности, она разрѣшила просить объ этомъ кардинала, но только на этотъ годъ [2]). Какую большую уступку допустила въ этомъ случаѣ императрица, можно судить по ея позднѣйшимъ распоряженіямъ. 2 іюня 1775 г. она писала штатгальтеру Нижней Австріи, гр. Зейлерну, чтобы въ предстоящій quatembre и во всѣ слѣдующіе дни поста ресторатору Пратера запрещено было давать кому бы то ни было что-нибудь ѣсть, или пить, даже прохладительные напитки и людямъ иного вѣроисповѣданія. Во всѣ эти дни не должно быть и музыки [3]).

При такомъ благочестивомъ настроеніи Марія-Терезія питала особое расположеніе къ іезуитамъ, игравшимъ при ея дворѣ очень важную роль. Іосифъ II въ письмѣ къ Шуазёлю, обращавшемуся къ нему за поддержкой своего проекта относительно упраздненія ордена іезуитовъ, замѣтивъ о полной личной солидарности съ нимъ въ этомъ вопросѣ, писалъ (январь 1770 г.): „на мою мать не очень разсчитывайте, въ фамиліи Габсбургскаго дома привязанность къ этому ордену сдѣлалась наслѣдственною. У самого Климента XIV есть доказательства этого“ [4]). Исторія уничтоженія этого ордена въ Австріи [5]) можетъ служить сама по себѣ яснымъ доказательствомъ симпатіи къ нему Маріи-Терезіи.—Какое впечатлѣніе произвело на императрицу это событіе, можно видѣть изъ двухъ откровенныхъ писемъ ея—одного къ пользовавшемуся ея довѣріемъ кабинетъ-секретарю, бар. К. Нени, а другого къ близкой пріятельницѣ ея, гр. Энценбергъ. „Судьба іезуитовъ теперь рѣшена“,—писала она Нени. „*Я очень глубоко сожалѣю объ нихъ*, но болѣе нѣтъ средства, нужно извлечь отсюда слѣдствія, благопріятныя для нашей святой религіи и государства“. Въ подобномъ письмѣ, возвращаясь къ іезуитамъ, Марія-Терезія замѣчала: „Я не могу вамъ описать, какъ занята и отягощена особенно *этимъ несчастнымъ уничтоженіемъ*“ [6]). Еще опредѣленнѣе выражалась императрица въ

[1]) Arneth. IX, 138, 572, прим. 232, 233. [2]) Ibidem. IX, 138. [3]) Ibidem. IX, 139 cf. 68—69. [4]) Gross-Hoffinger. Geschichte Josephs d. Zweiten. 56.
[5]) Arneth. IX, 91—95 cf. 564—567. Gross-Hoffinger. Ibidem. 57—58. [6]) Arneth. IX, 97 cf. 568, прим. 169.

письмѣ къ гр. Энценбергъ, написанномъ нѣсколько позднѣе (16 окт. 1773 г.): „По поводу іезуитовъ *я безутѣшна и въ отчаяніи; всю жизнь я любила и уважала ихъ и не видѣла отъ нихъ ничего, кромѣ назидательнаго.* Но все это дѣло я передала комиссіи во главѣ съ ст. сов. Крёсслемъ и другими. Вамъ одной я скажу, что *боюсь за нихъ*, потому что открыли много злоупотребленій съ ихъ стороны въ денежной части какъ въ Нидерландахъ, такъ здѣсь и особенно въ Богеміи. Находящіеся въ ихъ рукахъ фонды не могутъ обезпечить больше половины ихъ содержанія, а министерство финансовъ не можетъ взять послѣдняго на себя. Предположеніе выдавать каждому служащему члену ордена по 350, а остальнымъ по 200 гульденовъ—не можетъ быть приведено въ исполненіе. Одинъ домъ св. Анны, торгуя лекарствами и виномъ, ежемѣсячно выручалъ по 3/т. гульденовъ, въ ущербъ трактирщикамъ и шоколадчикамъ, потому что іезуиты торговали и шоколадомъ, какъ и готовымъ платьемъ въ profess-haus'ѣ. Если бы мнѣ удалось покрыть все это, я была бы въ восхищеніи, но боюсь, что всплыветъ много другихъ вещей. Говорятъ, съ 1757 г. іезуиты переслали въ Англію, Голландію и Лейпцигъ—40 милліоновъ“ [1]).

При такомъ религіозномъ настроеніи Маріи-Терезіи и расположеніи къ іезуитамъ, легко предугадать ея отношеніе къ иновѣрцамъ и взглядъ на вѣротерпимость. Внѣ римской церкви нѣтъ спасенія. Этимъ для Маріи-Терезіи сказано все, это—смертный приговоръ для остальныхъ вѣроисповѣданій, вѣротерпимость — величайшее зло. За исключеніемъ Венгріи, Трансильваніи, части верхней Силезіи и отошедшей къ Австріи части Польши, гдѣ протестанты и греки-неуніаты при Маріи-Терезіи были терпимы, въ остальныхъ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ—въ Германіи, Италіи и Нидерландахъ римско-католическое вѣроисповѣданіе особыми законами было объявлено не только господствующимъ, но и единственно дозволеннымъ [2]).

Но каково было положеніе не-католиковъ въ этихъ, сейчасъ упомянутыхъ странахъ Австрійской имперіи, гдѣ они пользовались правомъ законнаго существованія на ряду съ католиками?

Въ Венгріи лютеране и кальвинисты получили полную религіозную свободу какъ по торжественнымъ мирнымъ договорамъ Вѣнскому (1606 г.) и Линцскому (1645 г.), такъ и по королевскимъ дипломамъ и постановленіямъ рейхстаговъ. Но въ царствованія Леопольда I, Карла VI и Маріи-Терезіи они были лишены почти всѣхъ своихъ правъ. Всякаго, переходившаго изъ католичества въ протестанство, подвергали преслѣдованію. Вопреки государственнымъ законамъ, дворянъ арестовывали и заключали въ тюрьмы, безъ предварительнаго разслѣдованія и вызова въ судъ; пасторъ, принявшій въ свою общину такого отступника или преподавшій ему таинство, наказывался денежнымъ штрафомъ; дѣтей умершихъ протестантовъ отбирали, подъ предлогомъ во-

[1]) Arneth. IX, 97—98 cf. 568, прим. 170. [2]) Walch. IX, 83.

спитанія, и всячески принуждали къ вступленію въ католическую церковь. Въ судахъ отъ протестантовъ требовали католическихъ присягъ; протестантовъ—рабочихъ принуждали присутствовать при католическихъ процессіяхъ, мессахъ и т. п. Протестанты—магнаты, дворяне и мѣщане были совсѣмъ устранены отъ всякихъ почетныхъ мѣстъ и должностей; у нихъ отбирали школы и подъ всевозможными пустыми предлогами затрудняли для нихъ путешествія въ чужіе края для полученія образованія. Въ Венгріи не только не позволялось печатать протестантскія книги догматическаго, символическаго или историческаго характера, но даже не разъ запрещалось ввозить ихъ изъ-заграницы и, гдѣ ихъ находили, отбирали. Не дозволенъ былъ ввозъ даже библій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были даже публично сожжены[1]).

Но католикамъ все казалось, что ихъ кругъ религіозной жизни еще стѣсненъ не-католиками, и они старались расширить его тѣмъ, что въ отдѣльныхъ общинахъ совсѣмъ оспаривали право протестантовъ на существованіе: это тамъ, гдѣ существованіе не-католическихъ церквей не было утверждено имперскимъ закономъ 1681 г. Поэтому выступили противъ протестантскихъ филіальныхъ церквей и государственный совѣтъ при Маріи-Терезіи въ 1750 г. прямо заявилъ, что протестанты не имѣютъ права владѣть послѣдними[2]). По мѣстамъ при этомъ дѣло доходило до насильственнаго занятія протестантскихъ церквей. Правда, не было недостатка со стороны правительства въ запрещеніяхъ такихъ насилій, но въ сферѣ вѣроисповѣдныхъ отношеній слишкомъ уже укоренилась привычка съ почтеніемъ класть подъ сукно бумажныя распоряженія высшаго начальства. Отвѣтственность за всѣ эти злоупотребленія должна падать не на правительство, а на самостоятельныя корпораціи и отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, усердствовавшихъ по религіозной ревности, но эти злоупотребленія характерны для обрисовки положенія протестантовъ. Все громче и громче раздавались жалобы на церковный разбой и съ полнымъ правомъ: съ 1681 по 1749 годъ въ Венгріи была отобрана у протестантовъ насильственнымъ путемъ 141 церковь[3]).

Вмѣстѣ съ закрытіемъ филіальныхъ церквей тамъ, гдѣ нѣсколько деревень имѣли одного пастора, послѣднему запрещалось исполнять требы у своихъ пасомыхъ по разсѣяннымъ церквамъ. Ни цѣлымъ общинамъ, ни частнымъ лицамъ изъ дворянъ протестантовъ не позволялось приглашать къ себѣ своихъ пасторовъ и пользоваться ихъ услугами. Къ постели умирающаго протестанта нужно было приглашать католика-духовника, или платить штрафъ; когда такой духовникъ являлся къ больному, родные послѣдняго были удаляемы изъ комнаты. Во многихъ мѣстахъ протестантамъ не позволялось даже навѣщать своихъ больныхъ кровныхъ родственниковъ. Ни пріѣзжіе,

[1]) Walch. VI, 311—320 (у Wolf. P. Ph. III, 56—57). [2]) Grellmann. Stat. Aufkl. II, 53 sq. Mailáth. D. Religionswirren in Ungarn (у Krones. 71—73).
[3]) Grellmann. Stat. Aufkl. II, 56—58. Fessler. Gesch. d. Ungarn. X, 364—365 (у Krones, 73.).

ни мѣстные обыватели не смѣли присутствовать за богослуженіемъ въ частныхъ капеллахъ магнатовъ и дворянъ. Не только въ католическихъ приходахъ, но и въ такихъ, гдѣ протестанты пользовались наряду съ католиками правомъ свободнаго богослуженія, они должны были платить католическому священнику епитрахильные сборы и часто жестокими мѣрами были принуждаемы къ уплатѣ годичныхъ взносовъ. Католики-помѣщики повсюду злоупотребляли своими правами надъ подвластными имъ протестантами. За незначительные проступки и даже по однимъ только доносамъ они заключали послѣднихъ въ тюрьмы и, въ случаѣ отказа перемѣнить вѣроисповѣданіе, подвергали суровымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Почти всегда можно было избавиться отъ заслуженнаго наказанія за совершенное преступленіе перемѣною вѣроисповѣданія. Помѣщики присвоивали себѣ также право отбирать, подъ предлогомъ воспитанія, дѣтей у умершихъ и даже живыхъ родителей, вопреки всѣмъ правамъ опеки, дѣтей, уже принадлежащихъ къ протестантскому исповѣданію, и, какъ только послѣднія принимали католичество, бросали ихъ безъ всякаго призрѣнія. Помѣщики заставляли протестантовъ отбывать барщину на католическихъ патеровъ, дѣлать деньгами и натурой взносы на постройку католическихъ церквей и домовъ для духовенства и вообще, вслѣдствіе произвольныхъ налоговъ и лишенія церковнаго имущества, протестанты оказывались не въ состояніи содержать своихъ собственныхъ пасторовъ и учителей. Судебная власть была исключительно въ рукахъ католиковъ и при судебныхъ разбирательствахъ всегда присутствовали епископскіе депутаты, присвоявшіе себѣ невыносимую власть надъ протестантами. Во многихъ мѣстахъ послѣднимъ не сообщалось протоколовъ, или вышедшихъ судебныхъ распоряженій, не слушали ихъ оправданій, не предпосылали рѣшенію изложенія дѣла; если въ судѣ засѣдалъ протестантъ, то на его голосъ въ религіозныхъ вопросахъ не обращалось вниманія, тогда какъ всякому католическому патеру позволялось вмѣшиваться въ дѣло. Брачные споры протестантовъ рѣшались католическими консисторіями вполнѣ по католическимъ правиламъ и вообще браки между иновѣрцами затруднялись всѣми мыслимыми способами. Епископы выдавали себя за законныхъ визитаторовъ протестантскихъ церквей и требовали протестантскихъ проповѣдниковъ въ свои консисторіи. Въ городахъ, гдѣ существовали послѣдователи различныхъ вѣроисповѣданій, протестантскіе пасторы не могли совершать бракосочетаній безъ трехкратнаго оглашенія въ католическихъ церквахъ. Католическіе патеры при этомъ или откладывали эти оглашенія въ очень долгій ящикъ, или требовали очень большихъ денегъ. Если протестантамъ, вслѣдствіе отсутствія своего пастора, приходилось при крещеніи или погребеніи пользоваться услугами католическаго духовенства, то послѣднее соглашалось только при обѣщаніи перемѣны вѣры. Во многихъ городахъ протестантамъ отказывали въ правѣ покупать дома, или изгоняли изъ тѣхъ, которыми они владѣли путемъ законной покупки, или по наслѣдству; по мѣстамъ протестантамъ была затруднена даже сдача квартиръ въ наемъ. Когда

умирали члены магистрата изъ протестантовъ, на ихъ мѣста избирали, или насильно назначали католиковъ, такъ что протестантскія общины лишались принадлежавшаго имъ по закону права избранія. Чтобы мало-по-малу совершенно устранить протестантовъ отъ административныхъ мѣстъ, въ Прессбургѣ и въ другихъ мѣстахъ не принимали въ цехъ ни одного протестанта, прежде чѣмъ они не сравняются по числу съ католиками[1]).

Единственнымъ средствомъ для защиты отъ притѣсненій у протестантовъ, послѣ переселеній, связанныхъ съ значительными затрудненіями, и помощи, въ видѣ вмѣшательства, со стороны иностранныхъ державъ было непосредственное обращеніе протестантскихъ общинъ къ трону съ жалобами на эти притѣсненія. Но и это право личнаго обращенія къ трону кололо глаза вождямъ крайней католической партіи. Выразителемъ ихъ чувствъ явился епископъ Вешприма. Мартинъ Бирò въ своемъ сочиненіи „Enchiridion de fide“, вызвавшемъ пожаръ въ противномъ лагерѣ. Поводомъ къ этому сочиненію послужила депутація къ вѣнскому двору изъ 11 человѣкъ отъ карпатскихъ лютеранъ и кальвинистовъ въ 1749 г. Тогдашній придворный канцлеръ, гр. Нáдасди принялъ ее довольно сухо. Марія-Терезія не преминула на аудіенціи выразить свое неудовольствіе по поводу тактики венгерскихъ протестантовъ—прятаться за спину представителей протестантскихъ дворовъ при австрійскомъ; далѣе она бесѣдовала милостивѣе, но существеннаго результата это посольство не принесло и канцлеръ прямо сказалъ депутатамъ: жалобы отъ обществъ запрещены и государынѣ не нравится множество депутатовъ. Но вмѣшательство прусскаго, голландскаго и англійско-ганноверскаго посланниковъ въ дѣло венгерскихъ единовѣрцевъ дало ему другой оборотъ. Фридрихъ II въ письмѣ Бреславскому епископу, гр. Шаафгочу поручилъ объявить венгерскимъ церковнымъ князьямъ, что ихъ нетерпимость къ единовѣрцамъ заставитъ его относиться такъ же къ католикамъ, живущимъ въ его владѣніяхъ. Гр. Шаафгочъ, конечно, согласно желанію короля, увѣдомилъ объ этомъ папу. Бенедиктъ XIV, испуганный угрозою Фридриха, сдѣлалъ вѣнскому нунцію соотвѣтственныя распоряженія.—Счастливѣе былъ поэтому исходъ второй депутаціи изъ 11 дворянъ, встрѣтившей въ лицѣ придворнаго канцлера Франца Эстергази и секретаря Изденци благожелательныхъ совѣтниковъ и заступниковъ и 3 авг. 1750 г. нашедшей милостивый пріемъ у Маріи-Терезіи. Государыня отклонила всякую нетерпимость въ религіозныхъ вещахъ, какъ чуждую ея характеру и призванію. Но, съ другой стороны, она со всею строгостью запретила обращеніе къ протестантской заграницѣ, всѣ безпорядки и очень строго высказалась противъ отпаденія отъ католической вѣры. Она дала депутатамъ указаніе впередъ не обходить венгерскаго штатгальтерства и обращаться къ престолу только въ случаѣ отказа въ законныхъ правахъ. На будущее время при та-

[1]) Walch. VI, 211—320 (у Wolf. P. Ph. III, 57—60).

кихъ переговорахъ нужно пользоваться агентами. Депутаты должны, какъ можно скорѣе, оставить городъ и избѣгать всякаго повода къ ложнымъ слухамъ.—Въ виду вмѣшательства иностранныхъ протестантскихъ державъ, венгерскіе протестанты получили и другое удовлетвореніе: епископу Биро было приказано умѣрить свою ревность, книга его была не только запрещена, но и конфискована. Иностраннымъ державамъ Марія-Терезія отвѣтила, что она совсѣмъ не желаетъ притѣсненія протестантовъ[1]). Однако строго-католическая партія добилась своего: протестантамъ было запрещено обращаться отъ лица общинъ съ жалобами на высочайшее имя[2]).

Но всѣ эти рессурсы въ рукахъ протестантовъ для защиты своихъ правъ были очень незначительными, особенно если принять во вниманіе настроеніе господствующей католической партіи въ Венгріи: силы двухъ противныхъ сторонъ въ этой религіозной борьбѣ были слишкомъ неравными. У католиковъ было въ рукахъ страшное средство для борьбы съ протестантами: это наказаніе за отступничество, т. е. за переходъ отъ господствующей церкви. Придворной резолюціей 1749 г. былъ установленъ формальный инквизиціонный процессъ за отпаденіе отъ католичества, а для обращенія въ лоно истинной церкви существовали цѣлыя общества съ богатыми средствами[3]). Въ виду этого нечему удивляться, что въ 1754 г. въ области Тиссы вспыхнуло возстаніе, вызванное религіознымъ давленіемъ[4]).

Нетерпимость католической партіи въ Венгріи обращалась и на грековъ-неуніатовъ. Неуніаты сербы явились въ Австріи большей частью въ качествѣ бѣглецовъ изъ Турціи. При Леопольдѣ I они получили (1690 г.) право свободнаго исповѣданія, во главѣ у нихъ былъ поставленъ митрополитъ. Марія-Терезія утвердила ихъ привиллегіи (1743 г.); но на рейхстагахъ 1741 и 1751 г.г. венгры потребовали, чтобы правительство принудило сербовъ къ уніи съ господствующей церковью. Въ 1754 г., дѣйствительно, начались попытки церковной уніи: силой выгнали монаховъ quasi схизматическаго монастыря Марка и уніатское духовенство занялось работой по обращенію. Результатомъ такихъ насильственныхъ мѣръ явились переселенія въ Россію[5]).

Таково было положеніе иновѣрцевъ даже въ Венгріи, гдѣ они пользовались особенными привиллегіями. Послѣднія были слишкомъ слабы для обузданія религіозной ревности католиковъ. Правительству приходилось стараться умѣрить эту ревность, а между тѣмъ оно само, въ лицѣ императрицы, было проникнуто ею и, если дѣлало распоряженія въ иномъ направленіи, то единственно по политическимъ соображеніямъ. Въ отвѣтъ на три „представленія“ венгерскихъ лютеранъ и кальвинистовъ Марія-Терезія сказала ихъ депутатамъ, что она, конечно, постаралась бы помочь страданіямъ протестантовъ, но полному исполненію ихъ желаній и возстановленію всѣхъ ихъ правъ препят-

[1]) Krones, 75—76. Mailáth. I, 49. [2]) Walch. VI, 210—320 (у Wolf. P. Ph. III, 60). [3]) Krones, 77—79. [4]) Riehl-Reinöhl, 36. [5]) Riehl-Reinöhl. 37.

ствуютъ, кажется, обыкновенно даваемая королями Венгріи клятва, законы и связанное съ ними имперское устройство[1]).

Что же говорить о положеніи протестантовъ въ такъ называемыхъ „наслѣдственныхъ владѣніяхъ“ австрійскаго царствующаго дома, тамъ, гдѣ иновѣрцы не пользовались даже правомъ терпимости и были лишены всѣхъ правъ гражданства?[2]).

Епископъ Секкау, графъ фонъ Шпауръ приказалъ духовенству своей епархіи отказывать въ разрѣшеніи грѣховъ лицамъ, подозрѣваемымъ въ тайномъ еретичествѣ, не допускать ихъ при крещеніи въ качествѣ воспріемниковъ, слугъ ихъ убѣждать покинуть службу у нихъ, или не поступать къ нимъ, отказывать имъ въ вѣнчаніи и въ attestata fidei для пріобрѣтенія недвижимой собственности. Вслѣдствіе этого насталъ полный расцвѣтъ доносовъ: отецъ доносилъ на сына, сынъ на отца, жена на мужа, слуга на господина, а недоносившихъ не допускали до исповѣди[3]).

Въ 1752 г. въ тѣхъ коронныхъ земляхъ, въ которыхъ были протестанты, были назначены религіозныя комиссіи. Онѣ состояли изъ духовныхъ (миссіонеровъ) и свѣтскихъ (религіозныхъ комиссаровъ) членовъ и были подчинены Religions-Concess'y. Цѣлью этихъ комиссій было распространеніе и сохраненіе въ полной чистотѣ единоспасающей католической вѣры. Средствами служили: отобраніе еретическихъ книгъ (въ томъ числѣ и библій), наблюденіе за гостинницами, особенно во время ярмарокъ, когда собирающійся въ нихъ людъ часто очень свободно говоритъ о предметахъ вѣры, и устраненіе безнравственныхъ процессій и танцевъ. Религіозные комиссары препятствовали религіозному обученію протестантскихъ дѣтей и употребляли всѣ средства къ тому, чтобы или обратить этихъ еретиковъ въ католичество, или удалить изъ страны. Выселявшіеся направлялись большей частью въ Трансильванію, гдѣ саксонская нація пользовалась правомъ свободнаго религіознаго отправленія. Эти несчастные переселенцы лишались отечества, были принуждены за безцѣнокъ продавать свои имѣнія и на чужбинѣ часто впадали въ крайнюю бѣдность[4]).

При всей тяжести этихъ переселеній находилось такъ много охотниковъ, что правительство обратило вниманіе на эти явные симптомы конфессіональнаго недовольства и 19 апр. 1743 г. сочло нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло[5]).

Чтобы остановить, или сократить эти выселенія, въ январѣ 1780 г. былъ изданъ приказъ о конфискаціи имущества эмигрантовъ[6]).

---

[1]) Krones. 117 [2]) С. Бруннеръ объясняетъ изданіе стѣснительныхъ законовъ противъ протестантовъ въ Австріи не религіозной нетерпимостью австрійскихъ государей (l. c., 432—433), а тѣмъ, что австрійскіе протестанты часто стояли въ сношеніяхъ съ смертельными врагами Австріи. Но онъ опустилъ изъ вниманія другую сторону этого дѣла: отношенія протестантовъ къ своему правительству, не всегда отвѣчавшія долгу вѣрноподданности, вызывались въ свою очередь характеромъ отношеній къ нимъ самого правительства,—при религіозной нетерпимости и давленіи одной стороны болѣе чѣмъ странно было бы ожидать искренности отъ другой, страдающей.

[3]) Wolf. G. D. Verhältnisse d. Protestanten. 145—146.

[4]) Wolf. G. Kaiser Joseph II. 43, прим. Frank. 11—12. [5]) Krones 71. [6]) Ibidem. 136—137.

До чего доходила у католиковъ нетерпимость къ протестантамъ, лучше всего можно судить по тому, что вѣнскій университетъ высказался (1778 г.) противъ предоставленія протестантамъ докторской ученой степени. Вотъ какъ смотрѣли на протестантовъ самые интеллигентные люди того времени! Марія-Терезія оказалась на этотъ разъ свободомысленнѣй университета и даже придворной учебной комиссіи, которую особенно испугало то, что императрица не велѣла дѣлать никакого различія между католиками и протестантами въ торжествѣ, по случаю полученія докторской степени[1]).

Для характеристики взглядовъ Маріи-Терезіи на протестантовъ, положенія послѣднихъ въ Австріи, а также мѣръ, принимавшихся правительствомъ для обращенія заблудшихъ на путь истины, мы разскажемъ объ отпаденіи въ протестантство 10 т. католиковъ въ Моравіи.

Въ маѣ 1777 г. совершенно неожиданно пришло въ Вѣну сенсаціонное извѣстіе объ отпаденіи въ протестантство 10 т. католиковъ въ Моравскомъ Градишскомъ округѣ и именно въ Визовицѣ и его окрестностяхъ. Доказательствомъ серьозности заявленія служилъ отказъ отъ католическаго богослуженія и отъ патеровъ[2]).

При извѣстной религіозной ревности Маріи-Терезіи, при ея привязанности къ католической церкви, отпаденіе отъ вѣры въ ея глазахъ было величайшимъ преступленіемъ. Поэтому первой мыслью ея было немедленно принять мѣры къ возвращенію въ церковь отпавшихъ, гдѣ можно, мягкія, а гдѣ послѣднія не приведутъ къ цѣли, тамъ и строгія. Но тутъ же у нея являлись въ головѣ и другія соображенія. Еще много было въ живыхъ свидѣтелей несчастнаго выселенія изъ Зальцбурга 30/т. протестантовъ. Всѣмъ былъ извѣстенъ громадный вредъ отъ этого для Зальцбургской архіепископіи и польза для Пруссіи, гдѣ Зальцбургскіе переселенцы встрѣтили радушный пріемъ. За послѣднее время—за время голода и послѣдовавшихъ за нимъ крестьянскихъ безпорядковъ—переселенія изъ Богеміи и Моравіи въ сосѣднія государства приняли значительные размѣры. При принятіи принудительныхъ мѣръ, естественно было ожидать переселенія этихъ новыхъ протестантовъ въ Прусскую Силезію. Извѣстно было, какъ старался Фридрихъ II привлекать въ свои провинціи способныхъ къ работѣ переселенцевъ. При принятіи мѣръ, результатомъ которыхъ явится переселеніе Моравскихъ протестантовъ въ Пруссію, въ перспективѣ рисовалось процвѣтаніе Прусской Силезіи и постепенное уменьшеніе населенія и отсюда обѣдненіе Богеміи и Моравіи и, какъ слѣдствіе этого, ослабленіе вообще австрійской монархіи.—Такъ столкнулись религіозные интересы съ государственными. Марія-Терезія не знала, какимъ отдать предпочтеніе и думала было воздержаться отъ рѣшительнаго шага до возвращенія Іосифа изъ путешествія во Францію[3]). Но изъ Моравіи получались все болѣе и болѣе прискорбныя извѣстія, день ото

[1]) Arneth. IX, 216—217, 580—581, прим. 371, 372. [2]) Arneth. X, 60, 758, прим. 100. [3]) Arneth. X, 60—61, 758—759, прим. 101.

дня становилось необходимѣе принятіе быстрыхъ мѣръ, а возвращенія Іосифа нельзя было ждать раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ какъ онъ находился на крайнемъ западѣ Франціи; своевременныя объясненія съ нимъ, при тогдашнихъ условіяхъ, являлись невозможными. Маріи-Терезіи приходилось дѣйствовать за свой страхъ. Она отправила въ Моравію двоихъ депутатовъ для разслѣдованія на мѣстѣ, не было-ли тамъ иностранныхъ эмиссаровъ, совращавшихъ жителей къ отпаденію отъ католичества. Начали хлопотать въ Римѣ о возвышеніи Ольмюцской епископіи на степень архіепископіи и объ учрежденіи новой епископіи въ Брюннѣ; Марія-Терезія своею властью даже отдала это мѣсто прежнему Ольмюцскому викарію, гр. Матіасу Хоринскому. Въ Моравіи хотѣли открыть 40 новыхъ приходовъ, потому что объясняли отпаденіе мѣстныхъ жителей недостаткомъ религіознаго наставленія и богослуженія. Самыхъ упорныхъ изъ отпавшихъ предполагалось силою переселить въ Трансильванію, устройство которой предоставляло свободу протестантскому исповѣданію[1]). Марія-Терезія могла быть увѣренной въ согласіи своего сына на открытіе Брюннской епископіи и новыхъ приходовъ, но нельзя было надѣяться на согласіе его на проэктировавшіяся насильственныя мѣры, къ которымъ, конечно, нужно отнести выселеніе въ Трансильванію. Однако, она хотѣла добиться его согласія и на эти мѣры. Этимъ была вызвана замѣчательная переписка между нею и Іосифомъ, въ которой со всею ясностью выразилась діаметральная противоположность ихъ взглядовъ на религіозную терпимость[2]).

Іосифъ въ письмѣ къ матери (отъ 19 іюня 1777 г.) заявлялъ, что, по его взгляду, различіе вѣроисповѣданій съ политической точки зрѣнія только тогда представляется въ государствѣ зломъ, когда изъ него вытекаетъ фанатизмъ, раздоры и партіи. Оно само собою падаетъ, если одинаково относиться къ послѣдователямъ всѣхъ исповѣданій, а остальное предоставить тому, Кто одинъ управляетъ сердцами[3]). Въ другомъ, болѣе пространномъ письмѣ (тоже въ іюнѣ 1777 г.) Іосифъ выставлялъ полную свободу вѣры своимъ принципомъ; только тогда будетъ существовать единая религія, состоящая въ одинаковомъ руководствѣ всего населенія ко благу государства. „Не слѣдуя этому методу,—продолжалъ онъ,—не спасешь душъ, а скорѣе, напротивъ, погубишь полезныя и необходимыя тѣла. Дѣлать дѣло только въ половину—не въ моихъ принципахъ, нужно или предоставить полную свободу вѣроисповѣданія, или вы должны быть въ состояніи изгнать изъ своего государства всѣхъ, которые вѣрятъ не тому же, чему вы, и не принимаютъ той же формы, чтобы молиться одному Богу и служить одному ближнему. Но какая власть можетъ присвоить себѣ право изгонять отличныхъ работниковъ и добрыхъ подданныхъ при жизни, чтобы ихъ души не были прокляты по смерти, и чрезъ это лишиться

[1]) Arneth. X, 61—62, 759, прим. 103. [2]) Ibidem. 62. [3]) Arneth. Maria-Theresia und Joseph II. II, 140—141.

всѣхъ выгодъ, какія можно было бы извлечь изъ нихъ? Развѣ можно расширять власть до того, чтобы судить о божественномъ милосердіи, спасать людей противъ ихъ воли, приказывать ихъ совѣсти? Пока служатъ государству, пока соблюдается законъ природы и общества, пока ваше величество не безчеститесь, но уважаетесь и почитаетесь, зачѣмъ вамъ, свѣтскимъ правителямъ, мѣшаться въ другія вещи? Пусть св. Духъ просвѣщаетъ сердца, ваши законы никогда ни достигнутъ ничего другаго, кромѣ ослабленія Его дѣйствія. Вотъ мой взглядъ, вашему величеству онъ извѣстенъ и я забочусь, чтобы мое полное убѣжденіе помѣшало мнѣ измѣнить его въ теченіе всей моей жизни“ [1]).

Марія-Терезія отвѣтила ему 5 іюля 1777 г., когда онъ былъ на обратномъ пути изъ Франціи въ Швейцаріи. „Къ великому своему прискорбію,—писала императрица,—я должна сказать, что относительно религіи ничего не можетъ быть пагубнѣе, какъ если ты думаешь настаивать на общей вѣротерпимости, которую выставляешь принципомъ, отъ котораго никогда не отступишься. Я надѣюсь всетаки и не перестану молиться и просить молитвъ людей, болѣе меня достойныхъ, чтобы Богъ сохранилъ тебя отъ этого несчастья, величайшаго, какое только можетъ постигнуть монархію. Думая сохранить работниковъ, даже привлечь ихъ, ты разрушишь свое государство и на тебя ляжетъ вина за погибель столькихъ душъ. Къ чему послужила бы тебѣ истинная религія, если ты такъ мало цѣнишь ее, такъ мало заботишься о сохраненіи и распространеніи ея? Я не вижу такого индифферентизма у протестантовъ, напротивъ, я хотѣла бы, чтобы имъ подражали, потому что ни одно государство не допускаетъ у себя такого индифферентизма. Это ты увидишь въ этой гадкой Швейцаріи; тамъ открытъ доступъ всему изъ нѣмецкой имперіи, Англіи, Саксоніи, Бадена, Голландіи и т. д., за исключеніемъ Пруссіи, но счастливѣе-ли отъ этого страна? Есть-ли у нея работники, тѣ люди, которые необходимы для процвѣтанія государства? Нѣтъ менѣе счастливой страны.... Нужны добрая вѣра и неизмѣнныя правила; гдѣ ты найдешь ихъ, или чѣмъ поддержишь“?[2]).

Іосифъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ объяснялъ матери, что она поняла слово „терпимость“ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдовало. „Боже, сохрани меня отъ мысли,—писалъ онъ ей,—будто все равно, сдѣлаются-ли подданные протестантами, или останутся католиками и еще менѣе, привязаны-ли они къ вѣрѣ, перешедшей отъ отцовъ, или нѣтъ. Я отдалъ бы все, чѣмъ владѣю, за то, чтобы всѣ протестанты вашего государства перешли въ католичество. Для меня слово „терпимость“ значитъ только, что въ чисто земныхъ вещахъ я предоставилъ бы всякому, безъ различія вѣры, владѣть имуществомъ, заниматься ремеслами, быть гражданиномъ, если онъ имѣетъ на то право, и для государства и для промышленности будетъ отъ этого поль-

[1]) Arneth. M.-Th. und. J. II. II, 141—142. [2]) Ibidem. II, 146—147.

за. Держащіеся, къ несчастью, ложной вѣры много дальше отъ обращенія, если они остаются въ своей странѣ, чѣмъ если переселятся въ другую, гдѣ слышатъ и видятъ убѣдительныя истины католической вѣры. Безпрепятственное отправленіе богослуженія дѣлаетъ ихъ также гораздо лучшими подданными и спасаетъ отъ безрелигіозности, которая съ точки зрѣнія совращенія нашихъ католиковъ гораздо опаснѣе позволенія безпрепятственнаго отправленія заблуждающимися собственнаго богослуженія. Если протестанты въ общемъ не держатся этого направленія въ своихъ государствахъ, то это зависитъ отъ того, что отъ нашего вниманія ускользаетъ ихъ устройство, и отъ того, что для республикъ труднѣе предпринимать подобныя перемѣны. Если бы въ моемъ распоряженіи было больше времени, я привелъ бы доказательства того, что съ своимъ взглядомъ на дѣло могу немедленно предстать предъ тропомъ Судіи, Который произнесетъ приговоръ надъ моей вѣчной судьбой. Конечно, тогда никто не дѣлался бы лютераниномъ, или кальвинистомъ; во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ было бы меньше невѣрующихъ, государство отъ этого было бы въ выигрышѣ. Мнѣ не вѣрится, чтобы все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало меня виновнымъ предъ очами Бога. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется это несовмѣстимымъ ни съ Его совершенствомъ, ни съ саномъ, которымъ Онъ облекъ меня, сдѣлавъ слугою 15 милліоновъ человѣкъ“ [1]).

Въ уступчивости сына, сквозящей во второмъ его письмѣ, Марія-Терезія нашла для себя побужденіе упорнѣе настаивать на своемъ взглядѣ. „Безъ господствующей религіи“?—такъ начинала она отвѣтъ ему.—„Вѣротерпимость, индифферентизмъ—вотъ лучшія средства все подорвать; намъ придется при этомъ хуже всѣхъ. Не Нантскій эдиктъ разорилъ провинціи, въ Бордо никогда не было такого эдикта, а страна отъ этого не богаче. Несчастные откупа, дурная администрація, слабые или интриганы-министры, разорившіе страну, надѣленную такимъ счастливымъ положеніемъ, недостатокъ религіи въ чиновникахъ, занятыхъ только собственными интересами или страстями,—вотъ что привело къ полному разоренію. Что можетъ обуздать этихъ людей? Ни висѣлица, ни колесованіе, ничто кромѣ религіи, или быть жестокими противъ нихъ, прочь *друга человѣчества*—фраза, которую теперь такъ часто употребляютъ каждый въ своемъ смыслѣ. Я говорю съ политической точки зрѣнія, а не какъ христіанка: нѣтъ ничего необходимѣе и спасительнѣе религіи. Развѣ ты хочешь допустить каждому создавать себѣ религію по своей фантазіи? Что будетъ съ нами, безъ установленнаго вѣроисповѣданія, безъ подчиненія церкви? Не спокойствіе и довольство выйдутъ отсюда, а кулачное право и другія несчастныя времена, которыя мы уже видѣли. Подобныя заявленія твои могутъ вызвать величайшее несчастье и сдѣлать тебя отвѣтственнымъ за столько тысячъ душъ. Но что вынесла я, видя тебя держащимся ошибочныхъ убѣжденій? Рѣчь идетъ не только о счастіи государства,

[1]) Письмо отъ 20 іюля 1777 г. изъ Фрейбурга. (Arneth. Ibidem. II, 151—152).

о твоемъ спасеніи...., а и о спасеніи твоей души. За всѣмъ слѣдя, ко всему прислушиваясь, смѣшивая свой духъ противорѣчія съ современнымъ стремленіемъ, чтобы что-нибудь создать, ты падаешь въ пропасть и увлекаешь за собой монархію, уничтожаешь результаты тяжелыхъ заботъ твоихъ предковъ, съ большимъ трудомъ пріобрѣвшихъ намъ эти провинціи и много улучшившихъ ихъ положеніе, такъ какъ они насадили здѣсь нашу святую религію стараніемъ, заботами и издержками, а не силой и жестокостью, по примѣру нашихъ противниковъ. Не нужно духа преслѣдованія, но еще меньше индифферентизма, или терпимости,—вотъ чего я надѣюсь держаться, пока живу. И я хотѣла бы дожить только до того времени, когда мнѣ можно будетъ отойти къ предкамъ съ утѣшительной мыслью, что мой сынъ будетъ такъ же великъ, такъ же религіозенъ, какъ его предки, что онъ откажется отъ своихъ ошибочныхъ воззрѣній, отъ тѣхъ дурныхъ книгъ, авторы которыхъ щеголяютъ блескомъ своего ума на счетъ всего, что есть на свѣтѣ самаго святаго и почтеннаго, и хотятъ ввести воображаемую свободу, которой никогда не можетъ существовать и которая ведетъ къ разнузданности и полному разрушенію“[1]).

Изъ этой переписки Марія-Терезія вполнѣ убѣдилась въ несбыточности надежды на согласіе сына на приведеніе въ исполненіе мѣръ, которыхъ отъ нея требовала совѣсть. Ей оставалось дѣйствовать за свой счетъ. За несогласіе сына ее щедро вознаградила римская курія. Въ первыхъ числахъ августа 1777 г., вскорѣ по возвращеніи Іосифа изъ путешествія во Францію, папскій нунцій Гарампи испросилъ у Маріи-Терезіи аудіенціи для передачи ей самой горячей благодарности папскаго престола за принятыя ею мѣры къ охраненію чистоты католической вѣры въ Богеміи и Моравіи и къ пресѣченію дальнѣйшаго распространенія протестантства[2]).

О дальнѣйшихъ отпаденіяхъ не было слышно, принятыя мѣры въ этомъ отношеніи достигли своей цѣли, но онѣ не оказывали никакого дѣйствія на отпавшихъ уже. Марія-Терезія рѣшила итти далѣе. Она поручила особой комиссіи на мѣстѣ изслѣдовать дѣло и представить ей проэктъ мѣръ. Комиссія состояла изъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ во главѣ съ хорошо знавшимъ Моравію канцлеромъ гр. Блюмегеномъ. Въ ея работахъ принимали участіе также Ольмюцскій каноникъ и генеральный викарій І. М. Путцъ, бар. фонъ-Рольсбергъ и судебный канцлеръ бар. І. А. фонъ-Астфельдъ[3]).

25 авг. 1777 г. Блюмегенъ представилъ императрицѣ докладъ Визовицской комиссіи. На основаніи его 12 сент. вышелъ на имя моравскаго правленія рескриптъ, которымъ точно опредѣлялось отношеніе къ перешедшимъ въ протестантство жителямъ Моравіи. На ряду съ просвѣтительными средствами, напр., увеличеніемъ количества духовенства, проповѣдью, религіознымъ обученіемъ и распространеніемъ

[1]) Письмо отъ іюля 1777 г. (Arneth. Ibidem. II, 157—158).
[2]) Arneth. X, 63, 759—760, прим. 105. [3]) Ibidem. 63.

брошюръ, предлагалось примѣнять и мѣры строгости. Окружной комиссаръ съ отрядомъ войска долженъ былъ отправиться на мѣсто. Въ случаѣ нужды, онъ силою долженъ былъ не допускать запрещенныхъ сходокъ, а также удерживать отъ самовольныхъ переселеній, а старшинъ представить въ Градишъ для суда надъ ними, какъ надъ народными бунтовщиками.—Послѣднюю мѣру комиссія желала примѣнить немедленно, но Марія-Терезія, согласившись съ представленіемъ придворной канцеляріи, приказала подождать нѣсколько недѣль, чтобы увидѣть, какіе плоды принесутъ попытки обращенія: если онѣ окажутся за это время безуспѣшными, то всѣхъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, отдать подъ судъ за ослушаніе и нарушеніе общественнаго порядка, кто же и послѣ объявленія императорскаго запрещенія будетъ оставаться въ протестантствѣ, совращать въ него другихъ или участвовать въ тайныхъ сходкахъ, безразлично—холостыхъ и женатыхъ—или отдавать въ солдаты, или, въ случаѣ неспособности къ военной службѣ, по размѣру преступленія присуждать къ шанцекопнымъ работамъ въ Ольмюцѣ, во время которыхъ должно преподавать имъ наставленіе въ вѣрѣ (!). Женщинъ, или неспособныхъ къ шанцекопнымъ работамъ отправлять въ только что выстроенный въ Брюннѣ смирительный домъ. Кто и по истеченіи опредѣленнаго срока останется упорнымъ, тѣхъ, по конфискаціи имущества, безъ дальнѣйшихъ разсужденій ссылать въ глубь Венгріи, особенно въ горные города, но не въ Трансильванію, потому что въ послѣдней не можетъ быть никакой надежды на обращеніе. Жены могутъ слѣдовать за ссыльными, а дѣти должны остаться. Кому изъ послѣднихъ больше 15 лѣтъ, отдавать въ миссіонерскій домъ для наставленія въ вѣрѣ; если же и послѣ этого они останутся протестантами, отдавать въ военную службу, а въ случаѣ негодности къ послѣдней, отсылать къ родителямъ въ Венгрію. Кому нѣтъ 15 лѣтъ, должно воспитывать въ католической вѣрѣ и потомъ вводить во владѣніе отобраннымъ у родителей имуществомъ[1]).

Такое распоряженіе Маріи-Терезіи должно было до глубины души возмутить Іосифа. Въ это время онъ былъ недалеко отъ Брюнна. Отсюда 23 сент. 1777 г. онъ отправилъ матери замѣчательное письмо, въ которомъ настоятельно просилъ отмѣны изданнаго распоряженія. „Мой долгъ,—писалъ онъ,—и неизмѣнная привязанность, которую я питаю къ вашей службѣ и самой вашей славѣ, заставляютъ меня почтительнѣйше представить вамъ, что изданное и полученное здѣсь повелѣніе относительно моравскихъ диссидентовъ, копію съ котораго при семъ препровождаю, такъ рѣшительно противорѣчитъ всему, что постоянно признается принципами, требуемыми нашей религіей и добрымъ управленіемъ, я могъ бы даже сказать, здравымъ человѣческимъ смысломъ, что, полагаясь на вашу проницательность, ни мало не сомнѣваюсь, что вы, какъ только узнаете объ немъ и уви-

[1] Arneth. X, 63—65, 760, прим. 107.

дите его, окажете столь же необходимую, какъ и настоятельную помощь. Можно ли придумать что нибудь безсмысленнѣй этого повелѣнія? Какъ, для обращенія отдавать въ солдаты, посылать въ рудники или принуждать къ другимъ публичнымъ работамъ? Ничего подобнаго не видано со времени гоненій при началѣ лютеранства; это окажетъ дѣйствіе, котораго я не могу достаточно описать. Поэтому считаю своимъ долгомъ рѣшительнѣйшимъ образомъ объявить и докажу, что авторъ этого рескрипта—недостойнѣйшій изъ вашихъ слугъ и поэтому человѣкъ, заслуживающій только моего презрѣнія, потому что его работа настолько же неразумна, насколько не достигаетъ своей цѣли. Умоляю ваше величество въ подобныхъ важныхъ случаяхъ приглашать на совѣтъ другихъ лицъ, а не способныхъ на такіе проекты. И, хотя я надѣюсь, что отмѣною этого распоряженія будетъ оказана скорая помощь, однако долженъ почтительно просить васъ, чтобы, если подобныя распоряженія будутъ издаваться во время моего съ вами соправительства, вы позволили мнѣ принять давно желанное рѣшеніе—отказаться отъ всѣхъ дѣлъ и объявить всему свѣту, что я ни въ чемъ не принимаю никакого участія. Этого требуютъ отъ меня мой долгъ, совѣсть и обязанность званія“ [1]).

Всякаго поражаетъ рѣзкая страстность тона Іосифа, онъ писалъ, очевидно, подъ первымъ впечатлѣніемъ, глубоко возмущенный репрессивными мѣрами матери. Арнетъ вполнѣ справедливо сомнѣвается въ серьезности убѣжденія Іосифа, что это повелѣніе вышло безъ вѣдома и согласія Маріи-Терезіи. Іосифъ хорошо зналъ, что никто не рѣшится въ такомъ важномъ дѣлѣ дѣйствовать подъ своею отвѣтственностью. Марія-Терезія не отказалась отъ приказа. Выразивъ свое огорченіе по поводу неожиданнаго недовольства сына этимъ приказомъ [2]), она надѣялась, что Іосифъ, ознакомившись съ деталями дѣла, придетъ къ иному заключенію, по крайней мѣрѣ, желала этого для его блага. Далѣе она не скрывала своего огорченія на его тактику—при малѣйшемъ противорѣчіи или различіи мнѣній обращаться съ просьбой объ отставкѣ. „Я не думаю,—продолжала она,—чтобы мои поступки или распоряженія могли служить тебѣ ко вреду или къ позору. Ты слишкомъ поспѣшенъ въ заключеніяхъ, быстрота заслуживаетъ одобренія въ частномъ человѣкѣ, но кто приказываетъ, долженъ обдумывать болѣе зрѣло и держаться основныхъ положеній и статутовъ страны и отступать отъ нихъ въ томъ лишь случаѣ, когда, не только по личному убѣжденію, но и по мнѣнію остальныхъ, дѣлаетъ лучше. Мы должны будемъ дать отчетъ только предъ Тѣмъ, Кто поставилъ насъ на этомъ посту царствовать по Его священному закону надъ Его народами, которыхъ мы любимъ и должны противъ всѣхъ защищать“ [3]).

Іосифъ въ отвѣтномъ письмѣ матери, извинившись за рѣзкость перваго письма, настаивалъ на своей отставкѣ [4]).

[1]) Arneth. M.-Th. und J. P. II, 160—161. [2]) Письмо къ Іосифу отъ 25 сент. 1777 г. (Ibidem. II, 162). [3]) Ibidem. II, 162.
[4]) Письмо отъ 26 сент. 1777 г. (Ibidem. II, 163—164).

И по возвращеніи въ Вѣну онъ упорно стоялъ противъ вышеупомянутыхъ мѣръ Маріи-Терезіи по отношенію къ Моравскимъ протестантамъ. Вскорѣ послѣ возвращенія въ Вѣну въ письмѣ къ брату своему Леопольду онъ рѣшительно заявлялъ: „но я буду твердымъ въ столь важномъ дѣлѣ и если принужденъ буду уступить, то сдѣлаю это не иначе, какъ заявивъ всему свѣту, что подобныя распоряженія дѣлаются противъ моей воли[1]).

Образъ мыслей Іосифа II былъ всѣмъ хорошо извѣстенъ. Естественно, обратившіеся въ Моравіи въ протестантство надѣялись найти въ немъ своего защитника. За свое пребываніе въ Моравіи онъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ взглядовъ и только подкрѣпилъ эту надежду. Поэтому, когда, и по возвращеніи его въ Вѣну, правительство продолжало держаться своихъ распоряженій, стѣсненные жители Моравіи обратились къ Іосифу, чтобы при его содѣйствіи выхлопотать прекращеніе репрессалій. Нѣсколько общинъ чрезъ депутата подали Іосифу прошеніе—ходатайствовать предъ матерью о дарованіи протестантамъ свободы совѣсти и права свободнаго отправленія богослуженія. Марія-Терезія отнеслась къ этому шагу крайне неблагосклонно. Депутатъ былъ арестованъ и для привлеченія къ отвѣтственности его вмѣстѣ съ уполномочившими было назначено строгое слѣдствіе[2]).

Но эта депутація, повидимому, принесла не мало пользы дѣлу Моравскихъ протестантовъ. Она дала Іосифу поводъ настоять у матери, при сильной поддержкѣ со стороны Кауница, на существенномъ измѣненіи вышедшаго за 2 почти мѣсяца до того повелѣнія. 14 ноября 1777 г. придворная канцелярія получила отъ Маріи-Терезіи личный приказъ, почти дословно сходный съ докладомъ государственнаго канцлера. Вступленіе этого приказа составляло важное положеніе, что познаніе истинной вѣры—даръ божій и первоначальное дѣйствіе божественнаго просвѣщенія, которое можетъ быть вызвано только духовными средствами—убѣжденіями, но никакъ не внѣшнею силою. Поэтому, имѣя дѣло съ отпадшими, нужно прежде всего, обращать вниманіе на то, просто-ли они заблуждающіеся въ вѣрѣ, въ прочемъ ведущіе себя покойно и смирно, исполняющіе остальныя свои обязанности по совѣсти или нарушаютъ своимъ поведеніемъ общественное спокойствіе, или, по крайней мѣрѣ, могутъ его нарушать. Противъ послѣднихъ остаются въ силѣ общіе законы и особенно государственные, первыхъ же, по крайней мѣрѣ, пока, можно предоставить ревностному попеченію духовенства и безпредѣльному божественному милосердію. Конечно, имъ не позволяется имѣть собственнаго пастора, особаго мѣста для богослуженія и вообще всего, что сообщаетъ извѣстнаго рода публичность, но можно игнорировать богослуженіе, совершаемое каждымъ отцомъ дома для себя и своихъ въ собственной квартирѣ, безъ посторонникъ. Само собою разумѣется, невинныя посѣщенія друзьями и знакомыми не должны быть разсматриваемы, какъ запрещенныя сходки,

[1]) Письмо отъ 5 окт. 1777 г. (Arneth. M.-Th. und J. II II, 166). [2]) Arneth. X, 70, 760, прим 114.

и въ качествѣ таковыхъ недопускаемы и наказываемы. Подлежатъ наказанію только тѣ, кто совершаетъ богослуженіе не въ своихъ домахъ, а публично, кто поноситъ католическую вѣру или объявляетъ себя учителемъ или вожакомъ, удерживаетъ другихъ отъ перехода въ католичество силами или угрозами, или такими же средствами совращаетъ къ заблужденію.—Такъ какъ вынужденныя силою—слушаніе мессы, а еще болѣе такая же исповѣдь и особенно насильственное принятіе св. таинъ—величайшая профанація тайнъ вѣры и таинствъ, то не должно употреблять подобнаго насилія противъ перешедшихъ въ протестантство. Нужно ждать съ христіанскимъ терпѣніемъ, пока, при божественной помощи, ревностными усиліями священниковъ и духовниковъ удастся овладѣть сердцами этихъ людей путемъ убѣжденія и тѣми средствами, которыя они признаютъ самыми подходящими, и мало-по-малу побудить къ добровольному посѣщенію католическаго богослуженія. Но ихъ должно принуждать крестить дѣтей и вѣнчаться у католическихъ патеровъ и платить имъ за это соотвѣтственное вознагражденіе.—Что касается до религіознаго наставленія, то протестанты ни въ какомъ случаѣ прямо не освобождаются отъ обязанности получать его отъ католическихъ патеровъ. Но при этомъ нужно поступать со всѣмъ мыслимымъ только терпѣніемъ и осторожностью и пока довольствоваться присутствіемъ хоть немногихъ, строгія мѣры должно принимать только въ такомъ случаѣ, если, несмотря на всѣ увѣщанія и убѣжденія духовниковъ, цѣлыя общины, по очевидному упорству, долгое время воздерживаются отъ посѣщенія проповѣди и христіанскаго ученія; старшинъ такихъ общинъ увольнять, замѣщать католиками и, по усмотрѣнію, сообразно съ виновностью, наказывать шанцекопными работами въ Ольмюцѣ.—Духовники должны обратить особенное вниманіе на прилежное посѣщеніе малолѣтними проповѣди и вообще католическихъ наставленій въ вѣрѣ. Свѣтское начальство должно въ этомъ случаѣ оказывать помощь. Къ перешагнувшимъ за 18 лѣтъ нужно относиться съ особенною мудростью и умѣренностью, на первый разъ довольствоваться присутствіемъ немногихъ изъ нихъ и по временамъ[1]).

Авторы этого распоряженія, особенно императоръ, торжествовали не малую побѣду, потому что оно было очень важнымъ шагомъ впередъ.

Въ 1778 и 1779 г. ничего не было слышно о религіозномъ движеніи въ Моравіи и прежнее волненіе можно было считать уже успокоившимся, какъ вдругъ въ январѣ 1780 г. оно снова сказалось. Жители трехъ моравскихъ деревень, въ которыхъ религіозныя волненія были уже раньше, снова объявили себя протестантами. Они были недовольны уже молчаливою терпимостью, выражавшеюся въ игнорированіи ихъ отсутствія за католическимъ богослуженіемъ, и требовали отнынѣ совершенія богослуженія по предписаніямъ ихъ вѣроисповѣданія. Марія-Терезія была приведена въ смущеніе этимъ происше-

[1]) Arneth. X, 70—73, 760, прим. 116.

ствіемъ. Не желая, съ одной стороны, измѣнить собственнымъ взглядамъ, а съ другой—дать поводъ къ противорѣчію сына, она примѣнила мягкія мѣры вмѣстѣ съ строгими. Первыя предназначались для толпы, которую она считала введенною въ заблужденіе, а вторыя для тѣхъ, отъ которыхъ собственно вышло все это движеніе. Послѣднихъ предполагалось переселить въ Венгрію, или Трансильванію[1]).

Противъ этого распоряженія не безъ основанія представляли, что такое насильственное отношеніе вызоветъ въ этихъ общинахъ слишкомъ большое раздраженіе, значительно поколеблетъ ихъ привязанность къ трону; очень можетъ быть, онѣ обратятъ свои взоры заграницу и именно на прусскаго короля, который и такъ считается въ Германіи покровителемъ протестантовъ[2]).

Вѣроятно, въ виду этого Марія-Терезія рѣшила сначала только пригрозить выселеніемъ зачинщиковъ въ Венгрію и Трансильванію. Самымъ яснымъ доказательствомъ мягкости предполагавшихся мѣръ можетъ служить личный приказъ императрицы придворной канцеляріи отъ 8 марта 1780 г. Въ немъ прямо сказано, что должно совершенно избѣгать всякихъ тайныхъ разслѣдованій, посѣщаютъ-ли упомянутые поселяне католическое богослуженіе, посылаютъ-ли дѣтей въ церковь или для наставленій въ религіи, или дома совершаютъ богослуженіе. Можно игнорировать, если отдѣльныя лица отправляются въ Тешенъ или Тренчинъ для принятія участія въ протестантскомъ богослуженіи, не нужно допускать только путешествій туда цѣлыми общинами. Самымъ широкопрактикующимся средствомъ остается кроткое наставленіе заблуждающихся католическимъ духовенствомъ. Съ этой цѣлью въ эти вновь обратившіяся въ протестантство деревни долженъ былъ отправиться пробстъ Гай, который и раньше ежегодно занимался этимъ „ревностно и скромно, къ особенному удовольствію императрицы“. Въ этомъ же смыслѣ получило инструкцію и мѣстное католическое духовенство[3]).

Въ то время, какъ предложившіе эти мѣры обѣщали императрицѣ хорошихъ плодовъ отъ нихъ и предавались надеждѣ, что теперь, наконецъ, все войдетъ въ прежнюю колею[4]), неожиданно 13 мая 1780 г., въ день рожденія императрицы, случилось происшествіе, которое снова привело ее въ большое смущеніе. Въ этотъ день на равнинѣ у Визовица, вблизи отъ венгерской границы, составилась сходка изъ 4/т. человѣкъ. Собравшіеся прежде всего объявили, что они хотятъ отпраздновать день рожденія императрицы общественной молитвой; затѣмъ была произнесена проповѣдь и вообще не опустили ничего, чтобы показать, что совершается дѣйствительно протестантское богослуженіе. Оказавшіеся вблизи небольшіе отряды войска сдѣлали попытку разогнать сходку, но безуспѣшно, въ виду громаднаго численнаго превосходства собравшихся. По окончаніи богослуженія, когда собравшіеся разошлись по домамъ, протестантскій проповѣдникъ

[1]) Arneth. X. 73, 760, прим. 117—118. [2]) Ibidem. X. 73—74, 760—761, прим. 119. [3]) Ibidem. X. 74, 761, прим. 120. [4]) Ibidem. X. 74, 761, прим. 121.

былъ арестованъ. Но когда распространилось извѣстіе объ этомъ, собралось столько крестьянъ и они вели себя такъ угрожающе, что пришлось, по крайней мѣрѣ на время, уступить и освободить арестованнаго[1]).

И на этотъ разъ Іосифа не было въ Вѣнѣ—онъ былъ въ Россіи. Поэтому, главнымъ образомъ, Марія-Терезія не пришла къ окончательному рѣшенію относительно принятія мѣръ, но все-таки освобожденный пасторъ и зачинщики этого празднества были взяты въ тюрьму[2]). Ихъ выселили въ Венгрію, при чемъ, по прямому приказанію императрицы, каждому семейству было выдано по 100 гульденовъ, для облегченія переселенія[3]). — О болѣе строгихъ распоряженіяхъ ничего не было слышно до самой смерти императрицы[4]).

Вотъ какое вліяніе оказывалъ на Марію-Терезію ея сынъ, такъ расходившійся съ ней въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ. Безпорно, этимъ вліяніемъ вмѣстѣ съ гуманнымъ духомъ времени, просьбами протестантскихъ имперскихъ чиновъ и страхомъ предъ Фридрихомъ объясняется возростающая съ теченіемъ времени къ концу царствованія мягкость Маріи-Терезіи по отношенію къ иновѣрцамъ. Такъ, напр., когда Іосифъ личнымъ приказомъ (7 ноября 1774 г.) богемско-австрійской придворной канцеляріи совершенно запретилъ насильственную трансмиграцію протестантовъ, императрица, хотя упомянутая канцелярія обращалась къ ней (18 ноября того же года) со всеподданнѣйшимъ докладомъ противъ этого распоряженія, запретила всякія трансмиграціи, безъ предварительнаго представленія ей объ нихъ доклада и полученія высочайшаго разрѣшенія на нихъ[5]).—Когда въ 1767 г. протестанты неоградскаго комитата подали жалобу на то, что ихъ пасторамъ запрещаютъ отправленіе ихъ обязанностей у единовѣрцевъ, живущихъ между католиками, государственный совѣтъ потребовалъ отъ пештской религіозной комиссіи и венгерской придворной канцеляріи соблюденія старой практики въ интересахъ протестантовъ, а гдѣ послѣдняя не принята, введенія ея для успокоенія умовъ. Въ 1773 г. поступила подобная жалоба и государственный совѣтъ рѣшилъ въ томъ же смыслѣ. Императрица (19 авг. 1773 г.) написала: „Оставить ихъ въ покоѣ“ и потребовала новаго доклада по этому дѣлу[6]).

Въ 1771 г. тешенскіе протестанты (въ Силезіи) подали жалобу на то, что тѣхъ изъ нихъ, родители которыхъ обѣщали католическое воспитаніе своихъ дѣтей, принудительными мѣрами заставляютъ принимать католическую вѣру и воспитывать въ ней своихъ дѣтей. Государственный совѣтъ единогласно высказался противъ всякаго насилія и императрица (3 сент. 1771 г.) присоединилась къ его мнѣнію[7]).

Въ 1773 г. въ верхней Штиріи произошли религіозные безпорядки, около 300 человѣкъ изъявили желаніе сдѣлаться лютеранами. Епи-

[1]) Arneth. X. 75, 761—762, прим. 122. [2]) Ibidem. X, 75, 762, прим. 123. [3]) Ibidem. X. 75, 762, прим. 124. [4]) Ibidem. X. 75.
[5]) Zwiedineck-Südenhorst. 506—507. Прилож. № X, 544—546. [6]) Hock und Bidermann. 57—58. [7]) Ibidem. 58.

скопъ Секкау просилъ принять строгія мѣры, въ родѣ тѣлесныхъ наказаній, сдачи въ военную службу и ограниченія распространенія грамотности. Придворная канцелярія въ своемъ докладѣ (отъ 24 іюля 1773 г.) высказалась за болѣе мягкія мѣры: по ея мнѣнію, въ этихъ безпорядкахъ виноваты суровость, покровительство доносамъ и алчность духовенства. Государственный совѣтъ снова высказался противъ всякаго давленія, онъ стоялъ какъ за единственно примѣнимыя въ данномъ случаѣ средства за обученіе, именно юношества, за назначеніе новыхъ болѣе ревностныхъ и кроткихъ духовниковъ, за убѣжденіе и вліяніе со стороны администраціи. Императрица (27 авг. 1773 г.) вполнѣ раздѣлила послѣднее мнѣніе[1]).

Съ подобными мнѣніями государственнаго совѣта и рѣшеніями императрицы мы встрѣчаемся и въ каждомъ изъ послѣдующихъ лѣтъ царствованія Маріи-Терезіи[2]). Это обстоятельство дало поводъ нѣкоторымъ изъ современниковъ Маріи-Терезіи утверждать, будто черновые наброски патента о вѣротерпимости, изданнаго Іосифомъ II, лежали въ теченіе 3 лѣтъ на столѣ императрицы въ ея рабочемъ кабинетѣ. Франкъ справедливо называетъ это сообщеніе сагой[3]). Стоитъ припомнить переписку Маріи-Терезіи съ сыномъ, по вопросу о вѣротерпимости, чтобы убѣдиться въ недостовѣрности этого свидѣтельства. Къ сожалѣнію, это вліяніе Іосифа II на мать не имѣло желательныхъ размѣровъ. Онъ ушелъ слишкомъ далеко впередъ матери, между ихъ воззрѣніями лежала глубокая пропасть, каждый изъ нихъ былъ твердо убѣжденъ въ своемъ направленіи, поэтому они никогда не могли сойтись, или примириться. Каждый шелъ своимъ путемъ и мать съ глубокой скорбью принуждена была видѣть, какъ ихъ дороги все далѣе и далѣе расходятся[4]). Этотъ разладъ между матерью и сыномъ существовалъ за весь періодъ соправительства послѣдняго и только въ разное время сказывался съ различной силой. Это различіе въ воззрѣніяхъ вызывало постоянное недовольство Іосифа II матерью, жалобы на нее и просьбы объ отставкѣ.

Въ 1771 г. Іосифъ, по поводу разногласій съ матерью относительно государственнаго совѣта, очень громко жаловался на ея бездѣятельность. Зная по опыту, что личное объясненіе приведетъ только къ большему разногласію, Марія-Терезія обратилась къ сыну съ письмомъ (въ ноябрѣ 1771 г.). Указавъ въ немъ на существующую между ними разницу во взглядахъ и признавая необходимость единства въ нихъ для блага государства, она приглашала сына установить основные принципы для дальнѣйшей согласной дѣятельности и продолжала: „Скажи мнѣ прямо устно или письменно о моихъ ошибкахъ и слабостяхъ, какъ я всегда просила тебя объ этомъ. Тоже самое сдѣлаю и я, но пусть никто, кромѣ насъ, не думаетъ, даже не предполагаетъ, что между нами господствуетъ различіе мнѣній. Въ пер-

[1]) Hock und Bidermann. 58—59. [2]) Ibidem. 59. [3]) Frank. 8, 6—7. [4]) Arneth. IX. 144—145.

вомъ (1768) году все шло отлично, только съ того времени дѣла пошли иначе и именно потому, что мы оба не держались того принципа. Ты такъ любишь выставлять принципы; потрудись надъ этимъ, мой дорогой сынъ, для общественнаго блага и нашего спокойствія. Предпишемъ самимъ себѣ руководящія правила и принципы, потрудись занести ихъ на бумагу, мы обсудимъ и выработаемъ неизмѣнную норму“ [1]).

Но скоро снова начались жалобы Іосифа на господствующую во внутреннихъ дѣлахъ бездѣятельность императрицы. Въ іюнѣ 1772 г. Іосифъ писалъ Леопольду: „Во внутреннихъ дѣлахъ все продолжаетъ идти по прежнему. Говорятъ, предпримутъ измѣненія, но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Всѣ интригуютъ, но никто не работаетъ; при видѣ этого сердце обливается кровью“ [2]). День ото дня усиливалась горечь этихъ жалобъ императора, Арнетъ считаетъ невозможнымъ признать ихъ совершенно безосновательными, не отрицая отчасти повода къ нимъ въ личной торопливости Іосифа. „Здѣсь,—писалъ послѣдній Леопольду въ началѣ апрѣля 1773 г.,—неизвѣстность дошла до крайней степени; клянусь, я отъ этого совсѣмъ онѣмѣлъ. Ежедневно увеличивается работа и ничего не дѣлаютъ. Увѣряю тебя, что изо дня въ день съ 5 утра до 6 вечера, кромѣ 1/4 часа на ѣду, я сижу за работой и ничего не выходитъ. Ничтожныя причины, интриги, которыми меня долго вводили въ заблужденіе, все задерживаютъ и разрушаютъ и все летитъ къ чорту. Помѣняемся, мой другъ. Я уступаю тебѣ право первородства безъ чечевичной похлебки, потому что мною овладѣла самая мрачная меланхолія и нѣтъ надежды на будущее: дѣла во всѣхъ направленіяхъ ухудшаются, такъ что скоро не останется средства идти впередъ и надежды сдѣлать въ жизни хоть что-нибудь хорошее. Прости, честь и слава! Противъ воли я принимаю участіе въ этомъ разрушеніи и мое патріотическое сердце рвется отъ этого на части“ [3]).

9 дек. 1773 г. Іосифъ просилъ у матери увольненія отъ соправительства. „Я не могу скрыть отъ васъ,—говорилъ онъ, между прочимъ, въ этомъ письмѣ,—что, мнѣ кажется, дѣла идутъ неправильно и что огромная государственная машина монархіи идетъ не какъ должно-бы. Безполезно удалять то тамъ, то здѣсь маловажныя причины.... мы оба дѣлаемъ не то, чего требуетъ наше положеніе“ [4]).

Наканунѣ Рождества 1775 г. Іосифъ, по поводу законовъ о крѣпостныхъ, снова просилъ мать уволить его отъ соправительства. Здѣсь онъ писалъ, между прочимъ: „Что за польза В. В. въ человѣкѣ, принципы котораго вы признаете ложными, котораго считаете виновнымъ противъ Бога и ближняго и истинныхъ государственныхъ началъ, горячимъ, слишкомъ торопливымъ, предубѣжденнымъ, неразмышляющимъ, полнымъ ложныхъ взглядовъ, собранныхъ изъ книгъ, или изъ опас-

[1]) Arneth. M.-Th. und. J. II, I, 350—352.
[2]) Письмо отъ 23 іюня 1772 г. (Arneth. M.-Th. und J. II. I, 370). [3]) Arneth. IX, 305. Arneth. M.-Th. und J. II. II, 5. [4]) Arneth. II, 23—27.

ныхъ обществъ?... Я нахожу въ себѣ волю и силу повиноваться, но не въ состояніи измѣнить своихъ принциповъ и убѣжденій“ [1]).

Въ отвѣтѣ на это письмо Марія-Терезія, между прочимъ, говорила: „Я не въ состояніи согласиться съ принципами, которые слишкомъ мало строги какъ относительно религіи, такъ и относительно нравовъ. Ты слишкомъ обнаруживаешь свою антипатію къ установившимся привычкамъ и къ цѣлому клиру, слишкомъ свободные взгляды на поведеніе и на нравственность“ [2]).

На слѣдующіе дни Іосифъ снова настаивалъ предъ матерью на увольненіи [3]).

Арнетъ говоритъ, что со смерти мужа Марія-Терезія постоянно колебалась между горячею любовью къ сыну и не менѣе живочувствуемымъ неодобреніемъ воззрѣній, изъ которыхъ онъ выходилъ и которыя проводилъ съ рѣзкостью, оскорбительной для держащихся другихъ взглядовъ. Хотя не разъ дѣло доходило до просьбы объ отставкѣ, но Марія-Терезія исключала возможность самой мысли объ ней. Повтореніе этихъ просьбъ приводило только къ тому, что она постепенно ослабѣвала въ сопротивленіи проведенію желаемаго Іосифомъ, но неодобряемаго ею и, наконецъ, хотя и среди постоянныхъ жалобъ, соглашалась. Впрочемъ, это больше замѣтно въ дѣлахъ внѣшней политики, а не внутренней, хотя и въ послѣдней настойчивость Іосифа не оставалась безъ вліянія [4]).

Такое личное настроеніе Маріи-Терезіи, такое благочестіе и ревность къ католичеству должны были бы создать въ австрійскихъ владѣніяхъ золотой вѣкъ для католической церкви и ея главы, папы. Въ общемъ положеніе католической церкви при ней, по отзыву ревностныхъ католиковъ, было очень высоко, такъ что надежда на возстановленіе его, по смерти Іосифа II, способна была вызывать въ сердцахъ ихъ живѣйшую радость. По вступленіи на престолъ Леопольда II, кардиналъ Герзанъ писалъ Кауницу, что доходящія въ Римъ со всѣхъ сторонъ извѣстія, что Е. И. В. намѣренъ поставить все на ту ногу, на какой стояло при его матери, возбуждаютъ тамъ ликованіе; на восшествіе на престолъ Леопольда поэтому смотрятъ, какъ на благодѣтельную эпоху для церкви, какъ выразились нѣкоторые кардиналы [5]). Въ другомъ донесеніи Кауницу Герзанъ говорилъ, что эти же извѣстія о направленіи Леопольда заставляютъ смотрѣть на него, какъ на опору религіи [6]).

Но не нужно забывать, что такой взглядъ на положеніе католической церкви при Маріи-Терезіи высказывался послѣ смерти Іосифа II и сравнительно съ положеніемъ церкви при немъ. Послѣдній за свое кратковременное единодержавное правленіе произвелъ столько ломки въ церковной сферѣ, сколько не сдѣлала Марія-Терезія за

[1]) Arneth. M.-Th. und. J. II. II, 95—98. [2]) 25 и 26 дек. 1775 г. (Ibidem. II, 99). [3]) Ibidem II, 100—102.
[4]) Arneth. X. 741—742. [5]) Донесеніе отъ 10 апр. 1790 г. (Brunner. 203). [6]) Тоже отъ 30 апр. того-же года. (Ibidem. 206).

40 лѣтъ, поэтому сравнительно съ нимъ положеніе церкви при послѣдней представлялось завиднымъ. Но этого нельзя сказать, если взять положеніе католической церкви при ней сравнительно съ предшествующей эпохой. Духъ времени, въ смыслѣ развитія государственнаго абсолютизма, вѣянія просвѣщенія и кружокъ лицъ, проникнутыхъ новыми идеями, оказали глубокое вліяніе на Марію-Терезію. При ней вліяніе государственной власти на церковь приняло такіе широкіе размѣры, какихъ раньше не имѣло ни при одномъ австрійскомъ государѣ[1]).

Принципъ государственнаго абсолютизма, начавшій крѣпко прививаться въ Австріи со времени Маріи-Терезіи, не могъ не отразиться и на церковной жизни, все обнимавшій государственный контроль не могъ не коснуться и церкви.—Такъ, естественно, прежде всего публикація церковныхъ распоряженій была поставлена въ зависимость отъ государственной власти. Когда вѣнскій архіепископъ въ 1745 г. отпечаталъ свое пастырское посланіе и опубликовалъ его, одновременно папскую буллу и энциклику относительно постовъ, императрица напомнила (18 марта 1746 г.) о постоянной практикѣ, по которой во всей Австріи не позволяется печатать безъ разрѣшенія государя папскихъ буллъ, какого бы характера онѣ ни были, и также другихъ церковныхъ распоряженій, касающихся государства. Въ случаѣ повторенія, императрица не будетъ въ состояніи удержаться отъ принятія мѣръ, соотвѣтствующихъ государственной власти и требуемыхъ обстоятельствами дѣла. Типографамъ, подъ опасеніемъ закрытія мастерскихъ, было запрещено печатаніе неразрѣшенныхъ духовныхъ распоряженій, имѣющихъ вліяніе на публику[2]). Еще энергичнѣе выраженія указа отъ 19 окт. 1768 г., которымъ запрещались публикація и примѣненіе буллы „In coena Domini“[3]). Въ 1767 г. Марія-Терезія признала необходимымъ для опубликованія папскихъ буллъ полученіе разрѣшенія отъ государя, placetum regium[4]).—Въ 1778 г. придворная учебная комиссія выставила въ качествѣ принципа, что для государства обязательны только тѣ духовныя распоряженія, которыя изданы по соглашенію послѣдняго съ римскимъ престоломъ, всѣ же остальныя предписанія, хотя бы шли и изъ Рима, получаютъ значеніе только чрезъ допущеніе ихъ государствомъ. Поэтому государство вполнѣ свободно во всѣхъ распоряженіяхъ и случаяхъ послѣдняго рода[5]). Государственный контроль простирался даже на вышедшія раньше церковныя распоряженія,—такъ, придворнымъ декретомъ отъ 7 мая 1744 г. было приказано заклеить въ бревіаріяхъ бѣлой бумагой и впредь не перепечатывать вредный урокъ Григорія VII о власти папы низлагать государей[6]).

Такъ были приняты мѣры къ охраненію государственнаго порядка отъ печатнаго выраженія мнѣній церковнаго начальства. Приняты были мѣры и къ ограниченію свободы рѣчи духовенства. Уже

[1]) Friedberg. I, 138. [2]) Ibidem. I, 151. [3]) Ibidem. I, 151—152 ср. Hock und Bidermann, 52. [4]) Riehl—Reinöhl. 47. [5]) Friedberg. I, 145—146. [6]) Ibidem. I, 152.

въ 1754 г. было запрещено выставлять въ монастыряхъ или печатать тезисы для диспутовъ, безъ дозволенія protector'a studiorum, такъ какъ императрица съ прискорбіемъ узнала, что духовными часто защищаются на публичныхъ диспутахъ и издаются очень неподходящіе тезисы и положенія[1]). Позднѣе (5 окт. 1776 г.) „Synopsis", аббата Раутенштрауха былъ положенъ въ основаніе всѣхъ публичныхъ диспутовъ, „такъ какъ справедливо безпокоятся, что выставляемыя для защиты положенія о границахъ духовной и свѣтской властей часто бываютъ выражены неопредѣленно, поэтому могутъ возбуждать сомнѣнія и вызывать новыя заблужденія"[2]).

Болѣе общаго характера было придворное рѣшеніе отъ 5 окт. 1776 г. Бѣлому и черному духовенству поставлялось въ извѣстность, какъ уже часто, вопреки ожиданіямъ, узнавали, что оно порицало или даже возбуждало подозрѣніе къ изданнымъ правительствомъ церковнымъ распоряженіямъ. „Такъ какъ теперь такія преступленія будутъ наказываться лишеніемъ начальствующихъ ихъ мѣстъ, безъ всякаго различія, а, смотря по обстоятельствамъ, и болѣе тяжело, то вмѣстѣ съ этимъ эти проступки строжайше запрещаются и всѣ тѣ, кто объ нихъ узнаетъ и безъ промедленія донесетъ правительству, будутъ считаться вѣрноподданными"[3]).

Потребность въ церковной реформѣ въ Австріи такъ живо чувствовалась, что проектъ ея былъ набросанъ еще при жизни папы Климента XIII, на сочувствіе котораго нельзя было разсчитывать: Кауницъ представилъ его 10 февраля 1769 г. чрезъ нѣсколько дней, можетъ быть, даже часовъ послѣ полученія въ Вѣнѣ извѣстія о внезапной смерти Климента XIII. Съ избраніемъ на папскій престолъ человѣка, со стороны котораго ждали больше уступчивости, къ этому проекту снова обратились съ болѣе благопріятными надеждами[4]).

Интересно познакомиться съ размѣрами проектировавшейся реформы.

Послѣ общихъ замѣчаній о необыкновенномъ развитіи папской церковной власти на счетъ свѣтскихъ государей въ вѣка невѣжества, безсилія и суевѣрія и о возгорѣвшейся съ теченіемъ времени кровавой борьбѣ между этими властями изъ-за правъ, Кауницъ дѣлаетъ рядъ вопросовъ, въ постановкѣ которыхъ даетъ и желаемое имъ самимъ рѣшеніе ихъ.

Угодно-ли—спрашиваетъ онъ,—продолженіе и сохраненіе существующихъ законовъ относительно пріобрѣтенія крѣпостныхъ, столь противорѣчащихъ равновѣсію собственности, необходимому для сохраненія общества?

Угодно-ли обложить налогомъ имѣнія духовныхъ лицъ, съ точки зрѣнія права и разсудка ничѣмъ неотличающіяся отъ имѣній остальныхъ подданныхъ и гражданъ государства?

---

[1]) Friedberg. I, 152—153. [2]) Ibidem I, 144—145, 153.
[3]) Ibidem. I, 153. [4]) Arneth. IX, 44.

Угодно-ли снова лишить ихъ участія или вліянія на дѣла благочинія, или вообще чисто свѣтскія, вліянія, которое они сумѣли пріобрѣсти въ вѣка слабости и невѣжества, или только устранить злоупотребленія, какъ, напр., приведя въ должныя границы пріобрѣтенное имъ вліяніе на цензуру книгъ, чтобы положить конецъ запрещенію ими всѣхъ книгъ, которыя могутъ имѣть просвѣтительное значеніе, и поддержкѣ и распространенію, какъ они дѣлали въ прошедшіе вѣка, содержащихъ ученіе, направленное противъ государственной власти?

Угодно-ли употребить необходимыя мѣры къ уменьшенію числа и чрезмѣрнаго богатства духовенства, или только остановить его увеличеніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, не допустить полнаго разрушенія гражданскаго общества, неизбѣжнаго печальнаго результата, если не будетъ положено конца этимъ крайнимъ злоупотребленіямъ?

Угодно-ли возстановить дисциплину и порядокъ среди монаховъ?

Угодно-ли государю, на основаніи своего права верховнаго покровительства, принять мѣры противъ злоупотребленій управленія, или дурнаго употребленія имуществъ церквей или благотворительныхъ учрежденій?

Угодно-ли уменьшеніемъ чрезмѣрнаго числа праздниковъ положить конецъ приказаніямъ папы чужимъ подданнымъ не работать въ теченіе многихъ дней года, оказывающимся вслѣдствіе этого не въ состояніи выдерживать конкурренцію съ не-католиками въ задѣльной платѣ и промышленности?

Угодно-ли сопротивляться присвоиваемому себѣ духовенствомъ праву вмѣшиваться въ брачныя дѣла не только поскольку они касаются таинства, но и въ совершенно гражданскіе результаты ихъ, напр., наслѣдства, завѣщанія, какъ это случается еще, напр., въ Венгріи?

Угодно-ли уничтожить ужасный трибуналъ инквизиціи, или только ограничить и урегулировать его власть?

Въ заключеніе канцлеръ указывалъ на сопротивленіе духовенства осуществленію этой необходимой реформы и на ея важность. „Если государь,—писалъ онъ,—начинаетъ пользоваться принадлежащими ему правами въ сферѣ, имѣющей отношеніе къ правамъ, которыя духовенство претендуетъ вполнѣ себѣ присвоить, касается ли это независимости, или авторитета его, со всѣхъ сторонъ раздаются непрерывные крики о посягательствѣ, несправедливости, безбожіи и оскверненіи святыни. Какъ бы ни были далеки отъ священническаго служенія вещи, о которыхъ идетъ рѣчь, какія бы ни дѣлалъ распоряженія въ своихъ интересахъ папа и клиръ, ихъ всегда находятъ справедливыми и разумными и, напротивъ, всѣ распоряженія, направленныя противъ нихъ, несправедливыми и неразумными. Неудовольствіе все ростетъ и, хотя въ нашъ просвѣщенный вѣкъ нельзя бояться перехода этого разряда въ открытую религіозную войну, какъ въ былыя времена, однако, можно опасаться,—если немедленно и разъ навсегда не будетъ покончено съ мнимыми сомнѣніями и нерѣшительностью

относительно границъ государственной власти и авторитета клира, гдѣ корень всѣхъ споровъ и противорѣчій,—по крайней мѣрѣ раскола, можетъ быть, скоро придется увидѣть отдѣленіе отъ св. престола, къ величайшему вреду для религіи, цѣлыхъ королевствъ и странъ“.— Канцлеръ счелъ бы себя вполнѣ вознагражденнымъ за огромный трудъ, какого ему стоило такъ сжато изложить то, о чемъ учеными написаны безплодно тысячи томовъ, если бы Марія-Терезія нашла этотъ предметъ такъ же яснымъ и рѣшеннымъ, какимъ онъ представляется ему самому[1]).

Къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно о своевременныхъ обсужденіяхъ проекта канцлера. Поэтому можно признать справедливою догадку, что ждали прежде избранія новаго папы, чтобы опредѣлить дальнѣйшія отношенія къ нему. Разсчитывали немедленно обратиться къ послѣднему, по крайней мѣрѣ, съ отдѣльными пунктами проектированной реформы, какъ только обнаружится его благосклонное настроеніе[2]).

Подъ дѣлами благочинія, на которыя претендуетъ духовенство, Кауницъ прежде всего разумѣлъ право убѣжища. Вопросъ объ немъ поднялся еще въ 1754 г. и даже еще раньше, при отцѣ Маріи-Терезіи, Карлѣ VI въ 1729 г., но безъ всякаго результата. И на этотъ разъ онъ затянулся очень надолго; только 15 сент. 1775 г. Марія-Терезія издала патентъ, уничтожавшій право убѣжища. Кауницу было поручено сообщить въ Римъ, когда этотъ шагъ былъ уже сдѣланъ. Не обошлось, конечно, безъ протеста, хотя и безуспѣшнаго, со стороны австрійскаго духовенства въ лицѣ вѣнскаго архіепископа Мигацци и лайбахскаго епископа, графа Гербершейна[3]).

Однимъ изъ важныхъ церковныхъ распоряженій Маріи-Терезіи было уменьшеніе числа праздниковъ, о чемъ упоминалъ канцлеръ въ своемъ проектѣ. Еще въ 1753 г. папа Бенедиктъ XIV, по желанію императрицы, уменьшилъ число праздниковъ на 24, но въ эти дни оставалось обязательнымъ посѣщеніе богослуженія и только послѣ него дозволялась работа. Съ теченіемъ времени и этого оказалось недостаточнымъ. 11 марта 1770 г. было первое засѣданіе по этому вопросу комиссіи изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Въ основу совѣщаній былъ положенъ объемистый трактатъ по этому вопросу извѣстнаго профессора церковнаго права, Риггера. Эта комиссія, назначенная Маріей-Терезіей вообще для разбора церковныхъ дѣлъ, чрезъ уничтоженіе, перенесеніе на воскресные дни и сліяніе отмѣнила 23 праздника, оставила же 15, но за то ихъ и воскресенья велѣно было строго соблюдать[4]). По настоянію нунція, пришлось отмѣнить вмѣсто 23—только 20: въ эти дни не должно было ходить къ мессѣ и разрѣшалась всякая работа. Переговоры съ римской куріей, кончились только въ августѣ 1771 г.[5]).

Въ видахъ ограниченія числа монаховъ, о чемъ Кауницъ под-

[1]) Arneth. IX. 45—47, 557—559, прим. 84. [2]) Ibidem. IX, 47—48. [3]) Ibidem. IX, 50—56, 559, прим. 88—95 ср. Hock und Bidermann 51—52.
[4]) Arneth. IX, 57—61. [5]) Ibidem. IX, 66—67. Hock und Bidermann. 51—52.

робнѣе, чѣмъ въ своемъ проектѣ 10 февраля 1769 г., говорилъ въ докладной запискѣ императрицѣ (въ февралѣ 1768 г.), срокомъ для даванія монашескихъ обязательныхъ обѣтовъ былъ назначенъ 24-лѣтній возрастъ (18 августа 1770 г.)[1]). Не смотря на заявленіе папы, что онъ не можетъ принять этого срока и на предложеніе имъ самимъ 18-лѣтняго, патентъ Маріи-Терезіи остался въ полной силѣ[2]).— Въ Ломбардіи въ ея царствованіе было закрыто 80 монастырей[3]).

При распоряженіяхъ въ церковной сферѣ Марія-Терезія не всегда считала необходимымъ обращаться предварительно за согласіемъ къ римской куріи, какъ было въ доселѣ упомянутыхъ случаяхъ, очень часто эти распоряженія издавались ею вполнѣ самостоятельно, такъ, напр., былъ уничтоженъ исповѣдной крейцеръ (16 октября 1767 г.)[4]), сдѣланы предписанія для духовенства по имущественнымъ дѣламъ (26 и 31 августа 1771 г.)[5]), запрещено духовнымъ подписывать завѣщанія въ качествѣ свидѣтелей (4 сентября 1771 г.)[6]), строго запрещены всѣ поступки, несогласные съ ихъ достоинствомъ (20 марта 1772 г.)[7]) и, наконецъ, ограничена юрисдикція духовенства. Приказомъ отъ 27 октября 1753 г. духовная юрисдикція была возстановлена въ прежнихъ границахъ; запрещено было исполнять приговоры, выходившіе изъ предѣловъ духовной компетенціи[8]). Хотя виновные изъ духовенства остались подчиненными духовному суду, но послѣдній долженъ былъ держаться уголовнаго законодательства Маріи-Терезіи; въ случаѣ преступленій, влекущихъ смертные приговоры, виновные лишались сана и предавались для наказанія гражданскому суду[9]).

Дисциплинарная власть духовенства была подчинена государственному контролю. Свѣтская власть принимала апелляціи на духовные приговоры. Такъ, когда въ 1770 г. монахъ цистерціанскаго монастыря, Тенненбахъ обратился къ императрицѣ за защитою отъ угрожавшихъ ему дисциплинарныхъ мѣръ, профессору Риггеру было приказано разобрать жалобу, тщательно изслѣдовать отношеніе этого монаха къ своему прелату и прежде всего вытребовать въ подлинникѣ сочиненіе, послужившее главнымъ поводомъ къ заключенію Тенненбаха въ тюрьму, въ случаѣ же отказа прелата въ этомъ, заключить его самого въ тюрьму, по усмотрѣнію, и вообще принять, для уясненія дѣла, всѣ надлежащія мѣры, какія только будутъ найдены необходимыми, полезными и согласными съ достоинствомъ императрицы. Послѣдняя заявляла, что желаетъ защищать всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ безъ различія—какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ[10]).

31 авг. 1771 г. въ монастыряхъ были закрыты настоящія тюрьмы, „непозволительною свободою“ строить которыя и заключать въ

---

[1]) Arneth. IX. 72, 560, прим. 113. Обсужденіе этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ у Hock und Bidermann. 53—55. [2]) Arneth. IX, 77—78, 561, прим. 121—123. [3]) Riehl-Reindel. 31. [4]) Arneth. IX, 89, 564, прим. 150. [5]) Ibidem. IX, 89, 564, прим. 152. [6]) Ibidem. IX, 89, 564. прим 154 Hock. und Bidermann. 55—56. [7]) Arneth. IX. 89, 564, прим. 155. [8]) Friedberg. I, 153. [9]) Ibidem. I, 153. [10]) Ibidem. I, 153—154.

которыя виновныхъ, иногда на всю жизнь, пользовалось доселѣ монастырское начальство. Но этимъ не исключалось право настоятелей „отечески наказывать“ своихъ подчиненныхъ (correctio paterna), напротивъ, оно оставалось во всей силѣ, только предписывалось заключать виновныхъ въ комнаты, ничѣмъ неотличающіяся отъ прочихъ келлій, при наказаніяхъ постомъ всегда имѣть въ виду, чтобы не было вреда здоровью,—за это отвѣчаетъ настоятель. Помимо всего этого, монастырскія мѣста заключеній всегда открыты для контроля духовной и свѣтской властей. Епископамъ вмѣнялось въ обязанность строжайше слѣдить за исполненіемъ этого приказанія и въ качествѣ государственныхъ комиссаровъ или самимъ лично, или чрезъ особыхъ депутатовъ, часто осматривать по монастырямъ эти мѣста заключеній. При этомъ, по требованію обстоятельствъ, вмѣстѣ съ епископами можетъ быть отправляемъ и свѣтскій комиссаръ, а когда имѣются основанія предполагать, что приказаніе исполняется не вполнѣ, послѣдній можетъ быть командируемъ и одинъ[1]).

Еще менѣе признавалось за духовнымъ начальствомъ право на духовныя наказанія. По придворному декрету отъ 1 окт. 1768 г., немогло состояться ни одного отлученія подданнаго, безъ предварительнаго разсмотрѣнія и согласія свѣтскаго начальства. Преступленія hereticae pravitatis менѣе всего исключались изъ этого правила. Высшее свѣтское начальство въ такихъ случаяхъ собирало точныя свѣдѣнія, разъясняло дѣло и ходатайствовало непосредственно предъ правительствомъ о placetum regium на признаніе отлученія законнымъ[2]). Духовники не имѣли права налагать даже церковнаго покаянія или внѣшняго церковнаго наказанія, безъ вѣдома свѣтской власти, которая каждый разъ доносила объ этомъ двору[3]).

По поводу слуховъ о высылкѣ за-границу іезуитами за время съ 1757 по 1763 г. 40 милліоновъ гульденовъ, Марія-Терезія (4 сент. 1771 г.) издала особое распоряженіе, которымъ запрещался вывозъ или высылка за-границу значительныхъ суммъ. Виновные въ этомъ ордена или монастыри ожидалъ на первый разъ штрафъ въ соотвѣтствующей высланной суммѣ, а въ случаѣ повторенія имъ грозило полное закрытіе. Денежные штрафы и тѣлесныя наказанія грозили и посредникамъ по этой пересылкѣ денегъ.—Хотя это распоряженіе относилось и ко всѣмъ вообще подданнымъ, но спеціально оно было направлено противъ монашества, какъ въ немъ прямо и заявлялось[4]).

Указомъ 17 авг. 1771 г. было запрещено открытіе новыхъ братствъ безъ высочайшаго на то соизволенія, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписывалось произвести разслѣдованіе существующихъ уже братствъ, устранить найденныя въ нихъ злоупотребленія, а тѣ изъ братствъ, которыя держатся положеній, противныхъ церкви, или государству, по предварительномъ докладѣ, закрыть[5]).

[1]) Riehl-Reinöhl. 31—33. ср. Arneth. IX, 89, 564, прим. 153. Hock und Bidermann. 56. [2]) Friedberg. I. 155. [3]) Ibidem. I. 155. Hock und Bidermann. 57. [4]) Riehl-Reinöhl. 28—30. [5]) Ibidem. 33—34. Hock und Bidermann. 51.

27 сент. 1771 г. было запрещено лично ходить въ Римъ за разрѣшеніемъ брачныхъ препятствій, съ подобными дѣлами велѣно было обращаться чрезъ епископовъ[1]). 23 янв. 1778 г. запрещеніе обращаться въ Римъ по брачнымъ вопросамъ было распространено и на impedimenta occulta[2]).

Въ Ломбардіи была уничтожена инквизиція (1775 г.) и одновременно съ этимъ правительство взяло изъ кассъ 72 духовныхъ братствъ 3 милліона гульденовъ для учрежденія фонда общей пенсіонной кассы[3]).

Въ Венгріи церковныя имѣнія были свободны отъ государственныхъ налоговъ, сборы съ нихъ производились только отъ времени до времени съ папскаго разрѣшенія. Въ наслѣдственныхъ земляхъ эти имѣнія хотя и не пользовались такой привиллегіей, но имъ, какъ и дворянскимъ, оказывали всѣ снисхожденія. И здѣсь, какъ въ Венгріи, нуженъ былъ папскій индультъ. Въ 1767 г. кончался срокъ такому индульту, данному на 15 лѣтъ; папа, повидимому, не былъ расположенъ продолжать его, но государственный совѣтъ единогласно призналъ излишнимъ папское разрѣшеніе на данный предметъ и 25 февр. и 9 сент. 1768 г. сдѣлалъ соотвѣтственныя распоряженія[4]).

Въ 1773 г. (21 іюня), по иниціативѣ придворной канцеляріи, при поддержкѣ со стороны государственнаго совѣта, были ограничены церковныя процессіи, крестные ходы, запрещены паломничества въ чужіе края[5]).

1 апр. 1775 г. были упразднены всѣ провинціальныя кассы орденовъ и у высшаго начальства послѣднихъ было отнято право распоряжаться имуществомъ отдѣльныхъ конвентовъ[6]).

Наконецъ, духъ времени проявился въ цензурѣ и въ области образованія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Раньше цензура была всецѣло въ рукахъ іезуитовъ. Мы видѣли жалобу на злоупотребленія ихъ этимъ правомъ въ проектѣ реформы Кауница. Въ 1749 г. въ цензурную комиссію Маріей-Терезіей былъ назначенъ ванъ-Свитенъ. Съ его вступленіемъ въ ней повѣяло новымъ духомъ. Какъ на всѣхъ поприщахъ своей дѣятельности, такъ и здѣсь онъ съ самаго начала выступилъ горячимъ борцомъ противъ іезуитовъ. Правда, ему не удалось выхлопотать прямаго постановленія о совершенномъ устраненіи ихъ изъ этой коммиссіи, но онъ постоянно неутомимо и часто съ успѣхомъ велъ съ ними борьбу, благодаря своей близости къ императрицѣ и тому довѣрію, которымъ пользовался у нея[7]). Съ теченіемъ времени ему даже удалось освободиться отъ іезуитовъ, чего онъ не могъ достигнуть прямо. Онъ нашелъ очень простое средство для этого: всякій разъ, по выходѣ изъ комиссіи іезуита, онъ не назначалъ новаго іезуита и, благодаря этому, къ 1764 г. въ комиссіи не осталось ни одного іезуита[8]).

---

[1]) Block. II. [2]) Ibidem. II. [3]) Wolf, P. Ph. 360—361. [4]) Hock und Bidermann. 49—50. [5]) Ibidem, 50—51 ep. Block. 10. [6]) Hock und Bidermann, 57. [7]) Arneth. IX. 159—164, 166. [8]) Ibidem. IX. 166.

Съ учрежденіемъ придворной учебной комиссіи, все руководство образованіемъ было сосредоточено въ рукахъ свѣтскаго правительства. Хотя въ комиссіи были и духовные члены, но не было іезуитовъ, при томъ же вліяніе первыхъ значительно ослаблялось такими членами, какъ ванъ Свитенъ и оба извѣстныхъ правовѣда, Бургиньонъ и Мартини. Особенно видную роль въ этой комиссіи игралъ ванъ Свитенъ. И здѣсь, какъ и въ центрѣ, онъ велъ непрерывную борьбу съ іезуитами. Въ письмѣ къ Маріи-Терезіи (5 ноября 1757 г.) онъ старался доказать ей вредное вліяніе послѣднихъ на вѣнскій университетъ[1]).—Благодаря его настоянію, ректору іезуитской коллегіи былъ запрещенъ доступъ въ университетскую консисторію (12 нояб. 1757 г.) и уволены отъ должностей іезуиты-директора богословскаго и философскаго факультетовъ, а также удаленъ изъ университетской консисторіи іезуитъ-профессоръ церковнаго права въ виду того, что тамъ случаются только свѣтскіе иски (10 сент. 1759 г.[2]).

Въ ноябрѣ 1766 г. іезуитамъ былъ нанесенъ новый ударъ—у нихъ была отнята каѳедра церковнаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ и студентамъ богословскаго факультета было велѣно слушать вмѣстѣ съ юристами лекціи церковнаго права Риггера[3]), который, какъ и его преемники по каѳедрѣ Эйбель и Пегемъ, былъ сторонникомъ новыхъ идей[4]).—Въ силу распоряженія отъ 25 окт. 1776 г., всѣ лица бѣлаго и чернаго духовенства прежде допущенія ad sacros ordines должны были представлять свидѣтельства объ испытаніи „ex jure politico, ecclesiastico et canonico“[2]).

Въ видахъ обезпеченія лучшаго образованія духовенства Марія-Терезія распорядилась, чтобы обученіе послѣдняго велось по учебникамъ и принципамъ вѣнскаго университета[6]).

Такія распоряженія Маріи-Терезіи въ церковной сферѣ заставляютъ всѣхъ изслѣдователей смотрѣть на нихъ, какъ на приготовленіе къ Іосифовской реформѣ. Ученые расходятся только въ опредѣленіи отношенія этихъ распоряженій къ послѣдней: въ то время какъ одни, напр. Риль и Рейнёль[7]), въ распоряженіяхъ Маріи-Терезіи находятъ только задатки Іосифовской реформы, другіе, напр. Мейнертъ[8]), Блоккъ[9]) утверждаютъ, что реформа Іосифа II была только проведеніемъ системы матери, что послѣдняя—истинная виновница того направленія въ церковной области, которое отъ имени государя называется іозефонизмомъ. Послѣдній взглядъ намъ кажется крайностью. Несомнѣнно, Марія-Терезія, сравнительно съ своими предшественниками на австрійскомъ тронѣ, была человѣкомъ новаго времени. Самъ Фридрихъ великій призналъ за этой „женщиной планы, достойные великаго мужа“[10]), Она сознавала необходимость внутренняго преобразованія Австріи и много сдѣлала для него за свое продолжительное пра-

[1]) Arneth. IX. 169—170, 575, прим. 282.
[2]) Ibidem. IX. 171, 575 прим. 285. [3]) Ibidem. IX. 185, 576, прим. 314. [4]) Выше 48—49. [5]) Block. II. [6]) Riehl Reinöhl. 27. [7]) 45—46. [8]) 1 ср. 180, 20—23. [9]) 2, 2—13 14, 42. [10]) Oeuvres de Frédèrik. IV, 9.

вленіе. Но всего менѣе было сдѣлано ею въ церковной сферѣ, какъ это и вполнѣ понятно при ея религіозныхъ взглядахъ и расположеніи къ іезуитамъ. Въ своихъ церковныхъ распоряженіяхъ она не проводила радикальной реформы, поэтому-то въ общемъ положеніе католической церкви при ней, сравнительно съ положеніемъ при Іосифѣ, даже ультрамонтанамъ казалось очень счастливымъ[1]).—Помимо существеннаго отличія церковной реформы Іосифа отъ реформы Маріи-Терезіи въ радикализмѣ первой, всегда нужно помнить и то, что Іосифъ II былъ самъ иниціаторомъ реформы, послѣдняя—всецѣло его порожденіе, тогда какъ самыя главныя церковныя распоряженія Маріи-Терезіи были изданы, лишь благодаря воздѣйствію на нее со стороны цѣлаго кружка близкихъ ей лицъ, проникнутыхъ духомъ новаго времени. Она не создавала сама, а только *уступала* настойчивымъ убѣжденіямъ людей идеи. И какого большаго труда часто стоило послѣднимъ достиженіе этой цѣли! Вспомнимъ неоднократныя прошенія Іосифа объ отставкѣ отъ соправительства, между прочимъ, и по разногласію въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, борьбу ванъ Свитена съ іезуитами въ цензурной и учебной комиссіяхъ. Отъ распоряженій Маріи-Терезіи до церковной реформы Іосифа II слишкомъ далеко, въ первыхъ можно видѣть только слабые проблески послѣдней. Они даже мало подготовили почву для реформы Іосифа, иначе онъ не встрѣтилъ бы со всѣхъ сторонъ такого страстнаго протеста.

[1]) Выше, 77—78.

Глава III.

Іосифъ II, какъ реформаторъ въ церковной сферѣ.

Воспитаніе и характеръ Іосифа II.—Реформаторская дѣятельность его во всѣхъ сферахъ государственной жизни въ періодъ самодержавнаго правленія.—Государственные взгляды его.—Взглядъ его на церковь въ ея отношеніи къ государству.—Цѣль его церковной реформы.—Погребность въ реформѣ католической церкви въ Австріи въ половинѣ XVIII в. Упадокъ церкви: духовенство, монашество, богослуженіе, мощи, чудотворныя иконы, паломничества, индульгенціи, братства.—Гнетъ папы.—Характеръ церковной реформы Іосифа.—Порядокъ разсмотрѣнія ея и основанія для него.

29 ноября 1780 г. Марія-Терезія сошла въ могилу и Іосифъ II сдѣлался единодержавнымъ государемъ. При жизни матери онъ чувствовалъ себя связаннымъ въ государственной дѣятельности по рукамъ и по ногамъ, эта зависимость тяготила его и онъ, какъ мы видѣли, не разъ просилъ у матери отставки, отчаиваясь въ проведеніи своихъ взглядовъ. Теперь онъ сталъ вполнѣ свободнымъ и не замедлилъ воспользоваться свободой: лишь только Марія-Терезія закрыла глаза, какъ началась ломка государственной жизни по всѣмъ направленіямъ. Эта ломка не была неожиданною, ее предвидѣли знавшіе Іосифа. «Marie Thérèse n' est plus, voilà un nouvel ordre de choses, qui commence» писалъ Фридрихъ великій своему кабинетъ-министерству въ минуту полученія извѣстія о смерти императрицы[1]). И онъ не ошибся: все правленіе Іосифа II прошло въ кипучей преобразовательной дѣятельности.

Но прежде чѣмъ говорить объ Іосифѣ, какъ реформаторѣ, необходимо сказать объ его воспитаніи и характерѣ, такъ какъ ими въ значительной степени объясняется характеръ его дѣятельности.

Отецъ Іосифа, Францъ I не имѣлъ никакого вліянія какъ на государственную жизнь Австріи, такъ и на воспитаніе сына, имъ всецѣло была занята и распоряжалась мать, мнѣніе же отца спрашивалось въ очень рѣдкихъ случаяхъ[2]). Но при всемъ своемъ умѣ Марія-Терезія не сумѣла дать Іосифу хорошаго воспитанія и образованія, соотвѣтствовавшаго его индивидуальному характеру. Ни методъ воспитанія и образованія, ни выборъ воспитателей и учителей не были удачными.

Сообразно съ своимъ духовнымъ складомъ, Марія-Терезія прежде всего старалась передать сыну свою набожность и страхъ божій поставила конечной цѣлью его духовнаго направленія.

[1]) Dohm. I. 389. [2]) Ramshorn, 24—26.

Этого она думала достигнуть, строго заставляя ребенка выполнять молитвы[1]). Ежедневно Іосифъ слушалъ мессу, 3 раза въ недѣлю уроки закона божія, ежедневно, кромѣ утренней и вечерней молитвъ, въ 6 часовъ вечера у него была получасовая молитва[2]). Въ этихъ же видахъ съ самаго дѣтства около него были въ качествѣ учителей патеры—іезуиты. Еще до 7-лѣтняго возраста, когда онъ былъ на попеченіи женщинъ, у него былъ первымъ учителемъ іезуитъ патеръ Игнацъ Гёллеръ[3]).

Какъ естественно было ожидать при пылкомъ темпераментѣ Іосифа, эти старанія Маріи-Терезіи привели со всѣмъ не туда, куда она желала, а какъ разъ къ противоположному: принужденіемъ нельзя развить естественнаго чувства, поэтому у Іосифа рано начало развиваться притворство, вслѣдствіе необходимости подчиняться не по расположенію, а по давленію.

О характерѣ Іосифа II въ дѣтствѣ (въ 6-лѣтнемъ возрастѣ) и о воспитаніи есть важное свидѣтельство прусскаго министра, графа Подевиля. Описавъ его наружность, Подевиль продолжаетъ: „его физіогномія пріятна, но выраженіе ея гордо и надменно, таково же и обращеніе его, въ чемъ его еще укрѣпляютъ по старымъ принципамъ австрійскаго дома. Онъ говоритъ всѣмъ *ты* и разговариваетъ только съ самыми высокопоставленными лицами и дамами..... всѣмъ, даже дамамъ даетъ цѣловать руку. Однажды въ комнатѣ, убранной портретами предковъ, онъ назвалъ имена императоровъ и императрицъ, а о своихъ родителяхъ сказалъ: они—только герцогъ и герцогиня Лотарингскіе. Императоръ тщетно старается отучить его отъ спѣсивости, такъ какъ слишкомъ любитъ его, чтобы принять строгія мѣры. Принцъ своенравенъ и упрямъ; съ большею охотою соглашается сидѣть въ заперти и голодать, чѣмъ просить прощенія. Онъ любитъ только военное, разговариваетъ почти только съ офицерами и ихъ женами, не обнаруживаетъ никакого расположенія къ ученію, такъ что его трудно научить самому обыкновенному. Ему внушаютъ такое нерасположеніе къ Франціи, что онъ отказывается учиться по-французски, поэтому въ его присутствіи учатъ этому языку другого мальчика. Императоръ не одобряетъ этого, но онъ имѣетъ слишкомъ мало значенія и самъ боится упрека въ расположеніи къ французамъ. Принцъ щедръ; въ Шёнбруннѣ онъ часто бралъ у императрицы денегъ на игру и раздавалъ ихъ бѣднымъ офицерамъ и солдатамъ. Хотя пока и трудно рѣшить, много-ли у него ума, однако, Подевиль сомнѣвается, чтобы онъ вышелъ большимъ геніемъ. Плохое воспитаніе и крайняя нѣжность родителей не позволяютъ надѣяться, чтобы онъ сдѣлался когда нибудь великимъ государемъ. Хотя императрица не одобряетъ системы воспитанія своихъ предковъ, однако при воспитаніи своихъ дѣтей идетъ тѣмъ-же путемъ. Она боготворитъ эрцгерцога и спускаетъ ему много проступковъ, за которые должна была бы его наказывать. Иногда толь-

[1]) Gross-Hoffinger. Joseph's II Geschichte. 7—8. [2]) Wendrinsky. 32. [3]) Ibidem. 24.

ко она принимаетъ противъ него видъ строгости и увѣряетъ, что не прощаетъ его[1]). Вендринскій признаетъ этотъ отзывъ слишкомъ строгимъ, но по существу впослѣдствіи оправдавшимся: именно, Подевиль вѣрно подмѣтилъ своенравіе Іосифа, пристрастіе къ военному и слабую наклонность къ серьезному изученію; игривымъ методомъ преподаванія только развили въ немъ эти черты.—Каролина Пихлеръ въ своихъ Denkwürdigkeiten (I, 136) почти вполнѣ сходится съ Подевилемъ относительно результатовъ воспитанія Іосифа, хотя признаетъ въ послѣднемъ выдающіяся способности[2]).

Выборъ самаго перваго воспитателя былъ сдѣланъ крайне неудачно. Когда Іосифу исполнилось 7 лѣтъ, сочли неудобнымъ оставлять его долѣе на попеченіи женщинъ, составили для него особый придворный штатъ и гофмейстеромъ-воспитателемъ назначили перваго венгерскаго магната, князя Баттіани. Этотъ выборъ могъ дѣлать честь благодарной признательности Маріи-Терезіи, но никакъ не педагогическому такту. Баттіани былъ съ ногъ до головы храбрымъ солдатомъ, выросшимъ на строгой военной дисциплинѣ, но совсѣмъ не воспитателемъ, который могъ бы вести воспитаніе сообразно съ индивидуальнымъ характеромъ питомца, предоставляя ему въ возможныхъ предѣлахъ пользоваться свободой. Императрица дала Баттіани по этому случаю довольно обстоятельную инструкцію. Въ ней она рекомендовала въ обращеніи съ Іосифомъ, въ виду живого характера его, не школьную сухую строгость, а пользоваться его честолюбіемъ. Съ довѣріемъ къ лицу, которому Іосифъ подчиняется, онъ долженъ соединять и почтеніе. Въ рукахъ воспитателя она оставляла награду и наказаніе, а остальное было дѣломъ учителей. Если первый грозилъ наказаніемъ, то непремѣнно долженъ былъ приводить его въ исполненіе, для доказательства своей твердости. Принца нужно заставлять откровенно сознаваться въ своихъ проступкахъ, не оправдываться отговорками, а просить прощенія. Особенно нужно бороться съ наклонностью ребенка замѣчать и осмѣивать чьи-нибудь внѣшніе или внутренніе недостатки, такъ какъ онъ можетъ не понять истинныхъ достоинствъ человѣка подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ манеръ, или наружности. Баттіани долженъ удалять отъ него лицъ, слишкомъ льстящихъ, внушающихъ ему преувеличенныя представленія о высотѣ его рожденія, осмѣивающихъ другихъ или говорящихъ про нихъ дурное. Принцъ долженъ научиться цѣнить истинное достоинство каждаго, его честолюбіе должно состоять въ томъ, чтобы прилежаніемъ и хорошимъ поведеніемъ заслужить расположеніе и любовь родителей, а всѣхъ привлекать къ себѣ ласковостью и добрыми отвѣтами. Но Баттіани былъ неспособенъ пріобрѣсти любовь своего царственнаго питомца, а грубой солдатской строгостью своей сдѣлалъ его еще болѣе скрытнымъ. Баттіани Іосифъ обязанъ только развитіемъ въ себѣ па-

[1]) Wendrinsky. 24—25. [2]) Ibidem. 26.

губной любви къ войнѣ и военному. Въ ребенкѣ, еще неспособномъ понимать высшія задача военнаго дѣла, развилась любовь къ внѣшнему военному блеску. Уже 7-ми лѣтъ онъ дѣлалъ смотры и командовалъ своимъ полкомъ[1]).

Въ числѣ самыхъ первыхъ наукъ Іосифу преподавались, кромѣ закона Божія, порученнаго іезуиту-патеру Францу, географія и исторія. Съ лѣтами расширялся и кругъ предметовъ: такъ ему преподавали математическія науки, государственное право, политическое, естественное, международное, а также древніе и новые языки, такъ что онъ почти безошибочно говорилъ и писалъ, кромѣ нѣмецкаго, на французскомъ, итальянскомъ, латинскомъ и мадьярскомъ языкахъ[2]).

Примѣромъ неудачной постановки обученія Іосифа II можетъ служить преподаваніе ему исторіи выдающимся австрійскимъ государственнымъ дѣятелемъ своего времени, Бартенштейномъ. Онъ игралъ важную роль въ воспитаніи Іосифа. Ему было поручено Маріей-Терезіей составить планъ обученія послѣдняго. Онъ-же, по ея порученію, составилъ обширное въ 15 томахъ историко-политическое изслѣдованіе для преподаванія наслѣдному принцу отечественной исторіи[3]). 15 томовъ при 13 лѣтнемъ возрастѣ горячаго, разсѣяннаго мальчика! Чему же удивляться при этой системѣ преподаванія, если съ самаго начала обученія раздаются со стороны учителей жалобы на слабые успѣхи кронпринца? Всѣ они признавали въ послѣднемъ счастливую память, проницательный умъ, но горько жаловались не только на недостатокъ вниманія, но и на упрямство, съ которымъ онъ постоянно возставалъ противъ продолжительнаго покойнаго сидѣнія и всякаго заучиванья наизусть[4]). А между тѣмъ всѣмъ извѣстна необыкновенная любознательность Іосифа, жажда знанія, которая не покидала его всю жизнь, начиная съ дѣтства. Еще въ этомъ возрастѣ въ немъ сказывалась необыкновенная любовь къ геодезіи, фортификаціи, гимнастикѣ и музыкѣ. Марія-Терезія обучала его послѣдней съ цѣлью смягченія его характера. И онъ оказалъ въ музыкѣ большіе успѣхи, такъ что въ 13 лѣтъ акомпанировалъ на роялѣ своей сестрѣ, эрцгерцогинѣ Маріи-Аннѣ, пѣвшей на одномъ публичномъ концертѣ[5]).

Откровенный, живой, веселый Іосифъ приводилъ въ восхищеніе всѣхъ придворныхъ своими остроумными замѣчаніями, шутками и быстрыми мѣткими отвѣтами на предлагаемые вопросы. Блестящія способности его лучше всего обнаруживались въ непринужденной бесѣдѣ[6]).

Извѣстно, что Іосифъ и до позднѣйшихъ лѣтъ своей жизни былъ нерасположенъ ко всѣмъ своимъ учителямъ.—Въ своихъ распоряженіяхъ въ качествѣ государя по дѣлу образованія онъ выходилъ совсѣмъ не изъ тѣхъ началъ, которыя были положены въ основаніе его собственнаго обученія.—Наконецъ, если учителю случалось удачно

[1]) Wendrinsky. 27—29. Ramchorn. 29—30. Gross-Hoffinger. Gesch. Josephs II. 8—9. [2]) Ramshorn. 30. [3]) Ibidem. 33—36, 38. [4]) Ibidem. 31. [5]) Ibidem. 31, 37. [6]) Gross-Hoffinger. L. c., 12.

представить интересный предметъ, постоянная невнимательность Іосифа переходила въ увлеченіе.

На основаніи всего этого необходимо притти къ выводу, что система образованія Іосифа не отвѣчала его индивидуальному характеру и поэтому преподаваемое усвоялось имъ и неохотно и непрочно[1]).

Итакъ Іосифъ не много вынесъ отъ учителей, своимъ развитіемъ и образованіемъ онъ обязанъ исключительно самому себѣ. Уже по окончаніи формальнаго образованія, чтеніемъ и наблюденіемъ онъ расширилъ свой умственный горизонтъ и сдѣлался пылкимъ адептомъ современнаго „просвѣщенія“.

40-ка лѣтъ Іосифъ вступилъ на австрійскій престолъ въ качествѣ единодержавнаго государя; съ нимъ вмѣстѣ взошли на тронъ идеи „просвѣщенія“. 16 лѣтъ томился онъ желаніемъ провести эти идеи въ жизнь и за каждый шагъ въ этомъ направленіи выдерживалъ борьбу съ сильной придворной партіей во главѣ съ матерью. Теперь онъ спѣшилъ наверстать пропущенное и потому торопился съ своими реформами по всѣмъ направленіямъ государственной жизни, входя въ самыя мелкія детали ея. Даже нерасположенные къ нему изслѣдователи, напр., Бруннеръ,[2]) признаютъ его неутомимымъ роботникомъ на тронѣ. По собственному показанію, Іосифъ работалъ цѣлый день: съ 7 часовъ утра до 2 и съ 4, послѣ обѣда, до 9 вечера[3]). Изданные Іосифомъ за 9 лѣтъ законы наполняютъ собою 18 объемистыхъ томовъ, къ нимъ нужно прибавить еще тысячи и тысячи резолюцій по частнымъ случаямъ, которыя часто требовали еще большей работы и не внесены ни въ одинъ сборникъ. При этомъ на каждомъ шагу его встрѣчали одни препятствія. Въ письмѣ къ Леопольду (отъ 7 авг. 1782 г.), коснувшись своей внутренней дѣятельности, онъ замѣчаетъ, что встрѣчаетъ здѣсь трудности, что это—горькій трудъ, способный привести въ отчаяніе, если бы его не одушевляла ревность къ дѣлу. У него совершенно нѣтъ людей, ни чтобы понимать, ни чтобы желать, почти никто не одушевленъ ревностью къ благу отечества, никто не проникается его идеями, главные начальники идутъ старой дорогой, подписывая подаваемыя бумаги, не справляясь объ ихъ содержаніи; каждаго изъ нихъ нужно убѣждать особо[4]). Въ этой труженической до самозабвенія жизни Іосифа могла поддерживать только горячая любовь къ отечеству и государству. Не даромъ онъ называлъ «служеніе отечеству и монархіи своей единственной страстью»[5]). Этому служенію онъ посвятилъ всего себя, мечтая сдѣлать счастливымъ свой народъ.

„По его дѣятельности,—говоритъ Трачевскій,—можно изучить всѣ принципы „просвѣщенія“. Пестрая толпа съ утра осаждала его кабинетъ, гуляла по аристократическому Пратеру, а мятежныя трансильванскіе крестьяне были оправданы, какъ жертвы помѣщичьяго

[1]) Ramshorn. 38—39. [2]) 13. [3]) Письмо къ Леопольду отъ 22 янв. 1781 г. ср. письмо къ нему же отъ 21 янв. 1782 г. (Arneth. I, 4—5, 69). [4]) Ibidem. I, 128—129.
[5]) Hübner. Leb.—Geschichte Joseph's II, 269 sq. (у Wolf, P. Ph. III, 532).

деспотизма, такъ что можно признать справедливымъ данный ему современниками титулъ „вѣнчаннаго друга человѣчества“. Іосифъ былъ весь горячій, нервный протестъ, коренное отрицаніе. Онъ объявилъ старому порядку вещей смертельную борьбу, безъ мира и прощенія. Исчезъ окаменѣлый видъ Габсбурговъ, съ его меланхолической обрядностью, пало значеніе царедворцевъ и іезуитовъ,... былъ распущенъ чопорный штатъ Маріи-Терезіи. По собственнымъ словамъ, Іосифъ прикоснулся такой нетерпѣливой рукой къ „разбитой машинѣ“ австрійскаго правленія, что поднялся хаосъ, „способный смутить лучшую голову“ (Arneth. Joseph II und Leopold. I, 8 sq., cf. 20, 128 sq.). Это замѣчаніе относится особенно къ внутреннимъ дѣламъ, гдѣ иностранное вліяніе, лежащее внѣ воли государей, не стѣсняло приложеніе новыхъ идей, а рутина, тупоуміе, казнокрадство, да деспотизмъ церкви и помѣщиковъ свили себѣ главное гнѣздо. Здѣсь-то проявилась вся страстность, вся энергія Іосифа. Чуть не каждый день съ высоты престола сыпались на Австрію преобразованія одно рѣшительнѣе другаго“ [1]).

Но какой государственной идеѣ служилъ Іосифъ II?

„Просвѣщеніе внушило ему сознательную ненависть къ уродливому памятнику старины, носившему названіе нѣмецкой имперіи,— говоритъ Трачевскій. — Впрочемъ, сначала онъ мечталъ о благодѣтельныхъ преобразованіяхъ. Онъ взялся было за исправленіе имперскихъ судилищъ и прибѣгъ къ законному средству—къ визитаціи, которая никогда еще не была обставлена такъ серьезно. Іосифъ не щадилъ средствъ и устроилъ большую комиссію изъ ученѣйшихъ правовѣдовъ Германіи. Но тотчасъ же оказалось, что даже имперскій придворный судъ, который помѣщался въ Вѣнѣ и состоялъ изъ императорскихъ чиновниковъ, былъ безнадежно испорченъ. Въ имперскомъ же камеральномъ судѣ въ Вецларѣ при сеймѣ визитацію постигла еще болѣе печальная судьба. 24 ревизора огуломъ обсуждали всѣ мелочи, тотчасъ же запутались, перессорились и послѣ 9-ти-лѣтней возни разошлись „со взаимнымъ ожесточеніемъ, не оправдавъ надеждъ Германіи“. Распри въ комиссіи чуть не сгубили окончательно всего имперскаго устройства. Разогнавшій ее вопросъ, куда причислить голоса вестфальскихъ и французскихъ графовъ—къ католической, или протестантской Германіи, перешелъ въ сеймъ. „И чрезъ это явился такой застой въ занятіяхъ сейма, что много лѣтъ не было вовсе засѣданій и опасались, что это учрежденіе распадется точно такъ же, какъ комиссія (Dohm. III, 7—17). Послѣ неудачныхъ опытовъ Іосифъ сталъ непримиримымъ врагомъ имперской конституціи и открыто поносилъ ее, какъ неисправимое зло, заслуживающее искорененія. „Мнѣ противны, отвратительны обязанности императора,—говорилъ онъ французскому посланнику,—тутъ при всемъ безпристрастіи пожинаешь одну только вражду партій. Особенно несносны религіозныя препирательства. Стану я за какой нибудь капуцинскій монастырь,

[1]) Союзъ князей. 18.

видя его правоту, протестанты говорятъ, что я хочу подавить ихъ религію. Признаю справедливыми жалобы протестантовъ, всѣ попы и монахи кричатъ: глава имперіи—богоотступникъ"![1]) Въ письмѣ къ Екатеринѣ II по вопросу объ альтернатѣ при заключеніи договора уже въ 1781 г. (6 марта) Іосифъ II съ горечью говорилъ, что титулъ императора—его единственная прерогатива, да и тотъ не принадлежитъ ему, а только ввѣренъ имперскими курфирстами, предъ которыми онъ долженъ за него отвѣчать. Это—только призракъ почетной императорской власти. Если бы онъ зналъ средство, возвратилъ бы курфирстамъ и имперіи данный ими тяжелый титулъ.[2]).

До Іосифа II не существовало австрійскаго государства, Австрійская имперія состояла изъ различныхъ земель съ различными законами, съ различнымъ устройствомъ и управленіемъ, отдѣленныхъ одна отъ другой пограничными таможенными линіями. Іосифъ поставилъ цѣлью своего правленія—соединить всѣ эти земли въ одно государство съ одинаковымъ законодательствомъ и устройствомъ; изъ различныхъ по происхожденію, правамъ и культурѣ народностей составить одну *австрійскую* націю и посредствомъ поднятія умственной, художественной и промышленной жизни, сообщить этому огромному тѣлу возможную крѣпость, благосостояніе и независимость отъ иностранныхъ державъ; наконецъ, путемъ крайняго упрощенія и приведенія къ однообразію судебной и финансовой системъ, точнаго и правильнаго подчиненія всевозможныхъ административныхъ учрежденій, при постоянномъ контролѣ, при механическомъ почти однообразіи воспитанія и научнаго образованія, сдѣлать управленіе этой громадной машиной такъ легкимъ, чтобы ему можно было безъ всякой помощи и совѣта самому во всякое время видѣть изъ центра всѣ мельчайшія ея части и управлять ею[3]).

При осуществленіи своего плана Іосифъ не хотѣлъ обратить вниманія на различіе провинцій австрійской имперіи, на ихъ привиллегіи, и совершенно игнорировалъ законныя формы и національность. Желая сдѣлать счастливымъ свой народъ, онъ не останавливался даже предъ силою при приведеніи въ исполненіе того, что казалось ему необходимымъ для народнаго блага. Поэтому-то въ сознаніи, что онъ желаетъ добра, и въ убѣжденіи въ непогрѣшимости своего знанія, онъ относился къ конституціонному государству абсолютнѣе кого бы то ни было изъ своихъ предшественниковъ[4]), такъ что Лоренцъ въ своей монографіи объ Іосифѣ II думалъ найти поразительное сходство въ субъективной формѣ государственной дѣятельности между Іосифомъ II и Филиппомъ II испанскимъ. Кронесъ не согласенъ съ Лоренцомъ. По мнѣнію Кронеса, контрастъ въ фактической сущности между Іосифовскимъ и Филипповскимъ правленіемъ оставляетъ эту аналогію въ совершенной тѣни; онъ такихъ же размѣровъ, какъ и противополож-

[1]) Dohm. III, 15 sq. (у Трачевскаго. Союзъ князей. 24—25). [2]) Arneth. Joseph II und Katharina von Russland. 54—55.
[3]) Hübner. 109 sq. (Wolf. P. Ph. III, 83). [4]) Mailath. 100.

ность времени и національности каждаго изъ этихъ монарховъ. Филиппъ II съ головы до ногъ испанецъ и потому, какъ справедливо замѣчаетъ Бокль, пользовался любовью у своего народа, какъ національный государь, а за-границею былъ крайне ненавидимъ; гибельный застой въ развитіи Испаніи онъ объявилъ постояннымъ, положилъ основаніе матеріальному упадку государства, такъ какъ не признавалъ никакой цѣны за духовной и физической работой. Іосифъ II вполнѣ нѣмецкій государь и уже поэтому въ національной противоположности къ не-нѣмецкимъ народнымъ элементамъ своего пестраго государства долженъ былъ національныя симпатіи принести въ жертву своему преобразовательному рвенію. За то онъ, какъ ни одинъ изъ его предковъ, владѣлъ нѣмецкимъ государственнымъ характеромъ, понялъ и высоко цѣнилъ нѣмецкое культурное призваніе Австріи, за то онъ насильственно вывелъ ее на тотъ процессъ внутренняго развитія, слѣдствія котораго можно сравнить съ послѣдствіями плодотворной грозы; за то онъ, при всѣхъ промахахъ, внимательно слѣдилъ за матеріальнымъ благополучіемъ государства и, такъ какъ равно цѣнилъ творческую работу головы и рукъ, оставилъ по себѣ добрую память въ тѣхъ классахъ, которые, въ противоположность господствующимъ или привиллегированнымъ, можно назвать работающими. Не нужно останавливаться только на морѣ бумажныхъ распоряженій Іосифа II, на механическомъ характерѣ, чиновнической рутинѣ Іосифовской эпохи; нужно видѣть и обнаруживающійся здѣсь духъ, стремленіе вести съ собою народы Австріи къ тому, что и умные противники насильственныхъ мѣръ признавали за лучшее, за истинный прогрессъ. Нужно вспомнить и о человѣкѣ, который не неподвижно, недоступно и непроницаемо диктовалъ свои распоряженія, какъ тотъ въ Эскуріалѣ, а вѣчно странствовалъ по своимъ владѣніямъ и доступный для самаго низкаго всюду съ удовольствіемъ быстро оказывалъ помощь, все улучшалъ, охотно прислушивался къ общественному голосу и владѣлъ тѣмъ благороднымъ самоотверженіемъ благородныхъ натуръ, которое не боится въ концѣ сознаться въ своей ошибкѣ, въ своемъ самообманѣ[1]).

„На его дѣятельности,—по мнѣнію Трачевскаго,—ясно сказались недостатки „просвѣщенія“. Человѣчество, увлеченное негодованіемъ при видѣ внезапно озареннаго зла спѣшило приговоромъ, не вглядываясь въ источники бѣдствій и не отдѣляя порока отъ его жертвы, оттого идеи „просвѣщенія“ съ трудомъ проходили въ жизнь, а ихъ гуманность была суха, какъ проповѣдь доктринера. И Іосифъ отличался не столько выдержкой воли, сколько упрямствомъ мысли. Привязавшись къ предвзятой идеѣ, онъ не любилъ игры жизни и ея противорѣчія оставляли въ его душѣ только чувство раздраженія и усталости. Каждое твердое слово не въ его духѣ казалось ему упрямствомъ невѣжества и порока. Мѣстныя особенности народовъ Австріи были въ его глазахъ предразсудкомъ, а люди—ходячимъ коварствомъ и глупостью. Отойти

[1]) Krones. 123—124.

отъ этого „призрака, исчезающаго въ глубинѣ ничтожества“, уединиться на высотѣ философіи и все переломать „по ея логикѣ“, вотъ какъ понималъ Іосифъ задачу монарха честнаго и жаждущаго безсмертія! Не въ глубинѣ общества и народности, гдѣ коренятся силы прогресса, а въ облекающей ихъ формѣ видѣлъ онъ спасеніе—„все принадлежитъ государству“ („tout est à l' Etat“): въ этомъ словѣ все и потому каждый „долженъ содѣйствовать его требованіямъ“ (Arneth. Maria Theresia und Joseph II. I, 10 sq.)—вотъ символъ вѣры Іосифа. Съ неумолимымъ педантизмомъ проводилъ Іосифъ свою философію. „Лишь бы сдѣлать добро, - говорилъ онъ, —а какъ - все равно!“ Гнетущій, хотя и новаго закала, деспотизмъ налегъ на Австрію. Чиновники не знали, что дѣлать: порывистый и неугомонный императоръ не давалъ имъ покоя, а между тѣмъ не довѣрялъ имъ и, самъ отдѣлывая все до мелочей, пристращался къ формализму, къ бумагѣ и цифрѣ, къ приказамъ и указамъ. Онъ всюду вмѣшивался, спѣшилъ, горячился и уставалъ. Курьеръ за курьеромъ скакали по расшатанной монархіи, одинъ отмѣняя приказанія другаго. Смущенные народы Австріи сторонились отъ непостижимой для нихъ преобразовательной суеты и роптали подъ гнетомъ централизаціоннаго деспотизма. Такъ разсыпались прахомъ благородныя усилія Іосифа, и имъ овладѣвали то усталость, то отчаяніе. Отсюда недоконченность многихъ начинаній, отважность замысловъ и робость исполненія. И человѣкъ, который въ частномъ быту служилъ бы украшеніемъ любого общества, долго оставался непонятъ потомками, глумившимися надъ его непрактичностью, и былъ ненавидимъ подданными. Зарево кроваваго мятежа сопровождало его въ могилу и его послѣдними словами былъ горькій упрекъ жизни за обманутыя надежды“[1]).

Итакъ, несомнѣнно, реформы Іосифа II носятъ бюрократическій характеръ. Для проведенія своихъ идей въ жизнь онъ обратился къ многоголовой толпѣ чиновниковъ. Онъ дѣйствовалъ на сценѣ нововведеній одинъ, а народы въ лицѣ своихъ привиллегированныхъ представителей были праздными, частью смущенными, частью угрюмыми зрителями, которые на каждый уплаченный грошъ смотрѣли, какъ на большую плату. Они желали бы высказать свое мнѣніе и дѣйствовать вмѣстѣ. Но императоръ опекунъ приказывалъ, опекаемые должны были безпрекословно повиноваться, все должно было происходить въ опредѣленный срокъ. Кабинетное приказаніе не знаетъ фактическихъ препятствій, отрицаетъ полную невозможность, идущую вопреки всякимъ требованіямъ[2]).

Но бюрократизмъ вызывался именно горячимъ желаніемъ Іосифа скорѣе двинуть Австрію по пути прогресса. Отказаться отъ этой системы для него значило погубить все дѣло. Онъ хорошо понималъ, что далеко выходилъ изъ рамокъ современной жизни и потому не могъ разсчитывать на поддержку со стороны всѣхъ сословій, изъ которыхъ интересы нѣкоторыхъ существенно страдали отъ его реформъ. При

[1]) Союзъ князей. 19—20. [2]) Krones. 27.

такихъ условіяхъ бюрократическая система была неизбѣжною, къ тому же она коренилась въ духѣ того времени и всюду широко примѣнялась.

Въ частности въ приложеніи къ Венгріи Кронесъ считаетъ Іосифовскій бюрократическій путь проведенія реформы единственно возможнымъ. Другой путь—это работа надъ реформой венгерскаго народа совмѣстно съ самимъ народомъ. „Народъ“, „націю“ здѣсь, какъ и вездѣ въ то время, составляли два привиллегированныхъ сословія—дворянство и духовенство, мѣстомъ ихъ совмѣстной съ правительствомъ преобразовательной работы должны были бы явится рейхстаги, или ландтаги. Но съ этимъ „народомъ“ на этихъ имперскихъ собраніяхъ государь не могъ взяться за переустройство Венгріи, потому что этотъ „народъ“ стоялъ въ исключительномъ положеніи къ законамъ и государственнымъ налогамъ, которому Іосифъ хотѣлъ положить конецъ, а самое это имперское собраніе было опять таки ничѣмъ инымъ, какъ представительствомъ этого привиллегированнаго народа съ его постояннымъ сопротивленіемъ всякому, хотя бы и современному, нововведенію. Это сопротивленіе отбило у Маріи-Терезіи охоту созывать новые пробные рейхстаги съ 1765 г. За послѣднія 15 лѣтъ своего царствованія, послѣ третьяго и послѣдняго рейхстага, Марія-Терезія обходилась безъ совѣщанія съ сословными представителями, дѣлая распоряженія изъ Вѣны. Такъ и нужно было вести дѣло, если не хотѣли сидѣть, сложа руки, въ виду возраставшей потребности въ реформѣ. Въ 1790 г., въ годъ побѣды сепаративныхъ стремленій Венгріи, въ комитатахъ шла рѣчь о томъ, что уже царствованіе Маріи-Терезіи окончилось противно конституціи. Поэтому бюрократическая система Іосифа II всего болѣе соотвѣтствовала времени и на этотъ путь задолго до него вступила его мать, только съ сохраненіемъ формы конституціи. Такимъ образомъ, система Іосифа по существу своему не представляла ничего новаго; вся разница въ интенсивности примѣненія, въ способѣ: онъ началъ съ того, чѣмъ тонкіе политики кончаютъ,—съ разрушенія венгерской конституціи и съ разрушенія открытаго[1]).

При такихъ государственныхъ воззрѣніяхъ, Іосифъ II, естественно, и на церковь смотрѣлъ, какъ на государственное учрежденіе, а на ея служителей, какъ на государственныхъ чиновниковъ. Ея жизнь, насколько она не касается догмы, подчинена государственной власти, государь имѣетъ полное право производить въ ней тѣ измѣненія, какія признаетъ необходимыми, не обращаясь за содѣйствіемъ къ церковной власти. Въ отвѣтѣ Кауница на ноту нунція Гарампи 19 дек. 1781 г., точно опредѣляющемъ границы между духовной и свѣтской властями, отвѣтѣ, вошедшемъ въ собраніе государственныхъ законовъ[2]) и принятомъ, по высочайшему повелѣнію, во всѣхъ случаяхъ quoad publico-ecclesiastica[3]), говорится, что власть государя простирается безъ исключенія на все то, что въ церкви не божественнаго, а чело-

[1]) Krones. 121—123. [2]) Kropatschek. II, 3—12. [3]) Ibidem. II, 3—4.

вѣческаго только измышленія или установленія и тѣмъ, что оно есть, обязано единственно согласію, или одобренію высшей власти, которой поэтому принадлежитъ и должно принадлежать право всѣ подобныя добровольныя и произвольныя соглашенія не только измѣнять и ограничивать, но и совсѣмъ отмѣнять, коль скоро этого потребуютъ государственныя соображенія, злоупотребленія или перемѣна времени и обстоятельствъ.

„Что касается до церковныхъ распоряженій,—писалъ Іосифъ Леопольду (14 дек. 1786 г.),—то, такъ какъ я не касаюсь ни догмы, ни обряда, ни внутренней дисциплины, а моимъ объектомъ служатъ лишь доходы и должности и я хочу превратить всю свою іерархію въ наемниковъ, что мало-по-малу и дѣлаю, для этого мнѣ не нужно санкціи собора“ [1]).

Логическимъ выводомъ изъ государственныхъ взглядовъ Іосифа, а также изъ его воззрѣній на отношеніе церкви къ государству была *мысль о необходимости создать въ Австріи національную церковь, независимую отъ папы, служащую государству и подчиненную ему.* Вотъ—конечная цѣль его церковной реформы.

Существуетъ мнѣніе, что Іосифъ ѣздилъ въ Римъ въ 1783 г. затѣмъ, чтобы окончательно порвать связь съ папой, и что будто бы его удержалъ отъ этого опаснаго шага испанскій посланникъ, Азара. Бургуэнъ говоритъ, что въ бесѣдѣ съ послѣднимъ Іосифъ II развилъ планъ, который долженъ былъ изумить Европу. Рѣчь шла о полномъ разрывѣ съ папскимъ дворомъ. Іосифъ все предусмотрѣлъ, относительно всего распорядился, былъ увѣренъ въ согласіи и содѣйствіи 36 епископовъ своего государства. Предполагалось, что догматы и церковная іерархія останутся непрекосновенными, онъ хотѣлъ только освободить своихъ вѣрноподанныхъ отъ папской власти въ церковныхъ вопросахъ, которая не имѣла ничего общаго съ существомъ религіи и только поддерживала гражданскіе безпорядки и часто бывала источникомъ всѣхъ ужасовъ фанатизма. Пусть церковь будетъ въ государствѣ, государю принадлежитъ право подчинять ее свѣтскимъ законамъ и ея служителей держать въ той же зависимости, какъ и остальныхъ подданныхъ. Онъ не можетъ долѣе выносить господства Рима, громы и молніи Ватикана ему не страшны, теперь ихъ боятся только дѣти, да старыя бабы. Папскіе сторонники назовутъ его схизматикомъ, но для него это безразлично. Конечно, церкви будутъ побѣднѣе, за то священники лучше, монаховъ меньше. Все окажется въ выигрышѣ: общественное спокойствіе, нравственность, даже сама религія.—Азарѣ стоило большаго труда удержать Іосифа отъ такого опаснаго шага.—Если,—говорилъ ему Азара,—онъ не боится римскаго фанатизма, то развѣ ему не страшенъ господствующій въ большей части его собственнаго государства? Папа окруженъ худыми людьми, оттого и упрямъ, но развѣ нельзя привлечь его на свою сторону? развѣ не могъ

[1]) Arneth. II, 55.

бы императоръ достигнуть цѣли съ меньшими затратами? не должно ли примѣнять насильственныя средства лишь тогда, когда зло сдѣлалось совершенно неизлечимымъ? Подобныя бесѣды, хотя и въ иной формѣ, велъ Іосифъ II и съ кардиналомъ Берни. Въ виду этого Бургуэнъ приходитъ къ заключенію, что поѣздка Іосифа II въ Римъ для папскаго престола была много полезнѣе поѣздки папы въ Вѣну, что первая задержала полный разрывъ между обоими дворами. Императоръ пріѣхалъ въ Римъ съ совсѣмъ враждебными намѣреніями, но представленія Берни и Азары, потомъ болѣе зрѣлое размышленіе о послѣдствіяхъ этого переворота, къ которому онъ хотѣлъ дать сигналъ, можетъ быть, чувство жалости къ старику-папѣ—все это успокоило его первую вспышку[1]).—Того же мнѣнія держится Майлатъ[2]), Рамсгорнъ[3]), Мейеръ[4]), Шлоссеръ[5]) и др. Послѣдній не находитъ въ немъ ничего невѣроятнаго въ виду того, что около этого времени (въ іюнѣ 1783 г.) Кауницъ чрезъ Герзана грозилъ римской куріи созваніемъ помѣстнаго собора разорвать связь съ Римомъ въ главномъ ея пунктѣ—въ конфирмаціи и посвященіи епископовъ.—Арнетъ признаетъ это мнѣніе несправедливымъ и мы вполнѣ согласны съ почтеннымъ ученымъ. Іосифъ II,—думаетъ онъ,—ѣздилъ въ Римъ смягчить унніе при папскомъ дворѣ по поводу своихъ церковныхъ преобразованій. Доказательствомъ для него служатъ слова Іосифа въ письмѣ къ Леопольду (отъ 27 дек. 1783 г.) изъ Рима: „думаю, что здѣсь имѣлъ достаточный успѣхъ; кажется, отказались отъ многихъ ошибочныхъ представленій относительно моей вѣры и façon d'être“[6]).

Положеніе католической церкви въ Германіи и въ частности въ Австріи при вступленіи Іосифа II на престолъ въ качествѣ самодержавнаго государя было крайне печальнымъ и вызывало горячее желаніе скорѣйшей перемѣны къ лучшему во всѣхъ просвѣщенныхъ ея сынахъ.

Прежде всего бросался въ глаза упадокъ жизни епископовъ. Ихъ образъ жизни нисколько не отличался отъ образа жизни имперскихъ князей: та же роскошь въ обстановкѣ и выѣздахъ, тѣ же гастрономическіе обѣды, охоты, театры[7]).

Причина упадка католической іерархіи крылась въ воспитаніи кандидатовъ въ духовенство изъ дѣтей дворянъ и князей. Воспитаніе предназначаемыхъ знатными родителями въ духовенство большею частью забрасывалось. Прежде ихъ посылали на нѣсколько лѣтъ въ Римъ въ Sapienza, гдѣ они слушали самое жалкое въ свѣтѣ богословіе и имѣли въ лицѣ папы постоянный образецъ, по которому составляли себѣ понятіе о свѣтскомъ величіи священнаго сана. По возвращеніи они вступали въ соборные капитулы и въ качествѣ канониковъ не имѣли ничего духовнаго, кромѣ тонсуры съ подстриженными волосами, или

[1]) 272—276. [2]) Mailáth. 71. [3]) Ramshorn. 368—370. [4]) Mejer. I, 59 ср. Brunner. 103—104. [5]) Исторія XVIII ст. IV, 315—316. [6]) Arneth. Joseph II und Leopold. I, XXII—XXIII, 197 ср. письмо его же (отъ того же числа, мѣсяца и года) къ Кауницу (Beer. 145). [7]) Nicolai. Bd. V, 19 sqq.

креста на груди. „Они не присутствуютъ при хоровомъ пѣніи, передавая свои обязанности хоровому викарію и кантору. Въ хорѣ они показываются очень рѣдко, чтобы получать пребенды. Во все остальное время они—совершенно свѣтскіе люди и, если имъ угодно, предаются всѣмъ наслажденіямъ. По званію канониковъ они не должны быть непремѣнно священниками, состоящіе же въ послѣднемъ санѣ должны ежедневно читать мессу, но не каждому изъ нихъ охота ежедневно, какъ простому священнику, являться въ церкви предъ народомъ въ духовномъ капюшонѣ; поэтому они освящаютъ себѣ переносные алтари, которые помѣщаются у нихъ въ квартирахъ. Здѣсь, въ случаѣ желанія, они могутъ читать мессы въ шлафрокахъ, а камердинеры прислуживаютъ имъ въ пудермантелѣ“ [1]).

Понятно, что такія лица заботились о религіи не больше епископовъ. Обыкновенно они праздно получали пребенды, а заботу о религіи и церкви предоставляли своимъ консисторіямъ, въ которыя со времени уничтоженія ордена іезуитовъ пробрались хитрые члены его. Эти консисторіи управляли всѣмъ и, злоупотребляя тупоуміемъ высшихъ духовныхъ пастырей, издавали отъ ихъ имени распоряженія въ ущербъ благу и интересамъ народа, а также свѣтской власти государей. Лучшіе священники, составлявшіе украшеніе своего сословія, подвергались преслѣдованіямъ со стороны этихъ консисторій; къ бѣдному сельскому священнику относился съ презрѣніемъ даже самый ничтожный изъ консисторскихъ канцеляристовъ.

Кто позволяетъ относиться къ себѣ, хотя бы и высшему начальству, безъ всякаго уваженія къ своему званію, тотъ и самъ мало-помалу опускается или, по крайнему мѣрѣ, изъ отчаянія и стыда становится равнодушнымъ къ своему званію. Въ этомъ была одна изъ очень важныхъ причинъ упадка бѣлаго духовенства, на которомъ лежитъ однако вся тяжесть духовной паствы. Безспорно, и въ этой средѣ были люди, заслуживавшіе уваженія за честность, благочестіе и ученость. Но они обязаны были этими качествами исключительно самимъ себѣ, или случайному благопріятному стеченію обстоятельствъ. У нихъ не было самыхъ необходимыхъ вспомогательныхъ средствъ для развитія. Уже самая система образованія имѣла своей цѣлью искалѣчить природные задатки, съ которыми они являлись въ академіи. Главнымъ предметомъ ихъ богословскихъ занятій была самая жалкая казуистика. Если эти юноши послѣ посвященія становились капелланами, то при скудной недѣльной платѣ часто попадали въ руки къ педантамъ или фанатикамъ-священникамъ, которымъ всего ненавистнѣе ученый и образованный тонъ состоящаго у нихъ на жалованьи священника-помощника. Наконецъ, кому изъ нихъ не удавалось получить ни капелланства, ни бенефиціи, оставалось сдѣлаться такъ называемымъ „ловцомъ мессъ“ или, въ видѣ особеннаго счастья, гофмейстеромъ въ благородномъ семействѣ. Одно стоило другаго: въ первомъ

[1]) Nicolai. Bd. V. 22 sqq.

случаѣ онъ попадалъ въ разрядъ крестцовыхъ священниковъ, очень бѣдныхъ и развратныхъ, обижать которыхъ считалъ себя въ правѣ каждый дьячокъ, во второмъ—ему приходилось то прислуживаться къ горничнымъ знатныхъ дамъ, то подставлять себя подъ пинки невоспитанныхъ дѣтей послѣднихъ.

Чѣмъ невѣжественнѣе рядовой клирикъ, тѣмъ болѣе онъ былъ гарантированъ отъ наказаній и безпокойства со стороны высшаго начальства. Послѣднее, повидимому, съ удовольствіемъ смотрѣло на глупость подчиненнаго ему духовенства, оно боялось ученыхъ и, можетъ быть, чувствовало, что съ распространеніемъ среди духовенства просвѣщенія настанетъ конецъ для его власти. Поэтому слабости и пороки невѣжественнаго священника рѣдко наказывались: въ консисторіяхъ придерживались правила—«si non caste, saltem caute»!

Не счастливѣе были и люди, по своему развитію возвышавшіеся надъ толпою грубыхъ невѣждъ. Если они жили въ селахъ, то часто оказывались вынужденными выносить оскорбленія, благодаря капризу деканова, по большей части, консисторскихъ креатуръ, если же жили въ городахъ, то имъ приходилось тоже не лучше: ихъ окружали цѣлой сворой шпіоновъ и то находили что нибудь въ ихъ проповѣдяхъ, то въ близкихъ къ нимъ людяхъ. Если они опирались на свѣтское начальство, имъ надоѣдали постоянными жалобами и приходилось больше времени, чѣмъ за службой, проводить за сочиненіемъ всевозможныхъ докладныхъ записокъ и оправданій, которыхъ отъ нихъ требовали изъ разныхъ мѣстъ[1]).

Въ упадкѣ бѣлаго духовенства виновато было чрезвычайно размножившееся монашество. Послѣднее занимало въ церковной іерархіи выдающееся положеніе и сохраненіе его составляло одну изъ главныхъ заботъ высшаго духовенства. Жизнь монаховъ совсѣмъ не соотвѣтствовала дававшимся ими обѣтамъ. Аббаты одѣвались въ шолкъ, держали роскошные экипажи и заводили по модѣ множество новыхъ придворныхъ должностей. Монастыри утратили древнее значеніе пріютовъ науки[2]).

Въ богослуженіи все вниманіе было обращено на роскошь, блескъ и великолѣпіе. Мессы совершались одновременно на нѣсколькихъ алтаряхъ, у одного начинали службу, а у другаго кончали, въ церквахъ происходила безпрерывная толкотня, безпорядокъ и шумъ[3]).

Подъ вліяніемъ монаховъ, почитаніе святыхъ у католиковъ оттѣснило на задній планъ истинное поклоненіе Богу. Изъ поклоненія образамъ развилась до невозможныхъ размѣровъ вѣра въ чудеса. А сколько было злоупотребленій съ мощами[4])!

Въ связи съ чудотворными иконами стояли въ католическомъ мірѣ путешествія къ нимъ; не было почти ни одной чудотворной иконы, къ которой не было бы паломничества. Эти странствованія доставляли большой доходъ духовенству и трактирщикамъ[5]).

---

[1]) Wolf. P. Ph. III, 7—15. [2]) Ibidem. III, 18—22. [3]) Ibidem. III, 22—28. Nicolai. Bd. V, 32 sqq. [4]) Wolf, P. Ph. III, 29—33. Nicolai. Bd. V, 45. [5]) Nicolai. II. Beylage XV, 5, 35 sqq. Wolf. P. Ph. III, 34—41.

Въ тѣсной связи съ паломничествомъ стояли индульгенціи. Каждая церковь, каждый монастырь, каждый алтарь, каждыя мощи, каждый чудотворный образъ владѣлъ своей сокровищницей индульгенцій, такъ что ежедневно и ежечасно можно было получать ихъ. Такія грамоты выдавались даже Піемъ VI. 9 апр. 1777 г. онъ выдалъ Іосифу Вальцелю грамоту на полное отпущеніе предъ смертнымъ часомъ грѣховъ его личныхъ, его кровныхъ родныхъ и зятьевъ въ первой степени и 12 другихъ поименованныхъ въ грамотѣ лицъ, если они покаются и пріобщатся, или съ сокрушеннымъ сердцемъ словесно или духовно молитвенно призовутъ святѣйшее имя Христа.

Ни одинъ монашескій орденъ не довелъ злоупотребленія индульгенціями до такихъ размѣровъ, какъ іезуиты. Почти отъ каждаго папы они получали новыя грамоты на индульгенціи для себя и своихъ церквей. Индульгенціями были надѣлены даже ихъ чотки, крестики и образки. По одной буллѣ Григорія XIII, кто въ іезуитской церкви прочитаетъ 5 „Отче нашъ“ и 5 „Ave Maria“, исповѣдается и пріобщится, можетъ спасти изъ чистилищнаго огня 23000 душъ, или получить разрѣшеніе на 1000 лѣтъ[1]).

Въ эпоху господства іезуитовъ, т. е. въ XVI и XVII в.в. особенно распространились среди католиковъ „братства“. Число ихъ такъ возросло, что въ одной Вѣнѣ во второй половинѣ XVIII в. ихъ было 116[2]). Ни одинъ орденъ не умѣлъ такъ поставить эти братства и такъ воспользоваться ими, какъ іезуиты. Въ виду множества братствъ, между ними завязывалась конкурренція, не стѣснявшаяся никакими средствами. Устраивавшіяся этими братствами различныя процессіи нерѣдко отличались безобразной утрировкой[3]).

Если прибавить къ сказанному деспотическій гнетъ папы, полное религіозное невѣжество и темныя суевѣрія народа, при религіозномъ фанатизмѣ и нетерпимости, такое же невѣжество въ соединеніи съ ханжествомъ высшихъ классовъ, то мы получимъ приблизительную картину религіознаго состоянія Австріи въ послѣдней четверти XVIII вѣка, ко времени вступленія на престолъ Іосифа II.

Дѣло не могло оставаться долѣе въ такомъ печальномъ положеніи. Исторія способна была привести къ отчаянію когда нибудь дождаться общей реформы всей католической церкви каноническимъ путемъ на вселенскомъ соборѣ при участіи папы. Оставалось реформировать церковь по частямъ отдѣльнымъ національнымъ церквамъ и взяться за это дѣло свѣтскимъ государямъ. Выше мы видѣли, что Феброній и приглашалъ послѣднихъ къ этому, называя церковь „fluentem in amplexus catholicorum regum et principium“[4]).

Іосифъ II такъ и поступилъ. Убѣжденный въ крайней, насущной необходимости церковной реформы, онъ произвелъ ее за свой собственный счетъ, не входя въ переговоры ни съ папой, ни съ

[1]) Wolf. P. Ph. III, 41—45. [2]) Brunner. 407.
[3]) Wolf P. Ph. III, 46—50. [4]) De statu Ecclesiae. II, 128. Выше, 34—35.

своими епископами, исходя изъ принципа того отношенія между церковью и государствомъ, какое было формулировано Кауницемъ въ отвѣтѣ на ноту нунція Гарампи[1]). Онъ и здѣсь дѣйствовалъ такъ же поспѣшно и рѣшительно, какъ въ общегосударственной реформѣ, не обращая вниманія на общее недовольство, протесты и даже противодѣйствіе со многихъ сторонъ.

Мы разсмотримъ его церковную реформу въ такомъ порядкѣ: a) измѣненіе отношеній къ Риму; b) монастырская реформа, религіозный фондъ, упраздненіе братствъ; c) забота объ образованіи и улучшеніи положенія бѣлаго духовенства; d) церковно-богослужебныя измѣненія и e) вѣротерпимость. Послѣ изложенія реформы мы перейдемъ къ разсмотрѣнію отношенія къ ней ея современниковъ и представимъ ея итоги. Такимъ образомъ, мы беремъ систематическое изложеніе реформы Іосифа II, при чемъ выдѣляемъ реакцію противъ нея въ особую главу. Правда, всего естественнѣе было бы разсматривать церковную реформу Іосифа хронологически, идти за нимъ шагъ за шагомъ, показывая, какія препятствія создавались ему жизнью и какъ онъ боролся съ ними. Но хронологическій путь представляетъ и очень большія неудобства. Прежде всего, при хронологическомъ разсмотрѣніи нельзя дать яснаго представленія объ измѣненіи какой-либо частной стороны церковной жизни: по одному и тому же вопросу на пространствѣ болѣе 9 лѣтъ не разъ издавались распоряженія, по требованію обстоятельствъ, одно другое отмѣнявшія, или еще чаще разъяснявшія и дополнявшія, поэтому приходилось бы не разъ возвращаться къ извѣстнымъ распоряженіямъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга цѣлой массой другихъ, не имѣющихъ совершенно никакого отношенія къ нимъ. Далѣе, при хронологическомъ порядкѣ разсмотрѣнія, явилась бы растянутость въ изложеніи, въ ущербъ отчетливости и ясности представленія о предметѣ. Вотъ побужденія, заставившія насъ пожертвовать системѣ хронологической послѣдовательностью.

[1]) Выше, 96—97.

Глава IV.

Церковная реформа Іосифа II.

а) **Измѣненіе отношеній къ Риму.** «Placetum regium»; запрещеніе буллъ—«In coena Domini», «Unigenitus» и «De largitione munerum».—Всеобщее разрѣшеніе библіи.—Клятва епископовъ на вѣрность папѣ.—Разрѣшеніе епископами брачныхъ препятствій.—Вопросъ о бракѣ.—Папскіе придворные титулы и должности.—Назначеніе на духовныя мѣста въ Миланскомъ герцогствѣ.—Передѣлъ австрійскихъ епархій.—Запрещеніе совмѣщенія нѣсколькихъ епархій. b) **Монастырская реформа; религіозный фондъ; упраздненіе братствъ.** Взглядъ Іосифа II на монашество.—Чрезвычайное размноженіе въ Австріи монастырей.—Мѣры Іосифа.—Уничтоженіе связи монаховъ съ иноземными генералами орденовъ.—Закрытіе монастырей. Религіозный фондъ.—Вопросъ о правѣ императора на закрытіе монастырей.—Отношеніе императора къ оставшимся монастырямъ.—Упраздненіе братствъ.—«Братство дѣятельной любви къ ближнему». c) **Забота объ образованіи и улучшеніи положенія бѣлаго духовенства.** Забота императора объ образованіи вообще и объ образованіи духовенства въ частности.—Закрытіе Collegium germanicum и учрежденіе коллегіи въ Павіи.—Вопросъ о монастырскихъ школахъ.—Генеральныя семинаріи.—Противники и сторонники ихъ.—Недостатокъ въ духовенствѣ.—Проекты устраненія этого недостатка.—Закрытіе генеральныхъ семинарій по смерти императора.—Разрѣшеніе духовенству читать дозволенныя цензурой книги.—Конкурсныя испытанія на мѣста.—Мѣры къ обезпеченію духовенства. d) **Церковно-богослужебныя измѣненія.** Новый богослужебный порядокъ для Вѣны.—Распоряженія о церковной проповѣди.—Введеніе роднаго языка.—Распоряженія относительно внутренности церквей: алтарей, свѣтильниковъ, статуй, образовъ.—Запрещеніе освѣщенія и цѣлованія мощей.—Хожденіе въ церквахъ съ кошелькомъ.—Запрещеніе продажи въ церквахъ и при входахъ въ нихъ восковыхъ свѣчъ и фигуръ.—Сокращеніе праздниковъ.—Запрещеніе излишней роскоши въ украшеніи и освѣщеніи святыхъ.—Запрещеніе процессій и паломничествъ.—Распоряженія о погребеніи умершихъ.—Отношеніе народа къ этимъ распоряженіямъ церковно-богослужебнаго характера. e) **Вѣротерпимость.** Распоряженія Іосифа въ этой области до патента о вѣротерпимости.—Происхожденіе послѣдняго, текстъ, обнародованіе по разнымъ провинціямъ.—Ближайшее разъясненіе его позднѣйшими распоряженіями.—Организація церковнаго дѣла протестантовъ и реформатовъ при Іосифѣ II.—Положеніе православныхъ не-уніатовъ.—Положеніе евреевъ.—Отношеніе Іосифа къ деистамъ и другимъ сектантамъ.

а) Измѣненіе отношеній къ Риму.

Если основной идеей всей церковной реформы Іосифа II было созданіе Австрійской національной церкви, независимой отъ папы, служащей государству и подчиненной ему, то для осуществленія этой идеи ему прежде всего необходимо было измѣнить установившіяся отношенія государственной власти къ Риму.—Съ этою цѣлью Іосифъ II распоряженіемъ отъ 26 марта 1781 г. возобновилъ установленное еще при матери его placetum regium и дѣйствіе его распространилъ и на всѣ указы и распоряженія иноземнаго духовнаго начальства. Всѣ папскія распоряженія, независимо отъ формы, лица, кому даны, и содержанія, будутъ-ли они in materia dogmatica, ecclesiastica или

desciplinari, до обнародованія должны быть представляемы въ соотвѣтственное государственное учрежденіе для полученія placetum regium. Тоже самое должно быть соблюдаемо и относительно всевозможныхъ распоряженій иноземныхъ епископовъ, имѣющихъ подчиненныя имъ епархіи въ австрійскихъ владѣніяхъ[1]). Распоряженіемъ отъ 7 мая 1782 г. было предписано испрашивать placetum regium для всѣхъ папскихъ breve объ индульгенціяхъ[2]). Въ pendant къ этому, 2 апр. 1784 г. епископамъ было запрещено распространять писанные или печатные указы, поученія и пастырскія посланія, безъ предварительнаго разрѣшенія свѣтской власти[3]).

Примѣненіемъ общаго распоряженія о placetum regium было запрещеніе папскихъ буллъ: „In coena Domini," „Unigenitus" и „De largitione munerum".—Въ распоряженіи 14 апр. 1781 г. императоръ заявлялъ, что онъ съ удивленіемъ узналъ, что между вручаемыми епископамъ папою facultates dispensandi et absolvendi находится и facultas absolvendi a casibus reservatis in Bulla Coenae. Такъ какъ такая facultas absolvendi предполагаетъ obligationem observantiae ex Receptione, а Е. В. совсѣмъ не желаетъ этого, то епископы должны считать эту facultas absolvendi, какъ основанную на ложномъ suppositum, не имѣющею значенія, о чемъ должны дать знать и подчиненному имъ духовенству[4]). А 4 мая того-же года было велѣно вырвать эту буллу изъ богослужебныхъ книгъ, для чего было предписано всѣ богослужебныя книги представить свѣтской власти; за всякій экземпляръ съ этой буллой, по истеченіи 2-хъ мѣсячнаго срока съ опубликованія этого указа, налагался штрафъ въ пользу религіознаго фонда въ 50 гульденовъ[5]).— 4-го же мая того же года была строжайше запрещена въ Моравіи подъ угрозою высочайшей немилости булла «Unigenitus», по выраженію распоряженія, „никогда не принятая въ австрійскомъ государствѣ". Нетолько было запрещено употребленіе ея, а даже предписано полное молчаніе: ни устно, ни письменно не было позволено обсуждать ни молинистскія положенія, ни янсенистскія. Вмѣстѣ съ этимъ въ этомъ распоряженіи обращалось вниманіе на то, что въ Моравіи епископы часто объявляютъ еретическими и предаютъ проклятію лучшія книги, несогласныя съ ихъ принципами, всѣми мѣрами отнимаютъ ихъ у подчиненнаго духовенства и преслѣдуютъ заподозрѣнныхъ въ чтеніи такихъ книгъ. Въ виду этого предписывалось епископамъ руководиться въ такихъ вопросахъ распоряженіями вѣнской цензурной комиссіи и вообще не запрещать духовенству чтенія книгъ, дозволенныхъ этой комиссіей[6]). 11 мая 1782 г. было запрещено говорить и за и противъ осужденія буллы «Unigenitus», въ школахъ велѣно ограничиваться самыми общими и необходимыми замѣчаніями объ ней[7]).

---

[1]) Kropatschek. II, 247—248 ср. II, 180 ср. распоряженія отъ 12 окт. 1781 г. (II, 192) и 4 февр. 1782 г. (II, 193) Hock. 452 ср. 460, прим. и Meynert, 33—34. [2]) Ibidem. II, 249. [3]) Ibidem. VI, 477. Подобное распоряженіе консисторіямъ было сдѣлано еще 14 янв. 1782 г. (Ibidem. II, 185) ср. распоряженіе 25 окт. 1781 г. (Ibidem. II 183). [4]) Ibidem. II, 180, 238—239. Hock. 453—454.

[5]) Kropatschek. II, 181, 238. [6]) Ibidem. II, 239—240. ср. 180. [7]) Ibidem II, 187—188.

Распоряженіемъ отъ 3 іюня 1783 г. было не только отказано въ placetum regium буллѣ Климента VIII (1594 г.) «De largitione munerum», но и запрещено чтеніе ея всѣмъ монахамъ[1]).—Такъ Іосифъ запретилъ эти буллы, составляющія для ультрамонтановъ краеугольный камень, а 10 авг. 1781 г., къ крайнему огорченію послѣднихъ, разрѣшилъ простому народу чтеніе библіи и запретилъ отбирать книги, или преслѣдовать за нихъ, безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ вѣнской цензурной комиссіей[2]).

Извѣстно, что католическіе епископы при посвященіи даютъ клятву на вѣрность папѣ. Вопросъ объ этой клятвѣ поднялся при вѣнскомъ дворѣ еще въ царствованіе Маріи-Терезіи въ 1777 г. Возбужденъ онъ былъ по слѣдующему поводу. Епископу Фюнфкирхена въ Венгріи, Георгу фонъ Климо не разъ предлагали перемѣнить аренду, которую онъ получалъ изъ городскихъ доходовъ, на другую. Онъ соглашался, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вѣнскій дворъ выхлопоталъ ему необходимое согласіе папы, такъ какъ онъ давалъ послѣднему клятву. Такъ какъ дворъ молчалъ, то Климо самъ обратился въ Римъ за разрѣшеніемъ этой мѣны. Кардиналъ Караффа отъ имени папы сдѣлалъ ему очень рѣзкій выговоръ за переговоры съ вѣнскимъ дворомъ, напомнилъ объ епископской клятвѣ и подъ угрозой экскоммуникаціи запретилъ соглашаться на мѣну. Климо отправилъ императрицѣ этотъ отвѣтъ изъ Рима, при чемъ въ письмѣ представилъ свое колебаніе, что дѣлать—оказаться-ли непослушнымъ государынѣ, или нарушить клятву. Связывающая его съ Римомъ клятва не какая-нибудь келейная, а данная въ присутствіи особаго императорскаго депутата, поэтому она связываетъ его совѣсть и онъ не можетъ поступить противъ нея, не сдѣлавшись клятвопреступникомъ. Вслѣдствіе этого онъ просилъ императрицу пожалѣть его, 70-лѣтняго старика, стоящаго уже одной ногой въ могилѣ и, можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней имѣющаго предстать предъ небеснымъ Судіею.—Въ государственномъ совѣтѣ, куда поступили обѣ эти бумаги, большинствомъ голосовъ рѣшили, что Фюнфкирхенскій епископъ заслужилъ высочайшее неблаговоленіе своимъ обращеніемъ въ Римъ. Но противъ этого возсталъ баронъ Кригельштейнъ. Что дурнаго сдѣлалъ епископъ?—говорилъ онъ.—Развѣ онъ не давалъ папѣ клятвы? Развѣ это тайная клятва, а не публичная? Во избѣжаніе подобныхъ столкновеній нужно запретить подданнымъ клятву иностраннымъ дворамъ, иначе епископы всегда будутъ оказываться или клятвопреступниками, или невѣрными подданными.—Его слова подѣйствовали, епископу выговора не сдѣлали, но аренду отобрали и предоставили ученымъ канонистамъ отвѣтить, можно-ли безъ ущерба для религіи отмѣнить епископскую клятву. Императрица велѣла прочитать ей послѣднюю и такъ была раздражена ея содержаніемъ, что приказала аббату Раутенштрауху составить ученую записку объ исторіи этой клятвы[3]). Послѣ составленія этой, нигдѣ не напечатанной записки Раутенштрауха[4]), выска-

[1]) Kropatschek. II, 239. [2]) Ibidem. II, 181. [3]) Wolf, P. Ph. II, 148—150. [4]) Ibidem. II, 151—156.

завшагося противъ клятвы, какъ не стоящей въ необходимой связи ни съ таинствомъ священства, ни съ обрядомъ, противной интересамъ епископовъ и государей и, наконецъ, не существовавшей до папы Григорія VII, можно было ожидать совершенной отмѣны этой клятвы, но въ концѣ концовъ дѣло осталось въ старомъ положеніи, какъ будто бы не стоило труда отмѣнять то, что въ каждомъ необходимомъ случаѣ можно было сдѣлать безвреднымъ произвольными полицейскими законами. Іосифъ чувствовалъ весь вредъ этой клятвы и былъ склоненъ отмѣнить ее, но его удержали представленіемъ, что для безопасности государства достаточно поставить епископовъ въ то же отношеніе къ Риму, въ какомъ стоятъ французскіе прелаты, и заставить ихъ до посвященія давать вассальныя клятвы[1]). Когда Іосифъ сдѣлался единодержавнымъ государемъ, снова всплылъ вопросъ объ этой клятвѣ. Уже въ апр. 1781 г., когда зашла рѣчь о полученныхъ изъ Рима Брюннскимъ епископомъ facultates dispensandi et absolvendi, императоръ потребовалъ отъ своей канцеляріи отзыва объ этой клятвѣ. Въ августѣ этого же года этотъ вопросъ обсуждался въ государственномъ совѣтѣ, Іосифъ присоединился къ мнѣнію государственнаго канцлера и 29 авг. [по Hock'у, 26-го[2])] состоялось слѣдующее высочайшее рѣшеніе: такъ какъ, въ силу новаго предписанія, всякая вновь присылаемая папская булла должна быть представляема для полученія placeti regii, то это распоряженіе, конечно, простирается и на присылаемыя новоизбраннымъ или новонареченнымъ епископамъ въ формѣ торжественной буллы, такъ наз. litteras apostolicas. Слѣд., государю и государству никакъ нельзя игнорировать клятвы архіепископовъ и епископовъ, всегда прилагаемой къ буллѣ. Въ виду того, что прямой отказъ placeti и запрещеніе давать эту клятву вызвали бы не мало затрудненій, предлагалось давать placetum regium на упомянутую буллу, но всякій разъ съ прямымъ ограниченіемъ, что эта клятва признается государемъ только постольку, поскольку все ея содержаніе понимается въ первоначальномъ истинномъ смыслѣ professionis obedientiae canonicae и ни прямо, ни косвенно не противорѣчитъ высочайшимъ правамъ и обязанностямъ каждаго епископа, какъ вѣрноподданнаго. А прежде полученія папской конфирмаціи и посвященія, слѣд., до принятія присяги, новонареченные епископы должны въ присутствіи двоихъ старшихъ совѣтниковъ присутственнаго мѣста передать высшему свѣтскому начальнику особую присягу, по приложенному при семъ образцу, скрѣпить Notula juramenti своею подписью и подписью принимающихъ присягу и всякій разъ въ оригиналѣ препровождать въ столицу[3]).—Формула этой клятвы такова: „Я, NN, клянусь святѣйшимъ и высочайшимъ именемъ Божіимъ и свято обѣщаюсь быть вѣрноподданнымъ Е. В. въ теченіе всей жизни, всѣми силами содѣйствовать благу государства и его службѣ, не принимать участія ни въ какихъ сходкахъ, замыслахъ или заговорахъ, кло-

[1]) Wolf, P. Ph. II, 156—157. [2]) 455. [3]) Meynert. 70—72. Hock. 454—455.

нящихся ко вреду того, или другой, и, если о чемъ-либо такомъ узнаю, немедленно доносить Е. В. Да поможетъ мнѣ Богъ и святое евангеліе, къ которому я теперь прикладываюсь“ [1]).

Въ слѣдующемъ году императоръ отмѣнилъ эту формулу, распорядившись, чтобы епископы давали клятвы по образцу французскихъ[2]): въ этомъ смыслѣ состоялось у него соглашеніе съ папою за пребываніе послѣдняго въ Вѣнѣ[3]).

Въ 1781 же году Іосифъ нанесъ чувствительный ударъ папской куріи расширеніемъ компетенціи епископовъ въ разрѣшеніи брачныхъ препятствій. Папы, съ помощью казуистики, обратили браки въ доходную статью: изобрѣтя множество брачныхъ препятствій, они приписали себѣ право разрѣшать отъ нихъ за извѣстную плату. 4 сент. 1781 г. императоръ далъ право своимъ архіепископамъ и епископамъ, при достаточныхъ основаніяхъ разрѣшать брачныя каноническія препятствія, если они вытекаютъ не изъ божественнаго, или естественнаго права, jure proprio, не дожидаясь папскаго разрѣшенія, за умѣренную плату на канцелярію, „потому что государство очень заинтересовано въ томъ, чтобы епископы пользовались данною имъ Богомъ властью“ [4]). Въ распоряженіи отъ 10 сент. того же года подтверждался предыдущій декретъ съ нѣкоторыми поясненіями. Такъ, замѣчалось, что этотъ вопросъ касается только внѣшней церковной дисциплины, которая, по требованію обстоятельствъ, всегда можетъ быть измѣнена; запрещалось, подъ угрозой строгаго наказанія и недѣйствительности, обращеніе въ Римъ, или къ нунціямъ за разрѣшеніемъ извѣстныхъ каноническихъ препятствій; наконецъ, заявлялось, что этотъ законъ обязателенъ для всѣхъ императорскихъ вассаловъ и подданныхъ, чѣмъ устранялось обычное въ Римѣ различіе между знатными и бѣдными[5]).— Декретомъ отъ 25 окт. того же года это право епископовъ было распространено и на брачныя препятствія ex crimine occulto[6]). Но 23 янв. 1782 г. по настоянію гр. Гатцфельда и большинства членовъ соединенной придворной канцеляріи, Іосифъ смягчилъ распоряженіе отъ 4 сент. 1781 г.: ищущіе разрѣшеній должны всегда обращаться только къ епископамъ, но придворная канцелярія не должна взыскивать, если епископы обратятся въ Римъ за полученіемъ полномочій на выдачу этихъ разрѣшеній. Предложеніе Кёниггрецкаго епископа Гая обходиться въ этихъ случаяхъ совсѣмъ безъ папскаго разрѣшенія, было отклонено какъ канцеляріей, такъ государственнымъ совѣтомъ и самимъ императоромъ (26 марта 1782 г.). Результатомъ личныхъ переговоровъ по этому вопросу императора съ папою за время пребыванія послѣдняго въ Вѣнѣ было высочайшее распоряженіе отъ 11 мая 1782 г.: имъ позволялось епископамъ испрашивать себѣ у папскаго престола полномочіе на разрѣшеніе брачныхъ препятствій въ извѣстныхъ случаяхъ, но съ ограниченіемъ, чтобы эти полномочія

[1]) Wolf., P. Ph III, 86—87. [2]) Meynert. 72. Kropatschek. II, 196—197. [3]) См. ниже. [4]) Kropatschek. II, 294—295. Hock. 240. Wolf, P. Ph. III, 90. [5]) Walch. IX, 143—144. [6]) Kropatschek. II, 183, 295.

выдавались епископамъ на всю жизнь и чтобы при выдачѣ разрѣшеній послѣдніе не дѣлали ссылокъ на нихъ. Удовлетвореніе прошеній объ обращеніи въ Римъ за разрѣшеніемъ въ очень близкихъ степеняхъ родства (in gradibus proximioribus) императоръ удержалъ за собою, но съ тѣмъ, чтобы по недостаточно мотивированнымъ прошеніямъ этого рода отказывали тѣ присутственныя мѣста, въ которыя съ ними обратятся, и ищущій разрѣшенія ни въ какомъ случаѣ не могъ обратиться въ Римъ непосредственно, а это дѣлалъ за него епархіальный епископъ, по спеціальному высочайшему разрѣшенію[1]).

Въ крайне щекотливомъ вопросѣ о бракѣ, балансируя между традиціонными и новыми воззрѣніями, Іосифъ подъ вліяніемъ оппозиціи, обнаруживалъ колебаніе. Такъ называемый патентъ о бракѣ 16 янв. 1783 г. уже въ началѣ декабря 1782 г. былъ представленъ на высочайшее утвержденіе. Въ виду отклоненія его государственнымъ совѣтомъ и Кауницемъ, онъ былъ возвращенъ 11 дек. компиляціонной комиссіи для переработки, но и въ исправленномъ видѣ встрѣтилъ въ государственномъ совѣтѣ неблагосклонный пріемъ, хотя названіе брака гражданскимъ договоромъ не вызвало здѣсь принципіальныхъ возраженій. Да вообще государственный совѣтъ внимательнѣе отнесся къ задѣтымъ этимъ патентомъ принципіальнымъ вопросамъ только послѣ того, какъ до него дошли возраженія противъ патента Мигацци. Компиляціонная комиссія нашла неосновательными всѣ возраженія противъ патента, переданныя ей для отзыва. Въ государственномъ совѣтѣ Мартини развивалъ тѣ же взгляды: этимъ патентомъ лишены силы и оставлены безъ вниманія не догматы церкви, а только дисциплинарные законы. Государственная власть въ правѣ сдѣлать это. Народу нужно объяснить это и печатно и устно чрезъ призванныхъ къ этому общественныхъ учителей. Вѣнскій архіепископъ предлагалъ съ своей стороны также успокоивать народъ, проповѣдуя ему, что этотъ патентъ упорядочиваетъ только внѣшнія правовыя отношенія, а предъ судомъ совѣсти бракъ всетаки остается таинствомъ, и что свѣтское законодательство не претендуетъ на распоряженіе въ этой сферѣ. Но компиляціонная комиссія отвергла такое объясненіе, утверждая, что этимъ патентомъ государство взялось установить и таинственное значеніе брака и въ этомъ случаѣ воспользовалось только принадлежащимъ ему правомъ. 19 апр. 1783 г. императоръ, по особому совѣту Кауница, отклонилъ посредничество кардинала-архіепископа.

Тогда Мигацци издалъ своему духовенству окружное посланіе (18 іюля 1783 г.), въ которомъ приказывалъ во всѣхъ брачныхъ вопросахъ имѣть предъ глазами одни церковные законы. Такъ какъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ кардиналомъ безъ placetum regium, то императоръ 11 сент. того же года запретилъ комментировать патентъ о бракѣ по частямъ, а прочитать его съ каѳедръ въ полномъ видѣ, безъ намековъ на спорные пункты[2]).

[1]) Hock. 241—242. Kropatschek. II, 298—299. [2]) Hock. 245—247.

Папа былъ крайне обезпокоенъ этимъ патентомъ[1]).

Нижне-австрійское правленіе въ своемъ докладѣ предлагало введеніе обязательнаго гражданскаго брака. Если кто хочетъ получить благословеніе на свой бракъ отъ церкви и такъ „прибавить таинство", не мѣшать. Но это не касается до государства. Только этимъ путемъ послѣднее можетъ избѣжать упрековъ съ церковной стороны за поводъ къ тяжкимъ грѣхамъ и за вмѣшательство въ церковные законы. Придворная канцелярія была другаго мнѣнія. Она боялась, что съ введеніемъ обязательнаго гражданскаго брака вообще изчезнетъ уваженіе къ браку, поколеблется вѣра въ ученіе церкви, что онъ—установленное Богомъ таинство, и что, кромѣ того, откроется широкое поле для интригъ духовенства и всетаки не будетъ положено конца всякимъ семейнымъ ссорамъ. Въ духовной придворной комиссіи и государственномъ совѣтѣ голоса раздѣлились. Императоръ передалъ все дѣло въ компиляціонную комиссію, которая (3 марта 1784 г.) отвергла обязательный гражданскій бракъ, такъ какъ онъ, безъ церковнаго освященія, вызоветъ одни непріятности, разстроитъ доброе согласіе между церковью и государствомъ и откроетъ духовенству широкое поле для агитаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ названная комиссія предлагала наказать штрафомъ вѣнскаго архіепископа и епископа Вѣны-Нейштадта, выступившихъ противъ патента о бракѣ, перваго въ размѣрѣ 1000 дукатовъ, а втораго 100, съ присоединеніемъ угрозы, въ случаѣ повторенія сопротивленія, дать обоимъ коадъюторовъ. Комиссія совѣтовала, далѣе, оставить безъ наказанія епископовъ, выступившихъ противъ этого патента, если они согласятся отобрать свои окружныя посланія по этому вопросу, а вмѣсто нихъ разослать духовенству замѣчанія объ этомъ патентѣ Шмидта. На будущее время всѣ епископскія инструкціи епархіальному духовенству подчинить placetum regium.— Императоръ склонился къ болѣе мягкому взгляду Мартини, возставшаго противъ всякаго наказанія епископовъ, хотя Кауницъ стоялъ за послѣднее. Однако 13 марта того же 1784 г. императоръ запретилъ всѣмъ епископамъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 200 дукатовъ, допускать вѣнчаніе безъ предварительнаго церковнаго разрѣшенія, при препятствіи въ 3-ей или 4-ой степеняхъ родства (патентъ о бракѣ оставилъ это безъ вниманія).

30 сентября 1784 г. императоръ приказалъ вѣнчать и при родствѣ во второй степени. Это распоряженіе вышло по частному случаю, когда вѣнскій архіепископъ отказалъ. Но женихъ съ невѣстой не удовольствовались высочайшимъ разрѣшеніемъ, а обратились чрезъ викарія и письменно къ архіепископу съ просьбой отложить вѣнчаніе, пока совѣсть позволитъ имъ вступить въ бракъ безъ церковнаго разрѣшенія. Нижне-австрійское правленіе, узнавъ объ этомъ, предложило немедленно наказать виновныхъ и распорядиться возможно скорымъ повѣнчаніемъ. Богемско-австрійская придворная канцелярія, напротивъ,

[1]) Письмо Герзана къ Кауницу отъ 5 апр. 1783 г. (Brunner. 89—90).

не нашла никакого основанія для чьего-либо наказанія; государственный совѣтъ не менѣе былъ удивленъ слѣпой ревностью правленія. Мартини предлагалъ императору вступить по этому случаю въ переговоры съ папой и не препятствовать долѣе полученію церковныхъ разрѣшеній изъ Рима. Императору не понравились ни предложеніе правленія, ни совѣтъ Мартини. По его распоряженію 2 ноября 1784 г., ни одинъ священникъ не обязанъ принимать во вниманіе разрѣшеніе при вѣнчаніи тѣхъ лицъ, которыя съ спокойною совѣстью могутъ вѣнчаться и безъ церковнаго разрѣшенія, такъ какъ патентъ о бракѣ касается только гражданскаго договора, а не дѣйствительности таинства.

Другими словами, онъ хотѣлъ, чтобы при заключеніи брака какъ вѣнчающій священникъ, такъ и брачущіеся совершенно не обращали вниманія на церковные законы, слѣд., чтобы въ сущности всегда заключался гражданскій бракъ, съ соблюденіемъ церковныхъ формальностей, если брачущіеся по свободному побужденію не пожелаютъ свести счетъ съ обязанностями по отношенію къ церкви; въ такомъ случаѣ духовенство не можетъ отказываться исполнить то, что служитъ къ успокоенію брачущихся[1]). Но духовенство ясно понимало различіе между распоряженіями патента о бракѣ и церковнымъ правомъ и возбуждало народъ, чего не ждали ни императоръ, ни его совѣтники, такъ какъ они надѣялись, что духовенство или будетъ молчать объ этомъ патентѣ, или объяснятъ его въ смыслѣ императора[2]).

Та же неясность, которою страдалъ патентъ о бракѣ, отражалась и на дополненіяхъ къ нему. Когда венгерская духовная придворная комиссія поддержала жалобу венгерскаго духовенства, находившаго противорѣчащимъ Тридентскому собору распоряженіе—не обращать болѣе вниманія на церковное препятствіе къ браку въ 3-й и 4-й степеняхъ родства, императоръ 4 апр. 1783 г. снова предоставилъ епископамъ право разрѣшать и не разрѣшать эти препятствія, но съ тѣмъ, чтобы о каждомъ отказѣ епископы доносили правительству съ указаніемъ основаній. Достаточны-ли послѣднія,—каждый разъ должна рѣшать духовная придворная комиссія, потому что здѣсь идетъ дѣло не объ ограниченіи епископской власти, а только о предупрежденіи злоупотребленій съ ея стороны, именно произвольнаго выжиманія у подданныхъ денегъ. Этой уступкой императоръ противорѣчилъ самому себѣ, т. е. изданнымъ раньше распоряженіямъ. Въ частныхъ случаяхъ императоръ заходилъ въ этомъ противорѣчіи и дальше[3]).

Для расширенія своего вліянія папы изобрѣли множество новыхъ придворныхъ должностей и титуловъ, которыми могли обязывать честолюбивыхъ людей. Такъ явилось множество епископовъ in partibus, папскихъ домашнихъ прелатовъ, нотаріевъ и протонотаріевъ. Такіе титулы папы могли, конечно, свободно раздавать у себя въ области. Совсѣмъ иное дѣло, если они раздавали ихъ подданнымъ иностранныхъ

[1]) Hock. 247—250. [2]) Wendrinsky. 241. [3]) Hock, 252—256.

государствъ, при томъ связывали эти титулы съ извѣстнаго рода юрисдикціей, которая отчасти, или вполнѣ не совмѣстима съ устройствомъ послѣднихъ. Для устраненія этого злоупотребленія, Іосифъ предписалъ 21 августа 1771 г., чтобы впредь не испрашивали у папскаго престола никакого титула—Prelati domestici, Protonotarii apostolici, Episcopi in partibus, не имѣющаго exercitium episcopale, или подобнаго чина; placetum regium не будетъ даваться на такія бреве, если просящій раньше не получитъ отъ государя разрѣшеніе ходатайствовать объ этомъ, съ приложеніемъ точнаго счета издержекъ за это въ Римѣ. Безъ соблюденія этихъ условій, будетъ рѣшительно отказываемо въ такихъ римскихъ пожалованіяхъ[1]). Относительно папскихъ протонотаріевъ и нотаріевъ вышло другое распоряженіе 15 октября того-же года такого содержанія: всѣ дѣйствія нотаріевъ и протонотаріевъ, не получившихъ отъ государственной власти утвержденія въ своемъ званіи обычнымъ путемъ, не имѣютъ силы и значенія, поэтому всѣмъ наличнымъ апостольскимъ протонотаріямъ и нотаріямъ приказывается ходатайствовать снова предъ свѣтскою властью объ утвержденіи въ занимаемыхъ ими должностяхъ, за что они ничего не платятъ; въ противномъ случаѣ, имъ совершенно воспрещается въ государствѣ практика, такъ какъ это званіе дано имъ иностранною властью[2]).

Этими распоряженіями, какъ видно, не запрещалось, а только ограничивалось полученіе отъ папы нотаріата и протонотаріата, иностранная власть не могла отнынѣ давать правъ чужимъ подданнымъ, безъ вѣдома ихъ государя, безъ убѣжденія послѣдняго въ ихъ способности. Но эти ограниченія или на практикѣ встрѣтили затрудненія, или оказались недостигающими цѣли: новый декретъ (отъ 1 янв. 1782 г.) совсѣмъ отмѣнилъ эти апостольскія креатуры: на будущее время,—гласилъ онъ,—апостольскіе нотаріи упраздняются, такъ что на нихъ не будетъ даваться placetum regium; въ случаѣ же возникновенія нужды у епископа въ нотаріѣ для какого-нибудь actus spiritualis, онъ можетъ назначить его своей собственной властью[3]).

Болѣе тяжелый ударъ папскому двору былъ нанесенъ императоромъ въ 1781 г. желаніемъ самому назначать на епископскія и аббатскія мѣста въ Миланскомъ герцогствѣ. Папа былъ крайне смущенъ этимъ заявленіемъ Герзана. Послѣдній и самъ находилъ эту просьбу вѣнскаго двора столько же неожиданною, сколько и горькою для папы. Всѣ усилія Герзана убѣдить папу исполнить желаніе императора оказались безуспѣшными[4]). Этотъ вопросъ вызвалъ много переговоровъ между вѣнскимъ и римскимъ дворами[5]) и вмѣстѣ съ другими поѣздку папы въ Вѣну. Состоявшимся за пребываніе папы въ Вѣнѣ соглаше-

[1]) Kropatschek. II, 244, 182 ср. декретъ отъ 23 мая 1782 г. (Ibidem. II. 251, 189) и 3 янв. 1788 г. (Ibidem. XV, 927—928). [2]) Ibidem. II, 183.
[3]) Ibidem. II, 185, 245—246. [4]) Письма Герзана къ Кауницу отъ 18, 11, 25 іюля и 29 авг. 1781 г. (Brunner. 64—66). [5]) Письма Герзана отъ 9, 17 и 24 нояб. и 12 дек. 1781 г. (Ibidem. 68—70).

Niемъ между нимъ и императоромъ по этому вопросу[1]) дѣло не кончилось. Такъ, въ 1783 г. Іосифъ попробовалъ воспользоваться предоставленнымъ ему, по этому соглашенію, правомъ, назначивъ преемникомъ умершему Миланскому архіепископу, Дж. Поццобонелли прелата Филиппа Висконти. Онъ самъ интересовался, приметъ-ли папа его ставленника[2]). И папа не хотѣлъ уступить императору. Дѣло доходило до предостереженія расколомъ. Друзья папы совѣтовали ему сдѣлать такой обходъ для спасенія своихъ прерогативъ: написать Іосифу, что, *по его рекомендаціи*, Висконти въ ближайшей консисторіи будетъ назначенъ Миланскимъ архіепископомъ. Герзану папа сказалъ, что объ этомъ дѣлѣ нужно подумать, такъ какъ рѣчь идетъ не о способнос и къ этому мѣсту Висконти, а о принципѣ назначенія. Герзанъ былъ доволенъ и тѣмъ, что папа хоть не отказалъ прямо, и при помощи другихъ прелатовъ надѣялся убѣдить его уступить императору[3]). Но и Герзану и Леопольду[4]) пришлось ошибиться въ расчетѣ на уступчивость папы: онъ отказалъ императору въ бреве, написанномъ въ древнемъ стилѣ главы церкви. Императоръ вернулъ его папѣ безъ отвѣта. Положеніе папы стало критическимъ, спасся онъ, только благодаря поѣздкѣ императора въ Римъ[5]). По заключенной въ это время дружественной конвенціи между императоромъ и папой, послѣдній передавалъ императору назначеніе бенефицій въ Ломбардіи, такъ какъ это право принадлежитъ государю. Всѣ кандидаты на мѣста въ митрополичьихъ и каѳедральныхъ церквахъ должны быть экзаменуемы въ Римѣ. На мѣста духовниковъ и пенитенціаловъ, по предписанію Тридентскаго собора, достойнѣйшіе избираются посредствомъ конкурса; назначаемые на митрополичьи и каѳедральныя мѣста платятъ за буллы прежніе взносы; но при бенефиціяхъ, раздаваемыхъ по конкурсу, папа уступаетъ право ввода епископамъ. Императоръ обѣщалъ отдавать предпочтеніе тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые теперь служатъ святому престолу[6]).

Но исторія съ Миланскимъ архіепископомъ не кончилась и этой конвенціей. Когда дѣло дошло до приведенія ея въ исполненіе, снова вышли задержки и изъ-за такихъ пустяковъ, что справедливо удивлялись, какъ Іосифъ можетъ придавать имъ значеніе. Прошло 4 мѣсяца въ переговорахъ изъ формы объявленія избранія архіепископа. Кончили тѣмъ, что папа предложилъ на архіепископскій престолъ Милана монсиньора Висконти, „нареченнаго императоромъ, въ силу дружественной конвенціи, заключенной между Е. Св. и этимъ монархомъ“,— въ такой формѣ папа доложилъ объ этомъ св. коллегіи[7]).

Съ созданіемъ національной независимой церкви тѣсно связывался вопросъ объ архіепископскихъ и епископскихъ епархіяхъ. Епископы, не состоящіе подданными своего государя, не могутъ быть пріятны

---

[1]) См. ниже. [2]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 13 окт. 1783 г. (Arneth. I, 176). [3]) Письмо къ Кауницу отъ 20 сент. 1783 г. (у Бруннера (92), очевидно, опечатка, такъ какъ поставленъ 1781 г.). [4]) Письмо къ Іосифу отъ 29 ноября 1783 г. (Arneth. I, 189—190). [5]) Bourgoing. 264—266. [6]) Ramshorn. 370. [7]) Bourgoing. 282—283.

ни для какой государственной власти. Послѣдняя въ правѣ предписывать церкви то, что считаетъ необходимымъ для общественнаго блага, но, если у подданныхъ есть неподчиненное государству духовное начальство, можетъ быть, иначе думающее объ общественномъ благѣ, чѣмъ свѣтское, является возможность столкновеній. Тѣмъ болѣе независимые епископы неумѣстны въ государствѣ, смотрящемъ на нихъ, какъ на чиновниковъ, а на церковное, по принципу, какъ на государственное. А такимъ именно государствомъ и была Австрія при Іосифѣ II. Отсюда вытекало требованіе, чтобы всѣ епископы были подданными австрійскаго монарха и границы ихъ епархій совпадали съ границами государства. Эту идею и проводилъ Іосифъ II. При Маріи-Терезіи довольствовались ограниченіемъ не австрійскихъ епископовъ, части епархій которыхъ входили въ Австрію, Іосифъ же пошелъ дальше и столкнулся съ папой, отстаивая предъ нимъ верховныя права государя въ этой сферѣ[1]). Поводъ къ этому передѣлу епархій подалъ Базельскій епископъ, оспаривавшій право императора подчинять placetum regium его указы духовенству и мірянамъ австрійской части его епархіи, удерживавшій за собою церковную юрисдикцію надъ нею, собиравшій здѣсь установленные налоги и т. п.[2]). Уже 2 января 1782 г. императоръ поручилъ придворной канцеляріи представить проектъ передѣла епархій, выходя изъ принципа лишенія права церковной администраціи въ Австріи епископовъ, живущихъ внѣ монархіи. Проектъ былъ поданъ 10 марта того же года. Въ государственномъ совѣтѣ и придворной канцеляріи шли за время пребыванія папы въ Вѣнѣ совѣщанія по этому вопросу[3]), и когда папа собирался уже выѣзжать въ Римъ, большинство членовъ государственнаго совѣта высказало крайне печальные для него взгляды на отношеніе главы церкви къ епископамъ и на его право разграничивать епархіи. Крезель прямо отрицалъ, чтобы папамъ изначала принадлежало распредѣленіе епархій и назначеніе въ нихъ епископовъ. Если въ этомъ отношеніи встрѣтятся затрудненія со стороны Рима, то государь можетъ поступать самостоятельно. Изденци присоединился къ этому мнѣнію, потому что только государь знаетъ, какое дѣленіе епархій полезно для государства. Геблеръ сказалъ даже, что государство впредь будетъ платить жалованье епископамъ, чтобы они были тѣмъ, чѣмъ должны быть, именно слугами государства въ духовной сферѣ; это сдѣлаетъ имя Іосифа безсмертнымъ и доставитъ государству тѣ преимущества, которыми доселѣ пользовались только правительства протестантскихъ государствъ. Капитулы канониковъ также должны перестать быть „учрежденіями благородныхъ кадетовъ“; въ нихъ нужно собрать заслуженныхъ священниковъ, способныхъ быть духовными совѣтниками. Противъ насильственныхъ мѣръ высказались Гатцфельдъ и Кауницъ, предвидѣвшій отъ этого много затрудненій. По его мнѣнію, нельзя обойтись безъ согласія Рима на учрежденіе новыхъ и округленіе старыхъ

[1]) Mejer. 1, 59—60. [2]) Meynert. 33—34. Hock. 460. прим.** [3]) Hock. 460, прим.**

епархій; можно все подготовить и безъ Рима, но потомъ дать знать о сдѣланномъ папѣ и ходатайствовать объ утвержденіи епископовъ. Чрезъ 6 дней послѣ отъѣзда папы изъ Вѣны (22 апр.) Іосифъ приступилъ къ разграниченію епархій, по своему усмотрѣнію. Но уже 7 мая оберсгофканцлеръ графъ Блюмегенъ обратилъ его вниманіе на необходимость предварительнаго соглашенія съ Римомъ, такъ какъ, по общепринятому католическому праву, папѣ принадлежитъ въ этихъ вопросахъ рѣшительный голосъ. Если государство поступитъ самовольно, то въ одно прекрасное утро окажется недостатокъ въ епископіяхъ и посвященныхъ епископахъ. Для возстановленія древнихъ порядковъ нуженъ, по крайней мѣрѣ, національный соборъ и, если императоръ на немъ получитъ согласіе на свой проектъ, готовъ расколъ. Поэтому лучше предварительно дипломатическимъ путемъ сообщить папѣ о предполагаемомъ, а тѣмъ временемъ, до полученія согласія изъ Рима, молча подготовлять послѣднее.

Іосифъ выбралъ средній путь. Въ тотъ же день онъ извѣстилъ гр. Блюмегена, что ждетъ отъ него плана уравненія епархій внутренней Австріи, а епископы, къ которымъ послѣдній будетъ имѣть отношеніе, войдутъ въ соглашеніе съ папой относительно приведенія его въ исполненіе. Основнымъ правиломъ остается лишеніе всѣхъ иностранныхъ епископовъ церковной юрисдикціи въ Австріи, но съ урегулированіемъ Пассауской епархіи подождать до смерти настоящаго епископа, Зальцбургской—до полученія согласія мѣстнаго митрополита. Въ Будвейсѣ открыть особую епископію только послѣ того, какъ сдѣлается вакантною Пражская архіепископія. Съ увеличеніемъ округа Краковскаго генеральнаго викарія подождать до возведенія его папой въ санъ епископа[1]).

Епархія епископа Пассау съ самаго учрежденія ея шла внизъ по Дунаю до границы Венгріи. Уже при открытіи Вѣнской епископіи при Фридрихѣ III и при возведеніи ея при Карлѣ VI на степень архіепископіи посредствомъ договора были отдѣлены части Пассауской епархіи. Іосифъ задумалъ отрѣзать у послѣдней всѣ части, расположенныя внутри Австріи[2]). Зальцбургскій архіепископъ согласился уступить большую часть приходовъ Пассауской епархіи ниже Энса по штирской границѣ въ пользу Вѣнско-Нейштадтской епископіи, но поставилъ условіемъ предварительное полученіе одобренія этого со стороны папы. Послѣднее императоръ считалъ излишнимъ и сначала хотѣлъ обойтись безъ него. Воспользовавшись смертью Пассаускаго епископа Фирміана, Іосифъ рѣшилъ sede vacante отобрать ту часть этого округа, которая входитъ въ австрійскія наслѣдственныя владѣнія, и раздѣлить ее между вѣнской архіепископіей, епископіей нейштадтской и вновь открытой имъ линцской, на которую назначилъ Герберштейна[3]). Іосифъ самъ предвидѣлъ столкно-

[1]) Hock. 464—466. [2]) Riehl—Reinöhl. 56.
[3]) Письмо Герзана къ Кауницу отъ 29 марта 1783 г. (Brunner. 86—87).

веніе съ капитуломъ Пассау и, можетъ быть, съ папой, но рѣшилъ не отступать[1]). Герзанъ, судя по прецеденту Ольмюца, Грана и другихъ венгерскихъ епископій, предполагалъ, что папа согласится только при согласіи мѣстнаго капитула[2]). Когда Герзанъ доложилъ папѣ о новомъ дѣленіи Пассауской епархіи, послѣдній сказалъ, что знаетъ уже объ этомъ, сдѣланномъ вѣнскимъ дворомъ, распредѣленіи изъ письма Мигацци и крайне пораженъ имъ, такъ какъ всякому католику извѣстно, что высшая пастырская власть, происходя отъ Бога, принадлежитъ Его церкви, а не свѣтской власти, и что послѣдняя никогда ее себѣ и не присвояла. Мигацци папа отвѣтилъ, что для пользованія судебною властью въ указанной части пассаускаго діоцеза онъ долженъ обратиться за делегаціей къ мѣстному капитулу, владѣвшему ею за время отсутствія епископа. Конечно, и Нейштадтскій епископъ остережется вступить въ свои права безъ этой делегаціи. Герзанъ разъяснялъ папѣ, что если сдѣлано это распоряженіе, то только относительно temporale, на которое государь имѣетъ безспорное и исключительное право; что же касается чисто духовной власти, то Е. В. такъ далекъ отъ мысли присвоить ее себѣ, что приказалъ заявить объ этомъ Е. Св. и устроить все по требованію каноническаго права. Но папа стоялъ на своемъ, приводя противъ дѣленія утвержденный папской буллой договоръ Карла VI (1728 г.) съ епископомъ Доминикомъ Лембергскимъ, по которому Карлъ VI за себя и потомковъ обѣщалъ не требовать и не допускать дѣленія этой епископіи[3]).

Капитулъ отвѣтилъ, что sede vacante онъ не можетъ сдѣлать ничего. Признавая справедливость этого отвѣта, Іосифъ рѣшилъ не отступать, послѣ избранія епископа, а пока велѣлъ конфисковать эти земли, смотря на эту мѣру, какъ на дѣйствительное средство[4]).

Кауницъ не совѣтовалъ насильственныхъ мѣръ, заявляя, что Римъ, безъ согласія капитула и будущаго епископа Пассау, не допуститъ дробленія этой епархіи, а капитулъ въ качествѣ имперскаго чина обратится съ жалобой къ Регенсбургскому рейхстагу и усилитъ здѣсь ненависть противъ Австріи. Канцлеръ предлагалъ соглашеніе съ капитуломъ путемъ возвращенія ему секвестрованныхъ доходовъ и владѣній и предоставленія права назначать въ пассаускій и линцскій каноникаты. Конечно, думалъ онъ, можно избѣжать этихъ уступокъ, если довести дѣло до разрыва съ Римомъ, нарушенія единства церкви и до посвященія линцскаго епископа только вѣнскимъ архіепископомъ. Придворная канцелярія и духовныя комиссіи поддерживали самодержавную тенденцію императора, духовная комиссія предлагала (4 мая) принять „строгія мѣры“, чтобы склонить капитулъ Пассау къ уступчивости, а папѣ пригрозить даже созваніемъ для рѣшенія спора помѣстнаго собора[5]). Герзанъ передалъ эту угрозу па-

[1]) Письмо Іосифа II къ Леопольду отъ 13 марта 1783 г. (Arneth. I, 156). [2]) Письмо Герзана къ Кауницу отъ 29 мар. 1783 г. (Brunner. 86—87).
[3]) Письмо Герзана къ Кауницу отъ 5 апр. 1783 г. (Ibidem. 87—89). [4]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 10 апр. 1783 г. (Arneth. I, 161). [5]) Hock. 470—471.

пѣ, но ничего не достигъ[1]). Дѣло затянулось. Въ октябрѣ этого же года Іосифъ писалъ Леопольду, что не покончилъ еще съ епископомъ Пассау, но, такъ какъ секвестровалъ 130 т. флориновъ его годоваго дохода, думаетъ, что онъ вмѣстѣ съ капитуломъ, наконецъ, сдастся[2]). Только 13 уже іюня 1784 г. состоялось соглашеніе, въ силу котораго Пассау получилъ обратно свои владѣнія въ Австріи, но за это внесъ въ пользу линцской епископіи 400 т. гульденовъ и удержалъ патронатство только надъ нѣкоторыми приходами ея въ Австріи, а остальныя уступилъ государю. Императоръ 14 іюня исключилъ изъ назначенныхъ къ возвращенію земель Гутенбруннъ въ пользу С. Пельтенской епископіи, замѣнившей Нейштадтскую (она утверждена была папской буллой отъ 14 февр. 1785 г.). Линцская епархія была утверждена папской буллой отъ 28 іюня 1783 г.[3]).

Одновременно съ раздѣломъ Пассауской епархіи шло дѣло объ учрежденіи Тарновской, хотя кончилось позднѣе. Часть Галиціи, принадлежавшая Австріи, относилась къ Краковской епархіи. Еще въ 1777 г. Марія-Терезія рѣшила открыть епископію въ Тарновѣ, но вопросъ объ этомъ крайне затянулся, хотя Іосифъ принялъ рѣшительныя мѣры: дѣло тормазилось и въ Польшѣ и въ Римѣ. Герзанъ спросилъ папу, два раза прочитавъ ему императорское письмо объ учрежденіи Тарновской епископіи съ угрозой провинціальнымъ соборомъ, что̀ отвѣтить императору, папа сказалъ, что, кажется, это одно изъ писемъ назначенія, на которыя обыкновенно не бываетъ отвѣта. Когда-же кардиналъ сказалъ, что это письмо предварительное, папа обѣщалъ отвѣтить послѣ справки, что̀ Герзанъ перевелъ такъ, что онъ совсѣмъ не отвѣтитъ, чтобы не касаться угрозы провинціальнымъ соборомъ[4]). По заключенному съ Польшей въ концѣ 1785 г. договору, всѣ имѣнія и деньги галиційскаго духовенства, оставшіяся въ Польшѣ, поступили въ собственность польскаго духовенства, а всѣ польскія имѣнія, лежавшія въ Галиціи, перешли въ Австрійскій религіозный фондъ. Кромѣ того, Краковской епископіи было уплачено 100/т. флориновъ[5]). Папою Тарновская епископія была открыта только въ 1786 г.[6]).

Еще не было покончено съ Пассау, какъ Іосифъ рѣшилъ приступить къ передѣлу епархій внутренней Австріи. Здѣсь ему предстояло столкновеніе съ Гёрцскимъ архіепископомъ и Зальцбургскимъ митрополитомъ. Въ октябрѣ 1783 г. онъ сообщалъ Леопольду цѣлый планъ передѣла епархій: „Гёрцскій архіепископъ,—писалъ онъ здѣсь,—наконецъ рѣшилъ отказаться отъ своей архіепископіи и потому я могъ бы сдѣлать общее распредѣленіе, которое предложу св. отцу въ собственноручномъ письмѣ. Вотъ оно: въ Богеміи—архіепископъ въ Прагѣ, епископъ въ Кёниггрецѣ, въ Лейтмерицѣ и новый въ Будвейсѣ; въ Моравіи—архіепископъ въ Ольмюцѣ и епископъ въ Брюннѣ; въ

[1]) Письмо Герзана къ Кауницу отъ 17 іюля 1783 г. (Brunner. 103—104). [2]) 13 окт. 1783 г. (Arneth. I, 176). [3]) Hock. 472—473 и прим. [4]) Письмо Герзана къ Кауницу отъ 21 іюля 1784 г. (Brunner. 107—108).

[5]) Wolf, G. Josefina. 17—20. [6]) Письмо Герзана къ Кауницу отъ 18 февр. 1786 г. (Brunner. 131).

Галиціи архіепископъ въ Лембергѣ, епископъ въ Пшемышлѣ, новый въ Тарновѣ, и кромѣ того 4 епископа-уніата греческаго обряда; въ Австріи—архіепископъ въ Вѣнѣ, Нейштадтскій епископъ переводится въ С. Пёльтенъ и новый въ Линцѣ; въ Штиріи—архіепископъ въ Грацѣ и изъ Тріеста переносится въ Бругъ; въ Венгріи, Кроаціи и Трансильваніи все по старому, кромѣ перенесенія Пединской епископіи и соединенія ея съ Ценгомъ и Модрушемъ“ [1]). Въ ноябрѣ это распредѣленіе было отослано папѣ. Предполагалось 5 новыхъ епископій. На нихъ Іосифъ II назначилъ лицъ, „менѣе плохихъ изъ тѣхъ, которыхъ могъ выбрать“ [2]).

Въ основу распредѣленія епархій было положено не церковное дѣленіе по деканатамъ, а гражданское по округамъ [3]).

Для осуществленія плана Іосифа прежде всего нужно было удалить Гёрцскаго архіепископа, уже раньше вызвавшаго высочайшую немилость своимъ протестомъ императорскимъ распоряженіямъ [4]). А это стоило немалыхъ хлопотъ. Хотя Іосифъ еще въ октябрѣ 1783 г. писалъ, что Герцскій архіепископъ, наконецъ, рѣшилъ отказаться отъ занимаемаго имъ мѣста [5]), однако, пришлось почти силою заставить его отречься отъ архіепископской каѳедры подъ предлогомъ старости, неспособности и нерасположенія къ нему со стороны народа, мѣсто котораго заступалъ государь. Когда Гёрцскій архіепископъ пріѣхалъ для отреченія въ Римъ, то въ бесѣдѣ съ Герзаномъ въ іюлѣ уже 1784 г. твердо стоялъ на томъ, что не имѣетъ канонической причины покинуть своихъ овецъ, которыхъ такъ любитъ и которыми такъ любимъ. Напрасно Герзанъ указывалъ ему, какъ на причины, на возрастъ (60 лѣтъ) и неудовольствіе народа, представляемаго здѣсь государемъ; Эдлингъ заявлялъ, что уйдетъ лишь по требованію папы и не приведетъ съ своей стороны никакой причины [6]). Герзанъ поэтому не пустилъ его одного къ папѣ, а пошелъ вмѣстѣ съ нимъ и сказалъ за него, что онъ прибылъ по приказанію императора, для сообщенія о своемъ отреченіи. Послѣ удаленія архіепископа папа сказалъ Герзану, что, въ случаѣ отказа Эдлинга отречься, въ виду отсутствія какихъ-либо преступленій, онъ, папа, не можетъ согласиться на его увольненіе. Герзанъ вмѣсто обычнаго указанія канонической причины предложилъ папѣ поставить въ буллѣ—„ex causis nobis notis“.—Наконецъ, въ виду настояній Герзана, Гёрцскій архіепископъ формально отрекся отъ своей каѳедры [7]).

Еще бо́льшее сопротивленіе, чѣмъ Эдлингъ, оказалъ апостольскій викарій Аквилеи, графъ Страссольдо [8]).

---

[1]) Arneth, I, 175—176. [2]) Собственныя слова императора. (Письмо къ Леопольду отъ 17 ноября 1783 г.) (Ibidem. I, 181). Леопольдъ признавалъ это распредѣленіе епархій очень полезнымъ и былъ увѣренъ, что ему не будутъ противодѣйствовать. (Письмо къ Іосифу отъ 29 ноября 1783 г.) (Ibidem, I, 189, 191). [3]) Wolf, Ad. D. Aufhebung d. Klöster, 103. [4]) См. ниже. [5]) См. выше, 116.

[6]) Письмо Герзана Кауницу отъ 17 іюля 1784 г. (Brunner, 105—106). [7]) Письма Герзана Кауницу, отъ 21 и 28 іюля и 4 и 14 авг. 1784 г. (Ibidem. 106—109). ср. Ibidem. 144, 151, 161, 418—419). [8]) Hock. 474—475, прим.

Каринтская и Штирская епархіи—Гуркъ. Лавантъ и Секкау—относились къ митрополичьему діоцезу Зальцбургскаго архіепископа. Ихъ епископы были или назначаемы, или утверждаемы изъ Зальцбурга, если назначеніе принадлежало попеременно государю съ Зальцбургскимъ владыкой. Расположенный къ Іосифу II Зальцбургскій архіепископъ, Іеронимъ графъ Коллоредо[1]) весною 1784 г. изъявилъ готовность признать новое разграниченіе епархій, но только съ папскаго согласія. Въ августѣ 1785 г. самъ архіепископъ заявилъ готовность, въ случаѣ препятствій въ Римѣ къ учрежденію епископіи въ Леобенѣ, не обращая на нихъ вниманія, собственною властью назначить и рукоположить туда епископа, при этомъ онъ просилъ посредничества императорскаго посланника, кардинала Герзана при предстоящемъ ходатайствѣ о папскомъ согласіи. Папа удержалъ за собою учредительную грамоту, хотя уполномочилъ митрополита совершить конфирмацію и посвященіе Леобенскаго епископа. Митрополитъ снова обратился за посредничествомъ къ императору. Послѣдній согласился на посредничество предъ папой, но съ оговоркой, что, если папа будетъ упорствовать, онъ готовъ внести изъ религіознаго фонда положенныя въ Римѣ пошлины. 16 апр. 1786 г.[2]) былъ, наконецъ, заключенъ договоръ съ Зальцбургомъ[3]): архіепископъ отказался отъ всѣхъ своихъ епископскихъ и патронатскихъ правъ надъ приходами внутренней Австріи и удержалъ только митрополичье право надъ епископами. Только Леобенскаго епископа долженъ былъ назначать императоръ, а Гуркскаго при первой и второй вакансіи императоръ, а при третьей архіепископъ. Такъ порвалась существовавшая съ переселенія народовъ связь между Зальцбургомъ и внутренней Австріей. Кромѣ того, Зальцбургскій архіепископъ удержалъ за собою значительныя области, входившія въ его округъ, въ Тиролѣ[4]).

На управленіе Гёрцской архіепископіи и возведеніе Лайбахской епископіи на степень митрополіи, съ подчиненіемъ ей суффрагановъ—епископовъ Ценгга[5]), Модруша, Градиски и Тріеста—папа соизволилъ только 8 мар. 1787 г. буллою „In universa gregis dominicae cura“. Но и послѣ этого замѣщеніе Лайбахской каѳедры надолго затянулось бы, если бы не умеръ неугодный папѣ кандидатъ на нее, гр. Герберштейнъ: съ его смертью, по замѣчанію Кауница, былъ удаленъ главный камень преткновенія во внутренне-австрійскомъ распредѣленіи епархій[6]).

Въ мартѣ 1787 г. Іосифъ безъ обращенія за полномочіемъ къ папѣ, отобралъ было эгерскую область у Регенсбургскаго епископа, включивъ ее въ епархію пражскаго архіепископа. Но вмѣшательство майнцскаго архіепископа, папы и Кауница не дало осуществиться

---

[1]) Riehl—Reinöhl, 56.

[2]) По Ад. Вольфу (D. Aufhebung d. Klöster, 104), 19 апрѣля 1786 г. [3]) Hock. 475—478. [4]) Riehl—Reinöhl, 56. [5]) Венгерская придворная канцелярія 3 окт. 1784 г. протестовала, хотя и безуспѣшно, противъ этого подчиненія (Hock, 180—181). [6]) Hock. 478. Письмо Герзана Кауницу 3 ноября 1787 г. (Brunner. 168). О перепискѣ съ Римомъ по этому дѣлу см. ниже.

этому плану. Въ 1789 г. состоялось соглашеніе, по которому эгерскій деканъ былъ назначенъ епископскимъ регенсбургскимъ комиссаромъ и ему было дано нѣчто въ родѣ консисторіи. Императоръ съ большимъ неудовольствіемъ согласился, такъ какъ Кауницъ настаивалъ на уступкѣ въ силу того, что Эгеръ—не австрійская область въ строгомъ смыслѣ этого слова, а имперскій ленъ[1]).

Въ 1787 г. императоръ хотѣлъ было урѣзать владѣнія Констанцскаго архіепископа въ передне-австрійскихъ земляхъ, но взялъ назадъ свое распоряженіе, въ виду заступничества майнцскаго архіепископа[2]).

Также не удалось императору завладѣть австрійской частью бреславльской епархіи, хотя земли ея давно были уже секвестрованы вслѣдствіе крайней задолженности. Іосифъ отказался было (24 мая 1787 г. изъ Херсона) возвратить ихъ бреславльскому архіепископу и по уплатѣ долговъ, но подчинился необходимости (6 сент. 1787 г.), вслѣдствіе заявленія Кауница, что съ Пруссіей нельзя обойтись, какъ съ Польшей, и что сохраненіе status quo предпочтительнѣе оскорбленія обидчивой державы[3]).

Венеціанскіе епископы, епархій которыхъ простирались на австрійскія владѣнія по Адріатикѣ, получили просто приказаніе отказаться отъ своей духовной юрисдиціи въ этихъ областяхъ[4]).

Передѣлъ епархій былъ предпринятъ императоромъ въ интересахъ лучшей постановки дѣла духовной паствы[5]).

Въ этихъ же видахъ онъ запретилъ совмѣщеніе въ однихъ рукахъ по нѣскольку бенефицій. Вѣнскому архіепископу, Мигацци было предложено, въ силу этого распоряженія, сдѣлать выборъ между вѣнской архіепископіей и вайценской епископіей въ Венгріи. Мигацци не хотѣлъ отказываться ни отъ той, ни отъ другой и упрашивалъ монарха сдѣлать для него исключеніе изъ общаго правила. Получивъ отказъ, кардиналъ спрятался за венгерскую придворную камеру, подавшую за него представленіе императору, на которое послѣдній собственноручно отвѣтилъ очень язвительно[6]).

Получивъ императорское приказаніе съ инструкціей относительно сообщенія папѣ о вынужденномъ отказѣ кардинала Мигацци отъ вайценской епархіи, Герзанъ предсказывалъ и обиду папы, въ виду его расположенія къ кардиналу, основывающагося на признательности, и его отвѣтъ, что управленіе этой епархіей поручено кардиналу пожизненно, по назначенію и просьбѣ императрицы; самое лучшее, если бы кардиналъ самъ отказался[7]). Папѣ Герзанъ передалъ всѣ указанныя императоромъ основанія и особенно остановился на томъ, что вѣнскій церковный округъ вдвое увеличился на счетъ пассаускаго, что тоже скоро ожидается и съ вайценской епархіей, въ виду откры-

[1]) Hock. 479—483. Mejer. I, 61. [2]) Mejer. I, 60—61. [3]) Hock, 483—484. [4]) Riehl—Reinöhl. 56. [5]) Личный приказъ императора гр. Блюмегену 9 марта 1781 г. (Wolf, G. Josefina. 16). [6]) Wolf, P. Ph III, 281—282. [7]) Письмо Герзана къ Кауницу отъ 3 августа 1785 г. (Brunner. 127—128).

тія Е. В., для блага религіи и просвѣщенія, многихъ новыхъ приходовъ, такъ что Мигацци нельзя управлять обѣими церквами. Папа отвѣтилъ, что церкви вдовствуютъ не иначе, какъ въ случаяхъ смерти епископа, его добровольнаго отреченія, по каноническимъ основаніямъ, или, наконецъ, низложенія за большія преступленія. Кардиналъ получилъ эту церковь отъ Климента XIII, по предложенію и рекомендаціи императрицы. Насколько ему извѣстно, кардиналъ стоитъ на высотѣ своего призванія и дѣлаетъ хорошее употребленіе изъ доходовъ вайценской церкви. Папа заявилъ, что при такихъ обстоятельствахъ онъ не могъ бы утвердить новаго епископа въ Вайценѣ. При этомъ папа сказалъ объ обидѣ ему лично вслѣдствіе этого распоряженія и, по секрету, о дурномъ впечатлѣніи на всѣхъ мѣстныхъ и заграничныхъ епископовъ, чего онъ не желалъ бы, по расположенію и почтенію къ императору[1]). Но императоръ остался вѣрнымъ своему закону о несовмѣстительствѣ, не сдѣлавъ исключенія и для кардинала[2]).

Къ началу 1788 г. передѣлъ епархій, за исключеніемъ Силезіи и эгерской области, былъ конченъ, и докладчикъ Гейнке получилъ высочайшую благодарность [16 янв.][3]).

Не останавливаясь въ религіозно-просвѣтительныхъ интересахъ предъ такимъ хлопотнымъ дѣломъ, какъ передѣлъ епархій, Іосифъ высказывалъ нерасположеніе къ епископамъ, заботившимся о поддержаніи своей связи съ Римомъ. Примѣромъ этого можетъ служить Тріестскій епископъ, гр. Инцаги. Въ апр. 1785 г. онъ обратился за позволеніемъ ему самому, или чрезъ уполномоченнаго отправиться въ Римъ (ad limina apostolorum), чтобы, согласно съ епископской клятвой, сообщить папѣ о состояніи своей епархіи. Духовная придворная комиссія не одобрила излишней ревности епископа, обозвала его невѣждою и скудоумнымъ, а выѣздъ изъ государства (по выс. рѣш. 1 сент. 1781 г.) несовмѣстимымъ съ правами и обязанностями епископа, какъ вѣрноподданнаго. Государственный совѣтъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и императоръ 29 апрѣля отказалъ епископу въ такой формѣ: пусть лучше вмѣсто того, чтобы обивать limina apostolorum, чаще посѣщаетъ limina своей епархіи,—св. Петру это будетъ пріятнѣе пустого визита[4]).

b) Монастырская реформа; религіозный фондъ; упраздненіе братствъ.

Еще въ царствованіе Маріи-Терезіи, австрійскимъ правительствомъ было обращено серьезное вниманіе на монашество, было принято не мало мѣръ частью къ ограниченію послѣдняго, частью къ подчиненію его правительственному контролю[5]). Іосифъ пошелъ дальше. Его взглядъ на монашество былъ ходячимъ: онъ стоялъ въ связи съ теоріей пользы, которая хотѣла знать въ государствѣ только

[1]) Письмо Герзана къ Клуниду отъ 6 августа 1785 г. (Brunner. 128—129).
[2]) Gross-Hoffinger. D. Allein-Regierung K. J. II, 46. [3]) Hock. 484—485. [4]) Ibidem. 485, прим. **. [5]) См. выш. 81—83.

полезныхъ гражданъ. Іосифъ не владѣлъ глубокимъ пониманіемъ народной жизни и еще менѣе религіозной. Христіанскій мистицизмъ, принципы послушанія, смиренія, самоотверженной любви, самонаблюденія были ему чужды. Онъ признавалъ въ монастыряхъ только бѣдныя или богатыя пристанища лѣнтяевъ, римскія крѣпости, въ которыхъ окапывалась и защищалась іерархія. Поэтому ему казалось одною изъ самыхъ достойныхъ и важныхъ задачъ царствованія—по возможности, отдѣлаться отъ монастырей и употребить монаховъ на дѣло духовной паствы. Не думая о полномъ упраздненіи монашества, онъ рѣшилъ сократить его и реформировать[1]).

Въ XVIII вѣкѣ количество монастырей въ Австріи возросло до очень значительной цыфры: въ 1770 г. въ нѣмецкихъ и венгерскихъ земляхъ ея было 2163 монастыря. Считая круглымъ числомъ по 20 чел. въ монастырѣ, получается 43.260 монаховъ и монахинь[2]). Въ одной внутренней Австріи (Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ), по упраздненіи ордена іезуитовъ, оставалось въ 1780 г. еще 117 монастырей. Въ Штиріи, при 390 кв. миляхъ и 750.000 жителей, считалось 70 монастырей, въ томъ числѣ 10 женскихъ. Изъ нихъ на одинъ только городъ Грацъ приходилось 11 мужскихъ и 5 женскихъ[3]). Каринтія, при 188 кв. миляхъ и 289.000 жителей, считала 19 мужскихъ и 5 женскихъ монастырей. Въ Крайнѣ, при 181 кв. милѣ и 417.000 жителей было 23 монастыря, въ томъ числѣ 5 женскихъ. Считая по 20 человѣкъ на монастырь, во всей внутренней Австріи было 2340 монаховъ, а при 1.456.000 жителей на 600 человѣкъ одинъ монахъ, или монахиня[4]). Было очень много богатыхъ монастырей: такъ монастырь кармелитянокъ въ Грацѣ владѣлъ состояніемъ въ 192.538 флор.[5]), клариссинокъ тамъ же—427.425 флор.[6]), ихъ же въ Юденбургѣ—195.748 фл. 43 кр.[7]), картезіанцевъ въ Сейцѣ—305.116 фл.[8]), всѣ картезіанцы въ Австріи владѣли состояніемъ въ 2.506.698 фл.[9]), монастырь бенедиктинокъ въ Гёссѣ—въ 584.937 фл.[10]), доминиканокъ въ Михельштеттенѣ—въ 204.478 фл.[11]), бенедиктинцевъ св. Павла—въ 856.082 фл.[12]), августинцевъ Штайнца—въ 784.387 фл.[13]), бенедиктинцевъ св. Ламбрехта—въ 2.329.773 фл.[14]) и т. п. И при такихъ богатствахъ нѣкоторые монастыри такъ задолжали, хозяйство ихъ пришло въ такой упадокъ, что имъ грозило неизбѣжное банкротство[15]), и они сами просили правительство о закрытіи[16]).

Монастыри, по большей части, утратили старую славу пріютовъ наукъ и искусствъ, они не занимались съ должнымъ усердіемъ дѣломъ обученія и духовной паствой. Іосифъ жаловался, что монахи „исто-

---

[1]) Wolf, Ad. D. Aufhebung d. Klöster. 16—17.
[2]) Wolf, Ad. D. Aufhebung d. Klöster. 157—158. De Luca считаетъ по 30 челов. въ монастырѣ, такъ что у него всего получается 64.890 человѣкъ (Oesterr. Statenkunde. 1787, I, 149—157). Но Адамъ Вольфъ находитъ такой счетъ преувеличеннымъ (l. c., 158, прим.). [3]) Klein, Gesch. d. Christenthums. VI, 270. (Wolf, Ad. L. c., 52—53). [4]) Wolf, Ad. L. c., 53. [5]) Ibidem. 62. [6]) Ibidem. 64. [7]) Ibidem. 66. [8]) Ibidem. 69. [9]) По таблицѣ Гейнке, представленной Іосифу въ 1781 г. (Ibidem. 69, прим.). [10]) Ibidem. 71. [11]) Ibidem. 89. [12]) Ibidem. 97. [13]) Ibidem. 117. [14]) Ibidem. 131. [15]) Riehl—Reinöhl. 28. Wolf, Ad. 164—165. [16]) Hock. 400.

щаютъ только государственныя силы и ничего не производятъ", и смотрятъ на себя, какъ на нестоящихъ ни въ какой связи съ государствомъ и назначенныхъ только для службы орденскимъ провинціаламъ. Онъ хотѣлъ сдѣлать полезнымъ для государства какъ имущество, такъ и „лежащій мертвымъ человѣческій капиталъ" монастырей и уничтожить ихъ изолированное положеніе[1]).

Эти намѣренія императора сказались очень рано. Такъ, уже 9 декабря 1780 года онъ распорядился, чтобы никакой послушникъ или монахъ, сообразно съ закономъ 26 августа 1771 года о погашеніи государственныхъ долговъ и послѣдующими разъясненіями его, не завѣщалъ, или не приносилъ въ пользу ордена или монастыря болѣе 1500 флориновъ. Изъ этой суммы онъ можетъ, сколько угодно и на что угодно завѣщать, но распоряженія на бо̀льшую сумму признаются недѣйствительными и свѣтскіе наслѣдники всегда могутъ предъявить свои права и искать судебнымъ порядкомъ[2]). 20 мая 1781 г. было подтверждено распоряженіе о числѣ монаховъ и монахинь по монастырямъ. Указавъ на то, что во многихъ монастыряхъ введено уже опредѣленное правительствомъ число «numerus fixus»[3]) обитателей или обитательницъ, Іосифъ предписывалъ тѣмъ монастырямъ, въ которыхъ сейчасъ находится уже опредѣленное число, точно держаться его, а тѣмъ, въ которыхъ больше, подъ страхомъ самыхъ тяжелыхъ наказаній, не принимать новыхъ кандидатовъ до тѣхъ поръ, пока не установится опредѣленная норма[4]).

Еще яснѣе стремленія Іосифа II сказались въ распоряженіи (4 іюня 1781 г.) о доставленіи точныхъ свѣдѣній по приложенной формѣ—объ имуществахъ, доходахъ и расходахъ всего духовенства, безъ различія ранговъ и состояній, а также церквей, капеллъ и братствъ. Отъ всѣхъ мужскихъ и женскихъ монастырей требовалось представить свѣдѣнія о числѣ постоянныхъ и случайныхъ нахлѣбниковъ, коекъ на больныхъ, есть-ли въ женскихъ монастыряхъ школы, чему въ нихъ учатъ, сколько приходящихъ ученицъ. Свѣдѣнія о доходахъ требовались и отъ бѣлаго духовенства и отъ чернаго—отъ архіепископовъ, епископовъ, соборныхъ пробстовъ, деканова, капитуловъ, каноникатовъ и т. п., наконецъ, отъ всѣхъ братствъ. Въ двухнедѣльный срокъ эти свѣдѣнія по данной формѣ, безъ малѣйшихъ отступленій, должны были быть представлены въ консисторію для дальнѣйшей передачи[4]).

Это распоряженіе съ полнымъ основаніемъ возбуждало опасенія относительно сокращенія монастырей и секуляризаціи ихъ имуществъ: свѣ-

---

[1]) Riehl—Reinöhl. 96—97.

[2]) Kropatschek. II, 215—216, 217—218. [3]) Ibidem. II, 224, ср. распоряженія отъ 28 іюня 1781 г. (II, 224) и 13 іюля 1782 г. (II, 235).

[4]) Walch. IX, 130—131, 217—225 ср. распоряженіе отъ 10 авг. 1782 г. (Kropatschek. II, 195—196). Вѣроятно, это распоряженіе не было исполнено, потому что правительство при изданіи закона о закрытіи монастырей (1782 г. 12 янв.) не имѣло никакихъ свѣдѣній ни о числѣ, ни объ имуществѣ монастырей, особенно женскихъ: таблица, представленная Гейнке въ декабрѣ 1781 г. (Wolf Ad. L. c., 69, прим.) касалась только картезіанскихъ монастырей (Ibidem. 101).

дѣнія собирались, очевидно, для того, чтобы была подъ ногами твердая почва, а не бродить въ потемкахъ. Около этого же времени (22 іюня 1781 г.) духовенству было запрещено выкупать на себя арендуемыя имъ недвижимыя имѣнія при продажѣ ихъ настоящими владѣльцами[1]).

Еще 18 ноября 1775 г. придворной канцеляріей былъ представленъ Маріи-Терезіи рефератъ о связи мѣстныхъ монастырей съ иноземными и о подчиненіи ихъ орденскимъ генераламъ, живущимъ, большею частью, въ Римѣ. По этому реферату, въ Австріи было не менѣе 20 орденовъ, зависѣвшихъ in spiritualibus et temporalibus отъ иноземныхъ начальниковъ; 157 заграничныхъ монастырей оказывали вліяніе на мѣстные чрезъ jura activa et passiva, 24—чрезъ jura activa. Названная канцелярія настаивала на уничтоженіи этой связи, на подчиненіи правительственному контролю чисто внѣшнихъ сношеній, переписки съ иноземными генералами и монастырями, на запрещеніи держать въ Римѣ монастырскихъ агентовъ, ѣздить туда членамъ орденовъ и выписывать оттуда богослужебныя книги. Въ случаѣ ощущенія мѣстными монастырями потребности во взаимной связи, пусть они заключаютъ провинціальные союзы, но съ соблюденіемъ границъ государства. Марія-Терезія не дала ходу этому докладу. Іосифъ уже 31 января 1782 г. представилъ его на обсужденіе государственнаго совѣта[2]), а 24 марта того же года вышло распоряженіе о прекращеніи этой связи и о подчиненіи монастырей мѣстной епархіальной власти[3]).

Скоро разразилась надъ монастырями гроза, зловѣщіе признаки которой уже носились въ воздухѣ[4]): мы разумѣемъ распоряженіе 12 января 1782 г. о закрытіи монастырей созерцательной жизни.

Поводъ къ уничтоженію въ Австріи значительной части монастырей подалъ крайній упадокъ дисциплины въ картезіанскомъ монастырѣ въ Мауербахѣ. Вице-штаттгальтеръ предложилъ „для острастки другимъ“ монастырь закрыть, а имущество его обратить на общеполезныя учрежденія. Въ придворной канцеляріи возникло было сомнѣніе относительно полномочія на это, но государственный совѣтъ не вдался въ такія тонкости; Кауницъ и Геблѐръ совѣтовали даже производить регулярныя ревизіи монастырей чрезъ чиновниковъ, чтобы или поднять этимъ путемъ уровень монастырей, или найти поводъ къ дальнѣйшимъ упраздненіямъ. 10 ноября было произведено въ Мауербахѣ слѣдствіе, а 29—императоръ произнесъ по нему такое рѣшеніе: „Не этотъ casus specificus, но давно уже существующія данныя, что ордена, совершенно безполезные для ближняго, не могутъ быть угод-

[1]) Walch. IX, 132, 226—227.

[2]) Hock. 450—452. [3]) Kropatschek. II, 199—204. 24 марта 1783 г. это распоряженіе было дополнено запрещеніемъ прямой переписки монастырей съ генералами: ее можно было вести теперь только чрезъ посредство императорскаго уполномоченнаго въ Римѣ. (Riehl—Reinöhl, 54). [4]) Ад. Вольфъ считаетъ ошибкой видѣть въ правительственныхъ распоряженіяхъ 1780 и 1781 г.г. сознательную подготовку къ закрытію монастырей. По его мнѣнію, правительство приступило къ этому дѣлу, не сознавая ни величины, ни трудности предстоявшей задачи.

ными Богу, заставили меня поручить канцеляріи чрезъ комиссаровъ переписать во всемъ государствѣ тѣ мужскіе и женскіе ордена, которые не имѣютъ школъ, не ухаживаютъ за больными и не выдаются другими studiis; ихъ доходы и имущества, какъ раньше іезуитскія, конфисковать, а членамъ ихъ выдавать пока изъ нихъ пенсію, предоставивъ на выборъ—или, такъ какъ они не такъ многочисленны, безъ пенсіи удалиться изъ страны, или ходатайствовать предъ начальствомъ о поступленіи въ бѣлое духовенство, по разрѣшеніи отъ обѣтовъ. Подъ этими орденами я разумѣю всѣхъ картезіанцевъ, камальдуленцевъ, эремитовъ, потомъ всѣхъ кармелитянокъ, клариссинокъ, капуцинокъ и т.п., незанимающихся ни воспитаніемъ юношества, ни уходомъ за больными, а проводящихъ только созерцательную жизнь (vitam contemplativam). И такъ канцелярія (по другой редакціи, канцлеръ) исполнитъ это мое приказаніе и въ скорѣйшемъ времени представитъ мнѣ проектъ приведенія его въ исполненіе и свѣдѣнія о монастырскихъ доходахъ, чтобы я могъ потомъ употребить ихъ съ большею пользою для блага религіи и ближняго. Этимъ моимъ общимъ распоряженіемъ рѣшается самъ собою casus specificus картезіанскаго монастыря въ Мауербахѣ“ [1]).

Устно императоръ еще разъ опредѣленно заявилъ, что предназначаются къ закрытію только монастыри картезіанцевъ, камальдуленцевъ и эремитовъ, а изъ женскихъ только тѣ, которые ведутъ лишь созерцательную жизнь и поэтому, по самому уставу своихъ орденовъ, не могутъ быть полезными ни для общества, ни для государства; женскіе монастыри, занимающіеся воспитаніемъ дѣвочекъ, держащіе школы, ухаживающіе за больными, или служащіе убѣжищемъ для вдовъ, должны продолжать свое существованіе [2]).

Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія, придворный канцлеръ представилъ свое мнѣніе для разъясненія и опредѣленія деталей образа и способа закрытій монастырей [3]), а Гейнке приложилъ свое разъясненіе и проектъ рескрипта областнымъ присутственнымъ мѣстамъ [4]). Императоръ одобрилъ предложеніе придворной канцеляріи, за нѣкоторыми исключеніями [5]). Затѣмъ было назначено совѣщаніе придворнаго казначейства съ придворной канцеляріей по вопросу о принятіи монастырскаго имущества и управленіи имъ [6]). Послѣ этого уже былъ составленъ рескриптъ областнымъ присутственнымъ мѣстамъ, который 12 января 1782 г. получилъ высочайшее утвержденіе и можетъ быть разсматриваемъ, какъ въ собственномъ смыслѣ законъ о закрытіи монастырей. По нему, всѣ монастыри, какъ бы они ни назывались, мужскіе—картезіанскіе, камальдуленцскіе, эремитскіе, женскіе—кармелитскіе, клариссинскіе, капуцинскіе и францисканскіе упраздняются и общежительная жизнь находящихся въ нихъ прекращается. При этомъ имъ должно быть письменно объяснено: а) что не произнесшіе еще монашескихъ обѣтовъ, но

[1]) Hock. 394—396. Wendrinsky. 158—159. Wolf, Ad. L. c., 19—20. [2]) Wolf, Ad. L. c., 20—21. [3]) Ibidem. 21—23. [4]) Ibidem. 23—25. [5]) Ibidem. 25. [6]) Ibidem. 26—27.

полученіи единовременно 150 флориновъ, навсегда должны покинуть монастырь въ 4-хъ-недѣльный срокъ, но принадлежащую имъ собственность, равно какъ принесенное въ монастырь могутъ взять съ собою. b) Всѣмъ священникамъ, а также и стоящимъ на высшихъ ступеняхъ, равно какъ и монахинямъ предоставляется отправиться въ заграничные монастыри своего ордена; въ этомъ случаѣ имъ выдается паспортъ и изъ казначейства соотвѣтственно разстоянію прогоны и дорожное платье, но дальше пенсіи они не получаютъ. c) Желающимъ перейти въ другіе ордена, по ихъ заявленію, будетъ оказываться всякая поддержка съ годовымъ пособіемъ въ 150 фл. Если же они пожелаютъ сдѣлаться братьями милосердія, или піаристами, каждому должно быть ежегодно выдаваемо отъ казны 300 фл., а монахинямъ, которыя пожелаютъ сдѣлатся елизаветинками, по 200 фл. d) Также должна быть оказана помощь тѣмъ, которые пожелаютъ поступить въ ряды бѣлаго духовенства съ достаточными причинами для секуляризаціи. Вмѣстѣ съ государственнымъ titulo mensae они должны получать изъ казначейства ежегодную пенсію, до обезпеченія бенефиціей, отъ 300 фл. Но если перейдетъ въ бѣлое духовенство картезіанскій аббатъ, то до обезпеченія приходомъ, онъ будетъ получать ежегодно по 800 флориновъ. Относительно разрѣшенія отъ монашескихъ обѣтовъ нужно итти обычнымъ предписаннымъ путемъ, тоже самое и для монахинь. e) Монахи мужскихъ орденовъ, которые пожелаютъ служить Богу по своимъ орденскимъ правиламъ въ тихомъ спокойствіи вдали отъ міра, въ правѣ продолжать спокойно жить по своимъ орденскимъ правиламъ, однако должны для своего дальнѣйшаго пребыванія избрать себѣ монастырь другого ордена, которому регулярно будетъ дѣлаться взносъ за ихъ содержаніе; эремитамъ или лѣснымъ братьямъ уѣздные начальники должны приказать снять навсегда свое платье въ 2-хъ-недѣльный срокъ, пожелаютъ-ли они служить пономарями при церквахъ или нѣтъ. Церковныя драгоцѣнности должны быть описаны въ инвентарѣ; въ донесеніи сообщать, желаетъ-ли народъ продолженія богослуженія въ церкви. При этомъ комиссарамъ рекомендуются мудрыя и приличныя мѣры[1]).

Такъ были произнесены ужасныя для монастырей слова—„упраздненіе„ и „секуляризація“.

Всѣ первоначальныя церковныя реформы Іосифа и закрытіе монастырей вышли непосредственно изъ придворной канцеляріи, хотя для приведенія въ исполненіе послѣдняго распоряженія были учреждены провинціальныя „комиссіи по закрытію монастырей“. Съ расширеніемъ дѣла 26 іюля 1782 г. Іосифъ завелъ по церковно-политическимъ вопросамъ особое учрежденіе—„духовную придворную комиссію“, а 13 авг. того же года закрылъ упомянутыя провинціальныя комиссіи, замѣнивъ ихъ „духовными филіальными комисіями„. Послѣднія и вели все дѣло закрытія монастырей съ 1783 по 1790 г.[2]).—На практикѣ при за-

[1]) Kropatschek. II, 264—266 и Wolf, Ad. L. c., 27—31. [2]) Wolf, Ad. L. c. 14, 34—38 ср. Hock. 445—450.

крытіи монастырей оказалось недостаточно ни закона 12-го января 1782 г. и дополняющаго его декрета 13-го—[1]), ни инструкцій, опредѣлявшихъ кругъ дѣйствій названныхъ „комиссій“[2]). Возникло множество спорныхъ вопросовъ, которые провинціальныя присутственныя мѣста не хотѣли рѣшать самостоятельно и которые дѣлали неизбѣжною цѣлую массу законодательныхъ дополненій. Послѣднія касались обезпеченія бывшихъ монаховъ и монахинь, книгъ, утвари, драгоцѣнностей и употребленія имущества закрытыхъ монастырей.

Срокъ, по истеченіи котораго монахи и монахини должны оставить монастыри, остался пяти-мѣсячнымъ; въ особенныхъ случаяхъ мѣстная администрація могла дать еще 14 дней. И прислуга могла оставаться 5 мѣсяцевъ. Эремитамъ давался 4-хъ недѣльный срокъ для выхода изъ уединеній. Въ теченіе 5 мѣсяцевъ монахи и монахини могли совершать свое обычное богослуженіе. Врачъ и аптека оставались въ ихъ распоряженіи. Терціаріи уже съ 1776 г. не смѣли принимать болѣе членовъ. Въ 1782 г. было назначено закрытіе ихъ ордена мужскаго и женскаго пола. Кто желалъ продолжать носить платье, могъ поступить въ францисканскій монастырь. Начальники орденовъ должны довести до свѣдѣнія правительства о тѣхъ членахъ, которые живутъ въ монастыряхъ францисканцевъ или клариссинокъ. Была опредѣлена пенсія бывшимъ монахамъ и монахинямъ. Мѣстная администрація могла назначать и высшую пенсію для тѣхъ, которые заслуживали особеннаго вниманія вѣрной службой, бѣдностью или дряхлостью. Настоятельницы женскихъ монастырей въ продолженіи 5 мѣсяцевъ получали по 1 фл. суточныхъ. Монахи и монахини за разрѣшеніемъ отъ своихъ обѣтовъ должны обращаться къ епископамъ. Ни одинъ комиссаръ не долженъ былъ вмѣшиваться во внутреннюю дисциплину монастырей, монахамъ, выходившимъ въ міръ, выдавалось вмѣстѣ съ пенсіей пособіе въ 50 фл., послѣ оно было возвышено до 100 фл. Монахи, отправлявшіеся заграницу, получали 100 фл. прогоновъ. Монахинямъ, вступавшимъ въ орденъ, полезный для школы, воспитанія дѣтей или ухода за больными, платилась пенсія въ 200 фл., отправлявшимся же къ роднымъ, или въ другой порядочный свѣтскій домъ, выдавалось пособіе въ 100 фл. и до замужества пенсія въ 150 фл., потомъ и послѣдняя была повышена до 200. Такъ какъ много монахинь изъявили желаніе поступить въ другіе ордена съ удержаніемъ своихъ правилъ, то было повторено, что съ переходомъ въ другой орденъ онѣ должны подчиниться и его уставу и нести всякую службу и работу. Губернская администрація должна точно обозначить состояніе и мѣсто жительства бывшихъ монахинь. Монахинямъ, не пожелавшимъ ни выйти въ міръ, ни перейти въ другой орденъ, позволялось, если онѣ разрѣшены отъ послушанія своему ордену, жить вмѣстѣ въ монастырѣ и тамъ въ покоѣ и уединеніи скончать свои дни. Правительство хотѣло въ этихъ свободныхъ общинахъ дать эксъ-монахинямъ особое убѣ-

[1]) Wolf, Ad. 31—32. [2]) Ibidem. 34—38.

жище и до мелочей опредѣлило устройство ихъ. По духовнымъ вопросамъ онѣ должны были стоять подъ властью епископовъ, а по гражданскимъ — подъ управленіемъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ. Каждая такая эксъ-монахиня получала пенсію въ 150 фл.; что заработывала, принадлежало ей. Продовольствіе у нихъ общее. У каждой своя комната. Ихъ совмѣстная жизнь не должна была носить никакого монастырскаго характера, за исключеніемъ требованій католической вѣры отъ всякаго христіанина, но онѣ обязаны хранить цѣломудріе. Онѣ могли снять свое монашеское платье, но потомъ должны одѣваться „какъ дѣвицы той мѣстности, гдѣ они жили“. Такъ какъ онѣ образуютъ общину, должны подчиняться одному домашнему порядку. Директоръ наблюдалъ надъ всѣмъ, главная надзирательница занималась домашнимъ хозяйствомъ; оба назначались мѣстнымъ присутственнымъ мѣстомъ, по соглашенію съ епископомъ. Въ качествѣ духовныхъ упражненій имъ предписывались: молитва, богослуженіе, исповѣдь и причащеніе чрезъ каждые 14 дней. Могли поступать эксъ-монахини и изъ другой провинціи, но институтъ долженъ былъ существовать только пока живы эти эксъ-монахини[1]). Въ Крайнѣ и Штиріи были опыты устройства такихъ общинъ, но онѣ не удержались: монахини пожелали выйти въ міръ.

Рядъ распоряженій свидѣтельствуетъ о стараніи правительства сохранить научныя сокровища монастырей. Еще до закрытія было приказано провинціальной администраціи обратить особенное вниманіе на монастырскія книги и рукописи, чтобы онѣ не были растащены, какъ это случилось у іезуитовъ. Комиссаръ долженъ отобрать древніе кодексы и рукописи и, если нѣтъ каталога, переписать ихъ. Этотъ приказъ не разъ былъ повторяемъ и дополняемъ. Велѣно было сохранить даже модели, физическіе и математическіе приборы; для изслѣдованія монастырскаго архива, употреблять не духовныхъ, а другихъ свѣдущихъ лицъ; списокъ книгъ и рукописей ученаго содержанія высылать въ вѣнскую придворную библіотеку, она могла выбирать изъ нихъ. Документы и рукописи, касающіяся управленія, должны быть переданы администраціи казенныхъ имѣній, содержащія пожертвованія и церковные доходы,—присутственнымъ мѣстамъ. Казначейство должно потребовать отъ монастырскихъ адвокатовъ тяжебныя дѣла и другіе документы. Другія распоряженія касались почетныхъ могилъ и перенесенія праха покойныхъ членовъ императорской фамиліи въ другія церкви[2]).

Изъ городскихъ церквей закрытыхъ монастырей, если для богослуженія было достаточно другихъ храмовъ, по соглашенію съ епископомъ, выносились всѣ священные сосуды, алтари и пр. и церкви закрывались. По селамъ монастырскія церкви, гдѣ въ нихъ была нуж-

[1]) Придв. декреты: 13, 18, 25, 27 янв., 4, 12, 21 февр., 3, 9, 13, 26 марта, 15, 22 апр., 12 іюля, 26, 27, 28 сент., 14 окт. 1782 г. (Wolf, Ad. L. c., 39—41).

[2]) Придворные декреты отъ 15 янв., 6 апр., 4 мая, 7 іюня, 23 сент. 1782 г. (Wolf, Ad. L. c., 41—42) ср. Wolf, G. Josefina. 73—74 и D. Unterrichtswesen in Oesterreich unter. K. J. II. 80—85.

да, оставлялись со всею утварью. Что отбиралось изъ свящ. сосудовъ, украшеній, облаченій, картинъ, подсвѣчниковъ и т. п. передавалось, по соглашенію съ епископомъ, въ нуждавшіяся сельскія церкви, особенно во вновь открываемые приходы. Драгоцѣнности и особенно цѣнная и прекрасная утварь должны быть оцѣнены присяжными оцѣнщиками и доставлены въ казначейство. Драгоцѣнныя дароносицы могутъ быть продаваемы богатымъ прелатамъ. Что не будетъ обмѣнено или продано, идетъ по оцѣнкѣ на монетный дворъ. Монастырскія машины, запасы вина, дровъ, хлѣба и т. п. должны быть проданы. Оставшіяся претензіи должны быть взысканы, долги покрыты изъ вырученныхъ денегъ. Монастырскія зданія должны быть употреблены на государственныя нужды или проданы, имѣнія, лѣса, дома отобраны въ казну или проданы[1]).

Общее число закрытыхъ при Іосифѣ монастырей Ад. Вольфъ опредѣляетъ въ 738 и послѣ 1786 г. считаетъ во всей Австріи 1.425 монастырей съ 28.250 монаховъ и монахинь. Такимъ образомъ, по нему, Іосифъ сократилъ монастыри на $^1/_3$ [2]). По Фиккеру, Іосифъ закрылъ всего 359 монастырей[3]). По докладной запискѣ гр. Коловрата, представленной Леопольду II 4 янв. 1782 г., во всей Австріи въ 1791 г. существовало 469 монастырей и съ 1780 г. было закрыто 413[4]).

Гоккъ останавливается на томъ, что у государственнаго совѣта не было твердой точки зрѣнія въ вопросѣ о закрытіи монастырей и что вслѣдствіе этого и императоръ руководился разными мотивами при рѣшеніи этого вопроса.

Такъ, уже въ 1782 г. императоръ рѣшилъ закрыть каринтскій бенедиктинскій монастырь св. Павла въ Лаванталѣ „по причинѣ задолженности“,—первоначально такого мотива не было указано. По разслѣдованію оказалось, что у монастыря при пассивѣ въ 568 т. гульденовъ активъ выражается въ 856 т., что хозяйство въ порядкѣ и что многочисленные члены этого монастыря нигдѣ не могутъ прожить дешевле настоящаго. При этомъ было отмѣчено, что монастырь содержитъ гимназію, очень полезную для цѣлой Нижней Каринтіи. Придворная канцелярія настаивала на отмѣнѣ декрета о закрытіи монастыря и предлагала, если уже недостаточно для нуждъ монастыря собственнаго имущества, соединить его съ бенедиктинскимъ монастыремъ въ Арнольдштейнѣ. Духовная придворная комиссія настаивала на закрытіи монастыря св. Павла. Кауницъ предлагалъ отобрать у монастыря имущество и на доходы съ него содержать въ Нижней Каринтіи гимназію. Императоръ поэтому 30 мая 1782 г. повторилъ было приказъ о закрытіи, но потомъ (7 авг. 1782 г.) закрылъ вмѣсто него монастырь въ Арнольдштейнѣ. Судьба монастыря св. Павла не

---

[1]) Придворн. декреты 1 февр., 28 іюля и др. 1782г. (Wolf, Ad. L. c., 42—43).
[2]) Wolf, Ad. L. c., 157, 158, 166.
[3]) Ficker, Ad. «D. relig. Orden und. Congregationen d. kath. Kirche latein. Ritus innerhalb Oesterreichs im Jahre 1875.» («Stat. Monatschrift» 1875, 249, sqq. (Hock. 434, прим.). [4]) Hock. 434, прим.

разъ висѣла на волоскѣ, пока въ 3-ій разъ онъ не былъ, наконецъ, закрытъ[1]).

Задолженность монастырей была принята за одно изъ основаній къ закрытію ихъ, кажется, вслѣдствіе ходатайства монастыря Секкау въ Штиріи о закрытіи по этой причинѣ. Утверждая закрытіе этого монастыря (8 марта 1782 г.), Іосифъ собственноручно прибавилъ богемско-австр. придворной канцеляріи: „Такъ какъ мнѣ извѣстно, что должны быть и другіе монастыри, впавшіе въ долги, особенно въ Богеміи, то дается общее приказаніе—изслѣдовать положеніе ихъ, чтобы можно было принять соотвѣтственныя мѣры“[2]). Хотя не было ни одного намека на то, что подъ послѣдними нужно разумѣть закрытіе и изъ одного рѣшенія нельзя было сдѣлать такого вывода, однако духовная комиссія истолковала это выраженіе въ такомъ смыслѣ и на этомъ основаніи были закрыты Седлецкій монастырь въ Богеміи[3]) и св. Павла въ Каринтіи[4]).

Съ 1785 г. финансовыя соображенія начинаютъ оказывать особенно значительное вліяніе на судьбу монастырей: открытіе новыхъ приходовъ и обезпеченіе духовенства требовали большихъ денегъ, у религіознаго фонда ихъ не доставало, отсюда усиливается закрытіе монастырей и монастырей богатыхъ[5]). Такъ въ 1786 г. были закрыты въ Штиріи бенедиктинскій монастырь Ламбрехта и цистерціанскій—Нейберга вслѣдствіе того, что религіозному фонду для Штиріи понадобилась сумма въ 1.121.810 фл.[6]).

Очень интересно, какъ встрѣтили закрытіе монастырей сами монахи и монахини.

Бруннеръ говоритъ, что, вопреки лжи всѣхъ тогдашнихъ памфлетистовъ, акты показываютъ, что открытіе монастырскихъ дверей совсѣмъ не было радостью для монахинь, значительное большинство ихъ желало продолженія тихой монастырской жизни. По собственноручной подпискѣ линцскихъ кармелитянокъ (20 февраля 1782 г.), когда еще предоставлялся свободный выборъ между выходомъ въ міръ и переходомъ въ другой монастырь, изъ 18 монахинь 9 выразили желаніе поступить въ урсулинки, 9—въ елизаветинки и только одна вступила въ свѣтскій домъ[7]). Совсѣмъ иначе представляетъ дѣло самъ Іосифъ II. Когда, по его словамъ, вслѣдствіе повторявшихся жалобъ на положеніе со стороны трехъ монастырей—лоренцинокъ, небесныхъ тривратницъ и якобинокъ, онъ предоставилъ свободно высказаться, кто изъ нихъ желаетъ выйти изъ монастыря и кто остаться, то изъ общаго числа 194 лицъ сначала изъявили желаніе остаться только 13, а по зрѣломъ размышленіи всего одна[8]).

Какъ показываетъ документальное изслѣдованіе Ад. Вольфа, монахи и монахини, за немногими исключеніями[9]), покидали монастыри и выходили или въ міръ, или въ бѣлое духовенство[10]).

---

[1]) Hock. 399—400 ср. Wolf, Ad. L. c., 94—100. [2]) Hock. 400. [3]) Ibidem. 400—401. [4]) Wolf, Ad. L. c., 94—100. [5]) Hock. 405—407. Wolf Ad. 102. [6]) Wolf, Ad. 128—144. Hock. 407—408. [7]) Brunner. 486. [8]) Письмо къ Леопольду отъ 13 окт. 1783 г. (Arneth. I. 175). [9]) L. c. 85, 86. [10]) Ibidem. 64, 77—79, 80, 84—85, 88—89, 113 и др.

Закрытіе монастырей не произвело глубокаго впечатлѣнія на народныя массы, такъ что не вызвало никакого волненія послѣднихъ. Вендринскій находитъ въ этомъ фактѣ лучшее доказательство того, какъ мало любили въ народѣ монаховъ, а можетъ быть и того, какъ широко было распространено убѣжденіе во вредѣ чрезмѣрнаго множества монастырей. Этимъ же онъ объясняетъ и успѣхъ множества пасквилей противъ монаховъ[1]).

Изъ отобранныхъ у монастырей имѣній и вырученныхъ отъ продажи драгоцѣнностей денегъ, Іосифъ образовалъ „религіозную кассу“, переименованную позднѣе въ „религіозный фондъ“, завѣдываніе которымъ приняло на себя правительство[2]). Этотъ фондъ былъ предназначенъ исключительно на нужды церкви, именно на открытіе новыхъ приходовъ и на обезпеченіе бѣднаго духовенства. „Послѣ того, какъ закрыты монастыри созерцательной жизни, писалъ императоръ (27 февраля 1782 г. гр. Блюмегену),—время сдѣлать извѣстнымъ назначеніе, какое я дамъ ихъ имуществу. Совершенно далекій отъ намѣренія хотя бы малѣйшую часть его отчудить или дать ему чисто мірское употребленіе, я обращу его на учрежденіе религіозной священнической кассы. Изъ нея будутъ выдаваться монахамъ пенсіи, а остатокъ и, по мѣрѣ ихъ вымиранія, всѣ доходы вполнѣ и исключительно будутъ употребляться на поддержаніе религіи и на такъ тѣсно связанное съ нею благо ближняго и именно по указанію начальства[3]).—„Религіозный фондъ,—писалъ императоръ папѣ Пію VI въ 1784 г.,—назначенъ въ моемъ государствѣ не на то, чтобы быть только памятникомъ моего правленія, какъ позволили сказать въ Римѣ, но чтобы быть благодѣяніемъ для моихъ народовъ. Безполезные монастыри, какъ и еще болѣе безполезныя братства я уничтожилъ, фондъ ихъ опредѣлилъ на содержаніе новыхъ приходовъ и лучшаго обученія въ школахъ“[4]).

Управленіе религіознымъ фондомъ было передано придворному казначейству, а распоряженіе придв. канцеляріи[5]).

Касса фонда быстро росла: такъ, въ концѣ марта 1783 г. въ ней было 4.537.000 гульденовъ облигаціями и 493.700—наличными деньгами, въ концѣ апрѣля того же года 4.823.000—облигаціями и 642.000—наличными. 2 сентября того же года цѣнность отобранныхъ имѣній и драгоцѣнностей выражалась въ 17.092.000 гульденовъ, при пассивѣ въ 2.139.000 гульденовъ. Кромѣ того изъ Тироля, Богеміи и Моравіи не было представлено точныхъ свѣдѣній[6]).

Но вмѣстѣ съ большими средствами правительство приняло на себя еще бо́льшія обязательства: приступая къ дѣлу безъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній, оно не знало размѣровъ ни тѣхъ, ни другихъ. Скоро оказалось, что религіозный фондъ не въ состояніи удовлетворить наличнымъ потребностямъ[7]), управленіе отобранными монастырскими имѣніями велось такъ дурно, что они падали въ дохо-

[1]) L. c., 166—169. [2]) Подробности объ этомъ учрежденіи у Heljert. Von d. Kirchenvermögen. I, 342—410. [3]) Wolf, Ad. 43—44. [4]) Müller. 196. [5]) Wolf, Ad. 44. [6]) Hock. 421, прим. [7]) Ibidem. 421—424.

дахъ и поднимался вопросъ о совершенной продажѣ ихъ, или объ отдачѣ въ долгосрочную аренду[1]).

Стали изыскиваться различные пути для увеличенія религіознаго фонда. Такъ, приказомъ 9 сентября 1782 г. онъ былъ увеличенъ включеніемъ бенефицій безъ духовной паствы, потомъ всѣхъ вкладовъ на мессы Ministrirung, Rosenkränze или другихъ Andachten и geistliche Verrichtungen. 22 іюля 1783 г. сюда были взяты интеркалярные доходы всѣхъ приходовъ, 30 апрѣля 1787 года—эмеритальный фондъ для пенсіи духовенству. Въ Прагѣ онъ равнялся 335.800 флориновъ. По Бруннеру, это отобраніе простыхъ бенефицій и эмеритальнаго фонда открывало для больныхъ, сдѣлавшихся неспособными, духовныхъ лицъ самую мрачную будущность и по многимъ основаніямъ особенно волновало жителей всѣхъ мѣстъ, гдѣ были такія бенефиціи. Еще раньше, въ 1786 г. Stiftungs-Hofbuchhaltung исчислила доходъ отъ всѣхъ мессъ, которыя должно отобрать изъ мѣстъ заказа и раздѣлить по странѣ, въ 286.461 флоринъ. И вотъ на этомъ основаніи 2 марта 1786 г. вышелъ личный приказъ императора, предписывавшій Religionsfonderträgniss и Stiftungen взять у однихъ провинцій и отдать другимъ, нуждающимся. 12 февр. 1787 г. число каноникатовъ при архіепископскомъ капитулѣ было сведено до 12, при епископскомъ до 8, остаточныя же суммы поступили въ религіозный фондъ. 20 іюня 1787 г. всѣ монастыри, управлявшіеся введенными въ 1786 г. вмѣсто прелатовъ назначаемыми правительствомъ коммендъ-аббатами, получили приказаніе высылать остатки доходовъ въ кассу религіознаго фонда[2]). Этотъ отобранный остатокъ въ Богеміи, Австріи Штиріи и Тиролѣ въ 1788г. составилъ 54.375 флориновъ. 16 сент. 1782 г. въ религіозный фондъ было обращено имущество „третьяго ордена“; 8 ноября 1783 г. туда же поступилъ фондъ, учрежденный для выкупа христіанъ-рабовъ. На владѣвшихъ приходами былъ назначенъ воспитательный налогъ (Alumnatsteuer) на генеральныя семинаріи. 18 марта 1784 г. были привлечены къ этому Гёрцскія епископскія имѣнія; 10 апрѣля былъ причисленъ къ религіозному фонду закрытый комиссаріатскій фондъ францисканцевъ, назначенный для святой земли и святыхъ мѣстъ. 28 мая 1784 же года въ религіозный фондъ вошло имущество для поддержанія галиційскихъ монастырей; потомъ та же судьба постигла 400/т. флориновъ, переданныхъ пассаускимъ епископомъ для учрежденія линцской епископіи; пребенды пражскаго соборнаго декана, дававшія 18/т. флориновъ, были сведены на 7 т., а остальное также поступило въ религіозный фондъ. Съ этою же цѣлью были проданы въ Вѣнѣ сады существовавшихъ еще монастырей, какъ-то: капуцинскихъ, францисканскихъ, кармелитскихъ, августинскихъ, барнабитскихъ, піаристскихъ, сервитскихъ и минориткихъ[3]).

И всетаки религіозный фондъ страдалъ дефицитомъ. На 1788 г.

[1]) Hock. 428—434. [2]) Ср. Hock. 439—441. [3]) Brunner. 500—502.

послѣдній дошелъ до 275000 гульденовъ[1]). Для покрытія его на всѣ оставшіеся монастыри и духовенство 28 февр. 1788 г.[2]) былъ наложенъ „вспомогательный сборъ“ въ пользу религіознаго фонда въ размѣрѣ отъ $7^1/_2$ до $7^3/_4$% (освобождены были только содержанія, пенсіи, доходы отъ приходовъ въ суммѣ до 600 гульденовъ и нищенствующіе ордена). Но этотъ сборъ плохо поступалъ, вызвалъ массу протестовъ и повсемѣстное недовольство. Вслѣдствіе множества жалобъ онъ былъ немного уменьшенъ[3]). Въ государственномъ совѣтѣ поднимался было вопросъ объ отобраніи у духовенства всякой недвижимой собственности, Эгеръ высказалъ общій принципъ,—что „все, чѣмъ владѣетъ духовный по своей должности, eo ipso —составляетъ собственность религіознаго фонда“. Но императоръ не поддержалъ этого крайняго взгляда и ограничился назначеніемъ коммендъ-аббатовъ[4]).

Но съ теченіемъ времени, вопреки всѣмъ добрымъ намѣреніямъ Іосифа, религіозный фондъ утонулъ въ безднѣ государственныхъ долговъ: въ годы войны изъ него стали черпать на военныя нужды и онъ изчезъ, какъ капля въ морѣ. Бруннеръ видитъ въ этой судьбѣ его вѣрность правительства самому себѣ. Финалъ религіознаго фонда стоитъ на одномъ государственно-моральномъ и правовомъ основаніи со способомъ его образованія. Разъ государство признало за собою право образовать этотъ фондъ изъ принадлежащаго церкви имущества, идя далѣе, оно могло признать себя въ правѣ превратить его въ государственныя бумаги и деньги истратить, а уплату процентовъ возложить на плечи плательщиковъ податей[5]).

Вопросъ о правѣ Іосифа на закрытіе монастырей до настоящаго времени различно рѣшается различными партіями: въ то время какъ сторонники церковнаго режима видятъ въ этомъ закрытіи вопіющую несправедливость, нарушеніе частныхъ правъ, грабежъ пожертвованій, приверженцы государственной власти видятъ въ немъ проявленіе безспорнаго права націи, соціальную реформу, на которую уполномочена законодательная власть. Все дѣло сводится къ вопросу о взаимномъ отношеніи въ государствѣ между духовной и свѣтской властями, правовому вопросу, который цѣлые вѣка вызывалъ безконечные споры, да по самой природѣ своей и будетъ вызывать ихъ.

Ад. Вольфъ признаетъ, что закрытіе монастырей было тѣсно связано съ нарушеніемъ правовыхъ отношеній, въ теченіе столѣтій сложившихся въ государствѣ и народѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ, что бываютъ въ государственной жизни кризисы, когда общественная власть должна пожертвовать общему благу этимъ нарушеніемъ[6]).

Закрытію монастырей при Іосифѣ Ад. Вольфъ придаетъ важное политико-экономическое и соціальное значеніе.—Кто обратитъ вниманіе,—говоритъ онъ,—на состояніе Австріи до Іосифа съ ея на половину феодальными, на половину абсолютными формами, съ громадными монастырскими

[1]) Hock. 426. [2]) Kropatschek. XV, 931—932. [3]) Hock. 425—428, 435—439. Brunner. 502 [4]) Hock. 438—439. [5]) Brunner. 499 и 502. [6]) Wolf, Ad. 162—163.

и дворянскими имѣніями, съ 2000 монастырей, надѣленныхъ такимъ имуществомъ, что оно въ одной внутренней Австріи простиралось свыше 12 милліоновъ, тотъ не признаетъ его здоровымъ. И это имущество состояло, большею частью, въ землѣ, не доступной для свободнаго труда и здороваго народнаго хозяйства. Въ средніе вѣка внутренняя Австрія была одною изъ богатѣйшихъ странъ Германіи, земля ея была хорошо воздѣлана, въ городахъ и мѣстечкахъ процвѣтали ремесла и торговля, народъ былъ богатъ, здоровъ и веселъ. Съ XVI вѣка замѣчается постепенное обѣдненіе, оно ростетъ въ XVII, хотя великая война не коснулась этого края, народъ хилѣетъ, промышленность падаетъ, внѣшняя торговля почти совсѣмъ прекращается. Послѣдствія этого сказываются и въ наше время. Внутренняя Австрія осталась преимущественно земледѣльческой страной. Ближайшей причиной этой перемѣны было то, что съ того времени, какъ турки заняли ворота міровой торговли въ Египтѣ и на Босфорѣ и итальянскіе города потеряли торговлю, дороги чрезъ горныя страны внутренней Австріи опустѣли. Другою причиною, не менѣе важною, было скопленіе огромнаго имущества въ мертвыхъ монашескихъ рукахъ. Крупное владѣніе поглотило мелкое, работа рабовъ и крѣпостныхъ подавила свободный трудъ, крестьянство уменьшалось въ числѣ и силѣ. Акты чиновъ и общинъ полны жалобъ на обѣдненіе землевладѣльца, на упадокъ хозяйства, на недостатокъ капитала и рабочей силы. Уже до Іосифа выдающіеся государственные люди Австріи сознавали это зло и искали противъ него средствъ, но имъ не удалось ограничить монашество, только Іосифъ смѣло нарушилъ старый порядокъ вещей. Не тотчасъ съ закрытіемъ монастырей улучшилось политико-экономическое состояніе страны. Въ религіозномъ фондѣ имущество было такъ же связано, какъ въ мертвыхъ рукахъ, государство управляло имѣніями немного лучше церкви, но благодѣтельныя послѣдствія всетаки ощущались—въ народѣ, въ общинахъ, школахъ и приходахъ. Много имѣній, виноградниковъ, мельницъ и т. п. было продано, предоставленные свободному труду они сдѣлались новымъ источникомъ благосостоянія. Отдѣльные монастыри превратились въ фабрики, великолѣпные дворцы. Бѣлое духовенство болѣе чѣмъ въ одномъ поколѣніи благословляло іосифовское царствованіе. Новый приходскій священникъ былъ поставленъ независимѣе, лучше. Приходы увеличились, кругомъ явились новыя церкви. Много деревушекъ получили капелановъ, совершавшихъ мессы, по воскресеньямъ проповѣдывавшихъ и преподававшихъ въ горахъ одиноко умиравшему послѣднія слова утѣшенія. Экс-монахи предпочитали поступить въ ряды бѣлаго духовенства и экс-монахини жизнь и смерть у своихъ родственниковъ—подчиненію чужимъ монастырскимъ уставамъ.

Закрытіе монастырей было не только церковной и политической, но также и рѣшительной соціальной реформой. Имъ Іосифъ предохранилъ Австрію отъ революціи снизу, разрушившей до основанія во Франціи все церковное. При томъ монастырское имущество было хо-

рошо собрано и употреблено на чисто церковныя цѣли; книги и рукописи, церковныя украшенія и сосуды не были растеряны и уничтожены.

При томъ же Іосифъ не уничтожилъ монашество, а только сократилъ его: въ Австріи еще осталось 1.425 монастырей, въ томъ числѣ 1.065 мужскихъ и 360 женскихъ[1]).

Не мало раздается частныхъ жалобъ и возраженій по поводу закрытія монастырей при Іосифѣ. Такъ, Бруннеръ, указываетъ на массу злоупотребленій при реализаціи монастырскихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ и винитъ въ нихъ правительство. Онъ указываетъ на то, что жидовка Добрушка покупала церковныя драгоцѣнности и имѣнія по оцѣночной цѣнѣ съ прибавкою только 10%. Императоръ велѣлъ обращать церковныя цѣнности въ ломъ, хотя и предоставлялъ выкупать ихъ[2]). Какъ много крала при этомъ комиссія по закрытію монастырей, видно изъ пропажи при закрытіи королевскаго монастыря въ Вѣнѣ ковчега цѣнностью въ 50 т. флориновъ[3]). Самъ Іосифъ II въ личномъ приказѣ 20 сент. 1782 г. назвалъ комиссаровъ по закрытію монастырей разбойниками за обращеніе съ монастырскими лѣсами[4]). Майлатъ тоже говоритъ, что при закрытіи монастырей и конфискаціи ихъ имуществъ пропало или безслѣдно, или въ рукахъ жидовъ большинство древнихъ церковныхъ цѣнностей[5]). Бруннеръ не умалчиваетъ и о томъ, что много изъ имѣній и цѣнностей, какъ раньше при закрытіи ордена іезуитовъ, осталось у монаховъ, но находитъ это вполнѣ естественнымъ и очень недвусмысленно обвиняетъ австрійское правительство въ грабежѣ.—Правительство,—говоритъ онъ,—усвоило себѣ основной принципъ, что оно—истинный собственникъ всѣхъ пожертвованій и потому объявляло воромъ всякаго аббата, или духовное лицо, хотѣвшихъ, при всеобщемъ потопѣ спасти нѣчто изъ орденскаго имущества и для себя, когда тысячи оставались въ карманахъ комиссаровъ, купцовъ и жидовъ-воровъ: такъ роли перемѣшались"[6]).

На это отвѣчаетъ Вендринскій и Ад. Вольфъ, находящіе эти жалобы неосновательными,—правительство сдѣлало все, что могло, приложило всѣ мѣры, какими только могло располагать, для предупрежденія злоупотребленій[7]).

И Вендринскій признаетъ, что были злоупотребленія, растраты и кражи, но не находитъ ничего удивительнаго въ этомъ, когда дѣло шло о сотняхъ, даже о тысячахъ предметовъ. Нельзя было и ждать, чтобы сотни потребныхъ для этого чиновниковъ были всѣ честными, чуждыми своекорыстія, вѣрными своему долгу и обладали потребнымъ литературнымъ и художественнымъ развитіемъ. Насколько было возможно, по крайней мѣрѣ, предупредить злоупотребленія распоряженіями, послѣднія были сдѣланы[8]). Самъ Іосифъ не разъ жаловался на недостатокъ вокругъ себя способныхъ, дѣльныхъ людей.

[1]) Wolf, Ad. L. c., 163—167. [2]) Brunner. 478—480. [3]) Ibidem. 480—482. [4]) Ibidem. 496. [5]) Mailáth. L. c. 67. [6]) Brunner. 489. ср. Hock. 409—415. [7]) Wendrinsky. 163—165. Wolf, Ad. 166, 41—44, 58, 143—144 и у насъ выше 125, 127—128. [8]) 165.

Этотъ недостатокъ былъ хронической болѣзнью Австріи, онъ заставлялъ Іосифа все бремя, по крайней мѣрѣ, внутренняго правленія нести на своихъ лишь плечахъ. Самъ Бруннеръ приводитъ Memorandum (10 іюля 1791 г.) Леопольду II тайнаго совѣтника президента юстиціи Х. А. Зейлерна, въ которомъ говорится о дурномъ состояніи юстиціи при Іосифѣ, о взяткахъ[1]). Что же было дѣлать Іосифу II? не самому же заняться этимъ дѣломъ—это было даже физически немозможно, не говоря уже о другихъ соображеніяхъ. Поэтому, по нашему крайнему разумѣнію, было бы не только несправедливо, но и странно возлагать отвѣтственность за эти злоупотребленія на императора, какъ это дѣлаетъ Бруннеръ.

Бруннеръ указываетъ на то, что если жертвователи требовали назадъ свои деньги, такъ какъ они дѣлали пожертвованія не правительству, а монастырямъ, то имъ выплачивались одни % % (отъ 8 до 10 и 5), а самый капиталъ считался пропавшимъ[2]). Но правительству должно быть поставлено въ заслугу и то, что оно платило % %. Въ самомъ дѣлѣ, отбирая монастырскія имущества, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ принимало на себя и большія обязательства по содержанію членовъ упраздненныхъ монастырей и улучшенію всего строя церковной жизни, начиная съ образованія духовенства. Если бы оно возвратило всѣ пожертвованія въ монастыри, то всѣ эти расходы легли бы новымъ бременемъ на государственный бюджетъ, что оказалось бы совершенно не по силамъ государству. Религіозный фондъ и такъ не могъ своими средствами покрыть всѣхъ издержекъ на церковныя нужды.

Ничего не доказываетъ и то, что, какъ говоритъ Бруннеръ, часто не знали, на что употребить закрытые монастыри. Такъ, императоръ проектировалъ, напр., изъ королевскаго монастыря сдѣлать большой національный отель для иностранцевъ, камальдуленцскій—хотѣлъ обратить въ домъ для сумасшедшихъ, неизлечимо-больныхъ. И замѣчательно, что ни одно зданіе не было употреблено по волѣ государя: его предположенія постоянно оказывались или неисполнимыми, или непрактичными[3]). Но если бы даже и дѣйствительно ни одно монастырское зданіе ни на что не годилось, то это во всякомъ случаѣ слишкомъ слабый доводъ противъ закрытія монастырей, чтобы его приводить съ серьезнымъ видомъ. Но на дѣлѣ не было и этого: монастырскія зданія отлично пригодились на казармы, воспитательные дома и подобныя публичныя благотворительныя учрежденія[4]).

Эксъ-монахамъ было предложено на выборъ: или удалиться изъ австрійскихъ владѣній, или выйти въ бѣлое духовенство, или въ міръ, или поступить въ одинъ изъ сохранившихъ свое существованіе орденовъ. Поступившимъ въ ряды бѣлаго духовенства или мірянъ распоряженіемъ отъ 9 ноября 1781 г. были возвращены всѣ имущественныя права относительно наслѣдствъ, которыхъ они были лишены по-

[1]) 464—468. [2]) 495. [3]) 483—484. [4]) Wolf, P. Ph. III, 98.

ка оставались въ орденѣ[1]). Распоряженіемъ отъ 30 августа 1782 г. повторялось это возвращеніе старыхъ правъ по наслѣдованію и пріобрѣтенію собственности, но предоставлялось только пользованіе этими пріобрѣтеніями, а ни въ какомъ случаѣ не продажа ихъ при жизни. Въ видахъ устраненія возможности послѣдней, предписывалось доставшіяся имъ деньги класть въ публичный фондъ, а недвижимыя имущества обычными законными средствами гарантировать какъ отъ продажи, такъ и отъ задолженности. Впрочемъ, за этими владѣльцами признавалось право при смерти произвольно распоряжаться непродажными при жизни имѣніями, запрещалось только подъ угрозой недѣйствительности, завѣщаніе въ пользу иноземца, или подданнаго, но живущаго за границей[2]).

Живущіе внѣ монастырей монахи были подчинены обычному суду[3]).

Цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій регулировалъ жизнь оставшихся монастырей.

И, прежде всего, были отмѣнены „изъятія“ монастырей изъ епископской власти[4]), опредѣлено избраніе монастырскихъ начальниковъ[5]) и отмѣнены разныя достоинства[6]). Повторены были запрещенія монастырскихъ тюремъ[7]) и отсылки денегъ за границу за мессы и другія службы[8]); разрѣшенный сначала нѣкоторымъ орденамъ сборъ милостыни[9]) былъ запрещенъ, кромѣ осенняго[10]), вмѣсто этого нищенствующимъ орденамъ было назначено пособіе изъ религіознаго фонда[11]). Нѣсколькими распоряженіями было опредѣлено пользованіе церковными и монастырскими капиталами[12]) и имѣніями[13]). Положеніе новиціевъ при монастыряхъ вызвало особыя распоряженія[14]).

Монастыри были оставлены въ Австріи только подъ условіемъ, чтобы монахи помогали бѣлому духовенству въ дѣлѣ его духовной паствы и служили духовнымъ нуждамъ народа. Чтобы сдѣлать монаховъ способными къ этому назначенію, нужно было дать имъ приличное образованіе и развитіе. Поэтому правительство обратило вниманіе на образованіе монаховъ. 29 янв. 1782 г. было предписано епископамъ, въ видахъ лучшаго употребленія монаховъ на дѣло духовной паствы, изслѣдовать, есть-ли и сколько по монастырямъ монаховъ, обладающихъ достаточнымъ духовнымъ образованіемъ и испытанно способныхъ къ этому дѣлу. Съ этою цѣлью епископы должны были произвести каждому отдѣльный экзаменъ, чтобы опредѣ-

[1]) Kropatschek. II. 183, 219 ср. расп. отъ 12 дек. 1788 г. (Ibidem. XV, 900).
[2]) Riehl—Reinöhl. 103. [3]) Распор. 29 ноября 1788 г. (Kropatschek. XV, 899). [4]) Распор. 5 мая и 11 сент. 1782 г. (Kropatschek. II, 187, 193—194) ср. распор. 16 сент. 1782 г. (Ibidem. II, 195) и 4 февр. 1783 г. (Ibidem. II, 195). [5]) Распор. 6 дек. 1784 г. (Ibidem. VI, 525—528). [6]) Распор. 21 февр. 1785 г. (Ibidem. VIII, 633).
[7]) Распор. 11 марта и 17 іюня 1783 г. (Ibidem. II, 228—231). [8]) Распор. 9 февр. 1784 г. (Ibidem. VI, 482), 3 марта 1781 г. (Ibidem. II, 198) и 24 окт. 1783 г. (Ibidem. II, 198—199). [9]) Распор. 24 окт. 1783 г. (Ibidem. II, 236—237), 26 янв. 1784 г. (Ibidem. VI, 492) и 24 сент. 1785 г. (Ibidem. VIII, 592). [10]) Распор. 6 окт. 1789 г. (Ibidem. XVII, 672). [11]) Распор. 6 окт. 1789 г. (Ibidem. XVII, 671—672). [12]) Распор. 5 окт., 4 авг., 16 апр., 27 сент., 27 февр. и 21 ноября 1785 г. (Ibidem. VIII, 605—610). [13]) Распор. 5 окт. 1782 г. (Ibidem. II, 221—223). [14]) 4 мая 1781 г. (Ibidem. II, 223—224), 17 іюля 1782 г. (Ibidem. II, 226—227), 24 окт. 1783 г. (Ibidem. II, 225—226).

лить, обладаетъ-ли онъ достаточными для духовника познаніями въ соотвѣтствующихъ наукахъ[1]).—Кто же изъ монаховъ,—гласило позднѣйшее распоряженіе (17 іюня 1784 г.),—не будетъ подвергаться этому испытанію, или будетъ при таковомъ отнесенъ къ 3-му разряду, а можетъ быть окажется недостойнымъ и послѣдняго, того, если онъ не давалъ обѣтовъ и не получилъ высшаго посвященія, удалять изъ ордена, произнесшіе же обѣты, но не надѣленные никакими талантами и не имѣющіе ordines majores пусть получаютъ увольненіе изъ ордена и разрѣшеніе отъ обѣтовъ отъ епископовъ, или дѣлаются бѣльцами и употребляются на домашнія работы, лица же, получившія уже священническое посвященіе, но не способныя не должны быть вовсе допускаемы до исправленія обязанностей духовниковъ[2]).

Безъ окончанія курса богословскихъ наукъ было запрещено допускать до посвященія[3]), Учащихся монаховъ было приказано отдать въ генеральныя семинаріи[4]). Монахи, посѣщающіе общественныя школы, были освобождены какъ отъ всѣхъ ручныхъ работъ бѣльцовъ, такъ и отъ хора, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней[5]).

Такъ какъ было предписано назначать эксъ-монаховъ во вновь открывавшіеся приходы[6]), то учителями и судьями народной совѣсти снова оказались монахи, принесшіе и раньше такъ много вреда на этомъ же поприщѣ. На это жаловался Зальцбургскій архіепископъ Іеронимъ въ письмѣ къ Грецскому епископу (12 іюня 1785 г.)[7]).

Братства, стоявшія въ связи съ монашескими орденами, раздѣлили ихъ печальную судьбу: они всѣ были упразднены, или, точнѣе сказать, превращены въ одно „братство дѣятельной любви къ ближнему относительно безпомощныхъ бѣдняковъ“.

Во всей Австріи было 642 братства[8]), въ одной Вѣнѣ 116, чистаго имущества въ 1779 г. у нихъ было 688.248 фл. 24 кр., пожертвованій и ежегоднаго дохода отъ % по 10-ти-лѣтней сложности 1.179.853 фл., слѣдовательно, ежегодно процентовъ 27.581 фл. и пожертвованій 17.806 фл., а всего 45.387 фл. Всѣ братства дѣлились на 4 вѣтви: 1) братства для почитанія отдѣльныхъ святыхъ, 2) отдѣльныхъ таинствъ вѣры, 3) братства, заботившіяся о помощи душамъ въ чистилищѣ и 4) братства христіанскаго ученія, ставившія своею задачею обученіе юношества. Духовная комиссія въ своемъ докладѣ находила всѣ эти 4 рода братствъ совершенно излишними, „по самымъ удивительнымъ, но, конечно, въ высшей степени просвѣщеннымъ основаніямъ“, какъ ядовито замѣчаетъ Бруннеръ, а именно потому, что ставимыя ими задачи принадлежатъ не къ „существенному въ христіанствѣ“, потому что „почитаніе святыхъ не заповѣдано“; также и отаге

[1]) Wolf. P. Ph., III, 101—102. [2]) Kropatschek. VI, 442—444. [3]) Распор. 10 авг. 1782 г. (Ibidem. II, 13). [4]) Распор. 10 авг. 1783 г. (Ibidem. II, 18—19).

[5]) Распор. 22 мая 1784 г. (Kropatschek. VI, 441) ср. распор. 21 іюля 1786 г. (Ibidem. X, 752—754). [6]) Распор. 4 дек. 1783 г. (Ibidem. VI, 533), 4 апр. 1784 г. (Ibidem. VI, 537), 25 ноября 1784 г. (Ibidem. 544), 10 сент. 1785 г. (Ibidem. VIII, 653), 26 дек. 1788 г. (Ibidem. XVII, 865—866) и 24 марта 1789 г. (Ibidem. XVII, 887). [7]) Wolf. P. Ph., III, 531, прим. [8]) Brunner. 411.

pro defunctis—не религіозная заповѣдь, а только хорошее и спасительное дѣло. Ученіе христіанъ—дѣло духовенства, послѣднее учитъ не по испорченнымъ катехизисамъ, а по усвоенному имъ и доказанному публичнымъ испытаніемъ настоящему способу катехизаціи. „Вообще теперь нельзя предоставить катехизацію никакимъ братствамъ". Поэтому всѣ братства упраздняются и учреждается новое „братство дѣятельной любви ближняго относительно безпомощныхъ бѣдняковъ". Имущество прежнихъ братствъ должно быть отобрано и употреблено соотвѣтственнымъ образомъ[1]).

Уже 17 авг. 1782 г. вышло распоряженіе, чтобы впредь не учреждать новыхъ братствъ, безъ высочайшаго на то соизволенія; въ существующихъ же должны быть устранены всѣ злоупотребленія, ненужныя поступленія денегъ употребить на бѣдныхъ, или на другія дѣла благотворительности, а братства, держащіяся предосудительныхъ для церкви или государства принциповъ, закрыть[2]).

Въ мартѣ 1783 г. императоръ полагалъ всѣ доходы и капиталы братства отдѣлить отъ духовнаго фонда и обратить во всемъ государствѣ въ школьной, но употребить ихъ не на университеты, лицеи или гимназіи, а на начальныя школы, въ которыхъ обучали бы чтенію, письму и счету. Сдѣлать это тѣмъ легче, что братства не предназначены собственно для духовной паствы, а такимъ образомъ гражданское общество больше выиграетъ, дѣти будутъ наставлены въ христіанскомъ ученіи и ихъ невинная молитва предъ ученіемъ и послѣ него, можетъ быть, будетъ болѣе дѣйствительною для спасенія душъ братчиковъ, чѣмъ ихъ собственная на собраніяхъ[3]).

Распоряженіемъ 22 мая 1783 г. были объявлены упраздненіе всѣхъ существовавшихъ доселѣ братствъ и замѣна ихъ однимъ новымъ. Послѣднее обнимало собою всю Австрію, завѣдываніе имъ было поручено вѣнскому архіепископу и всѣмъ епископамъ. Членамъ прежнихъ братствъ было предоставлено: или вступить во вновь учрежденное, или выйти совсѣмъ, въ послѣднемъ случаѣ имъ возвращались въ опредѣленной мѣрѣ тѣ взносы ихъ, которыя могли быть доказаны. Главною задачею новаго братства ставилось обезпеченіе достойныхъ бѣдняковъ и уничтоженіе нищенства, какъ промысла[4]). При учрежденіи этого братства руководились примѣромъ графа Букои въ Богеміи[5]).

Причиною упраздненія существовавшихъ ранѣе братствъ было выставлено то, что въ нихъ появились съ теченіемъ времени вредныя для религіи и государства злоупотребленія и безпорядки, частью вслѣдствіе преувеличенной ревности членовъ, частью вслѣдствіе крайняго размноженія самыхъ братствъ[6]).

---

[1]) Brunner. 407. [2]) Kropatschek. II, 405. [3]) Hock. 526. [4]) Riehl—Reinöhl. 107—111. [5]) Личный приказъ императора гр. Коловрату 16 іюля 1783 г. (Brunner. 409). [6]) Распор. 9 авг. 1783 г. (Wolf. P. Ph., III, 150—156) ср. Brunner. 411—413. Брунверъ думаетъ, что закрытіе братствъ было вызвано бюрократизмомъ іосифовскаго времени. «Всякое самоуправленіе, всѣ корпораціи съ своимъ кругомъ жизни,—говоритъ онъ,—тогдашнее правительство считало зломъ и вредными для государства». Подъ эту категорію подошли и братства. «Все это нужно было уничтожить и, по возможности, централизовать: такъ требовала система, обнимавшая всѣ стороны жизни» (406).

Одна половина отобраннаго у братствъ имущества была отдана институту призрѣнія бѣдныхъ, а другая народнымъ школамъ[1]).

Но новое братство, созданное императоромъ изъ всѣхъ существовавшихъ раньше, не пошло: мало-по-малу оно почти безслѣдно потерялось[2]).

c) Забота объ образованіи и улучшеніи положенія бѣлаго духовенства.

Успѣхъ гражданской и церковной реформы Іосифа II, помимо случайныхъ обстоятельствъ, всецѣло зависѣлъ отъ уровня развитія австрійскаго народа и его духовныхъ вождей, въ руки которыхъ была отдана его совѣсть. Выше мы уже не разъ говорили[3]) о печальномъ умственномъ и религіозно-нравственномъ состояніи Австріи этого времени. Невѣжество, суевѣріе, религіозная нетерпимость, фанатизмъ и безнравственность—вотъ органически-тѣсно связанные между собою главные пороки австрійскаго народа времени Іосифа II.

Поэтому императору нужно было обратить самое первое и серьезное вниманіе на образованіе. Іосифъ такъ и поступилъ: какъ показываетъ одна масса распоряженій по школьному вопросу, забота о просвѣщеніи, какъ основѣ всякаго прогресса и процвѣтанія, была одною изъ наиболѣе близко лежавшихъ у него на сердцѣ[4]).

Но невозможно было поднять религіозно-нравственный уровень народа безъ участія духовенства, между тѣмъ послѣднее en masse стояло на одной почти ступени съ народомъ: епископскія и монастырскія школы, въ которыхъ оно получало образованіе, находились въ плачевномъ положеніи[5]). Поэтому императоръ долженъ былъ позаботиться и объ образованіи духовенства. Если до его времени образованіе духовенства находилось въ рукахъ самого же духовенства и получались такіе печальные результаты, естественно было Іосифу взять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, устранивъ духовенство, какъ невыполнившее возлагавшихся на него надеждъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. И онъ настойчиво всю жизнь занимался этимъ образованіемъ, входя лично въ разсмотрѣніе деталей его и не останавливаясь предъ возмущеніемъ цѣлой страны (Нидерландовъ).

Императоръ началъ съ закрытія въ Римѣ Collegium germanicum. До этого времени большая часть нѣмецкаго дворянства, посвящавшая себя на служеніе церкви, считала крайне важнымъ прожить нѣсколько лѣтъ въ Римѣ. Въ этихъ видахъ австрійскій домъ учредилъ тамъ свою коллегію, чтобы молодые люди имѣли возможность закончить свое образованіе въ такъ называемой Sapienza. Здѣсь юноши вполнѣ пропитывались духомъ римскаго двора, не говоря уже о развращаю-

---

[1]) Личный приказъ императора гр. Коловрату (26 окт. 1783 г.) (Brunner. 409). Только капиталы братствъ «третьяго ордена» поступили въ религіозный фондъ. (Распор. 13 марта 1783 г.). Kropatschek. II, 273 ср. Helfert, «Von d. Kirchenvermögen» I, 344. [2]) Riehl—Reinöhl. 106.

[3]) См. II—IV, 55. [4]) О положеніи школьнаго дѣла при Іосифѣ см. Wolf. G., „D. Unterrichts. wesen in Oesterreich unter K. Josef II“ и Hock, 519—541.

[5]) Wolf. P. Ph., III, 121—123.

щемъ вліяніи распущеннаго римскаго духовенства. Императору, ожидавшему сопротивленія церковной реформѣ болѣе всего изъ Рима, естественно было избавить будущее духовенство свое отъ римскаго вліянія. Поэтому 8 ноября 1781 г. Іосифъ закрылъ эту коллегію, открывъ вмѣсто нея коллегію въ Павіи, съ новымъ уставомъ [3 фев. 1783 года][1]).

Но это учрежденіе предназначалось для избранныхъ, для духовной аристократіи, для рядоваго же духовенства Іосифъ завелъ генеральныя семинаріи, которыми думалъ достигнуть двухъ цѣлей—дать духовенству однообразное, на здравыхъ началахъ построенное образованіе и подчинить послѣднее правительственному контролю.

Въ 1781 г. аббатъ Раутенштраухъ представилъ, по высочайшему распоряженію, программу богословскаго и философскаго преподаванія въ монастыряхъ. Въ учебной придворной комиссіи, куда она поступила на разсмотрѣніе, Гейнке былъ поднятъ и многими членами поддержанъ вопросъ о прекращеніи монастырскаго обученія и объ обязательствѣ богослововъ-новиціевъ посѣщать публичныя учебныя заведенія. Гейнке предлагалъ запретить принимать въ монастыри новиціевъ до окончанія ими образованія въ этихъ заведеніяхъ, т. е. приблизительно между 22-мъ и 24-мъ годами. Для предохраненія чернаго духовенства отъ праздности, онъ предлагалъ каждому ордену отвести опредѣленную область наукъ и искусствъ для спеціальной разработки. Сторонники этого взгляда не боялись уменьшенія, вслѣдствіе такихъ мѣръ чернаго духовенства, потому что послѣднее не необходимо ни для религіи, ни для государства: оно не установлено Богомъ и безъ него религія и государства процвѣтали нѣсколько вѣковъ. Великій герцогъ Тосканскій уже распорядился, чтобы никто не назначался въ начальники ордена или въ каноники, безъ полученія въ мѣстныхъ университетахъ степени доктора богословія и каноническаго права.— Раутенштраухъ былъ противъ этого взгляда. Онъ думалъ, что, съ прекращеніемъ обученія въ монастыряхъ, охладѣетъ ревность къ наукѣ. Возможно-ли, раціонально-ли и полезно-ли для государства было бы запрещеніе всякаго домашняго элементарнаго образованія горожанамъ, дворянамъ? Не было-ли бы это жестокимъ насиліемъ? Какъ нельзя предписать извѣстной области страны изученіе особаго рода ремеслъ или искусствъ, также нельзя предписать, какими науками должны заниматься различные ордена, наука—врагъ принужденія. Поэтому не должно прекращать по монастырямъ ни философскаго, ни тѣмъ болѣе богословскаго преподаванія.

Въ придворной канцеляріи голоса также раздѣлились, большинство стояло за планъ Раутенштрауха[2]).

Въ государственномъ совѣтѣ за удержаніе монастырскихъ школъ высказались Мартини и Гатцфельдъ. Первый указывалъ на то, что

[1]) Wolf. P. Ph., III, 110—120. Hock. 451—452, 455—456.
[2]) Wolf. G., Kaiser Joseph II und d. österreichischen Generalseminarien („Hist. Taschenbuch", 1877, 337—346).

высочайшее распоряженіе Раутенштрауху предполагаетъ продолженіе существованія этихъ школъ. Если хотятъ ихъ закрытія, то нужно сказать это прямо, не прибѣгая съ учебной комиссіей къ увертками. При хорошей постановкѣ монастырскихъ школъ государство получитъ, безъ всякихъ стараній и издержекъ съ своей стороны, хорошихъ духовниковъ и прекрасныхъ, способныхъ учителей. Гатцфельдъ высказывалъ опасеніе, что монастырскіе новиціи, вслѣдствіе посѣщенія университетовъ, легко могутъ утратить столь важныя для нихъ свойства: благочестіе, любовь къ человѣку, смиреніе и строгую нравственность. Напротивъ, Геблеръ и Кауницъ видѣли въ монастыряхъ только разсадники суевѣрія и нравственной распущенности[1]).

Императоръ, признавая долю справедливости за каждымъ изъ этихъ мнѣній, выбралъ среднее изъ нихъ и постановилъ (10 сент. 1782 г.): съ 1 ноября 1783 г. прекратить преподаваніе по всѣмъ монастырямъ; съ этого времени монастыри должны посылать своихъ новиціевъ въ школы, которыя подъ именемъ „генеральныхъ семинарій“ будутъ учреждены въ университетскихъ и лицейскихъ городахъ. Здѣсь новиціи, при полномъ обезпеченіи, должны заниматься науками, пока по достиженіи 24-хъ-лѣтняго возраста не будутъ посвящены въ священники. Каждый монастырь уплачиваетъ расходы по содержанію за своихъ учениковъ, для надзора за которыми и для помощи въ занятіяхъ посылаетъ одного изъ своихъ лекторовъ. Эти лекторы—священники отправляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ семинаріяхъ обязанности духовниковъ, а надзоръ за всею семинаріей поручается, по распоряженію государя, епископу, назначающему директоромъ ея, по собственному выбору, какого либо каноника или другое лицо изъ бѣлаго духовенства. Директоръ сообщаетъ монастырскому начальству объ успѣхахъ и поведеніи новиціевъ, чтобы оно немедленно увольняло менѣе способныхъ. Религіозный фондъ даетъ только помѣщеніе. Такія семинаріи открываются въ Прагѣ для Богеміи, въ Ольмюцѣ для Моравіи и Силезіи, въ Вѣнѣ для Австріи выше и ниже Энса, въ Грацѣ для Штиріи, Каринтіи и Крайны, въ Иннсбруккѣ для Тироля, въ Гёрцѣ для валаховъ, въ Фрейбургѣ для передней Австріи и въ Лембергѣ для Галиціи. Относительно Венгріи и Трансильваніи мѣстная придворная канцелярія представитъ проектъ. И епископскія семинаріи должны быть соединены въ одномъ, но въ отдѣльномъ отъ генеральной семинаріи учрежденіи въ особомъ домѣ, чтобы и ихъ питомцы получали университетское и лицейское образованіе и были проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ[2]).

5 окт. того же года императоръ внесъ измѣненіе въ это распоряженіе въ томъ смыслѣ, что для наблюденія за новиціями въ генеральныхъ семинаріяхъ долженъ назначать одного или нѣсколькихъ лекторовъ, смотря по числу воспитанниковъ, не каждый монастырь, а каждый орденъ для своихъ[3]).

---

[1]) Hock. 496—497. [2]) Wolf. G., L. c., 346—349. Hock. 497. [3]) Hock. 497.

Но императоръ, повидимому, колебался въ признаніи необходимости семинарскаго образованія для своего чернаго клира, потому что 2 марта 1783 г. онъ еще спросилъ отзыва по этому вопросу у духовной придворной комиссіи. Послѣдняя высказалась въ утвердительномъ смыслѣ, хотя Мартини и нѣкоторые другіе члены государственнаго совѣта оспаривали необходимость для монаховъ научнаго образованія. Но императоръ призналъ необходимость поступленія въ генеральныя семинаріи для всѣхъ безъ исключенія монастырскихъ новиціевъ и 7 апр. 1783 г. распорядился объявить во всеобщее свѣдѣніе запрещеніе „домашняго обученія“ по монастырямъ[1]).

Вслѣдствіе доклада 31 марта 1783 г., императоръ поручилъ вѣнскому архіепископу Мигацци, вѣнско-нейштадтскому епископу Керенсу и Раутенштрауху представить проекты устава генеральныхъ семинарій.

Оба первые высказались (15 и 19 іюня 1783 г.) принципіально за старый порядокъ образованія и соглашались только на учрежденіе заведенія для продолженія образованія выдающихся священниковъ, подъ руководствомъ епископовъ[2]).

Когда ихъ представленія обсуждались въ духовной придворной комиссіи, президентъ послѣдней, Крезель выступилъ съ особымъ мнѣніемъ (26 іюля 1783 г.) противъ генеральныхъ семинарій. Онъ доказывалъ, что эти семинаріи для религіи и дѣла духовной паствы не необходимы, въ „настоящее“ время безполезны и кромѣ того могутъ стать даже вредными для государства. Онъ видѣлъ въ генеральныхъ семинаріяхъ разсадники вреднаго кастоваго духа и предостерегалъ отъ удаленія молодыхъ людей отъ жизни и отъ однообразія, которое имъ хотѣли навязать, но котораго нельзя добиться. Онъ предлагалъ предоставить всѣмъ кандидатамъ священства получать образованіе въ университетахъ и лицеяхъ[3]). Бог.-австр.. придворн. канцелярія поддерживала Крезеля соображеніями экономическаго характера. Она подробно показывала издержки государства на генеральныя семинаріи безъ увѣренности въ какой нибудь пользѣ отъ нихъ, такъ какъ воспитанники ихъ могутъ перейти въ другое званіе, безъ уплаты издержекъ за свое образованіе. Кромѣ того, названная канцелярія желала сохранить вліяніе епископовъ на тѣхъ, которые со временемъ должны будутъ подчиняться ихъ приказаніямъ, и ей представлялось совершенно невозможнымъ поддержать дисциплину между многочисленными семинаристами.

Въ государственномъ совѣтѣ Кауницъ примкнулъ къ отдѣльному мнѣнію Крезеля. Мартини, въ подтвержденіе своего ранѣе высказаннаго мнѣнія, привелъ нѣсколько наблюденій изъ своего учебнаго опыта,—такъ, по его словамъ, изъ вѣнскаго университета выходили честные, способные юноши, а въ обѣихъ академіяхъ (восточной и т. н. Терезіанумъ) встрѣчалось много гордыхъ, несносныхъ эпикурейцевъ и

[1]) Hock. 498. [2]) Ibidem. 498. Wolf. G., L. c., 349—356.
[3]) Wolf. G., L. c., 356—359. Hock. 498—499.

вольнодумцевъ. Причина этого явленія въ принужденіи, монотонности и легкости соблазна, обычныхъ въ большихъ школьныхъ заведеніяхъ. Благородные, многообѣщающіе люди болѣе всего должны страдать отъ механизма послѣднихъ. Если всетаки будетъ примѣненъ къ дѣлу проектъ семинарскаго устава Раутенштрауха, то этотъ уставъ во многихъ пунктахъ нужно пересмотрѣть, потому что въ немъ еще слишкомъ много монастырской дисциплины и натянутости. Гатцфельдъ высказался только за право надзора со стороны епархіальныхъ епископовъ за генеральными семинаріями и предлагалъ поэтому завести такія семинаріи въ каждой епархіи.

Императоръ однако не поколебался въ своемъ рѣшеніи; онъ нѣсколько раздраженно написалъ: „Кто не признаетъ блага генеральныхъ семинарій, тотъ не считаетъ въ высшей степени необходимыми для духовенства или однообразіе образованія, или нравственное воспитаніе. Первое дѣлаютъ епископы, второе, кажется, настроеніе господствующей теперь гуманной моды. Поэтому неуклонно должно исполнить изданное уже мною и хорошо обдуманное распоряженіе. Quoad studia долженъ быть вполнѣ принятъ планъ аббата Браунау, какъ самый цѣлесообразный. Планъ нейштадтскаго епископа, содержащій въ себѣ много хорошаго, особенно относительно физической стороны воспитанія, сообщить вновь назначенному ректору для примѣненія“ [1]).

Однако императоръ позднѣе, повидимому, раскаялся въ своей рѣзкости къ Крезелю,—11 авг. онъ отправилъ ему письмо, въ которомъ яснѣе излагалъ свои планы относительно генеральныхъ семинарій и старался разсѣять сдѣланныя противъ нихъ возраженія. Императоръ указывалъ здѣсь, что это учрежденіе вызвано его желаніемъ дать юношамъ однообразное богословское образованіе и строго-нравственное воспитаніе. Послѣ 6-ти лѣтняго изученія богословія, юноши въ возрастѣ 23—24 лѣтъ будутъ выходить изъ этихъ семинарій и одни поступать въ тѣ ордена, въ которыхъ они приняли новиціатъ, а другіе возвратятся къ своимъ епископамъ, изъ которыхъ каждый вмѣсто прежнихъ семинарій заведетъ у себя священническій домъ. Въ эти дома и поступятъ юноши и останутся въ нихъ до полученія священническихъ мѣстъ. За это время епископы могутъ экзаменовать ихъ и, въ случаѣ какихъ-либо проступковъ, увольнять. Тогда уволенные могутъ уходить въ другую епархію, или заняться чѣмъ-либо другимъ, по желанію, такъ какъ они не имѣютъ еще majores ordines и, слѣд., ни къ чему не обязаны обѣтами. Такимъ образомъ, посвящающій себя духовному званію съ 16—17 лѣтняго возраста, съ окончанія курса философскихъ наукъ до самаго принятія сана будетъ подъ духовнымъ надзоромъ. Во время пребыванія въ священническихъ домахъ эти богословы будутъ заниматься пѣніемъ въ соборныхъ церквахъ, прислуживать епископу въ алтарѣ и такъ практически готовиться къ будущимъ занятіямъ. Содержаніе этихъ домовъ отнести на счетъ

[1]) Wolf. G., L. c., 359—360. Hock. 499—500.

тѣхъ епархіальныхъ средствъ, изъ которыхъ раньше производилась выдача пенсій заштатному духовенству, такъ какъ заботу о послѣднемъ взялъ на себя религіозный фондъ. Эти кандидаты священства остаются въ этихъ домахъ только по одному, или по два года[1]).

5 окт. 1783 г. императоръ точнѣе опредѣлилъ вопросъ о содержаніи генеральныхъ семинарій, вслѣдствіе запроса нижне-австрійскаго правленія: религіозный фондъ даетъ только содержаніе директорамъ, вице-директорамъ и духовникамъ и помѣщеніе, остальное же приходится на счетъ епископовъ и орденовъ[2]).

Для открытія генеральныхъ семинарій 1-го ноября 1783 г. нужно было сдѣлать еще много приготовленій. Большое затрудненіе представлялось въ самомъ подысканіи подходящихъ помѣщеній. Поэтому Крезель (7 авг. 1783 г.) предлагалъ отложить открытіе ихъ до будущаго года, но императоръ не согласился.

Учебная придворная комиссія (1 окт. 1783 г.) предложила, чтобы желающіе слушать богословскій курсъ представляли свидѣтельство объ окончаніи полнаго философскаго курса, но императоръ призналъ достаточными аттестатъ о слушаніи логики съ метафизикой и знаніе латинскаго языка.

23 окт. 1783 г. письмомъ Крезелю императоръ строго запретилъ настоятелямъ орденовъ и начальникамъ семинарій брать съ молодыхъ клириковъ клятву въ томъ, что они примутъ sacros ordines и навсегда останутся въ духовномъ званіи, въ противномъ же случаѣ обязуются уплатить издержки на ихъ содержаніе. Чтобы не мѣшать занятіямъ семинаристовъ, императоръ приказалъ освободить ихъ отъ прислуживанія епископамъ въ церкви и отъ участія въ хорѣ придворной капеллы[3]). Такъ, 1 ноября 1783 г. были открыты генеральныя семинаріи.

1 дек. 1784 г. въ нихъ было 763 воспитанника, въ слѣдующемъ году число послѣднихъ увеличилось на 107, но въ 1786 г. уменьшилось на 150 человѣкъ[4]). 15 мая 1789 г. число воспитанниковъ во всѣхъ семинаріяхъ было 1082[5]).

Какъ во всякомъ новомъ и сложномъ дѣлѣ, такъ и въ генеральныхъ семинаріяхъ не обошлось безъ ошибокъ и промаховъ. Такъ, напр., были неудачно выбраны нѣкоторые профессора, какъ Кольбъ[6]), Данненмайеръ и Ваттеротъ[7]), введены были для чтенія и въ качествѣ учебниковъ протестантскія книги, напр., Spalding, «Die Stimmung des Menschen»; Pitrof, «Anleitung zur praktischen Gottesgelertheit» и церковная исторія протестанта Шрёкка[8]). Случались и безпорядки въ генеральныхъ семинаріяхъ—въ Ольмюцской[9]), Грацской[10]), Пражской[11]) и Вѣнской[12]), но въ общемъ эти семинаріи были поставлены гораздо лучше преж-

[1]) Wolf. G., L. c., 360—362. [2]) Hock. 500. [3]) Wolf. G. L. c., 362—363. [4]) Ibidem. 368—369. [5]) Ibidem. 379. [6]) Brunner. 372—373. [7]) Hock. 502—503, 505—506. [8]) Wendrinsky. 204. [9]) Wolf. G. L. c., 374. Hock. 501. [10]) Ibidem. 374—375. [11]) Ibidem. 375—376. [12]) Ibidem. 376—378.

нихъ. И если въ свое время много было и доносовъ на эти учрежденія и пасквилей, повторяемыхъ и до нашихъ дней учеными, подобными Бруннеру[1]) и Тейнеру[2]), то источникъ этого въ крайней ненависти къ этимъ правительственнымъ учрежденіямъ всѣхъ истыхъ клерикаловъ.

Епископы не могли никакъ помириться съ этими семинаріями, но открыто дѣйствовать противъ нихъ не рѣшались и вели не прямую борьбу. Имъ было предоставлено экзаменовать семинаристовъ, живущихъ въ священническихъ домахъ, и неспособнымъ отказывать въ посвященіи. Этимъ епископы и воспользовались, признавая семинаристовъ еретиками. Вслѣдствіе такихъ случаевъ было предписано производить испытанія письменно и пересылать письменные отвѣты правительству, а епископамъ и ихъ викаріямъ было предоставлено право присутствовать на семинарскихъ урокахъ для контроля преподаванія[3]).

Однако епископы не высказывали открыто своего недовольства генеральными семинаріями. Голоса противъ послѣднихъ поднялись, только когда поставили на очередь вопросъ о недостаткѣ въ священникахъ.

Еще Марія-Терезія (въ 1759 г.) обратила вниманіе на неравномѣрное распредѣленіе приходовъ и пыталась было принять мѣры къ урегулированію послѣднихъ, сообразно съ духовными нуждами паствы. Но протестъ духовенства заставилъ ее бросить это дѣло. Іосифъ энергично взялся за него и довелъ до конца. Раньше въ нѣкоторые приходы входило отъ 10—20 селеній на большомъ разстояніи одно отъ другаго[4]). При немъ ни одно селеніе не должно было отстоять отъ своей приходской церкви далѣе часа пути[5]). Поэтому было открыто много новыхъ приходовъ, построено много новыхъ церквей. Въ 18 венгерско-кроатскихъ епархіяхъ раньше приходилось въ общемъ по 1120 душъ на одного священника, а теперь только по 600[6]). Насколько сильно чувствовался раньше недостатокъ въ церквахъ, можно лучше всего судить по количеству вновь открытыхъ при Іосифѣ приходовъ. Такъ, въ Нижней Австріи было открыто 263 новыхъ прихода; въ Штиріи—156 новыхъ приходовъ и 145 мѣстныхъ капелланствъ; въ Бриксенской епархіи—74; въ Моравіи—180; въ Венгріи—1189[7]).

Съ открытіемъ новыхъ приходовъ явилась нужда въ большемъ количествѣ духовенства, а между тѣмъ въ послѣдніе годы царствованія Іосифа кандидатовъ богословія оказывалось все меньше и меньше, такъ что съ истощеніемъ запаса эксъ-монаховъ многимъ приходамъ грозила опасность остаться пустыми.

Въ качествѣ причинъ уменьшенія духовенства епископъ Керенсъ (1786 г.) указывалъ: убавленіе учащихся, униженіе духовенства и ухудшеніе его матеріальнаго положенія. Онъ предлагалъ отмѣнить плату за обученіе въ гимназіяхъ и учредить въ С.-Пёльтенѣ гимназію съ „философской школой“ (т. е. въ родѣ лицея). Учебная при-

[1]) 353—405. [2]) 7—9.
[3]) Wolf. G., L. c., 369—370. Hock. 501—502. [4]) Wolf. Ad., D. Aufhebung d. Klöster. 108. [5]) Распор. 24 окт. 1783 г. (Kropatschek. II, 387—392). [6]) Hock. 487.
[7]) Riehl—Reinöhl. 57.

дворная комиссія высказалась за переводъ Мелькерской гимназіи въ С.-Пёльтенъ, но противъ отмѣны платы за обученіе, потому что послѣдняя возвышаетъ качество учащихся, хотя и на счетъ количества. Для увеличенія духовенства она предлагала уничтоженіе целибата.—Духовная придворная комиссія вполнѣ раздѣляла эти взгляды.—Богем.-австр. придворная канцелярія рѣшительно высказалась за отмѣну платы за обученіе, потому что стипендіи не представляютъ собою достаточной поддержки, число учащихся, какъ извѣстно, съ введеніемъ этой платы уменьшилось на $^1/_4$. Что же касается целибата, то всѣ возраженія противъ него одна фраза и не согласны съ высочайше-выраженною мыслью при утвержденіи закона о бракѣ.—Императоръ, уже 11 дек. 1786 г. перемѣстившій Мелькерскую гимназію въ С.-Пёльтенъ и передавшій на обсужденіе вопросъ о платѣ за обученіе въ гимназіяхъ и объ облегченіи лицейскаго обученія, 1 янв. 1787 г. освободилъ отъ платы за обученіе поступающихъ на духовную службу и вообще хорошихъ учениковъ и прибавилъ: „въ крайнемъ случаѣ, принять другія мѣры для пополненія клира, но сюда, конечно, не входитъ уничтоженіе целибата“....

Какого сорта были эти „другія мѣры“, обнаружилось, когда въ срединѣ іюня 1787 г. богем.-австр. придворная канцелярія констатировала недостатокъ 192 кандидатовъ священства для Моравіи и Силезіи и представила докладъ духовной придворной комиссіи, по которому монастыри и епископы обязывались покрыть этотъ недостатокъ. Императоръ 1 авг. издалъ соотвѣтствующее распоряженіе[1]).

17 ноября 1787 г. Мигацци сдѣлалъ представленіе о недостаткѣ духовенства въ Нижней Австріи. Всего должно быть 738 чел., а налицо только 473, слѣд., недостаетъ 265, да изъ 473—112 не годятся для духовной паствы. Причину этого явленія онъ находилъ въ слѣдующемъ: обученіе затруднено, ежедневно представляются тысячи развлеченій, юноши подвергаются тысячамъ опасностей. Отсюда выходитъ распущенность нравовъ и юноша рѣдко возвращается съ этого пути. Чувствуется отсутствіе и добрыхъ примѣровъ. Въ школахъ нѣтъ благоговѣйныхъ и богобоязненныхъ собраній. Съ публичныхъ каѳедръ преподаются опасные принципы, особенно по всеобщей исторіи, осмѣиваются святѣйшіе обычаи. Исповѣдь, мессы, посты представляются горячечнымъ бредомъ, кающіеся, эремиты и т. п.—слабоумными мечтателями, предаются язвительной насмѣшкѣ, распущенности оказывается покровительство. Юношамъ даются въ руки сочиненія, крайне оскорбительныя для главы и пастырей церкви. Такого-же рода и критики проповѣдниковъ. Юношѣ 21 годъ и полученные принципы не даютъ развиться въ немъ желанію поступить въ монастырь. Даже если бы у него явилось такое мужество, возникалъ бы вопросъ посвящать-ли себя этому званію, такъ какъ онъ не зналъ, когда будетъ закрытъ монастырь, который онъ изберетъ себѣ[2]).

[1]) Hock. 488—490. [2]) Wolf. G., L. c., 370—371.

21 янв. 1788 г. императоръ, поставивъ существенною задачею духовной придворной комиссіи образованіе духовенства, сообразно съ его назначеніемъ, и достаточное обезпеченіе его, приказалъ съ будущаго учебнаго года привлекать къ духовному званію учащихся предоставленіемъ имъ стипендій, освобожденіемъ отъ платы за обученіе и облегченіемъ въ занятіяхъ[1]).

Богемско-австрійская придворная канцелярія продолжала констатировать прогрессирующій недостатокъ въ духовенствѣ. 20 іюля она докладывала, что въ Грацской семинаріи 191 воспитанникъ, а ежегодно требуется во внутренней Австріи отъ 81 до 90 новыхъ священниковъ. Теперь, вслѣдствіе закрытія монастырей, можно еще располагать 238 священниками, но года чрезъ $2^1/_2$ ихъ не будетъ и тогда и въ остальныхъ провинціяхъ будетъ тоже, что уже есть въ Штиріи. Императоръ отвѣтилъ на это ускореніемъ плана богословскихъ занятій, который онъ потребовалъ 21 января у трехъ приглашенныхъ для его выработки придворныхъ присутственныхъ мѣстъ.

Придворная канцелярія представила планъ (17 авг.) съ приложеніемъ статистическаго вычисленія относительно ожидаемаго въ слѣдующіе 5 лѣтъ движенія въ духовенствѣ. По нему, на вѣроятную убыль въ 1789—1793 гг. въ нѣмецко-австрійскихъ провинціяхъ 2505 священниковъ приходилось прироста 1099, такъ что получался дефицитъ въ 1406 человѣкъ[2]).

Не безынтересенъ протоколъ духовной придворной комиссіи (28 іюня 1788 г.) по поводу обсужденія представленныхъ мнѣній архіепископовъ и епископовъ о причинахъ оскудѣнія духовенства.

Епископы думали, что развлеченія большаго города мѣшаютъ юношамъ учиться, отсюда распущенность нравовъ. Учителя не заботятся о нравственномъ поведеніи учениковъ внѣ школы. Епископы предлагали сократить ученіе и изучающихъ богословіе раздѣлить на два класса: на способныхъ и менѣе способныхъ. Послѣдніе пусть меньшему учатся и готовятся только въ сельскіе священники. Духовная придворная комиссія въ печальномъ опытѣ прошлаго находила достаточно данныхъ противъ этого предложенія епископовъ. У полуобразованнаго сельскаго священника, ближе всего стоящаго къ народу, все служеніе сведется къ механическому совершенію таинствъ. Обычное слѣдствіе отъ необразованнаго духовенства—крайнее невѣжество народа какъ въ религіозныхъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ вопросахъ, безграничное суевѣріе и всѣ пороки, связанные съ невѣжествомъ, суевѣріемъ и грубостью.

Брюннскій епископъ причину недостатка въ духовенствѣ видѣлъ въ „просвѣщеніи“, побуждающемъ юношей избѣгать духовнаго званія, въ которомъ они не могутъ ждать ни достаточныхъ доходовъ, ни уваженія. „Просвѣщеніе“ должно бы было показывать только смѣшную сторону различныхъ религіозныхъ злоупотребленій, но при свободѣ

[1]) Hock. 490—491. [2]) Ibidem. 491.

печати осмѣяли самихъ народныхъ учителей и уронили ихъ высокое достоинство даже въ глазахъ низшаго класса. Монашество смѣшали со священствомъ и справедливо порицаемые пороки перваго приписали второму. Служеніе священниковъ связано также со множествомъ тягостей.

Эйбель и Маттъ къ этимъ тягостямъ относили и целибатъ, отмѣна котораго входила въ намѣренія императора Фердинанда I, германскихъ князей и епископовъ того времени, вмѣстѣ даже со многими отцами Тридентскаго собора. Если отмѣнить целибатъ, недостатка въ духовенствѣ не будетъ. Римъ, конечно, будетъ противодѣйствовать, но его разрѣшеніе, по общему государственному и каноническому праву, не необходимо. Большая часть публики съ нетерпѣніемъ ждетъ этой перемѣны и духовенство громко говоритъ объ ней.

Духовная придворная комиссія замѣчала на это, что если „просвѣщеніе“ отнимаетъ у юношей охоту къ духовному званію, то или послѣднее связано съ обязанностями, на которыя не можетъ согласиться здравый смыслъ, или свойство религіи таково, что хорошо образованный человѣкъ не можетъ взять на себя обученіе ей, не сдѣлавши себя отвѣтственнымъ предъ своимъ разумомъ. Религія въ своей первобытной чистотѣ и простотѣ вполнѣ согласна съ понятіями самаго просвѣщеннаго ума и съ принципами самой возвышенной философіи и въ этомъ превосходство христіанской религіи предъ всѣми остальными. Поэтому непонятно, какъ *истинное* просвѣщеніе можетъ быть вреднымъ для *истинной* религіи. Понимающіе религію въ ея чистотѣ радуются, когда видятъ, что существенное въ религіи отдѣляется отъ случайнаго и произвольнаго, божественное отъ человѣческихъ измышленій и прибавленій. Поэтому пусть епископы позаботятся о составленіи хорошаго катехизиса, въ которомъ ученіе вѣры было бы представлено въ ея чистотѣ и простотѣ. Несомнѣнно, целибатъ представляетъ затрудненіе для добродѣтельныхъ юношей, которые не обѣщаютъ легкомысленно сегодня того, чего не исполнятъ завтра.

Вѣнскій архіепископъ замѣчалъ, что у всякаго должна пропасть рѣшимость сдѣлаться духовнымъ, когда онъ видитъ, съ какимъ презрѣніемъ относятся къ духовному сану. Профессора публично позволяютъ себѣ самыя рѣзкія колкости противъ религіи, газеты унижаютъ клиръ.

Пергенъ и Маттъ утверждали, что оскорбительныя для духовенства сочиненія производятъ на народъ такъ же мало впечатлѣнія, какъ сочиненія противъ законовъ о вѣротерпимости. Непонятно, какъ критическія замѣчанія о религіозномъ состояніи могутъ влечь за собою униженіе духовнаго сана, такъ какъ, благодаря имъ, государство, даже сами консисторіи обращаютъ вниманіе на хорошихъ и дурныхъ пасторей и исправляютъ послѣднихъ.

Комиссія замѣчала, что цензура должна запрещать пасквили, потому что они, по самой своей природѣ, нисколько не исправляютъ, а

только раздражаютъ и вызываютъ упорство въ порокахъ, или безстыдство. Но съ пасквилями не должно смѣшивать разумныхъ критикъ, замѣчаній, подкрѣпляемыхъ доказательствами. Ни само по себѣ не понятно, ни подтверждается опытомъ, чтобы критиками, касающимися только религіозныхъ злоупотребленій, а не самой религіи и только неправильнаго отправленія духовныхъ обязанностей, а не самаго сана, было вызвано, или могло быть вызвано презрѣніе къ религіи, или духовному сану.

Причина, почему епископы такъ сильно настаиваютъ на запрещеніи всякой критики духовнаго, ясна. Хотятъ поступать произвольно и поэтому только съ крайнимъ неудовольствіемъ терпятъ jus summi principis circa sacra, на правительственныя распоряженія по духовнымъ вопросамъ смотрятъ, какъ на вторженіе въ область духовной власти, и или совсѣмъ не исполняютъ ихъ, или только отчасти, или не въ полномъ смыслѣ, поэтому свобода печати ненавистна, такъ какъ она благопріятствуетъ публичнымъ заявленіямъ о подобныхъ противозаконныхъ поступкахъ. Не хотятъ терпѣть никакого возраженія, а рѣшать все однимъ авторитетомъ, поэтому хотятъ затруднить мышленіе, изслѣдованіе и испытаніе и съ этой цѣлью даже чтеніе, словомъ, хотятъ пріобрѣсть льготную грамоту отъ всякаго порицанія. Чтобы заставить критику замолчать, епископы и священники пусть только поступаютъ сообразно съ своимъ долгомъ и точно исполняютъ существующія распоряженія. Если упало уваженіе къ духовному сословію, то послѣднее должно приписать это самому себѣ, особенно своему отношенію къ женскому полу, пьянству и мотовству.

Противъ генеральныхъ семинарій указывали на то, что онѣ не стоятъ подъ непосредственнымъ руководствомъ епископовъ и потому послѣдніе не могутъ дать кандидатамъ священства направленія, сообразно съ своими намѣреніями.

Наконецъ, комиссія предлагала совершеніе богослуженія на родномъ языкѣ[1]).

Придворная канцелярія указывала, какъ на причины оскудѣнія духовенства, на закрытіе многихъ провинціальныхъ гимназій и конвиктовъ, на преподаваніе философіи на нѣмецкомъ языкѣ и на крайнее распространеніе „просвѣщенія“.

Учебная придворная комиссія отрицала значеніе первой причины: при Іосифѣ закрыто всего двѣ гимназіи и то вслѣдствіе недостатка въ ученикахъ. Незначительное количество учащихся въ существующихъ показываетъ, какъ было бы безполезно учрежденіе новыхъ. Причинъ оскудѣнія духовенства нужно искать прежде школьныхъ распоряженій въ церковной реформѣ: въ принудительномъ пребываніи въ генеральныхъ семинаріяхъ, во вновь возложенныхъ на духовенство обязанностяхъ, въ ослабленіи авторитета духовенства уничтоженіемъ всякихъ „изъятій“ и fori privillegiati, въ закрытіи многихъ монастырей и орденовъ.

[1]) Wolf. G., L. c., 379—382 и Josefina. 46—51.

предназначенныхъ для духовной паствы, въ сокращеніи монаховъ въ оставшихся монастыряхъ, въ устраненіи ихъ и вообще духовенства отъ распоряженія своимъ имуществомъ, въ отобраніи государствомъ т. н. излишковъ ихъ доходовъ, въ утружденіи чернаго духовенства коммендъ-аббатами, въ скудномъ содержаніи новыхъ приходовъ и сверхкомплектномъ числѣ послѣднихъ, въ „вспомогательномъ сборѣ“, въ плохомъ обезпеченіи заштатнаго духовенства и въ униженіи духовнаго сословія въ общественномъ мнѣніи. Учебная комиссія предлагала: 1) сократить приходы; 2) снова предоставить духовенству forum nobilium; 3) отмѣнить плату за обученіе; 4) освободить готовящихся въ священники отъ изученія греческаго языка, прикладной математики, нумизматики и дипломатіи; 5) сократить на годъ богословское преподаваніе и 6) дать ручательство наличнымъ монастырямъ въ томъ, что они останутся.

Въ государственномъ совѣтѣ Эгеръ предлагалъ ограничить безплатное обученіе только бѣдными учениками, стипендіи въ 300 и больше флориновъ предлагалъ раздѣлить и распредѣленіе ихъ предоставить учебной комиссіи, ученіе въ генеральныхъ семинаріяхъ сократить до 3-хъ лѣтъ и закрыть всѣ духовныя экспозитуры. Но онъ отвергалъ привиллегированное судебное положеніе духовенства и всякое преобразованіе генеральныхъ семинарій, которыя называлъ „замѣчательнѣйшимъ памятникомъ императорскаго правленія“. Изденци расходился съ этимъ мнѣніемъ только по двумъ пунктамъ,—именно, настаивалъ на полной отмѣнѣ платы за обученіе и на привиллегированномъ судебномъ положеніи духовенства. Рейшахъ—по первому пункту и относительно стипендій примкнулъ къ Эгеру, а въ остальномъ поддерживалъ канцелярію. Гатцфельдъ доказывалъ необходимость отмѣны платы за обученіе, предлагалъ снова ввести конвикты подъ духовнымъ руководствомъ (для приготовленія въ нихъ юношей къ строгой дисциплинѣ, ожидающей ихъ въ генеральныхъ семинаріяхъ), четырехъ-лѣтнее изученіе богословія, лучшее обезпеченіе старыхъ священниковъ, строгую цензуру надъ сатирическими произведеніями, нападающими на церковные обряды и, наконецъ, отклоненіе всѣхъ проектовъ Эйбеля, только волнующихъ духовенство и поселяющихъ въ немъ недовольство. Закрытіе приходовъ, именно тамъ, гдѣ были между тѣмъ выстроены для этого особыя зданія, казалось ему такъ-же невозможнымъ, какъ предоставленіе духовенству снова fori nobilium. Кауницъ въ общемъ одобрилъ проектъ учебной комиссіи, особенно онъ былъ за отмѣну платы за обученіе, но объ облегченіи или сокращеніи ученія не хотѣлъ и слышать, какъ и о предложеніи Эгера дѣлить стипендіи.

Императоръ остался видимо не доволенъ этими проектами, 24 сентября 1788 г. онъ написалъ на этомъ докладѣ: „Всѣ эти проекты я принимаю только къ свѣдѣнію и не желаю, чтобы отступали отъ данныхъ мною по всѣмъ пунктамъ, по зрѣломъ размышленіи, предписаній и принятыхъ мѣръ“[1]).

[1]) Hock. 492—494.

Смерть императора была смертью и генеральныхъ семинарій. Едва онъ смежилъ глаза, какъ всѣ австрійскіе архіепископы и епископы обратились къ Леопольду II съ жалобами на введеную покойнымъ государемъ систему и всѣ единогласно высказались противъ генеральныхъ семинарій. Леопольдъ (20 мая 1790 г.) рѣшилъ закрыть генеральныя семинаріи по окончаніи текущаго учебнаго года и предоставилъ епископамъ по старому строить свои[1]).

Такъ пало излюбленное учрежденіе Іосифа II.

Въ видахъ большаго развитія духовенства, Іосифъ разрѣшилъ ему читать всѣ дозволенныя обычной цензурой книги (4 мая 1781 г.)[2]) и отмѣнилъ (20 октября 1781 г.) изданные епископами для духовенства „Indices librorum prohibitorum“[3]).

Въ этихъ же видахъ, не ограничиваясь запрещеніемъ посвящать въ священники лицъ безъ богословскаго образованія[4]), онъ установилъ конкурсныя испытанія на полученіе священническихъ мѣстъ[5]).

Заботясь объ образованіи духовенства, Іосифъ принималъ мѣры и къ обезпеченію его. Такъ, во вновь открытыхъ приходахъ священникамъ было положено жалованье изъ религіознаго фонда въ 400 фл. въ годъ, капелланамъ—въ 300 и 200[6]). Заштатное духовенство, неспособное къ службѣ, помѣщалось въ монастыри и тамъ содержалось на счетъ того же фонда[7]). Для болѣе равномѣрнаго распредѣленія доходовъ, императоръ запретилъ скопленіе въ однихъ рукахъ по нѣскольку бенефицій[8]). Запретивъ отсылать деньги заграницу за мессы и другія службы[9]), а также уничтоживъ крестцовое духовенство, жившее одною службою мессъ[10]), Іосифъ велѣлъ распредѣлить заказныя мессы и другія службы между наличнымъ духовенствомъ, такъ чтобы оно могло исполнять принятыя на себя обязательства[11]). Вмѣстѣ съ этимъ болѣе бѣдные приходы обезпечились на счетъ болѣе богатыхъ[12]).

Іосифъ обратилъ вниманіе и на поборы съ духовенства при архіепископскихъ и епископскихъ ревизіяхъ и при поставленіи священниковъ деканами[13]).

Императоръ входилъ даже въ опредѣленіе сборовъ приходовъ въ

---

[1]) Wolf. G., L. c., 383—384. [2]) Wendrinsky. 127. [3]) Ibidem. 131. [4]) Распор. 15 марта 1784 г. (Kropatschek. VI, 448—449), 9 мая 1785 г. (Ibidem. VIII, 631) ср. распор. 6 апр. 1782 г. (Ibidem. II, 12—13), 10 авг. того же года (Ibidem. 13) и 24 окт. 1783 г. (Ibidem. II, 387—392). [5]) Распор. 29 янв. 1782 г. (Ibidem. II, 48), 19 апр. 1782 г. (Ibidem. II, 48), 9 дек. 1782 и 25 февр. 1783 г. (Ibidem. II, 49), 25 апр. 1782 г. (Ibidem. II, 49), 26 авг. 1782 г. (Ibidem. II, 49), 11 марта 1783 г. (Ibidem. II, 50), 18 іюля 1783 г. (Ibidem. II, 50), 9 февраля, 8 іюня, 19 мая, 19 іюня, 19 окт., 1 іюня 1784 г. (Ibidem. VI, 460—476), 4 янв., 14 апр., 1 авг., 24 дек., 27 янв., 28 іюня 1785 г. (Ibidem. VIII, 564—571), 30 мая, 16 іюня 1785 г. (Ibidem. X, 665—666), 16 апр. 1786 г. (Ibidem. X, 663—664), 13 дек. 1786 г. (Ibidem. X, 666—667), 20 ноября 1786 г. (Ibidem. X, 668—669), 28 янв., 6 іюня, 10 окт., 20 нояб. 1787 г. (Ibidem. XIII, 561—563); 31 янв., 2 апр. 1788 г. (Ibidem. XV, 891—892) и 7 апр. 1789 (Ibidem. XVII, 651). [6]) Распор. 18 іюня 1785 г. (Kropatschek. VIII, 632). [7]) Распор. 16 апр. 1784 г. (Ibidem. VIII, 613—614), 17 февр. 1785 г. (Ibidem. VIII, 614—615). [8]) Распор. 13 іюля 1785 г. (Riehl—Reinöhl, 62—63). [9]) Распор. 3 марта 1781 г. (Kropatschek. II, 198) 9 февр. 1784 г. (Ibidem. VI, 482). [10]) Распор. 30 авг. 1784 г. (Ibidem. VI, 483—484). [11]) Распор 24 окт. 1783 г. (Ibidem. II, 198—199 и 387—392). [12]) См. выше. 131. [13]) Распор. 16 ноября 1784 г. (Riehl—Reinöhl. 75) и 12 сент. 1787 г. (Wolf. G., Josefina. 25—26, прим.) ср. расп. 29 марта 1785 г. (Kropatschek. VIII, 629).

пользу духовенства[1]) и епитрахильныхъ доходовъ его[2]), запретивъ брать за крещеніе[3]) и погребеніе бѣдныхъ[4]).

6) Церковно-богослужебныя измѣненія.

Іосифъ не оставилъ безъ вниманія даже церковнаго благочинія, издавъ цѣлый рядъ распоряженій церковно-богослужебнаго характера. Правительство, по выраженію Ад. Вольфа, взяло на себя роль „церковной полиціи“[5]).—Если раньше церковь позволяла себѣ дѣлать вторженіе въ сферу свѣтской власти,—говорятъ Риль и Рейнёль,—то теперь пошло тоже самое, только въ противоположномъ направленіи: въ чисто церковныхъ вопросахъ духовенство получало приказы прямо отъ императора[6]).

Такъ, 25 февраля 1783 г. былъ изданъ новый богослужебный порядокъ для Вѣны, который вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ служить образцомъ и для всего государства. Въ немъ опредѣлялись—время совершенія мессъ, произнесенія проповѣдей, употребленіе инструментальной музыки за богослуженіемъ, молебны со входящими въ ихъ составъ молитвами и различные богослужебные обряды[7]).

Распоряженіемъ 4 февраля 1783 г. регулировалась церковная проповѣдь: 1) каждый проповѣдникъ долженъ держаться въ своихъ проповѣдяхъ ученія евангелія, не употреблять никакихъ двусмысленныхъ выраженій, или неприличныхъ намековъ и не входить въ постороннія матеріи, ненужныя для главнаго дѣла. 2) Ничего не должно говорить противъ покровительствуемыхъ сочиненій, отъ времени до времени появляющихся въ императорско-королевскихъ коронныхъ земляхъ съ цензурнаго одобренія. 3) Тѣмъ болѣе не должно, подъ опасеніемъ тяжелаго наказанія, позволять себѣ какіе-нибудь, хотя-бы и скрытые, уколы правительственныхъ распоряженій. 4) Хотя въ нужныхъ случаяхъ и доказывать евангельскія истины, но не вдаваться въ лишніе и часто вредные споры и возраженія. 5) Въ теченіе года, начиная съ филипповскаго поста, въ надлежащемъ порядкѣ слѣдуетъ излагать все практическое ученіе христіанства, съ примѣненіемъ, по возможности, къ повседневной жизни. 6) Проповѣди должны направляться не только къ просвѣщенію ума, но и особенно къ насажденію и укрѣпленію добродѣтели и къ исправленію сердечныхъ стремленій. 7) Въ проповѣдяхъ особенно по селамъ должно принимать скорѣе тонъ задушевной бесѣды, чѣмъ ораторскій. 8) Всѣ свои проповѣди проповѣдники должны излагать письменно съ отмѣткою дня, когда, и мѣста, гдѣ они были произнесены, или въ случаѣ заимствованія ихъ изъ какой-нибудь книги, отмѣчать послѣднюю на особой бумагѣ до произнесенія проповѣ-

[1]) Распор. 22 дек. 1787 г. (Kropatschek. XV, 906—907). [2]) Распор. 15 февр. 1788 г. (Ibidem. XV, 942) и 5 ноября 1788 г. (Ibidem. XV, 942—943). [3]) Распор. 24 окт. 1783 г. (Ibidem. II, 355) и 8 ноября 1783 г. (Ibidem. VI, 557). [4]) Распор. 26 января и 24 авг. 1784 г. (Meynert. 31—32).

[5]) D. Aufhebung d. Klöster. 107. [6]) L. c., 71. [7]) Kropatschek. II, 394—401. Hock. 510—512, 513—514 Wolf., P. Ph., III, 136—140.

ди и все это хранить для своевременнаго представленія. 9) Начальники орденовъ не должны, безъ необходимости, мѣнять проповѣдниковъ до истеченія проповѣдническаго года, начинающагося съ филипповскаго поста[1]).

21 февр. 1786 г. было предписано совершать на родномъ языкѣ всѣ службы и требы[2]).

Императоръ старался упростить самую внутренность храмовъ, очистить ее отъ излишнихъ и соблазнительныхъ украшеній. 7 янв. 1785 г. онъ распорядился удалить изъ церквей лишніе алтари и ненужныя украшенія и, такъ какъ это распоряженіе не вездѣ было приведено въ исполненіе, то возобновилъ его 17 авг. слѣдующаго года. „Такъ какъ оказывается,—говорилось здѣсь,—что почти всюду существуютъ лишніе алтари не только при боковыхъ стѣнахъ, но и при церковныхъ колоннахъ и такъ же, какъ прежде, украшены, что почти всѣ боковыя стѣны увѣшаны граматами на отпущеніе грѣховъ, картинами, статуями и другими изображеніями, что и въ боковыхъ алтаряхъ находятся возженные свѣтильники, чѣмъ церковь только безобразится и что, слѣдовательно, существующее распоряженіе почти нигдѣ не исполняется, то теперь въ приходскихъ и столичныхъ церквахъ дозволяются для совершенія мессы только 3 алтаря, а именно главный съ 2 боковыми и всѣ по боковымъ стѣнамъ или гдѣ бы то ни было помѣщенныя, часто очень рѣзко бросающіяся въ глаза статуи и картины запрещаются и дозволяется одинъ только неугасимый свѣтъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ хранятся св. дары, поэтому дается слѣдующее распоряженіе: 1) если въ столичныхъ, городскихъ и другихъ приходскихъ церквахъ найдется много алтарей, оставить только 3, именно главный съ двумя боковыми, которые окажутся самыми удобными для сообразнаго съ предписаніемъ употребленія и, слѣдовательно, будутъ снабжены соотвѣтствующими украшеніями и необходимыми принадлежностями. 2) Остальные алтари боковыхъ стѣнъ временно могутъ еще оставаться, однако всѣ украшенія, свѣтильники, таблицы церковнаго устава и все остальное, употребляемое при совершеніи мессъ, должно быть убрано. 3) Напротивъ, встрѣчающіеся по мѣстамъ въ церквахъ при колоннахъ алтари немедленно должны быть сломаны, такъ какъ они и безъ того болѣе не могутъ быть употребляемы для совершенія мессъ, только затемняютъ церкви и препятствуютъ видѣть тѣ алтари, гдѣ дѣйствительно можно совершать мессу. 4) Всѣ остальныя статуи, граматы, картины, если онѣ рѣзко бросаются въ глаза или окажутся несогласными съ высочайшимъ предписаніемъ, гдѣ бы ни находились, должны быть убраны, и 5) неугасимый свѣтъ можно оставить только въ тѣхъ церквахъ и на главномъ алтарѣ, гдѣ находятся св. дары, а всѣ остальные свѣтильники должно удалить“[3]).

[1]) Kropatschek. II. 51—52 ср. распор. 2 янв. 1782 г. (Ibidem. II, 51) и 17 ноября 1783 г. (Ibidem. II. 53). [2]) Ibidem. X, 875.
[3]) Wolf. P. Ph. III, 141—143.

Въ слѣдующемъ году (7 авг.) были уничтожены, такъ называемые, привиллегированные алтари. „Такъ какъ,—говорилось въ этомъ распоряженіи,—пожалованіе папскихъ привиллегій на алтари даетъ поводъ къ ошибочнымъ взглядамъ, а особенно поддерживаетъ ложное мнѣніе будто бы возможно отпущеніе грѣховъ для душъ, находящихся въ чистилищномъ огнѣ, то епископы не только не должны болѣе выхлопатывать въ Римѣ новыхъ привиллегій на алтари, но и всѣ грамоты, прикрѣпленныя къ такъ называемымъ привиллегированнымъ алтарямъ съ надписью „altare privillegiatum," при ревизіи епархій должны уничтожать, одновременно поучая объ этомъ клиръ и народъ, и на будущее время совсѣмъ опускать въ епархіальныхъ инструкціяхъ относящіяся сюда рубрики[1]).

Было предписано очистить церковныя статуи и образа отъ безвкусныхъ и ненужныхъ украшеній. Статуи и образа должно дѣлать изъ одного матеріала; поэтому одежда ихъ могла состоять только изъ камней, дерева, золота или серебра. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано убрать съ церковныхъ стѣнъ грамоты съ именами жертвователей и записывать имена послѣднихъ на грамотахъ, повѣшенныхъ на церковныхъ дверяхъ[2]).

Запрещено было освѣщеніе и цѣлованіе мощей (28 апрѣля 1784 года): отнынѣ прекращается,—говорилъ этотъ декретъ,—освѣщеніе и цѣлованіе мощей, такъ какъ первое отвлекаетъ слишкомъ привыкшій къ внѣшнему народъ отъ лежащаго на немъ долга поклоненія Богу и приводитъ къ почитанію тварей, а второе не соотвѣтствуетъ понятію истиннаго почитанія. Также прекращается приводящее часто къ суевѣрію прикосновеніе къ мощамъ образовъ, чотокъ, пфенниговъ, свѣчей и т. п. Потомъ запрещается всѣмъ мужскимъ и женскимъ монастырямъ и самому бѣлому духовенству приготовленіе или раздача амулетовъ, нарамниковъ и поясовъ, а также никому не дозволяется торговать освященными или выдаваемыми за освященныя свѣчами, чотками и т. п. вещами[3]). 27 дек. 1787 г. консисторіямъ было предписано освидѣтельствовать мощи по монастырямъ и капитуламъ и тѣ, которыя окажутся настоящими, отобрать, но не раздавать, а складывать и хранить въ особомъ, отдѣльномъ отъ церкви помѣщеніи, тѣ же, напротивъ, которыя будутъ признаны поддѣльными, мѣстной администраціи, при участіи командированныхъ епископамъ лицъ, немедленно уничтожить[4]).

Съ кошелькомъ было разрѣшено ходить только предъ проповѣдью, сборъ пожертвованій производить только по воскресеньямъ и, чтобы не мѣшать молитвенному настроенію, всегда предъ литургіей; пожертвованія

---

[1]) Kropatschek. XII, 654. [2]) 10 мая 1784 г. (Wolf, P. Ph. III, 143—144) ср. распор. 9 февр. 1784 г. (Kropatschek. VI, 596—597), 30 мая 1784 г. (Ibidem. VI, 598), 24 іюня 1785 г. (Ibidem. VII, 701—702), 5 іюля 1785 г. (Ibidem. VII, 701) 1 сент. 1787 г. (Ibidem. XII, 667).

[3]) Kropatschek. VI, 602—603 ср. распор. 19 мая того же года (Ibidem. VI, 603—604) и 19 февр. 1789 г. (Ibidem. XVII, 777—779) ср. Hock. 514—515. [4]) Wolf, P. Ph. III, 149.

должны дѣлаться только деньгами, а не натурой, сборъ пожертвованій при крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ и т. п. былъ запрещенъ; въ каждой церкви было оставлено только по одной кружкѣ на бѣдныхъ[1]).

Въ церквахъ и при входахъ въ нихъ была запрещена продажа восковыхъ свѣчъ и фигуръ[2]).

Еще Марія-Терезія сознавала излишекъ праздниковъ въ католической церкви и много и не безъ успѣха хлопотала надъ ихъ сокращеніемъ[3]). Іосифъ всѣ церковные праздники, раньше приходившіеся на различные дни, перенесъ на одинъ—на третье воскресенье мѣсяца октября [23 окт. 1783 г.][4]). Епископамъ было поручено издать духовенству строжайшее распоряженіе (1 янв. 1782 г.), чтобы оно внушало народу и съ церковныхъ каѳедръ и при каждомъ удобномъ случаѣ, что гораздо болѣе заслуги предъ Богомъ усердно работать въ отмѣненный самою церковью праздничный день, чѣмъ предаваться праздности подъ предлогомъ празднованія. Для бо́льшаго вліянія на народъ, духовенство само должно подавать добрый примѣръ, заставляя свою прислугу работать по этимъ днямъ[5]).

14 мая 1784 г. была запрещена излишняя роскошь въ украшеніи и освѣщеніи святыхъ какъ по церквамъ и капелламъ, такъ и по частнымъ домамъ, по мостамъ и т. п.[6]).

Сначала были запрещены при церковныхъ процессіяхъ хоругви, музыка[7]), ношеніе статуй[8]), потомъ были отмѣнены всѣ процессіи, кромѣ процессіи тѣла Господня и общихъ крестныхъ ходовъ, а пожертвованные на нихъ капиталы были обращены на воспитаніе юношества[9]).

Запрещены были и всѣ паломничества, безъ сопровожденія священника, особенно съ преднесеніемъ креста или хоругви, съ пѣніемъ[10]).

Наконецъ, Іосифъ обратилъ вниманіе на погребеніе умершихъ, запретивъ (21 марта 1782 г.) хоронить въ городской чертѣ и предписавъ, для скорѣйшаго гніенія, обсыпать трупы въ гробахъ известью. Несмотря на дурное впечатлѣніе отъ этого распоряженія, императоръ не только настаивалъ на его исполненіи, но пошелъ и дальше. Такъ, въ августѣ 1784 г. онъ предписалъ хоронить усопшихъ безъ гробовъ, а зашитыми въ мѣшки, по церквамъ же завести общіе гроба различной величины и давать ихъ въ безплатное употребленіе. Впрочемъ, желающимъ было предоставлено дѣлать и свои гроба, но потомъ оставлять ихъ на кладбищѣ, а не зарывать въ землю, однако императоръ отмѣнилъ это распоряженіе, когда въ Богеміи вышли изъ-за него серьезные безпорядки, причемъ часть населенія готова была даже выселиться[11]).

---

[1]) Распор. 24 іюня 1785 г. Riehl—Reinöhl, 76—77). [2]) Распор. 14 сент. 1781 г. (Kropatschek. II, 357) и 30 мая 1788 г. (Ibidem. XV, 954). [3]) См. выше. 81 [4]) Riehl—Reinöhl. 71. [5]) Ibidem. 73—74. [6]) Kropatschek. II, 188. [7]) 16 мая 1781 г. (Ibidem. II, 408—409). [8]) 28 авг. 1783 г. (Ibidem. II, 410). [9]) 6 іюля 1785 г. (Ibidem. VIII, 698) ср. 30 августа 1783 г. (Ibidem. II, 410), 7 окт., 27 нояб. 1782 г. (Ibidem. II, 408), 3 окт. 1785 г. (Ibidem. X, 862—863). 18 іюля 1786 г. (Ibidem. X, 863), 20 ноября 1786 г. (X, 864—865). [10]) Расп. 21 мар. 1784 г. (Ibidem. VI, 598—599) ср. расп. 19 апр. 1787 г. (Ibidem. XIII, 663—664) и 27 сент. того же года (Ibidem. XIII, 664—666).

[11]) Meynert. 194—196. Hock. 515—516.

Эти распоряженія церковно-богослужебнаго характера больше всего вызвали недовольство народной массы. По мѣстамъ приведеніе ихъ въ исполненіе сопровождалось народными безпорядками, значительная часть ихъ осталась невыполненною не только вдали отъ глазъ правительства, но даже и въ самой Вѣнѣ[1]).

e) Вѣротерпимость.

Со смертью Маріи-Терезіи, отличавшейся крайней нетерпимостью, и съ вступленіемъ на престолъ въ качествѣ самостоятельнаго государя Іосифа II у австрійскихъ иновѣрцевъ явилась надежда на облегченіе своего положенія. И они не обманулись: при Іосифѣ въ Австріи впервые было признано право на существованіе за главнѣйшими вѣроисповѣданіями. Правда, право жизни было даровано не всѣмъ иновѣрцамъ и не безъ ограниченій, но нужно вспомнить, что до Іосифа эти же самые иновѣрцы были безправными и беззащитными[2]).

Но извѣстный патентъ о вѣротерпимости явился не сразу, а былъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ предварительныхъ распоряженій.

Началомъ законодательства Іосифа II о вѣротерпимости было уничтоженіе религіозныхъ комиссій [распор. 31 дек. 1780 и 20 марта 1781 гг.][3]). Скоро вслѣдъ за этимъ (12 мая 1781 г.) были повсемѣстно отмѣнены осмотръ книгъ, насильственное отобраніе подозрительныхъ и замѣна еретическихъ книгъ неподозрительными. Начальству было разъяснено, что не всякая протестантская книга должна считаться еретической и не за всякую должно подвергать наказанію, рѣшать это—скорѣе дѣло обыкновенной цензуры[4]).

Вторымъ актомъ законодательства Іосифа II о вѣротерпимости была отмѣна религіознаго патента 27 авг. 1778 г. вмѣстѣ съ предшествующими 1752 и 1758 гг. Въ силу этого патента, „никто безъ священническаго свидѣтельства о принадлежности къ католическому вѣроисповѣданію, подъ угрозой денежныхъ взысканій и тѣлесныхъ наказаній, не могъ сдѣлаться подданнымъ, пріобрѣсти домъ или поступить на какую-бы то ни было службу; не позволялось имѣть лютеранской книги, подъ страхомъ наказанія трехдневнымъ арестомъ или публичной работой въ кандалахъ, а, въ случаѣ поимки съ поличнымъ въ третій разъ, трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ исправительномъ домѣ; хозяева домовъ за тайныя собранія или за допущеніе подозрительныхъ ученій и моленій подвергались годичному заключенію въ смирительномъ домѣ, а участники—недѣльной работѣ въ кандалахъ; наконецъ, духовенство должно разрѣшать бракъ только католикамъ“. Еретики, упорствующіе въ своихъ заблужденіяхъ, высылались въ Трансильванію, или въ отдаленныя венгерскія казенныя помѣстья.—Эти насильственныя переселенія впервые были уничтожены придв. декретомъ 31 марта 1781 г., узаконившимъ, чтобы впредь ни одинъ подданный не былъ выселяемъ за ересь. Уничтоженіе религіознаго патен-

[1]) Wolf, P. Ph. III, 534—540, 133—136. [2]) Выше. 58—59 [3]) Frank. 10—12. Heck. 325. Meynert. 32, 36—37. [4]) Frank. 12. Meynert. 37.

та связано съ частнымъ дѣломъ Андрея Вальдгубера. Придворная канцелярія, признавъ (1 іюня 1781 г.) распоряженія по его дѣлу правильными, согласными съ существовавшими въ свое время законами, замѣтила, что, въ виду запрещенія на будущее время выселенія открытыхъ не-католиковъ, нельзя болѣе никого преслѣдовать по одному подозрѣнію въ еретическомъ ученіи. Но ни одинъ новый подданый, безъ свидѣтельства отъ священника о принадлежности его и жены къ католической церкви, не можетъ быть допущенъ до пріобрѣтенія дома или другой недвижимой собственности. Еретикъ же, владѣющій уже собственностью, если не поступаетъ противъ гражданскихъ законовъ, не долженъ быть лишаемъ ея. Коснѣющіе въ заблужденіи, несмотря на всѣ старанія духовниковъ, могутъ имѣть нужные имъ молитвенники или книги церковныхъ пѣсней. Можно смотрѣть сквозь пальцы, если отецъ дома вмѣстѣ съ своими совершаетъ частное богослуженіе (exercitium religionis privatissimum), но къ открытому и прямому провозглашенію вѣротерпимости въ дальнѣйшемъ нѣтъ настоятельной причины.

Въ государственномъ совѣтѣ Кауницъ, Геблеръ и отчасти Лёръ нашли этотъ votum придворной канцеляріи слишкомъ малодушнымъ Императоръ въ Гентѣ [16 іюня 1781 г.[1])] proprio motu, приказавъ оставить въ странѣ Вальдгубера, написалъ: „Религіозный патентъ, какъ совершенно справедливо нашла канцелярія, не можетъ болѣе существовать и, такъ какъ всѣ видоизмѣненія этого сколько безсмысленнаго, столько же и вреднаго для религіи и государства постановленія никогда не могутъ дать дѣлу истиннаго рѣшенія, то канцелярія должна немедленно сдѣлать распоряженіе, что весь религіозный патентъ отмѣняется, всѣ его мѣры запрещаются и, короче, между католиками и протестантами подданными не признается болѣе никакого различія, кромѣ того, что послѣдніе не могутъ имѣть публичнаго богослуженія. Заарестовывать и наказывать только странствующихъ соблазнителей и подстрекателей, по общимъ гражданскимъ законамъ. Чрезъ уѣздные суды сообщить объ этомъ всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ".

Богемско-австрійская придворная канцелярія циркуляромъ отъ 30 іюня 1781 г. сообщила это рѣшеніе императора венгерской и трансильванской придворной канцеляріи, гофкригсрату и всѣмъ правительственнымъ и административнымъ учрежденіямъ, послѣднимъ съ приказаніемъ сообщить объ немъ писанными циркулярами чрезъ уѣздные суды духовнымъ и свѣтскимъ властямъ[2]).

Чтобы свѣтская власть не особенно усердствовала и не дѣлала неправильныхъ толкованій, императоръ (25 іюля 1781 г.) въ качествѣ лучшаго средства къ сохраненію мира и спокойствія рекомендовалъ, чтобы, съ одной стороны, духовенство не вмѣшивалось ни въ какіе споры и диспуты, а, съ другой—чиновники приходящимъ къ нимъ съ религіозными тяжбами разъясняли, что они—чиновники служатъ не

[1]) А не 28, какъ говоритъ Мейнертъ (37). [2]) Frank. 12—16. Hock. 338. Meynert. 37—38. Kropatschek. II, 181, 421.

для религіознаго наставленія, а для охраненія государственныхъ законовъ[1]). Въ дополненіе къ этому, 28 авг. того же года императоръ распорядился, чтобы обращеніе еретиковъ-подданныхъ къ познанію истинной вѣры, пока они живутъ спокойно и мирно, было предоставлено исключительно безконечному божественному милосердію и ревностному скромному содѣйствію духовенства путемъ убѣжденій и собственной назидательной жизни. Но если они начнутъ совращать другихъ отъ вѣры, то съ ними поступать по высочайшему указу отъ 30 іюня, причемъ наказаніе, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть тяжелѣе и слабѣе[2]).

Такъ былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ.

10 авг. 1781 г. придворная канцелярія, по запросу нижне-австрійскаго правленія, подала въ государственный совѣтъ обширное представленіе за ограниченіе высочайшаго распоряженія 16 іюня 1781 г. „Послѣдняя высочайшая резолюція,—писала она,—должна быть понимаема единственно и исключительно въ томъ смыслѣ, что принадлежащіе къ не-католическому вѣроисповѣданію во всемъ должны быть равны съ католиками, т. е., не должно стѣснять ихъ совѣсть, или оказывать другое внѣшнее давленіе на нихъ, но вслѣдствіе этого они не должны требовать себѣ никакихъ другихъ правъ, доселѣ непринадлежавшихъ подданнымъ не-католикамъ. Само собою разумѣется, данныя уже отдѣльнымъ не-католикамъ торговыя и другія вольности остаются въ своей силѣ и дальнѣйшіе casus dispensationis particularis не исключаются". Названная канцелярія предлагала всѣми мѣрами противодѣйствовать распространенію протестантизма, не допускать протестантовъ до пріобрѣтенія недвижимой собственности и занятія ремеслами, а въ университетахъ принимать въ крайнемъ случаѣ только на медицинскій и философскій факультеты. Если сравнять не-католиковъ съ католиками въ гражданскихъ правахъ и позволить имъ хотя бы только самыхъ необходимыхъ пасторовъ, или домашнихъ капелановъ, то, навѣрно, въ одинъ годъ Богемія, Моравія, Силезія, Штирія, Каринтія и Австрія выше и ниже Энса насчитаютъ у себя отъ 60 до 70/т. не-католиковъ, побуждаемыхъ къ этому, какъ показываетъ многоразличный опытъ, частью фанатическимъ стремленіемъ къ новому, частью желаніемъ облегчить религіозныя обязанности. Наконецъ, указывалось на политическую опасность отъ принятія въ государство новаго вѣроисповѣданія, такъ какъ оно, какъ показываетъ исторія, всегда отличалось такимъ характеромъ, что тамъ, гдѣ шла рѣчь объ его распространеніи, не признавало вѣрности ни государю, ни государству, ни отечеству.—Эти взгляды канцеляріи были одобрены въ государственномъ совѣтѣ Лёромъ и Гатцфельдомъ, послѣдній доказывалъ, что уничтоженіе единства вѣры вызоветъ между подданными ненависть. Но Геблеръ съ Кауницемъ были противъ. Первый видѣлъ въ этомъ предложеніи отступленіе отъ высказанныхъ уже принциповъ вѣротерпи-

[1]) Frank. 16—17. Meynert. 38. [2]) Frank. 17—18. Kropatschek. II, 421—422.

мости и въ послѣдней усматривалъ вѣрное средство сдѣлать не-католиковъ хорошими подданными и привлечь въ страну хорошія рабочія силы. Кауницъ прямо заявилъ, что разумная, политическая система вѣротерпимости не только запрещаетъ преслѣдованіе иновѣрцевъ, а и требуетъ полной равноправности ихъ съ тѣми, которые раньше пользовались привиллегіями. На возраженіе—„протестанты будутъ за одно съ врагами“—Геблеръ отвѣтилъ: „да, когда ихъ преслѣдуютъ, наказываютъ тюрьмой, батогами и, въ лучшемъ случаѣ, выселеніемъ въ Венгрію. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что ничто не оскорбляетъ человѣка сильнѣе религіознаго давленія. Напротивъ, протестанты, похристіански терпимые, пользующіеся всѣми правами своихъ согражданъ, кромѣ публичнаго богослуженія, были бы варварами, если бы, такъ сказать, не обожали своего освободителя и охранителя и не старались превзойти усердіемъ своихъ католическихъ согражданъ“[1]).

Во время занятія государственнаго совѣта этимъ докладомъ придворной канцеляріи, по приказу императора (3 сент. 1781 г.), былъ внесенъ на его разсмотрѣніе анонимный докладъ подъ заглавіемъ—«Betrachtungen über Religionsdifferenzen». Въ немъ сначала указывалось на неудобства для государства отъ различія вѣроисповѣданій. При изысканіи прочной системы для устраненія этого неудобства указывалось на военныхъ, гдѣ съ высшихъ ступеней до низшихъ не обращается вниманія на различіе въ религіи. Каждый разсматривается по поведенію, способностямъ, прилежанію и ревности къ службѣ, но можетъ вѣровать въ то, что считаетъ лучшимъ, и молиться, если это не мѣшаетъ его служебнымъ занятіямъ. Тамъ запрещено говорить по религіознымъ вопросамъ и pro и contra и совращать другихъ Однако, бываютъ и обращенія и очень частыя и нелицемѣрныя. Нельзя-ли примѣнить это и ко всѣмъ подданнымъ? Тогда въ короткое время не будетъ болѣе ни гонителей, ни спорщиковъ-проповѣдниковъ, ни фанатичныхъ приверженцевъ ложнаго ученія. Для этого нужны слѣдующія мѣры: повсемѣстно предоставить протестантамъ вмѣстѣ съ существующими уже схизматиками частное богослуженіе, оставивъ за господствующимъ вѣроисповѣданіемъ публичное, т. е., дозволить все, кромѣ звона, колоколенъ и хода съ улицы; отмѣнить идущіе въ разрѣзъ съ этимъ государственные и цеховые законы; предоставить клятву каждому по своему и при избраніи на должность, какъ у военныхъ, смотрѣть только на честность, способность и нравственное поведеніе кандидата; тогда, можно надѣяться, исчезнутъ всѣ несогласія и споры и государство обогатится полезными гражданами. Если кто будетъ тайно или явно противодѣйствовать этому порядку, послѣ серьезныхъ увѣщаній, подвергать наказанію. Польза отъ этого обнаружится очень скоро“.

Лёръ въ своемъ отзывѣ совѣтовалъ осторожность, постепенность; Геблеръ видѣлъ въ предложеніи анонима единственное средство къ

[1]) Frank. 18—21. Hock. 337—338.

тому, чтобы подданные жили по братски. Кауницъ вполнѣ согласился съ анонимомъ. 13 сент. 1781 г. вышло важное высочайшее рѣшеніе въ духѣ, отчасти же и въ выраженіяхъ анонима, содержавшее уже въ себѣ основныя черты извѣстнаго патента о вѣротерпимости. „Канцелярія,—говорилось въ немъ,—поняла мое распоряженіе въ слишкомъ узкомъ смыслѣ, при которомъ не могло бы произойти истиннаго блага. Совсѣмъ не соотвѣтствовало бы вводимой разумной системѣ вѣротерпимости, если бы послѣдователи некатолическихъ вѣроисповѣданій получили право на privat-exercitium своей вѣры, но продолжали бы оставаться при всѣхъ существовавшихъ ранѣе ограниченіяхъ некатоликовъ въ остальныхъ правахъ. Моя воля, которую симъ объявляю канцеляріи къ точнѣйшему исполненію, направляется вотъ къ чему: дозволить некатоликамъ подданнымъ, повсюду, гдѣ ихъ живетъ извѣстное число, которое нужно опредѣлить и мнѣ сообщить въ скоромъ времени, соотвѣтственно ихъ вѣроисповѣданію, privat-exercitium, не обращая вниманія на то, было-ли оно когда нибудь обычнымъ или нѣтъ. За господствующей вѣрой однако должно оставаться преимущество публичнаго богослуженія, а обоимъ протестантскимъ исповѣданіямъ, а также существующимъ уже схизматическимъ повсемѣстно, гдѣ только представляется возможность, по числу и средствамъ жителей, разрѣшается частное богослуженіе. Подъ послѣднимъ разумѣется, въ противоположность господствующему вѣроисповѣданію, только то отличіе, что некатоликамъ, гдѣ уже не принято иначе, не дозволяются—звонъ, колокольни, входъ съ улицы, представляющій церковь, а въ остальномъ они могутъ строить по своему желанію. На полную свободу имъ должно быть отдано все совершеніе ихъ таинствъ и богослуженія какъ въ самомъ мѣстѣ, такъ и передача больнымъ въ существующихъ для этого отдѣленіяхъ. На будущее время некатолики могутъ быть безпрепятственно допускаемы до пріобрѣтенія собственности, гражданскихъ и цеховыхъ правъ, до ученыхъ степеней и даже до гражданской службы. Ни въ какомъ случаѣ ихъ не должно принуждать къ другой формулѣ клятвы, кромѣ сообразной съ ихъ догматами, или къ участію въ такихъ процессіяхъ и церемоніяхъ, въ которыя они совсѣмъ не вѣрятъ. При всѣхъ выборахъ и назначеніяхъ на мѣста, независимо отъ различія вѣроисповѣданія, преимущественно должно принимать во вниманіе, какъ это постоянно безпрепятственно и дѣлается въ военной службѣ, только способность и честность кандидата, а также его христіанскій и нравственный образъ жизни. Но для приведенія въ исполненіе этой объявленной христіанской вѣротерпимости *я ни въ какомъ случаѣ не желаю вступать на путь публикаціи, слѣдовательно, обо всемъ этомъ не выйдетъ никакого патента, или другого публичнаго печатнаго распоряженія*, также по этому поводу не послѣдуетъ прямой и публичной отмѣны, уничтоженія или измѣненія существующихъ земскихъ распоряженій, сословныхъ, городскихъ или другихъ статутовъ, цеховыхъ правилъ, но по этому объявленному предписанію ве-

сти дѣло посредствомъ разрѣшеній de casu in casum, но никакъ не затруднять этихъ разрѣшеній, а напротивъ, по положенію дѣла и suppositis supponendis, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, давать ихъ каждому, слѣд., въ этомъ смыслѣ безъ всякой публикаціи цѣль будетъ достигаться самымъ удобнымъ и быстрымъ способомъ. Поэтому канцелярія не только сама должна впредь строго держаться этой нормы, но отнынѣ должна сообщить ее всѣмъ соотвѣтствующимъ правительственнымъ учрежденіямъ мѣстнымъ и провинціальнымъ, всѣмъ уѣзднымъ судамъ, доминіямъ и магистратамъ для точнаго соблюденія. Потомъ отнынѣ начать, какъ это уже и дѣлается, напр., въ Градишскомъ округѣ въ Моравіи, не только разрѣшать протестантамъ строить молитвенные дома и держать при нихъ пасторовъ и учителей, но земское начальство должно распорядиться надѣленіемъ протестантскаго духовенства и учителей или землей, или достаточными доходами, а также содѣйствовать постройкѣ ораторій матеріалами, работой и деревомъ, такъ какъ, если у него уже есть протестанты-подданные, оно должно заботиться, чтобы они жили, какъ христіане, и оставались хорошими подданными и учили своихъ дѣтей. Также должно поступать во всѣхъ остальныхъ земляхъ государства, гдѣ только есть протестанты“.

Кауница императоръ извѣстилъ объ этомъ нормальномъ распоряженіи 15 сент. 1781 г. Послѣднее было сдѣлано нормой для Нидерландовъ и Италіи, мѣстная администрація должна была отъ Кауница получить приказъ о точномъ слѣдованіи этой системѣ[1]).

Высочайшее рѣшеніе 13 сент. 1781 г. вызвало докладъ придворной канцеляріи 26 сент. того же года, имѣвшій цѣлью возможно ограничить установленную вѣротерпимость. Сначала здѣсь замѣчалось, что нельзя знать число не-католиковъ, кромѣ части верхней Силезіи, гдѣ, по вестфальскому миру и Альт-Ранштадтскому рецессу, протестантскія общины пользуются полной свободой, и кромѣ Моравіи, гдѣ почти все населеніе—некатолики. Далѣе, въ огражденіе на вѣчныя времена неограниченныхъ правъ императора, предлагалось заявить, что три названныя вѣроисповѣданія терпятся единственно по милости, а не ex pacto, что они не имѣютъ jus quaesitum на данную имъ терпимость, а что это—tolerantia meae gratiae et ad libitum revocabile, что за императоромъ остается jus reformandi illimitatum и ad beneplacitum и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда терпимые уклоняются отъ обязанностей вѣрноподданныхъ. Это будетъ уздой. Позволить содержать своего священника и строить молитвенный домъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ 400 семействъ. Неимѣющимъ своего пастора и молитвеннаго дома дозволить разъ въ годъ ходить въ ближайшій. Своихъ учителей у нихъ не должно быть, потому что школы—принадлежность уже exercitii vel maxime publici religionis, а не privati. Содержаніе священниковъ изъ средствъ общинъ. Назначеніе

[1]) Frank. 21—25. Hock. 339. Meynert. 38—40.

священниковъ должно производиться чрезъ публичный конкурсъ, причемъ нужно свидѣтельство отъ одобреннаго университета объ изученіи протестантскихъ наукъ и о законной ординаціи. Наконецъ, по прежнему, при заключеніи смѣшанныхъ браковъ требовать подписки о воспитаніи дѣтей въ католической вѣрѣ.

Этотъ докладъ былъ найденъ не отвѣчающимъ выраженнымъ намѣреніямъ императора всѣми членами государственнаго совѣта и даже Гатцфельдомъ. Особенно возсталъ Геблеръ: онъ говорилъ, что канцелярія искусными оборотами косвенно все ниспровергла, что она удержитъ иностранныхъ протестантовъ, а живущимъ въ странѣ отравитъ весь покой.

Высочайшій отвѣтъ придворной канцеляріи [13 окт. 1781 г.][1]), пояснявшій и заканчивавшій высочайшее рѣшеніе отъ 13 сент., гласилъ: 1) и не нужно точно знать число не католиковъ, а только объявить, что, гдѣ окажется ниже опредѣленное число не католиковъ, тамъ можно заводить частное богослуженіе; при этомъ не необходимо этому числу быть въ одномъ селеніи, его можно составить и изъ нѣсколькихъ. Все прибавленное на счетъ «tolerantia merae gratiae ad nutum revocabilis», о «jus reformandi illimitatum» и т. д. противорѣчитъ высочайшимъ мыслямъ и уничтожило бы конечную цѣль, поэтому все это оставить безъ исполненія. 2) Гдѣ найдется 100 семействъ или около 500 душъ, хотя бы и не въ одномъ мѣстѣ, можно открывать молитвенный домъ и училище. Живущіе вдали могутъ посѣщать молитвенный домъ *не разъ въ годъ*, а сколько имъ угодно; также и духовенство ихъ должно свободно ходить къ нимъ для наставленія и уврачеванія души и тѣла больныхъ. 3) a) Относительно внѣшности храмовъ точно, безъ ограниченій и расширеній, держаться словъ высочайшей резолюціи, слѣд., строить ихъ безъ колоколенъ, колоковъ и ходовъ съ улицъ, но изъ какого угодно матеріалу. b) Въ интерпретацію Filialen не входить, а дѣлать такъ, какъ гласитъ резолюція. c) Выдача разрѣшеній на пріобрѣтеніе собственности, права гражданскія и ремесленныя производится въ подданыхъ городахъ уѣздными судами, въ королевскихъ и удѣльныхъ, гдѣ есть мѣстныя казначейства, ими, а, гдѣ нѣтъ, губерніями. Когда рѣчь идетъ о jus incolatus высшаго сословія, разрѣшеніе, по докладу губерніи, дается канцеляріей, по истеченіи же года вѣдомость разрѣшеній представляется на высочайшее разсмотрѣніе. Если встрѣтятся препятствія къ разрѣшенію, каждый разъ дѣлается донесеніе объ нихъ una cum motivis соотвѣтствующей губерніи, а послѣдней канцеляріи для полученія высочайшей резолюціи. d) Относительно числа душъ и Filialen въ Моравіи поступать по вышеуказанному. Въ наймѣ собственныхъ учителей, получающихъ содержаніе отъ общинъ ни въ какомъ случаѣ не отказывать. Школьная дирекція каждой области, во всякомъ случаѣ, должна наблюдать за методомъ ученія и порядкомъ. e) Если жители

[1]) По Мейнерту, 14 окт. 1781 г. (40—42) ср. Hock. 341.

извѣстнаго мѣста содержать священника, то имъ-же должно предоставить и избраніе его; если же содержаніе идетъ отъ администраціи, то ей принадлежитъ и jus praesentandi. Утвержденіе всегда принадлежитъ государю и должно быть сообщаемо чрезъ протестантскія консисторіи, а, гдѣ послѣднихъ нѣтъ, чрезъ присутственныя мѣста. j) Jura stolae протестантовъ не идутъ католическому священнику; если у послѣдняго отходитъ что̀ изъ его congrua, то возмѣститъ ему патронъ. g) Для суда надъ не католиками по ихъ религіознымъ дѣламъ присутственныя мѣста должны приглашать того или другого изъ ихъ пасторовъ или богослововъ, чтобы судить согласно съ ихъ ученіемъ.

Дѣтей воспитывать въ вѣрѣ, по выбору родителей.—Противъ вывоза имущества изъ страны поступать по государственнымъ законамъ какъ съ католиками, такъ и съ некатоликами; за некатоликами, поселяющимися на время, наблюдать по законамъ[1]).

Между тѣмъ уже 6 окт. 1781 г. императоръ сдѣлалъ предметомъ особаго разсужденія въ государственномъ совѣтѣ вопросъ о томъ, не опубликовать-ли во всеобщее свѣдѣніе распоряженіе о вѣротерпимости чрезъ печать, помимо сдѣланныхъ распоряженій чрезъ уѣздные суды, чтобы еще менѣе было возможности не исполнять его. Гатцфельдъ высказался противъ публикаціи въ газетахъ, а предложилъ форму патента. Лёръ, Геблеръ и Крезель, согласившись съ послѣдней формой, предложили перепечатать и въ газетахъ. Геблеръ представилъ и образецъ объявленія. Кауницъ одобрилъ его предложеніе[2]). Вслѣдствіе этого 13 окт. 1781 г. явился личный приказъ императора на имя богемско-австрійской придворной канцеляріи. Въ немъ Іосифъ II заявлялъ, что сначала не хотѣлъ было печатать своего распоряженія о введеніи христіанской вѣротерпимости. Но стали распространяться превратные слухи, вслѣдствіе чего онъ и рѣшилъ разослать печатные циркуляры объ этомъ и раздавать ихъ въ типографіяхъ главныхъ провинціальныхъ городовъ, а въ издающихся по этимъ же городамъ газетахъ помѣстить прилагаемое объявленіе подъ заглавіемъ „Вѣна“, здѣсь же напечатать его въ 4 газетахъ на нѣмецкомъ, латинскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ, на послѣднихъ трехъ по переводу государственной канцеляріи. Помѣщать это объявленіе въ иностранныхъ газетахъ не представляется надобности, такъ какъ онѣ и сами перепечатаютъ его.

Приложенное въ концѣ этого приказа составленное Геблеромъ для помѣщенія въ отечественныхъ газетахъ объявленіе представляло собой сжатый, предварительный патентъ о вѣротерпимости[3]).

Согласно съ высочайшей волей, это сообщеніе было помѣщено въ среду 17 окт. 1781 г. въ 83 № „Вѣнской Газеты“ въ срединѣ листа, а не въ началѣ, безъ подписи и надписи надъ заглавіемъ „Вѣна“[4]).

[1]) Frank. 25—30. Hock. 339—340.
[2]) Ср. Hock. 340. [3]) Frank. 30—35. [4]) Франкъ не могъ ни въ архивахъ, ни въ библіотекахъ найти латинскаго, французскаго и итальянскаго переводовъ его, порученныхъ Кауницу. (35, Anmerk. 28).

Въ дальнейшее исполненіе того-же императорскаго приказа 13 октября 1781 г. богемско-австрійская придворная канцелярія 19 окт. представила на высочайшую аппробацію „D. Entwurf d. in. Ansehung d. Toleranzsystems hinauszugehenden Cirkularien". Обращенный ко всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ, онъ начинался словами: „Возлюбленные вѣрноподданные! Мы нашли нужнымъ дать христіанскую терпимость съ соотвѣтствующимъ религіи частнымъ богослуженіемъ послѣдователямъ аугсбургскаго и гельветическаго исповѣданій и православнымъ не-уніатамъ". 20 окт. съ надписью *спѣшно* этотъ проектъ пошелъ по рукамъ членовъ государственнаго совѣта Лёра, Геблера, Крезеля, Гатцфельда и Кауница.

При этомъ было сдѣлано не только нѣсколько измѣненій, а и два предложенія—одно Лёромъ, другое Геблеромъ. Первый останавливался на избраніи священниковъ, въ виду важнаго вліянія ихъ на подданныхъ. Онъ предлагалъ назначать на эти мѣста только лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, почему правительство должно собирать объ нихъ свѣдѣнія секретнымъ путемъ. Геблеръ сдѣлалъ отсюда выводъ, что протестантскіе studiosi theologiae должны получать образованіе у себя въ странѣ. „Не можетъ,—говорилъ онъ,—встрѣтиться ни малѣйшаго препятствія къ учрежденію при вѣнскомъ и трансильванскомъ университетахъ богословскихъ каѳедръ обоихъ исповѣданій. Въ разныхъ мѣстахъ по протестантскимъ университетамъ есть профессора родомъ изъ Австріи, принужденные изъ-за вѣроисповѣданія снискивать пропитаніе за границей. Они охотно возвратились бы въ отечество". Онъ приводилъ въ примѣръ Шрёкка, родомъ изъ Вѣны.—Кауницъ согласился съ этими предложеніями и только замѣтилъ еще слѣдующее: „такъ какъ великое множество различно думаетъ по этому вопросу и въ томъ числѣ находятся цѣлыя правительственныя учрежденія и губерніи, то я нахожу полезнымъ такъ же мотивировать вступленіе рескрипта, какъ это было сдѣлано въ газетномъ объявленіи"[1]).

Патентъ о вѣротерпимости, называющійся также Toleranzedict, Toleranzgenerale, Toleranzcircular, Toleranzgesetz[2]), а у П. Ф. Вольфа просто Verordnung[3]), въ первый разъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ окончательно утвержденъ въ государственномъ совѣтѣ 20 окт. 1781 г. и хранится въ актахъ послѣдняго, отпечатанъ Франкомъ въ его постоянно цитуемой нами прекрасной книгѣ. Въ различныхъ сборникахъ законовъ, а также въ изслѣдованіяхъ включительно до 80-хъ годовъ нашего вѣка онъ обыкновенно приводится въ формѣ непрямой рѣчи. Это собственно не самый Toleranz-Patent, а циркуляръ о вѣротерпимости внутренне-австрійской губерніи, изданный впервые подъ именемъ Toleranz-Patent Губеромъ въ его „Sammlung d. k. k. landesfürstlichen esetze und Verordnungen in Publico-Ecclesiasticis" Bd. I. 137.

[1]) Frank. 30—36. Hock. 341—342. [2]) Kropatschek. II, 422—433. [3]) III, 186.

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ объ Іосифѣ II варіируется нѣсколько начало сравнительно съ Губеровскимъ[1]).

Вотъ дословно подлинный текстъ этого знаменитаго документа, по изданію Франка:

„Всѣмъ к.-и. правительственнымъ учрежденіямъ.

Возлюбленные вѣрноподданные! Будучи убѣждены, съ одной стороны, во вредѣ всякаго давленія на совѣсть, а съ другой, въ великой пользѣ для религіи и государства въ истинной христіанской терпимости, мы нашли нужнымъ послѣдователямъ аугсбургскаго и гельветическаго вѣроисповѣданій, потомъ православнымъ не-уніатамъ повсюду дозволить сообразное съ ихъ исповѣданіемъ Privat-Exercitium, не обращая вниманія на то, обычно-ли или введено оно было когда нибудь, или нѣтъ. За католической[2]) религіей, однако, должно остаться преимущество публичнаго Religions-exercitii, но обоимъ протестантскимъ исповѣданіямъ. такъ же какъ и существующимъ уже православнымъ не-уніатамъ[3]) повсемѣстно, гдѣ представляется возможность по нижеуказанному числу жителей и ихъ средствамъ (Facultäten) и гдѣ не существуетъ уже общественнаго Religions-exercitii[4]), дозволяется Privat-exercitium, но особенно мы соизволяемъ:

Во-первыхъ: некатоликамъ подданнымъ, гдѣ наберется 100 семействъ, хотя бы они не всѣ жили въ мѣстѣ молитвеннаго дома или духовника, а нѣкоторыя на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути, строить собственный молитвенный домъ со школой, а живущіе дальше могутъ посѣщать, какъ часто пожелаютъ, ближайшій молитвенный домъ, однако, находящійся въ импер.-королевскихъ владѣніяхъ; мѣстные пасторы могутъ посѣщать своихъ единовѣрцевъ, подавая имъ и больнымъ нужное наставленіе, душевное и тѣлесное утѣшеніе, но подъ страхомъ тяжелѣйшей отвѣтственности не должно препятствовать приглашенію католическаго священника, если его потребуетъ тотъ или другой больной.

Относительно молитвенныхъ домовъ мы опредѣленно приказываемъ, чтобы они, гдѣ уже не сдѣлано иначе, не имѣли ни звона, ни колоколовъ, ни колоколенъ, никакого публичнаго входа съ улицы, чтобы представлялась церковь, въ остальномъ предоставляется строить ихъ, какъ и изъ какого матеріала пожелаютъ, также должны быть вполнѣ дозволены имъ всякое совершеніе ихъ таинствъ и отправленіе богослуженія какъ въ самомъ мѣстѣ, такъ и передача больнымъ въ устроенныхъ для этого отдѣленіяхъ (Filialen), потомъ публичныя похороны въ сопровожденіи своего духовенства[5]).

---

[1]) Напр. въ „Acta hist.-eccles. nostri temporis", VIII, 865 (Frank. 41, Anmerkung 43) и у Ramsborn, K. Joseph II. 289.

[2]) Въ проектѣ придворной канцеляріи стояло: «господствующей».

[3]) Придворная канцелярія написала «схизматикамъ». Геблеру это выраженіе показалось неподходящимъ и онъ замѣнилъ его «не-уніатамъ».

[4]) Вставка государственнаго совѣта, предложенная Лёромъ, въ виду церковныхъ отношеній въ Силезіи.

[5]) Пунктъ о похоронахъ вставленъ государственнымъ совѣтомъ.

Во-вторыхъ, не возбраняется имъ назначать своихъ собственныхъ учителей, которые должны получать содержаніе отъ общинъ, однако, за методомъ обученія и порядкомъ надъ ними будетъ имѣть наблюденіе наша мѣстная школьная дирекція. Мы соизволяемъ также:

въ третьихъ, предоставить некатолическимъ жителямъ селенія избраніе своихъ пасторовъ, если они сами содержатъ ихъ, если же это содержаніе возьметъ на себя начальство, то, конечно, послѣднему предоставить и jus praesentandi, однако мы удерживаемъ за собой конфирмацію ихъ, такъ чтобы тамъ, гдѣ есть консисторіи, она производилась чрезъ нихъ, а, гдѣ нѣтъ, чрезъ существующія уже тешенскую и венгерскую, пока обстоятельства не потребуютъ учрежденія въ тѣхъ областяхъ собственныхъ консисторій.

Въ четвертыхъ, jura stolae, какъ въ Силезіи, остаются предоставленными parocho ordinario[1]).

Въ пятыхъ, намъ благоугодно всемилостивѣйше возложить разборъ дѣлъ, касающихся религіи некатоликовъ, на наши гражданскія судебныя учрежденія, съ привлеченіемъ того или другаго изъ ихъ пасторовъ или богослововъ; эти учрежденія будутъ разсматривать и рѣшать на основаніи ихъ догматовъ, однако предоставляется дальнѣйшая апелляція въ наши гражданскіе придворные суды[2]).

Въ шестыхъ, отнынѣ совершенно уничтожается существовавшая раньше подписка при заключеніи браковъ у некатоликовъ относительно воспитанія будущихъ дѣтей въ римско-католической вѣрѣ, такъ какъ при католикѣ-отцѣ всѣ дѣти мужскаго и женскаго пола, безъ обязательства, должны быть воспитываемы въ католической вѣрѣ — это прерогатива господствующаго вѣроисповѣданія, а при протестантѣ-отцѣ и католичкѣ-матери, напротивъ, по о́лу[3]).

Въ седьмыхъ, на будущее время некатолики могутъ быть допущены dispensando къ покупкѣ домовъ и имѣній[4]), къ пользованію гражданскими цеховыми правами, учеными степенями и къ поступленію на гражданскую службу. Ихъ не должно принуждать ни къ какой другой формулѣ присяги, кромѣ сообразной съ ихъ догматами, ни къ участію въ процессіяхъ, или церемоніяхъ господствующей вѣры, если они не пожелаютъ сами[5]). При всѣхъ избраніяхъ и назначеніяхъ на должности безъ всякаго отношенія къ различію вѣроисповѣданія, какъ постоянно дѣлается, безъ малѣйшаго затрудненія и съ большой пользой[6]), въ нашей военной службѣ, обращать строгое вниманіе[7])

---

[1]) Въ проектѣ придворной канцеляріи стояло: «Jura stolae протестанты должны платить не католическому священнику, а своему пастору и, если у католическаго священника чрезъ это что нибудь отойдетъ изъ congrua, патронъ возмѣститъ ему убытокъ.

[2]) Предоставленіе апелляціи внесено государственнымъ совѣтомъ.

[3]) Въ проектѣ придв. канцеляріи здѣсь было еще прибавлено: «Но относительно тайнаго вывоза имущества изъ страны съ некатоликами поступать такъ же, какъ съ католиками, по существующимъ законамъ, а за некатоликами, остающимися въ странѣ на время, имѣть надзоръ по законамъ». Гебленъ признался, что не понимаетъ этой вставки, и государственный совѣтъ ее вычеркнулъ.

[4]) «Güter-Ankauf», въ проектѣ было «Possessionen».

[5]) Въ проектѣ стояло:—«въ которыя они совершенно не вѣрятъ».

[6]) «И съ большой пользой» прибавлено государственнымъ совѣтомъ.

[7]) «Genaue Bedacht», въ проектѣ же было «der vorzügliche Bedacht».

только на честность[1]) и способность кандидатовъ, а потомъ на ихъ христіанскій и нравственный образъ жизни. Поэтому должны быть выдаваемы безъ всякихъ затрудненій разрѣшенія на покупку собственности, на гражданскія и цеховыя права въ подданныхъ городахъ уѣздными судами, въ королевскихъ же и удѣльныхъ, гдѣ есть мѣстныя казначейства, ими, а гдѣ нѣтъ, нашими губерніями. А въ случаѣ встрѣчи при этихъ просьбахъ разрѣшеній препятствій, изъ-за которыхъ представится нужнымъ отказать просителямъ, всякій разъ una cum motivis докладывать объ этомъ нашей губерніи, а отсюда уже будутъ обращаться за нашимъ высочайшимъ рѣшеніемъ.

Когда же рѣчь будетъ итти о правѣ поселенія (jus incolatus) высшаго сословія[2]), тогда, послѣ предварительнаго разсмотрѣнія провинціальнымъ присутственнымъ мѣстомъ, разрѣшеніе дается нашей богемско-австрійской канцеляріей.

Это наше высочайшее рѣшеніе вы сообщите уѣзднымъ судамъ, магистратамъ и доминіямъ спеціально отпечатанными циркулярами въ количествѣ большемъ обычнаго, мѣстному типографу позволить раздавать эти циркуляры всякому, требующему ихъ, и тѣмъ содѣйствовать достаточному распространенію ихъ и въ другія страны[3]).

Съ утвержденіемъ текста этого патента въ государственномъ совѣтѣ совпали два другія совѣщанія по вопросу о вѣротерпимости: первое по поводу докладной записки (20 окт. 1781 г.) богемскаго губернскаго совѣтника, гр. Роттенгана, а второе—по поводу проекта распоряженія о вѣротерпимости гр. Блюмегена.

Гр. Роттенганъ предлагалъ, по мѣстнымъ условіямъ, не публиковать патента о вѣротерпимости въ Богеміи и Моравіи и на практикѣ сдѣлать нѣкоторыя ограниченія его, а именно: допустить молитвенные дома и частное богослуженіе только на границахъ и на усмотрѣніе мѣстной администраціи оставить позволеніе ихъ и внутри страны; немедленно реформировать клиръ и школы, особенно въ мѣстностяхъ, населенныхъ таборитами; наконецъ, во избѣжаніе безпорядковъ, удержать мѣста начальниковъ за лицами господствующаго вѣроисповѣданія.—Въ государственномъ совѣтѣ докладная записка гр. Роттенгана нашла поддержку только въ Гатцфельдѣ; Крезель, Геблеръ и Кауницъ высказались противъ. Императоръ примкнулъ къ послѣднимъ, оставивъ упомянутую записку безъ послѣдствій (6 ноября 1781 г.)[4]).

20 же окт. 1781 г. подалъ проектъ распоряженія о вѣротерпимости гр. Блюмегенъ, ссылаясь на полученное отъ императора позволеніе. Указавъ на непріятную для императора необходимость объявить вѣротерпимость и на его горячее желаніе сохраненія вѣрноподданныхъ въ единоспасающей католической вѣрѣ и обращенія въ нее остающихся пока отпавшими, гр. Блюмегенъ сообщалъ о высочайшемъ желаніи, чтобы духовники, хотя со скромностью, евангель-

[1]) «Rechtschaffenheit», въ проектѣ же стояло «Geschicklichkeit».
[2]) «D. höheren Standes», въ проектѣ «d. Herrenstandes». [3]) Frank. 36—40.
[4]) Hock. 343—344. Frank. 41—44.

ской кротостью, однако съ удвоеннымъ усердіемъ, добрымъ примѣромъ и убѣжденіемъ содѣйствовали полученію желательныхъ въ этомъ дѣлѣ плодовъ. Поэтому графъ предлагалъ объявить объ этомъ высочайшемъ желаніи окружной администраціи за тѣмъ, чтобы она поручила мѣстнымъ епископамъ сдѣлать подчиненному имъ клиру соотвѣтствующія приказанія и увѣщанія.

Въ государственномъ совѣтѣ этого проекта не пропустили, изъ опасенія прикрыть этимъ распоряженіемъ неразумную ревность нѣкоторыхъ пастырей. Вмѣсто этого предложили приказать окружной администраціи особо разослать циркуляры о вѣротерпимости епископамъ для дальнѣйшей раздачи чрезъ нихъ духовенству, чтобы уничтожить возможность всякихъ отговорокъ.—Въ этомъ смыслѣ вышло высочайшее распоряженіе [22 окт. 1781 г.][1]).

Утвержденный государственнымъ совѣтомъ патентъ о вѣротерпимости поступилъ въ придворную канцелярію съ высочайшей резолюціей отъ 23 окт. 1781 г., въ которой, между прочимъ, предписывалось впредь принимать пасторами къ некатоликамъ, гдѣ можно, только туземцевъ, о чемъ областную администрацію извѣстить особо[2]).

Придворная канцелярія переписала патентъ о вѣротерпимости съ императорскимъ именемъ „Іосифъ II“ и прибавила въ концѣ дату: „Вѣна, 13 окт. 1781 г“., потому что онъ, дѣйствительно, представляетъ собою ничто иное, какъ высочайшее рѣшеніе этого числа на докладѣ придворной канцеляріи 26 сент.[3]). Дальнѣйшей подписи на оригиналѣ придворной канцеляріи патента о вѣротерпимости нѣтъ. Патентъ былъ отправленъ правленіямъ—Богеміи, Моравіи, Силезіи, Австріи выше Энса, Штиріи, Каринтіи, Крайны, Тріеста, Тироля, Передней Австріи, Галиціи и Нижней Австріи. Сюда же 30 окт. былъ разосланъ дополнительный циркуляръ о назначеніи, гдѣ можно, пасторовъ изъ туземцевъ[4]). Частныя провинціальныя правленія опубликовали патентъ о вѣротерпимости отдѣльными циркулярами, примѣненными къ особенностямъ и канцелярскому стилю каждаго края[5]).

Когда оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Богеміи (въ Хрудимерскомъ округѣ) патентъ о вѣротерпимости былъ объявленъ только 1 дек. 1781 г. и на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, мѣстное правленіе приводило въ свое извиненіе, что оно думало, что этотъ патентъ можетъ относиться только къ иноземцамъ, или уже находящимся въ странѣ или имѣющимъ прибыть, равно какъ оно не могло представить себѣ, чтобы между мѣстными вѣрноподданными нашлись люди, только по внѣшности католики, а въ глубинѣ души—протестанты.

---

[1]) Frank. 44—46. Hock. 342—343. [2]) Frank. 46—47.

[3]) Для объясненія этого 13 числа, когда патентъ 20 разсматривался въ государственномъ совѣтѣ, Гокъ (341, 342) замѣтилъ, что 20 патентъ «снова былъ разобранъ» и окончательно почищенъ. Въ верхней Австріи патентъ былъ обнародованъ дѣйствительно въ формѣ патента и, такъ какъ онъ датированъ здѣсь изъ Линца, то нѣкоторые ученые (напр., Мейнертъ (43) и Ж. Вольфъ въ «Kaiser Josef II» (75) и «Grandsätze zur Behandlung d. Protestanten» I, 71) впали въ ошибку, представивъ, будто бы самый патентъ былъ датированъ изъ Линца. (Frank. 48, Anmerk. 48).

[4]) Frank. 47. [5]) Ibidem. 47—60.

Далѣе правленіе сообщало, что на запросъ Чаславскаго уѣзднаго суда, простирается-ли патентъ о вѣротерпимости и на желающихъ отпасть отъ католической вѣры, или скрытыхъ не католиковъ, оно отвѣтило, что должно руководиться имъ относительно вѣры только до тѣхъ поръ, пока эти лица не позволяютъ себѣ никакихъ выходокъ. Придворная канцелярія нашла все это противорѣчащимъ высочайшимъ распоряженіямъ и предлагала приказать богемскому правленію немедленно перепечатать и обнародовать изданный въ Моравіи на богемскомъ языкѣ циркуляръ о вѣротерпимости и вообще точно выполнять вышедшія распоряженія по этому вопросу. Въ государственномъ совѣтѣ Лёръ и Крезель высказались за обстоятельное наставленіе правленію. Геблеръ стоялъ за строгое наказаніе и публикацію патента о вѣротерпимости на богемскомъ языкѣ. Кауницъ предлагалъ выговоръ и наставленіе, а также вполнѣ присоединялся къ проекту Геблера о разсмотрѣніи дѣлъ по вопросамъ о вѣротерпимости въ особой комиссіи, съ назначеніемъ докладчикомъ въ послѣднюю Риггера. Императоръ приказалъ (15 янв. 1782 г.) немедленно послать чрезъ канцелярію приказъ кн. Фюрстенбергу—въ 24 часа по полученіи его отправиться сюда съ 2 выбранными совѣтниками; здѣсь ему явиться съ ними въ канцелярію, разсмотрѣть всѣ anteacta и получить основательное наставленіе, какъ поступать по всѣмъ вопросамъ вѣротерпимости, а такъ какъ все это хорошо можно сдѣлать дня въ два, то, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, немедленно по полученіи наставленія и устраненіи сомнѣній, возвратиться въ Прагу, чтобы все привести тамъ въ порядокъ..... Но такъ какъ и послѣ этого до императора дошли свѣдѣнія, что въ богемскомъ правленіи продолжаются безпорядки по религіознымъ дѣламъ, то онъ уволилъ (2 іюня 1782 г.) кн. Фюрстенберга отъ должности[1]).

До изслѣдованія Франка, вопросъ о патентѣ 13 окт. 1781 г. въ Тиролѣ оставался спорнымъ: одни ученые утверждали, что онъ не былъ здѣсь опубликованъ и потому не имѣлъ значенія, другіе доказывали противное. Франкъ на основаніи архивныхъ данныхъ доказалъ, что патентъ былъ объявленъ и въ Тиролѣ, хотя нѣкоторые епископы (напр., Бриксенскій) и подавали императору представленія противъ его публикаціи[2]).

Въ Венгріи патентъ о вѣротерпимости былъ изданъ 25 окт. 1781 г., вмѣстѣ какъ отвѣтъ на представленіе венгерскихъ протестантовъ (29 апр. 1781 г.), въ которомъ они умоляли о возстановленіи во всѣхъ признанныхъ за ними законами религіозныхъ и политическихъ привиллегіяхъ[3]). Онъ содержалъ тѣ же самыя уступки, что и для коронныхъ земель, salvis ceteroquin iisdem legibus et privilegiis, quae in favorem Acatholicorum, seu respectu publici religionis exercitii seu vero quoad alia civilia jura et praerogativas

[1]) Frank. 51—52. Hock. 345, 346, 140, 350, 137. [2]) Frank. 56—58.

[3]) Представленіе венгерскихъ протестантовъ помѣщено у Вальха (IX, 1—35). Отвѣтъ Іосифа II у него же на латинскомъ языкѣ (35—50) и въ нѣмецкомъ переводѣ (51—66).

iisdem quoque competentes, hucdum constituta sunt et quorum intuitu paulo inferius nonnullas benignas Nostras Resolutiones uberius declaraturi sumus.

Но Іосифъ обманулся, если думалъ заслужить этимъ патентомъ благодарность со стороны венгерскихъ протестантовъ. Патентъ вызвалъ въ нихъ недовольство и раздраженіе: они хотѣли не добровольнаго подарка императора, а законнаго обезпеченія своихъ правъ и вольностей королемъ венгерскимъ, какъ и говорили въ своемъ вышеупомянутомъ представленіи императору[1]). Поэтому то, что̀ въ этомъ патентѣ обезпечивалось королевской милостью, послѣ было утверждено 26 статьей ландтага 1790—1 г.г.[2]).

Нѣкоторые пункты патента о вѣротерпимости были ближе опредѣлены позднѣйшими придворными декретами. Такъ,

1) епитрахильные налоги, въ силу придворныхъ декретовъ отъ 17 окт. и 8 дек. 1783 г., положено было платить только за вѣнчанье и погребенье, крещенье же, какъ таинство въ высшей степени необходимое для созданія христіанина, совершать безвозмездно, даже безъ подарка понамарю. По распоряженію 20 марта 1786 г.[3]), некатолики освобождались отъ уплаты Bittkreuzer'a, но не отъ такъ называемыхъ Wettergarben (за отмѣненное также Wetterläuten), которыя постоянно должны быть уплачиваемы деньгами или натурой учителямъ для облегченія ихъ существованія и поддержки школъ, слѣд., для общаго блага.—Вообще некатолики не обязаны дѣлать никакихъ другихъ взносовъ на католическое духовенство, кромѣ основывающихся на высочайшихъ резолюціяхъ или тѣхъ, которыхъ можно требовать urbarmässig. Касающійся этого придворный декретъ [12 февр. 1784 г.][4]), повидимому, представляетъ собой отвѣтъ на жалобу протестантскаго духовенства коронныхъ земель на то, что ихъ прихожане, въ виду продолжающихся еще поборовъ католическаго духовенства, не въ состояніи улучшить ихъ незначительныхъ доходовъ. Впрочемъ, по императорской резолюціи 21 марта 1784 г., никогда нельзя наказывать неплатежъ некатоликами епитрахильныхъ налоговъ католическому духовенству остановкой ихъ богослуженія, такъ какъ свободное отправленіе религіозныхъ обязанностей никогда нельзя смѣшивать съ личными долговыми требованіями[5]).

2) 6-й пунктъ патента о вѣротерпимости, касающійся вѣроисповѣданія дѣтей, по придв. декрету 28 авг. 1786 г.[6]), имѣетъ отношеніе только къ дѣтямъ, родившимся послѣ перехода родителей въ терпимую вѣру, или при этомъ переходѣ бывшихъ еще въ возрастѣ 2—3 лѣтъ, слѣд., когда они были еще неспособны къ наставленію въ вѣрѣ. Напротивъ, родившіяся и воспитанныя въ католичествѣ дѣти родителей, перешедшихъ въ некатолическую вѣру, не могутъ быть наставляемы въ другой вѣрѣ, кромѣ католической, безъ собственнаго ихъ согласія и публичнаго объявленія. Для этого не назначено никакихъ лѣтъ, но

[1]) Krones. 118—119. Borbis. 121. [2]) Frank. 59—60. [3]) Kropatschek. X, 895. [4]) Ibidem. VI, 614. [5]) Frank. 61—62. [6]) Kropatschek. X, 878—880.

какъ только окажется, что дитя вообще обнаруживаетъ пониманіе своего существованія и богослуженія, такихъ дѣтей, остающихся при родителяхъ, если они заявятъ о желаніи принадлежать къ другой вѣрѣ, кромѣ католической, спросить объ этомъ со всею снисходительностью въ присутствіи священника и родителей, или родственниковъ, потомъ отдать на 6-ти-недѣльное наставленіе къ католическому священнику, а по истеченіи этого срока снова допросить упомянутымъ порядкомъ и послѣ этого или оставить въ покоѣ въ католической вѣрѣ, или, въ противномъ случаѣ, какъ всѣхъ новоперешедшихъ, предоставить ихъ судьбѣ и дальнѣйшему руководству родителей. Но какъ несправедливо у некатолическихъ родителей отнимать дѣтей для воспитанія въ католической вѣрѣ, такъ не позволяется брать и крестить дѣтей евреевъ. Должно крестить только людей съ развитымъ разсудкомъ и достаточными познаніями, потому что лучше и полезнѣе для религіи имѣть добрыхъ христіанъ, чѣмъ много крещенныхъ[1]). Подкидыши въ учрежденномъ государствомъ публичномъ воспитательномъ домѣ должны воспитываться въ католической вѣрѣ[2]).

3) Второй пунктъ патента о вѣротерпимости, относительно школъ, впослѣдствіи [23 авг. 1782 г.][3]) былъ ограниченъ въ томъ смыслѣ, что туда, гдѣ уже есть учителя-католики, не нужно назначать учителей некатоликовъ, напротивъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ католическаго учителя, а находится достаточное количество (по декр. 3 апр. 1786 г., по крайней мѣрѣ, 30) способныхъ къ ученію некатолическихъ дѣтей, должно позаботиться объ открытіи некатолической школы. Визитація некатолическихъ школъ, до назначенія суперъинтендентовъ, была предоставлена пасторамъ съ тѣмъ, чтобы они представляли полугодовые отчеты. Для гарантіи однообразія въ обученіи, окружные деканы должны осматривать школы [придв. рѣшеніе 17 февр. 1784 г.][4]), по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ. Некатолическіе учителя должны быть испытываемы по правиламъ и содержимы самими не католиками [придв. декретъ 14 ноября 1783 г.][5]).

4) Нормированная 7 пунктомъ патента о вѣротерпимости правоспособность не католиковъ къ наслѣдованію и занятію должностей гражданской службы повсюду точно соблюдалась. Такъ, когда городъ Куттенбергъ въ Богеміи просилъ объ утвержденіи его привиллегій, то императоръ (8 окт. 1782 г.) велѣлъ исключить изъ его привиллегій всѣ мѣста, противорѣчащія вѣротерпимости, особенно прямое лишеніе протестантовъ гражданскихъ и ремесленныхъ правъ[6]). Этотъ же пунктъ (7-й) патента былъ подтвержденъ Іосифомъ въ его отвѣтѣ на запросъ гр. Бригидо, галиційскаго губернатора, можетъ-ли онъ назначать на незначительныя мѣста послѣдователей одного изъ терпимыхъ вѣроисповѣданій (31 марта 1783 г.). „Вѣротерпимость,—говорилъ здѣсь императоръ,—состоитъ въ томъ, чтобы при выборѣ и на-

[1]) Декретъ 31 марта 1782 г. (Kropatschek. II, 432). [2]) Высоч. распор. 30 авг. 1782 г. (Frank. 62—63) [3]) Kropatschek. II, 426. [4]) Ibidem. VI, 608. [5]) Ibidem. II, 426. Frank. 63 [6]) Meynert. 47—48.

значеніи на тѣ должности, которыя не имѣютъ никакого вліянія на вѣру и воспитаніе юношества, принимать во вниманіе только способность и честность кандидатовъ, безъ всякаго различія господствующаго и терпимаго вѣроисповѣданій[1]). Наконецъ, по придворному декрету 31 января 1782 г., чиновники, объявившіе себя некатоликами, per viam dispensationis, до тѣхъ поръ должны быть оставляемы на своихъ мѣстахъ, пока сдѣлаются недостойными послѣднихъ безнравственной жизнью, партійностью и ненавистью къ своимъ согражданамъ-католикамъ. Но хозяева могутъ увольнять всѣхъ нанятыхъ на срокъ послѣ объявленія ими себя некатоликами, по истеченіи опредѣленнаго срока службы. Диспенсація для объявляющаго себя некатоликомъ можетъ быть выдаваема самимъ тѣмъ начальствомъ, которое даетъ службу, послѣ предварительнаго заявленія уѣздному суду[2]).

Императоръ вспомнилъ и о трансмигрантахъ и эмигрантахъ. Первымъ (прид. декр. 15 окт. 1781 г.) разрѣшено было безпрепятственно возвратиться въ свое отечество[3]), вторымъ (высоч. рѣш. 4 дек. 1781 г., объявленнымъ въ „Вѣнской Газетѣ“ 2 янв. 1782 г.), если они добровольно возвратятся ровно чрезъ годъ, обѣщалось прощеніе наказаній, связанныхъ съ эмиграціей, и одинаковое обращеніе, какъ и съ трансмигрантами изъ-за религіи. Однако этимъ возвращающимся подданнымъ, въ виду опасности соблазна, запрещено было отдавать ихъ дѣтей, воспитанныхъ въ католичествѣ[4]).

За патентомъ о вѣротерпимости слѣдовали еще дальнѣйшія нормальныя распоряженія, или т. н. толеранцгенераліи, вызвавшіяся особенными случаями. Такъ, въ Хрудимерскомъ округѣ въ Богеміи протестантами были произведены различные бозпорядки. Жители деревни Штаупница начали устраивать ночныя сходки, отбили у статуи св. Іоанна обѣ руки съ факеломъ и распятіемъ и грозили овладѣть приходской церковью. Въ какомъ то другомъ мѣстѣ, по донесенію богемскаго правленія, протестанты безбоязненно распѣвали свои лютеранскія пѣсни, принуждали католиковъ соглашаться на запись въ число некатоликовъ, или сами записывали ихъ, чтобы только набралось 100 семействъ, разсказывали католикамъ: „ваши священники обманываютъ васъ, если хвалятъ вамъ мессы“, и распускали слухи, что дома католиковъ будутъ перемѣчены черной буквой K, послѣ чего явится комиссія и живущимъ въ нихъ католикамъ велитъ отрубать головы. Придворная канцелярія предлагала строго наказать наиболѣе виновныхъ и издать серьезное цѣлесообразное распоряженіе. Какъ только въ извѣстной общинѣ нѣсколько членовъ заявятъ о своей принадлежности къ некатолическому исповѣданію, вся община и именно всѣ отцы и матери семействъ съ своими дѣтьми (если они достигли 18-ти-лѣтняго возраста) и прислугой, должна быть вызвана въ присутственное мѣсто и тамъ въ присутствіи чиновниковъ и священника спрошена, къ какому вѣроисповѣданію она принадлежитъ и не вынуждено-ли ея заяв-

[1]) Meynert. 48—49. [2]) Frank. 63—64. [3]) Kropatschek. II, 474. [4]) Прид. декретъ 14 ноября 1783 г (Kropatschek. II, 474). Frank. 64.

ленїе. Эти списки собрать и потомъ разрѣшать постройку молитвеннаго дома въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ найдется 100 семействъ. Для установленія порядка, слѣдовало бы назначить срокъ по 1 марта 1782 г., по истеченіи же его за переходъ отъ господствующаго вѣроисповѣданія къ терпимому наказывать конфискаціей имущества.—Члены государственнаго совѣта—Крезель, Лёръ и Гатцфельдъ были также за распоряженіе губерніямъ, но назначеніе срока (terminus praeclusivus) для заявленій о вѣроисповѣданіи находили противорѣчащимъ истинной вѣротерпимости, поэтому, по крайней мѣрѣ, теперь невозможнымъ. Геблеру казалось вполнѣ естественнымъ, что введеніе христіанской вѣротерпимости, величайшее благодѣяніе, могущее послужить къ истинному благу государства и вмѣстѣ даже религіи, сначала связано съ безпорядками. Онъ предлагалъ не публиковать патента съ предостереженіемъ, а заявленіе о вѣроисповѣданіи дѣлать въ судѣ, безъ приглашенія католическаго священника. Кауницъ настаивалъ на необходимости возможно скорѣйшаго предписанія пасторамъ о воздѣйствіи на общины. Высочайшей резолюціей (31 дек. 1781 г.), главное содержаніе которой было приведено въ извѣстность придворнымъ декретомъ 2 января 1782 г., было отклонено предложеніе канцеляріи опубликовать по этому поводу особый патентъ, такъ какъ эти безпорядки обнаружились только въ немногихъ мѣстахъ и такая публикація послужитъ только поводомъ къ ненужному и, можетъ быть, вредному шуму. Провинціальный администраціи было предписано: 1) какъ только обнаружатся безпорядки, объявить не католикомъ, чтобы они поступали самымъ точнымъ образомъ по патенту о вѣротерпимости, не выискивали другъ друга, но заявляли о себѣ каждый въ отдѣльности у своего непосредственнаго начальства, безъ приглашенія пастора. Начальство каждому даетъ билетъ о сдѣланномъ заявленіи и еженедѣльно доноситъ объ этомъ уѣздному суду. Послѣдній, если наберется установленное число семействъ, сообщаетъ правленію съ мнѣніемъ, можно-ли позволить имъ имѣть свой молитвенный домъ и своего священника, гдѣ и какимъ образомъ. Правленіе тотчасъ разрѣшаетъ, или, если встрѣтятся препятствія, немедленно доноситъ объ нихъ двору.

2) Хотя некатоликамъ предоставлена свобода вѣры и совѣсти, однако, они не смѣютъ угрозами, или выраженіемъ презрѣнія принуждать къ своей вѣрѣ своихъ католическихъ согражданъ.

3) Еще менѣе смѣютъ они хулить, или позволять себѣ выходки противъ богослуженія другого вѣроисповѣданія, или накладывать руки на церкви, изображенія, статуи, въ противномъ случаѣ они будутъ со всей строгостью подвергнуты наказанію за нарушеніе общественнаго спокойствія и за давленіе на чужую совѣсть

4) Въ гостинницахъ и во всякихъ собраніяхъ они должны, подъ опасеніемъ неизбѣжнаго наказанія, воздерживаться отъ всякаго разговора о вѣрѣ, а тѣмъ болѣе отъ выраженія презрѣнія и хулы.

5) Католическіе подданные должны относиться къ своимъ заблуждающимся братіямъ со всей любовью и расположеніемъ и также воздерживаться отъ всякихъ споровъ о вѣрѣ и поношеній.

Начальству приказывалось:

1) Не обнаруживать никакой ненависти или отвращенія къ мирнымъ гражданамъ за принадлежность ихъ къ иному вѣроисповѣданію и быть безпристрастно правосуднымъ.

2) Не мѣшать сходкамъ некатоликовъ для молитвы или чтенія, тѣмъ менѣе, если онѣ бываютъ во время католическаго богослуженія.

3) Если окажется нужда въ наказаніи за выходки, поношеніе и т. п., то всякій разъ ясно и опредѣленно заявлять, что наказаніе налагается ни въ какомъ случаѣ не за вѣру.

Духовенство должно воздерживаться на каѳедрѣ и въ обращеніи отъ всякихъ споровъ и поношеній, объяснять только ученіе Христа, доказывать его пользу, безъ всякихъ колкостей на счетъ противнаго вѣроисповѣданія, болѣе внѣдрять въ людяхъ вѣру и нравственное ученіе, чѣмъ вдаваться въ ученые богословскіе споры предъ непонимающимъ ихъ народомъ.

Не нужно назначать terminum praeclusivum для объявленія подданными, какую вѣру они желаютъ исповѣдывать, такъ какъ установленіе этого срока покажетъ, что позволяется заявить только тѣмъ, которые въ сердцѣ и на дѣлѣ всегда были протестантами, а не обращаются ко всему населенію страны, или, т. ск., къ каждому съ вопросомъ, желаетъ-ли онъ быть католикомъ, или протестантомъ. При отобраніи протестантскихъ книгъ держаться вновь изданныхъ правилъ цензуры.

Что касается въ частности настоящаго случая, то прежде всего опредѣлить libero pede, кто были зачинщиками, совершившими преступленіе на словахъ или дѣйствіемъ и, если они ordentlich будутъ указаны, сначала взять ихъ подъ арестъ, а всѣ акты прислать въ Вѣну для дальнѣйшаго рѣшенія, которое послужитъ нормой на будущее время.

Наконецъ, этимъ высочайшимъ распоряженіемъ предписывалось туда, гдѣ общины въ опредѣленномъ числѣ заявятъ о своей принадлежности къ не католическому вѣроисповѣданію, для попеченія объ нихъ немедленно назначить нужное духовенство изъ венгерскихъ или тешенской земель. Правленіямъ снова отдавался приказъ позаботиться, чтобы у этихъ общинъ не встрѣтилось недостатка въ способныхъ, скромныхъ и честныхъ духовныхъ лицахъ. Особенная же высочайшая воля и приказаніе состояли въ томъ, чтобы это некатолическое духовенство такъ же, какъ прежнее, съ надлежащей скромностью объясняло и укореняло въ народѣ высочайшее намѣреніе и смыслъ христіанской вѣротерпимости[1]).

И къ этому распоряженію дѣлались пояснительныя добавленія и именно:

1) **Относительно религіозныхъ волненій.**

Въ случаѣ возникновенія безпорядковъ изъ-за религіозныхъ во-

[1]) Frank. 65—69. Hock. 344—345. Meynert. 51—54. Wolf, G. Josefina. 75—79.

просовъ, ни одна сторона не должна рѣшать дѣло силой, а предоставить рѣшеніе суду, по которому должны быть наказаны по всей строгости закона какъ провинившіеся противъ некатоликовъ католики, такъ и некатолики, какимъ бы то ни было образомъ нападающіе на господствующую вѣру[1]). Однако, послѣднихъ тотчасъ послѣ отобранія показанія отпускать домой и только по производствѣ судебнаго или губернскаго слѣдствія снова вытребовать въ судъ и подвергать должному наказанію[2]). Но такіе преступники должны быть наказываемы гражданскимъ присутственнымъ мѣстомъ полицейскими наказаніями[3]) и, только въ случаѣ обнаруженія на слѣдствіи уголовнаго преступленія, предаваемы уголовному суду[4]). Въ случаѣ такого преступленія некатолика подданнаго противъ католической вѣры бранью или совращеніемъ другихъ, которое заслуживаетъ болѣе строгаго наказанія, всякій разъ начальство докладываетъ уѣздному суду, а послѣдній правленію, потому что въ подобныхъ запутанныхъ случаяхъ нельзя предоставить наказаніе обычному приговору начальства. (Придв. декретъ 5 іюля 1784 г.). Въ виду того, что случаи съ некатоликами очень преувеличивались и совершенные ими проступки выставлялись въ ложномъ освѣщеніи, вообще напоминалось начальству, чтобы оно во всѣхъ случаяхъ, касающихся вѣротерпимости, приступало къ дѣлу со всей предусмотрительностью, самымъ тщательнымъ образомъ избѣгало всякаго шума и сенсаціи, не раздувало всякой мелочи и пустыхъ поступковъ, возбуждая тѣмъ волненіе, но всегда обращало главнѣйшее вниманіе на поддержаніе спокойствія и порядка (прид. декретъ 19 марта 1782 г.).

2) Относительно поведенія духовенства.

Такъ какъ случалось, что не-католики записывали своихъ католическихъ согражданъ, помимо ихъ воли и вѣдома, въ списки протестантовъ и что многіе католики такъ мало знали основательнаго о томъ или другомъ вѣроисповѣданіи, что легко позволяли увлекать себя къ отпаденію отъ католической вѣры, то было строжайше предписано духовному начальству должное исполненіе высочайшихъ распоряженій, потомъ ревностное, разумное и умѣренное обращеніе для возвращенія заблудшихъ и укрѣпленія колеблющихся овецъ (придв. декретъ 14 янв. 1782 г.).—Кромѣ этого, придв. декретомъ 28 окт. 1784 г. было приказано католическимъ священникамъ избѣгать постояннаго открытаго проклятія не католиковъ, оставить всѣ рѣзкія выраженія и намеки на счетъ послѣдователей терпимыхъ вѣроисповѣданій; увѣщевать свою паству къ мягкому обращенію съ своими заблуждающимися собратіями и давать имъ примѣръ въ этомъ собственнымъ поведеніемъ. А протестантскіе пасторы должны вести себя скромно и миролюбиво, тѣмъ

---

[1]) Придв. декр. 31 янв. 1782 г. (Kropatschek. II, 455). [2]) Тоже 24 февр. 1782 г. [3]) Тоже 30 марта и 11 апр. 1782 г.
[4]) Придв. декретъ 11 марта 1782 г. (Kropaschek. X, 888) и 26 апр. 1782 г. (Ibidem. II, 457).

болѣе избѣгать всякихъ рѣзкихъ выраженій противъ господствующаго вѣроисповѣданія, церкви и католиковъ[1]).

Распоряженіе 25 янв. 1782 г.[2]) содержало въ себѣ слѣдующія правила и предписанія, отчасти ограничивавшія предыдущія:

1. Заявленія цѣлыхъ общинъ, или дѣлаемыя огуломъ, ни въ какомъ случаѣ не признаются достаточными, но всѣ эти некатолики должны быть снова вызываемы въ судъ или магистратъ и тамъ поодиночкѣ, въ присутствіи спеціально для сего назначеннаго епископомъ и принятаго гражданской властью священника, должны быть спрашиваемы относительно вѣроисповѣданія; ихъ показанія записывать, давать имъ для подписи, причемъ духовный комиссаръ долженъ стараться совершенно несвѣдущихъ въ избираемомъ ими вѣроисповѣданіи кроткими убѣдительными словами и ясными доказательствами научить и обратить снова въ католичество. А если нѣкоторые изъ подданныхъ заявятъ о своей принадлежности къ исповѣданію или сектѣ, не указаннымъ въ законѣ о вѣротерпимости, то отсылать ихъ съ заявленіями въ присутственное мѣсто и объяснять, что такое вѣроисповѣданіе никогда не будетъ терпимо. Самая строгая воля и приказаніе Е. В., чтобы не было терпимо ни одного вѣроисповѣданія, кромѣ ясно указанныхъ въ законѣ о вѣротерпимости. Поэтому всѣ, кто не заявитъ о своей принадлежности къ одному изъ 3 терпимыхъ вѣроисповѣданій, должны считаться католиками.

2. Пока некатолики, сдѣлавшіе уже указаннымъ путемъ заявленіе, не получатъ своего собственнаго пастора, шульмейстера и молитвеннаго дома, должны посылать своихъ дѣтей для обученія чтенію и письму въ католическія школы, а равно обращаться къ католическимъ духовникамъ, какъ было раньше, за крещеніемъ, вѣнчаніемъ и погребеніемъ.

3. Начальства и присутственныя мѣста, въ случаѣ представленія пастора или шульмейстера, или просьбы объ учрежденіи молитвеннаго дома, не должны входить въ изслѣдованіе состоянія просителей некатоликовъ. Вмѣсто постройки новыхъ молитвенныхъ домовъ, по обстоятельствамъ, могутъ быть употребляемы на это другіе уже существующіе дома, а также въ видахъ экономіи предоставить имъ старыя развалившіяся церкви.

4. Въ качествѣ привиллегіи господствующей религіи, Е. В. поставилъ, чтобы католическій духовникъ, безъ приглашенія, навѣщалъ однажды больного—некатолика, предлагалъ ему свою христіанскую помощь и, въ случаѣ желанія больного перейти въ католическую вѣру и въ ней умереть, оказывалъ ему всякую нужную для этого помощь, причемъ однако эти духовники должны воздерживаться отъ всякой навязчивости и немедленно удаляться, если больной не пожелаетъ воспользоваться ихъ помощью.

5. Такъ какъ заявленія о вѣроисповѣданіи требуются отъ каждаго

[1]) Kropatschek. VI, 610—611. Frank. 69—71. [2]) Напечатано у Walch. IX, 177 ssq.

го въ отдѣльности, то можно позволять имѣть, по желанію, собственный молитвенный домъ и школу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не наберется 100 семействъ, но вообще насчитается 500 лицъ.

На это распоряженіе, первый параграфъ котораго для свѣдѣнія некатоликамъ былъ изданъ въ видѣ печатнаго циркуляра на родномъ языкѣ, послѣдовалъ рядъ разъясненій и именно:

1) Относительно заявленій о вѣроисповѣданіи.

Тамъ, гдѣ при заявленіяхъ больше всего встрѣчается затрудненій, при допросѣ долженъ присутствовать окружной чиновникъ. Отъ допросовъ по одиночкѣ и подписи нельзя отступать, такъ какъ это—единственный вѣрный путь привести въ извѣстность и потомъ защититься отъ назойливости для тѣхъ, которые объявляютъ себя некатоликами по страху или принужденію, или, помимо вѣдома и желанія, заносятся въ списки. Слѣд., эта процедура заявленій—особое благодѣяніе и неизбѣжно-нужная предосторожность. Заявившіе о себѣ въ канцеляріяхъ судовъ, какъ о некатоликахъ, по прибытіи комиссаровъ, вызываются въ судъ и потомъ отъ явившихся отбираются заявленія, согласно съ предписаніемъ; напротивъ, не явившіеся или не сдѣлавшіе о себѣ заявленія считаются католиками (придв. декретъ 21 марта 1782 г.). Не должно имѣть мѣста принужденіе къ подачѣ заявленій о вѣроисповѣданіи при помощи войска[1]), а также никто, самъ не выступающій съ заявленіемъ о перемѣнѣ вѣроисповѣданія, не долженъ быть ни спрашиваемъ объ немъ, ни принуждаемъ къ заявленію[2]). Всѣ заявленія должны дѣлаться собственнолично, потому что только такъ можно дать каждому случай высказаться свободно и откровенно и устранить всякое давленіе на совѣсть. Такъ какъ доселѣ не установлено никакого termini decretorii, то каждому предоставляется, по желанію, заявить о своей принадлежности къ не католическому вѣроисповѣданію. Лица, заявляющія себя въ комиссіи некатоликами и при кроткомъ убѣжденіи духовнаго комиссара не желающія возвратиться въ католическую вѣру, должны быть немедленно причислены къ некатоликамъ, наставлены-ли они въ положеніяхъ своей вѣры или нѣтъ, такъ какъ вѣра—Божій даръ и никого нельзя насиловать. Передача таковыхъ католическому духовенству для наставленія шла бы прямо въ разрѣзъ съ имѣемой въ виду распоряженіями о вѣротерпимости свободой совѣсти. Кромѣ того, подъ предлогомъ недостаточнаго наставленія, отсылали бы назадъ, если и не всѣхъ, всетаки большинство некатоликовъ (придв. декретъ 31 марта 1782 г.). Когда Каринтское правленіе (8 апр. 1782 г.) предлагало съ тѣми лицами, которыя происходятъ отъ католическихъ родителей, всегда жили хорошими католиками, а теперь, несмотря на то, что не знаютъ никакой другой вѣры, объявляютъ себя некатоликами, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, поступать, какъ съ католиками, или смотрѣть на нихъ, какъ на от-

[1]) Придв. декретъ 17 апр. 1782 г. (Kropatschek. II, 453).
[2]) Придв. декретъ 19 мая 1783 г. (Kropatschek. II, 464).

ступниковъ, придворная канцелярія нашла это предложеніе совершенно противорѣчащимъ распоряженіямъ о вѣротерпимости. Императоръ написалъ (26 апр.): „Объяснить правленію, что теперь всякому предоставлена свобода исповѣданія или господствующей вѣры или одной изъ терпимыхъ, слѣд., отнынѣ нѣтъ мѣста для crimen apostasiae".

2. Относительно духовныхъ комиссаровъ.

Какъ изъ уѣзднаго персонала въ комиссію по заявленію вѣроисповѣданія должны быть выбраны лица самыя способныя и скромныя, такъ и епископы для принятія заявленій должны назначать самыхъ способныхъ, кроткихъ и скромныхъ духовныхъ лицъ, которыя обязаны точнѣйшимъ образомъ соблюдать нормальныя предписанія, въ противномъ случаѣ на счетъ епископовъ будутъ назначаться свѣтской власти лица, болѣе способныя. (Придв. декретъ 18 марта 1782 г.). Эти комиссары должны производить свои испытанія кратко, а не проводя по цѣлому дню съ 4—5 человѣками, и въ этомъ случаѣ не вдаваться ни въ какія бесѣды съ не католиками для обращенія ихъ, потому что дѣлать это предписано въ другое время[1]). Ни одинъ викарій въ своемъ викаріатѣ и не одинъ священникъ въ своемъ приходѣ не могутъ быть употребляемы въ качествѣ комиссаровъ[2]) и ни одинъ духовный комиссаръ не можетъ принимать заявленій на себя лично, но суды и магистраты даже должны заносить въ протоколъ заявленія не католиковъ[3]). 16 апр. 1782 г. была объявлена и опубликована по всей странѣ высочайшая благодарность духовнымъ комиссарамъ, присутствовавшимъ въ кёниггрецкомъ округѣ при заявленіи о вѣроисповѣданіи и своимъ мудрымъ и скромнымъ поведеніемъ обратившимъ въ католическую вѣру 121 человѣка.

3. Относительно духовныхъ требъ.

Уже 13 янв. 1782 г. на запросъ не католика въ Вѣнѣ, можетъ-ли онъ пригласить крестить свое дитя мѣстнаго посольскаго проповѣдника, послѣдовола высочайшая резолюція, что никакія требы не могутъ быть позволены лицамъ, не подчиненнымъ мѣстнымъ государственнымъ законамъ. Когда же въ будущемъ мѣстные протестанты построютъ себѣ собственный молитвенный домъ и заведутъ собственныхъ священниковъ, тогда не будетъ никакого затрудненія разрѣшить имъ все, въ силу объявленной системы вѣротерпимости, потому что ихъ священники будутъ подчинены мѣстной судебной власти. Однако и тогда вести метрическія книги будутъ одни католическіе священники, такъ какъ они получаютъ съ некатоликовъ епитрахильные налоги (придв. декретъ 22 февр. 1782 г.). Поэтому некатолическіе пасторы обязаны по окончаніи каждаго мѣсяца представлять католическому священнику чрезъ мѣстнаго присяжнаго судью подробный списокъ крещенныхъ, повѣнчанныхъ и погребенныхъ въ этомъ мѣсяцѣ;

[1]) Придв. декретъ 15 апр. 1782 г. (Kropatschek. II, 453). [2]) Распор. въ Богеміи 14 февр. 1782 г. (Ibidem. II, 451). [3]) Придв. декретъ 7 марта 1782 г. (Ibidem. II, 451).

причемъ однако некатоликъ обязанъ предварительно заявлять католическому священнику о крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи и представлять jura stolae[1]). По позднѣйшему распоряженію[2]), пасторы должны немедленно послѣ акта доносить приходскому священнику о случаяхъ рожденія и вѣнчанія, а о случаяхъ смерти откладывать. Пастору не возбранялось вести метрики для частныхъ свѣдѣній. Если, за недостаткомъ некатолическаго проповѣдника, крещеніе и вѣнчаніе у протестантовъ совершаетъ католическій священникъ, то онъ долженъ и эти actus ministeriales совершать по-нѣмецки или по-богемски, по положенію мѣста, и по введенному въ Силезіи per usum ritus, ведущему начало отъ временъ Лютера и, слѣд., меньше другихъ, вошедшихъ въ употребленіе съ теченіемъ времени, отличающемуся отъ католическаго (придв. и губ. декреты 16 марта, 20 мая и 26 іюня 1782 г.). Дополнительнымъ распоряженіемъ было предписано употреблять этотъ силезскій чинъ только при лютеранскихъ требахъ, а реформатовъ не принуждать къ нему, при крещеніи же послѣднихъ, согласно съ изданной кёниггрецкимъ епископомъ инструкціей, опускать экзорцизмы и помазаніе св. миромъ, произносить только при окропленіи водой на родномъ языкѣ обычную формулу: „Gà tebe krtjm“ (я крещу тебя), потомъ молитву господню и символъ вѣры; при вѣнчаніи произносить обычное брачное благословеніе на родномъ языкѣ, но опускать принесеніе stola и кропленіе св. водой. Когда католическій священникъ идетъ съ протестантскимъ покойникомъ, то распоряжается, чтобы во время этой процессіи не пѣлось никакой пѣсни, въ которой бы было какое-нибудь противорѣчіе съ ученіемъ о чистилищномъ огнѣ или другими католическими догматами[3]).

Стремленія императора ввести вѣротерпимость подвергались различнымъ ложнымъ толкованіямъ. Такъ, одинъ пасторъ во Всетинѣ (въ Моравіи) распространялъ слухъ, что до праздника Іоанна каждому предоставляется свободный выборъ вѣроисповѣданія, а послѣ каждый долженъ оставаться въ избранномъ; тѣмъ, которые объявятъ себя католиками, будетъ положено на лбу клеймо[4]). При переписи протестантовъ въ Пардубицѣ множество крестьянъ заявили, что они не желаютъ быть католиками, а хотятъ принадлежать къ той вѣрѣ, которой держится императоръ, или какую онъ предпишетъ имъ. Послѣ того, какъ государственный совѣтъ высказался за посланіе, объясняющее религіозное настроеніе и намѣреніе императора, послѣдній 16 апр. 1782 г. одобрилъ изданіе циркуляра. Въ немъ были выведены такіе ложные слухи:

1) что Е. В. не только совершенно все равно, какой бы вѣры ни держались его подданные, но даже пріятно отпаденіе ихъ отъ католической.

2) Что объявившіе объ этомъ своемъ отпаденіи получаютъ за это нѣкоторыя преимущества и матеріальныя выгоды.

---

[1]) Придв. декретъ 9 авг. 1782 г. (Kropatschek. II, 469). [2]) Тоже 12 дек. 1784 г. (Ibidem. VI, 609). [3]) Frank. 71—77.

[4]) Личный высочайшій приказъ гр. Блюмегену 23 іюля 1782 г. (Meynert. 54—55).

3) Что достаточно простаго заявленія о нежеланіи быть католикомъ, совсѣмъ не требуется заявлять о своей принадлежности къ одному именно изъ терпимыхъ вѣроисповѣданій.—Въ циркулярѣ заявлялось, что императоръ желаетъ, чтобы всѣ безъ исключенія его подданные по добровольному убѣжденію были привязаны къ единоспасающей католической вѣрѣ. Но далекій отъ примѣненія когда нибудь насильственныхъ мѣръ въ цѣляхъ желаннаго соединенія всѣхъ въ лонѣ католической церкви, Е. В. соизволилъ объявить вѣротерпимость и тѣмъ, которые объявятъ себя послѣдователями одного изъ терпимыхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій, предоставить отправленіе ихъ религіозныхъ обязанностей.—Въ концѣ обѣщалось тяжелое наказаніе всѣмъ виновнымъ въ насильственномъ совращеніи въ одно изъ терпимыхъ вѣроисповѣданій или въ распространеніи ложныхъ слуховъ[1]).

Неблагосклонное отношеніе императора къ переходу въ протестантство видно, помимо этого циркуляра, и изъ разныхъ частныхъ случаевъ. Такъ, когда католическій священникъ, Лука Шифферъ изъ Крайны, заявилъ о своемъ переходѣ въ протестантство, то былъ высланъ за это изъ страны (въ 1784 г.). Крайнскій же священникъ, францисканецъ Парадейзеръ, просившій у императора или о сложеніи сана, или о позволеніи перемѣнить вѣру, 16 апр. 1784 г. получилъ такое высочайшее рѣшеніе: „Такъ какъ уже альтернатива просьбы доказываетъ испорченность безпокойнаго и злого монаха, то помѣстить его за эту альтернативу въ Грацскій рабочій домъ на неопредѣленное время, гдѣ ему носить рясу, а относительно работы и пищи держать наравнѣ съ остальными арестантами“.—Эксъ-іезуитъ Галамбосъ за прошеніе о позволеніи перейти въ протестантство былъ высланъ изъ страны (въ 1787 г.).

Эти случаи тѣмъ замѣчательнѣе, что самъ императоръ въ янв. уже 1782 г. отмѣнилъ crimen apostasiae[2]).

Правительство было поражено огромнымъ количествомъ протестантовъ. До конца октября 1782 г. въ коронныхъ земляхъ объявилось 73.722 человѣка. Когда намѣстникъ Каринтіи уже въ началѣ 1782 г. выразилъ свое колебаніе по этому поводу, получилъ въ отвѣтъ приказъ (18 февр. 1782 г.) точно держаться распоряженій о вѣротерпимости, а не умствовать[3]). Все-таки придворная канцелярія сочла нужнымъ изслѣдовать причины этого отпаденія отъ католичества въ Каринтіи и сдѣлала запросъ объ этомъ Гуркскому князю-епископу. Послѣдній указалъ, какъ на главную причину, на двоихъ фанатичныхъ и корыстолюбивыхъ священниковъ своей епархіи, а въ качествѣ средствъ противодѣйствія—на хорошія школы, облегченіе постовъ, позволеніе причащенія sub utraque, а также установленіе termini praeclusivi для заявленій о вѣроисповѣданіи.—Императоръ предоставилъ епископу сдѣлать разрѣшеніе относительно постовъ и причащенія и, по совѣту Кауница и проф. Мартини, 9 дек. 1782 г.

[1]) Frank. 77—79. Hock. 348—350. [2]) Hock. 325—327. [3]) Meynert. 44.

назначилъ этотъ terminum praeclusivum. Въ придв. декретѣ 15 дек. 1782 г., которымъ была объявлена эта высочайшая воля, говорилось: Такъ какъ распоряженіе о порядкѣ заявленій сдѣлано уже 25 янв., слѣд., у всякаго было достаточно времени, по желанію, сдѣлать заявленіе, то теперь необходимо положить конецъ этому дѣлу, предоставить собравшемуся количеству некатоликовъ пользованіе вѣротерпимостью по предписанью, но далѣе болѣе не принимать такихъ заявленій отъ подданныхъ или общинъ. Поэтому присутственныя мѣста, не дѣлая публикаціи, пусть сдѣлаютъ распоряженіе уѣзднымъ судамъ, только для руководства, и въ виду приближенія срока особыми эстафетами, чтобы, начиная съ 1 янв. 1783 г., не принимать болѣе никакихъ заявленій этого рода, и допустить до заявленія еще и поступить согласно съ предписаніемъ съ тѣми, которые явятся до 1 янв. 1783 г., слѣд., всѣ, не заявившіе о себѣ до этого срока, какъ о не католикахъ, впредь ipso facto причисляются къ господствующему вѣроисповѣданію и считаются дѣйствительными католиками и, въ случаѣ отпаденія ихъ впослѣдствіи отъ католической вѣры и перехода въ одну изъ терпимыхъ, будутъ считаться отступниками и въ качествѣ таковыхъ подлежать существующимъ распоряженіямъ[1]).

Съ этимъ декретомъ стоитъ въ противорѣчіи предназначенный не для публикаціи, а только для присутственныхъ мѣстъ декретъ 21 февр. 1783 г. Имъ предписывалось тѣхъ подданныхъ коронныхъ нѣмецкихъ земель, которые явятся съ своими заявленіями о принадлежности къ одной изъ терпимыхъ вѣръ послѣ 1 янв. 1783 г., такъ какъ противъ нихъ не имѣетъ болѣе мѣста crimen apostasiae и связанное съ нею actio fiscalis, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ (какъ то: ударовъ батогами, арестовъ, публичныхъ работъ и т. п.), отдавать на 6-ти недѣльное обученіе въ единоспасающей католической вѣрѣ, по утвержденному уже для Венгріи и Трансильваніи образцу[2]). Въ случаѣ-же безуспѣшности этой мѣры, предоставить ихъ свободной волѣ, которая не можетъ быть стѣсняема гражданскими наказаніями, и ихъ, хотя и пагубному для нихъ, заблужденію[3]).

Такъ какъ, несмотря на задержку наставленіемъ, число некатоликовъ значительно увеличивалось (въ дек. 1785 г. ихъ было въ коронныхъ земляхъ уже 107.454), въ видахъ сокращенія отпаденій на будущее время, насколько позволяетъ христіанская вѣротерпимость, епископамъ было предложено (придв. декретъ 21 янв. 1781 г.) въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ протестанты живутъ смѣшанно съ католиками, гдѣ, слѣд., больше опасности совращенія, назначать священниками людей наиболѣе образованныхъ и ревностныхъ, однако, скромныхъ, и во всякомъ случаѣ неспособныхъ замѣнить другими такими,

---

[1]) Frank. 79—80. Hock. 351—352. Гокъ предполагаетъ, что пунктъ объ угрозѣ отступничествомъ попалъ въ этотъ декретъ по ошибкѣ, въ дѣйствительности же онъ относится только къ священникамъ и монахамъ, желавшимъ для своей секуляризаціи перехода въ протестантство (328).

[2]) Frank. 80—81. Hock. 353, 357. [3]) Придв. декретъ 23 апр. 1783 г. (Frank. 81) ср. другія распоряженія у Frank. 81—83.

которые, благодаря пріобрѣтенному въ приходахъ довѣрію, скорѣе оказались бы въ состояніи укрѣпить колеблющихся въ вѣрѣ и помѣшать отпаденію[1]).

Наконецъ, протестантамъ было предписано при встрѣчѣ съ св. дарами обнаруживать къ нимъ почтеніе[2]). Но, съ другой стороны, было запрещено принуждать протестантовъ къ католическимъ обрядамъ и преслѣдовать за работу въ католическіе праздники, если при этомъ протестанты не производятъ никакого безчинства, похожаго на насмѣшку надъ католической вѣрой[3]).

Высочайше дарованная вѣротерпимость столкнулась съ фанатической нетерпимостью католиковъ: при приведеніи въ исполненіе патента о вѣротерпимости у протестантовъ постоянно выходили столкновенія съ католиками. Цѣлый рядъ высочайшихъ приказовъ [напр., 19 марта, 8 и 15 апр. 1782 г.][4]) можетъ служить подтвержденіемъ этого печальнаго явленія. Но, несмотря на всѣ приказы, съ протестантами обращались съ жестокостью, мыслимой развѣ только въ варварскія времена 30-ти-лѣтней войны. Стоитъ прочитать объ этихъ притѣсненіяхъ представленіе, сдѣланное Іосифу II (29 авг. 1782 г.) нѣкоторыми Тешенскими общинами аугсбургскаго исповѣданія[5]). Но Тешенъ не былъ несчастнымъ исключеніемъ: введеніе вѣротерпимости сталкивалось съ препятствіями почти повсюду, особенно въ наиболѣе отдаленныхъ отъ резиденціи провинціяхъ.

Отъ современниковъ Іосифа II сохранилось много жалобъ на то, что мѣры императора относительно вѣротерпимости подолгу оставались подъ сукномъ, часто и совсѣмъ не исполнялись; распускались чудовищные слухи; католики подвергали протестантовъ всевозможнымъ униженіямъ и оскорбленіямъ. Много горькихъ жалобъ въ этомъ смыслѣ содержится у злосчастнаго пастора Эйзенбаха въ его «D. von Kaiser Joseph II in seinen Staaten zwar gegründete, aber von d. Römischen Hierarchie untergrabene Toleranz». „Патенты и распоряженія,—говорилъ онъ въ обращеніи къ императору,—которые должны быть намъ полезны и охранять насъ, удерживаются, скрываются (ср. предисловіе); даже извѣстные намъ патенты правительственными учрежденіями истолковываются превратно; жадность католическихъ священниковъ все еще умѣетъ налагать на некатоликовъ контрибуцію, чему усердно помогаютъ чиновники, подавая другъ другу руку. Совѣтники и докладчики маскируютъ истину предъ вашимъ тономъ; есть такія высшія правительственныя учрежденія, которыя, въ случаѣ жалобы на нихъ В. И. В., за своей собственной подписью выносятъ отъ вашего имени такія резолюціи, которыя позорятъ справедливость, идутъ въ разрѣзъ съ законами страны и совершенно отрицаютъ человѣческія права“[6]).

---

[1]) Frank. 83—84. [2]) Придв. декретъ 9 сент. и 20 дек. 1783 г. (Kropatschek. II, 466).
[3]) Распор. въ Богеміи 1 мая 1785 г. Kropatschek. VIII, 706) Frank. 84—85.
[4]) Wolf. P. Ph. III, 206—207, прим. [5]) Ibidem. III, 214—219.
[6]) 2—3 ср. 12, 17—18.

Въ жалобѣ уѣздному суду (30 сент. 1785 г.) Эйзенбахъ характеризовалъ отношеніе католиковъ къ протестантской общинѣ въ Эфердингѣ, гдѣ онъ былъ раньше пасторомъ. Католическій капелланъ оскорблялъ и его лично и все вѣроисповѣданіе, проповѣдуя, что Лютеръ сидитъ въ аду, да и вся его церковь съ пасторомъ (Эйзенбахомъ) проклята[1]). Католики не продали протестантской общинѣ нужное ей для ризницы мѣсто, примыкавшее къ ея молитвенному дому[2]), бросали на алтарь камни, били стекла, мазали двери человѣческимъ каломъ, бросали предъ молитвеннымъ домомъ трупъ свиньи, проходя мимо кричали: „свиной храмъ! свиная вѣра!“[3]). Немного спустя, (29 янв. 1786 г.) Эйзенбахъ жаловался тому же суду на то, что сами протестанты, ихъ вѣра и ея служители подвергались всевозможнымъ оскорбленіямъ, когда обращались за свидѣтельствами относительно своего вѣроисповѣданія, такъ что, въ случаѣ продолженія такихъ порядковъ, обѣщалъ обратиться къ самому императору[4]).

Другой современникъ сообщаетъ: „Въ Каринтіи вѣротерпимость въ строгомъ смыслѣ слова существуетъ только по имени. Католицизмъ лицемѣритъ въ лицо вѣротерпимости. Но внутренно онъ выглядитъ такъ же, какъ и до введенія ея. На туземныхъ лютеранъ онъ смотритъ, какъ на неизбѣжное зло. Въ первые годы вѣротерпимости судебнымъ чиновникамъ казалось богоугоднымъ дѣломъ получить императорскій патентъ въ пользу протестантовъ и не объявить его или, по крайней мѣрѣ, по благоусмотрѣнію, измѣнить или оттянуть. Публично и тайно осыпаютъ иновѣрныхъ проклятьями, возбуждаютъ противъ нихъ въ народѣ ненависть, которая нерѣдко переходитъ въ дѣло“[5]). Находились люди, распускавшіе слухи, что императоръ требуетъ переписи некатоликовъ затѣмъ только, чтобы связать ихъ съ женами и дѣтьми и отвести въ Банатъ, или куда нибудь еще; съ этой цѣлью изготовлено 30—40/т. цѣпей, изъ которыхъ къ каждой можно приковать 8—9 человѣкъ. При заявленіяхъ о вѣротерпимости часто имѣли мѣсто оскорбительныя выходки. Когда протестанты являлись, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ отсылали къ чорту: „Будте вы всѣ прокляты, убирайтесь всѣ къ черту, какъ родители, такъ и дѣти ваши и всѣ лютеране на свѣтѣ! У васъ уже ростутъ рога и хвосты, какъ у чертей, только вы ослѣплены и поэтому не видите ихъ и не чувствуете“. 29 авг. 1782 г. перешедшія въ аугсбургское исповѣданіе общины Верхняго и Нижняго Устрона, Вейхзеля, Голешау, Оберъ-Лишны, Дзигелау, Вендрина, Нидека и Цейсловица въ прошеніи на высочайшее имя жаловались на то, что отеческими и мудрѣйшими распоряженіями злоупотребляютъ, къ крайнему оскорбленію совѣсти и публичному посрамленію терпимой вѣры. Духовный комиссаръ, Яковъ Швинтекъ, священникъ Оберъ-Лишны въ

[1]) Eisenbach L., c., 228—230.5 [2]) Ibidem. 230—231. [3]) Ibidem. 232—233. [4]) Ibidem. 238—240 ср. 250—252, 38—40, 22—253, 253—255, 259—261, 405, 409. 420—421.

[5]) Etwas über d. Toleranz d. Katholiken gegen d. Lutheraner, über d. Zustand d. lutherischen Gemeinden, ihrer Geistlichen und—d. Schulanstalten im Herzogthum Kärnthen (Henke, H. Ph. C. „Archiv für d. neueste Kirchengeschichte. Bd. V. Weimar. 1798. 109—143). Frank. 123.

деканствѣ въ Тешенѣ, мѣстѣ комиссіи, назвалъ евангелическую вѣру догматикой, составленной изъ стараго тряпья, произведеніемъ порочнаго монаха. „Намъ возвѣщаютъ вѣчное проклятіе и приказываютъ идти къ чорту въ самую преисподнюю. Вообще поведеніе этой духовной комиссіи такъ не духовно, что мы осмѣливаемся утверждать: благодаря ей, скорѣе поколеблется католикъ, не имѣвшій еще никакого сомнѣнія въ своей вѣрѣ, чѣмъ обратиться некатоликъ. Молодыя лица, ниже 20 лѣтъ, не смотря на ихъ письменное заявленіе, отсылаются, какъ несовершеннолѣтнія, къ католическому богослуженію, хотя не предписано никакого annus aetatis determinativus. Если родители не хотятъ давать своимъ еще несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ католическаго образованія, ихъ наказываютъ арестомъ, запираютъ въ тюрьму и заставляютъ еще платить деньги за вынесенный арестъ. Нѣкоторые, защищавшіеся противъ навязчивости сокомиссара Швинтека, подверглись отъ комиссіи пощечинамъ, даже палочнымъ ударамъ и другимъ оскорбленіямъ. Насъ хотятъ уговорить и напугать, что данная всемилостивѣйше В. В. вѣротерпимость просуществуетъ недолго и что всѣ, теперь заявившіе о своей принадлежности къ аугсбургскому исповѣданію, современемъ подвергнутся тѣмъ бо́льшимъ притѣсненіямъ“[1]).—Срокъ для свободныхъ заявленій о вѣроисповѣданіи, окончившійся съ декабремъ 1782 года, большинству былъ объявленъ послѣ его истеченія. Нѣкоторые, сдѣлавшіе заявленіе позднѣе, были заперты въ монастыри.—Когда собиралось и установленное закономъ число протестантовъ для полученія права требовать молитвеннаго дома, устраивали затрудненія то относительно мѣста, на которомъ строить его, то относительно приглашенія пастора. Одинъ Каринтскій крестьянинъ подарилъ достаточное количество земли для постройки молитвеннаго дома, но Виллахскій уѣздный судъ запретилъ постройку, такъ какъ означенное мѣсто было слишкомъ близко къ католическому храму, и указалъ для постройки лобный холмъ, куда въ проливные дожди можно было попасть только на лодкѣ. Виллахомъ проѣзжалъ Іосифъ II. Вышеупомянутый крестьянинъ, съ нужными бумагами въ рукѣ, пробрался къ императорскому экипажу, но важныя лица свиты, въ томъ числѣ областной начальникъ, оттѣснили его назадъ. Тогда онъ закричалъ, махая бумагой въ воздухѣ: „Государь императоръ, государь императоръ, крестьянинъ-лютеранинъ!“ Его пропустили и онъ обратился къ императору съ просьбой, о разрѣшеніи постройки церкви. Послѣдній, удивленный просьбой, казавшейся ему излишней, сказалъ: „Такъ стройте ее“! „Да.—отвѣтилъ крестьянинъ,—эти господа (онъ указалъ на областного начальника и судью) отвели намъ подъ нее лобное мѣсто, а мы не желаемъ его, а на томъ, на которомъ мы желаемъ, намъ запрещаютъ“. Императоръ взялъ бумаги и съ ближайшей почтовой станціи послалъ въ Вѣну Fiat.—Въ Виллахѣ же протестантскимъ священникамъ не позволяли хоронить протестантскихъ дѣтей, такъ

[1]) Schlözer. Staatsanzeigen. II, 318. Köster. Jahrgang 1783, 408 (Frank. 123—125).

какъ послѣднія, какъ еще не sui juris не могутъ быть причислены къ протестантамъ. Внутренне-австрійская губернія (29 янв. 1783 г.) уничтожила это ограниченіе, но не хотѣла отнести въ числу дозволенныхъ обрядовъ надгробныя рѣчи и Abdankungen[1]).

Намъ остается сказать еще объ организаціи при Іосифѣ II церковнаго дѣла протестантовъ и реформатовъ.

Для однообразія и поддержанія добраго порядка императоръ уже въ 1783 г. назначилъ Тилиша суперъинтендентомъ въ Австріи выше Энса и Фокка—въ Нижней Австріи. Первый, кромѣ того, имѣлъ наблюденіе за передними австрійскими землями (Vorland) и Тиролемъ, а второй—за всѣми внутренне-австрійскими. Въ 1784 г. послѣдовало назначеніе совѣтника тешенской консисторіи, Т. Бартельма суперъинтендентомъ Моравіи, Силезіи и Галиціи, пастора І. Лого—для послѣдователей аугсбургскаго исповѣданія въ Богеміи и пастора Ф. Ковача—для послѣдователей гельветическаго исповѣданія тамъ же. Подъ руководствомъ этихъ суперъинтендентовъ состояли сеніоры, по одному на 10 некатолическихъ приходовъ, съ утвержденія присутственнаго мѣста. Суперъинтенденты, по инструкціи тешенской консисторіи, должны были рѣшать всѣ случающіеся споры о вѣрѣ, сомнѣнія и церковныя дѣла, съ приглашеніемъ нѣсколькихъ сеніоровъ, но съ сохраненіемъ апелляціи къ присутственному мѣсту. Они сами должны испытывать и поставлять для своихъ округовъ нужныхъ проповѣдниковъ, но всякій разъ представляя на утвержденіе присутственному мѣсту. 13 марта 1786 г. была издана консисторіей составленная Фокомъ и высочайше утвержденная особая инструкція для суперъинтендентовъ и сеніоровъ аугсбургскаго исповѣданія въ коронныхъ земляхъ. Первымъ §ея суперъинтендентамъ были предоставлены широкія права: они имѣютъ наблюденіе въ своихъ округахъ вообще за всей церковной жизнью и относящимися сюда учрежденіями и лицами, за публичнымъ наставленіемъ въ молитвенныхъ домахъ и школахъ, за совершеніемъ и порядкомъ общественнаго богослуженія, за образомъ жизни и вѣрностью служенію проповѣдниковъ и учителей, за распоряженіемъ церковной собственностью и вообще за всѣмъ церковнымъ строемъ отдѣльныхъ общинъ.

Реформатская церковь воспользовалась этой инструкціей, поставивъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ вмѣсто „аугсбургскаго исповѣданія“ (А. С.) „гельветическаго исповѣданія“ (Н. С.). Только въ 1829 г. реформатская вѣнская консисторія пришла къ выработкѣ своей собственной инструкціи суперъинтендентамъ на основаніи существовавшей лютеранской[1]).

Центральнымъ церковнымъ начальствомъ была открытая въ 1749 г. въ Тешенѣ протестантская консисторія, ad normam прежнихъ въ Лигницѣ, Бригѣ и Волау. Эта «förmliche und eigentliche» консисторія вступила въ жизнь 22 іюля 1784 г. Но она недолго оставалась

[1]) Köster. Jahrgang 1784, 204 f.f. (Frank. 125—126). См. также Wolf, P. Ph. III, 232—234. [2]) Frank. 104—105.

въ Тешенѣ: 20 сент. этого же года она была перенесена въ Вѣну. Просьба сословій объ оставленіи ея въ Тешенѣ была отклонена (31 янв. 1785 г.). Въ Вѣнѣ было открыто двѣ консисторіи—лютеранская и реформатская, но съ общимъ предсѣдателемъ [27 апр. 1785 г.][1]). Въ руководство имъ была дана инструкція, высочайше одобренная для тешенской консисторіи 15 іюля 1784 г. По ней, дѣло консисторій состоитъ въ наблюденіи за нравами, ученіемъ и жизнью проповѣдниковъ и школьныхъ учителей, за молитвенными домами и распоряженіемъ церковнымъ имуществомъ; отъ ихъ имени производится суперъинтендентами поставленіе утвержденныхъ государемъ проповѣдниковъ; онѣ же принимаютъ основательныя жалобы со стороны евангелическихъ общинъ на оскорбленіе ихъ правъ. Привиллегированнаго судебнаго положенія духовенства не существуетъ, брачныя дѣла всецѣло подлежатъ гражданскому суду, за исключеніемъ того, что протестантъ имѣетъ право въ дѣлахъ совѣсти обращаться въ свою консисторію. Средства на содержаніе обѣихъ консисторій (придв. рѣш. 19 дек. 1786 г.) уплачиваются ex camerali[2]). По предложенію императора, обѣ консисторіи занялись составленіемъ своего церковнаго права, при чемъ въ руководство имъ было дано «Allgemeine Kirchenrecht beider evangelischen Confessionen in Polen und Litthauen die Kirchenverfassung, gute Ordnung, Polizei und rechtliche Thätigkeit d. Consistorien betreffend» (Warschau. 1780) Шейдемантеля. Консисторіи, принимая во вниманіе, „что оба вѣроисповѣданія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ литургическихъ предметовъ, имѣютъ одинаковое церковное право“, 13 іюня 1787 г. представили правительству общій церковный порядокъ, составленный Виландтомъ. 27 февр. 1789 г. онѣ получили назадъ свой церковный порядокъ для исправленія, согласно съ вышедшими съ того времени распоряженіями. Съ Іосифомъ II былъ погребенъ и этотъ церковный порядокъ. Обработка послѣдняго, за которую взялся въ 1793 г. Виландтъ, не могла вернуть его къ жизни[3]). По желанію императора, было введено однообразіе въ протестантскомъ богослуженіи изданіемъ богослужебныхъ книгъ, одобренныхъ правительственной цензурой[4]).

Какъ постройка молитвенныхъ домовъ, такъ и содержаніе пасторовъ было возложено на протестантскія общины. Только въ знакъ особой милости къ зальцкаммергутскимъ протестантамъ императоръ повелѣлъ (24 янв. 1782 г.), въ виду особенной бѣдности мѣстныхъ жителей, жившихъ на одной заработной платѣ, на казенный счетъ выстроить молитвенный домъ и содержать священника, производя ему ежегодное жалованье въ размѣрѣ 300 флор.[5]).—Въ 1787 г. Іосифу II пришло въ голову ввести въ Венгріи за правило, чтобы послѣдователи разныхъ вѣроисповѣданій пользовались одной и той же церковью. Но

[1]) Frank. 105—108. Hock. 365—366.
[2]) Frank. 108—109. [3]) Ibidem. 109—113. [4]) Ibidem. 95—96, 114—118. Hock. 365. Eisenbach. 84—85; 183—188; 117; 87—89 ср. 323—324; 94 ср. 344—349; 354—358; 96—98; 99—100, 362—363; 102, 363—365; 102—103; 103—104, 365—366; 366—367, прим.; 104, 107—108; 328—391; 391, прим.; 396; 181—182. [5]) Frank. 89—90. Hock. 358.

всѣ опыты въ этомъ смыслѣ оказались неудачными и императоръ въ томъ же году принужденъ былъ отказаться отъ своей мысли[1]).

Во избѣжаніе затрудненій въ отправленіи религіозныхъ обязанностей, за недостаткомъ мѣстныхъ кандидатовъ священства, въ отмѣну прежняго ограниченія, придв. декретомъ (13 марта 1782 г.), первоначально имѣвшимъ значеніе только для округа Моравско-Силезской губерніи, было позволено приглашать иноземныхъ пасторовъ изъ имперіи, за исключеніемъ Саксоніи и прусской Силезіи, если они будутъ подвергнуты экзамену въ Тешенѣ или представятъ отъ своего венгерскаго суперъинтендента свидѣтельство о способностяхъ. Такъ какъ въ австрійской Силезіи былъ недостатокъ въ проповѣдникахъ, одинаково знающихъ нѣмецкій и польскій языки, и такихъ можно было достать только въ прусской Силезіи, то тешенская консисторія просила позволенія брать проповѣдниковъ и учителей изъ этой провинціи. Губернія и придв. канцелярія поддерживали ходатайство. Въ государственномъ совѣтѣ Геблеръ propter periculum in mora высказался за дозволеніе, въ видѣ исключенія; Мартини былъ противъ; Кауницъ же думалъ, что ихъ нужно брать преимущественно изъ республиканской Польши. Высочайшая резолюція по этому дѣлу (30 авг. 1782 г.) гласила: „Неизмѣнно оставаться при установленномъ запрещеніи, а губерніи приказать стараться брать духовенство преимущественно изъ республиканской Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ венгерская канцелярія должна изслѣдовать, нельзя-ли помочь венгерцами“[2]).

Для полученія утвержденія отъ государя пасторы должны были представить нужные аттестаты о своемъ поведеніи и способностяхъ или отъ тешенской консисторіи аугсбургскаго исповѣданія или отъ суперъинтендента въ Венгріи, гдѣ не существуетъ обычныхъ лютеранскихъ и реформатскихъ консисторій (придв. декретъ 6 марта 1782 г.). Вводъ въ должность утвержденныхъ присутственнымъ мѣстомъ пасторовъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ своей консисторіи или, по крайней мѣрѣ, суперъинтендента, долженъ былъ совершаться назначеннымъ уѣзднымъ судомъ лицомъ; при этомъ пасторамъ внушалось добросовѣстное исполненіе ихъ долга [придв. декретъ 28 сент. 1782 г.][3]).

Некатолическимъ священникамъ было запрещено совершеніе богослуженія, причащенія и всѣхъ другихъ требъ внѣ обычнаго молитвеннаго дома, однако они могли посѣщать своихъ единовѣрцевъ, какъ далеко живущихъ, такъ и близко, и пріобщать ихъ, но только въ случаяхъ болѣзни [придв. декретъ 17 мая 1784 г.][4]). Гдѣ существовали протестантскія школы, пасторамъ не возбранялось обучать закону божію дѣтей некатоликовъ въ школьной комнатѣ, но безъ шуму и привлеченія вниманія, равно какъ и отдѣльнымъ протестантскимъ дѣтямъ сообщать догматы ихъ вѣры по домамъ (придв. декретъ 19 авг. 1784 г.)[5]). Когда реформатское духовенство подало просьбу объ оказаніи повсюду почета и уваженія къ нему самому и къ исповѣдуемой имъ вѣрѣ и о

[1]) Hock. 362—363. [2]) Frank. 92—93. Meynert. 44—45. Hock. 342, прим. [3]) Kropatschek. II, 428. [4]) Ibidem. VI, 613. [5]) Ibidem. VI, 607.

позволеніи посѣщать и наставлять филіальныя общины, такъ какъ этого необходимо требуетъ ихъ отдаленность отъ молитвенныхъ домовъ, высочайшей резолюціей (25 окт. 1784 г.) было объявлено: „Дозволить пасторамъ посѣщеніе своихъ единовѣрцевъ и наставленіе дѣтей посѣщаемыхъ, но при семъ строго внушать пасторамъ, чтобы никто, кромѣ отца и домашнихъ слугъ некатоликовъ, не смѣлъ присутствовать при этомъ обученіи дѣтей“ [1]).

Браки некатоликовъ должны трижды оглашаться не только въ ихъ молитвенныхъ домахъ, но и въ католическихъ приходскихъ церквахъ, къ которымъ они принадлежали по мѣсту жительства, когда были католиками, потому что брачныя препятствія часто болѣе извѣстны ихъ прежнимъ католическимъ сосѣдямъ, чѣмъ настоящимъ единовѣрцамъ [придв. декретъ 6 мая 1784 г.][2]). Бракосочетаніе лицъ разныхъ вѣроисповѣданій, въ видѣ преимущества господствующей вѣры, совершаетъ католическій священникъ даже въ томъ случаѣ, если бы дѣйствительно некатолическая сторона готова была скорѣе отказаться отъ брака, чѣмъ вѣнчаться у католическаго священника. По желанію некатолической стороны, пасторъ можетъ присутствовать при благословеніи въ качествѣ свидѣтеля [придв. декретъ 25 сент. 1783 г.][3]).

Изъ идеи вѣротерпимости вытекало погребеніе некатоликовъ на общемъ кладбищѣ съ католиками. Сообразно съ этимъ, епископъ Кёниггрецкій увѣщевалъ свое духовенство убѣждать прихожанъ, что, хотя, по церковному праву, умершіе внѣ лона церкви не должны быть погребаемы на общемъ съ правовѣрными кладбищѣ, однако это—законъ дисциплинарный, измѣняющійся сообразно съ временемъ и обстоятельствами, что поэтому протестантамъ-согражданамъ, съ которыми приказано жить въ христіанской терпимости, и по смерти нужно давать мѣсто на общемъ кладбищѣ. Но когда при погребеніи одного протестанта въ Подибрадѣ произошло возмущеніе, Мартини представилъ докладъ объ отводѣ для некатоликовъ особаго кладбища. Императоръ не согласился, а распорядился, чтобы духовенству было приказано основательнѣе наставлять народъ въ истинныхъ положеніяхъ вѣры и строжайше внушать ему подчиненіе высочайшимъ приказамъ, особенно же этому относительно общаго погребенія. Придв. канцелярія, снова донося (15 мая 1783 г.) о случаѣ сопротивленія при погребеніи женщины-некатолички въ богемскомъ банатѣ Шварцкостелецъ, предлагала, во избѣжаніе болѣе опасныхъ послѣдствій, отвести для некатоликовъ особое кладбище. Въ государственномъ совѣтѣ Мартини повторилъ свой докладъ съ замѣчаніемъ, что невозможно наставленіями епископовъ и священниковъ сразу измѣнить образъ мыслей милліоновъ людей. Напротивъ, Гатцфельдъ и бар. Рейшахъ находили затруднительнымъ уступить народу въ вещи, которую онъ хочетъ взять силой. Лучше пусть духовенство учитъ народъ, а священникамъ объявить, что они, въ случаѣ возстанія, будутъ привле-

[1]) Frank. 93—95. [2]) Kropatschek. VI, 554. [3]) Frank. 101.

каемы къ отвѣтственности за послѣдствія. Императоръ положилъ такую резолюцію (16 іюня 1783 г.): „Было бы слишкомъ странно уступать народу въ дѣлѣ, основывающемся на простомъ суевѣріи и тѣмъ давать ему поводъ думать, будто онъ силой и сопротивленіемъ можетъ получить то, что́ не признано государемъ за благо, по важнымъ основаніямъ и по собственному побужденію. Посему остается въ полной силѣ мое распоряженіе относительно общаго погребенія не католиковъ съ католиками и только должно, какъ я уже распорядился въ послѣдній разъ на докладѣ 2 мая, приказать духовенству лучше наставлять народъ въ вѣрѣ, внѣдрять въ него покорность высочайшимъ приказамъ и чрезъ духовное и свѣтское начальство лучше выяснять смыслъ распоряженія объ общемъ погребеніи. Для большей гарантіи въ томъ, что духовники выполнятъ лежащую на нихъ обязанность со всей точностью, объявить каждому изъ нихъ, что, въ случаѣ повторенія этихъ возстаній на будущее время, послѣднія будутъ приписаны преимущественно недостаточному наставленію народа и ихъ привлекутъ къ отвѣтственности за послѣдствія отъ происшедшихъ безпорядковъ.—Впрочемъ, должно строжайше предложить какъ католическимъ, такъ и некатолическимъ священникамъ внушать ввѣреннымъ ихъ попеченію духовнымъ дѣтямъ любовь и дружбу къ сподданнымъ, различно мыслящимъ по религіознымъ вопросамъ; вмѣстѣ съ этимъ должно приказать судебнымъ чиновникамъ постоянно внимательно слѣдить за выполненіемъ этого обѣими сторонами“.—По новому случаю сопротивленія общему погребенію со стороны многочисленныхъ католиковъ, придворная канцелярія (31 мая 1783 г.) снова предложила отдѣльное погребеніе или въ присутствіи военной команды, но Іосифъ II опять остался вѣрнымъ самому себѣ, приказавъ (5 іюня) точнѣйшимъ образомъ руководиться его рѣшеніемъ на докладѣ канцеляріи отъ 15 мая текущаго года, такъ какъ теперь уже не въ томъ дѣло, погребать-ли на одномъ или на другомъ кладбищѣ, что́ само по себѣ безразлично, а въ томъ, что никакъ нельзя уступать при обнаруженномъ сопротивленіи, во избѣжаніе худыхъ послѣдствій.—Послѣ этого одинъ католическій священникъ, указавшій не католическому ребенку въ качествѣ кладбища живодерню, былъ наказанъ лишеніемъ должности и годичнымъ заключеніемъ въ тюрьму. Только придв. декретомъ 17 ноября 1783 г. было разрѣшено некатоликамъ завести свои кладбища въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ были храмы, а общее погребеніе должно было остаться только тамъ, гдѣ у некатоликовъ не было никакихъ мѣстъ для погребенія. На своихъ кладбищахъ некатолики могли пѣть и говорить надгробныя рѣчи, но на католическихъ ни въ какомъ случаѣ[1]).

Тріестскіе лютеране, уже съ 1778 г. пользовавшіеся «privatum religionis exercitium», ободренные патентомъ о вѣротерпимости, обратились съ просьбой о такой же милости, какая была дана грекамъ

[1]) Frank. 101—104. Kropatschek. II, 471—473.

не-уніатамъ, именно—строить публичныя церкви съ колокольнями, колоколами и свободнымъ входомъ. Губернаторъ гр. Цинцендорфъ поддержалъ ихъ ходатайство, потому что послѣдователи аугсбургскаго исповѣданія много сдѣлали для процвѣтанія города, къ тому же даже у евреевъ есть своя синагога, наконецъ, это дозволеніе привлечетъ изъ-за границы много протестантовъ, что̀ полезно для торговли. Придворная канцелярія находила, что нельзя согласиться на расширеніе правилъ о вѣротерпимости и тѣмъ болѣе слѣдуетъ отказать, что сдѣланное исключеніе дастъ поводъ обратиться съ такими же просьбами и всѣмъ остальнымъ некатоликамъ коронныхъ земель. Въ государственномъ совѣтѣ Крезель и Геблеръ стали на сторону Цинцендорфа, его поддерживалъ и Кауницъ, находившій, что дозволенное въ свободной гавани не можетъ быть приводимо въ качествѣ примѣра для другой части коронныхъ земель, и предлагавшій въ высочайшемъ опредѣленіи прямо указать rationes differentiae и то, что это разрѣшеніе дѣлается Е. В. въ Тріестѣ, по примѣру даннаго раньше мѣстнымъ православнымъ не-уніатамъ.—Высочайшее рѣшеніе (7 янв. 1782 г.) было почти дословнымъ резюме Кауницевскаго мнѣнія[1]).

Патентомъ о вѣротерпимости, кромѣ аугсбургскаго и гельветическаго вѣроисповѣданій, было признано терпимымъ православное не-уніатское. Послѣдователей послѣдняго Екатерина II взяла подъ свое покровительство[2]).

28 марта 1786 г. кн. Голицыну былъ посланъ ею рескриптъ, изъ котораго видно, что къ Румянцову-Задунайскому приходили монахи одного галиційскаго монастыря съ жалобами на притѣсненія ихъ обители. Екатерина II говоритъ, что не вѣритъ имъ, зная вѣротерпимость Іосифа, но думаетъ, что „католицкое въ Галиціи духовенство обвыкло предъ симъ во время польскаго правленія утѣснять грекороссійскую церковь“, поэтому, пожалуй, оно наклеветало императору и угнетаетъ ее. Екатерина требовала, чтобы монастырь былъ „обезпеченъ отъ всѣхъ утѣсненій и обидъ какъ въ его собственности, такъ и въ свободѣ отправленія богослуженія, по преданіямъ нашей православной церкви“. По справкѣ кн. Голицына, оказалось, что этотъ монастырь былъ закрытъ Іосифомъ наравнѣ съ другими[3]).

Въ своихъ заботахъ объ иновѣрцахъ Іосифъ не забылъ даже евреевъ. Раньше положеніе послѣднихъ въ Австріи было хуже положенія всѣхъ иновѣрцевъ. Съ 1496 г. они были изгнаны изъ внутренней Австріи. Очень мало осталось ихъ и въ Тиролѣ[4]). Ихъ было много въ Тріестѣ, гдѣ ихъ радушно приняла коммуна, въ противовѣсъ правительству, и въ Гёрцѣ. Далѣе, число ихъ было значительно въ южныхъ земляхъ, особенно въ Богеміи. Еще распространеннѣе они были въ Венгріи, а въ Галиціи уже въ то время были могущественнымъ факторомъ общественной жизни. Покровительство евреямъ со среднихъ

[1]) Frank. 90—91. Hock. 366. [2]) Письмо ея къ Іосифу (15 янв. 1781 г.) (Arneth. 38). Отвѣтъ Іосифа (24 февр. 1781 г.) (Ibidem. 46—47).
[3]) Трачевскій. Союзъ князей. 90, прим. 2. [4]) Riehl—Reinöhl. 37. Hock. 377.

вѣковъ было однимъ изъ верховныхъ правъ государей, для которыхъ они были платящими налоги рабами и отъ милости которыхъ вполнѣ зависѣли: австрійскіе государи постоянно сохраняли за собой право изгнанія ихъ. Марія-Терезія, лично враждебно настроенная противъ евреевъ, въ началѣ своего царствованія рѣшила выселить ихъ изъ южныхъ земель. Только ходатайство за нихъ сословій и администраціи тѣхъ земель заставили ее отложить эту мѣру, которая такъ и осталась безъ приведенія въ исполненіе. Распоряженіями Маріи-Терезіи, какъ ни были они строги, евреи были избавлены отъ удручающаго опасенія „каждую минуту быть изгнанными изъ своихъ жилищъ и, подобно безправной ордѣ, переселенными изъ страны рожденія, или поселенія“[1]). Однако, они не имѣли права пріобрѣтенія недвижимой собственности, занятія ремеслами и гражданской службы; въ городахъ они должны были жить въ опредѣленной части, гетто, часто въ ограниченномъ извѣстнымъ числомъ количествѣ семействъ, а въ нѣкоторыхъ земляхъ и совсѣмъ не имѣли права жить[2]).

Хотя Іосифъ питалъ отвращеніе къ „еврейскимъ нищимъ“ (Bettelvolk) и не разъ открещивался отъ желанія ихъ увеличенія[3]), однако рѣшилъ обезпечить имъ пользованіе религіозной свободой, защитить ихъ отъ прозелитизма и образованной части ихъ дать приличное общественное положеніе. Это намѣреніе онъ высказалъ уже 13 мая 1781 г. въ личномъ приказѣ гр. Блюмегену, содержавшемъ и указаніе нѣкоторыхъ мѣръ къ его осуществленію. Въ качествѣ таковыхъ онъ предлагалъ постепенное искорененіе употребленія евреями роднаго языка, кромѣ богослуженія, и замѣну его во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ въ двухъ или трехгодичный срокъ нѣмецкимъ, а для содѣйствія изученію послѣдняго при каждой главной синагогѣ устройство школъ, по образцу нормальныхъ и подъ руководствомъ общей школьной дирекціи, но безъ малѣйшаго нарушенія ихъ богослуженія и вѣры[4]).

Въ дѣлѣ эмансипаціи евреевъ, помимо гуманности, Іосифъ руководился и экономическими соображеніями, находя полезнымъ для государства привлечь къ участію въ общественной жизни нѣсколько сотъ тысячъ новыхъ гражданъ[5]).

Путемъ просвѣщенія этой націи, предоставленія ей бо́льшихъ средствъ къ жизни, упраздненія ненавистныхъ стѣснительныхъ законовъ и вызывающихъ ненависть отличительныхъ знаковъ, въ связи съ искорененіемъ роднаго языка, императоръ думалъ постепенно ослабить свойственные евреямъ предразсудки и, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ поколѣніи или привести ихъ къ христіанству или исправить ихъ нравственный характеръ и сдѣлать полезными гражданами[6]).

На почвѣ этихъ взглядовъ былъ составленъ патентъ о вѣротерпимости по отношенію къ евреямъ для нижней Австріи 2 янв. 1782 г.[7]). „Чтобы путемъ лучшаго образованія и допущенія до наукъ, искусствъ

[1]) Riehl—Reinöhl. 37. [2]) Wendrinsky. 151. [3]) Meynert. 128—129. Hock. 375. [4]) Hock. 371. Meynert. 127. [5]) Высочайшая резолюція 19 мая 1789 г. (Meynert. 124—125). [6]) Hock. 375. Meynert. 128—129. [7]) Hock. 371—372. Помѣщенъ у Walch, IX, 197—208.

и ремеслъ сдѣлать полезной государству еврейскую націю", этимъ патентомъ: 1) въ религіозномъ отношеніи евреямъ предоставлялись права, равныя съ однимъ изъ терпимыхъ въ имперіи исповѣданій; 2) евреямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ у нихъ нѣтъ своей собственной школы, разрѣшалось посылать дѣтей въ христіанскія школы для обученія, по крайней мѣрѣ, чтенію, письму и счету. Въ Вѣнѣ разрѣшалось построить свою школу съ своими учителями, но по образцу нормальныхъ и съ подчиненіемъ мѣстной школьной дирекціи. 3) Возобновлялось и подтверждалось разрѣшеніе учиться въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. 4) Предоставлялось заниматься всѣми ремеслами и искусствами, но безъ гражданскихъ и цеховыхъ правъ и съ разрѣшенія администраціи, на общемъ положеніи съ христіанами. 5) Во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ евреевъ съ христіанами въ двухъ-годичный срокъ вводился нѣмецкій языкъ. 6) Дозволялось держать христіанскую прислугу. 7) Отмѣнялся личный налогъ[1]). При посѣщеніи евреями столицы, имъ разрѣшалось снимать квартиру и имѣть столъ, гдѣ пожелаютъ. 8) Отмѣнялись двойныя судебныя и канцелярскія пошлины. 9) Отмѣнялись всѣ принятые доселѣ особые знаки и примѣты, даже ношеніе бородъ, запрещеніе по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ выходить до 12 часовъ и посѣщать публичныя увеселительныя мѣста. Крупнымъ торговцамъ и ихъ дѣтямъ позволено было даже носить шпаги.—Но евреямъ строго запрещалось злоупотреблять дарованными имъ вольностями, вызывать публичное раздраженіе распутствомъ и разнузданностью, совращать изъ христіанской вѣры и обнаруживать къ ней и ея служителямъ презрѣніе.—Впрочемъ, и по этому патенту были оставлены въ силѣ нѣкоторыя старыя ограниченія еврейскихъ гражданскихъ правъ, напр., относительно поселеній.

Подобные патенты были изданы и для остальныхъ областей[2]).—Декретомъ 30 сент. 1789 г., изданнымъ для Галиціи, но получившимъ примѣненіе потомъ въ Моравіи, Венгріи, Трансильваніи и остальныхъ областяхъ имперіи, евреямъ были даны еще бо́льшія льготы: такъ, имъ было предоставлено пріобрѣтеніе недвижимой собственности, но съ условіемъ обработки ея еврейскими же руками; для привлеченія евреевъ къ земледѣлію „налогъ на вѣротерпимость" разрѣшено было платить натурой по базарной цѣнѣ; уничтожено ограниченіе числа семействъ; къ ихъ бракамъ примѣнены гражданскіе законы; евреи были допущены ко всѣмъ должностямъ и обязаны къ военной службѣ въ обозѣ[3]).

Предъ судами евреи были поставлены въ одинаковое положеніе съ христіанами (придв. декреты 16 авг. 1782 г., 19 авг. 1788 г., 5 февр. 1787 г.[4]). Ихъ вступленіе въ составъ государства внѣшне было выражено надѣленіемъ ихъ фамиліями, какъ внѣшнимъ знакомъ

---

[1]) Онъ былъ замѣненъ налогомъ на вѣротерпимость, такъ что казна не было убытка. (Wolf, G. Josefina. 95—96. Hock. 372).

[2]) Hock. 373—388. [3]) Ibidem. 379—386. Meynert. 124—126. Потомъ евреи были допущены и до строевой службы (Wendrinsky. 157). [4]) Riehl—Reinöhl. 148.

вновь занятаго гражданскаго положенія [придв. декреты 23 іюля 1787 г.[1]) и 12 ноября того же года[2])].

Но императоръ не любилъ обращеній изъ іудейства въ христіанство, вызывавшихся не убѣжденіемъ, а корыстными расчетами[3]) и прямо запрещалъ прозелитское рвеніе христіанъ по крещенію еврейскихъ дѣтей[4]).

Вѣротерпимость Іосифа ограничивалась признанными патентами вѣроисповѣданіями, другихъ сектъ онъ не хотѣлъ знать. Богемскіе гусситы и галиційскіе менониты спаслись только отнесеніемъ къ числу протестантовъ[5]). Совсѣмъ иная судьба постигла деистовъ.

26 іюля 1782 г. богемско-австрійская придворная канцелярія сообщила, что въ Пардубицкомъ округѣ 42 человѣка объявили себя израильтянами: они вѣруютъ въ Бога, но не относятъ себя ни къ одному изъ терпимыхъ вѣроисповѣданій. Императоръ распорядился (5 авг.), чтобы отправился на мѣсто Кёниггрецкій епископъ съ окружнымъ начальникомъ для вразумленія упомянутыхъ лицъ. Если же послѣднія останутся при заявленіи о себѣ, какъ объ израильтянахъ, то они должны жить по Моисееву закону и прежде всего нужно обязать ихъ немедленно совершить надъ собой обрѣзаніе: это, можетъ быть, повліяетъ на ихъ обращеніе скорѣе всякихъ наставленій. А если они уже дѣйствительно обрѣзаны, то они—евреи и къ нимъ нужно относиться, какъ къ евреямъ этой мѣстности, слѣд., они не имѣютъ права владѣть недвижимой собственностью и должны быть совсѣмъ лишены ея[6]).

По донесенію Кёниггрецкаго епископа Гая, въ деревняхъ—Рокитно и Хвойницъ живетъ 52 семейства, совершенно отвергающихъ Христа и Его божественный законъ. Епископъ напрасно въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ истощалъ свое краснорѣчіе, пытаясь обратить ихъ въ христіанство. Они съ величайшимъ спокойствіемъ выслушивали его разсужденія, но всякій разъ отвѣчали на нихъ, что ихъ разумъ не можетъ принять тайнъ христіанской религіи, а они не могутъ вѣрить тому, что противорѣчитъ ихъ разуму. Нѣсколько тысячъ человѣкъ думаютъ одинаково съ ними, только молчатъ, а у нихъ достаточно мужества для того, чтобы заявить публично о своемъ образѣ мыслей. Ихъ вѣра приблизительно такова: они вѣруютъ въ Бога, творца неба и земли; ученіе о Троицѣ—многобожіе и, слѣд., оскорбительно для Бога. Они вѣрятъ, что былъ Христосъ, какъ вѣрятъ исторіи. Онъ былъ распятъ или за Свои грѣхи, или невинно. Въ послѣднемъ случаѣ вина падаетъ на Его судей. Потомъ они вѣрятъ, что Онъ былъ такъ же сыномъ Божіимъ, какъ и всѣ они,—всѣ люди—ничто иное, какъ твореніе и дѣти Божіи. Но они не могутъ вѣрить и никогда не повѣрятъ, чтобы Богъ сталъ человѣкомъ. Ихъ законъ—10 заповѣдей, полученныхъ Моисеемъ на горѣ Синаѣ, Господь начерталъ ихъ Своимъ перстомъ на скрижаляхъ и вмѣстѣ въ сердцахъ ихъ. Они бу-

[1]) Riehl—Reinöhl. 148—150. [2]) Ibidem. 150—152. [3]) Meynert. 132—133.
[4]) Распор. 31 марта 1782 г. (Kropatschek. II, 432). Hock. 389—392. Meynert. 133—134. [5]) Hock. 367—369. Meynert. 57. [6]) Hock. 346. Wolf, G. Josefina. 98—99.

дутъ любить Бога и ближняго, соблюдать тѣ 10 заповѣдей, повиноваться своимъ властямъ, и ничему другому не будутъ вѣровать, что́ бы съ ними ни случилось. Пусть отвращаются отъ нихъ люди, среди которыхъ они живутъ, они не могутъ оставить и не оставятъ поклоненія единому Богу и не примутъ другаго закона, кромѣ Его 10 заповѣдей. Они вѣрятъ въ вѣчную жизнь, но не признаютъ вѣчныхъ адскихъ мученій; грѣшники по смерти получатъ наказаніе по величинѣ своихъ преступленій, а праведники вѣчно пребудутъ съ Богомъ и будутъ любить Его. На собраніяхъ они поютъ „Отче нашъ“ и псалмы. Свое вѣрованіе защищаютъ множествомъ текстовъ св. писанія в. з. Свое ученіе они, по ихъ словамъ, почерпнули изъ частаго и продолжительнаго размышленія. Дѣтей своихъ посылаютъ въ школу и они лучше другихъ изучаютъ христіанское ученіе. Сектанты отличаются доброй нравственностью[1]).

Послѣ этого доклада императоръ (10 окт. 1782 г.) предписалъ было выселить деистовъ въ Трансильванію, но когда все было приготовлено къ ихъ выселенію, отказался отъ этой суровой мѣры [13 дек. 1782 г.] [2]). Онъ все надѣялся, что они причислятъ себя къ одному изъ терпимыхъ вѣроисповѣданій. Но когда всѣ попытки въ этомъ направленіи оказались безуспѣшными, императоръ (8 марта 1783 г.) рѣшилъ, во избѣжаніе распространенія опаснаго ученія, всѣхъ ихъ, мужчинъ и женщинъ, разослать въ пограничные военные отряды, отобравъ у нихъ всю движимую и недвижимую собственность въ пользу малолѣтнихъ дѣтей или, въ случаѣ отсутствія послѣднихъ, ближайшихъ родственниковъ. Малолѣтнихъ же дѣтей (до 15 лѣтъ) отдать на воспитаніе въ добрыя христіанскія семейства. Разосланнымъ по границамъ выдавать содержаніе, какъ солдатамъ. Къ этому было прибавлено замѣчаніе, что, если найдутся между ними такіе, которые, устрашившись этого распоряженія, заявятъ о своей принадлежности къ католическому или къ одному изъ терпимыхъ вѣроисповѣданій, то имъ объявить, что теперь уже поздно и что всѣ, переписанные здѣсь, должны быть высланы въ назначенныя имъ мѣста и могутъ возвратиться только послѣ того, какъ дадутъ тамъ доказательства своего обращенія[3]).

Въ іюнѣ того же года императоръ пошелъ дальше. На докладѣ придв. канцеляріи о томъ, что въ Богеміи снова заявили о себѣ, какъ о деистахъ, 273 человѣка съ 223 дѣтьми ниже 15-ти-лѣтняго возраста и что окружной комиссаръ Лейтомышля зашелъ слишкомъ далеко и отыскивалъ даже тѣхъ, кого только подозрѣвали въ деизмѣ, онъ написалъ: „Подъ угрозой самой тяжелой отвѣтственности, запретить богемской губерніи поднимать разслѣдованіе относительно деистовъ или израильтянъ или какой-либо другой секты, или созывать людей или допрашивать, относительно кого существуетъ сомнѣніе. Окружнаго комиссара Брауна за его поведеніе немедленно уволить отъ должности, и такъ будетъ поступлено безразлично со всякимъ, кто будетъ заниматься чѣмъ либо подобнымъ.

[1]) Wolf, G. Josefina. 99—101. [2]) Hock. 347. Meynert. 57—58. [3]) Meynert 58—60. Wolf, G. Josefina. 101.

Если мужчина или женщина объявятъ себя предъ главнымъ, или уѣзднымъ судомъ деистомъ, израильтяниномъ или т. н. Lampelbruder, то, безъ дальнѣйшаго допроса, давать 24 удара батогомъ, или кнутомъ и отсылать домой и повторять это всякій разъ, когда онъ будетъ являться не за то, что онъ—деистъ, а за то, что онъ говоритъ, что онъ—то, о чемъ онъ самъ не знаетъ, что́ оно такое.

Кто въ общинѣ назоветъ или донесетъ о деистѣ, тому давать предъ главнымъ или уѣзднымъ судомъ 12 ударовъ батогомъ, потому что разслѣдованными мною самимъ и уже находящимися въ Венгріи подобными людьми достаточно доказано, что они—ни деисты, ни израильтяне, и что эти мужчины и женщины завлечены сюда частью глупостью, невѣжествомъ, а частью легкомысліемъ и страстью къ бродяжничеству, а также, бо́льшей частью, преслѣдованіемъ; они въ этомъ признаются и многіе изъ нихъ заявляютъ, что будутъ жить и умрутъ католиками. Нужно совсѣмъ искоренить всѣ эти названія, которыми злоупотребляютъ“ [1]).

Замѣтивъ, что лишеніе имущества и выселеніе скорѣе привлекаютъ сектантовъ ореоломъ мученичества, чѣмъ устрашаютъ, императоръ приказалъ (23 ноября 1783 г.) 16 лейтомышльскихъ деистовъ, отказавшихся отъ 6-ти-недѣльнаго наставленія въ вѣрѣ и провинившихся еще дерзкими рѣчами и бумагами, наказать 24 ударами и потомъ отослать на неопредѣленное время въ пражскій прядильный домъ, но безъ лишенія собственности,—ихъ хозяйствомъ должны были заняться пока ихъ жены и дѣти[2]).

Трансмигранты-деисты, раскаивавшіеся въ своемъ заблужденіи и просившіе позволенія возвратиться на родину, не только немедленно получали разрѣшеніе, но вмѣстѣ и отобранное у нихъ имущество[3]).

Мѣры Іосифа противъ деистовъ[4]) вносятъ рѣзкій диссонансъ въ его вѣроисповѣдное законодательство. Еще Гейсслеръ[5]) видѣлъ въ нихъ трудно разрѣшимую загадку. А Гроссъ-Гоффингеръ высказывалъ сильное, хотя и ни на чемъ не основанное подозрѣніе, что Іосифъ въ глубинѣ души самъ былъ деистомъ. Причиной его жестокости, по мнѣнію этого историка, могло быть убѣжденіе, что деизмъ не въ состояніи удовлетворить простыхъ и ограниченныхъ людей. Кромѣ того, его пугала опасность новой религіозной войны въ Богеміи, гдѣ много уже было пролито крови изъ-за религіозныхъ споровъ. Хотя всѣ изслѣдователи обвиняютъ императора за эту жестокость въ непослѣдовательности, но она вытекала, напротивъ, изъ его вѣрности своему принципу: отнимать пищу у всякаго вновь рождающагося религіознаго фанатизма[6]).

[1]) Wolf, G. Josefina. 101—102. Meynert. 61—62. Hock. 349, примѣч.
[2]) Meynert. 62. [3]) Wolf, G. Josefina. 103—104. Meynert. 62—63. [4]) Подобныя мѣры были приняты императоромъ и противъ какихъ-то новыхъ сектантовъ, объявившихся въ Богеміи и Моравіи (въ 1786, 1786 и 1788 г.г.). (Hock. 369—371. Meynert. 63).
[5]) Skizzen. 1785. IV, 289. (Hock. 348, примѣч.). [6]) Geschichte Josephs des Zweiten. 322.

Глава V.

Отношеніе къ церковной реформѣ Іосифа II современниковъ.

Реакція церковной реформѣ Іосифа.—Кардиналъ-архіепископъ Мигацци. Представленіе его противъ прекращенія связи монашескихъ орденовъ съ иноземными генералами.—Впечатлѣніе въ Римѣ отъ этого распоряженія и „Placetum regium“. Мѣры папы.—Представленіе Мигацци противъ закрытія монастырей.—Поведеніе папы.—Нота нунція гр. Гарампи и отвѣтъ на нее Кауница.—Переписка съ Іосифомъ Трирскаго архіепископа, Клемента Венцеля.—Продолженіе оппозиціи Іосифовскимъ распоряженіямъ со стороны Мигацци. Представленіе его о запрещеніи „Specimen Monachologiae“ Борна.—Сторонники взглядовъ Мигацци въ католической іерархіи.—Гёрцскій архіепископъ, гр. Эдлингъ.—Переписка папы съ Іосифомъ по поводу его церковной реформы. Поѣздка папы въ Вѣну и ея результаты.—Путешествіе въ Римъ императора.—Анонимныя брошюры и пасквили на императора и отношеніе его къ нимъ.—Нидерландская революція.—Венгерскіе безпорядки.—Отмѣна Іосифомъ реформы въ Тиролѣ.—Сочувствіе къ церковной реформѣ императора: пастырскія посланія Гая, Кёниггрецкаго епископа, Карла Герберштейна Лайбахскаго, Ауершперга Гуркскаго, Іеронима Зальцбургскаго, Шпаура Бриксенскаго, Керенса Нейштадтскаго и итальянскихъ епископовъ—Падуи, Фельтре, Вероны и Мантуи.—Отношеніе къ реформѣ Іосифа въ современной ему литературѣ.—Эмсскій конгрессъ.

Общегосударственная реформа Іосифа II и являвшаяся ея логическимъ слѣдствіемъ церковная—были для Австріи, по словамъ П. Ф. Вольфа[1]), революціей, только сверху. Но ни одной революціи, ни одной радикальной ломки не бываетъ безъ реакціи.

Если общегосударственная реформа неизбѣжно должна была встрѣтить протестъ со стороны тѣхъ, кому она была не по росту, или чьи интересы близко задѣвала, то церковная, естественно и ближе всего затронувшая интересы католической іерархіи, начиная съ папы, вызвала рѣшительную оппозицію со стороны, главнымъ образомъ, этой іерархіи.

Во главѣ противниковъ церковной реформы императора изъ рядовъ высшаго клира стоялъ вѣнскій архіепископъ, кардиналъ графъ Мигацци. Это былъ любившій широко пожить свѣтскій магнатъ, мѣнявшій по расчету свои убѣжденія или, вѣрнѣе сказать, тактику, такъ какъ у него едва ли были какія нибудь убѣжденія. Сначала онъ былъ

[1]) Ш. 75, 526.

либераломъ, врагомъ іезуитовъ, принималъ дѣятельное участіе въ упраздненіи ихъ ордена, а позднѣе, съ полученіемъ архіепископскаго мѣста и кардинальскаго достоинства, сдѣлался первымъ другомъ и покровителемъ эксъ-іезуитовъ и защитникомъ папскаго абсолютизма. Марія-Терезія, содѣйствовавшая ему въ полученіи кардинальскаго пурпура, встрѣтила въ немъ не помощника, а сильнаго противника своему намѣренію освободиться изъ-подъ гнета папскаго деспотизма. Пользуясь хорошо извѣстными ему слабыми сторонами императрицы, онъ успѣвалъ въ значительной степени парализовать въ римскихъ интересахъ вліяніе на нее многихъ просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей новаго направленія и Іосифа II. Но несмотря на его усилія, духъ времени какъ мы уже имѣли случай видѣть выше, въ послѣдніе годы царствованія императрицы сказался во многихъ ея распоряженіяхъ церковнаго характера. Съ вступленіемъ на престолъ Іосифа II этотъ духъ долженъ былъ восторжествовать. Подбиваемый фанатичной ретроградной партіей, кардиналъ рѣшилъ теперь употребить всѣ силы на борьбу съ новымъ государемъ. Первымъ поводомъ къ открытому столкновенію его съ императоромъ послужили безпорядки въ Брюннской епископской семинаріи. Ея директоръ, пользовавшійся расположеніемъ императрицы, священникъ М. Блаарѐръ пытался насадить на австрійской почвѣ янсенизмъ. Это не могло нравиться іезуитамъ, такъ какъ они были особенно заинтересованы въ буллѣ Unigenitus. Поэтому сначала на него пошли тайные доносы, а потомъ противъ него выступилъ на церковной каѳедрѣ эксъ-іезуитъ Шубикъ. Предъ лицомъ многочисленной публики послѣдній плакался на притѣсненія церкви; завѣрялъ, что волки въ овечьихъ шкурахъ забрались въ святилище; порицалъ правительственныя распоряженія; бранилъ тѣхъ, которые лестью совращаютъ свѣтскихъ правителей сомнѣваться въ непогрѣшимости папы, и утверждалъ, что нельзя жаловаться на развратъ знатныхъ прелатовъ и на извѣстныя злоупотребленія въ церковномъ управленіи, не потрясая религіи въ ея основахъ. Послѣ того, какъ публика была приведена такой проповѣдью въ волненіе, пошли дальше: назначили надъ семинарскими учителями форменное слѣдствіе и воспользовались исповѣдальней для того, чтобы раздуть фанатизмъ. Самъ Мигацци принималъ въ этой исторіи дѣятельное участіе въ духѣ подстрекателей-іезуитовъ. Іосифъ принялъ рѣшительныя мѣры: немедленно, по полученіи извѣстія объ этихъ безпорядкахъ, онъ назначилъ строгое разслѣдованіе, которымъ было обнаружено и участіе Мигацци. Въ результатѣ (5 мая 1781 г.) вѣнскому архіепископу было объявлено высочайшее неблаговоленіе, онъ былъ названъ безпокоющимъ епископовъ, гонителемъ честныхъ священниковъ и врагомъ добрыхъ началъ. Для бо́льшаго униженія гордаго прелата отъ него былъ потребованъ отчетъ въ управленіи его собственнымъ вѣнскимъ священническимъ домомъ, а вышеупомянутый Блаарѐръ назначенъ главнымъ смотрителемъ послѣдняго[1]).

[1]) Nouvelles ecclésiastiques pour l'année 1781 du 31 Juil, p.p. 121—132 (у Wolf, P. Ph. III, 254).

Этотъ декретъ крайне смутилъ Мигацци. Быть можетъ, онъ простилъ бы еще горькіе упреки ему, какъ іерарху, но для него затруднительнѣе всего было представить экономическій отчетъ по священническому дому, такъ какъ онъ отлично зналъ, что значительные вклады въ пользу послѣдняго, напр., 24/т. гульденовъ, завѣщанныхъ кн. Лихтенштейнъ, и много сотъ гульденовъ, оставленныхъ покойнымъ викарнымъ епископомъ Марксеромъ, пошли не на содержаніе семинаріи, а на нѣчто совсѣмъ другое[1]).

Съ этого момента между императоромъ и архіепископомъ вспыхнула открытая война, съ обѣихъ сторонъ поддерживавшаяся крайне энергично.

Іезуиты руководили каждымъ шагомъ кардинала, а изъ всѣхъ преобразованій Іосифа іезуитамъ всего невыносимѣе было распоряженіе о прекращеніи всякой связи монаховъ съ ихъ иноземными генералами. Конечно, причина этого недовольства въ томъ, что іезуиты еще не совсѣмъ потеряли надежду на возстановленіе своего ордена, а въ такомъ случаѣ для нихъ въ высшей степени важна была возможность поддерживать свою связь съ находящимся въ Римѣ своимъ генераломъ: извѣстно, что полное закрытіе своего ордена они приписывали отчасти отказу подчиниться во Франціи генералъ-викарію. Въ виду этого обстоятельства, понятно, какъ должны были взволновать кардинала слухи о высочайшемъ запрещеніи монахамъ сноситься съ ахъ заграничными генералами. Не дождавшись оффиціальнаго распоряженія въ этомъ смыслѣ, по однимъ слухамъ объ уничтоженіи привиллегій монашескихъ орденовъ, прекращеніи связи послѣднихъ съ иноземными генералами и подчиненіи этихъ орденовъ мѣстнымъ епископамъ, Мигацци (20 марта 1781 г.) подалъ императору представленіе, которое въ скоромъ времени затѣмъ, вѣроятно, съ вѣдома государя, было напечатано съ примѣчаніями. Авторомъ послѣднихъ сначала признавали императора[2]), но, по общепринятому мнѣнію, они составлены какимъ нибудь образованнымъ чиновникомъ.

Въ этомъ представленіи, написанномъ очень горячо и запальчиво (упомянутыя замѣчанія, впрочемъ, въ этомъ отношеніи значительно превосходятъ его) Мигацци доказывалъ, что производить какія-либо измѣненія въ монашескомъ status quo ante въ Австріи—исключительное право церкви и папы, и въ частности, что, въ случаѣ прекращенія связи мѣстныхъ монаховъ съ иноземными генералами и подчиненія первыхъ епископамъ, монахи, дающіе между прочими торжественными обѣтами клятву на послушаніе генераламъ своихъ орденовъ, не могутъ отказаться отъ него, не сдѣлавшись клятвопреступниками предъ Богомъ и церковью, а епископамъ придется присвоить себѣ юрисдикцію, которую вселенская церковь предоставила намѣстнику

[1]) Nouvelles ecclèsiastiques pour l'année 1781 du 27 Novembre, p. 189 (Wolf. P. Ph., III, 254).

[2]) Гроссъ-Гоффингеръ, хотя жилъ и писалъ позже П. Ф. Вольфа, однако думалъ, что отвѣтъ написанъ самимъ императоромъ, а изданъ важнымъ чиновникомъ (D. Allein-Regierung K. J. II. 43—44).

Христа. Если есть настоятельная нужда въ измѣненіи настоящаго положенія монашескихъ орденовъ, то было бы самымъ обычнымъ путемъ для Е. И. В. открыть свою волю его святѣйшеству, или предоставить самимъ епископамъ взять на себя смѣлость ходатайствовать объ этомъ же предъ Е. Св.[1]).

Само собою разумѣется, представленіе Мигацци не имѣло никакого вліянія на Іосифа II: 20 марта оно было подано, а 24 было издано распоряженіе, уничтожавшее связь австрійскихъ монаховъ съ ихъ генералами[2]).

Папскій нунцій въ Вѣнѣ, гр. Гарампи извѣстилъ римскій дворъ объ этомъ первомъ рѣшительномъ шагѣ молодаго императора на церковной почвѣ только послѣ выхода въ свѣтъ оффиціальнаго распоряженія, которое переслалъ въ Римъ вмѣстѣ съ распоряженіемъ [отъ 26 марта 1781 г.][3]) о placetum regium на всѣ папскія буллы и указы, присылавшіеся въ Австрію[4]). За это ему былъ объявленъ выговоръ отъ Е. Св., такъ какъ въ Римѣ, больше по гордости и самолюбію, были того мнѣнія, что императора можно бы было отговорить отъ этого шага, если бы своевременно было донесено объ немъ въ Римъ[5]). Конечно, это была иллюзія, въ чемъ скоро пришлось убѣдиться изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Іосифа II.

Легко представить, какое впечатлѣніе произвело въ Римѣ это распоряженіе Іосифа, полученное тамъ 14 апр. 1781 г. Генералы орденовъ видѣли, что лишились своего вліянія на бо́льшую часть Германіи; кардиналы теряли авторитетъ въ качествѣ протекторовъ монаховъ; всѣ служащіе въ апостольскомъ казначействѣ, да и вся свита папы видѣли сокращеніе доходовъ. Генералы бросились къ ногамъ папы, подали ему массу представленій, въ которыхъ умоляли Е. Св. отклонить отъ нихъ тяжелый ударъ. Пій VI, повидимому, еще не потерялъ всякой надежды на возможность перемѣны настроенія императора. Онъ обѣщалъ генераламъ позаботиться объ нихъ и сдержалъ свое обѣщаніе, приказавъ приготовить для Іосифа II длинное бреве, въ которомъ заклиналъ императора оставить дѣло по старому[6]).

Герзанъ доносилъ, что присланныя Гарампи распоряженія надѣлали въ Римѣ много волненія и что Е. Св. крайне пораженъ ими[7]). Папа не могъ, конечно, промолчать объ нихъ Герзану. „Св. отецъ,—писалъ послѣдній,—жаловался, однако, въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, на другой декретъ, по которому всѣ буллы, бреве и т. п., хотя бы догматическаго содержанія, подлежатъ изслѣдованію свѣтской власти. На это я отвѣтилъ, что, какъ мнѣ кажется, подъ видомъ догматическихъ буллъ могутъ сойти, при помощи различныхъ казуистическихъ объясненій, и другія, и Е. И. В., для устраненія этого, от-

[1]) Wolf, P. Ph. III, 259—268 ср. Hock—Bidermann. 451—452, 457, 459—460. Wolf, Ad. D. Aufhebung. d. Klöster. 14—15. [2]) Выше. 123. [3]) Выше. 103—104. [4]) Письмо Герзана отъ 18 апр. 1781 г. (Brunner. 62). [5]) Wolf, P. Ph. III, 415.

[6]) Это бреве, о которомъ упоминаетъ авторъ «Lebens-und Regierungs-Geschichte Pius VI», Th. III, 9, нигдѣ не напечатано (Wolf, P Ph. III, 416, прим.). [7]) Письмо отъ 18 апр. 1781 г. (Brunner. 62).

далъ приказъ представлять ихъ всѣ безъ исключенія въ опредѣленное присутственное мѣсто, которое будетъ не о догмѣ судить, а только смотрѣть и доносить, не содержится-ли въ нихъ чего-либо такого, что́ задѣвало бы высочайшія права. Этимъ моимъ объясненіемъ св. отецъ остался, повидимому, доволенъ, только замѣтилъ, что выраженія жестки и ясны, а смыслъ скрытъ“[1]).

Бургуэнъ говоритъ, что папа, на запросъ провиніаловъ генераламъ относительно высочайшаго распоряженія отъ 24 марта 1781 г., велѣлъ послѣднимъ написать подчиненнымъ: „помните законы своихъ орденовъ и свой долгъ“[2]).

Папа послалъ Іосифу breve и въ хорошемъ дѣйствіи его всѣ были такъ увѣрены, что заранѣе пытались успокоить нѣмецкіе монастыри, волновавшіеся изъ-за своей судьбы. Но изъ Вѣны не было отвѣта. Пану снова принялись осаждать представленіями одно настойчивѣе другаго. Ему докладывали, что монахи, пока существуетъ ихъ обѣтъ послушанія, обязываются своей совѣстью нарушать правительственныя распоряженія и что, слѣд., Е. Св., не остается другаго выбора, какъ ими уладить это дѣло съ Е. В., или, такъ какъ свѣтская власть не въ правѣ разрѣшить отъ этого орденскаго обѣта, полнотою своей апостольской власти разрѣшить каждаго монаха отъ клятвы послушанія своему генералу. Но прежде, чѣмъ папа успѣлъ отослать въ Вѣну новое breve въ этомъ смыслѣ, въ Римъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Іосифъ, для успокоенія совѣсти своихъ монаховъ, уже раньше отдалъ приказъ всѣмъ своимъ архіепископамъ и епископамъ немедленно, безъ дальнѣйшихъ запросовъ, въ силу своей епископской власти, разрѣшить всѣхъ монаховъ своихъ епархій отъ обѣта послушанія генераламъ[3]).

Въ декабрѣ 1781 г. Мигацци подалъ императору представленіе противъ закрытія монастырей. Здѣсь онъ указывалъ на „божественное откровеніе“, которымъ руководились учредители различныхъ орденовъ, на одобреніе послѣднихъ „непогрѣшимой церковью“, на ихъ благотворное вліяніе, на неприкосновенность ихъ собственности и на необходимость папскаго согласія. Впрочемъ, кардиналъ въ оправданіе этого своего шага, отъ котораго самъ едва-ли ждалъ пользы, приводилъ „страхъ послѣдняго суда“. Государственный совѣтъ призналъ это представленіе неосновательнымъ и императоръ 18 дек. отклонилъ послѣднее надписью reponatur[4]).

Между тѣмъ, еще раньше императоръ сдѣлалъ распоряженіе о клятвѣ епископовъ на вѣрность государю (29 авг. 1781 г.)[5]) и отмѣнилъ обращеніе ихъ къ папѣ за разрѣшеніемъ брачныхъ препятствій (расп. 4 и 10 сент. 1781 г.), предоставивъ имъ дѣлать это собственной властью[6]).

Однако, чтобы, съ одной стороны, показать, что императоръ не

[1]) Письмо отъ 21 апр. 1781 г. (Brunner. 63) ср. его же письмо отъ 25 апр. того же года (Ibidem. 63—64). [2]) 190.
[3]) Wolf, P. Ph. III, 415—417. [4]) Hock.—Bidermann. 397—398 ср. 458. [5]) Выше. 105—107. [6]) Выше. 107.

расположенъ совсѣмъ пренебрегать папой, а съ другой—дать случай послѣднему вмѣстѣ съ главой нѣмецкой имперіи принять участіе въ церковной реформѣ, Герзану было поручено въ частной аудіенціи испросить у папы одобреніе всѣхъ доселѣ сдѣланныхъ императоромъ распоряженій и вмѣстѣ побудить его освободить всѣхъ живущихъ въ Австріи монаховъ отъ клятвы послушанія ихъ орденскимъ генераламъ. Это предложеніе привело Пія VI въ крайнее замѣшательство. Ему со всѣхъ сторонъ давали понять, что онъ болѣе всего потеряетъ, если сдѣлаетъ императору уступку въ томъ или другомъ его желаніи. Особенно старались монахи: они утверждали, что св. престолъ необходимо ослабѣетъ, если будетъ уничтожена связь ихъ съ генералами, такъ какъ можно наглядно доказать, что апостольскій престолъ поддерживается союзомъ послѣднихъ съ разсѣянными по всему міру подчиненными. Вслѣдствіе этого Пій VI колебался: съ одной стороны, ему не хотѣлось оскорбить императора, а съ другой—пожертвовать принципами. Въ виду этого онъ не взялъ отвѣтственности на себя лично, а созвалъ конгрегацію изъ различныхъ кардиналовъ. Ихъ эминенціи были, большей частью, прелатами, стоявшими въ связи съ различными иноземными дворами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ этой конгрегаціи прежде всего былъ поднятъ вопросъ объ общей реформѣ монашескихъ орденовъ, были предложены и проекты превращенія всѣхъ орденовъ въ два. Такъ, вопросъ принялъ постановку еще болѣе общую и еще болѣе невыгодную для монаховъ. Легко понять, что эти проекты должны были встрѣтиться съ непреодолимыми препятствіями. И не такой безхарактерный, слабый папа, какъ Пій VI, постоянно окруженный могущественнѣйшими генералами, не рѣшился бы согласиться съ нѣсколькими кардиналами на эту реформу. Этимъ, однако, отклоненіемъ роковой реформы монашества Пій VI много выигралъ въ глазахъ послѣдняго и, благодаря этому, могъ отнестись къ іосифовскому предложенію помягче. Едва-ли бы иначе въ сент. 1781 г. онъ разрѣшилъ всѣхъ австрійскихъ монаховъ отъ обѣта послушанія живущимъ въ Римѣ ихъ генераламъ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ особымъ бреве завѣрилъ всѣхъ епископовъ Австріи въ томъ, что всѣ декреты относительно монашества, изданные Іосифомъ II, совсѣмъ не противорѣчатъ церковной дисциплинѣ, такъ какъ основываются на высочайшихъ правахъ монарха[1]).

Папскій нунцій въ Вѣнѣ, графъ Гарампи также поднялъ свой голосъ противъ новыхъ распоряженій императора въ церковной сферѣ и въ частности по вопросу о закрытіи монастырей. Въ рѣзкой нотѣ Кауницу (отъ 12 дек. 1781 г.) онъ говорилъ между прочимъ: „Всякая власть имѣетъ границы, опредѣленныя какъ законами, такъ и обычаями, правильно введеными и предписанными религіей къ ея благу, которому обязанъ содѣйствовать всякій государь. Всѣ славные государи австрійской монархіи, начиная съ Рудольфа I по днесь, руко-

[1]) Wolf, P. Ph. III, 417—419.

водились какъ неизмѣнною нормою церковными законами..... Между столь многочисленными государями обширной нѣмецкой имперіи, оставшимися въ общеніи съ католической церковью, не было ни однаго, который бы дерзнулъ простереть свою власть до произвольныхъ распоряженій собственностью и доходами церкви, дать имъ употребленіе, отличное отъ того, которому посвятили ихъ благочестіе и воля вѣрующихъ, уничтожить законы орденовъ, торжественно принятые церковью; поставить подданныхъ въ искушеніе и, можетъ быть, въ необходимость быть не въ состояніи исполнять данные Богу обѣты и жить сообразно съ ихъ призваніемъ и, наконецъ, распоряжаться правами, которыя въ управленіи вселенской церковью принадлежатъ одному лишь папѣ, и желать таковыя, такъ сказать, путемъ обычнаго предписанія передать епископамъ, тогда какъ авторитетъ папы и церкви и духовныя права, его опредѣляющія, въ этой матеріи образуютъ общее и повсюду, какъ въ Германіи, такъ и у всѣхъ другихъ націй дѣйствующее право, которое никогда не можетъ быть измѣнено, развѣ только вслѣдствіе экстраординарныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, что́ in contrario successu скорѣе можетъ быть объяснено гонительнымъ, злымъ временемъ, чѣмъ другими справедливыми мотивами. Посему да сохранитъ Богъ религію и церковь отъ того, чтобы Е. В. въ столь важномъ дѣлѣ одобрилъ мѣры, отличныя отъ тѣхъ, которыхъ постоянно держались его славные предки, такъ какъ первый примѣръ, данный въ Германіи и другихъ частяхъ австрійской имперіи, очень легко можетъ дать поводъ всѣмъ государямъ-некатоликамъ уничтожить въ своихъ государствахъ вмѣстѣ съ уставами монастырей и благочестивыхъ учрежденій существующіе еще у нихъ остатки католической религіи и богослуженія. Вотъ результаты, отъ которыхъ еще очень далекъ и на которое не согласенъ благочестивый духъ Е. В.“

Въ виду этого, нунцій въ заключеніе предлагалъ императору обратиться за содѣйствіемъ въ дѣлѣ устраненія безпорядковъ въ церковной жизни къ папѣ и въ этомъ смыслѣ просилъ помощи у государственнаго канцлера[1]).

Нельзя не согласиться въ Трачевскимъ, что эта „меморія“, какъ назвалъ ее въ своемъ донесеніи въ Петербургъ кн. Голицынъ, очень груба[2]). Гарампи слишкомъ рѣзко говоритъ о границахъ свѣтской власти и очень прозрачно намекаетъ на то, что церковныя распоряженія Іосифа несовмѣстимы съ его вѣроисповѣданіемъ. Очевидно, онъ былъ слишкомъ раздраженъ, а, можетъ быть, думалъ повліять рѣшительностью тона.

Канцлеръ не остался у него въ долгу: въ очень рѣзкой и строгой нотѣ, датированной 19 дек. 1781 г.[3]), онъ далъ точное опредѣ-

[1]) Acta hist.-ecclesiastica nostr temporis. Th. LVIII, 145 ssq. (у Wolf, P. Ph. III, 419—423). [2]) Союзъ князей. 414, прим.

[3]) Очевидно заднимъ числомъ, потому что упомянутая записка нунція была представлена Кауницемъ императору только 20 дек., на слѣдующій день былъ поданъ ему же докладъ Кребеля объ опубликованіи замѣчаній на нее канцлера и императоръ утвердилъ этотъ докладъ только 24 дек. (Hock und Bidermann. 458, прим. **).

леніе границъ между свѣтской и духовной властями въ церковной сферѣ. Сказавъ о представленіи упомянутой записки нунція на высочайшее усмотрѣніе, Кауницъ продолжалъ: Е. И. В. съ немалымъ удивленіемъ узналъ изъ нея, что 1) папскій нунцій представляетъ вредными для религіи, церкви и спасенія души и противными извѣстнымъ, предписаннымъ религіей законамъ и обычаямъ распоряженія, вышедшія отъ Е. В. съ нѣкотораго времени по различнымъ предметамъ касательно духовенства и именно тѣ, которыя касаются закрытія нѣкоторыхъ монастырей въ государствѣ Е. В.; 2) что онъ же говоритъ, что уже рѣшено уничтоженіе нормальныхъ институтовъ и монашескихъ орденовъ, хотя они торжественно одобрены церковью; 3) что словами: „нѣтъ ни одного государя нѣмецкой имперіи, который бы оставался въ римско-католической церкви“ и слѣдующимъ нескромнымъ выраженіемъ: „что между ними никогда не оказалось такого, который бы дерзнулъ такъ далеко простереть свою власть“—нунцій далъ поводъ, по крайней мѣрѣ, къ выводу ex ratione inversa скромнаго заключенія, что рѣшающійся такъ далеко простирать свою власть поступаетъ, не какъ католическій государь, и не можетъ быть считаемъ таковымъ; 4) что онъ желаетъ указать даже возможность такихъ обстоятельствъ, при которыхъ подданные могутъ быть вынуждены отказаться отъ повиновенія своему государю и, наконецъ, 5) что онъ утверждаетъ, что Е. В. распоряжается правами, принадлежащими во вселенской церкви исключительно римскому престолу, усвояя ихъ епископамъ.

Всѣ эти заявленія, конечно, такъ же странны, какъ и опасны, но, несмотря на это, Е. В. снисходительно удовольствовался бы смотрѣть на нихъ, какъ на шагъ, сдѣланный не по приказанію св. отца, а единственно, какъ на результатъ чрезмѣрной ревности г-на нунція, если бы послѣдній держалъ ихъ при себѣ; но такъ какъ до высочайшаго свѣдѣнія дошло, что вышеупомянутая записка сообщена не только нѣкоторымъ мѣстнымъ епископамъ, но и иноземнымъ, Е. В. только въ виду того, чтобы эти сообщенія не произвели дурного впечатлѣнія, на что̀ они, повидимому, и разсчитаны, угодно было, чтобы придворный канцлеръ отъ его имени далъ отвѣтъ, каковой и слѣдуетъ, и именно:

ad 1-mum. Что отъ устраненія злоупотребленій, которыя постепенно вкрались въ разныя стороны церковной дисциплины, для религіи не только не можетъ быть вреда, а скорѣе получится только польза и назиданіе; что между этими злоупотребленіями нѣтъ ни одного, которое бы оказалось въ существѣ насажденной апостолами христіанской религіи; что устраненіе злоупотребленій, не касающихся ни догматовъ вѣры, ни духа и души, никогда не можетъ зависѣть отъ римскаго престола, такъ какъ онъ, за исключеніемъ этихъ двухъ предметовъ, не можетъ имѣть въ государствѣ ни малѣйшей власти; что это дѣло принадлежитъ единственно и исключительно государю, который одинъ имѣетъ право повелѣвать въ государствѣ; что сюда

входитъ безъ исключенія все, что̀ касается внѣшней дисциплины клира и особенно монашескихъ орденовъ, которыхъ, какъ извѣстно, христіанская церковь не знала въ теченіе многихъ вѣковъ, да и послѣ не знала бы, если бы католическимъ государямъ не было угодно постепенно допускать ихъ въ свои государства, что эти ордена ни въ какомъ случаѣ не связаны съ существомъ вѣры и религіи; что они, какъ извѣстно, своимъ существованіемъ въ государствахъ, въ которыхъ теперь находятся, обязаны ничему иному, какъ свободному и произвольному принятію со стороны государей; что, слѣд., по этимъ неопровержимымъ истинамъ, Е. В. не только былъ вполнѣ въ правѣ сдѣлать все, что̀ имъ доселѣ сдѣлано въ этомъ отношеніи, но даже по долгу верховной власти и впредь обязанъ такъ поступать въ тѣхъ предметахъ, которые не касаются догматики и души; и, наконецъ, что нѣтъ нужды въ устраненіи причиненнаго религіи и церкви вреда, если онъ, какъ въ данномъ случаѣ, существуетъ только въ воображеніи.

Ad 2—dum. Нарушеніе законныхъ правъ другого такъ далеко отъ всѣмъ извѣстной справедливости Е. И. В., что ему и въ голову никогда не приходило желанія уничтожить институтъ монашескихъ орденовъ, одобренныхъ св. престоломъ. Отъ этой догадки не должно-ли было бы удержать то только соображеніе, что для Е. В. совершенно безразлично, продолжаетъ ли свое существованіе въ иноземныхъ государствахъ тотъ или другой духовный институтъ, прекратить существованіе котораго въ своемъ государствѣ онъ призналъ за благо?— Равнымъ образомъ Е. В. никогда не приходило на мысль препятствовать примѣненію законныхъ правъ св. престола и вселенской церкви въ вопросахъ догматическихъ и относящихся только къ душѣ. Но Е. В. не допуститъ посторонняго вмѣшательства въ дѣла, на которыя онъ смотритъ, какъ на принадлежащія высшей государственной власти,—къ таковымъ онъ относитъ безъ исключенія все то, что̀ въ церкви не божественнаго, а человѣческаго только измышленія или установленія, и тѣмъ, что̀ оно есть, обязано единственно согласію или одобренію высшей власти, которой поэтому принадлежитъ и должно принадлежать право всѣ подобныя добровольныя и произвольныя соглашенія, какъ и другія этого рода, не только измѣнять и ограничивать, но даже совсѣмъ отмѣнять, коль скоро этого потребуютъ государственныя соображенія, злоупотребленія или перемѣна времени и обстоятельствъ.

Ad 3—tium. Е. В. льститъ себя надеждой, что г-нъ нунцій по зрѣломъ размышленіи скажетъ самъ себѣ все, что̀ можно было бы сказать по этому пункту.—На то же самое надѣется Е. В. и относительно 4-го пункта, къ чему, однако, считаетъ нужнымъ присовокупить, что онъ никогда не окажется и не можетъ оказаться въ такомъ положеніи, чтобы приказать кому либо изъ подданныхъ что либо такое, что̀ могло бы идти въ разрѣзъ съ ихъ совѣстью, и поэтому не безпокоится относительно неповиновенія, но во всякомъ случаѣ онъ сумѣетъ заставить повиноваться. Въ томъ же невозможномъ случаѣ, когда

кто-либо сочтетъ для себя невозможнымъ повиноваться вслѣдствіе требованій совѣсти, Е. В. предоставитъ думающимъ такъ полную свободу отправиться изъ его государства, куда они пожелаютъ.

Наконецъ, что касается 5-го пункта, то Е. В. приказалъ напомнить, что къ числу правъ, принадлежащихъ исключительно папѣ, не могутъ быть отнесены тѣ, которыя, какъ извѣстно, въ теченіи столькихъ столѣтій въ нашей святой вѣрѣ причислялись къ исключительно принадлежащимъ епископамъ, и что Е. В. изданіемъ распоряженія епископамъ своего государства—снова вступить въ пользованіе своими безспорными традиціонными правами только устранилъ злоупотребленіе, вызывавшее много затрудненій и доселѣ очень вредное для финансовъ его подданныхъ[1]).

„Нунцій,—говоритъ Трачевскій,—испугался и 21 дек. прислалъ Кауницу извиненіе“[2]).—Мы не видимъ особеннаго испуга нунція изъ его отвѣта, если не считать признаками этого чувства крайнія любезности и смиренный тонъ: Гарампи не отступилъ отъ разъ сказаннаго, напротивъ, заявилъ, что не можетъ согласиться съ основными положеніями Кауницевскаго отвѣта, такъ какъ они слишкомъ расходятся съ извѣстными положеніями, доселѣ признанными публично или авторизованными церковью[3]).

Но при дворѣ не были расположены вступать съ нунціемъ въ дальнѣйшія объясненія. 23 дек. Кауницъ очень кратко и сухо увѣдомилъ Гарампи, что Е. И. В. считаетъ излишнимъ впредь входить въ какія либо изысканія относительно предметовъ, мнѣніе его о которыхъ изложено въ вышеупомянутой нотѣ отъ 19 дек.[4]).

Въ виду такого обострепія отношеній Іосифа II къ Риму, едвали ошибся Герзанъ, найдя въ invito sagro римскаго кардинала викарія М. А. Колонна отъ 22 дек. 1781 г. въ курсивѣ намекъ на австрійскую церковную реформу[5]).

Горячимъ противникомъ распоряженій Іосифа II въ церковной сферѣ выступилъ кузенъ его, Трирскій архіепископъ, Клементъ Венцель. Слѣпо преданный іезуитамъ, ревностный поборникъ папскаго деспотизма, затронутый въ качествѣ аугсбургскаго епископа распоряженіями императора и лично, онъ вступилъ въ переписку съ Іосифомъ, думая убѣдить его отказаться отъ церковной реформы. Авторомъ этихъ писемъ Клемента, какъ мы уже упоминали выше[6]), былъ духовникъ архіепископа, эксъ-іезуитъ аббатъ Беккъ.—Въ первомъ пространномъ письмѣ, датированномъ 1-мъ іюня 1781 г., Клементъ

---

[1]) Kropatschek. II, 3—12. Wolf, P. Ph. III, 423—435. [2]) Союзъ князей. 414, прим.
[3]) Acta hist.-ecclesiastica nostri temporis. L. c., 159 sq. (у Wolf, P. Ph. III, 435—436). [4]) Ibidem. 160 sq. (у Wolf, P. Ph. III, 436—437).
[5]) Въ этомъ invito sagro (т. е. печатномъ приглашеніи къ церковнымъ процессіямъ въ Римѣ), присланномъ Герзаномъ 26 дек. 1781 г. Кауницу, между прочимъ говорилось: («Benchè in tutt'i tempi abbiam bisogno di ricorrer supplichevoli al trono della Divina misericordia) per implorare il soccorso alle nostri particolari e universali miserie e tanti altri gravissimi mali che da ogni parte opprimono il Publico ed il Privato—presenti calamità universali e particolari». (Brunner. 70). [6]) Введеніе XXVI.

подробно разбираетъ вышедшія къ тому времени главныя распоряженія Іосифа II въ церковной сферѣ. 1) Placetum regium представляется ему не только совершенно излишнею, унизительною для церкви, но и безконечно опасною формальностью. Если пастыри церкви въ лицѣ папы и епископовъ не могутъ издать никакого посланія паствѣ безъ разрѣшенія свѣтской власти, то церковь является рабою свѣтскихъ судей. Какое понятіе о религіи составитъ себѣ народъ, когда увидитъ, что наставленіе въ вѣрѣ подчинено контролю свѣтскихъ трибуналовъ, которые будутъ произвольно измѣнять ее или запрещать, объявляя отнынѣ правильными церковныя опредѣленія даже догматическаго характера только въ случаѣ одобренія ихъ свѣтскою властью? Не дастъ-ли это ему поводъ думать, что религія—предметъ только политики, что долгъ каждаго въ одномъ внѣшнемъ почтеніи? Естественнымъ же результатомъ такого убѣжденія будетъ потрясающій самыя основы трона взглядъ на повиновеніе властямъ не какъ на божественный законъ, открытый непогрѣшимымъ органомъ церкви, а какъ на законъ политическій въ интересахъ государей. Въ виду этого Клементъ льститъ себя надеждой, что если placetum regium не будетъ совершенно отмѣненъ, то, по крайней мѣрѣ, будетъ такъ измѣненъ, чтобы отъ него не страдали честь и авторитетъ церкви.

2) Распоряженіе императора объ уничтоженіи связи монаховъ съ иноземными генералами и вообще отмѣна „изъятій“ орденовъ изъ власти мѣстныхъ епископовъ представляется Клементу менѣе вреднымъ сравнительно съ placetum regium, но всетаки прискорбнымъ для церкви, такъ какъ сдѣлано безъ обращенія къ ней: послѣдняя, конечно, не отказалась бы исполнить такое высочайшее желаніе, при рискѣ видѣть его исполненнымъ и вопреки ея волѣ.

3) Что касается отнятія бенефицій, которымъ грозитъ другой указъ даже за самую ничтожную плату заграничнымъ священникамъ за мессу, то и это распоряженіе должно чувствительно оскорблять церковь. Никогда государи не претендовали на лишеніе духовенства непосредственно и безъ содѣйствія духовной власти юрисдикціи, которой они не могли ему дать; они довольствовались лишеніемъ доходовъ тѣхъ лицъ, которыя шли противъ ихъ приказаній. Этого было вполнѣ достаточно для наказанія ослушниковъ, и утрата матеріальнаго, если она оставалась постоянною, всегда косвенно влекла за собою лишеніе и духовнаго, но при такой практикѣ сохранялись основныя положенія духовной юрисдикціи.

Но всего болѣе сѣтованій вызываютъ въ Клементѣ распоряженія Іосифа относительно буллъ „in Coena Domini“ и „Unigenitus“ и духовной цензуры.

4) Архіепископъ признаетъ желательнымъ смягченіе первой буллы; онъ не находитъ возможнымъ отрицать, что папа Бонифацій VIII присвоиваетъ себѣ въ ней не принадлежащія ему права, какъ, напр., запрещеніе, подъ угрозою анаѳемой, введенія въ католическихъ странахъ

новыхъ пошлинъ, налоговъ и т. п., и что для защиты принадлежащихъ ему онъ пригрозилъ воспользоваться средствомъ, какого Богъ не далъ въ руки своихъ первосвященниковъ, для ихъ матеріальной, выгоды. Въ этихъ пунктахъ, какъ чуждыхъ церковной юрисдикціи, императоръ въ правѣ смотрѣть и требовать, чтобы другіе смотрѣли на эту буллу, какъ на не существующую. Но въ ней содержатся другія такія распоряженія, которыя, проистекая отъ законной власти, требуютъ со стороны вѣрующихъ полнаго подчиненія и уваженія, распоряженія, кои никакимъ образомъ не могутъ быть отмѣнены государями, власть которыхъ, очевидно, не можетъ простираться до разрѣшенія связаннаго церковью. Церковная власть, по установленію Христа, въ дѣлахъ вѣры такъ же верховна и независима, какъ и свѣтская въ сферѣ свѣтской. Поэтому Клементъ льститъ себя надеждой на отмѣну высочайшаго распоряженія объ удаленіи названной буллы изъ богослужебныхъ книгъ.—Что же касается догматической буллы „Unigenitus“, принятой всѣми католическими епископами и потому представляющей собою непогрѣшимый приговоръ всей церкви въ послѣдней инстанціи, то запрещеніе говорить о ней и за и противъ было бы торжествомъ заблужденія: послѣднее оказалось бы поставленнымъ на одну доску съ истиной. Истина въ правѣ заставить молчать ложь, хотя и не обязана покупать ее цѣною собственнаго молчанія; и исторія церкви представляетъ не одно доказательство того, что ересь всегда болѣе выигрывала, чѣмъ теряла отъ подобныхъ осторожностей.

5) Наконецъ, распоряженіе императора о разсмотрѣніи книгъ вѣнской цензурной комиссіей, а не епископами противорѣчитъ словамъ Христа, сказавшаго первымъ пастырямъ: „шедше, научите“..... и обѣщавшаго имъ для этого помощь св. Духа до скончанія вѣка.

Въ заключеніе курфирстъ заявляетъ императору, что ни одинъ епископъ не можетъ повиноваться его церковнымъ распоряженіямъ, не измѣняя своему служебному долгу и вѣрѣ, напоминаетъ ему объ его обязанностяхъ въ качествѣ покорнаго сына и вмѣстѣ покровителя церкви и заканчиваетъ завѣреніемъ, что онъ, Клементъ, пользуясь своимъ особымъ положеніемъ, свободно высказалъ взгляды и затаенныя желанія многихъ, а, можетъ быть, и всѣхъ безъ исключенія епископовъ[1]).

Это письмо было отправлено императору только 14 сент. того же 1781 г. съ краткой запиской, въ которой курфирстъ объяснялъ позднее отправленіе письма желаніемъ выбрать болѣе свободное время для прочтенія его кузеномъ и выражалъ живѣйшее опасеніе за спасеніе души послѣдняго[2]).

Императоръ не замедлилъ отвѣтить обезпокоенному кузену: 25 же сент. изъ лагеря въ Монптенѣ[3]) онъ отправилъ ему пунктуальный отвѣтъ въ саркастическомъ, но довольно сдержанномъ тонѣ.

---

[1]) Mohnike. L. c., 263—280. [2]) Ibidem. 280—281.
[3]) Ibidem .282—287. Въ „Acta h.-ec. n. t.“ Th. LXIV. 1061 ssq. (у Wolf, P. Ph. III, 319—323). Это письмо помѣчено 24 сент. изъ Монпелингена.

Выразивъ сожалѣніе объ отсутствіи нужныхъ для детальнаго отвѣта на важные вопросы кузена книгъ, какъ, напр., Кенеля, Бузенбаума и даже правовѣрнаго Февронія, императоръ продолжаетъ: 1) что касается placetum regium, то мнѣ кажется, что, когда видимый (visible) глава церкви, какъ его называютъ, издаетъ изъ Ватикана какое нибудь распоряженіе вѣрнымъ моего государства, я, какъ ихъ дѣйствительный (palpable et réel) глава, долженъ знать объ этомъ и могу оказать какое нибудь вліяніе. 2) Сами В. К. В. признали за государями право отмѣны привиллегій извѣстныхъ монашескихъ орденовъ, а если просить разрѣшенія у св. отца изъ учтивости, то я вѣчно упрекалъ бы себя, если бы ввелъ его или укрѣпилъ въ заблужденіи, прося у него того, что̀ ему не принадлежитъ и, слѣд., вызвалъ бы въ немъ предположеніе, что не знаю своихъ правъ. 3) Что касается лишенія бенефицій, въ случаѣ нарушенія законовъ, то и сами В. К. В. были такъ добры признать, что я имѣю право посредствомъ лишенія доходовъ косвенно воспользоваться имъ. Но такъ какъ непрямое—всегда удѣлъ плута или слабаго, то я, не будучи ни тѣмъ, ни другимъ, предпочитаю прямое. 4) Что касается буллъ „In Coena Domini“ и „Unigenitus“, В. К. В., не одобряя первую, воздаете должное Бонифацію VIII. Васъ безпокоитъ, кажется, выраженіе—„вырвать ее изъ ритуаловъ“. Если вамъ угодно въ своемъ діоцезѣ вмѣсто этого заклеить ее листомъ бѣлой бумаги, на которомъ напишите 4 слова—«obedientia melior quam victima»—изрѣченіе, сказанное, если память меня не обманываетъ, Самуиломъ Саулу по поводу какихъ-то Амалекитянъ, которыхъ онъ слишкомъ мало избилъ, то это будетъ еще лучше.—Булла «Unigenitus»—позднѣе, кажется, всѣхъ вселенскихъ соборовъ, слѣд., далеко не непогрѣшимый приговоръ всей церкви. Она одними была принята, другими нѣтъ, слѣд., кажется, не лишне распорядиться, чтобы объ ней не говорили и не спорили, какъ я и сдѣлалъ. По счастью, мои добрые австрійцы и храбрые венгры не знаютъ ни Молины, ни Янсенія и, если бы имъ сказали о послѣднихъ, они спросили бы васъ, не римскіе-ли это консулы, и замѣтили бы, что въ гимназіяхъ не слыхали и именъ такихъ. Я самъ зналъ Молину, борзую собаку, которая одна брала зайца. Такое невѣжество въ спорахъ о благодати! Итакъ, у меня будутъ молчать объ этомъ и хорошо сдѣлали бы, если бы всюду молчали объ этомъ лѣтъ 30 тому назадъ. 5) Наконецъ, повидимому, васъ безпокоитъ вѣнская цензура. Тоже самое было бы и со мною, если бы я не достаточно видѣлъ людей для того, чтобы знать, что мало людей читающихъ, еще меньше понимающихъ читаемое и слишкомъ мало такихъ, которые пользуются прочитаннымъ, или помнятъ его. Я знаю даже такихъ, которые не понимаютъ того, что пишутъ. При такомъ положеніи дѣла, не должно-ли больше бояться запрещенія, чѣмъ дурныхъ книгъ? потому что первое заставляетъ читать послѣднія. Безъ рокового запрещенія, искусившаго нашего прародителя, мы еще гуляли бы совершенно нагими въ земномъ раю и не слушали бы бесѣдъ о 5 серьезныхъ вопросахъ,

на которые я только что отвѣтилъ В. К. В., не какъ законодатель, не какъ моралистъ, а какъ добрый солдатъ съ доброй вѣрой угольщика и здравымъ смысломъ въ рукѣ. Да, я твердо и съ удовольствіемъ вѣрую. Ваша дружба можетъ быть спокойной относительно этого.

Наконецъ, я льщу себя надеждой, что мы оба слѣдуемъ прямой дорогой для достиженія своего спасенія, исполняя долгъ служенія, возложеннаго на насъ провидѣніемъ, и дѣлая честь хлѣбу, который мы ѣдимъ. Вы ѣдите церковный и протестуете противъ всякаго нововведенія, я---государственный и защищаю или возстановляю изначальныя права государства.—P. S. Пусть аббатъ Беккъ приметъ участіе въ моей признательности, поскольку онъ содѣйствовалъ обнаруженію со стороны В. К. В. этого знака участія.

Несомнѣнно, Трирскій архіепископъ ждалъ совсѣмъ другого отвѣта на свое первое письмо. Саркастическій тонъ и повсюду разсѣянныя остроты должны были крайне обидѣть его. Поэтому въ концѣ слѣдующаго ноября курфистъ написалъ императору новое письмо, въ которомъ, между прочимъ, выражалъ свою крайнюю радость по поводу того, что оказался достойнымъ, по примѣру апостоловъ, претерпѣть за имя Христово презрѣніе. „Моя радость,—продолжалъ онъ,—была бы совершенной, если бы я могъ въ этотъ моментъ скрыть отъ себя крайнія бѣдствія, грозящія церкви, и горькіе упреки, которые В. В. готовите себѣ. Да, государь, я говорю съ полной свободой ввѣреннаго мнѣ служенія, что какова бы ни была твердость, съ какою Вы, повидимому, рѣшили поддерживать свои шаги, настанетъ день, въ который Вы будете за нихъ безутѣшны. Да не будетъ онъ днемъ вѣчности!“[1]).

На это грозное письмо императоръ съ первой почтой (1 дек. 1781 г.) отвѣтилъ:

„Мой кузенъ!

Только что получилъ письмо, которое В. К. В. было угодно мнѣ написать. Вижу, что мы пляшемъ подъ разныя дудки. Вы берете форму вмѣсто вещи, тогда какъ я въ дѣлѣ религіи держусь вполнѣ вещи и иду только противъ вкравшихся въ религію и искажающихъ ея чистоту злоупотребленій. Ваши письма—совсѣмъ трагическія, а мои—комическія и какъ Талія и Мельпомена, хотя и сестры на Парнасѣ, сходя съ Геликона, не всегда связаны вмѣстѣ. Вы позволите мнѣ дождаться времени, когда наши натуры (nos genres) ближе сойдутся, а пока примите увѣреніе въ полной моей дружбѣ и почтеніи“[2]).

Изъ этой переписки Трирскій курфирстъ, да и всѣ куріалы могли убѣдиться въ серьезности и зрѣлой обдуманности реформы Іосифа II. Какъ все заранѣе взвѣсившій и рѣшившій твердо итти по разъ намѣченному пути, императоръ не удостоиваетъ разборомъ возраженій своего кузена, ограничиваясь сарказмами на его счетъ и заявленіемъ неизмѣнной рѣшимости продолжать начатое дѣло.

[1]) Mоhnike. L. c., 288—289. [2]) Ibidem. 289—290.

Между тѣмъ Мигацци, не смотря на полученный отъ императора урокъ, продолжалъ свою оппозицію его мѣропріятіямъ.

Еще 10 авг. 1781 г. Іосифъ объявилъ библію общедозволенной книгой[1]), но Мигацци не опубликовалъ этого декрета до 19 мая 1782 г., когда явилась такая резолюція: „Мѣстному кардиналу-архіепископу сдѣлать внушеніе за неопубликованіе и назначить ему для объявленія трехдневный срокъ. По истеченіи послѣдняго, если не послѣдуетъ съ его стороны публикаціи, лишить его доходовъ, о чемъ можно объявить ему заранѣе".—Пастырскаго посланія о вѣротерпимости кардиналъ и совсѣмъ не издалъ, но ему пришлось повторить духовенству своей епархіи, чтобы оно воздерживалось на церковной каѳедрѣ отъ всякихъ намековъ на настоящія нововведенія, чрезмѣрной похвалы святымъ и упоминанія объ извѣстныхъ ханжескихъ обрядахъ.

Не смотря на такую оппозицію кардинала, императоръ великодушно защищалъ его отъ нападокъ сатирической печати[2]).

Не обращая вниманія на пораженіе при защитѣ монашества, Мигацци снова выступилъ борцомъ на той же аренѣ, съ еще большими рвеніемъ и ораторскимъ искусствомъ. Поводомъ послужило явившееся въ свѣтъ почти одновременно съ вышеупомянутой перепиской между Іосифомъ и Клементомъ произведеніе извѣстнаго вѣнскаго естествоиспытателя И. Э. Борна, написанное острымъ перомъ, съ вымышленнымъ мѣстомъ печати (Аугсбургъ) и издателемъ (А. Мерцомъ, эксъіезуитомъ, опозорившимся своими безсмысленными кропаньями противъ ересей): «Specimen Monachologiae methodo Linnaeana, tabulis tribus aeneis illustratum, cum adnexis thesibus e Pansophia P.P.P. Fast. A. A. L. L. et Phil. Doctoris, Curati primarii, Magistri chori et Rectoris Ecclesiae Metropolitanae Viennensis ad S. Stephanum, quas Praeside A. R. P. Capistrano a Mulo S. Antonii, Lectore Theologiae ordinario, XXVI May hora IV post prandium in vestibulo Refectorii Conventus defendet P. Tiburtius a vulnere Theresiae et P. Theodatus a stigmatibus Francisci, Fratres Conventualium Minorum. Augustae Vindelicorum. Sumptibus P. Aloisii Merz. 1783 in 4^0, 6 Bogen mit drei Kupfertafeln». Оно произвело въ Вѣнѣ фуроръ и читалось съ невѣроятной жадностью. При самомъ появленіи, вѣроятно, однимъ изъ сторонниковъ по духу и землякомъ автора, книгѣ было предсказано, что она будетъ читаться еще въ 2440 г., если только къ тому времени останется, съ божіей помощью, хоть одинъ монахъ-нѣмецъ[3]). Шрёкъ, хотя и не высказывалъ похвалы такъ рѣшительно, однако еще въ 1807 г. былъ того мнѣнія объ этой книгѣ, что она вмѣстѣ съ „Sieben Kapitel von Klosterleute" Эйбеля долго еще будетъ читаться[4]). Скоро она явилась и въ нѣмецкомъ переводѣ[5]).

---

[1]) Выше 105. [2]) Frank. 126.

[3]) «Allgem. D. Bibl». Bd. LVI, 600, ssq. (Mohnike. L. c., 261). [4]) Schröck. Christ. K.-Gesch. seit d. Reformation. Th. VI, 673 sq. (Ibidem. 260—261). [5]) Mohnike. L. c., 261—262.

Въ этомъ сочиненіи Борнъ далъ естественную исторію монашества, съ большимъ остроуміемъ описавъ монаховъ разныхъ орденовъ по покрою платья и вообще по особенностямъ каждаго ордена, примѣнительно къ Линнеевской терминологіи насѣкомыхъ. Цензура разрѣшила продажу этой книги. Тогда Мигацци сдѣлалъ послѣднюю попытку спасти монаховъ отъ всеобщаго позора: онъ подалъ императору представленіе о запрещеніи этой книги, причемъ исторически и богословски доказывалъ важность и пользу монашества, тѣмъ съ бо́льшимъ жаромъ, что въ то время императоръ былъ занятъ мыслью объ упраздненіи различныхъ монашескихъ орденовъ. Мы не раздѣляемъ взгляда П. Ф. Вольфа, признающаго эту записку кардинала написанной очень искусно[1]). Намъ она кажется сшитою бѣлыми нитками. Гдѣ у автора доказательства? Нѣсколько цитатъ изъ о.о. церкви? Но послѣдніе говорили о современныхъ имъ монахахъ, Борнъ же писалъ о своихъ современникахъ; онъ не касался идеи монашества, а бралъ его въ той формѣ, въ какую оно выродилось за $1^1/_2$ тысячелѣтнее свое существованіе. Кардиналъ указываетъ на спасеніе древними монахами наукъ и искусствъ—опять таки слабый аргументъ: при Іосифѣ II монастыри совсѣмъ утратили древнее просвѣтительное значеніе.

Императоръ не далъ обстоятельнаго отвѣта Мигацци на его представленіе, а замѣтилъ только, что онъ думалъ, что кардиналъ принимаетъ участіе въ дѣятельномъ, а не праздномъ монашествѣ, потому что у Борна осмѣивается только послѣднее[2]).

Послѣ этого кардинальскаго представленія Борнъ нашелся вынужденнымъ написать «Defensio Phisiophili» и «Anatomia Monachi» въ томъ же духѣ, что и «Specimen». Оба эти трактата присоединены ко второму изданію послѣдняго[3]).

Скоро Мигацци, помимо оскорбленій по поводу своихъ представленій, былъ задѣтъ Іосифомъ II еще чувствительнѣе: къ нему былъ примѣненъ законъ о несовмѣщеніи нѣсколькихъ епархій въ однихъ рукахъ и онъ принужденъ былъ лишиться очень доходной вайценской епархіи[4]). Послѣ такихъ инцидентовъ недовольство кардинала-архіепископа императоромъ дошло до того, что онъ, наконецъ, отказался показываться при дворѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что, въ виду сокращенія доходовъ, у него недостаетъ средствъ на представительство по этикету. А императоръ,—новый ударъ для Мигацци,—и не ставилъ ему въ обязанность присутствія при дворѣ[5]).

П. Ф. Вольфъ справедливо говоритъ, что протестъ Мигацци былъ не самымъ опаснымъ изъ ожидавшихъ императора. Гораздо опаснѣе для Іосифа былъ протестъ провинціальныхъ епископовъ: послѣдніе вдали отъ резиденціи играли тѣмъ бо́льшую роль, что издали трудно открыть пружину, которой заводится вся машина[6]).

[1]) Wolf, P. Ph. III, 278—279. Самая записка помѣщена здѣсь на 270—278. стр. [2]) Mohnike. l. c., 261. [3]) Ibidem. 261. [4]) Выше. 119—120. [5]) Gross-Hoffinger. D. Allein-Regierung. K. J. II, 46. [6]) Wolf, P. Ph. III, 282.

Взгляды Мигацци раздѣляло большинство австрійскихъ іерарховъ. Особенною ревностью выдѣлялись изъ нихъ—архіепископъ Ольмюцскій, графъ А. Т. Коллоредо-Мельцъ и Вальзее, Брюннскій епископъ, графъ М. Фр. Хоринскій, Гёрцскій архіепископъ, графъ Р. І. Эдлингъ[1]) и венгерскіе іерархи.

Графъ Р. І. Эдлингъ не хотѣлъ и слышать о введеніи въ своей епархіи системы вѣротерпимости. Онъ протестовалъ противъ нея и докладывалъ, что вступилъ въ переписку по этому вопросу съ папой[2]). Изъ Рима ему было приказано—*враждебныя* церкви распоряженія и законы императора *игнорировать* до тѣхъ поръ, пока не кончится возникшій по этому поводу конфликтъ между послѣднимъ и папой, потому что въ духовной сферѣ онъ-архіепископъ—подданный папы. Эдлингъ откровенно сообщилъ объ этомъ придворному канцлеру, когда послѣдній сталъ настаивать на опубликованіи имъ высочайшихъ распоряженій и законовъ духовенству своей епархіи[3]). На докладѣ объ этомъ духовной придворной комиссіи Іосифъ (21 февр. 1782 г.) написалъ резолюцію: для примѣра другимъ, чрезъ Гёрцское правленіе отъ высочайшаго имени приказать архіепископу въ 24 часа разослать всѣ задержанныя публикаціи, какъ онѣ есть, и немедленно засимъ, не дожидаясь папы, и безъ всякихъ другихъ отговорокъ, отправиться съ перепиской въ Вѣну для допроса и дальнѣйшихъ распоряженій. Если онъ откажется сдѣлать то или другое, то же правленіе должно истребовать отъ него прошенія объ отставкѣ и такъ aut aut рѣшить въ 24 часа.—Резолюціей 17 марта было велѣно in pleno consilio сдѣлать архіепископу приличный выговоръ за промедленіе въ исполненіи высочайшихъ распоряженій. 24 марта разъяснено: пригласить архіепископа въ комиссію и въ присутствіи канцлера, вице-канцлера, референтовъ и корреферентовъ объявить ему, что онъ не выйдетъ изъ комнаты, пока не напишетъ, запечатаетъ и передастъ распоряженіе своей консисторіи о публикаціи, или подастъ прошеніе объ отставкѣ. Если онъ приметъ первое, сдѣлать ему выговоръ in pleno consilio; если не приметъ, приказать, по принятіи отставки, немедленно выѣхать и не возвращаться болѣе въ оставленную епархію[4]). Гр. Эдлингъ согласился на публикацію, выслушалъ выговоръ, велъ себя покорно и оправдывался „мученіями совѣсти“, вызывавшимися въ немъ высочайшими указами[5]). Эта уступчивость отсрочила отставку архіепископа, но не спасла отъ нея совсѣмъ[6]). Уѣздный начальникъ, гр. Ламбергъ, вслѣдствіе доказанной небрежности въ этомъ случаѣ, былъ уволенъ отъ должности. 22 апр. 1782 г. послѣдовала публикація[7]). По императорской резолюціи (27 мая 1782 г.), папскаго бреве было приказано не возвращать ни въ оригиналѣ, ни въ копіи[8]). Архіепископъ принужденъ былъ немедленно, не видѣвши папы, возвратиться въ свою епархію, внести

---

[1]) Frank. 126—127. [2]) Geissler. Skizzen aus d. Charakter Joseph II. Halle. 1785. Bq. III, 252 (у Brunner. 349). [3]) Hock—Bidermann. 458—459.
[4]) Brunner. 415—417. [5]) Hock.—Bidermann. 459 ср. Wolf, P. Ph. III, 460—461, прим. [6]) Выше. 117. [7]) Frank. 127. [8]) Brunner. 417—418.

2700 фл. штрафу въ пользу исправительнаго дома въ Талошѣ и, кромѣ того, изъ доходовъ съ венгерскаго пробстства ежегодно уплачивать по 1500 фл. на одно благотворительное учрежденіе[1]).

Уже первые самостоятельные шаги Іосифа II въ церковной области, распоряженія перваго года правленія привели въ величайшее удивленіе всю Европу. Курія пришла отъ нихъ въ ужасъ, да и было отчего: колебались основанія того зданія, на сооруженіе котораго было положено столько вѣковыхъ трудовъ. Планы Іосифа обнаружились слишкомъ рельефно, чтобы въ нихъ можно было ошибиться; высшая свѣтская власть начала свободно распоряжаться въ области, доселѣ крайне ревниво охранявшейся римскимъ дворомъ отъ посторонняго вліянія: этого не было ни въ одномъ католическомъ государствѣ, не исключая Франціи, въ теченіе нѣсколькихъ уже столѣтій занимавшей самостоятельное положеніе по отношенію къ римскому двору.

Отчасти по недовѣрію къ своимъ министрамъ, отчасти въ надеждѣ произвести болѣе сильное впечатлѣніе на государей, Пій VI по всѣмъ церковнымъ вопросамъ велъ съ ними собственноручную переписку. Онъ думалъ доселѣ, что все, гдѣ бы то ни было сдѣланное ко вреду его престола, зависѣло отъ извѣстныхъ козней министровъ, сами же государи или ничего не знали объ истинномъ положеніи вещей или очень мало. По этимъ соображеніямъ, папа съ самаго начала вступилъ въ собственноручную переписку съ Іосифомъ, ожидая отъ нея полнаго успѣха. Но ему скоро пришлось разочароваться: онъ замѣтилъ, что имѣетъ дѣло съ государемъ, привыкшимъ съ горячимъ упрямствомъ проводить свои планы[2]).

Устрашенный крайней рѣшительностью и радикальностью церковныхъ распоряженій императора и въ виду особенно обострившагося вопроса о правѣ назначенія въ Ломбардіи іерархическихъ лицъ, Пій VI рѣшился на безпримѣрный въ исторіи шагъ—отправиться въ Вѣну для личныхъ переговоровъ съ императоромъ—и въ этомъ смыслѣ 15 дек. 1781 г. послалъ ему бреве[3]).

Императоръ совсѣмъ не желалъ видѣть въ Вѣнѣ папу и поэтому немедленно, по полученіи бреве, 11 янв. 1782 г. послалъ Пію VI такой отвѣтъ, который долженъ бы былъ заставить св. отца отказаться отъ предположеннаго имъ путешествія. Упомянувъ объ отказѣ папы въ вышеупомянутомъ бреве предоставить императору назначеніе на іерархическія мѣста въ Ломбардіи, Іосифъ продолжалъ: „Какъ неожиданъ былъ для насъ этотъ отвѣтъ и какое непріятное впечатлѣніе произвелъ на нашъ духъ, мы тѣмъ менѣе можемъ выразить словами, что вѣрное сознаніе правоты нашихъ дѣйствій поставитъ насъ въ необходимость воспользоваться нашимъ правомъ, каковы бы ни были послѣдствія этого. Что же касается изложеннаго въ концѣ Вашего письма рѣшенія, именно—прибыть къ намъ и устно переговорить съ нами о дѣлѣ, то мы принимаемъ его съ благодарностью и удовольствіемъ, какъ

[1]) Wolf, P. Ph. III, 461, прим. [2]) Ibidem. III, 441—442. [3]) Помѣщено въ «Acta hist-eccles. nostri temporis». Th. LXIII, 840 ssq. (у Wolf, P. Ph. III, 443—450).

доказательство не только особеннаго, но, въ виду такой продолжительности и трудности путешествія, и вполнѣ исключительнаго къ намъ Вашего благоволенія.—Какъ ни пріятно и ни желательно для насъ имѣть возможность лично увидѣться и побесѣдовать съ В. Св., тѣмъ не менѣе мы твердо увѣрены, что В. Св. угодно подвергнуться трудностямъ столь продолжительнаго путешествія не по какому другому побужденію, а лишь по благоволенію къ намъ и изъ желанія дать наглядное доказательство Вашей готовности вмѣстѣ съ нами приложить все стараніе и всѣ заботы къ поднятію религіи и богослуженія въ нашихъ странахъ и къ хорошему народному просвѣщенію, котораго едва-ли можно достигнуть безъ правильнаго и соотвѣтствующаго какъ общественному государственному благу, такъ и обстоятельствамъ времени руководства духовенства. Но мы совсѣмъ не думаемъ скрывать того, что въ сдѣланныхъ нами по зрѣломъ размышленіи распоряженіяхъ ко благу религіи, къ лучшей постановкѣ церковной дисциплины и къ законному примѣненію въ отношеніи къ послѣдней государственной власти въ нашихъ церквахъ и государствѣ мы такъ твердо убѣждены въ правильности нашихъ исходныхъ принциповъ, мотивовъ и цѣлей, что нельзя ничего придумать или представить, что̀ бы могло убѣдить насъ въ иномъ или побудить отступить отъ начатаго. Тоже самое мы заявляли уже въ письмѣ отъ 6 окт. прошлаго года и позднѣе мѣстному нунцію и письменно отъ 19 только что минувшаго мѣсяца чрезъ нашего придворнаго и государственнаго канцлера и даже устно. Намъ не остается ничего болѣе, какъ настоятельно просить В. Св. быть вполнѣ увѣренными въ томъ, что въ вопросахъ, касающихся религіи и церкви, мы держимся мыслей, приличныхъ сыну и охранителю послѣдней, и что ничего не желаемъ пламеннѣй, какъ наглядно доказать нашу почтительность и преданность В. Св.“[1]).

Самъ Іосифъ, еще за годъ до этого предполагавшій разойтись съ папой не въ догматахъ, а въ административной сферѣ и въ опредѣленіи спорныхъ границъ между церковной и свѣтской властями,[2]) не былъ увѣренъ въ пріѣздѣ Пія VI послѣ своего отвѣта ему. Посылая брату Леопольду бреве папы отъ 15 дек. 1781 г. и свой отвѣтъ, Іосифъ очень интересовался, что̀ сдѣлаетъ папа[3]) и „хорошо представлялъ себѣ“ удивленіе брата при извѣстіи о намѣреніи св. отца посѣтить Вѣну[4]). Еще 7 и 10 февр. Іосифъ не былъ увѣренъ въ пріѣздѣ папы[5]).

Намѣреніе Пія VI отправиться въ Вѣну озадачило весь католическій міръ. Герзанъ писалъ изъ Рима Кауницу 19 янв. 1782 г.: „16-го (янв.) въ Римѣ впервые сдѣлался извѣстнымъ запросъ папы относительно поѣздки въ Вѣну для личной бесѣды съ Е. В. о настоящихъ обстоятельствахъ. Почти всѣ—и я въ томъ числѣ—приняли эту

[1]) Wolf, P. Ph. III, 450—452.
[2]) Письмо къ Екатеринѣ II отъ 1 янв. 1781 г. (Arneth. 30). [3]) Письмо Іосифа отъ 12 янв. 1782 г. (Arneth. I, 69). [4]) Тоже отъ 21 янв. 1782 г. (Ibidem. 69). [5]) Письма къ Леопольду (Ibidem. 78).

новость за одну изъ выдумокъ. Надъ этимъ шутили, меня въ шутку спрашивали объ отвѣтѣ нашего двора..... На другой же день никто не сомнѣвался въ этомъ.... Болѣе слабыя головы, которыхъ здѣсь не мало, смотрятъ на этотъ запросъ, какъ на проявленіе возвышеннѣйшей апостольской ревности, а скромныя, какъ на одинъ изъ поспѣшныхъ и, если должное почтеніе позволяетъ такъ выразиться, безразсудныхъ шаговъ. Между тѣмъ мое мнѣніе и большей части людей разсудительныхъ, знающихъ образъ мыслей папы, то, что онъ сдѣлалъ этотъ шагъ, чтобы его не обвинили въ нерадѣніи и чтобы ему можно было сказать, что съ своей стороны онъ принялъ всѣ мѣры, даже самъ готовъ былъ отправиться въ Вѣну, чтобы устранить новшества въ духовныхъ дѣлахъ и что, можетъ быть, онъ льститъ себя надеждой этимъ путемъ предотвратить столь страшный вредъ отъ переговоровъ съ Неаполитанскимъ дворомъ. Этому рѣшенію могла, наконецъ, содѣйствовать и жажда славы, потому что онъ стяжаетъ себѣ имя въ исторіи, если ему удастся достигнуть этой поѣздкой отмѣны Е. В. своихъ распоряженій“ [1]).

Но Пій VI не раздумалъ своей поѣздки, „противъ чаянія и къ удивленію вѣнскаго двора“, по донесенію нашего вѣнскаго посланника, кн. Голицына[2]): 9 февр. онъ увѣдомилъ Іосифа II о своемъ рѣшеніи[3]).

Такимъ образомъ, Герзанъ не ошибся, когда еще 21 янв. писалъ Кауницу: „Даже если бы императоръ объявилъ, что останется неизмѣнно при сдѣланныхъ распоряженіяхъ, папа всетаки поѣдетъ въ Вѣну, потому что исключеніе переговоровъ оставляетъ свободу мольбы, которая наравнѣ съ первыми составляетъ долгъ верховнаго пастыря“[4]).

Рѣшеніе папы отправиться въ Вѣну представлялось тѣмъ болѣе страннымъ, что почти всѣ были противъ этого путешествія[5]). Всѣ искреннѣе друзья Пія VI и болѣе дальновидные дипломаты отговаривали его отъ этой поѣздки, на которую онъ самъ смотрѣлъ, какъ на требованіе долга и совѣсти. Герзанъ писалъ Кауницу (27 февр. 1782 г.), что, когда кардиналъ Берни и испанскій посланникъ бесѣдовали съ папой и рѣчь перешла на путешествіе, то папа сказалъ послѣднему, что предметъ его поѣздки въ Вѣну—не переговоры о высочайшихъ распоряженіяхъ по церковнымъ вопросамъ, а только просьба и мольба и что, если онъ будетъ лишенъ удовлетворенія въ смыслѣ достиженія того, что̀ обѣщаетъ доброта сердца и религіозная ревность императора, онъ будетъ имѣть удовлетвореніе въ сознаніи исполненія своего пастырскаго долга. Тѣмъ менѣе можетъ онъ отказаться отъ этой поѣздки, когда Е. В. такъ обязательно и лестно принялъ его запросъ о прибытіи въ Вѣну[6]).

Кардиналъ Берни, по поводу поѣздки папы въ Вѣну, писалъ

---

[1]) Brunner. 72—73. [2]) Трачевскій. Союзъ князей. 414, прим. [3]) Woll, P. Ph. III, 453—454. [4]) Brunner. 73. [5]) Письмо Леопольда къ Іосифу II отъ 27 февр. 1782 г. (Arneth. I, 80). [6]) Brunner. 76 ср. письмо Герзана Кауницу отъ 6 февр. 1782 г. (Ibidem. 74).

ему, между прочимъ: „Вообще на ваше намѣреніе смотрятъ, какъ на ошибочный шагъ, который, не принеся пользы св. престолу, скомпрометируетъ вашъ высокій санъ. Даже въ Римѣ смѣются надъ нимъ и вы знаете, какое это сильное оружіе въ нападеніяхъ на религію и ея служителей. Вы окружены людьми, не смѣющими вамъ противорѣчать; вамъ не извѣстенъ духъ дворовъ и вѣка. Заклинаю васъ, св. отецъ, отложите выполненіе своего намѣренія, пока не узнаете мнѣнія относительно этого—французскаго, испанскаго и другихъ дворовъ, голосъ которыхъ долженъ имѣть на васъ нѣкоторое вліяніе“[1]).

Но папа стоялъ на своемъ, не смотря на всѣ отговоры. Когда ему говорили о предстоящей ему опасности, или объ оскорбленіяхъ, которымъ онъ рискуетъ подвергнуться, онъ отвѣчалъ, что идетъ въ Вѣну, какъ пошелъ бы на мученическую смерть, что если требуетъ благо религіи мы не должны обращать вниманія даже на опасность для жизни, что ему невозможно покинуть корабль церкви во время сильнѣйшей бури. Когда ему говорили о насмѣшкахъ, предметомъ которыхъ онъ сдѣлается, онъ отвѣчалъ: „развѣ вы не знаете, что мы ради Христа должны сдѣлаться глупцами?“[2]).

Что заставило Пія VI рѣшиться на этотъ шагъ? Самъ онъ видѣлъ въ немъ требованіе совѣсти и долга. Герзанъ полагалъ, что самолюбіе заставляло его смотрѣть на славолюбіе, какъ на требованіе совѣсти[3]). „Просьба и мольба, чтобы Е. В. измѣнилъ, или, по крайней мѣрѣ, смягчилъ свои распоряженія по духовнымъ вопросамъ,—по словамъ Герзана,—составляли предметъ поѣздки св. отца. Послѣднія распоряженія касательно женскихъ монастырей, произведшія здѣсь самое сильное впечатлѣніе, одинъ изъ самыхъ главныхъ предметовъ ея“[4]).

Бургуэнъ говоритъ: „Нѣкоторые думали, что предложеніе Пія VI пріѣхать въ Вѣну было не болѣе, какъ жеманствомъ, отъ котораго онъ ожидалъ счастливаго дѣйствія: онъ хотѣлъ только дать блестящее доказательство своей апостольской ревности и разсчитывалъ на то, что императоръ не поймаетъ его на словѣ. Но кто хорошо зналъ Пія, тотъ не считалъ его способнымъ на такой планъ. Дѣло въ томъ, что онъ много разсчитывалъ на свое краснорѣчіе и другія соблазнительныя средства; онъ льстилъ себя надеждой, что императоръ не откажетъ ему въ лицо, что его присутствіе разбудитъ ревность нѣмецкихъ епископовъ и что онъ непремѣнно восторжествуетъ“[5]).

Какъ бы то ни было, 27 февр. 1782 г. Пій VI выѣхалъ изъ Рима въ Вѣну[6]).

---

[1]) Bourgoing. 197—198.
[2]) Ibidem. 199—200. [3]) Письмо къ Кауницу отъ 27 февр. 1782 г. (Brunner. 77). [4]) Тоже отъ 8 марта 1782 г. (Ibidem. 82). [5]) 196—197. [6]) У Wolf. P. Ph. (III, 437—525) путешествіе папы со всѣми предшествующими и послѣдующими обстоятельствами описано довольно подробно. Авторъ пользуется «Lebens—und Regierungs-Geschichte Pius VI» (Th. III) и «Bauer. Gesch. d. Reise d. Pabstes.» Th. I—III. Не мало подробностей объ этой поѣздкѣ разсѣяно въ перепискѣ этого времени между Іосифомъ II и Леопольдомъ, а также между Іосифомъ II и Екатериной II.

Іосифъ предсказывалъ безполезность папской поѣздки словами басни: «pariunt montes»[1]).

Недовольство императора папскимъ пріѣздомъ и поэтому дурное настроеніе духа выразилось во многихъ его письменныхъ резолюціяхъ и отвѣтахъ. Такъ, на запросъ вѣнскаго магистрата (19 марта), нужно-ли ему явиться въ соборъ св. Стефана въ ожиданіи Е. Св., императоръ съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ написалъ: „У магистрата съ его папскимъ святѣйшествомъ не больше общаго, чѣмъ у всѣхъ другихъ христіанъ-католиковъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ обыкновенно является въ соборъ св. Стефана, пусть является и при папѣ и безъ него, а въ тѣхъ случаяхъ, когда не является, пусть не является при папѣ и безъ него".—Слѣды подобнаго раздраженія видны въ данномъ имъ одновременно отвѣтѣ Пражскому архіепископу и Бреславльскому епископу на ихъ вопросъ, могутъ-ли они отправиться въ Вѣну послѣ пасхи, по прибытіи папы: „Вѣна открыта для всякаго, кто не поставленъ въ необходимость избѣгать ея"[2]).—На вопросъ Мигацци, можно-ли будетъ звонить въ колокола при въѣздѣ папы въ столицу, Іосифъ отвѣтилъ: „меня удивляетъ возможность такого вопроса съ вашей стороны. Развѣ колокола не ваша артиллерія?"[3])—Богемско-австрійская придворная канцелярія, сомнѣвавшаяся (18 марта), дѣлать-ли Гёрцскому архіепископу, не смотря на вѣроятное прибытіе папы въ Вѣну, выговоръ въ указанной строгой формѣ, получила утвердительное разъясненіе, потому что — „что касается гражданскаго управленія моихъ странъ,—писалъ Іосифъ,—не составляетъ никакого различія, въ Вѣнѣ-ли Пій VI, или въ Римѣ"[4]).

Однако, Іосифъ принялъ всѣ мѣры къ достойной встрѣчѣ высокаго гостя, самъ входилъ въ самыя мелочныя распоряженія, отвелъ ему квартиру въ своемъ дворцѣ въ покояхъ Маріи-Терезіи, хотя въ то же время старался устранить возможность демонстраціи со стороны крайней клерикальной партіи. Такъ, 3 марта 1782 г. онъ распорядился чрезъ канцлера,—въ виду инкогнито папы и остановокъ, вѣроятно, въ монастыряхъ и духовныхъ домахъ, не оказывать ему ни съ духовной, ни со свѣтской сторонъ никакихъ другихъ публичныхъ почестей, кромѣ требуемыхъ должнымъ почтеніемъ къ его духовному сану[5]).

Первымъ австрійскимъ городомъ, въ который въѣхалъ Пій VI, былъ Гёрцъ. Здѣсь его встрѣтилъ нунцій Гарампи, гр. Кобенцль и отрядъ знатной гвардіи. Здѣсь же ему пришлось въ первый разъ непріятно убѣдиться, что онъ—во владѣніяхъ Іосифа II. Онъ былъ изумленъ отсутствіемъ мѣстнаго архіепископа, гр. Эддинга и, когда спросилъ о причинѣ, ему отвѣтили, что графъ всего нѣсколько дней тому назадъ вызванъ въ Вѣну для объясненій по поводу своего обращенія въ Римъ вмѣсто опубликованія высочайшихъ распоряженій о вѣротер-

[1]) Письмо къ Леопольду отъ 10 марта 1782 г. (Arneth. I, 84) ср. его же письмо къ Леопольду отъ 7 марта (Ibidem. 82). [2]) Meynert. 73.
[3]) Wolf, P. Ph. III, 462, прим. Bourgoing. 215. Gross-Hoffinger. D. Allein-Regierung. K. J. II, 63. [4]) Heck. und Bidermann. 462, прим. [5]) Meynert. 72—73. Wolf, P. Ph. III, 461—464.

пимости. Пій VI скрылъ свое огорченіе при такомъ наглядномъ доказательствѣ непокорности Іосифа II и сказалъ, что признаетъ вполнѣ справедливымъ привлеченіе къ отвѣтственности епископовъ, не оказывающихъ повиновенія своимъ государямъ. Но если папа дѣйствительно сказалъ это, то скорѣе изъ вѣжливости, чѣмъ по убѣжденію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ могъ осудить епископа за обращеніе въ Римъ? Если бы онъ такъ думалъ, то не предпринималъ бы столь далекаго путешествія. Въ бытность свою въ Вѣнѣ папа замолвилъ словечко въ пользу архіепископа, но Іосифъ II не послушалъ Пія: на этомъ архіепископѣ онъ хотѣлъ дать острастку другимъ іерархамъ и именно въ то время, когда папское присутствіе могло побудить ихъ къ непослушанію[1]).

За то на дальнѣйшемъ пути папу утѣшили народный энтузіазмъ и встрѣча его самимъ императоромъ, выѣзжавшимъ для этой цѣли въ Нейштадтъ, несмотря на болѣзнь глазъ[2]).

22 марта при огромномъ стеченіи народа и колокольномъ звонѣ папа торжественно въѣхалъ въ Вѣну.—Энтузіазмъ толпы достигъ крайней степени, чему не мало содѣйствовало и время (страстная седмица). Дѣло дошло до того, что стали переносить папскую туфлю для чествованія изъ одного дома въ другой. Все это крайне умиляло Пія, о чемъ онъ и сообщалъ въ Римъ своимъ друзьямъ и кардиналамъ[3]).

Самолюбіе папы за время пребыванія въ Вѣнѣ обильно питалось торжественными службами и преподаваніемъ апостольскаго благословенія при стеченіи многотысячной народной толпы. Въ послѣдніе дни своего пребыванія здѣсь онъ освятилъ много тысячъ чотокъ и давалъ молившимся по нимъ отпущеніе дневныхъ грѣховъ, а въ праздникъ апостоловъ и въ смертный часъ и полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ[4]).

Между тѣмъ дѣловая сторона папскаго визита съ первыхъ же дней страдала безуспѣшностью[5]), всѣ усилія папы добиться чего нибудь въ пользу св. престола терпѣли неудачу.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ дневника, веденнаго Іосифомъ за папой[6]).

Утромъ 23 марта папа пробылъ съ Іосифомъ въ спальнѣ съ глазу на глазъ 2 часа. Говорили о патентѣ о вѣротерпимости и, послѣ выслушанія всѣхъ доводовъ императора, Пій VI произнесъ замѣчательную фразу, что и онъ на мѣстѣ императора поступилъ бы точ-

---

[1]) Wolf, P. Ph. III, 460—461. Bourgoing. 212—214. Gross-Hoffinger. I. c., 60—61. [2]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 23 марта 1782 г. (Arneth. I, 87—89). [3]) Wolf, P. Ph. III, 461—470. Bourgoing. 215—117. Gross-Hoffinger. 62—68.

[4]) Wolf, P. Ph., III, 472—477. Письма Іосифа къ Леопольду отъ 8 апр. 1782 г. (Arneth. I, 96) и 22 апр. 1782 г. (Ibidem. I, 103—104). [5]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 28 марта 1782 г. (Ibidem. I, 89—90). [6]) Императоръ велъ по днямъ журналъ того, что дѣлалъ папа, и при письмахъ къ брату пересылалъ его (Ibidem. I, 92). У Арнета этотъ журналъ помѣщенъ въ такомъ порядкѣ: за 22 марта—p. 89; 23—p.p. 89—90; 24—p. 90; 25—p. 90; 26—p. 90; 27—p. 91; 28—p. 91; 29, 30—p. 92; 31—p.p. 92—93; 1 апрѣля—p. 93; 2 —p.p. 94—95; 3—p. 95; 4, 5—p. 95; 6—p. 96; 7—p.p. 96—97; 8—p. 97; 9—p.p. 97—98; 10, 11—p. 98; 12—p. 99; 13—p.p. 99—100; 14, 15—p. 100; 16, 18—p. 102; 19—p. 104; 20, 22—p. 105.

но также[1]).—24 марта, въ воскресенье, императоръ прошелъ къ папѣ и пробылъ съ нимъ наединѣ 2 часа. Говорили, главнымъ образомъ, о буллахъ „Unigenitus» и «In coena Domini». Папа нашелъ справедливымъ не упоминать больше о первой ни въ какомъ спорѣ, а вторую оставить въ полномъ забвеніи [2]).—26 марта папа велъ трехчасовую бесѣду съ императоромъ, въ которой съ бо́льшимъ или меньшимъ жаромъ были разобраны всѣ церковные вопросы[3]).—9 апр. папа бесѣдовалъ съ императоромъ болѣе 3 часовъ, обсуждали особенно вопросъ о миланскихъ бенефиціяхъ, но ни къ чему не пришли [sans rien conclure][4]).—11 апр. папа подалъ Іосифу бумагу, въ которой были выражены его желанія[5]).—15 апр. Іосифъ писалъ Леопольду: „наши разговоры кончились, ничѣмъ не рѣшившись“[6]).—Іосифъ обмѣнялся съ папою письмами по вопросу о церковномъ благочиніи (police), „но наши взгляды,—прибавляетъ императоръ Леопольду,—различны и, думаю, in fine finali нисколько не измѣнятся“[7]).

Пій VI приходилъ въ большое замѣшательство всякій разъ, когда заговаривалъ съ императоромъ о предметѣ и цѣли своего путешествія. Іосифъ II съ самаго начала такъ опредѣленно высказалъ свои принципы, что папа въ слѣдующихъ бесѣдахъ съ нимъ едва осмѣливался бѣгло касаться этихъ предметовъ. Извѣстно было, что онъ ни разу основательно не бесѣдовалъ съ императоромъ о вопросахъ, вызвавшихъ самое путешествіе. За все время пребыванія въ Вѣнѣ у него была одна только политическая конференція въ кабинетѣ императора. На ней присутствовали Кауницъ и кардиналы Мигацци и Герзанъ. Папа, по придворному церемоніалу, былъ введенъ въ кабинетъ кардиналомъ Мигацци. Пій VI произнесъ патетичную и трогательную рѣчь о преобладающихъ заблужденіяхъ, причемъ много говорилъ о церковномъ правѣ. Но Іосифъ отвѣтилъ ему очень дипломатично и въ то же время оскорбительно: „я не богословъ и слишкомъ мало понимаю въ каноническомъ правѣ. Поэтому простите мнѣ, В. Св., что я не буду объясняться съ Вами устно, а попрошу Васъ все, что́ сочтете нужнымъ представить мнѣ, изложить на бумагѣ, чтобы я могъ потомъ спросить объ этомъ своихъ богослововъ. Впрочемъ, что касается принятыхъ мною рѣшеній относительно церквей и монастырей моего государства, то, я думаю, кардиналъ Герзанъ, мой посланникъ при дворѣ В. Св., сообщилъ уже Вамъ объ нихъ и убѣдилъ Васъ, что мои намѣренія при этомъ хороши. Все, что́ уже сдѣлано и еще будетъ сдѣлано, имѣетъ цѣлью благо моихъ подданныхъ, содѣйствовать которому я обязанъ по совѣсти, тѣмъ болѣе, что новыя распоряженія въ высшей степени необходимы и не затрогиваютъ никакого ученія вѣры, или религіи. Если В. Св. угоденъ болѣе обстоятельный отвѣтъ, то благоволите представить Ваши возраженія письменно и тогда мой канцлеръ отвѣтитъ также пунктуально и поминистерски, а я, къ свѣдѣнію и наставленію моихъ подданныхъ, прикажу

[1]) Дневникъ отъ 23 марта (Arneth. I, 89—90). [2]) Arneth. I, 90. [3]) Ibidem. 90. [4]) Ibidem. 97. [5]) Ibidem. 98. [6]) Ibidem. 100. [7]) Ibidem. 100—101.

ихъ отпечатать и разослать". Послѣ этого отвѣта папа преподалъ императору свое апостольское благословеніе и удалился съ конференціи[1]).

Что̀ можно было сказать папѣ хуже, злѣе? Вѣдь онъ предпринялъ апостольское путешествіе для личныхъ именно переговоровъ съ императоромъ, а совсѣмъ не для писанія въ императорскомъ дворцѣ своихъ возраженій, по поводу церковныхъ распоряженій императора. Съ гораздо бо́льшимъ удобствомъ онъ могъ сдѣлать это въ своемъ Ватиканѣ. Еще менѣе желалъ онъ отдавать свои возраженія на судъ канцлера, одинъ призракъ котораго способенъ былъ навести панику и не на такого безхарактернаго человѣка, какимъ былъ Пій VI. Въ его памяти, несомнѣнно, свѣжо было еще воспоминаніе объ обмѣнѣ нотами съ тѣмъ же канцлеромъ нунція Гарампи. Несравненно больше было бы скандалу для римской церкви, если бы подобная переписка завязалась между самимъ папой и канцлеромъ. А ничего невѣроятнаго въ этомъ не было, отъ Кауница можно было ждать всего. А императоръ предупреждалъ, что отпечатаетъ эти объясненія „къ свѣдѣнію и для поученія своихъ подданныхъ". Уже одна такая широкая гласность при шаткости основаній куріаловъ должна была вызывать ничѣмъ непреодолимый ужасъ: она грозила торжествомъ церковной реформы Іосифа II. Поэтому Пій VI предпочелъ устные переговоры, отъ которыхъ не остается слѣдовъ. Эти переговоры велись съ папской стороны чрезъ нунція Гарампи, а съ императорской—Герзана и, само собою разумѣется, почти ни къ чему не привели при крайнемъ различіи принциповъ и требованій. Папа съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что ему въ концѣ концовъ придется удовольствоваться частными мелкими одолженіями изъ простого уваженія къ своему лицу[2]). Однако 17 апр. Пій VI подалъ императору бумагу, касавшуюся тѣхъ же самыхъ вопросовъ, о которыхъ такъ часто были разговоры[3]).

При такомъ положеніи дѣла папа долженъ былъ смотрѣть, какъ на выраженіе своего рода благоволенія со стороны императора, на данное ему позволеніе непосредственно побесѣдовать съ венгерскими епископами по различнымъ вопросамъ, высочайшія распоряженія по которымъ тревожили ихъ совѣсть. Правительство распорядилось опубликовать (на одномъ латинскомъ языкѣ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ) эту бесѣду 10 венгерскихъ епископовъ съ папой въ прощальной аудіенціи 20 апр., чтобы,—можно думать,—выставить всѣмъ на показъ не епископскій образъ мыслей этихъ епископовъ и не апостольскіе принципы папы[4]).

Вотъ краткое резюме этой бесѣды:

1) Папа далъ епископамъ vivae vocis oraculo власть разрѣшать брачныя препятствія какъ для бѣдныхъ, такъ и для богатыхъ и знат-

[1]) Wolf, P. Ph. III, 480—481. Bourgoing. 223—224.
[2]) Wolf, P. Ph. III, 482. [3]) «Дневникъ» за 17 апр. 1782 г. (Arneth. I, 102).
[4]) Schlözer. Staatsanzeigen. Heft I, 95 sqq. Acta hist.-eccles. nostri temporis. Th. LXV. 238 sqq. (у Wolf, P. Ph. III, 483—492).

ныхъ въ 3-ей и 4-ой степеняхъ кровнаго родства, если только онѣ никакимъ образомъ не соприкасаются со второю. Это полномочіе, а также равно и послѣдующія, имѣютъ силу до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены. Въ самой формулѣ даваемыхъ епископами разрѣшеній можетъ быть дѣлаемо упоминаніе о полученіи полномочія отъ папы, а если встрѣтятся къ этому какія-либо затрудненія, объ немъ можно и не упоминать. Въ виду возможности запрещенія обращаться въ Римъ къ св. пенитенціаріи за разрѣшеніемъ тайныхъ брачныхъ препятствій, епископамъ дано полномочіе самимъ разрѣшать, но только въ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ обыкновенно давала разрѣшенія св. пенитенціарія.

2) По вопросу о разрѣшеніи отъ торжественныхъ монашескихъ обѣтовъ, въ виду закрытія монастырей, папа отсылалъ епископовъ къ своему бреве на имя Брюннскаго епископа, такъ какъ въ немъ исчерпано все, что можно сказать объ этомъ предметѣ[1]).—Бѣльцамъ, во избѣжаніе непріятностей, можно позволить одѣваться въ мірское платье, но они должны соблюдать свои торжественные обѣты и гдѣ нибудь на тѣлѣ носить знакъ своего ордена.—По требованію обстоятельствъ, можно разрѣшать отъ постовъ, которые обязаны держать монахи и монахини по своимъ уставамъ.—Епископамъ дается папою полномочіе разрѣшать отъ обѣта цѣломудрія монаховъ и монахинь, по окончаніи новиціата, но прежде произнесенія орденскаго професса и торжественныхъ обѣтовъ, обязавшихся простымъ обѣтомъ хранить всю жизнь цѣломудріе.

3) Вслѣдствіе прекращенія связи монашескихъ орденовъ съ ихъ генералами, епископы должны предоставить управленіе провинціаламъ. Мудрость епископовъ должна опредѣлить, какъ имъ вести себя, въ виду высочайшаго распоряженія о подченіи ихъ непосредственной юрисдикціи и привиллегированныхъ монаховъ.

4) a] Высочайшія распоряженія о буллѣ „In coena Domini“ тѣмъ скорѣе могутъ быть объявлены, что, какъ извѣстно, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нѣтъ прежде обычнаго чтенія этой буллы въ Римѣ въ великій четвергъ, къ тому же уже приняты иныя мѣры относительно распоряженій этой буллы. b] Булла „Unigenitus“ должна быть изучаема въ школахъ не съ исторической стороны, а только съ

[1]) Это очень интересное бреве за время пребыванія въ Вѣнѣ папы (оно датировано 12 апр. 1782 г. у Wolf, P. Ph. III, 486—488, прим.). Въ немъ Пій VI дѣлалъ строгій выговоръ названному епископу за скорое исполненіе императорскихъ распоряженій по закрытію монастырей, за разрѣшеніе отъ обѣтовъ картезіанскихъ монаховъ и за дозволеніе послѣднимъ перейти въ бѣлое духовенство. Вотъ взглядъ папы на это дѣло: нужно стараться о томъ, чтобы всѣ монахи оставались въ своемъ званіи и потому, въ случаѣ закрытія своихъ монастырей, переходили въ другіе своего или другаго ордена и тамъ выполняли данные ими торжественные обѣты. Переходить монахамъ въ бѣлое духовенство можно только въ томъ единственномъ случаѣ, когда ихъ не примутъ ни въ какой другой монастырь. Но, и при жизни внѣ монастыря, они должны со всею тщательностью выполнять данные ими торжественные обѣты, которые навсегда сохраняютъ свою силу и никогда не могутъ быть отмѣнены. Такъ, они должны всегда хранить обѣты цѣломудрія, нищеты и послушанія епископамъ и гдѣ нибудь подъ платьемъ носить знакъ своего ордена, чтобы на нихъ смотрѣли не какъ на добровольно оставившихъ свои монастыри, а какъ на изгнанныхъ изъ нихъ силой («ut vi deturbati et rejecti, non sponte e claustris exiisse videantur»).

догматической, но о содержаніи ея не должно вести публичныхъ диспутовъ. Императорскіе указы касательно этой буллы могутъ быть объявлены, но съ прибавленіемъ, что единственной цѣлью Е. И. В. было при этомъ помѣшать всякаго рода спорамъ.

Хотя эти отвѣты папы на вопросы епископовъ не совсѣмъ сходились съ образомъ мыслей императора, однако онъ остался доволенъ ими и поведеніемъ венгерскихъ іерарховъ. Такъ, онъ писалъ брату Леопольду: „Я очень былъ доволенъ поведеніемъ венгерскихъ епископовъ относительно папы, какъ и засвидѣтельствовалъ объ этомо публично“[1]). Публичное засвидѣтельствованіе состояло въ драгоцѣнномъ подаркѣ Баттіани при милостивомъ рескриптѣ, въ орденахъ епископамъ Colozka и Эрлау и въ выраженіи монаршаго благоволенія всѣмъ остальнымъ епископамъ[2]).

Если императоръ было очень любезнымъ съ папой, то и послѣдній не оставался у него въ долгу, съ большой похвалой отзываясь повсюду объ императорѣ, объ его любезности, взглядахъ, блестящемъ и образованномъ умѣ и даже о благочестіи. Послѣднее онъ подтвердилъ публично, чѣмъ въ Римѣ остались очень недовольны. 19 апр. онъ назначилъ, по поводу возведенія въ кардинальское достоинство Баттіани и Фирміана, публичную консисторію, въ которой, кромѣ императора съ его братомъ Максимиліаномъ, присутствовали Мигацци, Баттіани, Герзанъ и Фирміанъ, епископъ Пассау. Въ этомъ торжественномъ собраніи Шій VI на латинскомъ языкѣ держалъ рѣчь[3]), которую кончилъ громкою похвалой императору: „Мы не можемъ, наконецъ,—сказалъ онъ,—обойти молчаніемъ того, что должно дойти до свѣдѣнія каждаго. Именно, намъ въ высшей степени пріятно было лично повидѣться съ Е. В., котораго мы цѣнили и раньше, и засвидѣтельствовать ему нашу особенную преданность. По своему служебному долгу, мы очень часто бесѣдовали съ нимъ и часто находили поводъ удивляться какъ его необычайной любезности, съ которой онъ со всѣми почестями принялъ насъ въ своемъ дворцѣ и ежедневно угощалъ, такъ и его особенному благочестію, его высокимъ силамъ ума и неутомимой дѣятельности. Равнымъ утѣшеніемъ для нашего отеческаго сердца было и то, что какъ мы замѣтили, благочестіе и вѣра сохраняются въ совершенной чистотѣ не только въ этой великолѣпной столицѣ, но и у всѣхъ народовъ имперіи, видѣть которыхъ мы имѣли случай за поѣздку сюда. Поэтому мы никогда не перестанемъ прославлять это благочестіе и религію и поддерживать своими постоянными молитвами“.

Но въ то время, какъ папа хвалился сдѣланными у императора успѣхами, какъ Герзанъ писалъ въ Римъ, что папа говоритъ объ Іосифѣ не иначе, какъ только съ удивленіемъ и признательностью, императоръ, не дожидаясь даже отъѣзда Пія VI, продолжалъ свою реформу, своей властью закрывая монастыри въ Мантуѣ и Миланѣ[4]) и ни на

[1]) Письмо отъ 25 апр. 1782 г. (Arneth. I, 105—106). [2]) Wolf, P. Ph. III, 492—493.
[3]) Kropatschek. II, 475—476. [4]) Bourgoing. 230.

шагъ не отступая отъ сдѣланныхъ раньше распоряженій. Такъ, онъ привлекъ къ отвѣтственности Мигацци за отпечатаніе, безъ правительственнаго разрѣшенія, одной папской индульгенціи. Папское бреве на привиллегированный алтарь въ церкви барнабитовъ было на глазахъ у его высокаго автора-гостя отпечатано только по исполненіи всѣхъ формальностей, согласно съ послѣдними высочайшими распоряженіями, наравнѣ со всѣми бреве изъ Рима[1]). Во избѣжаніе повторенія такой обиды, папа, какъ самъ говорилъ Герзану, не позволилъ напечатать въ Вѣнѣ сказанной имъ на пасху проповѣди[2]).

Въ Римѣ хорошо видѣли изъ всѣхъ трогательныхъ изліяній папы полную безуспѣшность его поѣздки, справедливо считая дальнѣйшее, ничего необѣщающее пребываніе его въ Вѣнѣ не только безполезнымъ, но и вреднымъ для римскаго престола. Поэтому въ апрѣлѣ папа получилъ съ курьеромъ извѣстіе, что непредвидѣнныя дѣла первой важности требуютъ скораго возвращенія его въ Римъ, и сталъ готовиться къ отъѣзду, хотя и съ замѣтною для всѣхъ неохотой, такъ какъ не могъ же отъ самого себя скрыть того, что путешествіе въ Вѣну не принесло никакой существенной пользы. Раздраженіе его высказалось въ отвѣтѣ одному посланнику, предложившему нескромный вопросъ о днѣ отъѣзда: „Я, конечно, папа, но не пророкъ, мой отъѣздъ зависитъ отъ исхода моихъ переговоровъ“[3]).

Наконецъ, 22 апр. Іосифъ разстался съ папой, осыпавъ его на прощаньи милостями[4]), и только теперь вздохнулъ свободно. „Наконецъ-то я раздѣлался съ папой,—писалъ онъ Леопольду въ день отъѣзда Пія..... Не скрою, что очень радъ его отъѣзду, потому что за эти послѣдніе 8 дней дѣло приняло совсѣмъ почти невыносимый оборотъ, въ виду пущенныхъ имъ въ ходъ во всѣхъ бесѣдахъ хитрости и пронырства и по истинѣ смѣшного энтузіазма, охватившаго особенно женщинъ“[5]).

О результатахъ папскаго посѣщенія Іосифъ II писалъ Екатеринѣ II: „Папа не получилъ ничего существеннаго; я, однако, постарался найти средство de le traiter de façon d'eviter tout éclat et brouillerie“. Ему даже пришлось дать мнѣ публично письменное свидѣтельство о надежномъ состояніи, въ которомъ находится вѣра моя и моихъ народовъ. Однако откровенно признаюсь В. И. В., что было утомительно и отвратительно (fatigant et odieux) регулярно по 3 часа въ день разсуждать съ нимъ по богословскимъ вопросамъ и о предметахъ, о которыхъ мы часто говорили непонятныя для насъ обоихъ слова, такъ что часто случалось молчать“[6]).

---

[1]) Wolf, P. Ph. III, 477. [2]) Письмо Герзана изъ Ровередо, съ обратнаго пути изъ Вѣны въ Римъ, отъ 11 мая 1782 г. (Brunner. 84). [3]) Bourgoing. 230—231 ср. письмо Іосифа къ Леопольду отъ 18 апр. 1782 г. (Arneth. I, 101) и «Дневникъ» (Ibidem. I, 102).

[4]) Bourgoing. 231—234. Wolf, P. Ph. III, 495—496. Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 22 апр. 1782 г. (Arneth. I, 103) ср. Ibidem. I, XVII. Письма Леопольда къ Іосифу отъ 3 мая 1782 г. (Arneth. I, 106—107), Іосифа къ Леопольду отъ 18 апр. (Ibidem. I, 102). [5]) Arneth. I, 103.

[6]) 1-го іюня 1782 г. (Arneth. I, 129—130) ср. письмо его же къ Маріи-Христинѣ (Wolf, Ad. Marie-Christine. I, 198).

Главные пункты, по которымъ состоялось между императоромъ и папой соглашеніе, были опубликованы къ руководству всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ 30 мая 1782 г. въ видѣ слѣдующаго высочайшаго указа:

1) Сдѣланныя уже нами распоряженія относительно христіанской терпимости въ религіозныхъ вопросахъ остаются неизмѣнными и потому должны быть точно выполняемы.

2) Вполнѣ сохраняютъ свою силу существующая книжная цензура и предписанныя импер.-кор. цензорамъ правила. Между тѣмъ это не должно препятствовать епископамъ, какъ и прежде, дѣлать представленія мѣстной администраціи относительно книгъ, признаваемыхъ ими вредными для нашей святой религіи, и губернское начальство, въ случаѣ такого представленія, обсудитъ, можно-ли и какое употребить противъ этихъ книгъ средство: или сдѣлать намъ представленіе о запрещеніи и изъятіи послѣднихъ, или одобрить, на основаніи распоряженій, данныхъ мѣстной провинціальной администраціей импер.-кор. цензорамъ, по существующему теперь порядку.

3) Равнымъ образомъ остается импер.-кор. право надзора за епископскими семинаріями и другими коллегіями, назначенными для образованія духовенства, какъ по части дисциплины, такъ и по части преподаваемыхъ тамъ предметовъ.

4) Епископамъ должно быть объявлено наше рѣшительное запрещеніе впредь кому бы то ни было устно или письменно диспутировать и за и противъ положеній извѣстной буллы „Unigenitus“ и объяснять ихъ. И профессорамъ богословія должно отдать приказъ ограничиваться лишь сообщеніемъ своимъ ученикамъ достаточныхъ свѣдѣній о существованіи и содержаніи названной буллы, отнюдь не выставляя тезисовъ или доказательствъ, относящихся къ ней, при какомъ бы то ни было случаѣ, а тѣмъ болѣе на публичныхъ лекціяхъ, экзаменахъ или диспутахъ.

5) Такъ какъ государственное право, королевское Placet и Exequatur сохраняютъ свою полную силу, то само собою разумѣется, что буллы догматическаго содержанія подлежатъ императорскому разсмотрѣнію лишь настолько, насколько это нужно для удостовѣренія въ томъ, что онѣ—чисто догматическаго содержанія и не заключаютъ въ себѣ другихъ положеній, не имѣющихъ отношенія къ догматамъ.

6) Впредь архіепископы и епископы нашего государства, до вступленія на епархіи, должны давать особую клятву намъ, какъ своему законному государю.

7) Распоряженіе, чтобы никто изъ нашихъ подданныхъ для себя и непосредственно не обращался въ Римъ за разрѣшеніемъ брачныхъ препятствій въ запрещенныхъ случаяхъ кровнаго родства или свойства, остается неизмѣннымъ и епископы будутъ свободно пользоваться принадлежащимъ имъ здѣсь изначальнымъ правомъ. А тѣмъ изъ послѣднихъ, которые будутъ сомнѣваться или соблазняться пользоваться здѣсь своимъ правомъ, не запрещается получать отъ папы полномочіе,

какое признаютъ полезнымъ или необходимымъ; однако оно должно быть выдаваемо пожизненно и для лицъ всякаго состоянія на разрѣшеніе въ отдаленныхъ степеняхъ, т. е. въ 3-й и 4-й. И такъ какъ въ ближайшихъ степеняхъ, по распоряженію Тридентскаго собора, разрѣшеніе можетъ быть допускаемо только въ рѣдкихъ случаяхъ и исключительно между высокими князьями или по важнымъ общественнымъ причинамъ, то въ такихъ случаяхъ мы оставляемъ открытымъ обращеніе въ Римъ чрезъ посредство епархіальнаго епископа, однако не иначе, какъ по полученіи отъ насъ предварительно разрѣшенія, которое будетъ даваемо только при наличности упомянутыхъ причинъ. Поэтому обращеніе должно быть представляемо мѣстной администраціи вмѣстѣ съ указаніемъ мотивовъ, и если послѣдніе окажутся неважными и недостаточными, то администрація будетъ совершенно отказывать въ просьбѣ, если же они окажутся такими, какіе только что упомянуты, то она обратится къ намъ за разрѣшеніемъ и, въ случаѣ полученія такового, епископъ можетъ отъ имени просителей ходатайствовать предъ папой о разрѣшеніи.

8) Вышедшія уже распоряженія наши касательно закрытія монастырей нѣкоторыхъ орденовъ должны быть немедленно исполнены такъ же, какъ и

9) Распоряженія касательно отдѣленія монастырей отъ заграничныхъ генераловъ и конгрегацій ихъ орденовъ и полнаго подчиненія ихъ первоначальной власти епископовъ должны остаться твердыми. Мы позволяемъ лишь, чтобы провинціалы или начальство національныхъ конгрегацій, при новомъ избраніи, посылали генералу ордена простое незапечатанное извѣщеніе о своемъ избраніи. Это письмо должно быть представлено въ присутственное мѣсто, чтобы послѣднее, если найдетъ его согласнымъ съ нашимъ распоряженіемъ, могло отослать его находящемуся въ Римѣ нашему министру. Этимъ же путемъ будетъ полученъ и отвѣтъ генерала, а если въ этомъ случаѣ встрѣтится какое-либо затрудненіе, то мѣстная администрація будетъ доносить о немъ нашему придворному и государственному канцлеру[1]).

10) При торжественныхъ обѣтахъ не имѣетъ мѣста никакая диспенсація.

11) Оставляющіе ордена должны сохранять цѣломудріе, покорность епископу и нищету, такъ чтобы излишнее отдавать бѣднымъ.

12) Монахи и монахини не имѣютъ права дѣлать завѣщанія.

13) Бенефиціи въ Миланскомъ герцогствѣ будетъ раздавать государь; кандидатовъ на епископіи папа будетъ предлагать, государь (однимъ словомъ) представлять и апостольскій престолъ одобрять.

14) Слѣд., прекращается апелляція къ нунцію[2]).

За нѣсколько дней до отъѣзда изъ Вѣны и на обратномъ пути въ Римъ Пій VI писалъ, что совершенно доволенъ пріемомъ императора, но въ главномъ дѣлѣ ничего не могъ получить отъ него, пото-

[1]) Schlözer. Staatsanzeigen. Bd. III. Heft. IX, 3 sqq. (у Wolf, P. Ph. III, 496—500).
[2]) Geissler. III, 278 (у Wendrinsky. 185—186).

му что, въ качествѣ главы церкви, не хотѣлъ согласиться ни на какія предложенія, какія были ему противны. Но чѣмъ ближе папа подъѣзжалъ къ своей столицѣ, тѣмъ сильнѣе чувствовалъ, что для благосклоннаго пріема ему нужно настроить всѣхъ на иной ладъ. Къ тому же дорогой онъ получилъ отъ императора три письма, которыя могли вызвать въ немъ радужныя надежды. Поэтому въ письмѣ къ своему племяннику изъ Болоньи онъ говорилъ уже, что получилъ отъ императора все, чего желалъ, и въ общемъ находилъ свое путешествіе очень полезнымъ для церкви и оставался очень доволенъ его результатомъ[1]).

Тщеславіе папы было вполнѣ удовлетворено и на обратномъ пути, но при этомъ мѣстами прорывалось его недовольство безплодностью поѣздки въ Вѣну. Такъ, въ Мюнхенѣ онъ не удержался отъ того, чтобы съ большимъ сердечнымъ огорченіемъ не открыть курфирсту Карлу Теодору незначительный результатъ своихъ стараній въ Вѣнѣ[2]).—Въ Аугсбургѣ онъ также проговорился: предъ отъѣздомъ изъ этого города онъ давалъ аудіенцію нѣсколькимъ мѣстнымъ прелатамъ и на отвѣтъ одного изъ нихъ, что подъ его властью 11 монастырей, но 6 изъ нихъ въ Австріи, поднялъ глаза къ небу, всплеснулъ руками и сказалъ: «O, filii, mei dilectissimi, omnia tentavi, ut in antiquo remaneant, vel in antiquum reducantur omnia, sed.... Verum nondum res est ad finem perducta; oremus et confidamus»![3]).

Несмотря на генеральное пораженіе въ Вѣнѣ, папа не хотѣлъ сдаваться. 3 іюня 1782 г. Леопольдъ писалъ Іосифу: „Папа по возвращеніи въ свое государство говоритъ и пишетъ всему міру, распространяя свои письма, что онъ очарованъ своимъ путешествіемъ въ Вѣну и пріобрѣлъ имъ огромныя выгоды для св. престола, что онъ всецѣло овладѣлъ вашимъ довѣріемъ и дружбой, что онъ заставилъ васъ измѣнить всѣ ваши рѣшенія относительно вѣротерпимости, власти епископовъ и касательно всѣхъ пунктовъ новыхъ распоряженій, которыя вы сдѣлали по церковнымъ вопросамъ, а особенно относительно буллы «Unigenitus», которая для него, какъ ревностнаго іезуита, дороже всего на свѣтѣ. Эта похвальба вещью ему болѣе, чѣмъ кому-либо извѣстною за ложную, представляетъ дѣйствіе непростительное и предосудительное для главы церкви въ такихъ важныхъ вопросахъ“[4]).

Когда папа возвратился въ Римъ, его встрѣтило всеобщее недовольство, еще болѣе усилившее и безъ того мрачное настроеніе его духа, вслѣдствіе безуспѣшности вѣнскихъ переговоровъ. Онъ началъ жить очень замкнуто и избѣгалъ всякихъ бесѣдъ о результатахъ своего путешествія. Кардиналы, наконецъ, громко потребовали у него отчета въ его поѣздкѣ въ Вѣну. Пій VI отвѣтилъ имъ чрезъ государственнаго секретаря, что ждетъ только новыхъ извѣстій и рѣше-

[1]) Bourgoing. 235—236.
[2]) Сообщеніе Іосифу II отъ 7 мая 1782 г. Лербаха, австрійскаго императорскаго посланника въ Мюнхенѣ (Brunner. 455). [3]) Wolf. P. Ph. III, 513. [4]) Arneth. I, 124.

ній отъ императора, а тогда уже обо всемъ доложитъ св. коллегіи. Народъ громко ропталъ на дороговизну и налоги, положеніе финансовъ папскаго двора вызывало серьезныя опасенія[1]).

Въ такомъ мрачномъ настроеніи 3 авг. 1782 г. папа отправилъ императору слѣдующее рѣзкое письмо: „Я пользуюсь свободой, которую Вамъ благоугодно было дать мнѣ. Такъ какъ мы слышали, что Вы издали распоряженія, считаемыя нами противными добрымъ принципамъ и вредными для религіи, то прямо обращаемся къ В В. Именно, до нашего слуха дошло, что Вы хотите отобрать всѣ церковныя имѣнія, а также принадлежащія духовенству вашей монархіи и послѣднее сдѣлать чиновничествомъ, живущимъ на жалованьи. Мы не можемъ удержаться не сказать В. В., что, если это случится, Вы нанесете церкви болѣзненную рану, а всѣмъ благочестивымъ людямъ причините невознаградимое огорченіе. Не наше дѣло знать политическую и экономическую стороны Вашего государства, хотя никто не можетъ быть больше насъ заинтересованъ въ законномъ преуспѣяніи благосостоянія Вашихъ народовъ. Все вышеупомянутое мы оставимъ и остановимся только на разореніи отобранныхъ имѣній и управленіи ими чрезъ мірянъ,—мы умолчимъ о несоблюденіи договоровъ, заключенныхъ между Вашими предшественниками и провинціями; мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ нарушеніе завѣщаній благочестивыхъ жертвователей, претензіи, которыя будутъ предъявлены законными владѣльцами, такъ какъ это—предметы, не связанные съ нашимъ саномъ, но которые все равно не могутъ ускользнуть отъ проницательнаго ума В. В. Мы скажемъ только о томъ, чего не можемъ скрыть въ сердцѣ по требованію совѣсти; мы должны сказать, что отобраніе у церкви и духовенства имущества,—по ученію католической церкви,—явное заблужденіе, осужденное церковными соборами, проклятое свв. отцами и заклейменное просвѣщенными писателями именемъ ядовитаго, безбожнаго ученія; поддерживать такое ученіе—значитъ дѣлать себя виновнымъ въ безумномъ ученіи вальденсовъ, виклефитовъ, гусситовъ и другихъ подобныхъ, зараженныхъ идеями нашего вѣка. Мы не можемъ не привести здѣсь В. В. одной цитаты, что налагающіе руки на церковныя имущества для своей пользы, какъ Ананія и Сапфира, принадлежатъ аду и что тѣла такихъ людей должны быть преданы сатанѣ, чтобы спаслась душа ихъ въ послѣдній день. Мы приведемъ еще только, что̀ писалъ въ XII ст. Іоаннъ, антіохійскій патріархъ. Хотя онъ былъ уже схизматикомъ, однако не могъ потерпѣть того, чтобы рука свѣтскаго государя отняла у духовенства имѣнія. Вотъ его слова: „Такъ какъ ты—преходящій, смертный, краткое время живущій человѣкъ, какъ ты смѣешь давать другому не свое? и если ты говоришь, что ты даешь то, что̀ принадлежитъ Богу, то ты возстаешь противъ Самого Бога. Кто изъ людей, одаренныхъ человѣческимъ разумомъ, назоветъ это мудростью, а не преступленіемъ, край-

[1]) Wolf, P. Ph. III, 517—519.

нимъ непослушаніемъ и позорной несправедливостью? Какъ можетъ называться христіаниномъ человѣкъ, оскверняющій вещи, посвященныя нашему Богу и небесному Христу?“ — Мы знаемъ, что противники, тѣ худые истолкователи и извратители божественнаго текста, думаютъ имъ подтвердить свои заблужденія, но мы, не упоминая о такихъ постыдныхъ и злостныхъ толкованіяхъ, спрашиваемъ только В. В.: если тѣ же самые изъ того же источника доказываютъ, что не существуетъ свѣтской верховной власти, повѣрите-ли Вы, что такіе тексты св. писанія ясны и убѣдительны, что изъ нихъ можно сдѣлать выводъ, что у Васъ должно отнять царство для спасенія Вашей души? Думаемъ, что Вы поступили бы иначе и, будучи такъ настроены, Вы одного образа мыслей съ нами. Тоже самое дѣлаютъ, съ другой стороны, тайные враги церкви, еретики, льстецы государямъ: они примѣняютъ мѣста изъ св. писанія къ тому, чтобы отнять у церкви и ея служителей ихъ собственность. Имъ должно бы было быть извѣстнымъ, что іудейскіе священники владѣли множествомъ полей и цѣлыми городами, что эту собственность ихъ нельзя было продавать. И почему, по примѣру свв. отцовъ, не соглашаютъ книги в. з., именно Левитъ, Числъ, Царствъ, Паралипоменонъ съ другими выраженіями евангелій и дѣяній апостольскихъ, кажущихся, правда, кой въ чемъ противорѣчущими? Мы дѣлаемъ эти замѣчанія совсѣмъ не потому, чтобы думали, что В. В. угодно будетъ такъ обидѣть духовенство и церковь, какъ не поступаете и съ частными фамиліями. Мы живемъ надеждою, что Вы не будете подражать протестантскимъ государямъ, отлученнымъ отъ нашей церкви. Но мы пишемъ это затѣмъ, чтобы Вы знали, какъ богохульно такое присвоеніе собственности. Въ бесѣдахъ съ В. В. мы говорили только объ имуществѣ частныхъ лицъ и ни слова объ основаніяхъ, которыя могли Васъ заставить сдѣлать что либо такое. Но если бы Вы поставили вопросъ о полномъ отобраніи церковныхъ имѣній, о передачѣ управленія ими въ руки мірянъ, то мы привели бы Вамъ болѣе убѣдительныя доказательства, которыя бы побудили Васъ совсѣмъ оставить мысль объ этомъ, но къ этому не было повода. Поэтому мы нашлись вынужденными сдѣлать В. В. настоящее представленіе. Если оно не произведетъ надлежащаго дѣйствія, то мы объявимъ всему католическому міру, что В. В. совершенно не обратили вниманія на нашъ добрый совѣтъ. — Отъ всей полноты нашего сердца молимъ Бога, чтобы правленіе В. В. было самымъ блестящимъ. Пусть ваши увѣренія въ привязанности къ чистой вѣрѣ обнаружатся такимъ образомъ, чтобы вы не доказывали противнаго противозаконными поступками!“ [1]).

Императоръ 19 авг. того же года отвѣтилъ на это оскорбительное письмо папы кратко, но сильно. Между прочимъ онъ писалъ: „Дошедшій до вашихъ ушей слухъ совершенно ложенъ. Не приводя текстовъ изъ св. писанія и свв. отцовъ, которые всегда можно различно

[1]) «Acta hist.-eccles. nostri temporis». Th. LXIII, 852 sqq. (у Wolf, P. Ph. III, 519—523).

объяснять, я скажу только В. Св., что слышу голосъ, громко кричащій мнѣ, что, какъ законодателю и покровителю религіи, мнѣ надлежитъ поступать такъ, а не иначе; этотъ голосъ въ соединеніи съ помощью свыше и моимъ честнымъ и прямымъ характеромъ не можетъ ввести меня въ заблужденіе“ [1]).

Послѣ такого отвѣта изъ Вѣны папѣ нельзя было уже медлить исполненіемъ даннаго кардиналомъ обѣщанія относительно отчета о поѣздкѣ. Онъ и такъ уже цѣлыхъ три мѣсяца трудился надъ его составленіемъ.—Въ торжественной консисторіи 23 сент. 1782 г. Пій VI доложилъ о своей поѣздкѣ въ красивой ораторской рѣчи. О своемъ пребываніи въ Вѣнѣ и бесѣдахъ съ императоромъ онъ сказалъ въ ней слѣдующее: „Почти ежедневно мы видѣлись съ императоромъ и при каждой встрѣчѣ подвергали церковные вопросы откровенному и дружественному, но серьезному обсужденію. Все, что̀ мы свободно и откровенно высказывали, все, что̀ мы по долгу сана обязаны были сказать о правахъ церкви и религіи, было выслушано благосклонно и внимательно. Великій духъ императора Іосифа, особеннаго расположенія котораго къ намъ у насъ столько доказательствъ, его любезность и гуманность, казалось, заставили его согласиться съ большинствомъ нашихъ доводовъ и мы смѣемъ признаться, что наше довѣріе здѣсь не обмануло насъ. Нѣкоторыя и именно важныя требованія наши, дѣйствительно, уже исполнены его любовью къ справедливости, какъ это видно изъ вновь обнародованныхъ его распоряженій, а на полученіе другихъ выгодъ намъ поданы наилучшія надежды“ [2]).

Для св. коллегіи было неожиданностью изъ устъ папы слышать только длинный разсказъ о привѣтствіяхъ и торжествахъ. Но что же достигнуто для католической церкви этой поѣздкой, имѣвшей цѣлью обращеніе императора? Объ этомъ папа не сказалъ ни слова. Правда, въ бреве онъ обѣщалъ изложить всему христіанскому міру полученныя выгоды, но это обѣщаніе было трудно исполнить. Смѣлыя увѣренія такого бреве были бы слишкомъ рѣзко опровергнуты тѣмъ, что̀ за нимъ по пятамъ слѣдовало въ Римъ [3]).

Самъ Іосифъ былъ изумленъ актами этой консисторіи 23 сент. „Съ удивленіемъ (avec surprise),—писалъ онъ Леопольду,—увидѣлъ я знаменитые (fameux) акты консисторіи, созванной папой въ Римѣ. Вы судите объ ней чудесно [4]), и эгоизмъ получилъ тамъ свою добрую долю. Что касается до меня, то я не могу пожаловаться“ [5]).

Между тѣмъ Іосифъ неуклонно продолжалъ начатое дѣло церковной реформы, издавая одно за другимъ распоряженія, ставившія папу въ затруднительное положеніе. Вновь начатая переписка съ импе-

---

[1]) «Acta hist.-eccles. nostri temporis». Th. LXVII, 315 (у Wolf, P. Ph. III, 523—524).

[2]) „Allocutio in consistorio secreto die XXIII septembris habita“—„Acta a|sanctissimo Patre et Domino nostro Pio, divina providentia Papa sexto, causa itineris sui Vindobonensis“, p. 38. „Acta h.-eccles. n. t.“ Th. LXVII, 315 sq. (Wolf, P. Ph. III, 524—525).

[3]) Bourgoing. 257—258.

[4]) Письмо Леопольда не сохранилось. [5]) 10 окт. 1782 г. (Arneth. I, 136).

раторомъ оказалась безполезной, отношенія между Піемъ VI и Іосифомъ II крайне обострились[1]) и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось дѣло, если бы императоръ не предпринялъ поѣздки въ Римъ для ослабленія унынія при папскомъ дворѣ[2]). 23 дек. 1783 г. Іосифъ совершенно неожиданно прибылъ въ Римъ, папа узналъ объ его пріѣздѣ, только когда доложили о приходѣ императора[3]). За время пребыванія здѣсь, послѣ нѣкоторыхъ споровъ между Іосифомъ II и папой была заключена дружественная конвенція по щекотливому вопросу о назначеніи на духовныя мѣста въ Ломбардіи[4]). Самъ императоръ писалъ объ ней Кауницу 20 янв. 1784 г.: „Посылаю вамъ при семъ дружественную конвенцію, заключенную мной съ папой. Два главныхъ основанія побудили меня къ ней: первое, чтобы добрымъ порядкомъ прекратить всѣ вопросы и споры относительно епископій и части Ломбардскихъ приходовъ; второе—мое убѣжденіе, что эта конвенція ни въ чемъ существенномъ не отступаетъ отъ выставленныхъ мною принциповъ, такъ какъ въ ней нигдѣ нѣтъ рѣчи о правѣ папы назначать, а только о пользованіи имъ этимъ правомъ, чего нельзя за нимъ отрицать, такъ какъ римскій престолъ фактически пользовался послѣднимъ около 4—5 столѣтій. Слѣд., для прекращенія этого длиннаго спора, дружественное соглашеніе, кажется, самое подходящее и соотвѣтствующее средство“[5]).

Іосифъ былъ доволенъ результатами своей поѣздки въ Римъ. Еще до выѣзда отсюда въ Неаполь онъ писалъ Леопольду: „Думаю, что здѣсь имѣлъ достаточный успѣхъ; кажется, отказались отъ многихъ ошибочныхъ представленій относительно моей вѣры и façon d'être“[6]).

Папа, несмотря на нѣкоторые споры по мелкимъ вопросамъ, также остался очень доволенъ императоромъ: онъ съ удовольствіемъ разсказывалъ о мельчайшихъ подробностяхъ своихъ бесѣдъ съ нимъ[7]).

Враги церковной реформы императора не ограничивались открытымъ протестомъ, а прибѣгали и къ анонимному. Такъ явилась масса анонимныхъ брошюръ и пасквилей на императора. Въ брошюрахъ Іосифу II совѣтовали заботиться не только о томъ, чтобы у него были хорошіе граждане, но и о томъ, чтобы они послѣ смерти не попали въ адъ. Терпимость не нужна для процвѣтанія австрійскаго государства, скорѣе вредна и опасна; Франція отъ изгнанія гугенотовъ не понесла никакого вреда. Католическій государь вообще не уполномоченъ терпѣть послѣдователей другихъ вѣроисповѣданій, если же онъ идетъ противъ этого, его можно принудить основными имперскими законами или мирными договорами. Ни религіозный, ни вестфальскій миръ не обязываютъ терпѣть некатоликовъ въ Австріи, напротивъ, всѣ предки императора множествомъ законовъ и увѣреній обѣщали не давать въ своемъ государствѣ росту этой сорной травѣ[8]).

[1]) Bourgoing. 260–266. Выше. 112. [2]) Выше. 98. [3]) Письма къ Леопольду отъ 14 дек. 1783 г. (Arneth. I, 194) и отъ 24 дек. 1783 г. (Ibidem. I, 196). [4]) Выше. 112. Bourgoing. 269—278.

[5]) Wendrinsky. 190. ср. письмо Герзана Кауницу отъ 4 февр. 1784 г. (Ibidem. 189). [6]) Письмо отъ 27 дек. 1783 г. (Arneth. I, 197). [7]) Bourgoing. 278—281.

[8]) Ob Se. Majestät d. Toleranz einführen können. 1782 (y Frank. 127).

Нападки на свою личность Іосифъ II принималъ,—говоритъ Франкъ,—съ хладнокровіемъ мудреца. Такъ, однажды къ вновь построенной въ Вѣнѣ протестантской церкви, гдѣ раньше былъ женскій монастырь, былъ прибитъ пасквиль такого содержанія: „Первоначально этотъ храмъ былъ построенъ благочестивыми государями Австріи для служенія всемогущему Богу, былъ жилищемъ свв. дѣвъ непорочнаго агнца, но въ немъ расхитили церковныя сокровища, разсѣяли по всему міру посвященныхъ Богу монахинь,—этотъ соблазнитель невѣсты Христовой и оскорбитель чистыхъ дѣвъ, вѣрный приверженецъ и послѣдователь Мартина Лютера, лютеранинъ Іосифъ II, забывшій о божественномъ милосердіи, возведшемъ его на тронъ, извѣстный презритель св. церковныхъ законовъ, покровительствуетъ всѣмъ ересямъ и самъ безъ всякой религіи. Теперь онъ далъ неслыханный въ теченіи столѣтій примѣръ: продалъ этотъ храмъ и сдѣлалъ его мѣстомъ мерзкихъ сборищъ“.—Іосифъ велѣлъ отпечатать этотъ пасквиль и продавать по 6 крейцеровъ за экземпляръ, а выручку отдать протестантскимъ пасторамъ на бѣдныхъ[1]).

Въ Аугартенѣ нашли надпись:

«Joseph premier, aimable et charmant;
Joseph second scorpion et tyran».

Къ императорской спальнѣ прибили такое двустишіе:

«Wittwenmark, und Waisengut
Ist für Kaisers Augen gut».

Въ контролерскомъ проходѣ, гдѣ Іосифъ обыкновенно принималъ прошенія, ему было подано одно, въ концѣ котораго было написано:

«Ein rechter Kahlmaüser
Ist unser Kaiser»[2]).

Какъ церковная, такъ и гражданская реформа Іосифа II ни въ одной части его имперіи не встрѣтила такого энергично-страстнаго протеста, какъ въ Нидерландахъ и въ Венгріи. Кровавое зарево нидерландской революціи зловѣщимъ блескомъ освѣтило послѣдніе дни умиравшаго, измученнаго государя, неутомимаго борца за идею единой австрійской монархіи. Ему суждено было пережить отпаденіе отъ Австріи этой части монархіи и собственноручно за нѣсколько дней до смерти подписать смертный приговоръ почти всей своей реформѣ въ Венгріи, чтобы удержать послѣднюю у себя въ подчиненіи.

Причинъ, вызвавшихъ нидерландскую революцію и содѣйствовавшихъ ея успѣху, было не мало, но для полнаго пониманія ихъ необходимо, хотя-бы въ общихъ чертахъ, ознакомиться съ политическимъ положеніемъ Нидерландовъ въ имперіи и ихъ гражданскимъ устройствомъ.

---

[1]) Hübner. Th. I, 81 sq. (у Wolf, P. Ph. III, 224—225). Полное заглавіе сохранившагося до нашего времени листа таково: «Pasquill gegen d. Kaiser, so an d. lutherischen Kirche in Wien gestanden, welches Ihre Kaiserliche Majestät aber drucken lassen und das dafür eingekommene Geld der protestantischen Kirche geschenkt haben». Николай (III, 29, предисловіе), на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, считалъ выдумкой печатаніе этого пасквиля, по приказанію императора (Frank. 128, прим. 185).

[2]) Wolf, P. Ph. III, 533—534.

Австрійскіе Нидерланды, соотвѣтствующіе почти настоящей Бельгіи, вмѣстѣ съ владѣніями въ верхней Италіи были единственнымъ остаткомъ изъ большаго испанскаго наслѣдства, доставшимся австрійской линіи Габсбурговъ по смерти Карла II испанскаго и по смерти Карла VI перешедшимъ къ Маріи-Терезіи. Они представляли собою совершенно отдѣльную область отъ имперіи съ своей администраціей, устройствомъ и законодательствомъ[1]).

Карлъ VI, по Утрехтскому договору, получилъ Нидерланды отъ покоренныхъ морскихъ державъ подъ условіемъ, что его домъ сохранитъ неприкосновенными ихъ старое устройство, законы и обычаи. Марія-Терезія приняла эти обязательства своего отца, но, съ согласія чиновъ, произвела нѣкоторыя измѣненія въ брабантскомъ народномъ представительствѣ и въ распредѣленіи налоговъ по всѣмъ бельгійскимъ провинціямъ. И Іосифъ II при вступленіи на престолъ утвердилъ, по заведенному порядку, великія вольности этой страны[2]).

Устройство этой провинціи основывалось на простомъ обычаѣ и дробилось на безчисленныя мѣстныя вольности и права. Каждая провинція, даже нѣкоторые города и округа представляли собою самостоятельныя государства съ особыми правами и вольностями, переходившими по традиціи и несоединенными въ органическое устройство. Только у Брабанта и Лимбурга былъ своего рода документъ конституціи въ видѣ Joyeuse Entrée[3]), составлявшаго гордость Нидерландовъ вслѣдствіе обезпеченныхъ имъ вольностей. По этой хартіи, государю воспрещалось раздавать туземныя мѣста иностранцамъ, привлекать нидерланцевъ къ суду внѣ ихъ страны и ограничивать свободу рѣчи чиновъ. Въ концѣ Joyeuse Entrée находилась оговорка, по которой народу предоставлялось право отказывать въ повиновеніи своему государю, если онъ затронетъ его вольности и именно до тѣхъ поръ, пока онъ не устранитъ жалобъ. Съ этой ограниченной верховной властью государь Нидерландовъ владѣлъ титуломъ герцога Брабантскаго, Люксембургскаго и Гельдернскаго, графа Фландрскаго, Геннегау и Намюра, господина Мехельна и Дорника. Кромѣ Фландріи, гдѣ дворянство было исключено, всѣ остальныя провинціи избирали своихъ чиновъ изъ духовенства, дворянства и горожанъ и эти народные представители въ отсутствіе государя дѣлили его верховную власть съ оберштатгальтеромъ. Послѣднимъ обыкновенно бывалъ членъ императорской фамиліи, ему помогалъ полномочный министръ, его совѣтникъ и заступавшій его мѣсто, а въ отсутствіе оберштатгальтера съ незначительнымъ ограниченіемъ пользовавшійся его властью.

Сила чиновъ была не меньше штатгальтера, потому что она простиралась на источники питанія народа, его имущество, на налоги, взысканіе ихъ и расходованіе. Если чины не собирались, ихъ мѣсто заступалъ комитетъ изъ ихъ депутатовъ. Во время войны и въ крайнихъ случаяхъ чины обязывались къ экстраординарнымъ складчинамъ[4]).

[1]) Wendrinsky. 261—262. [2]) Coxe. IV, 472. [3]) Ibidem. IV, 473. [4]) Ibidem. IV, 474.

Судебное дѣло было поставлено въ высшей степени нецѣлесообразно и разнообразно. Существовало множество судовъ съ различными назначеніями. Въ Брабантѣ, Геннегау и Гельдернѣ апелляціи подавались высшему суду этого герцогства, а въ Люксембургѣ, графствѣ Намюрѣ и остальныхъ областяхъ большому совѣту въ Мехельнѣ. Судъ, извѣстный подъ именемъ Большого Совѣта Брабанта, былъ самымъ почтеннымъ по безпристрастію судебныхъ приговоровъ, по достоинству и независимости его членовъ. Онъ не ограничивался судебной сферой, а утверждалъ и приказы государя, которые въ такомъ только случаѣ получали законную силу[1]).

Самой могущественной частью населенія было духовенство, господствовавшее надъ народомъ авторитетомъ и богатствомъ. Во главѣ его стояли архіепископъ и 7 епископовъ. Въ Нидерландахъ считали 108 аббатствъ съ ежегоднымъ доходомъ отъ 60 до 300/т. гульденовъ. Множество монастырей распространяли силу духовенства на всѣ штаты. Общественное образованіе было въ его рукахъ. Лёвенскій университетъ былъ освобожденъ отъ налоговъ и раздавалъ много бенефицій какъ въ Нидерландахъ, такъ и въ Люттихѣ. Желавшій мѣста долженъ былъ получить тамъ степень. У мѣстныхъ учителей, преданныхъ римскому престолу, процвѣтала старая система преподаванія[2]).

Нидерландская церковь со времени появленія буллы „Unigenitus“ впала въ рабство іезуитамъ, всецѣло овладѣвшимъ Лёвенскимъ университетомъ. За время этого господства іезуитовъ клиръ погрузился въ бездѣятельность, а народъ въ раболѣпное суевѣріе. Важные прелаты,—частью креатуры, а частью ученики іезуитовъ,—жили по примѣру сосѣднихъ французскихъ епископовъ въ нѣгѣ и беззаботной роскоши. Монахи бражничали по монастырямъ, а бѣлое духовенство изнывало въ угнетеніи и презрѣніи. Правда, уже Марія-Терезія и ея дочь-штатгальтерша, принимали различныя мѣры къ поднятію нидерландской церкви и ограниченію тираніи монашества, стараясь лишить іезуитовъ вліянія на образованіе. Но послѣдніе принимали всѣ возможныя мѣры для предотвращенія грозившаго имъ удара: съ одной стороны, объявляли еретиками цѣнимыхъ правительствомъ учителей, и распространяли въ народѣ недовѣріе къ нимъ, а съ другой—взяли въ руки слабаго кардинала-архіепископа мехельнскаго Франкенберга, чтобы воспользоваться въ своихъ цѣляхъ его авторитетомъ и вліяніемъ[3]).

Іосифъ видѣлъ горькіе плоды ненормальнаго нидерландскаго устройства, особенно во время своей поѣздки въ эту часть своей имперіи въ 1781 г. За время пребыванія здѣсь онъ былъ заваленъ жалобами, ясно указывавшими на дурное состояніе государственнаго правленія и особенно судебной части, и тогда же рѣшилъ уничтожить источникъ этихъ жалобъ реформой судовъ и всеобщей реорганизаціей этой провинціи, по образцу своей имперіи[4]).

---

[1]) Coxe. IV, 475. [2]) Ibidem. IV, 475.
[3]) Wolf, P. Ph. III, 544—546 ср. II, 526—530. [4]) Gross-Hoffinger. D. Allein-Regierung K. J. II, 219.

Реформа Іосифа II въ Нидерландахъ была направлена въ интересахъ общественнаго блага и, какъ бо́льшею частью бываетъ въ такихъ случаяхъ, въ ущербъ интересамъ частнымъ, сословнымъ. Во главѣ обиженныхъ его реформами лицъ стояли могущественныя въ Нидерландахъ духовенство и дворянство. Эти-то два сословія, маскируясь религіозными и національными идеями, произвели нидерландскую революцію въ своихъ личныхъ интересахъ. Какъ ни странно, эта клерикально-аристократическая революція нашла себѣ поддержку во Франціи, гдѣ боролась за силу демократія, стремившаяся къ осуществленію тѣхъ же принциповъ, которые лежали въ основѣ и Іосифовской реформы. Эту странность легко объяснить, если обратить вниманіе на насильственное проведеніе Іосифомъ своей реформы: его мѣропріятіямъ удобно было дать окраску деспотическаго насилія и нарушенія національной свободы.

Еще до начала церковной реформы въ Нидерландахъ, во время поѣздки Іосифа въ эту провинцію (20 іюня 1781 г.) Франкенбергъ подалъ императору длинное представленіе противъ предоставленія свободы совѣсти некатоликамъ этой страны, запрещенія буллы „Unigenitus“ и уничтоженія связи монашескихъ орденовъ съ иноземными генералами.

Но это представленіе оказалось безуспѣшнымъ. Уже 12 ноября 1781 г. Іосифъ провелъ здѣсь вѣротерпимость. 19 сент. 1782 г. императоръ отмѣнилъ въ нидерландскихъ университетахъ имматрикуляціонную формулу, при который каждый при полученіи академической степени, бенефиціи или должности обязывался признавать буллы Иннокентія X, Александра X и Климента XI противъ сочиненій Янсенія и П. Кенеля и совершенно запретилъ давать другую клятву, кромѣ присоединенной къ исповѣданію вѣры папы Пія IV. Въ этотъ же день Іосифъ II возобновилъ законъ Карла VI—молчать о буллѣ „Unigenitus“ и вмѣстѣ запретилъ учить публично чему либо, благопріятному ультрамонтанскимъ мнѣніямъ, относительно римскихъ апелляцій, непогрѣшимости папы, верховной власти его надъ вселенскимъ соборомъ и другихъ подобныхъ предметовъ. Около этого же времени Брюссельскимъ правительствомъ циркулярно было предписано всѣмъ нидерландскимъ епископамъ сообщить, какія клятвы берутъ они отъ семинаристовъ и кандидатовъ на посвященіе или отъ священниковъ при назначеніи на приходы и именно вслѣдствіе высочайшаго приказа отъ 3 іюня 1782 г., въ которомъ говорилось: „Такъ какъ важность клятвы требуетъ, чтобы никого не заставляли давать такую, которая не основывается на несомнѣнной истинѣ, или не неизбѣжно необходима, то Е. И. В. отмѣняетъ клятву о непорочномъ зачатіи, такъ какъ ей недостаетъ обоихъ этихъ условій“.

Франкенбергъ, или вѣрнѣе, руководившіе имъ іезуиты не ограничились безуспѣшнымъ представленіемъ императору, они выбрали болѣе дѣйствительное средство—возбужденіе народной толпы противъ императора посредствомъ пастырскихъ посланій. Такъ, въ посланіи отъ 8 февр. 1783 г. Франкенбергъ порицалъ тѣхъ нѣмецкихъ епи-

скоповъ, которые въ духѣ императора начали очищать вѣру отъ монашеской мишуры.

Но Іосифъ неуклонно шелъ своимъ путемъ. И въ Нидерландахъ были приведены въ исполненіе сдѣланныя въ Австріи распоряженія относительно уничтоженія „изъятій“ монаховъ, уменьшенія вообще ихъ числа, ограниченія безобразій съ братствами и индульгенціями и упрощенія общественнаго богослуженія[1]).

Въ началѣ своего царствованія онъ пріобрѣлъ расположеніе нидерландцевъ особенно своими заботами объ уничтоженіи тяжелаго для нихъ Barrière Tractate 1715 г. и о расширеніи ихъ торговли посредствомъ открытія рѣки Шельды. Перваго онъ достигъ: 11 дек. 1781 г. генеральные штаты согласились очистить всѣ баррьерные пункты и удалить оттуда всѣхъ голландскихъ солдатъ. Второе не удалось. Для Нидерландовъ гораздо важнѣе было открытіе рѣки Шельды; загражденіе ея отражалось крайне неблагопріятно на торговлѣ. По древнему штапельному праву, чужіе корабли, хотя и могли входить въ устье Шельды, но должны были перегружаться. Когда голландскія провинціи отпали отъ Испаніи, онѣ примѣнили это право къ оставшимся подъ испанскимъ владычествомъ бельгійскимъ провинціямъ и въ Мюнстерскомъ мирномъ договорѣ (30 янв. 1648 г.) между Испаніей и новой республикой соединенныхъ Нидерландовъ король Филиппъ IV испанскій долженъ былъ дать обязательство навсегда лишить оставшіяся у него 10 бельгійскихъ провинцій права вести морскую торговлю. Такъ, бельгійцы оказались совершенно отрѣзанными отъ плаванія по Шельдѣ, и Антверпенъ не могъ воспользоваться своимъ столь благопріятнымъ для торговли положеніемъ. Императоръ Карлъ VI принужденъ былъ даже, для полученія отъ Нидерландовъ признанія прагматической санкціи, въ 1722 г. уничтожить цвѣтущее торговое общество Остенде и въ 1731 г. обѣщать, что австрійскимъ Нидерландамъ навсегда будетъ запрещено плаваніе въ обѣ Индіи и устья Шельды останутся запертыми Голландіей. Іосифъ II хорошо понималъ весь вредъ для своей провинціи отъ такого стѣсненія торговли, а во время своей поѣздки сюда и наглядно убѣдился въ немъ. Въ виду этого онъ рѣшилъ возвратить Нидерландамъ ихъ старинное право. Но на этотъ разъ Голландія не обнаружила такой уступчивости, какъ въ первомъ случаѣ, при отмѣнѣ Barrière-Tractat'a. Произошло столкновеніе, дѣло чуть не дошло до войны; Нидерланды, горячо желая свободы Шельды, энергично готовились къ войнѣ, произвели большія затраты, вотировали чрезвычайные налоги, но волненіе оказалось напраснымъ: до войны дѣло не дошло. При посредствѣ Франціи, оказавшейся въ этомъ вопросѣ, вопреки ожиданію императора, скорѣе на сторонѣ Голландіи, Іосифъ заключилъ миръ, ограничившись денежной контрибуціей въ 10 милліоновъ гульденовъ, изъ которыхъ 2 заплатила Франція. Шельда осталась въ прежнемъ положеніи, было сдѣлано

[1]) Wolf, P. Ph. III, 546—552.

только небольшое исправленіе границъ. Такъ кончилось 8 ноября 1785 г. это дѣло, начавшееся 17 окт. 1783 г. Такой исходъ голландскихъ споровъ изъ-за Шельды значительно повредилъ австрійскому авторитету въ Европѣ и чувствительнѣе всего отозвался на Нидерландахъ, принесшихъ не мало жертвъ. Фридрихъ II писалъ по этому поводу: „Я начинаю предполагать, что этотъ государь (Іосифъ II) очень непослѣдователенъ и, какъ только видитъ серьезныя препятствія, тотчасъ бросаетъ свои проекты". Маркизу де-Булье онъ же подшутилъ: „Верженнь заставляетъ, наконецъ, сіятельнѣйшую республику заплатить на водку"[1]).

Неудавшійся проектъ мѣны Нидерландовъ на Баварію необходимо еще болѣе долженъ былъ возбудить неудовольствіе ихъ противъ Іосифа II. Этотъ проектъ служилъ для нихъ доказательствомъ того, какъ мало дорожилъ ими императоръ. Если онъ такъ усердно старался промѣнять ихъ на Баварію, то онъ только мирился съ ихъ существованіемъ въ виду печальной необходимости—вотъ вполнѣ естественный выводъ изъ этого проекта, сдѣланный Нидерландами. Конечно, владѣніе Нидерландами было очень важно для Австріи: этимъ путемъ она связывалась съ моремъ, при уничтоженіи стѣснительныхъ для нидерландской морской торговли условій, и вступала въ разрядъ морскихъ державъ. Но безспорно и то, что это владѣніе было связано съ большими трудностями: ни по географическому положенію, ни по устройству страны, ни по характеру народа Нидерланды не подходили къ Австріи, совершенно напротивъ, владѣніе Баваріей—было для Австріи не только выгоднымъ, но легкимъ и удобнымъ. Какъ географическое положеніе, торговыя и экономическія отношенія, такъ національность народа, наконецъ, политическое значеніе страны придавали ей почти характеръ оторванной отъ Австріи первоначально составной ея части, которая только по соединеніи вновь съ своимъ цѣлымъ могла жить вполнѣ той политической жизнью, къ которой, казалось, была предназначена. Какъ Нидерланды были совершенно чужды Австріи по всему, начиная съ языка, такъ по всему была сродна ей Баварія. Съ присоединеніемъ ея къ Австріи, округлились бы владѣнія послѣдней на востокѣ и ей принадлежалъ бы Дунай на всемъ своемъ судоходномъ протяженіи, благодаря чему она вступила бы въ очень выгодную связь съ европейскимъ западомъ.

Въ виду всего этого становится понятнымъ, почему Іосифъ II, проводя свою излюбленную идею единой австрійской монархіи, желалъ развязаться съ Нидерландами, и какъ у него созрѣлъ проектъ мѣны ихъ на Баварію. Этотъ проектъ не былъ даже новымъ. Еще за 100 лѣтъ до Іосифа II министерствомъ императора Леопольда было сдѣлано Мадридскому двору предложеніе помѣнять Баварію на Нидерланды, но не было принято Испаніей и отклонено угрозами Франціи. Этотъ примѣръ былъ поучительнымъ и показывалъ необходимость при новой попыткѣ осуществленія этого проекта предварительно заручиться согла-

[1]) Wendrinsky. 262—269.

сіемъ иностранныхъ державъ. Поэтому Кауницъ, которому многіе приписывали весь этотъ проектъ, старался вмѣстѣ съ Іосифомъ II расположить въ его пользу Россію и Францію. Курфирстъ Карлъ Теодоръ соглашался на эту мѣну, но ближайшій его родственникъ со стороны отца, герцогъ Карлъ Пфальцъ-Цвейбрюккенскій уперся противъ нея и обратился за посредничествомъ къ Фридриху II. Послѣдній зорко слѣдилъ за Іосифомъ II и всѣми мѣрами старался противодѣйствовать усиленію Австріи. Онъ употребилъ всѣ средства, чтобы помѣшать осуществленію этого плана, заключивъ извѣстный союзъ князей. Опасенія Іосифа относительно Франціи сбылись[1]): она вела себя въ этомъ вопросѣ двусмысленно. Россіею проектъ также не былъ поддержанъ съ достаточной силой и такъ Іосифу пришлось проститься съ этой своей завѣтной мыслью, осуществленіе которой въ значительной степени содѣйствовало бы возвышенію положенія Австріи въ Германіи[2]).

Пока велось это дѣло о промѣнѣ Нидерландовъ, Іосифъ, желая устранить въ нихъ безпорядки и злоупотребленія, на ряду съ церковными преобразованіями производилъ и гражданскія, особенно въ судебной сферѣ. Духовенство съ самаго начала старалось поселить въ народѣ недовѣріе ко всѣмъ его распоряженіямъ. Императоръ узнавъ объ этомъ, въ началѣ обнаружилъ склонность отказаться отъ своей природной стремительности и до времени отложить продолженіе своихъ распоряженій, пока штатгальтерскому правительству удастся установить въ народѣ правильное пониманіе его намѣреній. Въ этомъ смыслѣ имъ было издано распоряженіе въ 1785 г.[3]).

Продолжая церковную реформу въ Нидерландахъ, Іосифъ рѣшилъ закрыть мѣстныя епископскія семинаріи и вмѣсто нихъ учредить въ Лёвенѣ генеральную семинарію съ филіальной школой въ Люксембургѣ и такимъ образомъ взять образованіе будущаго духовенства изъ рукъ монаховъ и передать государству. 15 марта 1786 г. онъ приказалъ всѣмъ бельгійскимъ епископамъ какъ можно скорѣе собрать въ лёвенскую генеральную семинарію всѣхъ студентовъ богословія чернаго и бѣлаго духовенства и въ теченіе 14 дней представить списокъ всѣхъ юношей, изучающихъ въ настоящее время богословіе въ епископскихъ семинаріяхъ, съ отмѣткой о каждомъ изъ нихъ года, какой онъ занимается[4]). Этотъ высочайшій приказъ вызвалъ всеобщее смущеніе среди епископовъ и сословій. Учрежденіе генеральной семинаріи въ корнѣ подрывало вліяніе духовенства на воспитаніе будущихъ пастырей и потому должно было вызвать самый горячій протестъ со стороны высшаго бельгійскаго духовенства. Послѣднее напрягло всѣ силы, употребило все свое вліяніе на народъ и добилось цѣлой революціи, которую въ значительной мѣрѣ вынесло на своихъ

[1]) Письма его къ Леопольду отъ 3 дек. 1784 г. (Arneth. I, 237—238), отъ 10 дек. того же года (Ibidem. 259) и 6 янв. 1785 г. (Ibidem. 256). [2]) Gross-Hoffinger. 379—389. Wendrinsky. 269—270.

[3]) Gross-Hoffinger. 206—208. [4]) Le voeu du peuple belgique contre le séminaire général de Louvain. 9 (Theiner. 16).

плечахъ. Кардиналъ Франкенбергъ, въ качествѣ примаса бельгійской церкви, первый поднялъ голосъ, подавъ 29 марта императору вмѣстѣ со спискомъ своихъ учениковъ представленіе противъ проектируемой семинаріи[1]). 16 мая кардиналъ снова выразилъ императору свои опасенія не только относительно генеральной семинаріи, но и грозящаго закрытія епархіальныхъ семинарій и заклиналъ его оставить свое несчастное предпріятіе[2]). Къ нему примкнулъ (31 мая) антверпенскій епископъ К. Ф. Нелисъ[3]).

Духовенство настроило и сословія вступиться за него предъ императоромъ. 13 іюня совѣтъ Фландріи обратился къ Іосифу съ запиской, въ которой заявлялъ, что всѣ его нововведенія касательно бѣлаго и чернаго духовенства, отчасти уже проведенныя, совершенно неспособны сохранить ему на дальнѣйшее время довѣріе націи, поэтому онъ не долженъ удивляться, если умы, достаточно уже раздраженные такимъ самовольнымъ вмѣшательствомъ, наконецъ, дойдутъ до отчаянія. Особенно отвратительное учрежденіе—религіозная касса, одно имя которой возмущаетъ бельгійцевъ, такъ какъ никогда еще такимъ возмутительнымъ образомъ не было санкціонировано деспотомъ нарушеніе священнѣйшаго права собственности именно церкви, монастырей и благочестивыхъ учрежденій[4]).

Но Іосифъ II не обратилъ вниманія на всѣ эти представленія. Указомъ отъ 16 окт. 1786 г.[5]) было объявлено учрежденіе генеральной семинаріи въ Лёвенѣ для бельгійскихъ провинцій и въ Люксембургѣ для этого герцогства. Послѣдняя должна была стоять подъ руководствомъ первой и поэтому получала названіе филіальной. Открытіе обѣихъ назначалось на 1-е ноября. Въ этотъ день молодые богословы упомянутыхъ провинцій должны были вступить въ эти учрежденія[6]).

11 ноября Франкенбергъ обратился къ императору съ новымъ представленіемъ. Въ немъ онъ старался доказать невозможность сконцентрировать обученіе богословію только въ одномъ факультетѣ Лёвенскаго университета, съ устраненіемъ епископовъ, по божественному праву, главныхъ охранителей вѣры. Это обученіе не можетъ исходить отъ свѣтской власти, оно по самой своей природѣ, принадлежитъ церкви, которой одной поручено Христомъ. Между тѣмъ новый лёвенскій университетъ поставленъ внѣ зависимости отъ папы и архіепископа и продолжаетъ свое обученіе вѣрѣ, по полномочію только императора. Послѣдній не имѣетъ этого права, обученіе богословію необходимо должно находиться подъ властью св. престола или епископовъ. Если ему не желательно вліяніе св. престола на богословскій факультетъ лёвенскаго университета, то этотъ факультетъ, совершенно далекій отъ того, чтобы быть единоучащимъ, никоимъ образомъ не можетъ учить безъ епископской власти, особенно же ко вреду епископскихъ семинарій, устроенныхъ въ этой странѣ Тридент-

[1]) Theiner. 16—18. [2]) Voeu. 13 (Theiner. 18—19). [3]) Recueil de Représentations, Protestations et Réclamations faites à Sa Majestè Imp par les Représentans et Etats de Provinces des Pays-Bas Autrichiens. VIII, 181. Voeu 14—16 (Ibidem. 19).
[4]) Theiner. 19-20. [5]) Kropatschek. X, 654 sq. [6]) Voeu. 1—8 (Theiner. 20).

скимъ соборомъ, принятымъ государемъ.—Желательнаго для Е. И. В. единства ученія можно съ равнымъ удобствомъ достигнуть какъ въ епископскихъ семинаріяхъ, такъ и въ Лёвенѣ. Епископы легко могутъ согласиться между собою, выбрать извѣстныхъ, безупречныхъ и правовѣрныхъ писателей по умозрительному богословію, морали и каноническому праву и ввести ихъ руководства по всѣмъ семинаріямъ. Этимъ будетъ достигнуто единство обученія и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднее будетъ исходить отъ законной власти, которой единственно ввѣрено Христомъ.—Выраженія высочайшаго указа „разумное богословіе", „истинное церковное право", „чистое и разумное богословіе" вызвали опасеніе во всемъ духовенствѣ, чтобы чрезъ эту новую семинарію не были введены положенія, раньше вызвавшія уже волненія въ этой странѣ, какъ и во Франціи. А это не замедлитъ случиться, если возобновятся коварные вопросы; только благодаря мудрому молчанію о нихъ до настоящаго времени, хранится счастливый миръ. Въ виду всего этого кардиналъ просилъ императора возвратить свое довѣріе епископамъ, утраты котораго они ничѣмъ не заслужили[1]).

Съ подобными же представленіями противъ генеральной семинаріи и въ защиту епископскихъ обратились антверпенскій[2]) и намюрскій епископы. Послѣдній особенно рѣзко выражался въ своемъ представленіи императору и штатгальтеру[3]).

17 ноября того же года подали императору представленіе противъ обѣихъ генеральныхъ семинарій чины чрезъ свой органъ—совѣтъ Фландріи. Оно, какъ видно, продиктовано іезуитами и одного духа съ епископскими[4]).

Между тѣмъ правительство энергично работало надъ генеральной семинаріей въ Лёвенѣ. Мѣстная коллегія была значительно расширена новыми пристройками для помѣщенія до 300 воспитанниковъ. Ректоръ Штегеръ, новые профессора и остальныя лица, назначенныя ванъ Свитеномъ, прибыли въ Лёвенъ въ сентябрѣ. Въ числѣ ихъ былъ извѣстный Ле-Платъ. Высшее руководство обѣими семинаріями было поручено особо назначенной для того духовной комиссіи—jointe ecclésiastique[5]).

Епископы неохотно посылали своихъ воспитанниковъ въ Лёвенъ. Кардиналъ медлилъ съ этимъ до послѣдняго времени, такъ что графъ Бельджойозо, полномочный министръ Нидерландовъ, былъ вынужденъ отъ имени штатгальтера потребовать отъ кардинала (15 ноября), чтобы онъ немедленно прислалъ своихъ воспитанниковъ, такъ какъ прямая воля императора—къ 15 числу этого мѣсяца собрать въ Лёвенъ воспитанниковъ всѣхъ нидерландскихъ семинарій, чтобы какъ можно скорѣе открыть ученіе. При этомъ случаѣ, онъ старался успокоить кардинала относительно опасеній, выраженныхъ имъ въ представленіи императору[6]).

---

[1]) Recueil. IX, 150. Voeu. 17—21 (Theiner. 23—26). [2]) Recueil. VIII, 183 (Ibidem 26). [3]) Ibidem. VIII. 198. X, 259. Voeu. 24 sqq. (Ibidem. 26—31). [4]) Recueil. VII, 264—280. IX, 146—167 (Ibidem. 31—36). [5]) Theiner. 36—37. 39. [6]) Ibidem. 40—41.

15 ноября воспитанники различныхъ семинарій собрались въ Лёвенъ, а съ 1 декабря началось ученье. Кардиналъ вмѣстѣ съ Гентскимъ епископомъ, кн. Фердинандомъ фонъ Лобковицъ, отправилъ было съ своими воспитанниками, для ознакомленія съ настроеніемъ начальства и преподавателей новаго учрежденія, двоихъ духовныхъ вѣрныхъ лицъ, чтобы они жили въ семинаріяхъ въ качествѣ воспитанниковъ и присутствовали на лекціяхъ. Но Штёгеръ и Ле-Платъ чрезъ Брюссельское правительство добились ихъ удаленія.—При открытіи лекцій пожелалъ присутствовать кардиналъ. Но едва онъ вошелъ, какъ воспитанники подняли крикъ и въ одинъ голосъ просили его освободить ихъ изъ рукъ осквернителей святыни и возвратить епископамъ: такъ успѣли настроить молодыхъ богослововъ противъ новаго учрежденія и учителей. Кардиналъ уговаривалъ воспитанниковъ успокоиться и подчиниться и завѣрилъ, что епископы позаботятся о предотвращеніи всѣхъ золъ и о защитѣ ихъ какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ интересовъ, кѣмъ бы они ни были нарушены[1]).

Въ концѣ концовъ тайная агитація среди воспитанниковъ лёвенской семинаріи окончилась 8 дек. бунтомъ семинаристовъ, причемъ въ новыхъ учителей, особенно же Штёгера, бросали камнями, а на королевскаго комиссара Леклерка напали съ оружіемъ. Бунтъ, къ которому начали было примыкать жители Лёвена, былъ подавленъ военной силой. Участіе въ этомъ дѣлѣ епископовъ и монаховъ всего яснѣе видно изъ капитуляціоннаго акта, поданнаго штатгальтеру лёвенскими семинаристами на другой день послѣ бунта отъ имени всѣхъ нидерландскихъ діоцезовъ. Онъ представляетъ собою курьезную смѣсь епископскихъ желаній съ ученическими, какъ, напр., чтобы епископы были единственными третейскими судьями въ дѣлахъ догмы и дисциплины, чтобы ни одинъ профессоръ не читалъ лекцій безъ епископскаго дозволенія, чтобы въ публичныхъ лекціяхъ не пользовались никакими другими авторами, кромѣ просмотрѣнныхъ и совершенно одобренныхъ епископами, и на ряду съ этимъ просьбы объ измѣненіи росписанія уроковъ, объ отмѣнѣ слишкомъ ранняго завтрака, о вечернемъ пивѣ, о пріемѣ визитовъ отъ знакомыхъ, о свободныхъ и неограниченныхъ отпускахъ изъ семинаріи по такимъ днямъ, когда не бываетъ лекцій и т. п.

Правительство отнеслось къ юнымъ богословамъ очень снисходительно, видя, что они являются слѣпымъ орудіемъ въ ловкихъ рукахъ. Только нѣсколько наиболѣе буйныхъ было арестовано, остальныхъ же старались возвратить къ исполненію ихъ долга убѣжденіями. Дю-Фуръ, форштегеръ генеральной семинаріи, употреблялъ всѣ усилія для измѣненія настроенія обманутой молодежи. Онъ сообщилъ ей планъ заведенія, предложилъ прочитать, разобрать и скромно представить свои возраженія. Онъ старался, наконецъ, доказать, что монархъ не имѣетъ въ виду ничего другаго, кромѣ ихъ собственнаго блага и столь необходимаго

[1]) Theiner. 41.

улучшенія церковнаго строя. Но всѣ труды его оказались напрасными. Къ 25 янв. изъ 300 воспитанниковъ во всей семинаріи осталось всего около 20 человѣкъ, остальные же обратились въ бѣгство[1]).

Между тѣмъ Брюссельское правительство, когда Іосифъ еще не зналъ о случившемся, уже 21 янв. 1787 г. издало отъ его имени строгій указъ всѣмъ нидерландскимъ епископамъ, чтобы они не давали никакого убѣжища въ своихъ епархіяхъ своимъ воспитанникамъ, которые уже оставили, или оставятъ генеральную семинарію, не оказывали имъ никакой помощи или поддержки и вообще не обращали вниманія на ихъ жалобы, въ противномъ случаѣ на самихъ епископовъ будутъ смотрѣть, какъ на соучастниковъ протеста, и сообразно съ этимъ съ ними обойдутся. Всѣ вышедшіе воспитанники, далѣе, объявлялись неспособными къ полученію посвященій и всякаго назначенія на духовныя мѣста. Въ этомъ же указѣ не прямо, но достаточно ясно набрасывалась тѣнь подозрѣнія на епископовъ, что они возмутили юношей противъ генеральной семинаріи и именно подъ предлогомъ, что въ этомъ заведеніи преподаются принципы, осужденные въ папской буллѣ противъ Эйбеля отъ 28 ноября 1786 г., и что они съ этой цѣлью безъ разрѣшенія государя распространили послѣднюю въ странѣ и сообщили воспитанникамъ[2]).

Другимъ указомъ отъ 24 февр. отъ епископовъ потребовали немедленно представить правительству списокъ благотворительныхъ учрежденій, завѣщаній и стипендіатскаго фонда въ пользу семинарій на содержаніе воспитанниковъ, съ точнымъ обозначеніемъ размѣра и именъ учредителей или жертвователей[3]). Епископамъ было строго запрещено оказывать изъ этихъ средствъ даже малѣйшую поддержку оставившимъ генеральную семинарію, въ противномъ же случаѣ истраченныя суммы предполагалось возмѣстить генеральной семинаріи изъ ихъ собственнаго имущества. Третьимъ приказомъ отъ 21 марта еще разъ внушалось епископамъ по совѣсти исполнять распоряженіе отъ 21 янв. и, кромѣ того, запрещалось исповѣдывать и проповѣдывать воспитанникамъ, которые были уже священниками и оставили генеральную семинарію[4]). Наконецъ, того же числа вышелъ строгій приказъ всѣмъ епископамъ и форштегерамъ различныхъ духовныхъ учрежденій и орденовъ—безъ промедленія возвратить въ генеральную семинарію оставившихъ ее воспитанниковъ ихъ семинарій. Настоятелямъ орденовъ, кромѣ того, было вмѣнено въ обязанность расписываться въ полученіи этого приказа въ теченіе 24 часовъ, подъ угрозою, въ случаѣ неисполненія его, подвергнуться наказанію въ качествѣ бунтовщиковъ противъ Е. В.[5]).

Духовная Брюссельская комиссія, отъ которой исходили подъ именемъ императора всѣ эти декреты, императорской депешей запретила по всѣмъ Нидерландамъ папскую буллу „Super soliditate“ про-

[1]) Wolf, P. Ph. III, 561—563. Gross-Hoffinger. 212—215. ср. Theiner. 41—47. [2]) Voen. 48. (Theiner. 53). [3]) Voen. 49 (Ibidem. 53—54). [4]) Voen. 50. (Theiner. 54). [5]) Recueil. II, 208 (Ibidem. 54).

тивъ Эйбеля и даже приказала 25 янв. всѣмъ священникамъ объявить это запрещеніе вѣрующимъ съ каѳедръ за богослуженіемъ. Почти одновременно съ этимъ она издала приказъ всѣмъ магистратамъ городовъ и мѣстечекъ слѣдить за рѣчами, дѣйствіями и проповѣдями духовенства, именно сельскихъ священниковъ и немедленно доносить правительству о всякихъ сужденіяхъ ихъ, направленныхъ противъ церковныхъ исправленій императора и генеральной семинаріи, чтобы эти лица могли понести заслуженное наказаніе[1]).

Противъ виновныхъ въ бунтѣ были приняты довольно строгія мѣры, еще болѣе озлобившія духовенство противъ правительства. Такъ, папскій нунцій Зондадари, подлившій масла въ огонь возмущенія распространеніемъ, вопреки высочайшему повелѣнію, въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ по Нидерландамъ папской буллы противъ Эйбеля[2]), 14 февраля получилъ приказаніе отъ комиссіи вмѣстѣ съ авдиторомъ въ 8 дней оставить Брюссель, а въ 14 всѣ нидерландскія провинціи[3]).

По словамъ Герзана, эта высылка нунція изъ Брюсселя произвела въ Римѣ вообще неблагопріятное впечатлѣніе даже на лицъ, доселѣ особенно преданныхъ австрійскому двору. На нее смотрѣли, какъ на выраженіе презрѣнія къ св. престолу и личности папы; говорили, что, если нунцій и провинился, то на это слѣдовало бы только указать и онъ, конечно, тотчасъ же былъ бы отозванъ, тѣмъ болѣе, что поступилъ здѣсь безъ приказанія[4]). Папа очень обидѣлся[5]).

Въ концѣ февраля императоръ вызвалъ въ Вѣну кардинала-архіепископа, чтобы получить отъ него отчетъ о происшествіяхъ въ Левенѣ и узнать причины, побудившія воспитанниковъ оставить генеральную семинарію. Здѣсь кардиналъ устно и въ двухъ запискахъ представилъ императору вредъ и опасность отъ этого учрежденія не только для церкви, но и для государства, особенно для общественнаго спокойствія страны, если Е. В., вопреки желанію всей націи, сохранитъ это заведеніе и заклиналъ его закрыть послѣднее и снова возстановить въ прежнихъ правахъ, вольностяхъ и привиллегіяхъ епархіальныя семинаріи и богословскій факультетъ Левенскаго университета[6]). Іосифъ думалъ, что нерасположеніе кардинала къ генеральнымъ семинаріямъ зависитъ отъ малаго знакомства его съ ними. Въ виду этого императоръ предложилъ кардиналу изучить это дѣло въ Вѣнѣ и тогда уже отправиться въ Нидерланды[7]). Въ Вѣнѣ Франкенбергъ прожилъ до 8 іюля, но, разумѣется, совсѣмъ не пришелъ къ мысли

---

[1]) Recueil. III, 48—53 (Theiner. 54—55).

[2]) Тейнеръ увѣряетъ, что это обвиненіе нунція несправедливо. По его словамъ, Зондадари будто бы отпечаталъ 100 экземпляровъ этой буллы для отправки подчиненнымъ ему голландской и англійской миссіямъ. Но Тейнеру нельзя вѣрить на слово. Что нунцій дѣйствительно былъ виноватъ, можно видѣть изъ того, что этого факта не отрицалъ и самъ папа въ бесѣдѣ съ Герзаномъ, а только находилъ такое униженіе (высылку нунція) въ высшей степени обиднымъ для себя, признавая дурное дѣйствіе бреве случайнымъ (Письмо Герзана Кауницу отъ 4 апр. 1787 г. Brunner. 161—162). [3]) Wolf, P. Ph. III, 563—564. Theiner. 55. [4]) Письмо Герзана Кауницу отъ 24 марта 1787 г. (Brunner. 159—160). [5]) То же отъ 4 апр. 1787 г. (Ibidem. 161—162). [6]) Theiner. 55—56. [7]) Gross-Hoffinger. 216.

о необходимости поддерживать идеи императора въ ущербъ партіи, къ которой принадлежалъ самъ. Съ затаенной злобой противъ императора, въ ореолѣ мученичества за церковь, торжественно возвратился онъ въ свою резиденцію 15 того же мѣсяца и принялся продолжать начатую уже раньше и веденную въ его отсутствіе борьбу противъ императора[1]).

За упорное сопротивленіе высочайшей волѣ аббатъ Галенъ, старый президентъ мехельнской семинаріи, былъ изгнанъ изъ страны; намюрскій епископъ сосланъ изъ своей епархіи въ аббатство. Та же участь административной высылки изъ страны постигла многихъ капуцинскихъ настоятелей[2]).

Къ несчастію для дѣла Іосифа II, на этотъ же годъ учрежденія генеральной семинаріи въ Нидерландахъ пала коренная реформа всего гражданскаго строя этой провинціи, произведенная единоличной властью императора, безъ предварительнаго запроса чиновъ. 1 янв. 1787 г. явились тѣ указы, которыми радикально измѣнялись все устройство и администрація Нидерландовъ. Три совѣта, существовавшіе еще со времени Карла V,—государственный, финансовый и тайный,—и государственный секретаріатъ были отмѣнены, ихъ мѣсто заняло высшее учрежденіе, подъ предсѣдательствомъ императорскаго министра, подъ именемъ Совѣта Нидерландскаго генералъ-губернаторства, какъ настоящее министерство. Все старинное устройство провинціи было отмѣнено, Бельгія раздѣлена на 9 округовъ: Брюссель, Антверпенъ, Гентъ, Брюгге, Дорникъ (Турнэ), Монсъ, Намюръ, Люксембургъ и Лимбургъ, каждый во главѣ съ интендантомъ. Каждый округъ дѣлился на много участковъ подъ управленіемъ комиссаровъ. Депутатскія коллегіи сословій уничтожались; Брабантъ, Фландрія, Геннегау, Люксембургъ съ Лимбургомъ и Намюръ съ Турнэ должны были вмѣстѣ назначать 5 совѣтниковъ, засѣдавшихъ и подававшихъ голоса въ правительственномъ совѣтѣ по финансовымъ вопросамъ. Судебное дѣло было измѣнено, всѣ привиллегіи дворянства въ отправленіи права и полиціи, особыя судебныя вѣдомства, территоріальные, ленные и духовные суды отмѣнены, брабантскій совѣтъ по судебнымъ дѣламъ уничтоженъ, введены верховный совѣтъ и въ подчиненіи у него два апелляціонныхъ въ Брюсселѣ и Люксембургѣ. Большіе города удержали трибуналы первой инстанціи. Пытка была отмѣнена[3]).

Хотя эта реорганизація была, какъ общепризнано, несомнѣннымъ шагомъ впередъ, именно въ судебной части, но самовольное проведеніе ея, безъ предварительнаго запроса чиновъ, и особенно введеніе интендантовъ нарушало много признанныхъ полномочій сословій. Такъ, реформа явилась нарушеніемъ конституціи, уничтоженіемъ клятвенныхъ договоровъ, тѣмъ болѣе, что сословія неразъ заявляли свое расположеніе къ измѣненіямъ и исправленіямъ. Жалобъ и представленій противъ этихъ новыхъ учрежденій не слушали и на нихъ не отвѣчали. Въ одной депешѣ министру Іосифъ II писалъ: „Или нужно позво-

[1]) Theiner. 56—57. [2]) Wolf, P. Ph. III, 564. Theiner. 57—59.
[3]) Gross-Hoffinger. 220. Wendrinsky. 272.

лить эти представленія, или перваго, кто будетъ противиться высочайшей волѣ, схватить за волосы“ [1]).

Духовенство не преминуло воспользоваться современнымъ положеніемъ, чтобы привлечь къ возстанію противъ императора подъ знамя національности всѣ чины и вопросъ о генеральной семинаріи сдѣлать вопросомъ національнымъ[2]).

Новая организація гражданскаго строя Нидерландовъ была введена, весною 1787 г. новые совѣтники вступили въ отправленіе своихъ обязанностей, но броженіе, подъ вліяніемъ духовенства, продолжалось и скоро обнаружилось. Когда 17 апр. правительствомъ были собраны брабантскіе чины для распредѣленія, по обыкновенію, налоговъ на покрытіе расходовъ по администраціи, они отказались сдѣлать это вслѣдствіе нарушенія Joyeuse Entrée и отложили уплату до устраненія всѣхъ жалобъ на нарушеніе конституціи, причемъ прямо ссылались на тотъ пунктъ ея, по которому подданные свободны отъ покорности государю, если послѣдній не держитъ своихъ обязательствъ.—Не довольствуясь этимъ, 26 числа того же мѣсяца они подали представленіе, съ указаніемъ пунктовъ, на которые можно смотрѣть, какъ на нарушеніе принятаго императоромъ въ 1781 г. Joyeuse Entrée. Въ этомъ представленіи было 9 требованій въ качествѣ условій согласія на уплату денегъ правительству. Брабантскій совѣтъ долженъ быть сохраненъ неизмѣнно. Власть новыхъ окружныхъ начальниковъ ограничить. Ни одного нидерландца не судить внѣ страны. Настаивали на депутаціи чиновъ. Не желали закрытія монастырей, а также учрежденія коммендъ-аббатствъ. Привиллегіи городовъ должны храниться неприкосновенно. Землевладѣльцы должны сохранить свою судебную власть, всѣ чиновники должны быть назначаемы, по требованію Joyeuse Entrée. Наконецъ, чины заявляли претензію на вознагражденіе пострадавшихъ при этихъ перемѣнахъ[3]).

Этимъ протестомъ генералъ-губернаторы были поставлены въ крайне ложное положеніе, такъ какъ въ дѣйствительности вся власть была у министра, а по внѣшности отвѣтственными лицами являлись они. Въ засѣданіи новаго совѣта 28 апрѣля, на которомъ присутствовали генералъ-губернаторы, по предложенію бар. Мартини, присланнаго императоромъ изъ Вѣны для проведенія судебной реформы, рѣшили отложить новую администрацію до 1 мая и отмѣнить всѣ нововведенія, противныя Joyeuse Entrée[4]). 30 апр., въ формѣ объясненія, власть окружныхъ начальниковъ была ограничена. Уступчивость генералъ-губернаторовъ простерлась до того, что они обѣщали исполнить обидное для себя требованіе—удалить изъ своего совѣта всѣхъ подозрительныхъ и ненавистныхъ народу лицъ[5]).

Но эта мягкость правительства была объяснена въ смыслѣ слабости и придала только смѣлости партіи, вступившей въ борьбу съ

---

[1]) Wendrinsky. 272. [2]) Gross-Hoffinger. 221. [3]) Ibidem. 226—227. Wolf, P. Ph. III, 565. [4]) Wendrinsky. 273. [5]) Cornova. Leben Joseph. II. 344. (Gross-Hoffinger. 227—228).

правительствомъ, во главѣ съ адвокатомъ ванъ деръ Нотомъ. Обстоятельства сложились неблагопріятно для Австріи. Штатгальтеры отличались добротою, но у нихъ не было силы характера, рѣшимости и административныхъ способностей; среди ближайшихъ къ нимъ лицъ не было единодушія и преданности дѣлу, интересы государственные приносились въ жертву личнымъ интересамъ и страстямъ[1]). Іосифъ въ это время былъ въ Крыму и занятъ совсѣмъ другими планами. Первыя извѣстія о нидерландскихъ безпорядкахъ дошли до него 28 мая. Онъ не обратилъ на нихъ вниманія и не велѣлъ во время путешествія по Россіи присылать ему писемъ, но съ самаго начала высказался за рѣшительныя мѣры, отвѣтивъ на представленіе, въ которомъ его просили о снисхожденіи и милости, что „огонь возстанія можно потушить только кровью“[2]).

Чины не удовлетворились сдѣланными имъ правительствомъ уступками. Поводомъ къ новымъ требованіямъ съ ихъ стороны послужило отправленіе одного мошенника-поставщика на армію, де Гонта въ Вѣну для слѣдствія, гдѣ ему пришлось пройти по улицамъ въ кандалахъ. Этотъ фактъ былъ объявленъ нарушеніемъ одной изъ статей Joyeuse Entrée, воспрещавшей судить бельгійца внѣ его страны. Цехи разныхъ городовъ—Брюсселя, Антверпена, Лёвена подали чинамъ Брабанта представленія съ жалобами на нарушеніе вольностей[3]). Совѣтъ Брабанта, въ виду полученныхъ уже уступокъ, зашелъ въ своихъ требованіяхъ такъ далеко, что потребовалъ отмѣны всѣхъ судовъ и объявилъ незаконно учрежденной должность интендантовъ. У генералъ-штатгальтера не было отъ императора инструкцій на случай столкновенія, въ цѣломъ Брабантѣ едва набралось бы 2/т. войска, а между тѣмъ въ Брюсселѣ въ генеральной кассѣ было 10/м. гульденовъ. Брюссельская чернь выражала свое неудовольствіе уличными безпорядками. Мартини искалъ спасенія въ Спа. Директорамъ Левенскаго университета, профессоровъ котораго чины просили все привести въ прежній порядокъ, объявили, что власть ихъ прекращается[4]).

Нидерландское правительство рѣшило отложить все до возвращенія императора и, во избѣжаніе публичныхъ безпорядковъ, пойти на уступки, придававшія все болѣе смѣлости мятежной партіи. Декретомъ 14 мая оно остановило на время дѣйствіе новыхъ судовъ и въ провинціяхъ—Фландріи, Намюрѣ, Турнэ, Гельдернѣ и Мехельнѣ старые чиновники снова вступили въ отправленіе своихъ обязанностей. И всетаки всѣ три сословія подали новые протесты противъ всего, что шло въ разрѣзъ съ Joyeuse Entrée. Чтобы удовлетворить ихъ, 16-го еще больше ограничили власть окружныхъ начальниковъ и дали, за отсутствіемъ императора, предварительное согласіе, насколько это было во власти штатгальтера и Кауница. 28 мая 1787 г. штатгальтеръ объявилъ сословіямъ, что имъ дѣйствительно отослано ихъ представленіе императору, что до возвращенія послѣдняго не будетъ

[1]) Gross-Hoffinger. 221—226. [2]) Ibidem. 231—232, прим.
[3]) Cornova. 446. (Gross-Hoffinger. 228—229). [4]) Gross-Hoffinger. 229—230.

предпринято ничего, противнаго Joyeuse·Entrée, и что они могутъ надѣяться на полное согласіе императора, вслѣдствіе его справедливости.

Но уже 30 мая возникло новое народное возмущеніе и сословія подали новую просьбу, въ которой требовали увольненія министра и отмѣны всѣхъ указовъ, нарушающихъ ихъ двухсотлѣтнюю конституцію. Генералъ-штатгальтеръ 31 числа объявилъ собранію чиновъ: министръ назначается государемъ, слѣд., имъ же только можетъ быть и уволенъ, но онъ самъ желаетъ отставки и просилъ его объ ней.

Эта уступка вызвала неописанное торжество: въ Брюсселѣ стрѣляли изъ пушекъ, звонили въ колокола, устроили блестящую иллюминацію; когда штатгальтеръ ѣхалъ въ театръ, выпрягли лошадей и ванъ деръ Нотъ сѣлъ на козлы. Изъ провинцій сыпались безчисленные благодарственные адресы. Штатгальтеръ считалъ теперь дѣло конченнымъ, тогда какъ оно только еще начиналось. Третье сословіе скоро перешагнуло границы умѣренности; духовенство и адвокаты, во главѣ съ ванъ деръ Нотомъ, возбуждали горожанъ, образовали общество добровольцевъ подъ именемъ „патріотовъ“, съ значкомъ въ видѣ національной кокарды. Послѣдней не носили только военные, да служившіе у губернатора[1]).

Такъ явилась на историческую арену борьба за національные интересы. Что все это было раздуто заинтересованными лицами и въ частности духовенствомъ, несомнѣнно. Тамъ, гдѣ интрига не успѣла еще соткать своей паутины, эти безпорядки противъ правительства встрѣчали осужденіе, тогда какъ судебная реформа—благодарность. Въ Астзундѣ, напр., новый судъ былъ открытъ при общемъ ликованіи жителей, заявлявшихъ въ адресѣ императору, что они благоговѣютъ предъ мудрыми и благодѣтельными намѣреніями Е. В. Когда и здѣсь этотъ судъ былъ закрытъ, они во второмъ представленіи горько жаловались на его закрытіе. Въ герцогствѣ Лимбургѣ вся провинція съ радостью встрѣтила новое учрежденіе и когда, по представленію чиновъ, новые суды были повсемѣстно закрыты, они продолжали существовать въ Лимбургѣ и Люксембургѣ[2]). Леопольдъ, братъ Іосифа II, полагалъ, что возстаніе въ Нидерландахъ—не минутная вспышка, но вещь, заранѣе подготовленная, обдуманная и распредѣленная, очевидно, раздутая Франціей, воспользовавшейся войной съ Голландіей и проектомъ мѣны Нидерландовъ, чтобы мало-по-малу чрезъ своихъ эмиссаровъ возбудить народъ, и особенно римскимъ дворомъ. Самъ папа съ секретаремъ Буонкампаньи и своими креатурами открыто заявлялъ о своей ненависти къ Іосифу и его дому и говорилъ, что поднимаетъ возстаніе для того, чтобы надѣлать ему хлопотъ, и пользуется для этого священниками и монахами, особенно капуцинами. По мнѣнію Леопольда, это видно и изъ требованій депутатовъ о возстановленіи церквей, братствъ, юбилеевъ, процессій и монастырей и о возвращеніи двоихъ капуцин-

[1]) Gross-Hoffinger. 231—233. Wendrinsky. 274.
[2]) Cornova. 318 (Gross-Hoffinger. 230).

скихъ настоятелей. Цѣль Рима—вызвать замѣшательство дѣлъ въ Германіи и воспрепятствовать продолженію церковныхъ реформъ, направленныхъ къ ограниченію злоупотребленій римскаго двора своей властью и прекращенію выжиманія имъ денегъ[1]). Самъ Іосифъ считалъ несомнѣннымъ участіе въ этомъ дѣлѣ папы, духовенства и монаховъ[2]).

Не довольствуясь представленіями чиновъ и магистратовъ противъ нововведеній Іосифа и въ частности противъ генеральной семинаріи, духовенство побуждало даже воспитанниковъ епископскихъ семинарій обращаться къ сословіямъ съ представленіями противъ генеральныхъ семинарій[3]). Воспитанники филіальной люксембургской семинаріи въ жалобѣ на имя штатгальтера (10 іюня) просили объ удаленіи назначенныхъ къ нимъ профессоровъ и устраненіи всѣхъ еретическихъ учебниковъ. Они прямо заявляли, что послѣдуютъ примѣру левенскихъ воспитанниковъ и всѣ оставятъ это заведеніе, если не будетъ исполнена ихъ жалоба[4]).

22 іюня брабантскіе чины подали обширное представленіе самому императору. Въ немъ они обращали его вниманіе на близкую опасность для общественнаго спокойствія страны, если онъ скоро не успокоитъ народъ относительно несчастныхъ церковныхъ нововведеній и не исполнитъ народнаго желанія относительно даннаго съ клятвой самимъ императоромъ обѣщанія сохранить права церкви и епископовъ, возстановить епископскія семинаріи и закрыть Левенскую школу[5]). Въ этомъ же собраніи они протестовали противъ высылки папскаго нунція, Зондадари и ходатайствовали о возвращеніи его[6]).

Эта масса представленій со всѣхъ сторонъ навела страхъ на слабое нидерландское правительство. Жители Левена и даже Брюсселя грозили взяться за оружіе для возстановленія попранныхъ правъ ихъ вѣры. Для успокоенія волненія И. К. В. 28 іюня объявили чинамъ Брабанта свое твердое рѣшеніе исходатайствовать у императора, чтобы впредь не дѣлалось никакихъ нововведеній въ религіозной области. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство позволило президентамъ и администраторамъ различныхъ закрытыхъ Левенскихъ коллегій и епископскихъ семинарій возвратиться на свои посты, чтобы убѣдить въ справедливости своихъ обѣщаній и желанія положить конецъ религіознымъ спорамъ. Старымъ профессоромъ левенскаго университета также было разрѣшено по прежнему открыть и продолжать свои лекціи. Всѣ уроки въ генеральной семинаріи до дальнѣйшаго соглашенія между императоромъ и націей должны быть прекращены, начатыя постройки пріостановлены. Епископамъ было обѣщано немедленно дать нужныя полномочія для принятія снова воспитанниковъ въ ихъ епархіальныя семинаріи[7]).

Между тѣмъ Іосифъ II, получивъ свѣдѣнія о нидерландскихъ безпорядкахъ и о мѣрахъ противъ нихъ со стороны правительства и

---

[1]) Письмо къ Іосифу отъ 19 іюля 1787 г. (Arneth. II, 89—90).
[2]) Письмо къ Леопольду отъ того же числа, мѣсяца и года (Arneth. II, 88).
[3]) Theiner. 59—68. [4]) Recueil. IV, 178—184. Voen. 77—85 (Theiner. 68.
[5]) Recueil. V, 171—198. (Ibidem. 77—78). [6]) Ibidem. IV,113—123. (Ibidem. 78—81).
[7]) Recueil. V, 34. Voen. 117. Theiner. 82).

Кауница, остался крайне недоволенъ уступчивостью. „Во всю жизнь,— писалъ онъ (23 іюня) канцлеру изъ Лемберга,—я не испытывалъ болѣе справедливаго негодованія, какъ теперь послѣ нѣсколькихъ часовъ размышленія о томъ, свои взгляды на что̀ я изложу вамъ ниже. Все, что написано и произошло въ этомъ случаѣ, непонятно и, кажется, разсудивъ хладнокровно, provenir d'un échappé des petites maisons. Правительство совсѣмъ потеряло голову; оно пользуется словами въ родѣ *неизбѣжности потери* Нидерландовъ, чтобы оправдать неслыханные поступки, въ которымъ нѣтъ смысла, которые ничего не доказываютъ и не могутъ ничего доказать въ сколько нибудь вѣроятной формѣ. Я безповоротно рѣшилъ никогда не подписывать ничего изъ того, что правительство осмѣлилось позволить, а совсѣмъ отвергнуть. Меня не заставятъ во вредъ Вѣнѣ подписать такую позорную и безчестящую вещь и еще меньше въ томъ положеніи, въ какомъ я нахожусь, и добровольно, при томъ мужествѣ и неустрашимости, которыя я чувствую. Кто нисколько не боится за себя, ose tout и кто не останавливается ни предъ какими средствами peut beaucoup“[1]). На слѣдующій день (24 іюня), по полученіи новыхъ извѣстій, гнѣвъ Іосифа направляется противъ самого Кауница: „Я не могу скрыть отъ васъ, мой князь, сколько я удивленъ поступкомъ, который вы осмѣлились сдѣлать (отослать де Гонта), не дождавшись предварительно моихъ приказаній. Все уступая, какъ дѣлали до сихъ поръ, мнѣ кажется, ничего не выиграли, а напротивъ только ухудшили положеніе вещей и это весьма естественно, ибо, когда разгоряченные безумцы видятъ, что ихъ боятся, они рѣшаются на все и я удивляюсь, что Брюссельцы и возбуждающіе ихъ фанатики не потребуютъ моихъ culottes и правительство не будетъ увѣрять ихъ, что я пришлю. Вашъ совѣтъ—трусость, и даже смерть не вырветъ у меня этой подписи. Вы отошлете правительству этотъ актъ, который доставилъ бы мнѣ позоръ, разорваннымъ, какъ онъ того заслуживаетъ, чтобы оно видѣло, какъ я смотрю на дѣло. *Кто смѣетъ* говорить со мной такимъ тономъ, тотъ не другъ ни Іосифа II, ни императора“[2]).

Нѣсколько мягче писалъ императоръ (30 іюня) по прибытіи въ Вѣну: „Сію минуту, мой князь, я только что прибылъ. Посылаю вамъ при семъ представленіе брабантскихъ штатовъ — безосновательный наборъ фразъ. Наглость и упорство, какъ я вижу изъ этого рапорта, продолжаются. Оказываешься ихъ рабомъ. Войско въ ихъ власти, нужно прекратить этотъ порядокъ вещей, дѣло идетъ о спасеніи чести; разсѣянное войско будетъ обезоружено—вотъ верхъ всего. Я поговорю съ вами объ этомъ завтра, но, вѣрьте, мнѣ очень жаль, что я принужденъ быть другого мнѣнія. Прибытіе или неприбытіе депутатовъ рѣшитъ все“[3]).

Первымъ дѣломъ Іосифа, по возвращеніи изъ Россіи, былъ отвѣтъ на представленіе нидерландскихъ чиновъ. Заявивъ въ немъ, что онъ

[1]) Arneth. Joseph II und Katharina von Russland. 294—295, прим. [2]) Ibidem. 295, прим. [3]) Arneth. Ibidem. 295, прим.

никогда не имѣлъ намѣренія ниспровергнуть конституцію нидерландскихъ провинцій, а всѣ распоряженія дѣлалъ для ихъ пользы, императоръ продолжалъ: „Всѣ мои шаги должны убѣдить васъ въ истинѣ этого, если вы еще способны отнестись къ нимъ съ должной справедливостью. Только не разъ повторенная въ массѣ жалобъ на мое имя просьба объ учрежденіи болѣе скораго и дешеваго судопроизводства побудила меня заняться нѣкоторыми исправленіями въ этой области. Окружные начальники не имѣли другой цѣли, какъ слѣдить за исполненіемъ законовъ и заставлять исполнять свой долгъ лицъ, обязанныхъ положеніемъ къ соблюденію ихъ. Что касается различныхъ старинныхъ вольностей, то я хотѣлъ только устранить вкравшіяся съ теченіемъ времени злоупотребленія даже съ согласія лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ. Поэтому крайне далекій отъ мысли встрѣтить какое нибудь сопротивленіе, а тѣмъ болѣе такое дерзкое, я скорѣе имѣлъ причину ждать, что чины моихъ нидерландскихъ провинцій окажутъ мнѣ содѣйствіе въ этомъ съ такимъ же усердіемъ, какъ и съ благодарностью. Между тѣмъ я хочу, какъ отецъ и человѣкъ, который можетъ отнестись съ состраданіемъ къ неразумію и много прощать, то, что̀ доселѣ случилось, и что̀ вы осмѣлились сдѣлать, приписать исключительно только непониманію и ложному истолкованію моихъ намѣреній, распространяемому людьми, преданными болѣе личнымъ интересамъ, чѣмъ общему благу, и которымъ нечего терять. Какъ бы то ни было, но я желаю допустить, чтобы всѣ новыя распоряженія, о которыхъ рѣчь, въ настоящее время были пріостановлены и когда И. К. В., мои штатгальтеры и генералъ-губернаторы, по моему недавно объявленному имъ распоряженію, прибудутъ въ Вѣну съ депутатами и послѣдніе устно изложатъ мнѣ свои жалобы и выслушаютъ мои намѣренія, тогда мы согласимся относительно распоряженій, наиболѣе содѣйствующихъ общему благу, по основнымъ началамъ страны. Но если, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, этотъ послѣдній шагъ моей доброты къ вамъ не будетъ принятъ, такъ что вы откажетесь принести мнѣ сюда свои жалобы, опасенія и сомнѣнія и съ довѣріемъ выслушать меня, а пожелаете продолжать свои позорныя безобразія и непростительные шаги, то вы самимъ себѣ должны будете приписать всѣ несчастныя послѣдствія, которыя отсюда проистекутъ“[1]).

Такимъ образомъ, самъ Іосифъ II не былъ увѣренъ въ прибытіи депутатовъ и на худшій конецъ готовилъ войска[2]).

Настроеніе императора въ эту минуту хорошо характеризуется его письмомъ къ Леопольду (отъ 6 іюля): „Нидерланды желаютъ быть независимыми,—писалъ онъ,—составляютъ новую конституцію и хотятъ, чтобы я далъ полную власть И. К. В. и генералъ-губернаторству, подъ гарантіей какихъ-то двухъ иностранныхъ государствъ, которыхъ они не называютъ. Очень умѣреннымъ письмомъ я отворилъ

[1]) Wolf, P. Ph. III, 568—570. [2]) Письмо Іосифа къ Екатеринѣ II отъ 5 іюля 1787 г. (Arneth. Joseph II und Katharina von Russland. 295—296) ср. отвѣтъ Екатерины отъ 21 іюля 1787 г. (Ibidem. 297—298).

дверь чинамъ Брабанта и если они не пришлютъ депутатовъ, сами себѣ надѣлаютъ зла. Пока, въ ожиданіи ихъ отвѣта, я занятъ составленіемъ диспозиціи для движенія необходимыхъ войскъ..... Я—одинъ и безпомощенъ, все дѣлаю самъ, пишу письма, отвѣты. Какая ужасная вещь—возстаніе вдалекѣ и необходимость погибнуть среди тріумфа! Никогда ничто не тяготило меня въ такой степени; это—скорбь, смѣшанная съ оскорбленіемъ, не поддающаяся описанію. Мнѣ нужно ѣхать туда..... Подчинить или погибнуть—вотъ мой девизъ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы одобрили мое рѣшеніе, потому что оно—единственное, если не хотятъ оторвать Нидерланды отъ австрійскаго дома; все—деньги, артиллерія, аммуниція—взято, по небрежности и малодушію правительства, которое ничего не собрало во время и все бросило въ пропасть. Мое положеніе не поддается описанію, но мое мужество поддерживаетъ меня“ [1]).

Крайне недовольный слабостью нидерландскаго правительства и вызвавъ его все въ Вѣну вмѣстѣ съ депутатами, Іосифъ передалъ управленіе Нидерландами графу Мюрре, съ 1781 г. командовавшему нидерландскими войсками. Хотя императоръ говорилъ въ своемъ отвѣтѣ штатамъ о прощеніи, однако втайнѣ готовился къ войнѣ. Такъ, одновременно съ опубликованнымъ приказомъ отъ 3 іюля 1787 г., которымъ Мюрре ad interim назначался генералъ-губернаторомъ, тайное кабинетное предписаніе предоставляло ему принимать, по собственному усмотрѣнію, рѣшительно всѣ мѣры, которыя онъ сочтетъ нужными для сохраненія общественнаго спокойствія. „Вы ни предъ кѣмъ не отвѣчаете,—говорилось здѣсь далѣе,—кромѣ одного меня, мнѣ вы будете представлять отчеты о диспозиціяхъ, которыя признаете нужными, и отъ меня будете получать дальнѣйшія приказанія. Мое намѣреніе—совершенно подавить сдѣланные особенно брюссельскими гражданами безумные шаги, которыми они вырвали у правительства сколько не слыханныя, столько же малодушныя уступки“. Поэтому въ Брюсселѣ и его окрестностяхъ должны быть по возможности сконцентрированы войска, ко всякому полку инфантеріи должна быть присоединена артиллерія; всѣхъ драгунъ расположить въ Брюсселѣ и Лёвенѣ и т. д. Военному вмѣшательству всегда должно предшествовать предостереженіе и, только въ случаѣ безполезности послѣдняго или оскорбленія военныхъ, должно стрѣлять и не на воздухъ или холостыми зарядами, а должно дать большой примѣръ строгости, которая образумитъ толпу, не обращая вниманія на тѣхъ, которые, по несчастью, окажутся жертвами. Въ тотъ моментъ, когда выстрѣлъ произведетъ замѣшательство, не должно давать ни минуты на размышленіе, а немедленно разгонять собравшихся. Императорскія инструкціи входили даже въ детали мѣстъ, которыя нужно занять, патрулей и т. д., касались даже возможной бомбардировки Брюсселя, но императоръ приказывалъ не показывать этого письма никому на свѣтѣ, не исключая

[1]) Arneth. II, 83—84 ср. отвѣтъ Леопольда (Ibidem. II, 90—93).

штатгальтера или министра, ничего не знавшихъ объ этихъ спеціальныхъ распоряженіяхъ Мюрре[1]).

Въ Брюсселѣ въ началѣ іюля предложеніе Іосифа II было встрѣчено несочувственно. Хотѣли не посылать депутаціи и даже помѣшать штатгальтеру съ супругой выѣхать въ Вѣну. По частнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Леопольда, 6 іюля въ Брюсселѣ былъ бунтъ, не пустили изъ города штатгальтера съ супругой и между 12 и 15 числами того же мѣсяца назначено формальное объявленіе независимости, при содѣйствіи Франціи, собравшей войска при Живе; чины ничего не значатъ, народъ дѣлаетъ, что̀ хочетъ[2]). Представленія чиновъ штатгальтеру были проникнуты духомъ открытаго возмущенія и содержали намеки на Филиппа II. Городскія ворота были заняты, чтобы силою помѣшать отъѣзду штатгальтера; приглашеніе послѣднимъ депутатовъ для выслушанія добрыхъ намѣреній императора не было принято. Набирали отряды волонтеровъ, вооружали студентовъ и народъ.

Іосифъ былъ крайне раздраженъ этимъ и Кауницу съ трудомъ удалось склонить его къ заявленію, что онъ до 15 іюля ждетъ депутатовъ всѣхъ провинцій, которые принесутъ ему просьбу націи о прощеніи случившагося и о выслушаніи ихъ представленій, а если этотъ срокъ будетъ пропущенъ, императоръ будетъ смотрѣть на нидерландцевъ, какъ на бунтовщиковъ. Чтобы придать силу этому заявленію, въ Нидерланды было двинуто 14 полковъ, 2 баталіона инфантеріи и 4 полка кавалеріи съ артиллеріей[3]).

Но чины хладнокровно смотрѣли на эти приготовленія, хотя Іосифу и казалось, что они теперь начали бояться правительства, до этого времени боявшагося ихъ.[4]) При обсужденіи выбора депутатовъ брабантскіе чины предложили просить Францію быть поручительницей ихъ конституціи, но другіе отвергли это предложеніе[5]). Въ Римѣ хвастались, что при помощи монаховъ и особенно экъ-іезуитовъ поднимутъ въ Нидерландахъ настоящее возстаніе, чтобы дать примѣръ, какъ рискуютъ государи, затрогивая монаховъ и римскіе интересы, и чтобы отомстить за высылку брюсельсскаго нунція. Папа съ Буонкампаньи чрезъ маркиза Луккезини велъ энергичныя сношенія съ прусскимъ королемъ, чтобы вызвать побольше безпорядковъ въ Нидерландахъ и до неприличія не скрывалъ своей радости по поводу поведенія Нидерландовъ[6]).

Только 18-го іюля[7]), когда уже прошелъ назначенный императоромъ срокъ, рѣшили послать депутатовъ; 19-го штатгальтеръ съ супругой оставили Брюссель, а 20-го послѣдовалъ за ними Бельджойозо, чтобы болѣе уже не возвращаться въ Нидерланды. Но

---

[1]) Wendrinsky. 274—275. [2]) Письмо Леопольда къ Іосифу II отъ 19 іюля 1787 г. (Arneth. II, 98).

[3]) Cornova 358. (Gross-Hoffinger. 238). [4]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 19 іюля 1787 г. (Arneth. II, 88). [5]) Gross-Hoffinger. 238. [6]) Письмо Леопольда къ Іосифу II отъ 19 іюля 1787 г. (Arneth. II, 98) и 1 авг. 1787 г. (Ibidem. II, 104). [7]) Письмо Іосифа II къ Леопольду отъ 26 іюля 1787 г. (Ibidem. II, 100).

депутатамъ была дана инструкція, прямо исключавшая возможность мирнаго окончанія спорнаго дѣла. Единственной цѣлью депутатовъ, по ней было—принести къ подножію трона желанія націи и ея благоговѣніе къ Е. В. При всякомъ случаѣ депутаты должны будутъ заявлять, что чины отправленіемъ ихъ уступаютъ желанію государя, а никакъ не исполняютъ его приказаніе, тѣмъ болѣе, что никакой государственный законъ, ни воля государя не можетъ и не смѣетъ принудить ихъ къ депутаціи, хотя бы и съ упомянутой цѣлью. Тотчасъ по прибытіи въ Вѣну они испросятъ у императора аудіенціи, на которой выразятъ Е. В. чувства благоговѣнія, преданности и вѣрности всей націи и общее желаніе всѣхъ бельгійцевъ, чтобы Е. В. соблаговолилъ немедленно и безъ ограниченій подписать депешу И. К. В. отъ 30 мая. По окончаніи аудіенціи депутатамъ прямо запрещалось присутствовать при другой аудіенціи, конференціи, совѣщаніи, даже за обѣдомъ или въ обществѣ. Равнымъ образомъ за время пребыванія въ столицѣ имъ запрещалось принимать изъ какого бы то ни было присутственнаго мѣста или канцеляріи письма, ноты, мемуары и т. п. Депутаты ни коимъ образомъ и ни подъ какимъ предлогомъ не должны устно или письменно трактовать о государственныхъ дѣлахъ и должны остерегаться вступать въ малѣйшую связь съ министрами или чиновниками. Они должны воздерживаться отъ всякой переписки какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Брюсселѣ о современномъ положеніи общественныхъ дѣлъ. А между тѣмъ имъ вмѣнялось въ обязанность возможно глубже проникнуть въ намѣренія и принципы вѣнскаго министерства, постоянно внимательно слѣдить за всѣмъ, происходящимъ при дворѣ относительно Нидерландовъ, чтобы, при малѣйшимъ военномъ движеніи или намѣреніи употребить силу, немедленно извѣстить чрезъ курьера. Для донесеній съ возможной точностью и опредѣленностью имъ былъ данъ свой шифръ. Чрезъ 2 недѣли послѣ первой аудіенціи они испросятъ вторую, чтобы откланяться. За ней повторятъ чувства націи и увѣренія, что всѣ распоряженія Е. В. будутъ съ точностью исполнены, но какъ только рѣчь зайдетъ о государственныхъ дѣлахъ, должны хранить молчаніе. Въ случаѣ, если Е. В. придется за это время оставить столицу, они попросятъ прощальной аудіенціи еще скорѣе, съ объясненіемъ, что не могутъ и не смѣютъ дольше оставаться, потому что пославшіе ихъ считаютъ ихъ возвращеніе необходимымъ и полезнымъ для общаго блага отечества[1]).

И самъ Іосифъ не ждалъ многаго отъ этой депутаціи, предполагая, что ей хотятъ выиграть время и сомнѣваясь въ серьезной покорности. Въ кабинетъ-письмѣ Мюрре отъ 24 іюля императоръ дѣлалъ всевозможныя распоряженія, доказывающія, что онъ въ ближайшемъ будущемъ предвидѣлъ въ Нидерландахъ настоящую междуусобную войну[2]).

---

[1]) Gross-Hoffinger. 239—241. [2]) Wendrinsky. 276—277.

12-го авг. 1787 г. депутаты, въ количествѣ 31 человѣка[1]), прибыли въ Вѣну[2]); 15-го—имъ была дана аудіенція[3]). Но еще до аудіенціи были отмѣнены всѣ декреты нидерландскаго правительства съ мая, потому что Іосифъ считалъ несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ давать аудіенцію, пока еще въ силѣ вынужденныя у правительства уступки[4]).

Когда депутаты въ аудіенціи изложили предъ императоромъ жалобы націи и вмѣстѣ увѣренія въ вѣрноподданности, Іосифъ, по Коксу, съ трудомъ сдержалъ свое неудовольствіе. Послѣ того какъ они кончили, онъ прочиталъ имъ чрезъ графа Кобенцля слѣдующій отвѣтъ: „Пустыя слова не могутъ уменьшить величайшаго неудовольствія, которое возбуждаетъ во мнѣ поведеніе моихъ бельгійскихъ провинцій; только дѣло докажетъ мнѣ правильность вашихъ увѣреній. Я поручилъ Кауницу письменно представить вамъ извѣстные пункты, которые должны быть исполнены безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія. Только немедленное и полное послушаніе можетъ снова привести все въ надлежащій порядокъ и положить конецъ перерыву сношеній. Ежедневно я доказываю вамъ, что благо моихъ подданныхъ—моя единственная цѣль, и вы должны убѣдиться, что я совсѣмъ не думаю ниспровергнуть ваше устройство, такъ какъ послѣ всѣхъ безпорядковъ я вторично увѣряю, что сохраню ваши вольности“[5]).

Послѣ этого Кауницъ передалъ депутатамъ копію съ грозной депеши императора Мюрре[6]), которую послѣдній объявилъ 23-го авг. собравшимся въ Брюсселѣ чинамъ. Вотъ ея требованія: 1) въ нидерландскихъ провинціяхъ предварительно все должно быть приведено въ то самое положеніе, въ какомъ находилось 1-го апр. этого года. 2) Лёвенскіе университетъ и семинарія вмѣстѣ съ назначенными въ нихъ лицами должны быть приведены въ то положеніе, въ которомъ были или должны были быть, согласно распоряженія императора, до 1-го апр. Тоже самое должно быть и съ Люксембургской семинаріей. 3) Чины всѣхъ провинцій должны правильно представить налоги. 4) Милиція должна прекратить военныя ученья, снять свою форму, кокарды и остальные знаки партійнаго духа, всѣ роды недозволенныхъ ассоціацій отмѣняются и каждому магистрату дозволяется, за отсутствіемъ войскъ, принимать самыя подходящія мѣры къ поддержанію благочинія и добраго порядка. 5) Закрытые до 1-го апр. монастыри останутся закрытыми и сдѣланныя съ того времени назначенія на вакантныя аббатства не имѣютъ значенія и для названныхъ духовныхъ лицъ не имѣютъ силы. 6) Всѣ уволенные въ отставку гражданскіе чиновники снова должны быть опредѣлены на мѣста, за исключеніемъ интендантовъ и членовъ новыхъ судовъ, каковые предметы Е. В. угодно отложить до дальнѣйшаго обсужденія. 7) Наконецъ, все касательно братствъ или духовенства и вообще все, безъ малѣйшаго исключенія,

[1]) Письмо Іосифа II къ Максимиліану, Кёльнскому курфирсту (Arneth. II, 109, прим.). [2]) Theiner. 82. [3]) Письмо Іосифа II къ Максимиліану (Arneth. II, 109, прим.).
[4]) Wendrinsky. 277. [5]) Coxe. IV, 479. [6]) Wendrinsky. 278.

должно быть поставлено на ту ногу, на какой было въ названный пунктъ времени[1]).

Во второй аудіенціи императоръ объявилъ депутатамъ, что, желая показать свое расположеніе къ нимъ, онъ вмѣсто ненавистнаго имъ министра Бельджойозо пошлетъ графа Траутманнсдорфа. Своимъ любезнымъ обращеніемъ Іосифъ очаровалъ депутатовъ, такъ что они просили его лично посѣтить Нидерланды. Въ отвѣтъ на эту просьбу онъ снялъ свою шляпу, показалъ ее депутатамъ и сказалъ: „Вы видите, г.г., что я ношу только черную кокарду“[2]).

Императоръ былъ очень доволенъ ходомъ дѣла, питалъ свѣтлыя надежды на близкое будущее, приписывая благопріятный оборотъ обнаруженной имъ строгости и движенію войскъ, которымъ даже далъ приказъ остановиться[3]). Леопольдъ считалъ нидерландскіе безпорядки уже оконченными и благопріятный исходъ ихъ приписывалъ строгости и вмѣстѣ открытой милости императора[4]). Онъ не предвидѣлъ, что это—начало конца.

Дѣйствительность не оправдывала предположеній и расчетовъ Іосифа. Мюрре былъ въ большомъ затрудненіи вслѣдствіе требованія вѣнскаго правительства побудить чиновъ къ уплатѣ налоговъ. Люксембургскіе чины, правда, по собственному побужденію, вотировали чрезвычайные налоги, но этого нельзя было ждать отъ другихъ провинцій[5]). 28-го авг. чины Брабанта протестовали противъ продолженія существованія генеральной семинаріи и, такъ какъ правительство хранило глубокое молчаніе, то въ генеральномъ Брюссельскомъ собраніи 20-го сент. брабантскіе чины сдѣлали чинамъ остальныхъ провинцій рѣшительное предложеніе—со всей силой протестовать противъ генеральной семинаріи и въ своихъ представленіяхъ императору требовать ея закрытія, какъ непремѣннаго условія для будущаго религіознаго и политическаго умиротворенія страны[6]).

Народъ поддерживалъ эти требованія. Весь Брюсселль былъ подъ оружіемъ; болѣе 50/т. частью изъ деревень, частью изъ ближайшихъ городовъ поспѣшило въ Брюссель на помощь. На улицахъ послѣдняго, по поводу смерти одного изъ волонтеровъ, была произведена огромная демонстрація, причемъ были вытребованы войска и народъ началъ строить баррикады. Мюрре самъ явился къ бунтовщикамъ и вступилъ съ ними въ переговоры. Въ результатѣ, опасаясь кровопролитныхъ безпорядковъ, онъ рѣшилъ уступить, вопреки прямой инструкціи императора—дѣйствовать мѣрами строгости, а не снисхожденія. Въ тотъ же день Мюрре приказалъ богословскому лѣвенскому факультету отложить предполагавшееся имъ на 1-ое октября открытіе генераль-

---

[1]) Wolf, P. Ph. III, 570—571.

[2]) Wendrinsky. 278. Gross-Hoffinger. 242—244. [3]) Gross-Hoffinger. 244. Письма Іосифа II къ Леопольду отъ 16 авг. 1787 г. (Arneth. II, 109—112) и 23-го (Ibidem. II, 112—113) и къ Максимиліану, Кёльнскому курфюрсту отъ 16 авг. того же года (Ibidem. II, 109—110, прим.). [4]) Письмо Леопольда къ Іосифу отъ 28 авг. (Ibidem. II, 113—114). Ср. письмо Іосифа къ Екатеринѣ II отъ 30 авг. (Arneth. Joseph II und Katharina von Russland. 299—300) и къ Леопольду отъ 6 сент. (Arneth. II, 117). [5]) Wendrisky. 278.

[6]) Treiner. 84—85.

ной семинаріи до 1-го ноября. На слѣдующій же день рано утромъ онъ издалъ отъ имени императора прокламацію, шедшую совершенно въ разрѣзъ съ намѣреніями послѣдняго: 1) конституція страны, основные законы, привилегіи и вольности, короче Joyeuse Entrée, согласно съ актомъ вступленія Е. В. на престолъ, какъ относительно духовенства, такъ и свѣтскаго сословія будутъ сохраняться ненарушимо и неприкосновенно. 2) Новые суды, интенданты и коммиссары совершенно отмѣняются. 3) Порядокъ судопроизводства, чины и ихъ депутаціи, администрація по городамъ и селамъ на будущее время должны оставаться на старой ногѣ; слѣд., мѣста оберъ-амтовъ и гражданскихъ губернаторовъ остаются; сохраненіе чиновъ въ ихъ неприкосновенности заключаетъ въ себѣ также сохраненіе аббатствъ, аббаты которыхъ состоятъ членами названныхъ чиновъ; аббатства должны быть замѣщаемы аббатами, сообразно съ Joyeuse Entrée и конституціями. 4) Относительно предметовъ, противныхъ Joyeuse Entrée, будетъ установлено соглашеніе съ чинами, согласно желанію послѣднихъ[1]).

Такая прокламація была объявлена какъ разъ въ тотъ день, когда императоръ отправилъ Мюрре кабинетъ-письмо, въ которомъ волонтерамъ запрещалось показываться въ формѣ и стоять на часахъ, а сопротивлявшихся приказывалось немедленно обезоруживать, форму снимать и отсылать домой въ рубашкѣ.—Въ донесеніи въ Вѣну Мюрре все сводилъ къ недоразумѣнію и заявлялъ, что никогда еще не было лучшаго порядка и бо́льшей безопасности, какъ со времени происшествій 20-го сент. Императоръ въ своемъ отвѣтѣ (29-го сент.) остался недоволенъ прокламаціей Мюрре, потребовалъ детальнаго донесенія, особенно сколько убитыхъ и раненыхъ солдатъ. По полученіи точныхъ свѣдѣній, показавшихъ, что мятежники были усмирены безъ пролитія крови, императоръ 8-го окт. поручилъ Кауницу сообщить Мюрре объ отставкѣ отъ должности генералъ-губернатора[2]).

А въ Нидерландахъ шло ликованіе по поводу Мюрреевской прокламаціи, подавались благодарственные адресы на высочайшее имя[3]).

На мѣсто Мюрре былъ назначенъ Траутманнсдорфъ, а командованіе войсками было поручено генералу д'Альтону[4]). Въ инструкціи, данной Траутманнсдорфу, императоръ (8-го окт. 1787 г.) писалъ: „Настоящее время требуетъ, чтобы вы какъ можно скорѣе отправились въ Нидерланды. Въ государственной канцеляріи вы узнаете, что безпорядки считаютъ конченными. Но Мюрре окончилъ ихъ путемъ почти такихъ же ошибокъ, какъ Бельджойозо и И. К. В.—онъ вызвалъ возстаніе, позволилъ произвесть нападеніе на войско, не потребовавъ удовлетворенія, уступилъ во всѣхъ пунктахъ и сообщилъ штатамъ отъ моего имени прокламацію, которая совершенно противорѣчила даннымъ ему мною приказаніемъ, почему я вижу себя вынужденнымъ, въ виду слабости этого неспособнаго человѣка, передать его мѣсто генералъ-лейтенанту д'Альтону. Это—человѣкъ съ достаточной

[1]) Theiner. 85—86. Wolf, P. Ph. III. 571—572. Wendrinsky. 278—279. [2]) Wendrinsky. 279. [3]) Theiner. 86—88. [4]) Wendrinsky. 279.

твердостью, большимъ умомъ и совершенно подходящій для этого мѣста. Что касается до наставленій вамъ, то сущность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы вы тотчасъ по прибытіи въ Нидерланды заявили, что не желаете ничего слышать о происшедшемъ и имѣете приказъ не входить ни въ какого рода переговоры съ чинами относительно этой прискорбной исторіи; что суды должны остаться на старой ногѣ, также большіе совѣты и муниципальные суды, все остальное должно быть приведено въ положеніе до апрѣля. Это—единственный способъ подавить всѣ интриги, которымъ иначе не предвидится и конца. Нужно имѣть терпѣніе ко многому прислушиваться, бесѣдовать съ различными лицами, но нужно быть твердымъ и не давать ни издѣваться надъ собой, ни запугивать себя. Хорошо будетъ данныя приказанія поддерживать достаточной силой; не прежде уступать, пока не будутъ употреблены всѣ средства и не допускать дурачить себя ни угрозами, ни обѣщаніями. Скомпрометированныхъ чиновниковъ нужно постепенно удалять.... Самое худое настроеніе поддерживаетъ брабантскій совѣтъ. Канцлеръ Крумпипенъ, если будетъ говорить какъ честный человѣкъ, больше всѣхъ въ состояніи указать самыхъ упорныхъ подданныхъ[1]).

Этого же 8-го окт. чины Брабанта, подъ воздѣйствіемъ духовенства, подали императору обширное представленіе, въ которомъ, опираясь на обѣщанія, данныя отъ высочайшаго имени въ вышеупомянутой прокламаціи Мюрре отъ 21-го сент., ходатайствовали о сохраненіи неприкосновеннымъ Joyeuse Entrée какъ въ духовной, такъ и въ гражданской сферахъ, о возстановленіе закрутыхъ монастырей, о возвращеніи секуляризованныхъ монастырскихъ имѣній, о возстановленіи духовныхъ братствъ, лёвенскаго университета и епископскихъ семинарій и, наконецъ, о возвращеніи епископамъ ихъ юрисдикціи, особенно по брачнымъ вопросамъ[2]). Еще рѣшительнѣе высказывались объ этомъ же чины Намюра[3]), Турнэ[4]) и Фландріи[5]) въ своихъ представленіяхъ императору отъ 15-го, 16-го и 19-го окт. того же года.

Пока чины безпокоили императора такими представленіями тайные подстрекатели ихъ, заклятые враги императора, особенно іезуиты энергично вели пропаганду ненависти къ нему, собирая горючій матеріалъ, издавая и распространяя противъ него безчисленное множество пасквилей и стараясь этимъ путемъ и посредствомъ исповѣдаленъ взволновать народъ, вызвавъ въ немъ опасенія за цѣлость католической вѣры, въ виду намѣренія императора ввести какую-то новую[6]).

Іосифъ II уже считалъ нидерландскіе безпорядки близкими къ такому же смѣшному концу, каково было ихъ начало[7]). Екатерина II на этотъ разъ оказалась проницательнѣе, обнаруживъ нѣкоторое

---

[1]) Fragmens pour servir à l' histoire des événemens aux Pays-Bas p. l. comte Trautmannsdorf. Anal. 1792. (Gross-Hoffinger. 248—249). [2]) Wolf, P. Ph. III, 573—583. [3]) Recueil. X, 189—199 и 201—234. (Theiner. 92). [4]) Recueil. X, 293—302. Voeu. 140—146 (Ibidem. 92). [5]) Recueil X, 234—241. Voeu. 146—150. Journal historique de Liège du 15 Novembre 1787. 448—455 (Ibidem. 92).

[6]) Wolf, P. Ph. III, 583—588. [7]) Письмо его къ Екатеринѣ II отъ 13 окт. 1787 г. (Arneth. 302—303).

предчувствіе. „Голландскіе патріоты,—писала она Іосифу 30 окт. 1787 г.,—расчитывали на помощь и данныя слова, предоставленные же самимъ себѣ они покорились, но не знаю, почему я не могу убѣдить себя въ томъ, что ихъ дѣла совсѣмъ приведены въ порядокъ“ [1]).

17 окт. Мюрре снова потребовалъ отъ всѣхъ епископовъ, чтобы они прислали воспитанниковъ своихъ семинарій въ Лёвенъ къ 1 ноября. При этомъ онъ завѣрялъ ихъ, что ни въ дисциплину, ни въ преподаваніе генеральной семинаріи не прокрадется ничего, сколько нибудь вреднаго чистотѣ вѣры. Въ видѣ самого вѣрнаго ручательства этого, императоръ позволялъ назначить ректоровъ ихъ семинарій помощниками ректора въ генеральную семинарію. Епископамъ предоставлялось предложить нѣсколько способныхъ лицъ для выбора въ ректора генеральной семинаріи[2]).

Но епископы, не довѣряя обѣщаніямъ, торжественно протестовали предъ императоромъ противъ открытія генеральной семинаріи и ходатайствовали о продолженіи существованія своихъ епархіальныхъ. Кардиналъ Франкенбергъ 18 окт. подалъ императору по этому поводу новое представленіе[3]). Подобныя представленія были сдѣланы Мюрре епископами Антверпена, Гента, Брюгге и Намюра[4]). Чины Брабанта въ генеральномъ собраніи 22 окт. поддержали желаніе епископовъ, причемъ защищали свой клиръ отъ обвиненій въ нравственной распущенности, служившихъ однимъ изъ мотивовъ къ учрежденію генеральной семинаріи[5]). Такое же представленіе въ пользу епископскихъ семинарій и лёвенскаго университета было сдѣлано императору 5 ноября чинами Мехельна[6]). Настоятели различныхъ монашескихъ орденовъ бельгійскихъ провинцій обращались также съ представленіями къ чинамъ Брабанта, доказывая невозможность для нихъ снова послать въ Лёвенъ своихъ воспитанниковъ, новиціевъ и учениковъ и прося донести объ этомъ Е. В.[7]). 5-го же ноября 1787 г. старые члены лёвенскаго университета подали свое обстоятельное мнѣніе въ защиту епископскихъ семинарій. Еще 20 сент. того же года Мюрре потребовалъ отъ этихъ профессоровъ указать недостатки генеральной семинаріи и вмѣстѣ средства къ устраненію ихъ при новомъ открытіи этого учрежденія. Но они предпочли подать свое мнѣніе непосредственно чинамъ провинціи, съ просьбой немедленно переслать его императору[8]).

25 окт. прибылъ въ Нидерланды гр. Траутманнсдорфъ. Съ самыхъ первыхъ дней своей службы на новомъ мѣстѣ онъ замѣтилъ, что вопросъ о генеральной семинаріи служилъ главнымъ камнемъ

[1]) Arneth. 305. [2]) Recueil. IX, 144. Voeu. 150. Journal hist. de Liège du 15 Nov. 1787, 456. (Theiner. 93).

[3]) Recueil. X, 248. Voeu. 152. Journal.... 463. (Theiner. 93—95). [4]) Recueil. IX, 146 X, 250—257. Voeu. 155—164. Journal.... du Nov. 15. (466) et 1 Dec. (535—540) (Theiner. 95). [5]) Recueil. X, 242—247. Voeu. 166—173 (Theiner. 95—96). [6]) Recueil. X, 347—356. Voeu. 173—178 (Ibidem. 96). [7]) Recueil. XI, 106—121. Voeu. 177—183 (Ibidem. 96). [8]) Recueil. X, 276 287. Voeu. 187—201 (Theiner. 96—105).

преткновенія и что прежде, чѣмъ приступать къ дѣлу умиротворенія страны, нужно рѣшить его. Уже 3 ноября онъ отправилъ на имя членовъ стараго лёвенскаго богословскаго факультета депешу, въ которой сообщалъ имъ, что прямая воля Е. В., чтобы объявленныя уже лекціи не начинались, а продолжали ихъ снова тѣ профессора, которые занимали должность 1 апр. Только на каноническое право былъ назначенъ Гёссенсъ, потому что Ле-Плата не было. Впрочемъ, жалованье имъ продолжалось до постановленія объ этомъ правительства.— Что касается генеральной семинаріи, то неизмѣнная воля Е. В., чтобы она была открыта какъ можно скорѣе, на основаніи и положеніяхъ депеши отъ 17 окт. Всѣ, кто откажется продолжать въ ней образованіе, не будутъ допущены ни до какого посвященія. А если епископы еще осмѣлятся продолжать въ своихъ семинаріяхъ обученіе, или давать высшее посвященіе воспитанникамъ, не окончившимъ курса въ генеральной семинаріи, то они—епископы будутъ, по прежнимъ положеніямъ, привлекаемы за это къ отвѣтственности. Всѣ распоряженія, вредящія авторитету или дѣятельности этого новаго учрежденія, отмѣняются.—Эта депеша того же числа была сообщена Траутманнсдорфомъ всѣмъ епископамъ, чтобы они сообразовали съ нею свое будущее поведеніе относительно генеральной семинаріи и обученія[1]).

Но чины Брабанта отъ имени всей націи категорически потребовали отъ министра, чтобы

1) онъ немедленно отложилъ всѣ свои распоряженія въ пользу генеральной семинаріи до того времени, пока они не подадутъ своихъ представленій и императору и не получатъ отъ него рѣшенія.

2) Также всѣ распоряженія относительно богословскаго преподаванія должны быть отложены до того времени, пока законное и сообразное съ конституціей слѣдствіе не рѣшитъ, дѣйствительно-ли въ старый университетъ вкрались злоупотребленія, заслуживающія устраненія.

3) Такъ какъ, далѣе, блескъ и процвѣтаніе этого университета покоются на привиллегіи назначенія на профессорскія мѣста, то пусть его превосходительство отмѣнитъ и всѣ распоряженія, идущія въ разрѣзъ съ этой привиллегіей, а если не имѣетъ на это права, пусть ходатайствуетъ предъ императоромъ объ отмѣнѣ ихъ[2]).

Въ отвѣтъ на это Траутманнсдорфъ 12 ноября завѣрилъ чиновъ Брабанта, что немедленно представитъ ихъ прошеніе на высочайшее усмотрѣніе и рѣшеніе, а до того времени пріостановитъ всѣ уже изданныя распоряженія относительно генеральной семинаріи и лёвенскаго богословскаго факультета. Это рѣшеніе онъ сообщилъ и епископамъ. Это нѣсколько успокоило взволнованные умы, но не надолго[3]).—По собственнымъ словамъ Траутманнсдорфа, клиръ былъ безконечно благодаренъ ему за это и обнаруживалъ необычайную услуж-

[1]) Recueil. IX, 273—275. Voeu. 183—186 (Theiner. 106—108).
[2]) Recueil. X, 290. Voeu. 205 (Theiner. 108—109). [3]) Recueil. X, 292. Voeu. 207. Journal hist. de Liège du 1 Decembre 1787, 546 sq. (Theiner. 109).

ливость во всѣхъ другихъ вопросахъ. Субсидіи, отъ которыхъ чины раньше отказывались, теперь были единогласно вотированы и преимущественно по чувству благодарности за присылку министра, столь пріятнаго для чиновъ и націи[1]).—Новый министръ вообще думалъ успокоить страну мягкими мѣрами. Его колеблющаяся, уступающая политика шла въ разрѣзъ съ волей императора. Генералъ д' Альтонъ держался совсѣмъ другихъ взглядовъ и поэтому между нимъ и Траутманнсдорфомъ не могло быть солидарности въ дѣйствіяхъ, необходимой для ихъ успѣшности. И каждый изъ нихъ обвинялъ другого въ печальной катастрофѣ[2]).

Примѣръ чиновъ Брабанта вызвалъ подражаніе: съ разныхъ сторонъ поднялись голоса въ защиту правъ церкви и ея духовныхъ учебныхъ заведеній. Таковы очень рѣзкія представленія на имя императора отъ 5 и 8 дек. духовенства и магистрата западной Фландріи, во главѣ съ пріобрѣвшимъ впослѣдствіи извѣстность ванъ деръ Мершемъ, и чиновъ графства Геннегау[3]). Въ Лёвенѣ случались публичныя драки[4]).

27 дек. 1787 г. Траутманнсдорфъ передалъ чинамъ всѣхъ провинцій приказаніе императора, чтобы съ 15 будущаго января была вновь открыта генеральная семинарія и именно такимъ образомъ, какъ предписано депешей отъ 3 ноября богословскому факультету и епископамъ[5]). Окружнымъ посланіемъ отъ того же числа всѣмъ епископамъ было предложено — къ 15 января выслать воспитанниковъ въ Лёвенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископы должны предложить ему нѣсколько подходящихъ лицъ на мѣсто директора этого новаго учрежденія и немедленно выслать субдиректоровъ, избраніе которыхъ императоръ предоставлялъ имъ, въ видѣ особой милости. Такъ какъ противъ плана вѣнской генеральной семинаріи раздавалось много криковъ, то Е. В. благоугодно ввести вмѣсто него планъ генеральной семинаріи въ Павіи, составленный по плану св. Карла Борромео. Этотъ планъ разсылался епископамъ затѣмъ, чтобы они выслали свои замѣчанія на него. Епископы должны объ этомъ распоряженіи довести до свѣдѣнія настоятелей орденовъ своихъ епархій и потребовать, чтобы и они немедленно выслали въ Лёвенъ своихъ воспитанниковъ[6]).—Эти распоряженія были сообщены и членамъ богословскаго факультета; открытіе лекцій, о которомъ уже было объявлено, было запрещено[7]).

На другой же день по полученіи указа Траутманнсдорфа Франкенбергъ отправился въ Брюссель для бесѣды съ министромъ. Но всѣ старанія кардинала оказались тщетными. Не ограничиваясь устнымъ доказательствомъ неизбѣжной необходимости какъ можно быстрѣе

[1]) Trautmannsdorf. Fragmens. 12. (Gross-Hoffinger, 259). [2]) Gross-Hoffinger. 258—265. [3]) Recueil. XII, 11—39, 54—131 (Theiner. 109—111). [4]) Wolf, P. Ph. III, 589. [5]) Recueil. XI, 38. Voeu. 215. (Theiner.. 112—113).
[6]) Recueil. XI, 39. Voeu. 216 (Theiner. 113). [7]) Recueil. X, 40. Voeu. 218 (Theiner. 114).

привести въ исполненіе рѣшеніе императора относительно новаго открытія генеральной семинаріи, Траутманнсдорфъ въ тотъ же день потребовалъ отъ кардинала того же письменно, причемъ приказывалъ ему увѣщевать своихъ суффрагановъ, епископовъ Бельгіи, дѣлать тоже самое и при этомъ особенно самому служить имъ хорошимъ примѣромъ, тѣмъ болѣе, что онъ прямо обѣщалъ это императору въ бытность свою въ Вѣнѣ[1]).

Въ отвѣтныхъ письмахъ своихъ министру отъ 29 дек. 1787 г.[2]) и 1 янв. 1788 г.[3]) Франкенбергъ не говорилъ ничего новаго: распространялся о своей вѣрноподданнической преданности и оправдывалъ въ то же время свое поведеніе требованіями долга, совѣсти, вредомъ отъ генеральной семинаріи и т. п. Въ такомъ же родѣ были отвѣты министру и со стороны остальныхъ епископовъ, какъ напр., антверпенскаго отъ 4 янв. 1788 г.[4]). Кардиналъ счелъ нужнымъ даже представить мнѣніе по этому поводу митрополичьяго капитула, поданное ему 4 янв. того же года[5]). Новаго здѣсь ничего нѣтъ,—это повтореніе поданной еще 22 іюня 1787 г. записки, на которую дѣлается ссылка, и представленія совѣта Фландріи отъ 17 ноября 1786 г. Въ этомъ же духѣ были мнѣнія и другихъ соборныхъ капитуловъ, напр., антверпенскаго, поданное мѣстному епископу 5 янв. 1788 г.[6]). Пустили въ ходъ представленія воспитанниковъ епископскихъ семинарій, слезно умолявшихъ епископовъ избавить ихъ отъ необходимости снова вступать въ генеральную семинарію. 8 янв. 1788 г. подали кардиналу представленіе противъ генеральной семинаріи воспитанники лёвенскаго университета[7]).

Наступилъ, наконецъ, срокъ открытія генеральной семинаріи—15 янв. 1788 г. Назначенные учителя уже вступили въ свои должности, но не явилось ни одного ученика. Совѣтъ Брабанта закрылъ мехельнскую епископскую семинарію и приказалъ бывшимъ въ ней ученикамъ немедленно и подъ опасеніемъ наказанія за ослушаніе отправиться въ лёвенскую генеральную семинарію. Но молодежь, настроенная фанатическимъ духовенствомъ, отказалась подчиниться этому распоряженію; фанатизмъ ея былъ воспламененъ до такой степени, что она заявляла, что гораздо скорѣе умретъ отъ руки палача, чѣмъ станетъ слушать опасное еретичество назначенныхъ правительствомъ учителей[8]).

Въ университетѣ также произошли безпорядки. Университетъ, чтобы быть независимымъ, заявилъ претензію на права брабантскаго чина. 18 янв. 1788 г. онъ подалъ представленіе объ этомъ, но полномочный министръ вернулъ его нераспечатаннымъ. Университетъ попытался вторично заявить свои претензіи. Траутманнсдорфъ объявилъ

---

[1]) Voeu. 222 (Theiner. 114—115). [2]) Recueil. XI, 45. Voeu. 225 (Theiner. 115—117). [3]) Recueil. XI. 47. Voeu. 228 (Ibidem. 117). [4]) Recueil. XI, 49. Voeu. 230 (Ibidem. 117—118). [5]) Recueil. XI, 52—60. Voeu. 233—343 (Ibidem. 119—123).

[6]) Recueil. XI, 61—76. Voeu. 243—262. Journal hist. de Liège du 15 Mars 1788, 435—438 (Ibidem. 123—124).

[7]) Recueil. XI, 77. Voeu. 262—265 (Ibidem. 125—127).

[8]) Wolf, P. Ph. III, 598—599.

ему 19 янв., чтобы онъ отказался отъ своей претензіи и не подавалъ болѣе по этому вопросу никакихъ представленій[1]). Собравшіеся факультеты отвѣтили, что совѣсть обязываетъ ихъ не подчиняться этому приказу, такъ какъ они убѣждены, что университетъ—брабантскій земскій чинъ, а присяга обязываетъ ихъ охранять права и привиллегіи его отъ всѣхъ нарушеній. На этотъ отвѣтъ министръ депешей отъ 21 янв. запретилъ университету продолжать называться земскимъ чиномъ, подъ угрозой наказанія за ослушаніе[2]). Эта депеша, по прямому приказу министра должна была быть занесена въ протоколъ университетскихъ засѣданій. Факультеты совѣщались объ этомъ 22 и 25 янв. и упорствовали въ своемъ непослушаніи. Траутманнсдорфъ считалъ необходимымъ серьезно сломить упорство безпокойной партіи. Поэтому онъ послалъ въ Лёвенъ императорскаго комиссара съ полномочіемъ—созвать университетъ и заставить его занести въ протоколъ упомянутое заявленіе министра чрезъ судебнаго чиновника. Когда комиссаръ удалился, сбоку занесенной депеши было приписано, что она зарегистрована только по рѣшительному приказу правительства и совершенно безъ согласія университета. Чтобы доказать университету документальными данными, какъ безосновательны его претензіи на привиллегіи брабантскаго земскаго чина, по распоряженію правительства, было напечатано „Собраніе мемуаровъ“, представленныхъ штатгальтерству университетомъ въ 1749, 1754 и 1784 г.г. Въ одномъ изъ нихъ (1758 г.) университетъ доказывалъ, противъ Брабантскаго Совѣта, что онъ-университетъ—не брабантскій, а особый чинъ, независимый отъ Брабантскаго Совѣта и отъ всякой другой судебной инстанціи, управляется, по собственнымъ законамъ и конституціямъ, единственно только государемъ. Какъ отъ послѣдняго зависитъ его учрежденіе, такъ отъ него же зависитъ и перемѣщеніе его и т. д. Представленія 1749 и 1784 г.г. доказывали, что университетъ уже тогда признавалъ недостаточность епископскихъ семинарій и пользу генеральной семинаріи. Въ 1784 г. университетъ просилъ императора учредить генеральную семинарію какъ для чернаго клира, такъ и для бѣлаго. Въ этой просьбѣ онъ указывалъ пользу и важность этого учрежденія и думалъ, что оно—необходимо, по скольку желательно, съ одной стороны, предотвратить совершенный упадокъ высшей школы, а съ другой—доставить бельгійской церкви лучшее духовенство.

Появленіе этого сборника было для университета неожиданнымъ ударомъ. Противорѣчіе его съ самимъ собою было очевидно для всякаго и хотя члены его, доказывавшіе въ 1749 г. правительству, что университетъ—не брабантскій земскій чинъ, были не тѣ же, что въ 1788 г. доказывали противное, однако это былъ одинъ университетъ, противорѣчившій самому себѣ по одному и тому же вопросу. Объявить эти мемуары подложными не было возможности, потому что ори-

[1]) Nouvelles ecclésiastiques pour l'année 1788 du 25 Juin. 191 (Wolf, P. Ph. III, 599). [2]) Ibidem. 191 (Ibidem. III, 599—600).

гиналъ ихъ хранился въ брюссельскомъ архивѣ. Но какъ бы то ни было, нужно было какъ нибудь оправдаться предъ публикой въ противорѣчіи. Съ этой цѣлью 18 февр. состоялось университетское собраніе, на которомъ было рѣшено напечатать объявленіе, что университетъ предоставляетъ себѣ своевременно дать нужныя объясненія объ участіи, которое онъ принималъ въ составленіи названныхъ мемуаровъ, но и теперь не можетъ умолчать о томъ, что прибавленныя къ третьему мемуару замѣчанія и разъясненія о дурномъ устройствѣ епископскихъ семинарій не могутъ быть приписаны университету, такъ какъ авторъ этого мемуара передалъ его правительству отъ имени университета, не представивши его предварительно послѣднему на одобреніе.

Министръ, узнавъ о постановленіи университетскаго собранія, въ тотъ же еще вечеръ приказалъ ректору Клаверсу не печатать постановленнаго объявленія. Но ректоръ не послушался. На слѣдующее утро весь Лёвенъ могъ читать печатное объявленіе. Траутманнсдорфъ лишилъ ректора мѣста. Эта отставка вызвала въ университетѣ волненіе. Вновь избраннаго ректора Лемпёля не хотѣли признавать, а онъ, опираясь на правительство, поступилъ съ нарушителями мира по университетскимъ законамъ; чтобы избавиться отъ ареста, профессора бѣжали въ Люттихъ[1]). Чины приняли сторону бунтовщиковъ и подавали за нихъ императору различныя ходатайства. Но Іосифъ II не обратилъ на послѣднія вниманія, а депешей (отъ 17 іюля) перенесъ часть университета въ Брюссель, оставивъ въ Лёвенѣ одинъ богословскій факультетъ съ генеральной семинаріей[2]).

Но возвратимся къ генеральной семинаріи.

Чрезъ день послѣ ея открытія, Траутманнсдорфъ въ депешѣ отъ 17 янв. отъ имени императора обвинялъ кардинала Франкенберга въ неповиновеніи и сопротивленіи высочайшимъ приказамъ. Кардиналъ 18 янв. обратился прямо къ императору съ оправданіемъ въ этомъ упрекѣ[3]). Но правительство на этомъ не остановилось. Декретомъ отъ 21 января оно запретило кардиналу обученіе богословію въ его архіепископской семинаріи, подъ угрозой штрафа въ 1000 талеровъ, и профессорамъ чтеніе публичныхъ или частныхъ лекцій по этой наукѣ, подъ угрозой штрафа въ 50 талеровъ. Кардиналъ на слѣдующій же день подалъ правительству протестъ противъ этого декрета и вмѣстѣ требовалъ изложенія вызвавшихъ его основаній. Правительство отвѣчало молчаніемъ, но кардиналъ 23 янв. подалъ новый протестъ противъ этого незаконнаго поведенія и, кромѣ прежняго, требовалъ, чтобы ему были представлены на разсмотрѣніе акты веденнаго противъ него процесса, чтобы ему быть въ состоя-

[1]) Nouvelles ecclés. pour l' année 1788 du 3 Decembre. 193 sq. Wienerkirchenzeitung. Jahrg. 1789. 192 sq. (Wolf, P. Ph. III, 603). [2]) Wolf, P. Ph. III, 599—604. Замѣчательно, что Тейнеръ, такъ скрупулезно изслѣдующій борьбу духовенства и чиновъ нидерландскихъ противъ генеральной семинаріи, совсѣмъ не касается этой университетской исторіи. Прим. автора.

[3]) Recueil. XI, 84 (Theiner. 127—128).

ніи защищаться, подобно всякому другому гражданину. Далѣе, онъ объявлялъ упомянутый декретъ незаконнымъ, какъ вынужденный лишь хитростью и обманомъ, и неисполнимымъ, пока его не лишатъ его сана, что̀, конечно, невозможно, поэтому ни самъ онъ не можетъ подчиниться этому декрету, ни допустить до этого другихъ и объявляетъ предъ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ, что этотъ незаконный декретъ послужитъ началомъ и источникомъ тяжелыхъ послѣдствій, за которыя онъ не можетъ отвѣчать. Правительство не отвѣчало, но кардиналъ на слѣдующій день еще разъ повторилъ свой протестъ[1]). Съ разныхъ сторонъ, какъ, напр., отъ всѣхъ богослововъ-воспитанниковъ своей епархіи [1 февр. 1788 г.][2]), кардиналъ Франкенбергъ получалъ выраженія благодарности.

Первымъ, исполнившимъ требованіе правительства, былъ гентскій епископъ. Указомъ отъ 14 янв. онъ приказалъ воспитанникамъ своей семинаріи оставить ее и отправиться, согласно распоряженія императора, въ Лёвенъ. Но воспитанники 17 янв. обратились прямо къ чинамъ Фландріи, прося ихъ побудить епископа взять назадъ свой указъ[3]). 22 янв. епископъ взялъ его назадъ и выразилъ сожалѣніе, что далъ поводъ къ неблагопріятнымъ толкованіямъ.

29 янв. чины Фландріи возобновили свое представленіе императору не только противъ изданнаго Траутманнсдорфомъ распоряженія, но и противъ всякой мысли о возстановленіи генеральной семинаріи. Они прямо дали ему понять, что насильственное приведеніе въ исполненіе этого распоряженія легко можетъ положить конецъ его власти въ Нидерландахъ, такъ какъ оно представляетъ собою явное нарушеніе столь часто дававшихся имъ обѣщаній[4]). Объ этомъ же заявляли императору (19 февр.) по тому же поводу члены совѣта Фландріи[5]). Къ чинамъ примкнулъ и клиръ Брюгге[6]).

Но всѣ эти представленія не произвели желаннаго вліянія на императора. 5 февр. 1788 г. И. К. В., штатгальтеры Бельгіи, издали приказъ чинамъ Фландріи, въ которомъ епископамъ снова внушалось безъ дальнѣйшаго сопротивленія исполнить высочайшую волю касательно генеральной семинаріи и какъ имъ, такъ и чинамъ провинцій даже запрещалось подавать впредь представленія противъ этого учрежденія, какъ это дѣлалось раньше. Такъ какъ постоянно дѣлались ссылки на Тридентскій соборъ, то здѣсь проводилась мысль, что, хотя этотъ соборъ и принятъ въ Бельгіи, однако постановленія его не могутъ имѣть другой силы, какъ всякій другой полицейскій и дисциплинарный законъ и не имѣютъ ничего общаго съ конституціей и основными законами Нидерландовъ. Этотъ соборъ тѣмъ менѣе можетъ служить препятствіемъ къ учрежденію генеральной семинаріи, что послѣдняя, какъ таковая, ни въ чемъ не затрогиваетъ существенныхъ правъ епископовъ и

[1]) Recueil. XI, 84—90 (Theiner. 128—129). [2]) Recueil. XI, 99 (Ibidem. 129).
[3]) Recueil. XI, 82. Voeu 269 (Theiner. 129). [4]) Recueil. XII, 174 (Ibidem. 129—130). [5]) Recueil XII, 185 (Ibidem. 130—131). [6]) Recueil. XII, 188—190. Voeu. 283—286 (Theiner. 131—133).

общепризнано, что во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ государь— высшій руководитель общественнаго образованія. Вслѣдствіе сего государю принадлежитъ право требовать, чтобы тѣ изъ его подданныхъ, которые желаютъ посвятить себя священству, проходили въ университетѣ правильный богословскій курсъ[1]).

Епископы уступили требованію правительства: въ первыхъ числахъ февраля послали своихъ семинаристовъ въ Лёвенъ, опираясь на послѣднія обѣщанія, что они будутъ имѣть преимущественный надзоръ за этимъ заведеніемъ и что въ немъ не будетъ преподаваться опаснаго для церкви ученія[2]). Но указъ 5 февр. подлилъ только масла въ огонь, вызвавъ протестъ въ разныхъ концахъ страны. Такъ, очень рѣзкому разбору подвергъ его магистратъ Брюгге 16 февр. въ письмѣ къ чинамъ Фландріи[3]), въ заключеніе котораго приглашалъ всѣхъ чиновъ страны всѣми силами бороться съ принципами этого императорскаго указа и продолжать подавать представленія противъ генеральной семинаріи и закрытія епископскихъ. Чины и клиръ Фландріи послѣдовали этому воззванію, опубликовавъ новое представленіе какъ противъ упомянутаго указа, такъ и противъ генеральной семинаріи. Ихъ примѣру послѣдовали клиръ и чины всѣхъ провинцій Бельгіи[4]).

Ученіе во вновь открытой семинаріи продолжалось однако недолго: въ концѣ марта она снова стояла пустой. Воспитанники сначала удалились въ родные дома, а потомъ въ епархіальныя семинаріи[5]). Въ семинаріи осталось всего двое, по Тейнеру, самыхъ невѣжественныхъ и не пользовавшихся репутаціей доброй нравственности. Ихъ удержали деньгами и большими обѣщаніями быстраго и блестящаго повышенія. Къ нимъ взяли двоихъ юношей изъ нѣмецкихъ провинцій, кончившихъ только риторику и съ трудомъ понимавшихъ латынь. Имъ дали свободный столъ и хорошія карманныя деньги. Съ этими 4 воспитанниками были открыты лекціи и при этомъ случаѣ была выпущена хвастливая программа о преуспѣяніи и цвѣтущемъ состояніи заведенія[6]). Правительство поддерживало этотъ обманъ: разсуждало, издавало распоряженія и дѣлало видъ, какъ будто въ генеральной семинаріи все идетъ хорошо[7]).

Такъ какъ кардиналъ доселѣ отказывался предложить подходящихъ лицъ на мѣсто ректора, то И. К. В., возвратившіеся между тѣмъ изъ Вѣны[8]), назначили ректоромъ Гука, каноника и начальника ипернской семинаріи, который долженъ былъ взять на себя вмѣстѣ съ тѣмъ и руководство богословскимъ факультетомъ. 5 апр. правительство сообщило объ этомъ избраніи кардиналу и остальнымъ епископамъ и вмѣстѣ предлагало прислать одно почтенное духовное ли-

[1]) Recueil. XIII, 274. Voeu 276 (Theiner. 133—134). [2]) (Theiner. 134—135). [3]) Voeu. 277—283 (Theiner 135—136).

[4]) Voeu. 284—295 (Ibidem. 136—137). [5]) Theiner. 137. [6]) Recueil. XIII, 119. (Theiner. 138). [7]) Theiner. 138. [8]) Еще 17 дек. 1787 г. Іосифъ находилъ, что дѣла въ Нидерландахъ начинаютъ, наконецъ, устраиваться и потому И. В. могутъ послѣ свадьбы вернуться. (Письмо къ Леопольду. Arneth. II, 150).

цо для наблюденія за воспитанниками при выборѣ вице-ректора[1]). Новый ректоръ письмомъ отъ 13 апр. доложилъ кардиналу о своемъ избраніи, причемъ просилъ его поддержки на этой трудной должности мудрыми совѣтами и обѣщалъ во всемъ поступать согласно съ его желаніями[2]). На это письмо Франкенбергъ рѣзко и кратко отвѣтилъ, что, какъ не разъ уже заявлялъ онъ г-ну министру устно и письменно, долгъ его сана, существеннѣйшія права епископовъ и его каѳедры вмѣстѣ со святостью присяги не позволяютъ ему ни прямо, ни косвенно содѣйствовать учрежденію генеральной семинаріи на счетъ епископскихъ[3]). О своемъ назначеніи Гукъ сообщилъ и нѣкоторымъ епископамъ. Ипернскій епископъ не удостоилъ его отвѣта, а написалъ своему капитулу: чего бы ни стоило, онъ не пошлетъ болѣе своихъ семинаристовъ въ Левенъ[4]). Императорскій указъ отъ 5 апрѣля вызвалъ снова массу протестовъ противъ генеральной семинаріи со стороны епископовъ, чиновъ провинцій, городскихъ магистратовъ, даже судебныхъ палатъ, гражданъ массами и воспитанниковъ епархіальныхъ семинарій[5]).

Императорскимъ указомъ отъ 3 мая, изданнымъ брюссельскимъ правительствомъ, кардиналу и прочимъ епископамъ Бельгіи было поручено представить списки всѣхъ ихъ семинаристовъ, съ точнымъ обозначеніемъ имени, прозванія, мѣста происхожденія, возраста, года ихъ богословскаго курса и получили они, или нѣтъ посвященіе[6]). Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ близкому новому открытію генеральной семинаріи. Филіальная семинарія въ Люксембургѣ еще посѣщалась. Но, по Тейнеру, воспитанниковъ завлекали деньгами и обѣщаніями быстрыхъ повышеній и потомъ заставляли отъ имени товарищей при всякихъ публичныхъ актахъ всевозможно хвалить заведеніе и даже письменно выражать, что оно пользуется полнымъ сочувствіемъ воспитанниковъ. Иногда послѣдніе протестовали противъ такихъ панегириковъ, какъ, напр., 29 іюня они заявили чинамъ этой провинціи, что не принимали никакого участія въ распространяемой похвальной рѣчи объ этомъ заведеніи[7]). 15 іюля всѣ бельгійскіе семинаристы подали кардиналу и мѣстнымъ епископамъ представленіе съ просьбой употребить всѣ мѣры, чтобы избавить ихъ отъ необходимости снова когда нибудь вступить въ это заведеніе[8]).

Эта общая жалоба, за подписью всѣхъ воспитанниковъ всѣхъ бельгійскихъ семинарій, была разослана всѣмъ епископамъ[9]).

Чтобы положить конецъ этимъ безпорядкамъ, постояннымъ протестамъ отъ разныхъ чиновъ и епископовъ и даже воспитанниковъ семинарій, Іосифъ издалъ 17 іюля новый указъ на имя чиновъ Брабанта. Въ немъ онъ соглашался на нѣкоторыя измѣненія въ планѣ генераль-

[1]) Recueil. XIII, 283. Voeu. 295 (Theiner. 139). [2]) Recueil. XIII, 284. Voeu. 299 (Theiner. 139—140). [3]) Recueil. XIII, 286. Voeu. 301 (Ibidem. 140).
[4]) Journal hist. de Liège du 1 mai, 66 (Ibidem. 140). [5]) Theiner. 140—144.
[6]) Recueil. XIII, 286. Voeu 310 sqq. (Theiner. 144). [7]) Recueil. XIII, 287. Voeu 311 (Theiner. 144—145). [8]) Recueil. XII, 270—276. Voeu 316—323 (Theiner. 145—149).
[9]) Theiner. 149.

ной семинаріи, напр., богословскій курсъ съ 5 лѣтъ сокращалъ до 4, но все это лишь потомъ, когда будетъ рѣшенъ главный вопросъ, на которомъ все покоится, дѣйствительно-ли подозрительное и еретическое обученіе въ этомъ заведеніи... Время вывесть міръ изъ заблужденія и разрушить эту позорную монашескую интригу, въ которую завлекли невѣжественный народъ. Чтобы это сдѣлать чрезъ посредство самихъ епископовъ и смирить ихъ сопротивленіе, архіепископъ и остальные епископы страны, протестующіе противъ генеральной семинаріи, должны отправиться въ Лёвенъ, чтобы самимъ убѣдиться въ правильности преподаванія и тѣмъ успокоить свою совѣсть, а въ случаѣ открытія у учителей заблужденій, указать послѣднія. Императоръ твердо рѣшилъ положить конецъ крикамъ епископовъ и послѣ того, какъ будетъ испробовано вышеупомянутое средство, навсегда запретить имъ заявлять объ опасности для вѣры и на всякіе дальнѣйшіе протесты смотрѣть, какъ на величайшее оскорбленіе. Впрочемъ, Е. В. остается неизмѣннымъ въ своемъ рѣшеніи—не допускать нигдѣ богословскаго преподаванія, кромѣ генеральной семинаріи, и высшее посвященіе давать только окончившимъ въ ней свое образованіе[1]).

Кардиналъ Франкенбергъ далъ на этотъ указъ довольно рѣзкій отвѣтъ. Правильность преподаваемаго въ генеральной семинаріи ученія, по его словамъ, не единственный и не исключительный предметъ представленій епископовъ, да и указанный императоромъ путь не можетъ привести къ рѣшенію этого вопроса, не говоря уже о несообразности его съ достоинствомъ епископскаго сана. Рѣшеніе этого вопроса не можетъ зависѣть отъ нѣсколькихъ случайныхъ уроковъ, на которыхъ приложутъ все стараніе къ избѣжанію всего подозрительнаго, къ нему скорѣе можно притти на основаніи книгъ и авторовъ, по которымъ идетъ обученіе. Тогда останется только опредѣлить, кому произнесть объ этомъ рѣшительный приговоръ. Конечно, это—не дѣло свѣтской власти, такъ какъ обученіе вѣрѣ ей не подчинено, для этого необходимъ былъ бы помѣстный или національный соборъ бельгійской церкви или, въ послѣдней инстанціи, рѣшеніе св. престола, такъ какъ папа—центръ единства и высшій судья во всякомъ спорѣ по дѣламъ вѣры. Несомнѣнно, епископы съ удовольствіемъ воспользуются тѣмъ или другимъ изъ этихъ средствъ, чтобы выйти изъ затрудненія.—Главный пунктъ всѣхъ представленій епископовъ—не только чистота ученія, а и истина слѣдующихъ положеній, отъ признанія которыхъ все зависитъ: 1) Учрежденіе духовной школы, устройство ея и управленіе ею, по божественному праву подлежитъ духовной власти, а не свѣтской. 2) Еще менѣе можетъ свѣтская власть, въ интересахъ новаго заведенія, прекратить богословское преподаваніе въ епископскихъ семинаріяхъ, основанныхъ церковью и во всѣ времена ею управлявшихся. 3) Планъ генеральной семинаріи имѣетъ своей цѣлью разрушить всѣ права духовенства, такъ какъ

[1]) Recueil. XII, 328—358. Voeu. 336—338 (Theiner. 149—150).

всю обязанность епископовъ въ дѣлѣ обученія сводитъ къ чисто пассивному вліянію, а судьями ученія назначаетъ простыхъ, опредѣляемыхъ свѣтскимъ правительствомъ и подозрительныхъ надсмотрщиковъ. 4) Этотъ планъ нарушаетъ учрежденный въ церкви іерархическій порядокъ, такъ какъ уполномочиваетъ епископовъ наблюдать за обученіемъ въ мехельнской епархіи, гдѣ помѣщается генеральная семинарія, тогда какъ это право принадлежитъ только мѣстному епископу, потому что внѣ границъ своей епархіи епископъ не можетъ совершить никакого акта юрисдикціи, за исключеніемъ канонически созваннаго собора. А если оставить мехельнскому архіепископу его право, этимъ будетъ нарушена юрисдикція остальныхъ епископовъ, которые будутъ обязаны посылать своихъ питомцевъ за предѣлы своей епархіи въ Лёвенъ и будутъ не въ состояніи сами испытывать преподаваемое ученіе. 5) Наконецъ, епископы никакъ не могутъ содѣйствовать учрежденію этого заведенія, разрушающаго ихъ собственныя семинаріи и лишающаго ихъ самихъ самаго существеннаго и нераздѣльнаго съ ихъ саномъ права обучать богословскимъ наукамъ во всѣхъ предѣлахъ своихъ епархій. Что касается до него самого, то онъ, при всемъ желаніи быть во всемъ покорнымъ императору, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ на будущее время принять участія въ этомъ учрежденіи, такъ какъ этимъ совершилъ бы грѣхъ противъ Бога, церкви и своей каѳедры примаса[1]).

Однако ничто не могло заставить правительство отступить отъ своего рѣшенія. 1 августа императорскіе коммиссары, въ сопровожденіи значительнаго количества пѣшихъ и конныхъ солдатъ, даже съ пушками, отправились въ различныя епископскія семинаріи и отъ имени правительства принудили воспитанниковъ этихъ заведеній возвратиться въ лёвенскую генеральную семинарію.—Въ Мехельнѣ и Антверпенѣ не обошлось безъ кровопролитныхъ столкновеній. Семинаристы отказывались исполнить требованіе правительства. Граждане и народъ приняли ихъ сторону и, когда солдаты хотѣли силою войти въ семинарію и взять воспитанниковъ, каменнымъ дождемъ заставили солдатъ отступить. Въ толпу выстрѣлили, много было тяжело раненыхъ, даже убитыхъ. Въ Мехельнѣ дошло бы дѣло до кровавой бани, если бы во время не вмѣшался кардиналъ и не посовѣтовалъ воспитанникамъ на минуту оставить семинарію и удалиться въ частные дома. Штаффартъ, исполнитель приказа, едва не поплатился жизнью и принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ глубокой ночью. Еще болѣе крови было пролито въ Антверпенѣ. Епископъ чрезъ нотаріуса съ двоими свидѣтелями протестовалъ противъ насилія и изгнанія его семинаристовъ. Нотаріусъ съ свидѣтелями былъ отведенъ въ тюрьму. При этомъ случаѣ было посажено въ тюрьму нѣсколько сотъ гражданъ, но чрезъ нѣсколько дней они были выпущены изъ опасенія бо́льшихъ народныхъ волненій[2]).

[1]) Recueil. XII, 359—366. Voeu. 339—347. Journal hist. de Liège du 15 Nov. 1788, 463—468 (Theiner. 150—154).

[2]) Journal hist de Liège du 15 Août 1788, 625 (Theiner. 155—156).

Въ концѣ августа отъ имени всей націи былъ изданъ манифестъ, въ которомъ она протестовала противъ свободнаго, покровительствуемаго правительствомъ распространенія безбожныхъ сочиненій; противъ раскола и отторженія отъ папы, главы и центра вселенской церкви; противъ продолжающагося изгнанія нунція, противъ вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя и религіозныя дѣла; противъ всего, клонящагося къ позору религіи, противъ чтенія правительственныхъ распоряженій по церквамъ, противъ генеральной семинаріи и насилія, съ которымъ принуждаютъ юношество вступать въ нее, противъ закрытія епископскихъ семинарій, противъ депеши отъ 17 іюля, противъ закрытія лёвенскаго университета и сопровождавшихъ его насилій и преслѣдованій, противъ всѣхъ попытокъ реформировать его, противъ нормальныхъ школъ и противъ всего сдѣланнаго, дѣлаемаго и имѣющаго быть сдѣланнымъ во вредъ догматамъ, обычаямъ и правамъ святой католической римской церкви. Въ заключеніе манифестъ напомнилъ императору о данной имъ 17 іюля 1781 г. клятвѣ сохранять гражданскія и религіозныя вольности Бельгіи и обращался за посредничествомъ ко всѣмъ католическимъ и протестантскимъ державамъ, санкціонировавшимъ сохраненіе этихъ правъ ихъ въ союзѣ съ Австріей, по Баденскому и Утрехтскому договорамъ[1]).

Въ началѣ ноября снова понадобилось вмѣшательство военной силы. Немногіе воспитанники, остававшіеся въ семинаріи, большей частью иноземцы, также хотѣли обратиться въ бѣгство, но ихъ принудили остаться и приставили военный караулъ, чтобы лишить возможности бѣжать незамѣтно.

22 ноября 1788 г. воспитанники мехельнской семинаріи подали чинамъ Брабанта, предъ лицомъ всей націи, жалобу, въ которой завѣряли, что никогда снова не возвратятся въ генеральную семинарію, даже хотя бы имъ пришлось перенести еще столь тяжелыя преслѣдованія правительства[2]). Много воспитанниковъ оставили свои епископскія семинаріи и отправились для продолженія образованія въ Дуэ. Клиръ Камбре обезпечилъ ихъ существованіе своими пожертвованіями. Къ началу 1789 г. въ генеральной семинаріи было всего 11 человѣкъ. Для увеличенія ихъ числа были отправлены вербовщики въ люксембургскую и сосѣднія нѣмецкія провинціи завербовать въ генеральную семинарію всѣхъ юношей, обнаруживавшихъ хоть какую нибудь охоту къ духовному званію. Большими обѣщаніями и полнымъ обезпеченіемъ содержанія удалось собрать 40 юношей. Было рѣшено въ непродолжительномъ времени торжественно открыть заведеніе[3]).

24 февр. 1789 г. кардиналу отъ имени императора было доставлено брюссельскимъ правительствомъ 5 депешъ. Первая была адресована ему и приказывала немедленно 8 марта отправиться въ Левенъ и тамъ оставаться до того времени, пока онъ будетъ въ состояніи

[1]) Recueil. XIII, 224—231 (Theiner. 156—158). [2]) Recueil. XII, 266—269 (Theiner. 158—160). [3]) Theiner. 160—161.

или одобрить преподаваемое тамъ ученіе, или указать его неправильности. Въ случаѣ отказа исполнить это распоряженіе, всѣ его доходы немедленно будутъ отобраны и розданы нищимъ. Второй депешей давалось распоряженіе епископамъ Антверпена, Намюра, Брюгге, Иперна и Рурмонде—къ 15 марта прислать своихъ воспитанниковъ въ генеральную семинарію. Тотъ же приказъ былъ отданъ настоятелямъ различныхъ аббатствъ и монастырей всѣхъ Нидерландовъ, какъ и генералъ-визитаторамъ нищенствующихъ орденовъ. Въ случаѣ отказа, и имъ грозили конфискаціей имуществъ и закрытіемъ аббатствъ и монастырей. Послѣдняя депеша была адресована доминиканскому визитатору, пославшему молодыхъ богослововъ своего ордена для окончанія образованія въ Дуэ въ университетъ. И ему подъ тою же угрозой было приказано немедленно вызвать оттуда своихъ воспитанниковъ и къ указанному сроку послать въ Лёвенъ. Много аббатовъ, дѣйствительно, отказались подчиниться этому приказанію, они были изгнаны изъ страны и монастыри ихъ закрыты. Во многихъ мѣстахъ въ монастыри даже вторглись солдаты, силою захватили новиціевъ и подъ карауломъ въ закрытыхъ экипажахъ отвезли въ генеральную семинарію, несмотря на сопротивленіе настоятелей монастырей, плачъ и мольбы публики[1]). Всѣ епископы, по примѣру кардинала, подали императору почтительнѣйшія представленія противъ предъявленныхъ къ нимъ въ этой депешѣ требованій и открыто заявили, что ни подъ какимъ условіемъ не могутъ уступить.—Въ своемъ отвѣтѣ (отъ 4 марта) на депешу императора кардиналъ въ сущности повторялъ свои разсужденія по поводу высочайшаго указа отъ 17 іюля[2]). Въ такомъ же родѣ былъ отвѣтъ императору (9 марта) намюрскаго епископа[3]). Епископы Иперна и Брюгге докладывали императору, что они съ удовольствіемъ исполнятъ его приказаніе и сообщатъ его воспитанникамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они самымъ энергичнымъ образомъ завѣряли, что этотъ актъ послушанія не заключаетъ въ себѣ ни въ малѣйшей степени согласія на закрытіе ихъ семинарій и еще менѣе одобренія генеральной семинаріи, и при этомъ случаѣ возобновляли свои прежнія представленія противъ этого учрежденія[4]). Въ антверпенской епархіи всѣ воспитанники семинаріи, послѣ насильственнаго закрытія ея, обратились въ бѣгство, не указавъ епископу мѣста своего временнаго пребыванія изъ опасенія, какъ бы правительство не принудило ихъ возвратиться въ Лёвенъ. Мѣстный епископъ выразилъ императору свое сожалѣніе, что не можетъ сообщить своимъ семинаристамъ содержаніе императорской депеши и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что въ этомъ случаѣ послѣдуетъ примѣру своего кардинала-архіепископа[5]).

Траутманнсдорфъ рѣшилъ принять противъ кардинала крайнія мѣры. Въ отвѣтномъ письмѣ къ нему (5 марта) Траутманнсдорфъ го-

[1]) Recueil. XIII. 129—132. Journal hist. de Liège du 15 mars 1789, 453—457; du 1 et du 15 avril, 530—546, 611— 28 (Theiner. 162—163). [2]) Recueil. XIII, 132—135 (Ibidem. 163—165). [3]) Recueil. XIII, 153—155 (Ibidem. 165—166).
[4]) Recueil. XIII, 153—155 (Theiner. 166). [5]) Recueil. XIII, 150 (Ibidem. 166—167).

ворилъ, что, такъ какъ совѣсть, на которую его эминенція съ 1787 г. постоянно ссылается, давала ему достаточно мужества на открытое и упорное неповиновеніе своему государю, то она, безъ сомнѣнія, дастъ ему достаточно мужества и на то, чтобы повергнуть въ руки Е. В. свой санъ, ставящій его въ мучительную альтернативу—быть невѣрнымъ или своему государю или своей совѣсти. Этотъ шагъ докажетъ императору и всей странѣ, насколько его поведеніе служитъ ему только предлогомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ единственнымъ средствомъ избѣжать непріятности, которая можетъ постигнуть его эминенцію, если ему-министру придется, въ случаѣ отказа кардинала добровольно отправиться въ назначенный срокъ въ Лёвенъ, исполнить строжайшія приказанія Е. В., быть можетъ, не имѣющія себѣ примѣра, какъ и непослушаніе, которымъ его эминенція подставляетъ себя Е. В. жертвой, которая, наконецъ, должна быть принесена справедливой карѣ императора[1]).

Рѣшительный тонъ министра заставилъ сдаться кардинала, за нѣсколько лишь дней предъ тѣмъ готоваго всѣмъ пожертровать за свои убѣжденія. Въ тотъ же день онъ отвѣтилъ Траутманнсдорфу, что, предлагая императору въ своемъ первомъ представленіи изслѣдованіе учебниковъ опытными богословами и соборъ епископовъ, какъ единственныя средства для исполненія желанія императора относительно заявленія, онъ, какъ думаетъ, не отказывался отправиться въ Лёвенъ и, дѣйствительно, въ назначенный срокъ, завтра вечеромъ будетъ тамъ[2]).

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ того же числа Траутманнсдорфъ, выразивъ свою радость по поводу рѣшенія кардинала отправиться въ Лёвенъ, сообщалъ ему о своемъ распоряженіи не только профессорамъ генеральной семинаріи, но и ректору ея—давать архіепископу всевозможныя объясненія, какихъ онъ ни пожелаетъ, относительно богословскаго преподаванія, относительно учебниковъ и внутренней дисциплины заведенія, чтобы онъ былъ въ состояніи произнести правильный приговоръ о правильности преподаванія въ этомъ заведеніи, не присутствуя на частныхъ урокахъ. Ему, какъ митрополиту, прилично прежде всего заняться этимъ испытаніемъ. Траутманнсдорфъ льстилъ себя также надеждой, что, исполнивъ желаніе императора въ этомъ отношеніи, кардиналъ простретъ свое подчиненіе и на отправленіе молодыхъ богослововъ своей епархіи въ назначенный срокъ въ генеральную семинарію[3]).

Кардиналъ, дѣйствительно, явился въ Лёвенъ и вмѣсто того, чтобы присутствовать на урокахъ, 10 марта предложилъ профессорамъ генеральной семинаріи два щекотливыхъ вопроса: 1) Владѣютъ-ли епископы, по божественному праву, правомъ учить и наставлять сами или чрезъ другихъ не только преподаваніемъ катехизиса и проповѣдями,

[1]) Recueil. XIII, 137—139 (Theiner. 167). [2]) Wienerkirchenzeitung. 1789, 446 (Wolf, P. Ph. III, 607).
[3]) Recueil. XIII, 136 sq. (Theiner. 167—168).

но и преподаваніемъ богословскаго образованія посвящающимъ себя духовному званію? и 2) Можетъ-ли это право быть отмѣнено, или ограничено свѣтской властью?—Если бы былъ данъ утвердительный отвѣтъ на первый вопросъ и отрицательный на второй, кардиналъ отчасти былъ бы оправданъ въ своемъ сопротивленіи, а если отрицательный на первый и утвердительный на второй, то ему легко было бы представить профессоровъ еретиками. Дилленъ, которому первому были поставлены эти вопросы, замѣтивъ западню, обѣщалъ кардиналу дать письменный отвѣтъ. Но въ это дѣло вмѣшалось правительство. 11 марта Траутманнсдорфъ отъ имени императора увѣдомилъ кардинала, что въ виду того, что предложенные имъ вопросы не относятся къ области догматики и преподаванія и не входятъ въ программу его миссіи, ограничивающейся единственно изслѣдованіемъ правильности Лёвенскаго ученія, онъ запретилъ богословскому факультету отвѣчать какъ на эти два вопроса, такъ и на всѣ другіе, не относящіеся къ предмету, ради котораго единственно онъ посланъ[1]).

На слѣдующій день кардиналъ Франкенбергъ отвѣтилъ, что оба вопроса, предложенные имъ какъ Диллену, такъ и всѣмъ профессорамъ генеральной семинаріи, очевидно, относятся къ догматикѣ и, слѣд., безспорно, касаются преподаванія. Второй—необходимое слѣдствіе перваго. Поэтому ему совершенно невозможно будетъ опредѣлить правильность принциповъ профессоровъ и ихъ личнаго настроенія, если имъ не будетъ дозволено ясно и вполнѣ свободно отвѣтить на столь важные пункты, съ которыхъ онъ счелъ нужнымъ начать свою миссію, тѣмъ болѣе, что эти пункты доселѣ были главнымъ предметомъ всѣхъ представленій, сдѣланныхъ имъ Е. В. и относительно которыхъ онъ долженъ прежде всего получить успокоеніе[2]).

Послѣ такого отвѣта Франкенберга, Траутманнсдорфъ немедленно приказалъ декану богословскаго факультета отвѣтить отъ имени послѣдняго на предложенные вопросы. Де-Мазіеръ далъ очень искусный отвѣтъ.—„Ему самому и его коллегамъ,—писалъ Де-Мазіеръ,—кажется, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что епископы, по божественному праву, могутъ наставлять и оглашать ввѣренныхъ имъ вѣрующихъ. Но также справедливо и то, что высшая государственная власть въ правѣ распоряжаться, чтобы ея подданные не были допускаемы до дѣла духовной паствы и, слѣд., до св. посвященія, если они предварительно въ теченіе извѣстнаго времени не получатъ образованія въ публичномъ богословскомъ учебномъ заведеніи. Такъ какъ предложенные кардиналомъ вопросы, повидимому, относятся только къ генеральной семинаріи, то онъ и его коллеги ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что епископы съ доброй совѣстью не только могутъ, но и обязаны посылать воспитанниковъ своихъ епархій въ это учрежденіе. Кромѣ того, окажется, что занятія въ этомъ заведеніи будутъ вестись лучше, чѣмъ въ отдѣльныхъ частныхъ учрежденіяхъ (епископскихъ

[1]) Wienerkirchenzeitung. 1789. 510 (Wolf, P. Ph. III, 607—608). Theiner. 168—169.
[2]) Wienerkirchenzeitung. 1789 (Wolf, P. Ph. III, 608—609). Theiner. 169.

семинаріяхъ), а также, что въ генеральной семинаріи догматы католической вѣры преподаются во всей ея чистотѣ, безъ всякихъ новшествъ и заблужденій, и епископы могутъ, согласно съ своимъ саномъ, наблюдать за чистотою вѣры и догматовъ"[1]). Траутманнсдорфъ переслалъ кардиналу этотъ отзывъ богословскаго факультета съ замѣчаніемъ, что, хотя онъ и запретилъ и долженъ былъ запретить этому факультету отъ имени императора отвѣчать на его коварные и не касающіеся предмета вопросы, однако потребовалъ отвѣта на нихъ; онъ надѣется, что его эминенція въ этомъ отвѣтѣ, который, впрочемъ, онъ сообщаетъ ему подружески, а не оффиціально, найдетъ полное успокоеніе отъ возможныхъ своихъ сомнѣній и убѣжденъ, что онъ—министръ довелъ свое снисхожденіе къ нему до крайней степени, такъ какъ беретъ на себя отвѣтственность за данный отвѣтъ. Еще разъ онъ напоминалъ ему о цѣли его пребыванія въ Лёвенѣ и просилъ строго преслѣдовать ее, а не заниматься болѣе такими странными вопросами, какъ настоящіе, вслѣдствіе которыхъ дѣло оттягивается въ долгій ящикъ. Этого и ничего больше требуетъ императоръ, чтобы положить конецъ оскорбленію, нанесенному Е. В., такъ какъ народъ взволновали и ввели въ заблужденіе относительно настроенія и принциповъ Е. В. въ дѣлѣ вѣры. Кардиналъ долженъ хорошо помнить, что не прежде покинетъ Лёвенъ, чѣмъ во всемъ удовлетворитъ желанію императора. Если онъ не приступитъ къ дѣлу со всею искренностью, то императоръ прикажетъ со всею строгостью привести въ исполненіе уже изданныя противъ него, но до времени отложенныя распоряженія, потому что онъ—единственный виновникъ непослушанія высочайшимъ распоряженіямъ бѣлаго и чернаго духовенства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одинъ отвѣтитъ и за все зло, которое произойдетъ отъ его столь формальнаго и безпримѣрнаго ослушанія[2]).

Въ своемъ отвѣтѣ министру кардиналъ Франкенбергъ жаловался на несправедливое отношеніе къ себѣ, которое совершенно разстраиваетъ всю цѣль его пребыванія въ Лёвенѣ. Если бы точно придерживались императорской депеши отъ 4 марта, то ему дали бы всѣ объясненія, чтобы онъ потомъ былъ въ состояніи рѣшить, дѣйствительно-ли ученіе профессоровъ генеральной семинаріи — ученіе католической церкви. Въ заключеніе кардиналъ выражалъ свою скорбь и удивленіе по поводу повторенія угрозъ, содержащихся въ письмѣ министра отъ 6 марта. Эти угрозы не имѣли никакого вліянія на его поѣздку въ Лёвенъ. Онъ просилъ навсегда убѣдиться въ безполезности подобныхъ средствъ, которыя никогда не заставятъ его погрѣшить въ важнѣйшихъ обязанностяхъ къ Богу и государю, тѣмъ болѣе, что послѣдній самъ требуетъ сказать правду[3]).

Такъ какъ Франкенбергъ еще медлилъ представленіемъ отзыва о

[1]) Theiner. 169—170. Wolf, P. Ph. III, 610—611.
[2]) Recueil. XIII, 143 (Theiner. 170—171).
[3]) Recueil. XIII, 146. Journal hist. de Liège du 1 mai 1789. 72 (Theiner. 171—172).

правовѣріи Лёвенскихъ учителей, то императорскимъ указомъ отъ 24 марта у него потребовали отчета въ томъ, что онъ доселѣ сдѣлалъ въ Лёвенѣ по данному ему порученію, какъ далеко ушли его справки и когда онъ объявитъ свое мнѣніе о правовѣріи профессоровъ генеральной семинаріи. Кардиналъ отвѣтилъ на это требованіе письмомъ отъ 26 марта, во всемъ ссылаясь на высказанное уже въ письмѣ отъ 15 марта. Онъ снова требовалъ безусловной отмѣны запрещенія профессорамъ отвѣчать ему на всѣ его вопросы.—Для подозрѣнія неправовѣрія ученія этихъ профессоровъ, —продолжалъ кардиналъ,—есть слишкомъ достаточно основаній, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ сами признавались ему, что имъ были даны въ руки подозрительные учебники, которые они не имѣли духа положить въ основаніе обученія, въ виду множества содержащихся въ нихъ заблужденій. Штёгеръ приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы всѣмъ рекомендовать и ввести въ школу зараженные труды Пегема, Лаубера и Шанце. По Пегему еще до настоящаго времени учатъ какъ въ Лёвенѣ, такъ и въ Брюсселѣ. Что касается времени составленія отзыва о правовѣріи Лёвенской школы, то онъ не можетъ опредѣлить его, такъ какъ этотъ предметъ требуетъ слишкомъ большого труда и добросовѣстности. Если не будетъ уничтожено упомянутое запрещеніе профессорамъ, то онъ совсѣмъ не будетъ въ состояніи дать отзыва[1]).

Такой отвѣтъ кардинала необходимо долженъ былъ удивить правительство, потому что все преступленіе Лёвенскихъ профессоровъ состояло въ употребленіи сочиненій, доселѣ безпрепятственно читавшихся самыми правовѣрными католиками. Въ виду этого, министръ письмомъ отъ имени императора (30 марта) заявилъ, что онъ, да и весь свѣтъ крайне возмущены отговорками, какими кардиналъ пользуется съ самаго прибытія въ Лёвенъ, чтобы оттянуть произнесеніе своего мнѣнія и запутать дѣло, мнѣнія, требуемаго съ единственной цѣлью—успокоить себя и публику противъ клеветы, тайно распространяемой относительно чистоты и правильности преподаванія Лёвенскаго богословскаго факультета. Виновникъ и покровитель этой клеветы—кардиналъ, почему, сообразно съ симъ, съ нимъ и будетъ поступлено, если онъ не поспѣшитъ немедленно высказаться о преподаваніи, если признаетъ его правильнымъ, или указать и опредѣлить отдѣльные неправильные пункты ученія. Очевидно, несправедливо приписывается кардиналомъ императору запрещеніе, препятствующее его изслѣдованію. Запрещеніе депеши отъ 11 сего мѣсяца простирается только на два вопроса, предложенные имъ профессорамъ, какъ и на всѣ подобные, поскольку именно они далеки отъ предмета публичнаго преподаванія факультета. Эта депеша вызвана коварствомъ его вопросовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ правильностью или неправильностью преподаванія. Въ знакъ своего снисхожденія, императоръ снова обѣщалъ кардиналу возобновить приказаніе, данное профессорамъ уже 7 числа сего мѣсяца и потребовать, чтобы они дали ему отвѣтъ на всѣ вопро-

[1]) Wolf, P. Ph. III, 612—613. Theiner. 173—174.

сы, предполагая, что предметомъ послѣднихъ будутъ только истинные и безспорные пункты ученія и что онъ не потребуетъ отъ нихъ ничего, кромѣ того, какъ они учатъ по этимъ пунктамъ. Поэтому кардиналу отдавалось приказаніе, безъ всякаго промедленія и коварства, серьезно заняться своимъ дѣломъ, чтобы въ возможно непродолжительномъ времени представить требуемое объясненіе; при этомъ повторялось прежнее заявленіе министра, что онъ-кардиналъ не прежде оставитъ Лёвенъ, чѣмъ исполнитъ это желаніе императора. Послѣдній выражалъ надежду, что кардиналъ, несмотря на свое доселѣ двусмысленное поведеніе, въ столь важномъ случаѣ, какъ настоящій, когда идетъ дѣло о томъ, чтобы успокоить націю въ ея опасеніяхъ относительно религіи, не окажется далекимъ отъ мудрости и прямоты, которыя должны отличать истиннаго пастыря. Еще менѣе онъ будетъ способенъ нарушить справедливость, требующую, чтобы всегда славный своей привязанностью къ католической вѣрѣ факультетъ до тѣхъ поръ считался правовѣрнымъ, пока законно не доказано противное. Императоръ заявлялъ, что книги Лаубера и Шанце никогда прямо не были предложены для преподаванія нравственнаго и пастырскаго богословія и если въ нихъ встрѣчаются мѣста со слишкомъ строгимъ нравственнымъ ученіемъ, то вслѣдствіе сего онѣ далеко еще не ошибочны. Прежній ректоръ генеральной семинаріи, Штёгеръ предложилъ эти книги профессорамъ просто въ видѣ образца порядка и метода преподаванія и прямо напомнилъ имъ, что они не должны привязываться къ частнымъ мнѣніямъ этихъ авторовъ, а вполнѣ свободно могутъ измѣнять въ нихъ, что̀ пожелаютъ. Сочиненія Пегема не запрещены никакой законной цензурой и, такъ какъ безпрепятственно употребляются въ другихъ католическихъ университетахъ, могутъ и должны служить учебниками и въ Лёвенѣ и именно до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что въ нихъ содержится что-либо соблазнительное для ученія вѣры..... Кардиналъ уполномочивался, отъ него даже требовалось, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе обо всѣхъ учебныхъ книгахъ, императоръ серьезно расположенъ исправить все, что̀ найдено будетъ въ нихъ заслуживающимъ порицанія. Онъ никогда не позволитъ, чтобы въ этой странѣ было введено или терпимо что-либо противорѣчащее закону молчанія о вещахъ, безпокоющихъ его эминенцію. Постоянная и неизмѣнная любовь Е. В. къ святой католической вѣрѣ, охранителемъ и защитникомъ которой онъ является уже по самому своему сану, должна служить ручательствомъ для его эминенціи, какъ и для всѣхъ подданныхъ, въ отношеніи дѣйствительныхъ предметовъ вѣры и ученія о вѣрѣ, того, что онъ постоянно будетъ стараться поддерживать чистое и апостольское рвеніе епископовъ устраненіемъ всего, малѣйшимъ образомъ мѣшающаго ему, какъ, съ другой стороны, онъ рѣшилъ подавлять все, что̀ они-епископы, подъ покровомъ вѣры, предпримутъ противъ его высочайшихъ правъ и благосостоянія и спокойствія государства[1]).

[1]) Recueil. XIII, 160 (Theiner. 174—176). Wolf, P. Ph. III, 613—614.

Въ своемъ отвѣтѣ императору отъ 3 апр. кардиналъ отказывался вѣрить, чтобы Е. В. произнесъ противъ него обвиненія депеши отъ 30 марта, по изслѣдованіи всѣхъ актовъ объ его пребываніи въ Лёвенѣ, императора обманули ложными извѣстіями. Ни хитрость, ни коварство, столь чуждыя его характеру, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на поведеніе кардинала съ самаго прибытія въ Лёвенъ. Опровергая всѣ выставленныя противъ него подозрѣнія и упреки, кардиналъ завѣрялъ императора, что ему самому дороже всего кончить это важное дѣло ко благу церкви, спокойствію вѣрующихъ и удовольствію Е. В. Для достиженія этого онъ снова просилъ неограниченной свободы, а также, чтобы лёвенскіе профессора отвѣчали его желаніямъ и требованіямъ, высказаннымъ уже во многихъ письмахъ. Книги Лаубера, Щанце и Пегема, дѣйствительно, содержатъ много мнѣній и положеній, возобновляющихъ старыя заблужденія, и онъ въ свое время откроетъ ихъ. Не его выдумка, что ему признавались нѣкоторые профессора факультета, что начальство заведенія навязывало имъ въ качествѣ учебниковъ подозрительныя книги; Е. В. можетъ спросить объ этомъ профессоровъ Марана, Герфса и Фругта, которые готовы подтвердить это подъ присягой. Въ концѣ кардиналъ выражалъ надежду, что запрещеніе Е. В. оставить Лёвенъ раньше представленія отзыва о преподаваніи не помѣшаетъ ему отправиться въ свой митрополичій городъ для совершенія службы въ страстную и пасхальную седмицы и потому просилъ императора назначить ему день для возвращенія въ Лёвенъ[1]).

Такъ какъ кардиналъ открылъ имена профессоровъ, дѣлавшихъ ему признаніе относительно полученія подозрительныхъ книгъ, то правительство обратилось съ запросомъ по этому поводу къ богословскому факультету и 2 апр. получило отвѣтъ, въ которомъ деканъ сообщалъ, что, когда онъ передалъ богословскому факультету содержаніе правительственной депеши отъ 31 марта, всѣ профессора, безъ исключенія, удивились и завѣрили, что они никогда не дѣлали приписаннаго имъ кардиналомъ признанія. Только одинъ Маранъ, преподаватель церковной исторіи, на вопросъ въ присутствіи цѣлаго факультета, какого автора онъ читаетъ, отвѣчалъ: „Никакого опредѣленнаго“ и прибавилъ, что, правда, Штёгеръ предлагалъ ему „Христіанскую исторію религіи и церкви“ Шрёкка, но съ замѣчаніемъ, что Шрёккъ—протестантъ и потому онъ—Маранъ, какъ профессоръ, долженъ измѣнять въ ней все, что̀ найдетъ ошибочнымъ. Но, сказалъ далѣе Маранъ, какъ только онъ изложилъ Штёгеру причины, по которымъ считалъ невозможнымъ принять это сочиненіе въ качествѣ учебника, Штёгеръ тотчасъ отказался отъ него. Слѣд., его не только не принуждали учить чему-либо превратному, но Штёгеръ употреблялъ всѣ усилія къ предотвращенію зла, которое могло произойти отъ этого[2]).

Между тѣмъ, начиная съ 2 апр. (2, 7, 18 и 28) кардиналъ

[1]) Recueil. XIII, 164—169 (Theiner. 177—179).
[2]) Wolf, P. Ph. III, 615—616.

предложилъ профессорамъ цѣлый рядъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Въ чемъ состоитъ приматство папы? Приличествуетъ-ли епископамъ произносить сужденіе о познаніяхъ, потребныхъ для тѣхъ, которымъ они поручаютъ дѣло духовной паствы, и для этой цѣли избирать и уполномочивать экзаменаторовъ? Что нужно думать о буллѣ „Unigenitus“ и о тѣхъ, которые апеллируютъ на нее вселенскому собору? Какіе учебники одобрены у нихъ? все-ли содержимое въ нихъ они признаютъ правильнымъ, ничего не прибавляя и не выпуская, и держатся-ли ихъ системы и метода?“ и т. п.—1 мая профессора представили свои отвѣты на предложенные вопросы и кардиналъ возвратился въ Мехельнъ, чтобы разобраться въ нихъ и дать желательный отзывъ о богословскомъ преподаваніи въ Лёвенѣ.—Письмомъ отъ 8 мая министръ запретилъ кардиналу печатать свое мнѣніе, а предложилъ прямо представить его въ Вѣну императору и ждать отъ послѣдняго дальнѣйшихъ распоряженій[1]).

Между тѣмъ іезуиты отпечатали въ газетахъ и распространяли по Нидерландамъ два письма кардинала Мигацци къ Франкенбергу, въ которыхъ онъ поощрялъ его къ „геройской“ борьбѣ противъ генеральной семинаріи, увѣряя, что глаза большинства австрійскихъ епископовъ устремлены на Нидерланды[2]). Эти письма подлили масла въ огонь, волненіе начало расти. Чтобы остановить его, императоръ собственноручнымъ письмомъ отъ 6 іюня потребовалъ отъ Франкенберга въ теченіе 24 часовъ, по полученіи этого письма, составить свой отзывъ о Лёвенскомъ преподаваніи и прислать ему, чтобы этимъ путемъ успокоить народныя опасенія. Немедленно, по полученіи этого письма, Траутманнсдорфъ пригласилъ въ Брюссель кардинала и 15 числа передалъ ему письмо. На другой день въ 6 часовъ утра у кардинала былъ уже кабинетъ-курьеръ за отвѣтомъ. Вотъ что отвѣтилъ кардиналъ: по требованію и настоянію Е. В. въ теченіе этого дня объявить результатъ изслѣдованія Лёвенскаго ученія, онъ--кардиналъ симъ объявляетъ, что по тщательномъ и зрѣломъ испытаніи отвѣтовъ профессоровъ на предложенные имъ вопросы и учебниковъ, онъ нашелъ много пунктовъ, вызывающихъ жалобы, такъ что оказался вынужденнымъ смотрѣть на преподаваніе этой школы, какъ на неправильное, что въ скоромъ времени и докажетъ подробно съ приложеніями[3]).

Чрезъ 10 дней, 26 іюня кардиналъ переслалъ императору чрезъ Траутманнсдорфа это свое подробное объясненіе, которое, несмотря на прямое запрещеніе со стороны правительства, въ первыхъ числахъ августа было отпечатано іезуитами въ С.-Трондѣ и заняло 162 убористыхъ страницы in 8^0, подъ заглавіемъ: «Erklärung über d. Unterricht d. Generalseminars von Löwen mit d. theologischen Prüfung d. Gesinnungen d. Professoren und d. classischen Lehrbücher dieser neuen Anstalt». Здѣсь доказывалось невѣжество и еретичество

[1]) Journal hist de Liège du 1 juin 1789. 217 (Theiner. 179—183). [2]) Recueil. XIII, 193—197. (Theiner. 184—188). Journal hist. de Liège du 15 mai 1789. 151 (Theiner. 188).
[3]) Theiner. 188–190.

профессоровъ генеральной семинаріи[1]). Императоръ будто бы написалъ на поляхъ этого мнѣнія кардинала Франкенберга: «L'archeveque doit plier ou casser!» хотя самъ Тейнеръ не ручается за достовѣрность этого извѣстія[2]). Мнѣніе кардинала встрѣтило широкое распространеніе: въ нѣсколько недѣль вышло нѣсколько изданій его, оно было переведено на всѣ бельгійскія нарѣчія и произвело на весь народъ сильное впечатлѣніе. 28 авг. Траутманнсдорфъ пригласилъ кардинала въ Брюссель и осыпалъ его самыми горькими упреками за то, что онъ своимъ мнѣніемъ бросилъ въ народъ головню. Кардиналъ отвѣтилъ, что не принималъ никакого участія въ изданіи и потому не виноватъ въ немъ. Потомъ онъ спросилъ: кто можетъ запретить ему высказать и сдѣлать общественнымъ достояніемъ свой приговоръ по столь важному и святому дѣлу, касающемуся исключительно и единственно вѣры, церкви, его и всѣхъ бельгійскихъ епископовъ, на которыхъ устремлены взоры не только Бельгіи, но и всего католическаго міра? Его споръ съ Лёвенскимъ богословскимъ факультетомъ—не частное дѣло между нимъ и правительствомъ или императоромъ и не можетъ быть погребенъ въ тайнѣ. Онъ, всѣ епископы, клиръ и чины страны этими людьми, въ своей наглости и нечестіи поставившими себя выше всякой церковной власти, возвысившими себя надъ епископами, осмѣявшими благочестіе вѣрующихъ, въ органахъ общественнаго мнѣнія и особенно въ состоящихъ на жалованьи у самого правительства обижены и опозорены самымъ гнуснымъ образомъ въ глазахъ всей націи и Европы. На немъ, какъ на главѣ бельгійской церкви, лежитъ обязанность показать націи и всему христіанскому міру, остался-ли онъ вѣрнымъ своей миссіи и сумѣлъ-ли защитить права церкви, нація имѣетъ также безспорное и священное право знать, отвѣчалъ-ли онъ и какъ долгу вѣрнаго пастыря, сохранилъ-ли и какъ ея религіозные интересы и вѣру отцовъ, которую хотѣли дерзко и безбожно подорвать.—Министръ просилъ кардинала для успокоенія взволнованнаго народа издать пастырское посланіе. Кардиналъ согласился и тотчасъ возвратился для составленія его въ Мехельнъ. Въ этомъ пастырскомъ посланіи, выходя изъ божественнаго указанія—„воздадите кесарево кесареви и божіе богови“, онъ убѣждалъ націю не увлекаться вѣтромъ политическихъ мнѣній и, постоянно имѣя предъ глазами это изрѣченіе Христа, не удаляться ни отъ подобающихъ императору покорности и послушанія, ни отъ защиты правъ своей вѣры. Далѣе онъ разсказывалъ исторію своей борьбы за епископскія семинаріи и университетъ противъ генеральной семинаріи. Кардиналъ отпечаталъ это посланіе и одинъ экземпляръ его послалъ Траутманнсдорфу въ Брюссель. Въ Мехельнъ былъ немедленно командированъ императорскій штаатсратъ просить кардинала выпустить или, по крайней мѣрѣ, измѣнить все, касающееся современныхъ религіозныхъ вопросовъ. Ни просьбы, ни угрозы не могли заставить его сдѣлать это. 3 сент. его снова

[1]) Teiner. 190—196. [2]) Gerlach. Histoire du royaume des Pays-Bas. 126 (Theiner. 196).

вызвали въ Брюссель, но онъ и здѣсь отказался отъ всякаго измѣненія. Тогда кардиналу приказали отправить посланіе прежде императору и до полученія одобренія со стороны послѣдняго не обнародовать[1]).

Между тѣмъ безпорядки въ Нидерландахъ все усиливались; волненіе, раздуваемое вожаками разныхъ заинтересованныхъ партій, все росло. 17 дек. 1787 г. Траутманнсдорфъ потребовалъ отъ Брабантскаго Совѣта безусловнаго выполненія всѣхъ, изданныхъ до 1 апрѣля, приказовъ, а 22 янв. распорядился ему—въ теченіе 24 часовъ опубликовать этотъ декретъ и раньше этого не расходиться. Д'Альтонъ сдѣлалъ военныя приготовленія и, когда было произведено нападеніе на одинъ патруль, открылъ огонь по толпѣ въ 3000 человѣкъ. Были убитые и раненые. Ужасъ былъ всеобщій, весь гарнизонъ сталъ подъ оружіе, но только ночью Брабантскій Совѣтъ подписалъ приказъ объ опубликованіи декрета[2]). Но генералъ-губернаторъ ослабилъ впечатлѣніе отъ строгихъ мѣръ д'Альтона своей снисходительностью. Во время безпорядковъ было роздано народу въ Брюсселѣ до 1500 ружей и правительство не потребовало отчета въ этомъ. Оно отпускало безъ слѣдствія самыхъ виновныхъ изъ арестованныхъ. Снисхожденіе къ клиру было очень вредно, потому что онъ крайне дерзко поддерживалъ волненіе. Священники публично вмѣшивались въ народныя насилія, возбуждали народъ набатами и проповѣдями. Объявленная правительствомъ амнистія не достигла своей цѣли, она только придала болѣе духу недовольнымъ, назвавшимъ себя патріотами въ отличіе отъ роялистовъ или сторонниковъ правительства, которыхъ усердно преслѣдовали. Настроеніе народа становилось все тревожнѣе, чины увеличивали свои претензіи. Народъ перешелъ къ публичнымъ безобразіямъ и проявлялъ варварскую жестокость къ жертвамъ своей ярости[3]).

Въ началѣ оппозиція, по видимому, была напугана рѣшительными мѣрами правительства и низшій классъ народа, недовольный чинами, мудрыми мѣрами можно бы было привлечь на сторону правительства. Но императоръ, бывшій въ то время съ войсками на турецкой границѣ, не видѣлъ, какъ его сестра, генералъ-штатгальтерша, въ оппозиціи чиновъ жалобъ огорченнаго народа, а только предразсудки и интересы частныхъ лицъ и французскую агитацію. Поэтому онъ одобрилъ рѣшительныя мѣры министра. 9 апрѣля 1788 года онъ писалъ Христинѣ: „Я радъ мѣрамъ, принятымъ противъ новыхъ безпорядковъ въ Брюсселѣ; пусть они окончатся къ позору подданныхъ и чести правительства“ и 13 мая того же года: „Эти жалобы на милитаризмъ и янсенизмъ ни на чемъ не основаны, но въ интересѣ многихъ лицъ поддерживать въ публикѣ эти мысли. Они хотятъ играть роль и потому сердятся. Здѣсь лежитъ причина недовѣрія и недовольства Нидерландовъ“. 13 іюня 1788 г. онъ находилъ вполъ-

[1]) Journal hist. de Liège du 15 Decembre 1789. 83 sqq. (Theiner. 196—199).
[2]) Wendrinsky. 279—280.
[3]) Gross-Hoffinger. 264—265, 279—280.

нѣ естественнымъ, что оба первые чина Брабанта согласились на налоги. „Я очень благодаренъ тебѣ и Альберту, — писалъ онъ Христинѣ же, — за то, что вы такъ усердно и разсудительно содѣйствовали просвѣщенію этихъ сколько дурныхъ, столько же жалкихъ головъ относительно самыхъ простыхъ вещей на свѣтѣ! Если будутъ продолжать держаться твердыхъ мѣръ, ты увидишь, что постепенно прекратятся всѣ эти исторіи недовѣрія, жалобъ и дурнаго настроенія; они поймутъ, что не вселяютъ этимъ никакого ужаса“ [1]).

Императоръ издалъ приказъ арестовать въ Брюсселѣ, Антверпенѣ и Лёвенѣ тѣхъ лицъ, которыя безбоязненно объявляли себя главами мятежной партіи. Но строгости здѣсь было болѣе съ виду, чѣмъ въ дѣйствительности: Траутманнсдорфъ объявилъ чинамъ о принятіи этой строгой мѣры, но она такъ медленно была приведена въ исполненіе, что совсѣмъ не достигла своей цѣли. Военные, правда, обнаруживали большую строгость и антверпенскій комендантъ объявилъ, вслѣдствіе волненія въ авг. 1787 г., что у него есть приказъ разрушать до основанія всякій домъ, изъ котораго будетъ брошенъ въ солдатъ хоть одинъ камень, но уступчивость гражданской власти представляла рѣзкій контрастъ съ этими угрозами. Послѣдняя скорѣе извиняла императора предъ лицомъ упорныхъ чиновъ и присутственныхъ мѣстъ, чѣмъ придавала вѣсу его авторитету. Какое дѣйствіе произвела такая политика, сказалось скоро. 21 ноября третье сословіе — горожане столицы отказались платить императору обычные налоги, а, слѣд., по брабантской конституціи, согласіе высшихъ чиновъ было безполезно. И Геннегау удержалъ подати подъ общимъ предлогомъ, что не всѣ жалобы націи удовлетворены, а собственно вслѣдствіе неудовольствія на то, что мѣсто уѣзднаго судьи графства Геннегау было взято у герцога Аремберга и отдано генералу Арбергу. Генералъ д'Альтонъ писалъ императору о необходимости строгихъ мѣръ. Императоръ былъ крайне раздраженъ этимъ сопротивленіемъ чиновъ и указомъ 7 янв. 1789 г. отмѣнилъ дарованную бельгійцамъ амнистію [2]). Своей сестрѣ императоръ писалъ (8 янв. 1789 г.), что скорѣе будетъ рисковать всѣмъ, чѣмъ уступитъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ за него доброе право [3]).

По новымъ распоряженіямъ императора: 1) дипломъ 1 янв. 1787 г., который позднѣе былъ отмѣненъ, снова долженъ былъ вступить въ прежнюю силу. 2) Отмѣнялись ратификація отъ 2 сент. 1787 г. и амнистія 27 мая 1788 г. 3) Не назначалось снова для Брабанта и Геннегау аббатовъ и аббатисъ. 4) Joyeuse Entrée считалось болѣе необязательнымъ для императора [4]).

По опубликованіи 19 янв. императорскаго указа, чины Брабанта выразили полную готовность дать всѣ доказательства своей преданности и усердія въ тѣхъ пунктахъ своей конституціи, которые стоятъ на дорогѣ благимъ намѣреніямъ Е. В. Но чины Геннегау

[1]) Weindrinsky. 280—281.
[2]) Wolf, P. Ph. III, 620—621. Gross-Hoffinger. 283—284.
[3]) Wendrinsky. 282. [4]) Gross-Hoffinger. 284—285.

продолжали упорствовать, поэтому 30 янв. ихъ собраніе въ Монсѣ было закрыто комиссарами и привиллегіи отмѣнены[1]). Въ отвѣтъ на заявленіе чиновъ Брабанта императоръ приказалъ имъ (2 марта) представить обычныя субсидіи, ждать дальнѣйшихъ распоряженій для предупрежденія возобновленія безпорядковъ и объявилъ измѣненіе ихъ конституціи. Планъ новаго устройства, которое онъ обѣщалъ дать Брабанту, въ основѣ своей имѣлъ устройство графства Фландріи. Онъ былъ предложенъ 18 іюня и состоялъ въ слѣдующемъ: 1) Вмѣстѣ съ Лёвеномъ, Брюсселемъ и Антеверпеномъ, интересы которыхъ часто не соотвѣтствовали интересамъ остальной страны, допускались до земскаго представительства всѣ остальные города Брабанта. 2) На покрытіе государственныхъ потребностей вводились, какъ и во Фландріи, постоянныя субсидіи. 3) На ландтагахъ, хотя каждый подаетъ только свой голосъ, дѣла рѣшаются большинствомъ. 4) Совѣтъ Брабанта, какъ уполномоченный даже Joyeuse Entrée утверждать распоряженія правительства, и впослѣдствіи будетъ утверждать всѣ императорскія распоряженія, не противорѣчащія этому документу, а въ случаѣ основательныхъ затрудненій будетъ дѣлать представленія штатгальтеру.—Здѣсь-то и обнаружилась покорность брабантскихъ чиновъ: 26 іюня они снова категорически отказались отъ предложеній императора. Траутманнсдорфу оставалось только привести въ исполненіе данное ему строгое приказаніе. Онъ тотчасъ собралъ войска и сначала попытался подѣйствовать угрозой, но еще разъ получилъ отъ чиновъ упрямый отвѣтъ: „ихъ могутъ кассировать, но сами они никогда не уступятъ“. Тогда онъ исполнилъ угрозу: велѣлъ вырвать изъ протоколовъ Брабантскаго Совѣта всѣ самовольно изданныя имъ съ 1787 г. распоряженія, объявилъ ихъ засѣданія закрытыми и Joyeuse Entrée отмѣненнымъ. Когда чины хотѣли протестовать противъ этого насилія, нашли залу своихъ засѣданій запертою и занятою войсками. Чрезъ день послѣ этого Траутманнсдорфъ издалъ распоряженіе, въ которомъ говорилъ, что строгія мѣры указа 7 янв., вызванныя поведеніемъ Брабантскихъ чиновъ, отложены были депешей отъ 15 февр. только въ ожиданіи, что оба первыя сословія окажутъ во всѣхъ пунктахъ покорность, какъ они заявили 26 янв. Но они вмѣсто того, чтобы оказаться достойными довѣрія, привести въ исполненіе на дѣлѣ данныя увѣренія, воспользоваться предложенными средствами для возстановленія порядка и общественнаго спокойствія и сохраненія конституціи и привиллегій, лишенія которыхъ уже заслужили, предпочли непослушаніе. Такое поведеніе ихъ не позволяетъ болѣе откладывать исполненіе депеши отъ 7 янв. Поэтому: 1) съ сего дня отмѣняются и объявляются несуществующими всѣ дарованныя и утвержденныя въ Брабантской провинціи милости и привиллегіи, какъ и все содержаніе Joyeuse Entrée. 2) Съ сего дня закрывается извѣстная подъ именемъ сословной депутаціи интеримс-комиссія; кассиры и всѣ остальные чиновники названныхъ чиновъ, безъ исключенія, получаютъ

[1]) Gross-Hoffinger. 285—286. Wolf, P. Ph. III, 621.

отставку. 3) Эти кассиры и остальные чиновники могутъ по прежнему отправлять свои обязанности, если предварительно дадутъ императору туже присягу, какую дали чинамъ Брабанта и которая во всѣхъ отношеніяхъ отмѣняется. 4) Немедленно будетъ приступлено къ точному взысканію податей и налоговъ мѣрами, которыя будутъ найдены подходящими и публично объявлены. 5) Такъ какъ совѣтъ Брабанта къ позорнымъ безобразіямъ 1787 г. присоединилъ выдающееся непослушаніе, то дипломомъ отъ 6 с./м. онъ объявляется закрытымъ, съ прямымъ запрещеніемъ каждому изъ его членовъ, подъ страхомъ вѣчнаго изгнанія изъ Нидерландовъ, по полученіи этого диплома, проявлять самую малѣйшую власть по прежней должности. 6) За упраздненіемъ этого судебнаго учрежденія, его функціи въ этой провинціи передаются Великому Совѣту, засѣдающему въ Мехельнѣ. 7) Всѣмъ вѣрноподданнымъ всѣхъ состояній и ранговъ обезпечиваются ихъ старыя вольности и личныя права собственности; по своимъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ они будутъ разбираться у своего обычнаго начальства и судей, а въ послѣдней инстанціи прежній Брабантскій Совѣтъ замѣняется Мехельнскимъ Великимъ Совѣтомъ. Исключеніе изъ этого представляютъ только виновные въ прошедшихъ или будущихъ безпорядкахъ. 8) Послѣдніе, по назначенному слѣдствію, по депешѣ отъ 7 янв., должны быть немедленно арестованы, безъ дальнѣйшихъ судебныхъ предосторожностей, чтобы, сообразно съ обстоятельствами, быть допрошенными и судимыми назначеннымъ для этого судьей[1]). Другія распоряженія регулировали будущее отправленіе правосудія и взысканіе налоговъ. За этимъ слѣдовало объявленіе губернатора, разъяснявшаго отеческія намѣренія государя, обезпечивавшаго личныя права и увѣщевавшаго народъ къ спокойствію.—Эта мѣра правительства произвела очень выгодное впечатлѣніе. Только одинъ чиновникъ отказался отъ присяги императору, народъ былъ очень радъ уничтоженію нѣкоторыхъ тяжелыхъ налоговъ на съѣстные припасы. Люксембургъ и Лимбургъ тотчасъ вотировали навсегда субсидіи, а первый кромѣ того добровольно сдѣлалъ государю подарокъ въ 200/т. флориновъ. Но Брабантскій Совѣтъ упорствовалъ въ своемъ расположеніи, вытекавшемъ не изъ интересовъ страны[2]).

Іосифъ II былъ очень доволенъ Траутманнсдорфомъ, впечатлѣніемъ отъ рѣшительной мѣры и общимъ теченіемъ дѣлъ въ Нидерландахъ[3]).

Рѣшительныя мѣры трусливаго министра были встрѣчены сочувственно многочисленной партіей, давно желавшей ихъ, для прекращенія неопредѣленнаго положенія. На слѣдующій день роялисты дѣлали министру безчисленные визиты, съ благими пожеланіями и выраженіемъ живой радости. Въ теченіе 8 дней пріемную его переполняли знатные жители, благодарившіе его за возстановленіе спокойствія и

---

[1]) Gross-Hoffinger. 286—290.
[2]) Ibidem. 290—291. [3]) Письма Іосифа къ Леопольду отъ 2 іюля 1789 г. (Arneth. II, 258), 20 (Ibidem. II, 262) и 23 того же мѣсяца и года (Ibidem. II, 262).

выражавшіе ему свою преданность. Это успокоило министра и убѣдило въ томъ, что теперь дѣйствительно все кончено[1]).

Особенно былъ доволенъ д'Альтонъ, постоянно жаловавшійся въ письмахъ къ императору на слабость, мягкость и нерѣшительность правительства. „18 іюня,—передалъ онъ Траутманнсдорфу чрезъ совѣтника Лимпенса,—счастливый день для Австріи, потому что это—день, въ который монархія спасена Коллинской битвой и императоръ сдѣлался неограниченнымъ господиномъ Нидерландовъ". Но Траутманнсдорфъ въ это время былъ еще далекъ отъ такихъ радужныхъ надеждъ и писалъ императору, что нужно очень много разсудительности и мудрости и прежде всего не нужно доводить націю до отчаянія[2]). Впрочемъ, и онъ, хоть послѣднимъ, скоро успокоился и всѣ стали вѣрить въ возстановленіе порядка.

Но это затишье было передъ грозой и близкой. Несомнѣнно, на нидерландскую революцію въ значительной мѣрѣ повліяла французская. Близкій примѣръ былъ заразительнымъ. Если подобныя событія возможны въ центрѣ имперіи, гдѣ сосредоточены всѣ силы правительства, то кто устоитъ противъ народа отдаленной провинціи, не снабженной въ достаточномъ количествѣ войсками? Эта мысль должна была поднимать духъ увѣренности. Бѣгство изъ франціи въ Нидерланды кровныхъ принцевъ и многихъ французовъ отъ враговъ правительства въ связи съ парижскими новостями разжигало страсти. Громко говорили уже о подражаніи данному примѣру, въ паркахъ, на улицахъ и въ церквахъ находили безчисленныя афиши со словами: „Ici comme à Paris".

Д' Альтонъ своею строгостью ускорилъ взрывъ революціи въ Нидерландахъ. Уже въ концѣ іюля въ Монсѣ, Анверсѣ, Лёвенѣ и Намюрѣ обнаружилось общее броженіе, въ Тирлемонѣ дѣло дошло до открытаго возстанія. Арестъ одного мятежника, убѣжавшаго на Люттихскую почву и потомъ снова явившагося въ Тирлемонѣ, привелъ въ волненіе весь городъ. Забили въ набатъ, арестованнаго освободили; вооруженная ружьями, пистолетами и косами толпа, къ которой примкнули сосѣдніе крестьяне изъ Люттихской области, заставила удалиться слабый гарнизонъ и ограбила провинціальную кассу вмѣстѣ съ 13 домами, изъ которыхъ два были разрушены[3]). На границахъ показалось множество голоднаго сброда, грозившаго нападеніемъ на Нидерланды съ цѣлью грабежа. По всей странѣ распространилось возстаніе. 26-го жители Тирлемона, Гугарда и С.-Трома условились съ Лёвенскимъ народомъ ночью произвести возстаніе. Въ 10 часовъ раздался набатъ съ трехъ лёвенскихъ церквей, жители Лёвена, соединившись съ пришельцами напали на патрули и вступили съ войсками въ битву, продолжавшуюся 5 часовъ и стоившую много крови[4]). Въ Намюрѣ публично напали на офицера и онъ съ трудомъ спасся, убивъ, напавшаго.

[1]) Trautmannsdorf. Fragmens. 30 (Gross-Hoffinger. 291—292).
[2]) Ibidem. 30. (Ibidem. 292—293).
[3]) D'Alton, lettre du 24 juilet. 189 (Gross-Hoffinger. 298—301). Ср. Письмо Іосифа II къ Леопольду отъ 6 авг. 1789 г. (Arneth. II, 266). [4]) D'Alton, lettre du 27 juilet. 191 (Gross-Hoffinger. 301—302).

Въ Брюсселѣ военные постоянно подвергались нападеніямъ. Священники и монахи бродили по всей странѣ, разжигая страсти. Во многихъ аббатствахъ били даже въ набатъ. Д'Альтонъ тщетно ходатайствовалъ предъ министромъ о наказаніи виновныхъ. Вслѣдствіе отсутствія солидарности, мѣры правительства носили характеръ непослѣдовательности и слабости, вызывавшихъ къ нему самому неуваженіе, хотя общественное настроеніе отъ этого и не улучшалось[1]). Напротивъ, возстаніе получало формальную организацію; множество самыхъ богатыхъ жителей выселялось и правительству пришлось принять строгія мѣры, чтобы помѣшать гибильнымъ послѣдствіямъ этого примѣра. Въ Бреда, гдѣ уже раньше образовался патріотическій комитетъ, составлялись революціонные планы; Голландія допускала это въ надеждѣ заключить выгодный миръ, при затруднительномъ положеніи Іосифа.

Всѣ вліянія извнѣ и извнутри соединились для того, чтобы омрачить послѣдніе дни жизни Іосифа. Вмѣшательство сосѣдей было всего опаснѣе. Императоръ не ждалъ удара съ этой стороны, хотя прибытіе прусскихъ войскъ въ Люттихъ подъ пустымъ предлогомъ и давало достаточно поводовъ къ подозрѣніямъ[2]).

И опасность и участіе иноземныхъ дворовъ въ предпріятіи бунтовщиковъ становились все замѣтнѣй. Было извѣстно, что сосѣдніе дворы готовы принять дѣятельное участіе въ Нидерландскихъ смутахъ, но вмѣшаются не прежде, чѣмъ станетъ вѣроятнымъ успѣхъ, чтобы гарантировать себѣ выгоду. Ванъ деръ Нотъ, принявшій титулъ полномочнаго агента брабантскаго народа, скоро явился въ Гагу, гдѣ имѣлъ аудіенцію у Оранской принцессы и сдѣлалъ ей и ея секретарю, Мотманну предложенія въ пользу „патріотовъ“[3]) и въ Берлинъ, гдѣ Герцбергъ отвѣтилъ ему, что средства инсургентовъ еще слишкомъ незначительны, чтобы можно было вмѣшаться въ ихъ интересы, что имъ нужно удвоить свои усилія и послѣ того рѣшатъ, что̀ дѣлать[4]). Ванъ деръ Мершъ, одинъ изъ вождей нидерландской революціи, позднѣе самъ разсказывалъ случай, доказывающій вмѣшательство иностранныхъ державъ. Когда комитетомъ въ Бреда было получено извѣстіе о заключенномъ позднѣе перемиріи, собравшіеся патріоты воскликнули: „Мы погибли! Что̀ скажутъ на это три, поддерживающія насъ державы?“[5]).

Противъ Іосифа II соединились теперь три врага—ненависть двухъ нидерландскихъ партій и ревность съ завистью иноземныхъ дворовъ. Первая партія, наиболѣе многочисленная, состояла изъ духовенства и сторонниковъ старыхъ злоупотребленій, вторая—изъ друзей свободы по французскимъ, въ то время вполнѣ демократическимъ, понятіямъ. Вторая партія была слабѣе первой въ матеріальныхъ средствахъ, за то превосходила ее энергіей, одушевленіемъ идеей. Вож-

[1]) D'Alton, lettre du 10 août. 203 (Gross-Hoffinger. 302).
[2]) Письма императора къ Траутманнсдорфу отъ 22, 25 и 31 авг. (Trautmannsdorf. Fragmens. 38 sqq. (у Gross-Hoffinger. 302—304) [3]) Kampen. Gesch. d. Niederlande. Th. II, 507. (Gross-Hoffinger. 305). [4]) Trautmannsdorf. Fragmens. 42 (Ibidem. 305). [5]) Mémoire justicatif d. v. d. Mersch. 58 (Ibidem. 305—306).

дями ея были Вонкъ и ванъ деръ Мершъ. Эта партія примкнула къ врагамъ императора въ надеждѣ, что позднѣе ей придется тягаться съ однимъ духовенствомъ и причиной ея ненависти къ Іосифу II былъ его доспотизмъ по отношенію къ Нидерландамъ[1]).

Въ то время, какъ опасности со всѣхъ сторонъ росли и безпорядки въ Тирлемонѣ, Лёвенѣ, Антверпенѣ и Бергенѣ были подавлены только съ пролитіемъ крови, недостатокъ согласія между Траутманнсдорфомъ и д'Альтономъ мѣшалъ всякимъ сильнымъ мѣропріятіямъ. Д'Альтонъ, обязанный защищать страну, допустилъ большую ошибку, разбивъ свои силы на летучіе отряды и кордоны. По увѣренію Траутманнсдорфа, нападенію патріотовъ легко было помѣшать лучшими военными диспозиціями. Средства бунтовщиковъ въ началѣ были въ высшей степени незначительны; у нихъ было всего 5/т. флориновъ и только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ они были въ состояніи собрать такъ называемую патріотическую армію, которую регулярныя войска могли разсѣять въ мгновеніе. Ванъ деръ Мершъ не произвелъ бы своего нападенія, если бы встрѣтилъ на границахъ хорошія войска. За нѣсколько дней до того его партія была готова бросить все предпріятіе, потому что у нея всего недоставало. Ванъ деръ Нотъ былъ чуть не убитъ своими войсками, такъ какъ былъ не въ состояніи расплатиться съ ними. Стоило только задержать бунтовщиковъ на границѣ, и вся революція была бы остановлена. Но д'Альтонъ желалъ побѣдить и назначилъ на это 7/т. человѣкъ противъ 2/т. бродягъ безъ оружія, офицеровъ и артиллеріи[2]). Но силы патріотовъ не могли быть такъ незначительны, потому что другіе считаютъ ихъ до 30/т.[3]).

Но и правительство въ это время дѣлало шаги не менѣе ложные и несвоевременные, чѣмъ генералъ. Возстановленіе епископскихъ семинарій (14 авг.) придало ему характеръ слабости, не подѣйствовавъ благотворно на духовенство. Запрещеніе эмиграцій подъ страхомъ конфискацій и смертной казни опоздало, какъ и распоряженіе объ отобраніи у аббатовъ управленія имуществами, въ виду того, что они платили деньги „патріотической“ арміи. Государственные комиссары, явившіеся отобрать эти имущества, не нашли ихъ, такъ какъ ихъ давнымъ-давно отправили заграницу на очагъ возстанія[4]).

Въ это время комитетъ въ Бреда не бездѣйствовалъ. Революціонныя сочиненія наводнили страну; скоро явилась отъ имени нѣкоторыхъ упраздненныхъ чиновъ Брабанта прокламація, въ которой они объявляли себя законодательной корпораціей и требовали своей реставраціи съ угрозой апеллировать къ небу и своему оружію. На границахъ, въ голландскомъ Брабантѣ и Люттихѣ, собирались все сильнѣйшіе вольные отряды, упражнявшіеся сначала на палкахъ, такъ какъ имъ не были дозволены ружья. Скоро улучшеніе жалованья поставило

[1]) Gross-Hoffinger. 306—307.
[2]) Trautmannsdorf. 49 (Gross-Hoffinger. 307—308) [3]) Kampen. 507 (Ibidem. 308).
[4]) Распоряженіе отъ 13 окт. 1789 г. (Gross-Hoffinger. 308—309. Wolf, P. Ph. III, 622—623).

бунтовщиковъ въ возможность по окончаніи военныхъ упражненій въ Гоогстратенѣ, двинуться къ Торнгуту. Дѣйствительно, 24 окт. они перешли границу, но духъ этихъ войскъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ цѣли ихъ предпріятія. Это были жалкіе трусы, предпославшіе себѣ громкій манифестъ, которымъ приглашали весь Брабантъ отпасть отъ императора. Ванъ деръ Мершу, ставшему во главѣ ихъ, съ большимъ трудомъ удалось соединить эти нестройныя полчища. Генералъ Шрёдеръ, обманутый измѣнниками относительно численности и силы враговъ, былъ завлеченъ въ Торнгутъ, гдѣ подвергся нападенію со стороны соединившагося съ инсургентами народа изъ оконъ домовъ и съ крышъ, такъ что былъ принужденъ (27 окт.) отступить съ потерей 3 пушекъ[1]). За два дня до этого бунтовщики завладѣли уже фортами Лилль и Лифкенсгёкъ[2]).

По церквамъ служили торжественныя службы объ успѣхѣ бунтовщиковъ; за службами присутствовалъ самъ кардиналъ; устраивались торжественныя процессіи въ виду якобы грозящей религіи опасности. Народъ стекался массами. Вслѣдствіе этого правительство 17 окт. разослало отъ имени императора всѣмъ епископамъ декретъ, коимъ запрещались всѣ необычныя торжественныя мессы, а также всякаго рода публичныя службы, не обозначенныя въ обычныхъ рубрикахъ дневнаго богослуженія. На всякій разъ, когда будетъ признано необходимымъ испрашивать божественную помощь для блага религіи и государства особыми молитвами, должно испрашивать особое разрѣшеніе[3]). Духовники убѣждали народъ, что христіанинъ на судѣ съ доброй совѣстью можетъ не только лгать, но и давать ложныя присяги, если выданная имъ истина можетъ повредить монашескому ордену или предстоятелю церкви. Вызываемыя въ судъ лица очень часто отказывались явиться подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ прежде нужно посовѣтоваться съ духовниками[4]).

Кардиналъ Франкенбергъ скрылся, его примѣру послѣдовали и другіе епископы, скрывшіеся частью въ уединенныя мѣста въ своихъ епархіяхъ, частью въ сосѣднюю Голландію. Такъ какъ правительство не знало мѣста, гдѣ находился кардиналъ, и потому письма министра не доходили до него, то послѣдній 28 окт. напечаталъ письмо къ кардиналу въ газетѣ. Въ немъ Траутманнсдорфъ обвинялъ Франкенберга, какъ единственнаго виновника народнаго недовольства и одного изъ главарей заговора противъ императора и всеобщаго возстанія. За это онъ впалъ въ немилость Е. И. В., почему лишался всѣхъ свѣтскихъ отличій и долженъ немедленно возвратить знаки большаго креста ордена св. Стефана и грамоту на чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Франкенбергъ счелъ нужнымъ отвѣтить на это письмо. Въ своемъ отвѣтѣ онъ оправдывался во взведенномъ на него обвиненіи и

---

[1]) D'Alton. Mémoires. I, 254 (Gross-Hoffinger. 310) ср. письма Іосифа къ Леопольду отъ 26 ноября 1789 г. (Arneth. II, 289) и 5-го того же мѣсяца и года (Ibidem. 285).

[2]) Gross Hoffinger. 310. [3]) Wolf, P. Ph. III, 29, 622. Theiner. 206—207.

[4]) Wienerkirchenzeitung. Jahrg. 1789. 727. Nouvelles ecclés. pour l'année 1789, mars 27. 49 (Wolf, P. Ph. III, 624, прим.).

свое бѣгство объяснялъ нежеланіемъ попасть въ руки правительства и быть сосланнымъ въ Штирію, чѣмъ ему грозили. Онъ отказывался возвратить знаки ордена Стефана и грамоту на чинъ до полученія прямого приказа объ этомъ самого императора, такъ какъ очень цѣнилъ эти знаки благоволенія покойной Маріи-Терезіи[1]).

Іосифъ II еще разъ попытался успокоить взволнованные умы бельгійцевъ и убѣдить ихъ въ благородствѣ и безкорыстіи своей реформы. Онъ издалъ объясненіе, въ которомъ, между прочимъ, жаловался на то, что коварное и фанатичное духовенство уже въ теченіе 2 лѣтъ непрерывно строитъ козни, приписывая ему во всемъ злыя намѣренія и внушая его подданнымъ недовѣріе къ нему; затѣмъ шагъ за шагомъ разсматривалъ свои распоряженія, объяснялъ ихъ цѣль и доказывалъ, что всецѣло руководился однимъ благожеланіемъ и любовью къ своему народу[2]).

Но всѣ подобныя заявленія императора были теперь не по времени и необходимо оказывались безплодными; возстаніе росло не по днямъ, а по часамъ; роли въ немъ были распредѣлены между партіями и ни пощада, ни строгость правительства не могли остановить его. Въ самомъ Брюсселѣ д'Альтономъ былъ открытъ заговоръ. Это открытіе имѣло своимъ слѣдствіемъ распоряженіе о разоруженіи города и ускорило вступленіе въ Брабантъ патріотической арміи[3]).

Успѣхъ ванъ деръ Мерша въ сраженіи съ правительственными войсками произвелъ крайне вредное впечатлѣніе на всѣ Нидерланды. Въ самой императорской арміи господствовало дурное настроеніе и духъ мятежа. Войска, охранявшія Геннегау, оставили эту провинцію безъ бою, при первомъ извѣстіи о приближеніи нѣсколькихъ сотъ инсургентовъ, которые даже не пришли, и постоянно обращались въ бѣгство за нѣсколько миль отъ врага, который былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы оказать сопротивленіе. Въ Намюрѣ обратились въ бѣгство всѣ императорскіе офицеры при одномъ извѣстіи о приближеніи отряда патріотовъ, которые также не пришли. Во всемъ войскѣ сказывались слѣды измѣны и невѣрности, благодаря чему и безъ того слабыя силы правительства сводились почти къ нулю. Съ увеличеніемъ затрудненій росло и разногласіе между д'Альтономъ и министромъ[4]). Послѣдній жаловался на медленность военныхъ операцій, а первый на недостатокъ поддержки со стороны правительства, которымъ вызывалась и медленность[5]).

Рядъ событій этого времени представляетъ собою постепенное отпаденіе нидерландскихъ провинцій и самыя безплодныя усилія правительства помѣшать ему. Ванъ деръ Нотъ издалъ манифестъ, въ которомъ, въ качествѣ „полномочнаго министра брабантскаго народа“,

---

[1]) Recueil. XV. 18—21 (Theiner. 208—210), ср. письмо Іосифа къ Леопольду отъ 5 ноября 1789 г. (Arneth. II, 285)

[2]) Wolf, P. Ph. III, 623—624. [3]) Письмо Іосифа II къ Леопольду отъ 5 ноября 1789 г. (Arneth. II, 285).

[4]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 23 ноября 1789 г. (Arneth. II, 288). [5]) Trautmannsdorf. Fragmens. 55. D'Alton. Mémoires. I, 265—283 (Gross-Hoffinger. 310—311).

объявилъ императора Іосифа II лишеннымъ всѣхъ высочайшихъ правъ на эту провинцію[1]).

Траутманнсдорфъ рукой палача сжегъ этотъ манифестъ и объявилъ объ этомъ по всей странѣ, чѣмъ вызвалъ выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ со стороны немногихъ провинцій, тогда какъ въ остальныхъ сказывалось сквернѣйшее настроеніе. Въ Антверпенѣ спокойствіе было возстановлено только угрозой бросать изъ цитадели въ городъ гранаты; въ Монсѣ граждане были усмирены только военной силой. Канцлеръ Краумпипенъ былъ захваченъ инсургентами въ своемъ имѣніи и уведенъ въ плѣнъ[2]).

Манифестъ ванъ деръ Нота былъ сигналомъ къ всеобщему народному возстанію. Всѣ схватились за оружіе, цѣлыя толпы монаховъ вмѣшались въ войска, на всѣхъ колокольняхъ развѣвались красныя знамена, чтобы придать возмущенію характеръ религіозной войны[3]).

А въ это же самое время нидерландское правительство гражданское и военное дѣлало, по собственнымъ выраженіямъ императора, глупость за глупостью, причиняя ему сильнѣйшую боль при мучительномъ сознаніи, что на такомъ разстояніи нельзя ни приказывать, ни распоряжаться[4]).

Семитысячное войско и строгость генерала Арберга противъ всѣхъ взбунтовавшихся мѣстъ разогнали инсургентовъ только на короткое время. Скоро взныхнуло возстаніе во Фландріи и ея столица отворила ворота инсургентамъ. Одинъ за другимъ отпали отъ императора Гентъ, Брюгге, Остенде, Антверпенъ и Монсъ,—слабые гарнизоны были или выгнаны или взяты въ плѣнъ. 13 ноября инсургенты вторглись въ Гентъ, 23 чины Фландріи объявили несуществующими высочайшія права императора и рѣшили возобновить союзъ съ Брабантомъ, предложить соединеніе всѣмъ нидерландскимъ провинціямъ, составить для Фландріи армію въ 20/т. человѣкъ, объявить совѣтъ этой провинціи верховнымъ трибуналомъ, образовать комиссію для закупки военныхъ припасовъ и избрать депутатовъ въ постоянный комитетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они грозили брюссельскому правительству за насилія Арберга надъ гражданами Гента репрессаліями противъ правительственныхъ солдатъ и чиновниковъ[5]).

Траутманнсдорфъ попросилъ генералъ-штатгальтеровъ оставить Брюссель. Когда императоръ письмомъ отъ 16 ноября просилъ ихъ о томъ же, а 17—Траутманнсдорфъ сказалъ, что нельзя терять ни минуты, 18—рано утромъ они оставили Брюссель и чрезъ Люксембургъ направились въ Ахенъ, а 22 ноября прибыли въ Кобленцъ. Этотъ отъѣздъ произвелъ большое смущеніе между роялистами; высшіе чиновники послѣдовали примѣру И. К. В.[6]). На валахъ Брюсселя были установлены пушки, объявлено оборонительное положеніе. Между тѣмъ

---

[1]) Gross-Hoffinger. 311—313.
[2]) Ibidem. 313—314. [3]) Wolf, P. Ph. III, 627—628. [4]) Письма Іосифа къ Леопольду отъ 23 ноября 1789 г. (Arneth. II, 288) и 26 того же мѣсяца и года (Ibidem. II, 289—290).
[5]) Cornova. 546 (Gross-Hoffinger. 313—314). [6]) Wendrinsky. 283.

20 ванъ деръ Мершъ прибылъ въ Люттихъ и, хотя инсургенты потерпѣли неудачу при Намюрѣ, подъ предводительствомъ Рувруа, самъ ванъ деръ Мершъ взялъ Дистъ и Тирлемонъ.

Положеніе правительства было крайне затруднительнымъ. Фландрія и Геннегау были потеряны, провинція Намюръ была покинута и предоставлена нападеніямъ инсургентовъ, такъ что сдѣлалось затруднительнымъ даже сообщеніе съ Люксембургомъ, Лимбургу грозили Брабантъ дурно защищали, д' Альтонъ не ручался болѣе за сохраненіе ничего, кромѣ Брюсселя. 19 ноября Траутманнсдорфъ потребовалъ новыхъ войскъ. Императоръ, замѣтивъ теперь отсутствіе единодушія между обоими уполномоченными и увеличеніе безпорядка вслѣдствіе взаимнаго противодѣйствія ихъ другъ другу, рѣшилъ послать въ Нидерланды гр. Кобенцля съ неограниченной какъ гражданской, такъ и военной властью, а д'Альтона смѣнить Феррарисомъ, въ случаѣ согласія послѣдняго, въ виду того, что глупости генерала д'Альтона и назначенныхъ имъ превосходятъ все, что̀ только можно вообразить[1])".

Но Кобенцль, задержанный долго въ Кобленцѣ, прибылъ въ Нидерланды слишкомъ поздно[2]). Траутманнсдорфъ на собственную отвѣтственность дѣлалъ одну за другой уступки, только роняющія безъ того упавшій авторитетъ правительства. Императоръ, введенный въ заблужденіе противорѣчивыми извѣстіями[3]), не имѣлъ понятія объ истинныхъ размѣрахъ опасности. Когда до него дошли, наконецъ, неожиданныя извѣстія о несчастныхъ случаяхъ, онъ былъ ими въ высшей степени пораженъ[4]). Къ прибытію Кобенцля дѣло зашло такъ далеко, что ему не осталось ни мягкихъ, ни суровыхъ мѣръ. Указами отъ 20, 21, 25 и 26 ноября Траутманнсдорфъ сдѣлалъ все, что̀ могъ, для мирнаго окончанія возмущенія—отказался отъ генеральной семинаріи, обѣщалъ всеобщую амнистію, соглашеніе съ чинами во всѣхъ пунктахъ конституціи, возстановленіе Joyeuse Entrée и Брабантскаго Совѣта и остановку военныхъ мѣръ[5]).

Послѣднія уступки Траутманнсдорфа, какъ можно было предвидѣть, получили видъ доказательства страха и слабости правительства. Чины Брабанта отказались собраться на засѣданіе, пока ихъ окружаютъ пушки и штыки, во Фландріи чины объявили себя независимыми и приняли въ свои руки правленіе. Въ то время какъ войска горѣли военнымъ пыломъ, Траутманнсдорфъ заключилъ съ ванъ деръ Мершемъ десятидневное перемиріе, чѣмъ инсургенты были признаны общественной силой. Чины хотѣли продолжить это перемиріе до двухъ мѣсяцевъ, чтобы войти въ соглашеніе съ правительствомъ относитель-

[1]) Gross-Hoffinger. 314—315. Письма Іосифа къ Леопольду отъ 26 ноября 1789 г. (Arneth. II, 290), 30 того же мѣсяца и года (Ibidem. 291) и 3 дек. 1789 г. (Ibibem. 291—292). [2]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 21 дек. 1789 г. (Ibidem. 302—303).

[3]) Тоже отъ 3 дек. 1789 г. (Ibidem. 291). [4]) Trautmannsdorf. Fragmens. 59 (Gross-Hoffinger. 315—316).

[5]) Wendrinsky. 283. Gross-Hoffinger. 316. Письма Іосифа II къ Леопольду отъ 6 и 7 дек. 1789 г. (Arneth. II, 293—295).

но средствъ къ возстановленію мира. Пользуясь перемиріемъ, инсургенты явились въ Брюссель. 10 дек. по окончаніи мессы былъ данъ лозунгъ къ общему возстанію, причемъ одинъ изъ толпы надѣлъ кокарду. Его примѣру тотчасъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе съ криками: „Да здравствуетъ ванъ деръ Нотъ и патріоты"! Стража у воротъ, подкупленная бунтовщиками, и два полка войска перешли на сторону бунтовщиковъ. Гр. Траутманнсдорфъ думалъ возстановить спокойствіе при помощи самихъ гражданъ, почему оказалъ имъ безпримѣрное довѣріе, возвративъ оружіе, но на слѣдующій же день обнаружилось, что его расчеты не оправдались. Когда одинъ офицеръ хотѣлъ на улицѣ сорвать кокарду у одного горожанина, составилась сходка, въ результатѣ которой еще 500 военныхъ перешли къ бунтовщикамъ. Д'Альтонъ былъ принужденъ силой защищаться противъ силы: открылъ по собравшейся толпѣ огонь; граждане обратились къ оружію. Изъ оконъ открыли стрѣльбу по его войскамъ; около 11 часовъ торговая площадь была завоевана, а гарнизонъ былъ принужденъ отступить въ верхнюю часть города. 12-го онъ и здѣсь подвергся нападенію и, несмотря на свой пушечный огонь, принужденъ былъ сдаться на капитуляцію и около полудня оставить городъ. Королевское казначейство съ 3/м. гульденовъ, военная касса, архивъ, пушки и много тысячъ оружія достались инсургентамъ. Правительственные чиновники бѣжали пѣшкомъ. Д'Альтонъ провелъ свои войска въ Люксембургъ; императорская армія была распущена[1]). Паденіе Брюсселя повлекло непосредственно за собой утрату Лёвена, Антверпена, Мехельна и Намюра. 14-го ванъ деръ Мершъ вступилъ въ Брюссель, а 17-го ванъ деръ Нотъ съ остальными вождями патріотовъ устроилъ торжественный въѣздъ изъ Бреда. Этими происшествіями гибель Нидерландовъ для Австріи была рѣшена.

Іосифъ II самъ смотрѣлъ въ это время на Нидерланды, какъ на потерянные для Австріи[2]).

13 дек. была объявлена независимость Нидерландовъ, 19—чины въ первомъ государственномъ собраніи приложили къ себѣ титулъ великомощнаго государства Нижней-Лотарингіи, Брабанта и маркизата Антверпена. Затѣмъ послѣдовалъ уніатскій актъ бельгійскихъ провинцій, къ которому, наконецъ, (28-го) присоединился и Лимбургъ, а въ послѣдній день года была дана присяга на новую конституцію. Одинъ Люксембургъ былъ еще занятъ д'Альтономъ, на мѣсто котораго былъ назначенъ Бендеръ. Посланный съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ императора генералъ Феррарисъ былъ схваченъ и вынужденъ дать обѣщаніе во время этихъ безпорядковъ не принимать участія въ сраженіяхъ противъ бельгійцевъ; бѣжавшимъ господамъ грозили конфискаціей имѣній, правительственные чиновники были арестованы. Предложенія Феррариса были отвергнуты. Чины считали себя уже въ

[1]) Wendrinsky. 283—284. Gross-Hoffinger. 316—318 ср. письмо Іосифа къ Леопольду отъ 21 дек. 1789 г. (Arneth. II, 303). [2]) Письма Іосифа къ Леопольду отъ 21, 24 и 31 дек. 1789 г. (Arneth. II, 303, 304 и 306).

правѣ предписывать условія мира. Говорили о возстановленіи старой конституціи подъ гарантіей иноземныхъ державъ, объ освобожденіи отъ субсидій, о занятіи городовъ національной милиціей, сослужившей инсургентамъ столь хорошую службу, и чтобы Нидерланды никогда не могли быть обмѣнены. Въ этихъ требованіяхъ очевидно иностранное вліяніе, которое, помимо этого, становиться несомнѣннымъ изъ свиданій брабантскаго повѣреннаго по дѣламъ съ англійскимъ и прусскимъ послами[1]).

28 дек. 1789 г. Іосифъ писалъ сестрѣ своей, Христинѣ: „Эти несчастныя происшествія въ Нидерландахъ въ горестномъ положеніи, въ какомъ я нахожусь, окончательно убиваютъ меня. Я не могу ни дышать, ни спать, ни двигаться; всю ночь провожу, сидя. Въ настоящую минуту, думаю, въ Нидерландахъ ничто не поможетъ. Нужно ждать событій и случая для новаго завоеванія страны. Объявлена полная независимость и она поддерживается тремя державами. Что случилось, чтобы довести вещи до этого положенія, по истинѣ, невѣроятно. Если бы знали, какими увѣреніями меня склонили издать указъ объ отмѣнѣ чиновъ и Совѣта Брабанта; у меня вырвали обѣщаніе, когда я больной лежалъ въ Ляксенбургѣ“[2]).

Кобенцль удалился изъ Люксембурга, потому что въ 16 мѣстахъ появились патріоты[3]). Новый годъ начался такъ же, какъ кончился старый. Ванъ деръ Мершъ 1 янв. напалъ на императорскія войска при Мессоне, но первымъ пушечнымъ выстрѣломъ его войска были разбиты. Онъ бѣжалъ въ Намюръ, гдѣ набралъ 30/т. Бендеръ могъ думать только объ удержаніи Люксембурга, потому что все его войско состояло изъ 10/т. Пруссія, Англія и Голландія подстрекали бунтовщиковъ образовать новую республику подъ ихъ гарантіей, сохранять независимость и не вступать ни въ какіе переговоры съ Іосифомъ II[4]). 7 января 1790 г. было общее собраніе депутатовъ отъ провинцій Брабанта, Фландріи, Геннегау, Намюра, Мехельна, Антверпена, Дорника, Гельдерна и Лимбурга, словомъ отъ всей австрійской Бельгіи, за исключеніемъ Люксембурга, въ Брюсселѣ. Они образовали у себя конституцію, какъ у соединенныхъ бельгійскихъ штатовъ. По ней, генеральнымъ штатамъ принадлежало право войны и мира; за провинціями оставались всѣ другія высочайшія права: законодательство, свобода, независимость и судебная власть. Высшее правленіе принадлежало коллективному начальству подъ именемъ „верховнаго конгресса соединенныхъ бельгійскихъ чиновъ“, составленному изъ депутатовъ каждой провинціи. На генеральномъ собраніи 7 янв. предсѣдательствовалъ кардиналъ Франкенбергъ, а всю законодательную корпорацію направляли ванъ деръ Нотъ и ванъ Эупенъ. На этомъ собраніи обнаружилось, на чьей помощи этотъ конгрессъ созидалъ свою власть. Публично называли Англію, Пруссію и Голландію въ качествѣ пору-

[1]) Cornova. 550 sq. (Gross-Hoffinger. 318—319). Wendrinsky. 284.
[2]) Wendrinsky. 284 ср. письма Іосифа къ Леопольду отъ того же числа и года и отъ 11 янв. 1790 г. (Arneth. II, 305, 309). [3]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 31 дек. 1789 г. (Ibidem. 305—306). [4]) Тоже отъ 4 янв. 1790 г. (Ibidem. 307).

чительницъ новой республики. Леемпёль, повѣренный по дѣламъ отпавшихъ чиновъ, заявлялъ въ Гаагѣ, что три союзныя державы никогда не допустятъ измѣненія настоящей конституціи Бельгіи. Понятно, что при такой сильной поддержкѣ посредническая мессія Кобенцля не могла имѣть успѣха. 12 янв. чины отмѣнили все церковное законодательство Іосифа II и возвратили церкви и епископамъ ихъ прежнія права и вольности. Народъ сжегъ огромныя зданія для генеральной семинаріи, стоившія императору большихъ денегъ. Зданія сравняли съ землей. На память потомству на ихъ мѣстѣ, при торжественномъ религіозномъ пѣніи собравшихся чиновъ и очень многочисленнаго народа, была воздвигнута колонна съ символическимъ изображеніемъ религіи, національнымъ гербомъ и соотвѣтственной надписью. Уже по смерти Іосифа, 1 марта 1790 г. въ университетѣ открылись лекціи на всѣхъ 4 факультетахъ. Началось ученіе и во всѣхъ богословскихъ лёвенскихъ коллегіяхъ, раньше закрытыхъ и соединенныхъ съ генеральной семинаріей, а также въ епископскихъ семинаріяхъ. Кардиналъ освятилъ открытіе университета торжественнымъ богослуженіемъ.

20 янв. 1790 г. былъ объявленъ актъ союза.

Такъ пало владычество Австріи въ Нидерландахъ[1]).

Этотъ ударъ, можно сказать, добилъ и безъ того еле дышавшаго императора[2]).

Больной, отчаявшись удержать за собой Нидерланды, Іосифъ рѣшился на унизительный для себя шагъ, какъ на послѣднее крайнее средство—обратился за посредничествомъ къ папѣ. Онъ возобновлялъ данныя прежде бельгійцамъ обѣщанія и увѣрялъ, что устранитъ всѣ нарушенія не только правъ церкви, но и конституціи страны и, по возможности, исправитъ причиненный вредъ. По Тейнеру, императоръ обѣщалъ отмѣнить церковную реформу и въ остальныхъ частяхъ своего государства наравнѣ съ Бельгіей[3]), а между тѣмъ въ приведенномъ у самого Тейнера папскомъ бреве въ отвѣтъ на просьбу Іосифа II Пій VI самъ говоритъ, что онъ только *надѣется* на это *съ увѣренностью*, опираясь на благочестіе императора[4]). Конечно, если бы это обѣщаніе императора существовало въ дѣйствительности, папа не преминулъ бы указать прямо на него, а не сталъ бы опираться на „благочестіе“ Іосифа II.

Папа съ большимъ удовольствіемъ согласился на предложеніе Іосифа, чтобы воспользоваться случаемъ выступить въ важной роли посредника. 23 янв. 1790 г.[5]) онъ издалъ на имя Мехельнскаго кардинала-архіепископа и остальныхъ епископовъ Бельгіи бреве, въ которомъ сообщая имъ объ обѣщаніи императора возстановить въ

---

[1]) Gross-Hoffinger. 319—320. Wendrinsky. 284—285. Theiner. 217—218. [2]) Письмо Іосифа къ Екатеринѣ II отъ 6 янв. 1790 г. (Arneth. 346) ср. Gerlach. Hist. du royaume des Pays-Bas. 156 (Theiner. 215). [3]) 211. [4]) 213. [5]) По Тейнеру, 13 янв. Но этотъ историкъ не можетъ похвалиться точностью хронологіи: такъ, онъ относитъ смерть Іосифа къ 20 янв. (215), тогда какъ, въ дѣйствительности, какъ извѣстно, она случилась 20 февр. Прим. авт.

Бельгіи прежній церковный и гражданскій строй и даровать всеобщую амнистію, убѣждалъ ихъ склонить народъ къ подчиненію Іосифу[1]).

Но бреве папы не достигло своей цѣли и, такимъ образомъ, обращеніе Іосифа въ Римъ кончилось однимъ униженіемъ для него. Папское бреве опоздало, да епископы и отвергли его, обратившись, съ своей стороны, къ Е. Св. съ просьбой (8 марта 1790 г.)—выступить посредникомъ между ними и иностранными дворами въ интересахъ охраненія вновь образовавшейся независимой республики[2]).

Нидерландскіе безпорядки послужили дурнымъ прецедентомъ для остальныхъ частей австрійской имперіи. Неудачная, продолжительная борьба съ ними правительства окрыляла надеждами на успѣхъ недовольныхъ реформой императора. И прежде всего вліяніе Нидерландовъ сказалось на сродной съ ними по своему положенію въ имперіи и соціальному строю Венгріи.—При одинаковыхъ условіяхъ естественны въ исторической жизни и одинаковыя явленія. Отсюда протестъ Венгріи противъ реформы Іосифа II вполнѣ понятенъ, а что онъ не сопровождался однимъ результатомъ, т. е. революціей и отпаденіемъ королевства отъ имперіи, зависѣло отъ нѣкоторыхъ особенностей послѣдняго. 1) Прежде всего, въ Венгріи католическая вѣра не была единственной, какъ въ Нидерландахъ, такъ какъ въ странѣ было много жителей некатоликовъ. Поэтому церковныя преобразованія Іосифа II не дѣйствовали такъ на народъ, какъ въ Бельгіи. 2) Въ Венгріи не было такого развитія буржуазіи, какъ въ Нидерландахъ, гдѣ въ городахъ очень живо сохранялось сознаніе самостоятельности и самоуправленія, изъ этого класса и вышли главные передовые бойцы революціи. 3) Хотя въ Венгріи революціонные листки были поддержаны Пруссіей, но далеко не въ одинаковой мѣрѣ съ Бельгіей, гдѣ поддержка шла, кромѣ Прусіи, изъ Франціи и Голландіи[1]). 4) По своему географическому положенію, Венгрія гораздо ближе къ Вѣнѣ, чѣмъ Бельгія, отсюда больше возможности слѣдить за теченіемъ дѣлъ и принимать своевременныя мѣры.—Наконецъ, въ Венгріи Іосифъ своевременно разрушилъ своими руками собственное дѣло.

Іосифъ II хорошо видѣлъ слабыя стороны венгерской конституціи и всю ненормальность соціальныхъ отношеній между высшими и низшими классами общества. Дворянство, обезпеченное матеріально, вмѣстѣ съ богатымъ духовенствомъ было свободно отъ государственныхъ сборовъ и налоговъ, занимало всѣ административные посты и фактически управляло страной, гарантируемое отъ власти монарха различными традиціонными привиллегіями. Забитое, лишенное всѣхъ человѣческихъ правъ крѣпостное крестьянство, на долю котораго, по выраженію венгерскаго историка, Коллара, не приходилось ничего, кромѣ „тяжелаго и ненавистнаго существованія“[2]), несло на своихъ рабскихъ плечахъ

[1]) Wolf, P. Ph. III, 627—628, 628—634 ср. Theiner. 211—215. [2]) Wolf, P. Ph. III, 634—638.

[1]) Wendrinsky. 286. [2]) Kallár, F. A. „Von d. Anfängen und d. immerwährende Gebrauche d. gesetzgebenden Gewalt in geistlichen Dingen seitens d. apostolischen Könige Ungarns“ (Krones. 7, 13).

всѣ государственныя и господскія тягости. Вопіющія злоупотребленія по отношенію къ этимъ безотвѣтнымъ рабамъ со стороны ихъ полновластныхъ господъ оставались безнаказанными, такъ какъ судебная власть была въ рукахъ тѣхъ же господъ. За двѣ поѣздки свои по Венгріи и Трансильваніи Іосифъ II, еще будучи соправителемъ своей матери, на мѣстѣ ознакомился съ вопіющими безпорядками. Поэтому, хотя онъ и издалъ въ день своего вступленія на тронъ на имя венгерскихъ комитатовъ и присутственныхъ мѣстъ рескриптъ, которымъ обѣщался ненарушимо хранить всѣ венгерскія традиціонныя права и привиллегіи, однако, не короновался венгерской короной, чтобы не дать клятвы на сохраненіе венгерской конституціи[1]). И, дѣйствительно, вскорѣ послѣ вступленія на тронъ въ качествѣ самостоятельнаго государя, онъ началъ и въ Венгріи производить тѣ же преобразованія, что̀ и въ остальной имперіи. Какъ церковныя, такъ и гражданскія преобразованія императора вызвали здѣсь сильный протестъ.

Во главѣ противниковъ церковной реформы Іосифа II въ Венгріи сталъ венгерскій примасъ, архіепископъ Грана, графъ J. Баттіани. Отъ лица всѣхъ венгерскихъ епископовъ онъ подалъ императору торжественное представленіе. Въ введеніи онъ говорилъ, что совѣсть и убѣжденія препятствуютъ имъ опубликовать изданныя императоромъ распоряженія, поэтому, въ надеждѣ на лучшее убѣжденіе Е. В., они пока еще не объявляли ихъ. Онъ далекъ, конечно, отъ того, чтобы подвергать сомнѣнію высочайшія права и власть, полученныя Е. В. непосредственно отъ Бога, но на землѣ существуетъ еще другая, также происходящая отъ Бога, высшая и независимая власть, именно власть вязать и рѣшить и пасти стадо Христово. Эту власть Божественный Искупитель ввѣрилъ св. Петру, апостоламъ и ихъ преемникамъ. Государи, правда, сдѣлались покровителями церкви, но никогда не получили ни въ ней, ни надъ ней никакой власти. Въ то время, какъ весь міръ подчиненъ церкви, государи не получили никакого права господствовать надъ нею и короли стали только дѣтьми ея, но не господами. Конечно, онъ не хочетъ дѣлать Е. В. упрека въ присвоеніи себѣ власти надъ церковью, однако, вынужденъ напомнить, съ глубочайшей вѣрноподданностью, что новыя высочайшія распоряженія по церковнымъ вопросамъ переступаютъ границы чисто гражданской власти, хотя, впрочемъ, они и явились съ согласія и по совѣту духовныхъ лицъ, которые услужили Е. В., можетъ быть, болѣе изъ лести, чѣмъ изъ любви къ истинѣ.—Далѣе онъ указывалъ причины, препятствовавшія ему опубликовать высочайшія распоряженія о прекращеніи связи монаховъ съ генералами орденовъ и опровергалъ распространяемое многими мнѣніе, что монастыри въ тягость простому, бѣдному народу[2]).

Императоръ отвѣтилъ венгерскимъ епископамъ, что „онъ издалъ

[1]) Mailáth. I, 63—64.

[2]) Nouvelles ecclésiastiques pour l'année 1782 du 12 juin, p.p. 93 ssq. (у Wolf, P. Ph. III, 284—288) ср. Brunner. 323.

распоряженія по церковнымъ предметамъ по зрѣломъ размышленіи и по совѣту многихъ благочестивыхъ и мудрыхъ духовныхъ лицъ. Далекій отъ мысли оказывать давленіе на совѣсть своихъ подданныхъ, онъ предоставляетъ каждому, кто не можетъ помириться съ своей совѣстью относительно этихъ распоряженій, свободу отказаться отъ должности и выселиться“ [1]). Бруннеръ замѣчаетъ, что эта свобода имѣетъ еще нѣкоторую цѣну, если вспомнить судьбу христіанъ при римскихъ языческихъ императорахъ [2]).

По венгерской конституціи, императоръ, безъ согласія чиновъ, не могъ коснуться мѣстныхъ учрежденій католической церкви. 21 дек. 1781 г. венгерская придворная канцелярія сдѣлала въ этомъ смыслѣ представленіе, чтобы предупредить закрытіе монастырей. Государственный совѣтъ нашелъ это представленіе неосновательнымъ и побудилъ императора распространить свои церковныя преобразованія и на Венгрію, что̀ и было исполнено. Однако, императоръ, по докладу Геблера и Гатцфельда, приказалъ упомянутой канцеляріи каждый разъ сообщать ему о противорѣчіи его распоряженій in publico-ecclesiasticis съ венгерскими законами.—Канцелярія съ большой готовностью „исполнила это высочайшее повелѣніе, представивъ императору 12 апр. 1782 г. массу поступившихъ въ нее жалобъ противъ патента о вѣротерпимости и замѣтивъ отъ себя, что послѣдній нарушаетъ законодательное право венгерскаго ландтага. И на этотъ разъ государственный совѣтъ былъ иного взгляда. Даже Гатцфельдъ думалъ, что для изданія такихъ законовъ императору не нужно согласія венгерскихъ чиновъ. Въ этомъ смыслѣ былъ данъ отвѣтъ и канцеляріи [3]).

Изъ многочисленныхъ публичныхъ документовъ венгерскаго протеста противъ распоряженій Іосифа II о вѣротерпимости особенно заслуживаетъ сохраненія въ лѣтописяхъ человѣческой исторіи представленіе штульвейссенбургскаго епископа въ прессбургское королевское штатгальтерство [4]). Если и все это представленіе хорошо и по содержанію и по изложенію, то его „конецъ—всему дѣлу вѣнецъ“: епископъ слишкомъ прозрачно называетъ здѣсь Іосифа II невѣрующимъ и, какъ такового, по слову Самого Христа, проклинаетъ и объявляетъ язычникомъ и мытаремъ. Все утѣшеніе въ положеніи дѣлъ, устанавливаемомъ новыми правительственными распоряженіями, епископъ находитъ въ защитѣ пастырей церкви со стороны Всемогущаго и въ надеждѣ на непродолжительность торжества некатоликовъ въ Венгіи.—Дальше итти, кажется, уже некуда: нужно было имѣть значительную дозу дерзости для такого представленія въ присутственное мѣсто.

Не менѣе энергичное сопротивленіе вызвала въ Венгріи и гражданская реформа императора. Особенно страстное возбужденіе мадьяровъ было вызвано іосифовскимъ распоряженіемъ объ обязательномъ введеніи въ административной сферѣ нѣмецкаго языка вмѣсто латинскаго.

---

[1]) Brunner. 323. [2]) Ibidem. 323. [3]) Hock. 175—176.
[4]) Schlözer. Staatsanzeigen. Bd. III. Heft. XII, 441—479 (Wolf, P. Ph. III, 289—303).

Ослѣпленные раздраженіемъ мадьяры отвращались даже отъ самыхъ благодѣтельныхъ нововведеній императора. Конечно, въ видахъ ассимиляціи, германизаціи Венгріи введеніе нѣмецкаго языка было очень важно. Это понимала еще Марія-Терезія и исподволь принимала мѣры въ этомъ направленіи. Нѣмецкій языкъ въ Венгріи значительно укоренился въ теченіе столѣтій. Онъ былъ распространенъ по столичнымъ, промышленнымъ и торговымъ городамъ и находилъ тѣмъ бо́льшій доступъ въ высшіе круги аристократіи, чѣмъ живѣе послѣдняя чувствовала потребность приноравливаться къ нѣмецкому двору въ нравахъ и тонѣ. Марія-Терезія своей любезностью умѣла привязывать къ столицѣ высшее дворянство и въ домахъ магнатовъ раздавалось много нѣмецкихъ, мало латинскихъ и меньше всего мадьярскихъ словъ. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о безшумной германизаціи венгерскаго дворянства, но имперское дворянство, зерно націи въ политическомъ смыслѣ, оставалось далекимъ отъ нея: его житейская философія суммировалась въ извѣстномъ простодушномъ изрѣченіи—«extra Hungariam non est vita, et si est vita, non est ita!». Въ общемъ, въ эпоху Маріи-Терезіи въ массѣ мадьярской націи національность понималась только политически, но безотносительно къ языку. Въ многоязычной, многоплеменной карпатской странѣ каждый былъ „венгерцемъ“, а не мадьяромъ, славяниномъ, нѣмцемъ, сербомъ, когда заходила рѣчь объ его національномъ, государственномъ сознаніи. Борьбы изъ-за языка новаго рода не могло быть, потому что нейтральнымъ, связующимъ эти пестрые элементы въ государственной жизни былъ латинскій. При такомъ положеніи послѣдняго не мыслима была борьба съ нимъ для нѣмецкаго.

Но чѣмъ болѣе въ послѣднюю треть царствованія Маріи-Терезіи правительство проникалось идеей централизаціи, тѣмъ живѣе чувствовалась потребность заставить венгровъ признать необходимость нѣмецкаго языка для оффиціальной и общественной жизни. Занялись выясненіемъ матеріальной выгоды для жителей Венгріи отъ знанія нѣмецкаго языка. Декретъ придворной канцеляріи отъ 20 іюня 1774 г. пытался доказать, какой вредъ приноситъ благосостоянію Венгріи пренебреженіе нѣмецкимъ языкомъ. Болѣе раннимъ распоряженіемъ (отъ 29 марта) въ числѣ предметовъ обученія въ венгерскихъ городскихъ школахъ поставлено „нѣкоторое умѣнье говорить понѣмецки“. Важность, которую правительство признавало за изученіемъ нѣмецкаго языка, отражается уже на реформѣ—статутѣ Тырновскаго университета (1770 г.). Въ правилахъ о гуманитарныхъ наукахъ объ этомъ говорилось: „Такъ какъ извѣстно, что въ этой имперіи въ употребленіи три языка—венгерскій, нѣмецкій и славянскій, изъ которыхъ нѣмецкій особенно полезенъ, даже необходимъ, то всѣ юноши, не знающіе послѣдняго съ самаго ранняго возраста должны быть старательно обучаемы этому языку и во всѣхъ классахъ ревностно упражняться въ немъ, конечно, безъ вреда для своего роднаго языка, необходимаго для всѣхъ ихъ на ихъ родинѣ“.

Если прослѣдить ходъ мыслей перваго распоряженія, то нельзя не признать, что правительство сумѣло искусно развить значеніе нѣмецкаго языка для венгерской культуры. Оно избѣгало формальнаго принужденія; не назначало опредѣленнаго срока, въ который венгры должны изучить нѣмецкій языкъ. И это было очень дальновидной политикой, потому что въ подобныхъ случаяхъ гнуть всегда умѣстнѣе, чѣмъ прямо ломать. И практика помогала этимъ теоретическимъ принципамъ. Высшая венгерская аристократія все болѣе тянулась къ вѣнскому двору и сама собою германизовалась. Дворянинъ часто слѣдовалъ примѣру магнатовъ, среди буржуазіи вольныхъ имперскихъ городовъ нѣмецкіе порядки пользовались перевѣсомъ. На ряду съ латинскимъ, разговорнымъ и оффиціальнымъ языкамъ, все больше начиналъ раздаваться нѣмецкій. Мадьярскій еще не былъ предметомъ патріотическаго и оппозиціоннаго попеченія.

При Іосифѣ II положеніе вещей круто измѣняется. Мѣсто предложенія занимаетъ категорическій приказъ: подданные должны повиноваться безъ всякихъ возраженій и все, что̀ должно случиться, должно случиться въ опредѣленный срокъ; кабинетный приказъ стоитъ выше фактическихъ затрудненій, не признаетъ полной невозможности, протестующей противъ требованія, и не обращаетъ вниманія на то, что народы тѣмъ упрямѣе сопротивляются нововведеніямъ, чѣмъ болѣе инстинктивное предчувствіе подсказываетъ имъ, что въ самомъ нововведеніи лежитъ непримиримое противорѣчіе съ дѣйствительнымъ положеніемъ.

Въ 1781 г. имѣли силу еще принципы распоряженія о школьномъ образованіи 1777 г. Въ апр. 1781 г. послѣднее распоряженіе было утверждено. Здѣсь въ 102 § говорилось о пользѣ изученія нѣмецкаго языка, какъ такого, на которомъ написана масса хорошихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Но на такой точкѣ зрѣнія Іосифъ II не могъ остановиться по самому своему характеру: что здѣсь рекомендовалось въ качествѣ общеполезнаго, то скоро должно было явиться въ видѣ непремѣнной обязанности, приказа. Такъ, 6 марта 1784 г. вышелъ приказъ о введеніи въ трехлѣтній срокъ нѣмецкаго языка въ качествѣ оффиціальнаго вмѣсто латинскаго. „Вѣнская Газета“ немедленно напечатала пояснительное распоряженіе, помѣщенное въ полномъ видѣ въ указѣ императорскаго штатгальтерства для Венгріи (18 мая 1784 г. Прессбургъ).

Кронесъ находитъ, что чѣмъ безпристрастнѣе сопоставлять содержаніе этого приказа со всѣмъ положеніемъ вещей и съ бывшими въ распоряженіи средствами, тѣмъ понятнѣе становятся трудность приведенія въ исполненіе этого распоряженія и встрѣченный имъ протестъ. Въ срокъ отъ одного до 3 лѣтъ весь административный организмъ Венгріи съ вершины до корней долженъ функціонировать понѣмецки. Общественная жизнь и значеніе въ ней сразу дѣлались возможными только для нѣмецкаго венгра, или сдѣлавшагося нѣмецкимъ. Для націи, въ которой всякій, кому не мѣшали данныя жизненныя

обстоятельства, безъ принужденія привыкъ вращаться къ общественной жизни, такая мѣра казалась неслыханнымъ насиліемъ. И эта мѣра, принятая государемъ, открыто ставившимъ себя выше всѣхъ формъ конституціи и историческихъ правъ Венгріи и уже вслѣдствіе этого ненавистнымъ, представляла по самому своему существу достаточно пунктовъ для возраженій и со стороны безпристрастнаго человѣка.

Въ теченіе 3 лѣтъ Венгрія должна была германизоваться, потому что такъ, а не иначе понималъ дѣло патріотъ, должно изгонять венгерца и привлекать нѣмца, вмѣстѣ съ нѣмецкой рѣчью должно учиться и мыслить понѣмецки. Императоръ желалъ предотвратить это опасное толкованіе, поэтому распоряженіе заканчивалось слѣдующими словами: „Это—твердое рѣшеніе Е. В., по зрѣломъ размышленіи и полному убѣжденію, имѣющее цѣлью благо и честь венгерской націи. Е. В. пришелъ къ нему не потому, что ему было угодно искоренить національный языкъ и не затѣмъ, чтобы различныя націи, живущія въ Венгріи и принадлежащихъ къ ней частяхъ и въ великомъ герц. Трансильваніи, оставили употребленіе своего роднаго языка и стали изучать другой и не потому, чтобы хотѣлъ воспользоваться имъ для собственнаго удобства: высочайшее распоряженіе направлено только къ тому, чтобы ведущіе общественныя дѣла могли понимать какъ понѣмецки, такъ и полатыни и пользоваться, по требованію обстоятельствъ, обоими языками. Поэтому никакія представленія не удержатъ Е. В. отъ приведенія въ исполненіе этого распоряженія“. Но вѣрила-ли національная оппозиція этимъ оправданіямъ? Не звучали-ли начальныя слова ироніей, чистымъ издѣвательствомъ, особенно при сопоставленіи съ ними заключительныхъ строкъ, которыми не допускаются никакіе протесты? Что̀ съ точки зрѣнія императора было „ко благу и чести венгерской націи“, противному настроенію,—а оно давало тонъ,—представлялось тираніей, вдвойнѣ опасной, потому что она затрогивала за живое національность[1]).

Также деспотически-самовластно проводилъ Іосифъ II и остальныя реформы свои въ церковной и гражданской сферахъ: все, что ни сдѣлалъ онъ въ Венгріи, какъ и въ остальной имперіи, сдѣлалъ своей собственной властью, не собравъ ни одного сейма, не воспользовавшись въ этихъ видахъ законными средствами, предоставленными ему конституціей страны[2]). Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Венгріи поднялся протестъ противъ его реформы. Вотъ сводъ жалобъ, по дневнику одного современнаго Іосифу II венгерскаго писателя, Керештези (Keresztesi), сочувствовавшаго реформѣ императора: 1) Іосифъ 9 лѣтъ все еще не коронуется и не даетъ обычной при коронаціи присяги. 2) Безъ вѣдома и воли имперіи, онъ приказалъ, да еще въ мирное время, унести корону въ Вѣну и хранить въ своемъ казнохранилищѣ, какъ частную собственность. 3) Онъ замѣнилъ законный латинскій языкъ, къ позору для мадьярскаго наро-

[1]) Krones. 23—33 ср. Hock. 179—180. [2]) Hock. 181—191.

да, нѣмецкимъ, вслѣдствіе чего не знающіе послѣдняго многіе сыны отечества осуждены на молчаніе. 4) Ввелъ номера для домовъ и именно при помощи солдатъ, тогда какъ послѣдніе содержатся противъ внѣшняго врага, а не для гражданскихъ надобностей. 5) Отобралъ у духовенства имущества, упразднилъ монашескіе ордена, основывавшіеся на отечественныхъ законахъ. 6) Вмѣсто законныхъ Obergespäne ввелъ королевскихъ комиссаровъ съ необыкновенной властью. 7) Упразднилъ общія собранія, чѣмъ нарушилъ какъ правильное теченіе дѣлъ, такъ и обращеніе къ коронѣ. 8) Право избранія чиновниковъ взято изъ рукъ страны, чиновники назначаются королевскимъ комиссаромъ и не даютъ законной присяги. Туземцы оказываются устраненными, имъ предпочитаютъ иноземцевъ. Далѣе, у католиковъ отобрали старую печать и дали новую. 9) Императоръ ослабилъ судебныя наказанія, издалъ новый сводъ законовъ, sanctio criminalis, противорѣчащій не только гуманности, но и даже божественнымъ заповѣдямъ. 10) Введено размежеваніе полей (кадастръ) и съ помѣщиковъ требуютъ платы занимающимся этимъ дѣломъ. 11) Сократили помѣщичье право (jus dominale) и предоставили и крестьянамъ пользованіе распивочной продажей вина и Fleischassehrotung. 12) Отмѣнено jus gladii и уничтожена смертная казнь (capitale supplicium). 13) Архивы отобраны у конвентовъ и ввѣрены незаконнымъ рукамъ. 14) Упразднили учебныя заведенія, вопреки волѣ учредителей; наложили на каждаго ученика плату за обученіе; завели нормальныя школы, въ которыхъ обучаютъ обязанностямъ вѣрноподданныхъ. 15) Суммы, отказанныя на содержаніе бѣдныхъ въ больницахъ, отобраны въ королевское казначейство, проценты ограничены $5^1/_2$; помощь этому насилію внушаетъ христіанское состраданіе. 16) Бѣдный, платящій подати народъ задавленъ до отчаянія, принуждается рыть шанцы, нести ямскую повинность и такъ прямо толкается въ пасть врагу. 17) Королевскіе города, области Яшиговъ, Кумановъ и Гайдуковъ лишены своихъ старинныхъ правъ и распредѣлены по комитетамъ. 18) Упразднили горные суды, ввели сборъ желѣза (vas adás) и подчинили горцевъ обычнымъ налогамъ. 19) Повысили цѣну соли съ 3 имперскихъ гульденовъ до 5 фл. 14 кр., вслѣдствіе чего скотъ вздорожалъ, открытъ путь чумѣ и введены новые налоги. 20) Жизненные припасы съѣдены солдатами, которые платятъ только бумагой. 21) Гражданскую кассу смѣшали съ военной, много округовъ соединили и т. п.—Многіе округа, кромѣ этого, публично заявляли, что скорѣе готовы все перенести и взяться за оружіе, чѣмъ разстаться съ своими старыми вольностями и правами, и что не они—виновники опасности, а подавшій къ ней поводъ[1]).

21 ноября 1787 г. была представлена императору венгерскимъ придворнымъ канцлеромъ петиція-монстръ отъ трансильванскаго дво-

[1]) Keresztesi. 184—187 (Krones. 53—54). О реформѣ Іосифа въ Венгріи и протестѣ противъ нея—Krones. 34—57. Ramshorn. 380—388. Mailáth. 63—84, 92—93, 95—98 Wendrinsky. 285—300, 305—307. Hock. 174—224.

рянства. Вступленіе ея содержало общія замѣчанія о правѣ народа принимать участіе въ законодательствѣ, съ множествомъ ссылокъ въ подтвержденіе этого права на статьи закона. Потомъ слѣдовали частныя жалобы и на первомъ мѣстѣ жалоба на то, что съ 1762 г. не было ни одного ландтага и что этимъ нарушена законная конституція страны. Далѣе шли жалобы на уничтоженіе автономіи комитатовъ; на введеніе въ качествѣ оффиціальнаго нѣмецкаго языка; на уравненіе съ признанными издавна доселѣ только терпимыхъ національностей; на возбужденіе крестьянъ, именно румынскихъ, военной конскрипціей, поощреніемъ ложныхъ доносовъ, униженіемъ барской власти, разоруженіемъ барскихъ слугъ и отмѣной смертной казни. Горькій упрекъ дѣлался императору за то, что онъ занялся урегулированіемъ обязанностей крѣпостныхъ къ помѣщикамъ въ то время, когда это имѣло видъ награды румынскимъ крестьянамъ за ихъ жестокости къ дворянамъ подъ предводительствомъ Горъя (Horja). Заключительныя жалобы ничѣмъ существенно не отличались отъ подававшихся скоро затѣмъ по всей Венгріи[1]).

Масса жалобъ, предъявлявшихся императору, обнимала всѣ стороны жизни, всѣ его реформы. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Кауницъ, увидѣвъ и прочитавъ нѣсколько такихъ представленій, сказалъ императору:—„Это вторая бельгійская исторія“![2]).

Что̀ говорить уже о венграхъ, когда даже императрица Екатерина II осудила Іосифа за реформы въ Венгріи: „Онъ возбудилъ противъ себя венгровъ,—сказала она объ Іосифѣ II,—несправедливо нарушая ихъ права. Они спасли его мать,—я бы ихъ на рукахъ носила“[3]).

Оцѣнка дворянскихъ земель и обложеніе ихъ налогами особенно взволновали венгерское дворянство, не знавшее дотолѣ никакихъ налоговъ. Примѣръ Нидерландовъ все болѣе и болѣе оживлялъ мысль о революціи и въ Венгріи, особенно вслѣдствіе щедрой денежной поддержки недовольныхъ со стороны Прусскаго двора[4]). Когда неудачная турецкая кампанія сдѣлала необходимыми новый наборъ рекрутовъ и новые налоги, то отказомъ исполнить это высочайшее распоряженіе было фактически выражено національное недовольство[5]). Императоръ лежалъ на смертномъ одрѣ, Нидерланды отпали, почти безъ всякой надежды на новое соединеніе съ Австріей[6]), казначейство было пусто, по всей имперіи волненіе умовъ, иностранныя отношенія запутаны, можно было бояться скораго распаденія монархіи на составныя части. Что̀ оставалось императору? Оставалось одно средство—отреченіе отъ всѣхъ реформъ, собственноручное разрушеніе съ такими неусыпными заботами взведеннаго зданія, какъ ни печальна была такая перспектива для такой гордой души, какъ Іосифова! „Міръ не знаетъ,—го-

[1]) Hock. 191—194, 203—209. [2]) Krones. 55. [3]) Бѣловъ, Е. А. Предисловіе къ ст. „Рескрипты Екатерины II къ князю Потемкину, 1791 г.“ (Рус. Архивъ. 1874, № 8, 245). [4]) Hock. 207 и прим. [5]) Wendrinsky. 307. Hock. 196—198. [6]) Письма Іосифа II къ Леопольду отъ 28 дек. 1789 г. (Arneth. U, 305) и 11 января 1790 (Ibidem. 309).

воритъ Гроссъ-Гоффингеръ,—среди какихъ душевныхъ мукъ родилось у императора это рѣшеніе, которое вытекло не изъ духа, а скорѣе изъ чувства и которое, разсматриваемое, какъ изолированный законъ, скорѣе отмѣчаетъ начало царствованія Леопольда II, чѣмъ конецъ іосифовскаго“ [1]).

„Я вполнѣ согласенъ,—писалъ императоръ Леопольду,—что въ эту минуту не остается другого исхода, какъ уступить множеству требованій, которыя предъявляютъ венгры и которыя они увеличиваютъ по мѣрѣ того, какъ видятъ, что ихъ боятся. Вы увидите, что печальное положеніе моего здоровья, критическое положеніе монархіи, несчастное возстаніе Нидерландовъ и первая уступчивость, которую они уже встрѣтили, сдѣлаютъ ихъ наглыми въ желаніи ниспровергнуть все сдѣланное, и что они не будутъ знать, на чемъ остановить свои желанія. Я желалъ бы обмануться“ [2]).

Еще въ началѣ 1790 г. императоръ назначилъ для умиротворенія Венгріи особую конференцію, состоявшую изъ венгерскаго придворнаго канцлера, графа Па́льффи, трансильванскаго губернатора, Ба́нффи, совѣтниковъ венгерской придворной канцеляріи Па́сстори и Микосъ и тайнаго референдарія государственной канцеляріи Шпильманна, присутствовавшаго вмѣсто отказавшагося Кауница. Вотъ главныя положенія представленнаго ею императору доклада, датированнаго 26 янв. 1790 г.:

Господствующее въ странѣ раздраженіе требуетъ немедленной отмѣны всѣхъ распоряженій и предписаній, противозаконность которыхъ, хотя бы только кажущаяся, даетъ матеріалъ для такого множества жалобъ, которыми засыпали императора. Всѣ дѣла должны войти въ законную колею; несмотря на войну, въ самомъ непродолжительномъ времени долженъ быть созванъ ландтагъ и венгерская корона вмѣстѣ со всѣми принадлежащими къ ней инсигніями должна быть перенесена въ Офенъ.

Вмѣсто дѣйствующихъ теперь повсюду должны быть возстановлены въ своемъ достоинствѣ законные Obergespäne, комитатамъ долженъ быть предоставленъ свободный выборъ своихъ чиновниковъ, конгрегаціи комитатовъ снова вступаютъ въ свою прежнюю законную дѣятельность; устройство королевскихъ вольныхъ городовъ также возстановляется; три признанныя націи Трансильваніи снова получаютъ свои старыя права и привиллегіи.

Если гражданское судопроизводство до предстоящаго ландтага останется на старой ногѣ, то уголовное немедленно должно вестись по традиціи; нѣмецкій языкъ долженъ быть устраненъ изъ оффиціальной жизни и снова долженъ быть введенъ институтъ loci credibiles.

Измѣреніе полей должно пріостановить, разложенныхъ государствомъ денегъ за него не взыскивать со страны.

---

[1]) 323—324. [2]) 25 янв. 1790 г. (Arneth. II, 313).

Дать самыя торжественныя увѣренія въ дальнѣйшемъ сохраненіи конституціи и особенно относительно участія чиновъ въ законодательствѣ.

Соотвѣтствующій рескриптъ издать на латинскомъ языкѣ и въ возможно непродолжительнымъ времени, чтобы между тѣмъ не было получено новыхъ представленій комитатовъ.

Къ обсужденію предложеній для внесенія въ ближайшій ландтагъ должны быть приглашены — примасъ, Judex Curiae и королевскій персоналъ[1]).

Прежде чѣмъ положить свою резолюцію, императоръ спросилъ мнѣнія объ этомъ докладѣ конференціи у Кауница. Послѣдній вполнѣ присоединился къ этому докладу (въ особой запискѣ отъ 28 янв. 1790 г.), но, въ виду усиленія волненій въ Венгріи, настаивалъ на созваніи ландтага 1 іюня 1790 г., или въ другой, близкій къ этому числу, но во всякомъ случаѣ опредѣленный день, причемъ съ безжалостной ѣдкостью напомнилъ императору о потерѣ Нидерландовъ и, быть можетъ, невозвратимой, именно вслѣдствіе того, что императоръ не только дурно принялъ хорошо обдуманное представленіе канцлера отъ 20 іюня 1787 г., а и поступалъ съ того времени какъ разъ напротивъ[2]).

30 янв. 1790 г. императоръ разрушилъ почти всю свою работу въ Венгріи слѣдующими собственноручными строками:

„При такомъ положеніи дѣлъ нельзя останавливаться на полумѣрахъ. Итакъ, чтобы сразу прекратить всѣ возможныя и хоть какую либо тѣнь справедливости имѣющія жалобы чиновъ Венгріи и Трансильваніи, я хочу симъ отмѣнить всѣ свои распоряженія и предписанія съ начала царствованія, касающіяся общественной жизни, и поставить самихъ чиновъ въ то положеніе, въ которомъ они были при кончинѣ Е. В., покойной императрицы, изъ чего исключаю только патентъ о вѣротерпимости, распоряженія относительно учрежденія новыхъ приходовъ и крѣпостныхъ. Корона вмѣстѣ съ инсигніями должна быть перенесена въ Офенскій замокъ, какъ только въ немъ будетъ приготовлено для нея приличное помѣщеніе. Такъ какъ этимъ устраняются поводы къ жалобамъ, то чины не будутъ такъ настойчиво требовать ландтага, котораго невозможно созвать при настоящихъ обстоятельствахъ, настроеніи умовъ и упадкѣ моего здоровья. Надѣюсь, чины увидятъ изъ этого мое безкорыстіе и мое желаніе имъ блага и я въ правѣ ждать отъ нихъ поставки пока государству рекрутовъ и снабженія арміи нужными припасами. Отдѣлъ объ измѣреніи имѣній формулировать такъ, чтобы сдѣланнымъ уже можно было воспользоваться, потому что оно такъ дорого обошлось, да и необходимо.

Въ этомъ смыслѣ составить и представить рескриптъ. Сердечно желаю, чтобы, вслѣдствіе этого распоряженія, Венгрія достигла того

[1]) Hock. 215—217. [2]) Ibidem. 221—223.

счастья и добраго порядка, которыя я хотѣлъ дать ей своими распоряженіями по всѣмъ иредметамъ“[1]).

Въ представленномъ проектѣ рескрипта императоръ выпустилъ обѣщаніе короноваться и замѣчаніе о желаніи передать непосредственнымъ своимъ преемникамъ право чиновъ участвовать въ законодательствѣ, такъ какъ онъ „не привыкъ давать обѣщаній, которыхъ не можетъ и не намѣренъ исполнять“. Въ остальномъ рескриптъ былъ дословно принятъ императоромъ [4 февр.][2]). Такъ явился датированный заднимъ числомъ (28 янв.) высочайшій „Rescriptum revocatorium et repositorium“, которымъ возвращалась Венгріи старая форма административнаго и судебнаго устройства[3]).

Этотъ рескриптъ, названный венграми „Revocatio ordinationum, quae sensu communi legibus adversari videbantur“[4]), привелъ въ удивленіе всю Европу; одними былъ превознесенъ, какъ доказательство силы общественнаго мнѣнія, другими осужденъ, какъ знакъ упавшаго мужества императора; венграми былъ встрѣченъ въ общемъ съ энтузіастическимъ восторгомъ[5]), хотя и не удовлетворилъ ихъ вполнѣ вслѣдствіе удержанія въ немъ 3 вышеупомянутыхъ пунктовъ и вызвалъ протесты комитатовъ. Такъ, когда онъ былъ прочитанъ въ засѣданіи (15 марта 1790 г.) бигарскаго комитата, то послѣ продолжительныхъ дебатовъ былъ объявленнымъ незаконнымъ, такъ какъ не государь, поправшій и уничтожившій національную свободу, а сама нація имѣетъ право возвратить наслѣдственную законную свободу. Уже Марія-Терезія по своей смерти оставила Венгрію не въ „законномъ и сообразномъ съ конституціей“ состояніи. При Іосифѣ II конституція страны была совершенно нарушена и, такъ какъ его правленіе не можетъ имѣть значенія, какъ незаконное, то въ венгерскомъ престолонаслѣдіи наступилъ перерывъ. Слѣд., совершенно необходимо въ маѣ текущаго года созвать рейхстагъ.—Что касается до 3 удержанныхъ пунктовъ, особенно же „христіанской терпимости“ въ дѣлахъ вѣры, то даже протестанты просто отклонили ихъ на томъ основаніи, что относительно религіозной свободы существуютъ основные законы, вытекающіе изъ нѣкоторыхъ мирныхъ договоровъ, и потому они-протестанты не нуждаются ни въ какомъ патентѣ о вѣротерпимости! Католики кричали на это: «Vivat!» и говорили: „Мы—братья, сограждане одной и той же имперіи! Съ братской любовью мы обнимаемъ нашихъ протестантскихъ братьевъ, у нихъ свои догматы, пусть чтутъ Бога, сообразно съ старинными имперскими уложеніями и т. п.“[6]).

Впрочемъ, несмотря на такія выходки, взрыва неудовольствія не послѣдовало и созванный въ томъ же году (1790) преемникомъ Іосифа Леопольдомъ II рейхстагъ возстановилъ миръ между королемъ и сословіями[7]).

---

[1]) Hock. 217—218. [2]) Ibidem. 222—223. [3]) Gross-Hoffinger. 324—326. Ramshorn. 498—501. [4]) Ramshorn. 499.
[5]) Ibidem. 501. Gross-Hoffinger. 327.
[6]) Keresztesi. 203—222 (Krones. 62—63). [7]) Wendrinsky. 308.

Въ письмѣ къ Леопольду Іосифъ излагалъ мотивы къ изданію рескрипта 28 янв. 1790 г.: „Волненіе въ Венгріи,—писалъ онъ,—принято очень опасный оттѣнокъ. Собрать сейчасъ сеймъ значило бы все разрушить. Согласиться только на нѣкоторыя требованія было бы недостаточно. Поэтому я рѣшилъ, не безъ страданія, отмѣнить всѣ свои приказанія и все привести въ тотъ видъ, въ какомъ оно было при моей покойной матери; это удовлетворитъ всѣхъ, il faudra voir l'effet que cela fera“ [1]). Чрезъ нѣсколько дней императоръ предлагалъ брату соправительство, тоже положеніе, какое занималъ онъ самъ при матери, такъ что подпись Леопольда во внѣшнихъ и во внутреннихъ дѣлахъ имѣла бы одинаковое значеніе съ подписью самого императора[2]). Леопольдъ, назвавшій рескриптъ Іосифа отъ 28 янв. „славнымъ и отличнымъ рѣшеніемъ“, которое „одно способно водворить спокойствіе и тишину, столь необходимыя особенно въ настоящихъ обстоятельствахъ“ [3]), изъявилъ полную готовность исполнять распоряженія императора и немедленно отправиться въ Вѣну, если бы потрясеніе отъ писемъ Іосифа и необходимость сдѣлать нѣсколько распоряженій по общественнымъ и семейнымъ дѣламъ не задержали его на нѣсколько дней дома. Впрочемъ, онъ надѣялся отправиться изъ Флоренціи 22 февр. и быть въ Вѣнѣ 1 марта[4]). Но болѣзнь задержала Леопольда во Флоренціи, гдѣ 25 февр. онъ получилъ извѣстіе о смерти Іосифа[5]).

Въ дѣйствительности, Леопольдъ далеко не такъ принялъ предложеніе брата, какъ можно видѣть по его откровеннымъ письмамъ къ сестрѣ, Маріи-Христинѣ. Двоедушный Леопольдъ во многомъ былъ несогласенъ съ Іосифомъ, но въ перепискѣ съ нимъ старательно скрывалъ различіе своихъ взглядовъ, обыкновенно одобряя всѣ мѣропріятія императора; только разъ онъ былъ уличенъ въ этомъ Іосифомъ и получилъ отъ него выговоръ[6]). Въ послѣднее время Леопольдъ былъ недоволенъ переговорами Іосифа съ Портой, а также событіями въ Венгріи и особенно въ Нидерландахъ. Предложеніемъ императора—принять участіе въ правленіи—онъ неожиданно былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: или вести дѣла въ томъ направленіи, котораго крайне не одобрялъ, между тѣмъ какъ никогда не осмѣлился бы сказать императору о своемъ несогласіи, или теперь только впервые выступить съ своимъ мнѣніемъ и быть готовымъ на крайнее разномысліе съ братомъ. Въ этомъ путешествіи въ Вѣну онъ видѣлъ большую жертву съ своей стороны[7]), но тѣмъ не менѣе рѣшилъ никакъ —ни въ качествѣ соправителя, ни какъ либо иначе не вмѣшиваться въ государственныя дѣла, потому что вслѣдствіе этого свѣту покажет-

---

[1]) 4 февраля 1790 г. (Arneth. II, 314). [2]) 8 февр. 1790 г. (Ibidem. II, 318). [3]) Письмо къ Іосифу отъ 16 февр. 1790 г. (Ibidem. 320).

[4]) Письмо къ Іосифу отъ 16 февр. 1790 г. (Ibidem. II, 318—319)

[5]) Тоже отъ 24 февр. 1790 г. (Ibidem. 321—322) ср. 320, прим. ср. Arneth. I, LXVIII. [6]) Письмо Іосифа къ Леопольду отъ 30 сент. 1787 г. (Ibidem. II, 124—125) ср. письма Леопольда къ Іосифу отъ 8 окт. (Ibidem. 125—130) и 29 окт. того же года (Ibidem. 135—137). [7]) Письмо къ Маріи Христинѣ отъ 17 февр. 1790 г. (у Wolf, Ad. Marie-Christine. II, 99 (Arneth. I, LXVII).

ся, что онъ держится однихъ принциповъ съ братомъ и онъ потеряетъ навсегда свою добрую извѣстность вмѣстѣ съ довѣріемъ дворовъ и публики, а государственнымъ дѣламъ вмѣсто какой бы то ни было пользы принесетъ большой вредъ[1]).

18 февр. гр. Кеглевичъ и гр. Нáдасди получили въ Вѣнѣ венгерскую корону съ остальными инсигніями и съ тріумфальнымъ торжествомъ чрезъ Прессбургъ, Раабъ и Гранъ перевезли въ Офенъ, куда прибыли 21 февр.. чрезъ день послѣ смерти императора. По дорогѣ и въ Офенѣ корону встрѣчали съ восторгомъ, города роскошно украшались, въ Офенѣ звонили во всѣ колокола, кардиналъ архіепископъ отслужилъ торжественный молебенъ, 500 пушечныхъ залповъ возвѣстили о прибытіи ея въ городъ. Энтузіазмъ дошелъ до того, что женщины побросали иноземное платье и одѣлись въ національное[2]).

Еще раньше окончанія венгерскихъ безпорядковъ Іосифъ отмѣнилъ всѣ свои нововведенія въ Тиролѣ, такъ какъ они вызывали народное волненіе[3]).

Хотя въ общемъ церковная реформа Іосифа II встрѣтила горячій и упорный протестъ, однако, нашлись и сочувствовавшіе ей и, по возможности, содѣйствовавшіе. Такія лица оказались и въ средѣ самой католической іерархіи.

Между ними прежде всего нужно указать на епископа Кёниггрецкаго, Іоанна Леопольда фонъ Гай, прозваннаго австрійскимъ Фенелономъ, издавшаго 20 ноября 1781 г. своему епархіальному духовенству окружное посланіе по вопросу о вѣротерпимости[4]). Въ немъ онъ: 1) приказывалъ духовенству совершенно воздерживаться на церковныхъ каѳедрахъ отъ полемическихъ проповѣдей, а объяснять воскресныя и праздничныя евангелія такъ, чтобы выигрывали—и душевное спасеніе и общественное благо; 2) повторялъ высочайшее запрещеніе 4 окт. производить у некатоликовъ книжные обыски; 3) запрещалъ мѣшать богослужебнымъ собраніямъ некатоликовъ; 4) предписывалъ духовникамъ не являться, безъ приглашенія къ одру умирающаго некатолика, для возвращенія его въ лоно католической церкви; 5) при совершеніи таинствъ и требъ у некатоликовъ, до полученія особо составленнаго для этого ритуала, удерживать только существенное, отпуская все чисто католическое; 6) предлагалъ хоронить некатоликовъ вмѣстѣ съ католиками, до изданія по этому вопросу высочайшаго распоряженія или устройства у некатоликовъ своего кладбища; такъ какъ простая толпа часто противится этому, то дѣло краснорѣчія священника убѣдить ее согласиться на эту услугу любви къ иновѣрцамъ и только въ случаѣ волненія предавать послѣднихъ погре-

---

[1]) Письмо къ Маріи-Христинѣ отъ 18 февр. 1790. (у Wolf, Ad. II, 102—103 (Arneth. I, LXVII—LXVIII). [2]) Keresztesi. 196 sqq. (Krones. 57—62) ср. Gross-Hoffinger. 328. Màiláth. 99. Ramshorn. 501—502. Wendrinsky. 308.

[3]) Gross-Hoffinger. 328—329. Ramshorn. 502.

[4]) Напечатано въ «Acta hist.-eccles. nostri temporis». Th. LVII, 117 sqq. Schlözer. Staatsanzeigen. Bd. I. Heft II, 157 sqq. (Wolf, P. Ph. III, 328—334). Въ извлеченіи помѣщено у Frank'a, 138—140. Бруннеръ разбираетъ отдѣльные пункты этого посланія (324—331).

бенію внѣ кладбища на приличномъ мѣстѣ; 7) отечески и настоятельно увѣщевалъ объяснять высочайшій патентъ о вѣротерпимости въ духѣ справедливости и религіи, убѣдительно доказывать его необходимость и пользу и совершенно устранять всякій поводъ къ ненависти и раздору.

Леопольдъ остался очень доволенъ, даже „очарованъ“ этимъ пастырскимъ посланіемъ[1]).

Противники вѣротерпимости дѣлали Гаю горькіе упреки въ томъ, что онъ игралъ подъ дудку времени и въ своемъ посланіи зашелъ дальше высочайшихъ распоряженій о вѣротерпимости[2]), а императоръ (28 марта 1782 г.) выразилъ ему свое благоволеніе за правильное пониманіе своихъ служебныхъ обязанностей и вполнѣ согласную съ духомъ вѣротерпимости дѣятельность[3]).

Этотъ же Гай троимъ крестьянамъ, откровенно обратившимся къ нему по поводу запоздалаго объявленія ихъ о своей принадлежности къ гельветическому исповѣданію, сказалъ слѣдующее: „сегодня, друзья мои, я издалъ своему духовенству письменное наставленіе, какъ оно должно поступать въ подобныхъ случаяхъ. Вы сами легко поймете, что религію нельзя слагать и принимать, какъ платье. Нужны важныя основанія для такой перемѣны. Императоръ только не желаетъ, чтобы здѣсь поступали легкомысленно или безъ достаточныхъ основаній. Но точно также онъ не желаетъ ничьего принужденія или исповѣданія католической вѣры одними устами. Поэтому я сдѣлалъ распоряженіе своему духовенству, чтобы оно вновь объявившихъ себя некатоликами въ теченіе 6 недѣль въ тѣ часы, когда они могутъ притти съ работы, безъ стѣсненія для ихъ пропитанія или ремесла, часъ или два ежедневно цѣлесообразно наставляло, преподавало имъ истинное и основательное понятіе о католической системѣ вѣры, въ указанные часы или посѣщая ихъ, или принимая у себя. По истеченіи этого срока, въ случаѣ новаго заявленія о своемъ некатолическомъ вѣроисповѣданіи, допускать упомянутыхъ лицъ до сложенія католическаго вѣроисповѣданія, или выдавать имъ свидѣтельства, что они пожелали остаться при прежнемъ заявленіи о себѣ, какъ некатоликахъ. Что императоръ имѣетъ въ виду сдѣлать съ некатоликами послѣ, я не знаю, но только убѣжденъ въ томъ, что онъ не желаетъ недобровольнаго исповѣданія вѣры[4]).

Еще важнѣе этого посланія Гая было надѣлавшее такъ много шуму пастырское посланіе лайбахскаго епископа, Карла графа фонъ Герберштейна [1782 г.][5]). Если современные автору его враги цер-

[1]) Письмо къ Іосифу II отъ 23 янв. 1782 г. (Arneth. I, 70). [2]) «Katolische Betrachtungen über d. Circularschreiben d. Herrn von Hay, Bischofs von Königgrätz, an d. Geistlichkeit seiner Diöces über d. Toleranz», Frankfurt. 1782.—«Schreiben d. Herrn Bischofes ***** an d. Herrn Leopold von Hay, Bischof zu Königgrätz, über d. Duldungssystem». Aus d. Wälschen übersetzt. Wien (Augsburg) 1783. (Frank. 141, прим. 206). [3]) Frank. 141.

[4]) Ibidem. 140—141 (Изъ Köster. Jahrgang 1784. 913). [5]) Оно помѣщено въ „Acta hist.-eccles. nostri temporis“. Th. LXVI. 143 sqq. Въ сокращеніи у Wolf, P. Ph. III, 334—347.

ковной реформы Іосифа называли это посланіе только повтореніемъ основныхъ фебронієвскихъ положеній[1]), то Бруннеръ признаетъ его формальнымъ объявленіемъ войны церковнымъ установленіямъ; въ его глазахъ, оно „столько же прискорбный, сколько и позорный памятникъ того времени". Анонимнаго автора первой брошюры противъ лайбахскаго епископа Бруннеръ называетъ ученымъ и остроумнымъ, разбившимъ одно за другимъ всѣ положенія пастырскаго посланія. Хвалитъ онъ и вѣрвецскую брошюру[2]).

Въ Римѣ остались крайне недовольны этимъ посланіемъ. Пій VI своимъ бреве запретилъ его, какъ еретическое, а императоръ взялъ лайбахскаго епископа, приказавшаго также перевести новый завѣтъ, подъ свою защиту и выразилъ ему (30 мая 1782 г.) свою благодарность, хотя богемско-австрійская придворная канцелярія нашла это посланіе несовмѣстимымъ съ соглашеніемъ, заключеннымъ съ папой за его пребываніе въ Вѣнѣ[3]). Впослѣдствіи, когда Іосифъ задумалъ возвести лайбахскую епископію на степень архіепископіи, изъ-за этого у него вышла съ папой длинная исторія. Когда Іосифъ обратился съ этой просьбой къ папѣ, то послѣдній отвѣтилъ императору, что онъ вполнѣ готовъ, согласно его желанію, возвести лайбахскую церковь на степень архіепископіи, но, къ сожалѣнію, вынужденъ отложить это дѣло, въ виду проповѣдуемыхъ ея епископомъ ошибочныхъ мнѣній, чтобы возведеніе его въ архіепископы не имѣло вида одобренія ихъ[4]). Императоръ и Кауницъ приняли это бреве съ крайнимъ неудовольствіемъ. Послѣдній рѣзко сказалъ нунцію Капрарѣ: сопротивленіе папы создастъ непроходимую пропасть между римскимъ престоломъ и государствомъ Е. В. и положитъ конецъ всякой снисходительности изъ уваженія къ папѣ. Тогда ничто не помѣшаетъ императору на будущее время собственной властью дѣлать всѣ церковныя распоряженія, какъ это практиковалось въ первые вѣка христіанства[5]). Испуганный нунцій тотчасъ отправилъ въ Римъ курьера. Но Капрарѣ какъ-то приходилось постоянно быть дурнымъ вѣстникомъ, поэтому Пій VI былъ къ нему не расположенъ. Представленія такого непріятнаго человѣку только еще болѣе утвердили папу въ сопротивленіи, такъ что онъ въ эту минуту, когда менѣе всего можно было ждать, имѣлъ мужество въ письмѣ къ императору объявить новаго архіепископа еретикомъ и доказать свои слова выдержками изъ его пастырскаго посланія. Іосифъ отнесся къ этому упрямству папы терпѣливѣе своего канцлера: онъ позволилъ лайбахскому епископу послать въ Римъ объясненіе указанныхъ папой мѣстъ, но запретилъ ему отрекаться отъ какого бы то ни было изъ нихъ[6]). Особенно не понравились папѣ и казались еретическими по-

[1]) «Hirtenbrief an d. Geistlichkeit und d. Volk d. Laybachischen Diöces von d. Bischofe zu Laibach. Mit unentbehrlichen Anmerkungen nach seinem ganzen Inhalt begleitet. D. Engel d. Kirche v. L. schreibe Offenb. Joh. 3, 14». 1782.—«Dem Fürstbischofe von Laybach abgelegtes, öffentlich und aufrichtiges Glaubens bekentniss Hans Michels Vörwetz, einer landesfürstlichen Hauptstadt in Herzogthum Krain Bürgers.» Grahetzi. 1783 (Frank. 142, прим. 208). [2]) Brunner. 343—346. [3]) Hock. 467.

[4]) Письмо Герзана Кауницу отъ 1 марта 1786 г. (Brunner. 132—133). [5]) Bourgoing. 295—296. [6]) Ibidem. 296.

ложеніе лайбахскаго епископа, что всякій можетъ выбирать себѣ, какую хочетъ, религію («qua nimirum asserere ausus est unicuique jus esse sectandi religionem, quae ipsi suomet judicio vera esse videtur») и очень большое и очевидное различіе, устанавливаемое епископомъ, между политической и религіозной вѣротерпимостью. По словамъ кардинала-государственнаго секретаря, папа ничего больше не желалъ, какъ того, чтобы этотъ прелатъ далъ ему возможность возвести его въ архіепископы, но только не въ противность его залогу вѣры и долгу высшаго служенія[1]). Герзанъ, съ своей стороны, предлагалъ лайбахскому епископу издать другое посланіе для выясненія мѣста, показавшагося папѣ подозрительнымъ[2]). Представленное папѣ лайбахскимъ епископомъ объясненіе самому Герзану показалось очень темнымъ[3]). Когда послѣдній вручилъ его папѣ, то Пій VI сказалъ, что оно, въ виду своей важности, потребуетъ разсмотрѣнія[4]). Дѣло затянулось. На неоднократныя выраженія нетерпѣнія со стороны императора Герзану отвѣчали, что если Іосифъ II далъ лайбахскому епископу 5 мѣсяцевъ на оправданіе, то, при множествѣ дѣлъ у папы, императору не должны казаться большимъ срокомъ 3 мѣсяца[5]). Герзанъ предполагалъ, что папа напишетъ цѣлое догматическое сочиненіе въ отвѣтъ лайбахскому епископу, на основаніи отцевъ церкви, а тянетъ время потому, что хочетъ отправить его на предварительный просмотръ императору[6]). Съ своей стороны, Герзанъ не разъ совѣтовалъ лайбахскому епископу въ почтительномъ письмѣ увѣрить папу, что все, написанное имъ въ пастырскомъ посланіи о терпимости относится лишь къ политической терпимости, завѣрить его въ своей неуклонной вѣрности истинному ученію и все приписать дурному переводу и темнотѣ слога[7]). Наконецъ, папское бреве лайбахскому епископу было отослано[8]). Іосифъ (24 авг. 1787 г.) поручилъ гр. Коловрату переслать его гр. Герберштейну и, по полученіи отъ послѣдняго отвѣта, передать его кн. Кауницу для представленія чрезъ Герзана папѣ, съ угрозой, въ случаѣ отказа со стороны Пія немедленно сдѣлать лайбахскаго епископа архіепископомъ, обойтись и безъ Е. Св.[9]). Герзанъ, по полученіи отвѣта лайбахскаго епископа съ письмомъ Кауница (отъ 20 окт. 1787 г.), 31 окт. вручилъ его папѣ. Послѣдній сообщилъ Герзану о смерти Лайбахскаго епископа, послѣдовавшей 7 окт., причемъ, по прочтеніи письма, заявилъ, что его было бы недостаточно для успокоенія его папской совѣсти относительно ошибочныхъ положеній лайбахскаго пастырскаго посланія[10]).

---

[1]) Письмо Герзана Кауницу отъ 1 марта 1786 г. (Brunner. 133—134). Wolf, G. Josefina. 106. [2]) Тоже (Ibidem. 134). [3]) Тоже отъ 27 мая 1786 г. (Ibidem. 136). [4]) Тоже отъ 31 мая 1786 г. (Ibidem. 137). [5]) Тоже отъ 14 іюня 1786 г. (Ibidem. 138); тоже отъ 6 сент. 1786 г. (Ibidem. 141). [6]) Тоже отъ 24 янв. 1787 г. (Ibidem. 145—146); тоже отъ 3 янв. 1787 г. (Ibidem. 143).

[7]) Тоже отъ 3 янв. 1787 г. (Ibidem. 143—144); тоже отъ 24 янв. 1787 г. (Ibidem. 145—146); тоже отъ 7 февр. 1787 г. (Ibidem. 147—148). Письмо Герзана Іосифу отъ 7 февр. 1787 г. (Ibidem. 149—150). [8]) Письмо Герзана отъ 18 іюля 1787 г. (Ibidem. 164). [9]) Wolf, G. Josefina. 107—108. [10]) Письмо Герзана отъ 31 окт. 1787 г. (Brunner. 167).

20 февр. 1782 г. гуркскій епископъ, гр. І. Фр. А. Ауершпергъ издалъ пастырское посланіе своему духовенству по вопросу о вѣротерпимости. Императоръ отмѣтилъ его, какъ вполнѣ согласное съ своими намѣреніями[1]), а Бруннеръ рѣзко нападаетъ на отдѣльные пункты этого посланія[2]).

Но, несомнѣнно, самымъ блестящимъ пастырскимъ посланіемъ было знаменитое посланіе въ духѣ церковной реформы Іосифа II, изданное 29 іюня 1781 г. Іеронимомъ, архіепископомъ зальцбургскимъ и примасомъ Германіи, къ 1200-лѣтней годовщинѣ просвѣщенія Германіи свѣтомъ христіанства[3]). Іосифъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ распространилъ его по своей имперіи[4]).

Но это пастырское посланіе казалось идеальнымъ лишь людямъ, сочувствовавшимъ церковной реформѣ императора, для противниковъ же послѣдней оно—одинъ изъ яркихъ примѣровъ богословскаго лакейства и его авторъ—одинъ изъ самыхъ недостойныхъ носителей священнаго сана. Бруннеръ называетъ это посланіе „реформаціоннымъ“[5]).

Епископъ бриксенскій, І. Ф. гр. Шпауръ, при разсылкѣ патента о вѣротерпимости, издалъ духовенству своей епархіи (21 марта 1782 г.) назидательное, сообразное съ высочайшими намѣреніями посланіе, за которое 22 апр. ему была выражена высочайшая благодарность[6]).

Епископъ Нейштадта, Керенсъ 27 іюня 1781 г. издалъ также окружное посланіе въ Іосифовскомъ духѣ. Въ немъ онъ, по словамъ Бруннера, „со строгостью, достойной лучшаго предмета“, запретилъ благословенія и различныя пожертвованія въ церкви по обѣтамъ[7]).

Съ особой готовностью примкнули къ стремленіямъ императора въ духѣ вѣротерпимости итальянскіе епископы. Такъ, епископъ Падуи увѣщевалъ свой клиръ выполнять императорскіе декреты, не раздражать иновѣрцевъ ни словами, ни дѣйствіями, а, напротивъ, стараться принимать ихъ съ христіанской кротостью и привлекать къ познанію свѣта, къ единенію въ вѣрѣ и надеждѣ на спасеніе основательнымъ ученіемъ и добрымъ примѣромъ[8]).

---

[1]) Frank. 143—144. [2]) 346—348.

[3]) Напечатано оно въ «Acta hist.-eccl. n. t.», Th. LXII, 697 sqq. Th. LXIII, 939 sqq. Schlözer. Staatsanzeigen. Bd. II. Heft V. 56 sqq. (Wolf, P. Ph. III, 348—405). Извлеченіе изъ него есть въ слѣдующемъ сочиненіи: «Hirtenbrief d. Bischofs (Scipio von Ricci) zu Pistoja und Prato an seine unterhabende Pfarrer bei Gelegenheit, wo er denselben eine landesherrliche Verordnung Sr. K. Hoheit d. Grossherzogs wegen d. Gemeinsammlungen kund macht und zugleich d. Pastoralunterricht Sr. Hochfürstl. Gnaden d. Fürsten von Colloredo, Erzbischofens in Salzburg, mittheilt und empfiehlt». Pistoja. 1783. Aus d. Wälschen übersetzt. Salzburg 1783. (Frank. 144, прим. 211).—Противъ этого посланія вышли: 1) «Gedanken eines Landdechants über d. Hirtenbrief von Salzburg, in einem Antwortsbreiben an einen Pfarrer seines Kapitels eröffnet, worin auch hin und wider anstössige Schriften unserer Zeiten nach ihrem Verdienste gerügt werden». Pressburg und Freistadt. 1783. S.S 622.—По мнѣнію Бруннера, авторъ не только разобралъ посланіе Іеронима логически, исторически и догматически, а и разбилъ до основанія. Критикъ отличается остротою ума, знаніемъ и твердымъ церковнымъ духомъ. [2]) По поводу нападковъ Іеронима въ духѣ времени на расточительный блескъ богослуженія, вышла: «Gründliche Anmerkung in bedenklichen Fragen über d. Erzbischöflichen Salzburgischen Hirtenbrief vom 29 Brachmonat 1782. Um deren nähere Erläuterung und Aufklärung d. Herr Verfasser gebührend ersuchet. Von E. A. P. *** 1783 (Brunner. 331—332).

[4]) Wolf. P. Ph. III, 405. [5]) 331. Ковычки Бруннера. [6]) Frank. 146. [7]) 333—334. [8]) Frank. 146—147.

Епископъ Фельтре издалъ окружное посланіе въ томъ смыслѣ, чтобы клиръ не давалъ совершенно никакого повода къ спорамъ о вѣрѣ, даже тщательно избѣгалъ ихъ, къ заблуждающимся относился съ полной любовью, воздерживался отъ оскорбительныхъ и неприличныхъ рѣчей на счетъ иновѣрцевъ, ученіемъ и примѣромъ, какъ свойственно духовнымъ, старался укрѣплять народъ въ истинной католической единоспасающей вѣрѣ и обращать заблуждающихся[1]).

Веронскій епископъ, Іоаннъ Морозини въ своемъ пастырскомъ посланіи отъ 4 янв. 1782 г. высказывался противъ папскихъ индульгенцій и общихъ отпущеній, если они не просмотрѣны и ихъ содержаніе не одобрено епископомъ и не получено имп.-кор. placet для ихъ обнародованія, настаивалъ на устраненіи различныхъ церковныхъ безпорядковъ и заканчивалъ посланіе словами: „насталъ часъ, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ“[2]). — Императорскимъ распоряженіемъ отъ 20 февр. 1782 г. это посланіе было разослано епископамъ для подражанія[3]).

Епископъ Мантуи, І. Б. гр. Пергенъ 7 дек. 1781 г. распорядился — отнынѣ за разрѣшеніемъ брачныхъ препятствій обращаться только къ нему[4]). Въ своемъ пастырскомъ посланіи отъ 29 янв. 1783 г. онъ рекомендовалъ распоряженія императора къ точному исполненію, ссылкой на рѣчь Пія VI 19 апр. 1782 г. доказывая, что и папа согласенъ съ реформами Іосифа. Но Бруннеръ находитъ эту ссылку крайне неосновательной: папа говорилъ въ рѣчи только о благочестіи и духовныхъ дарованіяхъ императора, объ его справедливости и любезности (de aequitate et suavitate),—это было простымъ комплиментомъ, изъ котораго епископъ не имѣлъ никакого права дѣлать такое смѣлое заключеніе[5]).—Въ отвѣтѣ (2 янв. 1783 г.) на представленіе картезіанцевъ мантуанскаго діоцеза, по поводу закрытія ихъ монастырей, Пергенъ доказывалъ полное право на это государя[6]).—9 авг. 1782 г. Пергенъ далъ отвѣтъ одному духовному лицу изъ мантуанскаго діоцеза, которое на каѳедрѣ и частно высказывалось противъ насильственныхъ реформъ Іосифа и обратилось къ своему епископу съ различными вопросами и сомнѣніями по поводу новаго законодательства, закрытія монастырей и т. п. Этотъ отвѣтъ въ Вѣнѣ былъ напечатанъ на нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ „для поученія низшаго клира“[7]).

Вѣротерпимость Іосифа II нашла горячихъ панегиристовъ и между католиками, не говоря уже о протестантахъ. Такъ, Л. Л. Гашка, эксъ-іезуитъ, перешедшій въ иллюминатство, закончилъ свою оду императору стихами:

«Dank weinend wird Dich küssen das Vaterland,
Auf seiner Berge Rücken Dir Maale bau'n.
Und stets mit Hermann Joseph seinen
Zweiten Befreier im Liede preisen».

[1]) Frank. 147. [2]) Kropatschek. II, 362—373 ср. Brunner. 334—335. Frank. 147. [3]) Kropatschek. II, 186, 361—362 ср. пастырское посланіе относительно индульгенцій епископа Секкау (Ibidem. XIII, 648—654). [4]) Brunner. 335.
[5]) Frank. 147. Brunner. 335—336. [6]) Brunner. 336—338. [7]) Ibidem. 338.

Профессоръ въ Боннѣ, І. Г. Шнейдеръ, обыкновенно называемый орденскимъ именемъ Эвлогія, писалъ по смерти императора:

«Und gelangtest Du zum Throne,
Griffest Du dem Höllensohne,
Fanatismus in's Gesicht:
Ha! da spie das Ungeheuer
Schwefeldampf und Gift und Feuer,
Ganz besiegtest Du es nicht».

Линцскій каноникъ, К. І. Губеръ выразилъ свою радость по поводу свѣта, возсіявшаго отъ скипетра въ Австріи и разогнавшаго тьму вмѣстѣ съ ея черными дѣтьми въ своей—„Dringende Vorstellung an d. Religion wider d. Halbguldenmesse und Priestermiethe". Wien. 1783.

Частью панегирическій, частью апологетическій характеръ вѣротерпимости Іосифа II носили: «Tribut d. Dankbarkeit für d. von Jhro K. K. M. Joseph d. Zweiten eingeführte Toleranz» (1782) какого-то патріота и произведенія І. Н. Бартолотти, М. А. Виттолы, Ф. Э. Шёнфельда, І. Нахатца, С. Ламине, Г. І. Ваттерота и др.[1]).

Между наводнившими Австрію при Іосифѣ брошюрами и книгами очень многія трактовали о современныхъ злобахъ дня, въ томъ числѣ многія спеціально о церковной реформѣ императора. Если говорили противъ, то были голоса и за реформу и подъ часъ очень рѣзкіе, что̀ не рѣдкость въ анонимныхъ брошюрахъ. Мы приведемъ здѣсь содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній въ защиту и противъ церковной реформы Іосифа II.

Вотъ «Der Klostergeist geschildert in der Untersuchung der Hindernisse einer vollkommenen und standhaften Verbesserung des Kirchenwesens, insbesondere der Ordensstände von S». Wien. 1781.

Авторъ признаетъ уже доказаннымъ дѣйствительное существованіе въ церкви и особенно въ монашескихъ орденахъ массы злоупотребленій и безпорядковъ, ихъ вредъ и необходимость ихъ устраненія. Онъ не задается цѣлью указать мѣры, непосредственно содѣйствующія поднятію церковной дисциплины, а единственно хочетъ представить затрудненія, препятствующія самому исправленію, его полнотѣ и продолжительности и дѣлающія недѣйствительными самыя разумныя распоряженія.

При изложеніи своихъ взглядовъ онъ имѣетъ въ виду не то или другое католическое государство, а всѣ ихъ вмѣстѣ, не ограничивается опредѣленнымъ временемъ и ближайшее примѣненіе своихъ мыслей часто намѣренно предоставляетъ читателю[2]).

Сказавъ о шедшемъ вѣками упадкѣ духовенства и особенно монашества[2]), авторъ замѣчаетъ, что, къ сожалѣнію, всѣ усилія высшихъ іерарховъ ни къ чему не привели. И причина этого въ человѣческихъ страстяхъ. Всѣми этими пороками были заражены тѣ же самыя лица

[1]) Frank. 129—137. [2]) Vorerinnerung. IV—VI. [3]) 1—7.

церковной іерархіи, начиная съ папъ, которыя брались за реформу, приходилось итти противъ себя. Отсюда вѣками росъ упадокъ церковной дисциплины[1]).

Естественно, что, при такой безуспѣшности попытокъ церкви реформироваться своими собственными силами, за это дѣло должны были взяться люди посторонніе—свѣтскіе государи. Поэтому то папа Бонифацій VIII въ общемъ былъ вполнѣ правъ, сказавши, что именно міряне во всѣ времена были врагами духовенства. Общество всегда обращало свое вниманіе на упадокъ церковной дисциплины. Но всего естественѣе было обратить на него вниманіе и принять соотвѣтственныя мѣры къ устраненію государямъ. Послѣдніе чувствовали, что они вмѣстѣ съ подданными являются жертвами духовенства, что перевѣсъ послѣдняго вредно отражается на благосостояніи государства. Деньги мірянъ все текли и текли въ монастырскія кассы, безъ надежды на возвращеніе. Всѣмъ было замѣтно обѣдненіе работающаго класса наряду съ обогащеніемъ молящагося и созерцающаго. Особенно ярко выступали уменьшеніе населенія, упадокъпросвѣщенія и благосостоянія католическихъ государствъ, при сравненіи ихъ съ протестантскими.

Отсюда поднялись жалобы сначала во дворцахъ и тайно, а потомъ и публично и въ хижинахъ. Началась критика, пошли пожеланія, мнѣнія, проекты; болѣе не хотѣли быть игрушкой въ рукахъ духовенства и объектомъ римскаго деспотизма. Государи вступились за свои права, всѣ школы высказались за основательность послѣднихъ. Государи сами начали реформировать духовенство и церковь, но всѣ попытки не доводились до конца и не были продолжительными. Оживали старыя злоупотребленія, возникали новыя. Одни ордена закрывались, но скоро возникали новые, возвращались къ своимъ правиламъ и снова уклонялись отъ нихъ. Старались было ограничить монастырскую собственность запрещеніемъ принимать такія пожертвованія, которыми лишаются наслѣдства дѣти или ближайшіе друзья, но монахи умѣли всё-таки получать наслѣдства. Они снова теряли ихъ частью по праву, частью несправедливо, но всегда отыскивали средства снова завладѣть ими. — Отсюда развѣ не могло возникнуть прискорбной мысли, что или монахи по самой своей природѣ не соединимы съ общегосударственнымъ благомъ, или по стеченію различныхъ неизбѣжныхъ постороннихъ причинъ всѣ злоупотребленія и безпорядки духовенства не могутъ быть уничтожены?[2]).

Препятствія къ церковной реформѣ выходили и отъ государей и отъ духовенства и отъ особаго стеченія различныхъ обстоятельствъ. Пусть будутъ опредѣлены границы между церковной и свѣтской юрисдикціей, внутренняя взаимная независимость ихъ еще горячо защищается; но, по болѣе тщательномъ изслѣдованіи, найдется многое, что, при приведеніи въ исполненіе, непремѣнно вызоветъ затрудненія, и въ чемъ обѣ силы столкнутся. Конечно, теперь уже не тѣ времена, когда римскій

[1]) 8—18. [2]) 19—24.

дворъ диктовалъ законы свѣтскимъ государямъ, произвольно наказывалъ и низлагалъ ихъ, когда послѣдніе должны были давать клятву на вѣрность и послушаніе папамъ; когда невѣжда мірянинъ былъ рабомъ не менѣе невѣжественнаго священника; когда духовенство выступало на самыхъ видныхъ мѣстахъ свѣтской администраціи; когда епископы и аббаты бросали пастырскій жезлъ и брались за мечъ и кормило правленія, въ качествѣ духовниковъ руководили совѣстью государей; когда воспитаніе королевскихъ принцевъ ввѣрялось епископамъ, которымъ легко было настроить въ своемъ тонѣ и къ выгодѣ духовенства нѣжный умъ будущихъ государей; когда юристы и богословы, поощряемые наградами, доказывали измышленными декреталіями произвольное и одностороннее право, все отнимавшее у мірянина и отдававшее духовенству; когда духовенство пользовалось неограниченной властью, когда софистика и крючкотворство одерживали верхъ надъ здравымъ человѣческимъ смысломъ, естественнымъ правомъ и справедливостью, и суевѣрія и другія употребленныя во зло средства оказывали свое дѣйствіе, придавая силу претензіямъ клира; конечно, теперь не тѣ времена, когда свѣтскіе государи не въ состояніи болѣе устранить злоупотребленій духовенства и возвратить послѣднее въ перейденныя имъ границы его сферы.

Но теперь еще такія времена, когда одна свѣтская власть изъ политическихъ соображеній слишкомъ благоволитъ къ духовенству, если другой государь стѣсняетъ его въ своемъ государствѣ, когда нѣкоторые государи все еще не могутъ навсегда отказаться отъ дружбы и помощи римскаго двора для болѣе удобнаго и легкаго достиженія своихъ цѣлей въ различныхъ положеніяхъ своего правленія; когда нѣкоторые государи (какъ Карлъ великій) думаютъ, что должно усиливать авторитетъ духовенства для укрѣпленія своей власти противъ аристократіи и подданныхъ[1]).—Слѣд., теперь такое время, когда возможны улучшенія и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ думаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предстоитъ много трудностей и препятствій, безъ устраненія которыхъ каждое патріотическое сердце должно было бы бояться за полноту, всеобщность и прочность исправленной церковной дисциплины. Эта боязнь еще больше увеличивается представленіемъ, что нѣкогда монахами пользовались для эксплоатаціи добродушія и слабости народа. Много опаснаго для реформы представляетъ и связь отдѣльныхъ монаховъ съ мірянами. Жалуются, что монахи вкрадываются въ довѣріе, переносятъ новости, письма, ханжатъ и втихомолку обдѣлываютъ свои дѣлишки[2]).

Авторъ находитъ эти жалобы преувеличенными[3]). Но и по его мнѣнію, разнообразныя связи монаховъ съ мірянами различныхъ классовъ имѣютъ важное значеніе, потому что незамѣтно почтеніе отъ одного лица переходитъ на весь орденъ и даже на его злоупотребленія,—въ немъ прощаешь то, что осуждаешь въ другомъ. При этомъ мона-

[1]) 25—32. [2]) 33—39. [3]) 39—40.

хи отлично изучаютъ слабости, частныя домашнія отношенія и всѣми средствами овладѣваютъ расположеніемъ. Здѣсь и источникъ жалобъ на монаховъ.—Затѣмъ, монахи представляютъ собой неумирающую, вѣчную личность; что̀ одинъ начинаетъ, то другой продолжаетъ и т. д. Да на ихъ политику никто не обращаетъ и вниманія. Часто государямъ недостаетъ прочныхъ убѣжденій, отсюда въ ихъ дѣятельности нѣтъ рѣшительности и, такъ какъ они собираются дѣйствовать на старости, когда близка смерть, то духъ предпріимчивости у нихъ падаетъ[1]).—Однимъ изъ главныхъ препятствій къ успѣшному ходу реформъ является то, что все образованіе, начиная съ королей и до низшаго, въ рукахъ монаховъ, которые съ дѣтства прививаютъ свои взгляды и намѣренно держатъ народъ въ невѣжествѣ[2]).—Бывали и есть хорошіе монахи, къ которымъ эти обвиненія не относятся, но это—исключеніе[3]).—Но сначала при реформахъ не обращали вниманія на приведенныя затрудненія.

Первые и самые важные шаги состояли въ томъ, что государи ограничивали право наслѣдованія монаховъ; подъ различными, нерѣдко несправедливыми предлогами, отбирали ихъ имѣнья, облагали лишними, сравнительно съ прочими подданными, налогами и т. п.[4]). Съ сокращеніемъ монашескихъ доходовъ, можно было бы предполагать, что народъ освободится отъ излишнихъ налоговъ и злоупотребленій, что ханжество и суевѣріе будутъ устранены, но въ дѣйствительности никакого существеннаго улучшенія этимъ достигнуто не было. Монахи изобрѣли средство возмѣстить убытки. Человѣкъ, по природѣ, склоненъ смотрѣть на самыя справедливыя, обращенныя къ нему требованія, какъ на несправедливыя, если у него своекорыстіе сильнѣе разсудка. Отсюда понятно, какъ истолковывались эти мѣры правительства, какимъ представляли лучшаго изъ государей[5]).—Вотъ препятствія къ прочности реформы.

Какъ на подготовленіе къ реформѣ, можно смотрѣть на людей, и устно и печатно вооружавшихся противъ монашества. Но сатира была плохой защитницей дѣла, она не достигала цѣли, вызывала къ себѣ презрѣніе и только развила духъ упорства и партійности, задерживавшій исправленіе[6]). Бичъ Рабенера произвелъ свое цѣлительное дѣйствіе главнымъ образомъ тѣмъ, что былъ направленъ противъ пороковъ вообще, а не извѣстнаго сословія, тѣмъ менѣе частныхъ лицъ. Но эти общія сатиры на монашество своимъ слѣдствіемъ имѣютъ если не совершенное равнодушіе или отчаяніе, то упорство въ порокахъ, старанье защитить себя, ненависть къ просвѣщенію и наукѣ. Сатира —скорѣе предохранительное, чѣмъ врачебное средство. Вѣдь не отъ отдѣльныхъ лицъ зависитъ исправленіе бичуемыхъ недостатковъ, каждый боится сдѣлать первый шагъ, а очевидно-несправедливыя придирки и нападки заставляютъ монаха искать утѣшенія въ мысли, что онъ страдаетъ за небо и даютъ твердость въ этихъ преслѣдованіяхъ[7]).

[1]) 40—46. [2]) 46—50. [3]) 50. [4]) 50—51. [5]) 52—56. [6]) 57—60. [7]) 60—64.

Сатирическая литература не достигала своей цѣли не только у монаховъ, но и у мірянъ. Правда, въ человѣкѣ есть охота посмѣяться надъ другимъ, но затѣмъ возникаетъ сожалѣніе и, въ виду несправедливости обвиненій, произведеніе не одобряется[1]).

Нужно было итти другимъ путемъ, чтобы достигнуть возможно полнаго и прочнаго улучшенія монашества. Государи должны не устранять только безпорядки, а имѣютъ право изслѣдовать и исправлять все, изъ чего возникаютъ безпорядки и на чемъ основывается самая совершенная и прочная монашеская дисциплина. Это предполагаетъ, что нужно обратить вниманіе на источники этихъ безпорядковъ, на весь духовный строй, образованіе, образъ жизни, воспитаніе, обычаи, правила, образъ мыслей и настроеніе. Большинство принимаетъ монашество въ юношескомъ возрастѣ, когда еще не способно размышлять, взвѣшивать даваемые обѣты, когда страсти спятъ[2]).

Очень часто толкаетъ юношу въ монашество нужда, стремленіе къ беззаботной жизни, къ почестямъ, принужденіе и уговоры старшихъ. И съ самаго начала вмѣсто истиннаго евангельскаго совершенства онъ занимается здѣсь разными церемоніями; самостоятельное мышленіе запрещено, все указано, радости жизни, самыя невинныя, недоступны, въ головѣ пустыня и вотъ изъ него выходитъ мечтатель и это еще хорошо! Онъ скоро учится обманывать себя, поставляя существенное своего званіе въ особой одеждѣ, бичеваніи и т. п., причемъ все это, а также посты только возбуждаютъ его страсти. Наука монашеская въ области догматики направлена на пустяки и безконечные споры, при томъ по традиціямъ начальства, въ области нравственности вырождается въ казуистику. Понятно, какое вліяніе могутъ оказать такія положенія на новичка. Рѣдко можно встрѣтить въ монастырѣ на каѳедрѣ человѣка, который бы проповѣдывалъ евангельское ученіе сердечно и съ достоинствомъ, а не разсказывалъ про святыхъ небывалыя исторіи, или не оправдывалъ св. писаніемъ фанатическихъ, вновь изобрѣтенныхъ обрядовъ и т. п. Изученіе человѣческаго духа, полное право природы, безпристрастную церковную и гражданскую исторіи—крайне рѣдко встрѣтить за св. стѣнами. Что же удивительнаго въ томъ, что монахи—то, что они есть? Продолжительное громкое пѣніе дѣлаетъ ихъ неспособными къ болѣе серьезнымъ трудамъ и размышленіямъ, нарушеніе сна вызываетъ нѣкоторое опьяненіе, лѣнь и т. п. Заниматься наукой изъ любви къ истинѣ или для общаго блага нельзя при недостаткѣ образованія, книгъ, свободы въ чтеніи и мышленіи; истинныя заслуги одного оскорбляютъ другихъ. Отсюда—за отсутствіемъ другихъ развлеченій—изысканность въ пищѣ и пьянство, вслѣдствіе неудовлетворенія стремленія къ общественности. Отсюда понятны пороки[3]).

Если кто-либо изъ возвышающихся надъ обычнымъ монашескимъ уровнемъ вздумалъ бы предпринять реформы, его обвинили бы и пре-

[1]) 65—66. [2]) 67—87

дали проклятью, какъ вольнодумца, разрушающаго и не одобряющаго то, что̀ утвердили папы, соборы и сами императоры. Папы и соборы утверждали лишь чистыя учрежденія и если бы они стояли на высотѣ современнаго просвѣщенія, дали бы имъ и соотвѣтственное устройство[1]). Во всякомъ орденѣ хвастаются благочестивыми и учеными людьми, но въ какое время? А если есть и теперь такіе, то они живутъ не монастырской жизнью. Монастырямъ повредили—слишкомъ большое количество членовъ, ревность и ненависть между ними[2]).

Такъ какъ безпорядки и злоупотребленія монаховъ посредственно или непосредственно разрушаютъ благосостояніе государства, то для послѣдняго не безразличны вызывающій ихъ образъ мыслей и настроенія[3]), а, слѣдовательно, монастырскія—воспитаніе, обученіе, дисциплина и образъ жизни. Поэтому государь долженъ позаботиться о лучшемъ образованіи монаховъ въ своемъ государствѣ, хотя бы отрицательно, т. е. изслѣдуя настоящее, несоотвѣтствующее цѣли отмѣнить и опредѣлить чрезъ высшее духовное начальство, что̀ отвѣчаетъ ихъ разумнымъ требованіямъ. Безъ этого безсильны всѣ другіе законы. Пока не убѣждены въ важности уничтоженія зла въ корнѣ, пока ревностно не стараются объ этомъ, или не знаютъ источника зла, до тѣхъ поръ представляются непобѣдимыя трудности къ исправленію монашества[4]).

Причина неудачи реформъ часто бывала въ самихъ государяхъ. Къ сожалѣнію, папы усерднѣе работали надъ своимъ планомъ, чѣмъ свѣтскіе монахи. И этотъ перевѣсъ силы духовенства долженъ быть поставленъ въ вину самимъ государямъ, изъ которыхъ многіе разрушали созданное ихъ предшественниками. Нѣкоторые стремились къ бо́льшему, чѣмъ имъ позволительно, и только усиливали свою власть, а не исправляли церковную дисциплину. Иные считали зло непоправимымъ, а оно отъ промедленія все росло; били не тамъ, гдѣ должно, смѣняли лицъ на папскомъ тронѣ, а не систему[5]).

Какъ мало успѣха должно было имѣть дѣло отъ лучшихъ даже государей, когда ихъ мѣры имѣли видъ коварства по отношенію къ монашеству, что̀ заставляло послѣднее быть на сторожѣ и относиться недовѣрчиво. Опять, не знали трудностей, препятствій. Хотѣли исправлять зло, только когда оно было уже очень опасно по величинѣ; часто дѣлали много зла, котораго избѣжали бы при бо́льшей осмотрительности, не имѣли счастливой мѣры во рвеніи.... часто ослабляли права монаховъ, уваженіе къ нимъ и религію, тогда какъ должны были стараться только ограничить излишекъ ихъ власти и устранить злоупотребленія. Для возстановленія надлежащаго равновѣсія должны были пройти вѣка и требовались революціи. Нужно избѣгать ошибокъ предшественниковъ, для этого избрать средній путь, одинъ только ведущій къ цѣли. Отвѣтъ политики на этотъ счетъ тѣмъ безполезнѣе,

[1]) 88—90, прим. [2]) 90—92, прим. [3]) ср. 125. [4]) 90—93. [5]) 93—99.

что ея предписанія свое ближайшее опредѣленіе могутъ получить только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ множества разнообразныхъ обстоятельствъ[1]).

Наконецъ, затрудненіе къ исправленію клира въ епископахъ, другихъ духовныхъ властяхъ и судебныхъ учрежденіяхъ. Люди, сами порочные, не могутъ такъ легко замѣчать чужихъ преступленій, да у нихъ недостанетъ духу наказывать за послѣднія.—Въ епископы назначаются за деньги, а не по заслугамъ; тоже повторялось и при выборахъ, потому что большинство избирателей худыхъ и безполезныхъ выбирало по себѣ и начальника. При выборѣ начальниковъ орденовъ избирали человѣка, который могъ бы защитить епископовъ, а на болѣе важныя заслуги не обращали вниманія. Какъ же послѣ этого не притти къ мысли, что нельзя достигнуть желаемаго состоянія іерархіи, вслѣдствіе естественной слабости духа?[2]).

Разсудокъ говоритъ намъ, что мы должны, съ одной стороны, терпѣливо и съ любовью относиться къ погрѣшающимъ частнымъ лицамъ изъ духовенства, что, съ другой, нашъ долгъ—быть на стражѣ ихъ упадка, исправлять, по мѣрѣ надобности, и не бояться упрека въ смѣломъ реформаторскомъ духѣ и не раскаиваться въ дѣлѣ, ктторое содѣйствуетъ человѣческому счастью и можетъ утвердить вѣру сохраненіемъ ея чистоты.—Духовенство должно простить мірянамъ, если они открыто высказываютъ, что оно—не то, чѣмъ должно быть. Но при этомъ нужна осторожность[3]).

Можно бы признать монашество за опору противъ деспотизма, если бы оно само не дрожало предъ дворянами, чтобы соединиться съ презираемой частью и поддержать ее. По мнѣнію автора, не должно отнимать у монаховъ привиллегій до тѣхъ поръ, пока нѣтъ другого лучшаго оплота противъ деспотизма[4]).

Авторъ предлагаетъ превратить монашескіе ордена въ бѣлое духовенство, которое занималось бы образованіемъ и всякимъ трудомъ, полезнымъ для государства, а женскіе монастыри—въ богадѣльни для вдовъ и сиротъ. Монахи должны заниматься не пустыми церемоніями, пѣніемъ и т. п., а пусть каждый по своимъ способностямъ изберетъ поле въ области наукъ, особенно изъ общеполезныхъ, занимается образованіемъ, обращеніемъ испорченныхъ людей, участвуетъ въ духовныхъ судахъ, исполняетъ порученія, требующія скромности; монахи должны быть подчинены непосредственно свѣтской власти и могутъ безпрепятственно избирать себѣ тотъ или другой родъ жизни, потому что рабъ не можетъ быть полезнымъ членомъ общества. Рабство давитъ, тѣснитъ душу, а безнадежность убиваетъ ее[5]).—Секуляризовавъ монастырскія имѣнья, государи могутъ поспѣшить на помощь бѣднымъ, больнымъ, вдовамъ, дѣтямъ-сиротамъ, безпомощнымъ ремесленникамъ, крестьянамъ и въ несчастныхъ случаяхъ; могутъ увеличить количество приходовъ и доходы священниковъ, потому что иначе будутъ лѣни-

[1]) 99—105. [2]) 106—112 ср. 113—114. [3]) 114—116. [4]) 118—122. [5]) 125—128.

вые, ничего не дѣлающіе пастыри. И народъ будетъ давать по прежнему, какъ на монастыри, видя благотворительное употребленіе своихъ денегъ[1]). Если монашескіе ордена нельзя упразднить, то необходимо сократить ихъ для блага общества, назначить почтенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ начальниковъ, удалить всѣ поводы къ злоупотребленіямъ. Что̀ окажется не по силамъ нашему вѣку, будетъ сдѣлано въ слѣдующемъ[2]).

Въ томъ же 1781 г. вышли «Beyträge zur schiderung Wiens». I. Изложеніе идетъ въ формѣ переписки двоихъ друзей, изъ которыхъ одинъ сообщаетъ свои наблюденія надъ Вѣной.

Авторъ этихъ „Beyträge“ намѣренъ писать о свободѣ, данной мудрѣйшимъ и лучшимъ изъ монарховъ, которому отъ глубины души долженъ быть благодаренъ за нее всякій честный человѣкъ[3]). Онъ собирается судить о злоупотребленіяхъ и смѣшныхъ глупостяхъ, но не какъ критикъ, находящій удовольствіе въ возможности порицать, и не какъ модный острякъ надъ религіей, но только чтобы открыть злоупотребленія и заблужденія, скрывающіяся подъ маской истинной религіи, которыя ежедневно встрѣчаются и на которыя никто не обращаетъ вниманія. Онъ никого не хочетъ оскорбить, проситъ извиненія у того, кого, можетъ быть, задѣнетъ, самъ не боится критики, лишь бы встрѣтить сочувствіе въ образованной публикѣ и совпасть съ намѣреніями монарха, желающаго, чтобы учили истинѣ, а суевѣрія, заблужденія и злоупотребленія исчезали[4]).

Первый изъ друзей различаетъ въ богослуженіи существенное и не существенное или случайное[5]). Онъ находитъ, что у всѣхъ религія основана на церемоніяхъ и случайныхъ вещахъ, а не на существенныхъ. Родившись, человѣкъ крестится; не понимая обрядовъ, всю жизнь исполняетъ ихъ и предъ смертью думаетъ, что спасется, какъ увѣряетъ его монахъ, потому что заказалъ ему 200—300 мессъ, хотя раньше о Богѣ и не думалъ. Онъ находитъ, что намѣреніе церкви было хорошее, но люди все испортили, дѣлаютъ все это болѣе по привычкѣ, чѣмъ по ревности[6]).

Второй другъ говоритъ, что у нихъ въ Вѣнѣ нѣтъ въ обывателяхъ средины—или все отрицающіе вольнодумцы или ханжи. Онъ иначе различаетъ церковные обряды—на общіе, учрежденные церковью, или одобренныя ею церемоніи (этихъ онъ не касается), на терпимые только церковью, цѣну которыхъ можно изслѣдовать и, наконецъ, мѣстные обычаи, на которыхъ отразился національный характеръ, которые особенно интересны для наблюдателя и право выражать свободно мнѣніе о которыхъ не можетъ отрицать ни одинъ разумный человѣкъ[7]). Вообще католики или совсѣмъ не понимаютъ, или очень мало въ церковныхъ церемоніяхъ и обрядахъ. Поэтому, чтобы народъ зналъ смыслъ, соединяемый церковью съ тѣмъ или другимъ обрядомъ, и могъ различать существенное въ религіи отъ похвальнаго только или терпимаго, нужно бы издать руководство[8]). Подтвержденіемъ народнаго не-

[1]) 128—131. [2]) 131. [3]) Vorrede. 3—4. [4]) Ibidem. 4—6. [5]) 14—16. [6]) 16—19. [7]) 20—21. [8]) 21—22.

пониманія церковныхъ обрядовъ могутъ служить братства при церквахъ, ихъ смѣшная гордость благочестіемъ. Сомнительно, чтобы эти братства приносили церкви больше пользы, чѣмъ вреда, особенно если они, какъ въ Вѣнѣ, въ рукахъ монаховъ, не столько заботящихся о спасеніи братьевъ и сестеръ, сколько о деньгахъ. Авторъ возстаетъ противъ безстыдства частаго Opfergehen братскаго персонала[1]). Далѣе первый другъ касается злоупотребленій и уклоненій отъ истиннаго почитанія святыхъ, статуй и иконъ[2]).

Что̀ можетъ быть страннѣе праздника и почитанія сердца Іисусова? Но, при настоящемъ уровнѣ общественнаго развитія, нельзя отмѣнить его сразу,—вспомните волненія, по поводу отмѣны рождественской всенощной и вообще ночныхъ службъ[3]); изъ-за этого поднимаютъ крикъ о разрушеніи религіи, какъ будто богослуженіе не можетъ совершаться безъ этихъ злоупотребленій[4]). Странное празднество въ честь I. Непомука, сопровождаемое распутствомъ![5]). Злоупотребленія и мелочи въ богослуженіи—главныя причины развитія свободомыслія и невѣрія[6]).—Первый другъ приводитъ курьезы изъ акаѳиста св. Терезіи[7]), римскаго бревіарія[8]), акаѳиста Богородицѣ[9]) и предлагаетъ завести для этого рода книгъ цензуру[10]). Часто богослужебныя книги (послѣдованіе исповѣди) даютъ свѣдѣнія о неизвѣстныхъ дотолѣ человѣку грѣхахъ[11]). Масса злоупотребленій индульгенціями[12]). Много есть адіафоръ, при установленіи которыхъ церковь имѣла хорошее намѣреніе, но народъ, по невѣжеству въ религіозныхъ вещахъ, сдѣлалъ изъ нихъ дурное употребленіе[13]). Какъ злоупотребляютъ мощами![14]). Сколько безобразія въ церковной музыкѣ[15])! Въ самихъ священникахъ нѣтъ никакого благоговѣнія при совершеніи мессы; очевидно одно желаніе—поскорѣе заработать $^1/_2$ гульдена[16]). Далѣе онъ приводитъ рядъ курьезовъ изъ проповѣдей[17]). Онъ желалъ бы отдѣльнаго изданія евангелія и даровой раздачи его бѣднымъ, хотя самъ признаетъ это химерой, въ родѣ платоновскаго государства[18]).—Второй другъ въ чужія уста влагаетъ желаемыя имъ реформы монашества, чтобы монахи дѣйствительно выходили благочестивыми лицами[19]). Бѣлое духовенство получаетъ теперь образованіе въ семинаріяхъ, но что-то еще будетъ, а пока оно въ большинствѣ случаевъ необразованно и самое-то необразованное по селамъ. Хотя и есть распоряженіе—не допускать до рукоположенія не изучавшихъ богословія съ церковнымъ правомъ, однако на практикѣ оно не примѣняется[20]). Второй другъ желалъ бы обратить монастырскіе доходы—одни на образованіе будущаго духовенства, другіе—на богадѣльни для престарѣлаго духовенства; въ каноники назначать только людей, извѣстныхъ своей ревностью и благочестіемъ. Тогда былъ бы клиръ, который служилъ бы непоколебимой опорой государству и церкви[21]). Существуетъ обычай заказывать сотни—тысячи мессъ для спасенія души, такъ что недостаетъ налична-

[1]) 22—25. [2]) 26—31 ср. 51—54.
[3]) Ср. 51—52. [4]) 37—38. [5]) 38—39. [6]) 41—42, 55. [7]) 43—48. [8]) 48—49. [9]) 65—67.
[10]) 52—53. [11]) 67—69. [12]) 53—54 ср. 58—59. [13]) 56—57. [14]) 60. [15]) 70—78. [16]) 82—85.
[17]) 85—90. [18]) 90—92. [19]) 93—99. [20]) 99—101. [21]) 102.

то духовенства. Принятые заказы передаютъ въ Кроацію и Венгрію, потому что тамъ берутъ по 17 крейцеровъ за то, за что въ Вѣнѣ по 40[1]). Зачѣмъ такое множество иноземнаго духовенства? Зачѣмъ проповѣдники въ послѣобѣденныхъ проповѣдяхъ разсуждаютъ со старухами о свободомыслiи? Траурные помосты относятся-ли къ храму? Чѣмъ они роскошнѣе, тѣмъ больше сомнѣнія[2]).

Прочь со всякими нововведеніями! — говоритъ первый другъ. Онъ думаетъ заслужить этимъ, по ученію монаховъ, по крайней мѣрѣ, небо[3]). Проектъ сокращенія монастырей или переведенія ихъ въ села онъ называетъ величайшей несправедливостью. Перевести ихъ въ села было бы хорошо, но кто тогда въ городахъ будетъ ухаживать за больными, обращать жидовъ, украшать процессіи....? Тогда потеряется столько благословеній, индульгенцій. Что скажутъ благочестивыя вдовы и старыя дѣвы, если онѣ лишатся утѣшенія? Кто дастъ имъ чотки и т. п.? Спасеніе души всего дороже; будьте Риггеромъ, Эйбелемъ, Мартини, Зонненфельсомъ, я же,—говоритъ первый другъ,—останусь тѣмъ, что есмь[4]). Онъ предлагаетъ поручить каждому монастырю заняться своимъ предметомъ (кому математикой, кому ботаникой, кому сельскимъ хозяйствомъ) и въ концѣ года представлять сочиненія. Если послѣднія будутъ одобрены, печатать на монастырскій счетъ, чистую выручку отдавать на благотворительныя заведенія. Въ случаѣ плохого достоинства сочиненій брать штрафъ. Нищенствующимъ орденамъ чрезъ 2 мѣсяца запретить сборъ милостыни; сократить пѣніе; посылать монаховъ въ университеты[5]).—Иноземное духовенство наѣхало, вѣроятно, потому, что свое не могло удовлетворить спросу[6]).

Въ общемъ, по наблюденію второго друга, вѣнецъ — очень благочестивый и набожный человѣкъ[7]). Вотъ какъ можно подѣлить вѣнцевъ: 1] большинство ихъ — суевѣры[8]); 2] считаемые за свободомыслящихъ, которые смотрятъ на все внѣшнее въ богослуженіи, какъ на пустяки; для вразумленій ихъ слѣдовало бы издать объясненіе всѣхъ обрядовъ[9]); 3] есть такіе, которые съ свободомыслящими людьми смѣются надъ религіей, со старыми дѣвами ханжатъ и ходятъ въ церковь, такъ какъ это принято[10]); 4] наконецъ, есть исполняющіе религіозный долгъ по убѣжденію, а нѣкоторые изъ выгоды[11]).

Времена нетерпимости въ Вѣнѣ миновали: теперь одинаково, независимо отъ вѣроисповѣданія, уважаются честность, ученость и искусство. Авторъ желалъ бы такого разумнаго направленія мысли и въ остальныхъ религіозныхъ вопросахъ. Есть основаніе въ будущемъ ожидать еще лучшаго[12]). А пока,—говоритъ первый другъ,—по обѣтамъ, одѣваютъ статуи, какъ куколъ, и дѣлаютъ богатыя пожертвованія въ церкви за полученныя милости[13]), а знатные повѣсы болтаютъ въ церквахъ, мѣшая молитвѣ другихъ[14]).

Въ томъ же 1781 г. явилась брошюра подъ заглавіемъ «Das

---

[1]) 104—105. [2]) 106. [3]) 109—110. [4]) 110—112. [5]) 114—115. [6]) 119. [7]) 123—124. [8]) 124—126. [9]) 126—127. [10]) 127—128. [11]) 128—129. [12]) 129—130. [13]) 131—132. [14]) 134—135.

Grab der Bettelmönche». S. S. 174 + предисл., безъ обозначенія стр., а по счету—14.

Въ предисловіи анонимный авторъ говоритъ, что, въ виду сдѣланныхъ уже Іосифомъ распоряженій относительно подчиненія монаховъ ихъ истинному начальству—епископамъ и запрещенія сношеній съ иностранными генералами и со дня на день ожидаемыхъ новыхъ мудрѣйшихъ распоряженій, клонящихся къ исправленію упавшаго монашества, можно предполагать, что недалеко время полнаго преобразованія послѣдняго, совершеннаго уничтоженія настоящаго порядка вещей, почему онъ и назвалъ свое сочиненіе „могилой".

Авторъ даетъ сначала краткую исторію монашества, потомъ указываетъ уклоненіе монаховъ отъ орденскихъ правилъ и первоначальнаго назначенія и, наконецъ, представляетъ ихъ безполезными и вредными для государства съ богословской, политической и нравственной сторонъ. О реформѣ монашества говоритъ мало, этому вопросу посвящаетъ особое сочиненіе: „12 апостоловъ". Планы улучшенія, составляемые частными лицами, всегда остаются лишь въ идеѣ и только государи могутъ проводить ихъ въ жизнь.—Это сочиненіе—только дополненіе къ существующимъ уже большимъ трудамъ по этому же вопросу. Авторъ убѣжденъ, что написалъ правовѣрно и всѣ факты заимствовалъ изъ лучшихъ и достовѣрнѣйшихъ католическихъ писателей[1]).

Все предсказываетъ близкій конецъ нищенствующихъ орденовъ. Раздаются крики противъ безполезныхъ членовъ общества, поѣдающихъ работу пчелъ. Ихъ сравниваютъ съ полчищами саранчи, покрывающей землю и поѣдающей предназначеное для содержанія людей. Стараются на нравственныхъ и политическихъ основаніяхъ доказать что они въ высшей степени вредны для государства и общества, доходятъ даже до мысли запретить имъ нищенство, источникъ ихъ содержанія[2]).

Авторъ берется за исторію: излагаетъ съ самаго начала исторію западнаго монашества вообще[3]), возникновеніе нищенствующаго ордена доминиканцевъ[4]), францисканцевъ-миноритовъ[5]), разсказываетъ о порчѣ нищенствующихъ орденовъ, начавшейся чрезъ 40 лѣтъ послѣ ихъ учрежденія[6]). Монахи этихъ орденовъ завладѣли каѳедрами проповѣдниковъ и преподавателей, засѣдали въ кабинетахъ государей, какъ духовники, въ качествѣ совѣтниковъ[7]). Папы поддерживали ихъ за услуги папству[8]).

Потомъ нищенствующіе ордена получили значительное развѣтвленіе[9]); авторъ излагаетъ затѣмъ исторію ордена капуциновъ[10]) и іезуитовъ[11]).

Итакъ, ордена съ самаго почти начала уклонились не только отъ образа жизни первыхъ монаховъ, но и отъ своихъ орденскихъ правилъ, тѣмъ болѣе теперь[12]). Въ древности епископы имѣли надзоръ

[1]) Предисл., 10—14. [2]) 1. [3]) 2—18. [4]) 18—29. [5]) 29—44. [6]) 44—47 ср. 52. [7]) 48—49. [8]) 49—51. [9]) 52—55. [10]) 55—80. [11]) 80—89. [12]) 89.

и право духовнаго суда надъ всѣми церквами и обществами своихъ епархій. Но монахи постепенно, вопреки ученію древнихъ о.о. церкви, соборамъ и орденскимъ правиламъ основателей, получили безчисленное множество привиллегій, шедшихъ въ разрѣзъ съ правами епископовъ[1]). Постепенно, вопреки всякимъ постановленіямъ, они забрали въ свои руки приходы[2]). Особенно тяжелы были для государства—освобожденіе монастырей отъ всевозможныхъ податей и налоговъ и высылка безчисленныхъ суммъ въ Римъ генераламъ[3]). Современнымъ положеніемъ монастырей въ высшей степени оскорбляются дарованныя Богомъ права государямъ. Извѣстны мѣры, принимаемыя противъ этого въ наше время въ различныхъ государствахъ Европы[4]). Не смотря на реформы монашества по всей Европѣ, Германія остается повидимому, спокойной. Только въ Баваріи были распоряженія, но они, вслѣдствіе силы папы и вліянія монаховъ, или совсѣмъ не были приведены въ исполненіе, или только въ незначительной степени. Странно, что даже въ Австріи не возстановлены права государя и епископовъ. Причинъ этого авторъ не хочетъ розыскивать. Первые шаги въ реформѣ австрійскаго монашества онъ видитъ въ распоряженіяхъ Іосифа относительно прекращенія связи монаховъ съ генералами орденовъ и въ placetum regium и exequatur[5]).

Монахи нищенствующихъ орденовъ вполнѣ отрекаются отъ міра, а между тѣмъ постоянно въ обществѣ: на обѣдахъ играютъ роль шутовъ; втираются во всѣ богатые и бѣдные дома; все знаютъ, гдѣ что дѣлается и устраиваютъ въ свою пользу завѣщанія. Денегъ у нихъ много, ѣдятъ отлично постомъ и въ обычное время[6]). Вопреки словамъ ап. Павла (2 Θес. Ш, 7—8), Францискъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ жить милостыней[7]). Ни смиренія, ни кротости,—отличительныхъ признаковъ нищенствующихъ монаховъ,—у нихъ не ищи. Постовъ на хлѣбѣ и водѣ они не знаютъ[8]).—Приведя отзывъ Бонавентуры (изъ письма отъ 23 апр. 1257 г.) чрезъ 30 лѣтъ послѣ учрежденія ордена францисканцевъ о причинахъ помраченія славы этого ордена[9]), авторъ находитъ, что опасенія Бонавентуры сбылись, когда папы засыпали францисканцевъ привиллегіями[10]). Когда на Тридентскомъ соборѣ былъ поднятъ вопросъ о зависимости монаховъ отъ епископовъ, то они предложили епископамъ, по правилу Халкидонскаго собора, жить какъ ихъ предки, а пока епископы не живутъ, какъ суперіоры монастырей, отказались имъ подчиняться. Такъ и осталось дѣло въ прежнемъ положеніи[11]). Большинство нищенствующихъ монаховъ состоитъ изъ любителей праздношатанія. Если бы такихъ не допускать до поступленія въ монашество, больше бы было рабочихъ рукъ, лучше обработывались бы поля и поправилось бы экономическое положеніе государства[12]). Самъ Бенедиктъ поставилъ трудъ главнымъ занятіемъ для монаховъ. Изъ исторіи извѣстно, что его орденъ при своемъ поселеніи въ Германіи обработалъ множество

[1]) 89—91. [2]) 91—94. [3]) 94. [4]) 94—100. [5]) 107—111. [6]) 111—114. [7]) 115—116.
[8]) 117—120. [9]) 121—122. [10]) 123—124. [11]) 125. [12]) 140—141.

дикихъ полей. Дальнѣйшіе его представители занялись наукой и ни въ одномъ орденѣ нѣтъ столько ученыхъ, современные же монахи этого ордена не работаютъ ни головой, ни руками[1]). Францискъ тоже завѣщалъ работу, милостыню допускалъ лишь въ крайнемъ случаѣ, при отсутствіи работы[2]). Есть между монахами неспособные къ тяжелому физическому труду: такіе пусть занимаются наукой, мануфактурой, но дѣти рабочихъ, способные и сильные должны заниматься физическимъ трудомъ для снисканія себѣ пропитанія[3]).

Въ послѣднее время стали приниматься мѣры противъ нищенствующихъ орденовъ въ Венеціи, во Франціи, въ Миланѣ и даже въ Австріи. Іосифъ, другъ человѣчества, отецъ и благодѣтель своихъ народовъ, стремится освободить народъ и особенно крестьянина отъ тяжести монашества. Сколько сотъ морговъ полей будетъ обработано, насколько увеличатся доходы государства и какъ улучшится отъ этого положеніе крестьянина[4])!

Вредно для государства нищенствующее монашество и въ смыслѣ сокращенія населенія. Какъ монахи, они только распространяютъ суевѣрія и не приносятъ никакой пользы, а если заградить имъ доступъ въ ордена, они женятся, будутъ обрабатывать землю, или служить въ солдатахъ, во всякомъ случаѣ приносить государству хоть какую нибудь пользу[5]). Намъ нужны священники и пастыри, которые указывали бы невѣжественному народу путь ко спасенію, наставляли и утѣшали его и проповѣдывали ему чистое католическое ученіе, а не набивали бы ему голову сказками, какъ это дѣлаютъ нищенствующіе монахи; а такихъ-то пастырей у насъ скорѣе мало, чѣмъ много[6]).

Признавая монашество нужнымъ для людей, ищущихъ уединенія для истиннаго благочестія или занятія науками, авторъ находитъ полезными ордена бенедиктинцевъ и картезіанцевъ, какъ никого не обременяющихъ и проповѣдающихъ ученіемъ и жизнью[7]). Однако, нужно только сократить, а не совсѣмъ уничтожить нищенствующіе ордена. Есть люди, не имѣющіе таланта для научныхъ занятій, не способные къ физической работѣ и желающіе удалиться отъ міра; другіе, по фанатизму, думаютъ, что имъ нельзя спастись, если они будутъ жить въ міру. Для такихъ и должны существовать нищенствующіе ордена, только члены послѣднихъ не должны собирать милостыни[8]).

Вредны и безполезны нищенствующіе монахи и съ нравственной точки зрѣнія. Они занимаются только распространеніемъ суевѣрій, ханжества, интригами, устройствомъ браковъ и т. п.; пускаютъ въ ходъ все, начиная съ исповѣди и кончая чудесами и видѣніями[9]). Необходима реформа нищенствующихъ орденовъ и приведеніе ихъ къ первоначальной дисциплинѣ. Кто можетъ сдѣлать это? Епископы не могутъ, потому что нищенствующіе ордена стоятъ внѣ ихъ непосредственной власти, имѣя папскія привиллегіи и всегда получая поддержку изъ Рима. Еще менѣе могутъ взяться за это дѣло частныя благочестивыя лица. Нисколько

[1]) 141—142. [2]) 143—145. [3]) 145—147. [4]) 148—151. [5]) 151—153, 156—157. [6]) 153. [7]) 153—154. [8]) 156—157. [9]) 158—167.

не помогли самыя основательныя сочиненія нашего времени по этому вопросу. Папы не хотятъ. Они назначатъ комиссіи для изслѣдованія, а потомъ ничѣмъ и кончатъ, только протянутъ время. Въ виду жалобъ и общихъ криковъ, они закрыли нѣсколько ничего не стоющихъ монастырей. Остается взяться за это дѣло свѣтскимъ государямъ, но лучше бы съ согласія папы и, лишь въ случаѣ отказа послѣдняго, безъ него.

Какое средство реформировать нищенствующіе ордена?

1) Одни предлагаютъ совсѣмъ упразднить. Это—короткій путь, но что же будутъ дѣлать монахи? Не умирать же съ голоду. Этотъ проектъ не годится. 2) Другіе предлагаютъ запретить имъ сборъ милостыни и требовать соблюденія обѣтовъ, но вѣдь имъ нужно же чѣмъ нибудь жить. Въ указаніи источника къ жизни эти господа не согласны. 3) Третьи предлагаютъ запретить принимать впредь новиціевъ, пока число нищенствующихъ монаховъ дойдетъ до нормы. Но сколько же времени нужно ждать? Кромѣ того, прекратятся-ли чрезъ это бродяжничество и безнравственное поведеніе оставшихся членовъ? 4) Четвертые предлагаютъ размѣстить нищенствующихъ монаховъ по другимъ орденамъ. Но чрезъ это произойдетъ масса безпорядковъ.—Своего проекта реформы и оцѣнки другихъ авторовъ здѣсь не даетъ, откладывая это до другого сочиненія—„12 апостоловъ“[1]).

Въ отвѣтъ на это произведеніе явилась апологія монашества вообще и нищенствующихъ орденовъ въ особенности подъ заглавіемъ: „Die Auferstehung der Bettelmönche“. Mietau. 1782.—Сказавши о нападкахъ въ послѣднее время на монашество вообще и особенно на нищенствующее, авторъ берется доказать громадную общественную пользу, принесенную и доселѣ еще приносимую послѣднимъ. Изъ всѣхъ произведеній противъ монашества онъ останавливается на «D. Briefe über d. Mönchswesen» и «D. Grab d. Bettelmönche», какъ на произведшихъ наибо́льшее впечатлѣніе на публику[2]).

Монахи, удалявшіеся въ пустыню, являлись и въ города для борьбы съ заблужденіями и отчасти для продажи своихъ издѣлій для своего пропитанія[3]). Да и нельзя требовать, чтобы настоящіе монахи жили такъ же, какъ ихъ предшественники. Времена мѣняются, а съ ними и учрежденія[4]). Потомъ изъ отшельниковъ монахи преобразовались въ киновіи. Были между ними и священники для совершенія богослуженія, если они жили далеко отъ города. Епископы выбирали себѣ изъ монаховъ помощниковъ и давали имъ священный санъ. Въ киновіяхъ у нихъ была двоякая забота—о спасеніи своей души и о спасеніи душъ другихъ. Ихъ жизнь не была только созерцательной, а и дѣятельной. Помимо подвиговъ они заботились и о распространеніи славы Божіей. Бенедиктъ, скорѣе возстановившій древнія правила, чѣмъ установившій новыя, хотя и велѣлъ заниматься ремеслами и меньше ходить въ городъ, но самъ посылалъ для проповѣди и обращенія невѣрныхъ. — Дальнѣйшее измѣненіе состояло въ принятіи

[1]) 167–174. [2]) 5—16. [3]) 17—19. [4]) 19—20 ср. 58—59, 117, 123.

почти всѣми монахами священнаго сана. Вслѣдствіе этого сана они неизбѣжно должны были посѣщать города и другія мѣста для ученія, крещенія и т. п. Поэтому слабо возраженіе, что монахи уклонились отъ своихъ правилъ, потому что оставляютъ монастыри[1]). Сравниваютъ нищенствующихъ монаховъ съ ѳиваидскими пустынниками, но между тѣми и другими нѣтъ ничего и общаго, правила первыхъ составлены совсѣмъ не по образцу вторыхъ[2]).

Авторъ хочетъ: 1) бросить взглядъ на основателей орденовъ и происхожденіе послѣднихъ; 2) изслѣдовать, насколько основательны упреки, что ордена уклонились отъ первоначальныхъ уставовъ, и насколько нуждаются въ реформѣ; 3) показать, что нищенствующіе ордена, разсматриваемые съ богословской, политической и нравственной сторонъ,—очень полезное общественное учрежденіе и 4) разсмотрѣть кратко проекты ихъ исправленія, или уничтоженія[3]).

Францискъ и Доминикъ, основатели орденовъ, имѣли въ виду распространеніе славы божіей, потому посылали своихъ учениковъ по всему міру[4]). Обвиняютъ Доминика въ жестокости и инквизиціи, но не онъ былъ жестокимъ, а свѣтская власть; инквизицію учредилъ также не онъ, да здѣсь и не мѣсто разбирать, пользу или вредъ принесла она.—Франциска признаютъ сумасшедшимъ только сумасшедшіе. Итакъ, основатели францисканскаго и доминиканскаго орденовъ совсѣмъ не хотѣли основать отшельническіе ордена, а хотѣли разсѣять своихъ послѣдователей по всей землѣ, чтобы проповѣдать чистое ученіе и указать путь къ блаженству[5]).

Злоупотребляютъ фактами, выдергиваемыми изъ исторіи. Авторъ опровергаетъ утвержденіе «D. Grab d. Bettelmönche» (40, 41), будто монахи отбили мѣста у приходскихъ священниковъ, проповѣдниковъ и учителей; во всемъ виноваты жадность, гордость и тщеславіе бѣлаго духовенства, монахи только боролись за свои права[6]).

Отклонивъ приводимые у автора «Grab» упреки Бонавентуры, Петра де Винье и Матѳея парижскаго относительно упадка францисканскаго ордена[7]), нашъ авторъ переходитъ къ упреку нищенствующимъ монахамъ въ томъ, что они живутъ въ хорошихъ домахъ, забрались въ дома великихъ сего міра и вмѣшиваются въ государственныя дѣла. Въ этомъ и нѣтъ ничего предосудительнаго, да они и не сами протѣснились сюда, а ихъ пригласили, по недостатку въ способныхъ людяхъ. И сколько надѣлали они при этомъ добра![8]).—Странствованіе по свѣту—совсѣмъ не противъ ихъ обѣта, потому что ихъ уставъ предписываетъ имъ проповѣдь міру, а не занятія въ 4 стѣнахъ[9]).

Частыя жалобы автора «Briefe» на то, что монахи старались только о расширеніи папской власти, даже въ свѣтскихъ дѣлахъ, не основательны: 1) долгъ монаховъ—подчиняться папѣ, не разбирая, правъ онъ или нѣтъ; 2) еще не рѣшено, кто былъ правъ въ тѣ смут-

[1]) 20—24. [2]) 26—28. [3]) 28—29. [4]) 29—38. [5]) 38—40. [6]) 41—48.
[7]) 48—49 ср 77—78. [8]) 53—55. [9]) 52—54.

ныя времена, слѣд., монаховъ нельзя упрекать за то, что они исполняли приказанія своего признаннаго главы; 3) это ни мало не свидѣтельствуетъ объ уклоненіи ихъ отъ первоначальныхъ правилъ[1]).

Упрекаютъ нищенствующихъ монаховъ за ихъ внутреннія ссоры, ссылаются на исторію возникновенія капуциновъ, но анналистъ Боверій — не достовѣренъ. Да не безъ достаточныхъ основаній и Тридентскій соборъ утвердилъ этотъ орденъ[2]). Если дѣйствительно есть безпорядки въ монашествѣ, зачѣмъ всё-таки мѣшаются въ это дѣло люди, ничего здѣсь не понимающіе? Сдѣлаютъ нужное и безъ нихъ люди компетентные[3]).

Авторъ «Grab» (110) говоритъ, что монахи не удалились бы настолько отъ своихъ правилъ и не смѣли бы не признавать власти государей, если бы у нихъ не было всевозможныхъ льготъ, привиллегій и если бы для нихъ существовало еще что нибудь, кромѣ власти генераловъ. Нашъ авторъ видитъ въ этомъ ненависть и пристрастіе. Подчиненіе генераламъ — ихъ долгъ, а государямъ они также всегда подчиняются, если это не противорѣчитъ ихъ обѣтамъ, долгу и совѣсти[4]).

Далѣе нашъ авторъ отвѣчаетъ на разныя обвиненія нищенствующихъ монаховъ: 1) что они шатаются по домамъ, обѣдамъ и служатъ тамъ шутами; всѣми путями знакомятся со всѣми домашними тайнами; дѣлаютъ ничтожные подарки, чтобы получить съ лихвой, стараются устраивать въ свою пользу завѣщанія; 2) что они, вопреки обѣту нищеты, богаты и посылаютъ за-границу значительныя суммы[5]); 3) что у нихъ нѣтъ кротости и смиренія; 4) что они гордятся строгостью своей жизни, тогда какъ, не говоря уже о фиктивности строгости, многіе переносятъ больше лишеній [напр., солдаты, поденьщики, даже виверы и т. п.][6]). — Яснѣйшимъ доказательствомъ того, что нищенствующіе монахи не уклонились отъ своей первоначальной нормы служитъ одобреніе ихъ въ разныя времена различными папами[7]).

Что касается неприличнаго, позорящаго орденъ поведенія францисканцевъ и капуциновъ, то паршивая овца можетъ попасться въ такомъ большомъ стадѣ, при томъ же такое поведеніе не одобряется: виновный подвергается наказанію. Къ тому же, очень много такихъ исторій сочиняется врагами монаховъ[8]). — 1) Жалоба Бонавентуры еще не свидѣтельствуетъ объ уклоненіи отъ правилъ. 2) Необходимо, чтобы въ первомъ вѣкѣ по своемъ возникновеніи братья этихъ орденовъ жили иначе, чѣмъ теперь. Что за картину представляли бы они теперь съ 13-ти-вѣковымъ образомъ жизни![9]).

Зависть клира, ревность другихъ орденовъ и крики сыновъ сего міра, не признающихъ ничего, кромѣ своихъ похотей — вотъ источникъ, изъ котораго черпаются мнѣнія о необходимости реформировать монаховъ, или упразднить, или запереть въ 4 стѣнахъ[10]).

Въ приложеніи авторъ разбираетъ сочиненіе «Abhandlung über

---

[1]) 55—56. [2]) 56—57. [3]) 57—58. [4]) 59—61. [5]) 61—70. [6]) 71—74. [7]) 74—75. [8]) 75—76. [9]) 77—79. [10]) 79—80.

d. Eid, welchen d. Bischöffe d. Pabst abzulegen verhalten werden», или, вѣрнѣе, переписываетъ вышедшую на него «Kritik über d. Abhandlung vom d. Eide d. Bischöffe», потому что, если признать епископскую клятву папамъ неправильной и вредной для государей, то тоже самое нужно сказать и о монашеской клятвѣ[1]).

Однимъ изъ очень дѣятельныхъ поборниковъ Іосифовской церковной реформы на литературномъ поприщѣ былъ профессоръ вѣнскаго университета, I. B. Эйбель. Онъ написалъ въ духѣ новаго времени слѣдующіе, какъ выражается Бруннеръ, „памфлеты“: «Was ist der Pabst?» «Was ist der Bischof?» «Sieben Kapitel von Klosterleuten». «Was ist der Ablass?“ и „Die Schädlichkeit der Ohrenbeicht.“ Бруннеръ находитъ, что всѣ эти сочиненія Эйбеля выдаютъ совершенную враждебность автора положительному христіанству и такое же невѣжество. Тогдашній критикъ, Олива назвалъ Эйбеля „колоссомъ вѣжливости и учености“, но самъ Олива, по словамъ того же Бруннера, былъ замѣчательно невѣжливъ и еще меньше того, если только это возможно, ученъ[2]).

Сочиненіе Эйбеля объ исповѣди вмѣстѣ съ другими его произведеніями, вышедшими раньше, по разсмотрѣніи ихъ римской цензурой были запрещены. Герзанъ писалъ Кауницу, что, хотя онъ лично и не видалъ этого произведенія Эйбеля, но общій голосъ и въ томъ числѣ лицъ, „далекихъ отъ всякихъ предразсудковъ“, что въ немъ содержатся положенія „соблазнительныя и римскому ученію нашей вѣры противныя“. Впрочемъ, по замѣчанію Герзана, это запрещеніе не вызвало въ Римѣ большой сенсаціи, потому что во всѣхъ государствахъ почти ежегодно выходятъ произведенія, запрещаемыя потомъ римской цензурой. Лично Герзанъ выражалъ свое сожалѣніе по этому поводу, такъ какъ, хотя и не знакомъ съ авторомъ, но слышалъ объ его учености, а это должно быть ему крайне непріятно[3]). — Геблеръ писалъ Бретшнейдеру (13 марта 1782 г.): „Sieben Kapitel von Klosterleuten“ возбуждаетъ здѣсь много шуму. Авторъ показываетъ, что церковь и государство даже обязаны уничтожить монашество, какъ безполезное и вредное и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Это — не заурядныя (онъ упоминалъ еще о брошюрѣ того же Эйбеля „Was ist der Pabst“), а важныя произведенія“[4]). Выше мы уже приводили отзывъ Шрёкка о „Sieben Kapitel von Klosterleuten“[5]).

Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками всѣхъ вышеупомянутыхъ сочиненій Эйбеля и намъ приходится ограничиться сейчасъ только поименованнымъ. Оно издано въ Вѣнѣ въ 1782 г. На заглавномъ листѣ виньетка, изображающая діавола, освѣщаемаго солнечными лучами и сидящаго на текстѣ изъ 2 Коринѳ. XI, 15: „Самъ сатана принимаетъ образъ ангела свѣта“.

Авторъ прежде всего говоритъ о вложенномъ Богомъ въ сердце каждаго человѣка стремленіи къ обществу и объ обязанностяхъ обще-

[1]) 189—208. [2]) Brunner. 112—113, прим. [3]) Письмо Герзана отъ 20 ноября 1784 г. (Ibidem. 112). [4]). Werner. 19—20. [5]) 210.

ственнаго положенія[1]). Кто имѣетъ истинное понятіе объ естественныхъ законахъ и заповѣдяхъ божіихъ, тотъ никогда не отнесетъ къ числу высшихъ законовъ и обязанностей по отношенію къ Богу такихъ поступковъ, которые хотя и не омрачаютъ славы божіей, но не могутъ быть совершаемы безъ нарушенія обязанностей къ намъ самимъ или нашимъ ближнимъ[2]).

Истинное служеніе Богу состоитъ въ томъ, чтобы 1) мы не дѣлали ничего, омрачающаго божественную славу, 2) чтобы исполняли всѣ заповѣди божіи, въ томъ числѣ и тѣ, которыя даны относительно насъ самихъ и нашихъ ближнихъ и 3) чтобы мы, при случаѣ, не опускали изъ вниманія никакого поступка, который, не мѣшая обязанностямъ необходимости и совершенствованія, лежащимъ на насъ по отношенію къ намъ самимъ и нашимъ ближнимъ, могъ бы служить къ прославленію Бога въ насъ и другихъ.—Выходя изъ этихъ положеній, Эйбель и разбираетъ вопросъ объ удаляющихся отъ общественной жизни для болѣе совершеннаго служенія Богу[3]) и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Удаленіе отъ общественной жизни должно не увеличиваться, а уменьшаться, потому что только тѣ могутъ быть оправданы, о которыхъ идетъ рѣчь въ § 22 (S.S. 13—14) [a) философское уединеніе, b) удаленіе въ уединеніе на время и безъ вреда для обязанностей по отношенію къ себѣ и другимъ и c) для отдыха отъ трудовъ престарѣлымъ]; 2) всѣ формы удаленія отъ общественной жизни, несогласныя съ 22 §, должны быть реформированы[4]).

Государь обязанъ заботиться о возможно лучшемъ богослуженіи и пастыряхъ, а изъ понятія о служеніи Богу (§§ 2,8) слѣдуетъ, что лучше всего государи могутъ достигнуть этой цѣли, если они обратятъ монаховъ въ бѣлое духовенство, а ихъ имущество частью на жалованье духовенству, частью на содержаніе пріютовъ для престарѣлыхъ лицъ, потрудившихся на пастырской нивѣ, частью на образованіе юношества и помощь бѣднымъ и въ несчастныхъ случаяхъ[5]). Для блага религіи и общества, государь безъ всякаго позволенія, или диспенсаціи, по совѣсти и праву, можетъ закрыть монастыри, а монахами и ихъ богатствомъ воспользоваться указаннымъ способомъ во славу Божію. Сдѣлать это—даже *долгъ* государя, потому что его долгъ, въ которомъ онъ никому, кромѣ Бога, не долженъ давать отчета, состоитъ въ томъ, чтобы всемѣрно стараться о благѣ религіи и государства[6]). Такъ какъ долгъ вѣрноподданныхъ во всемъ повиноваться своему государю, то тѣмъ болѣе они должны подчиниться распоряженію о монастыряхъ, потому что закрытіе и реформа неудобныхъ ни для государства, ни для религіи монастырей не противорѣчатъ божественнымъ заповѣдямъ. Тѣмъ болѣе должны содѣйствовать этому распоряженію служители религіи, такъ какъ они имѣютъ самое правильное познаніе и болѣе всего заботятся объ интересахъ послѣдней[7]). И на-

[1]) §§ 1—5, s.s. 1—3. [2]) § 6, s. 3. [3]) §§ 8—9, s.s. 3—4. [4]) § 25, s. 16.
[5]) § 35. s.s. 23—24. [6]) § 36, s.s. 24—25. [7]) § 37, s.s. 25—26.

ходящіеся сейчасъ въ монастыряхъ должны обнаружить полную готовность подчиниться такому распоряженію государя[1]). Съ какимъ удовольствіемъ выйдутъ изъ монастырей тѣ, которые еще въ молодости попали въ нихъ вслѣдствіе уговоровъ старшихъ, друзей и т. п., или для избѣжанія военной службы. Хорошо, если изъ нихъ выйдутъ хорошіе слуги хоть государству, если не церкви[2]). Обращаясь къ монахамъ, Эйбель уговариваетъ ихъ подчиниться верховной власти, стремиться къ евангельскому совершенству, исполняя свои обязанности[3]). Онъ доказываетъ, что жизнь мірянъ много труднѣе монашеской и опровергаетъ возраженіе, будто бы свѣтскіе люди свои тяготы принимаютъ недобровольно, тогда какъ монахи свои добровольно[4]).

Эйбель обращается къ родителямъ съ увѣщаніемъ не уговаривать дѣтей ни оставаться въ монастыряхъ, ни вновь поступать; говоритъ о косвенномъ насиліи къ поступленію дѣтей въ монастыри, о падающей на родителей отвѣтственности за это, мученіяхъ совѣсти и о будущемъ судѣ[5]).

Обращаясь къ государямъ, Эйбель напоминаетъ имъ, что они „не безъ ума мечъ носятъ“, но для искорененія зла, и приглашаетъ ихъ извлечь дозволенный въ евангеліи мечъ и сдѣлаться христіанскими Александрами[6]).

Цѣль автора—доказать, что настоящее состояніе монастырей идетъ въ разрѣзъ съ основными началами древней церковной дисциплины и что у государей подъ руками въ древнѣйшихъ церковныхъ законахъ достаточно причинъ, силы и долга для закрытія монастырей[7]). Въ первое время монахи были мірянами; они не оставались безъ дѣла, а занимались общими домашними, или полевыми работами; въ древнѣйшихъ правилахъ не предписывается замѣнять работу молитвой. Даже въ позднѣйшее, испорченное время Франциск велѣлъ своимъ ученикамъ заниматься работой. Нищета первыхъ работавшихъ монаховъ состояла въ томъ, что у нихъ ничего не было ни у отдѣльныхъ лицъ, ни у обществъ, и они все лишнее раздавали ближнимъ. Первые монахи ничего не знали о слѣпомъ послушаніи, соборы даже предостерегали ихъ противъ него. Въ первыя времена бракосочетанія монаховъ и монахинь не считались недѣйствительными[8]). Итакъ, монахи въ первое время были людьми, полезными для государства, были подчинены гражданскимъ властямъ и своему духовнику, общему у нихъ съ другими прихожанами[9]). До X в. не было различія въ орденахъ[10]). Въ монахи поступали не дѣтьми, а зрѣлыми мужами и послѣ соотвѣтственнаго испытанія[11]). Монастырскія правила, состояли изъ приказаній начальства, сообразно съ временемъ и обстоятельствами. До обѣта не позволяли носить монашеской одежды. Желавшихъ совсѣмъ покинуть монастырь, или перейти въ другой не удерживали. Оказывавшихся негодными удаляли и уже свѣтская власть должна была при-

[1]) § 38, s.s. 26—27. [2]) § 39, s.s. 27—28. [3]) § 52, s.s. 39—40. [4]) § 54, ss. 41—42. [5]) § 56, s.s. 42—44. [6]) § 57, s s. 44—45. [7]) § 62, s. 46. [8]) §§ 65—68, s s. 46—48. [9]) § 69, s. 49. [10]) § 70, s. 49. [11]) § 71, s. 49.

строивать ихъ къ полезному[1]). Только средневѣковыя испорченность нравовъ и невѣжество вызвали разнообразныя монастырскія формы жизни[2]). Богатыя пожертвованія отучили монаховъ отъ труда[3]). Явились провозгласившіе евангельскую нищету, тоже ничего не дѣлавшіе и жившіе, однако, не хуже богачей[4]). Стали совращать въ монастыри малолѣтнихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Христу угоднѣе невинные, чѣмъ гнилые плоды[5]). Для удержанія въ монастыряхъ, пугали картинами, книгами и описаніями бѣлаго духовенства[6]).

Изъ монашескихъ занятій прежде всего бросается въ глаза школа, которая стоитъ внѣ правительственнаго контроля и въ которой проповѣдуются излюбленныя монахами положенія[7]). Во вредъ чистотѣ религіи и государству служитъ и монастырская исповѣдь: монахи очень злоупотребляютъ послѣдней, проповѣдуя объ опасныхъ временахъ. Св. Ѳома запрещалъ монахамъ быть духовниками, а только помощниками при духовникахъ и проповѣдникахъ. По древнимъ церковнымъ законамъ, монахи не владѣли приходами; съ полученіемъ приходовъ, они перестали быть монахами[8]).

Монахи содѣйствовали своими процессіями уменьшенію благоговѣнія въ евхаристіи; безобразно требовали деньги за мессы. Авторъ выражаетъ желаніе, чтобы эта важнѣйшая служба совершалась на понятномъ для слушающихъ языкѣ и была приведена въ первоначальный видъ[9]). Монахи изобрѣли различные новые обряды, чрезъ что лишь увеличивается суевѣріе[10]). Назидательныя книги съ суевѣрными молитвами бо́льшею частью и пишутся и распространяются монахами.

Какъ духовныя занятія настоящихъ монаховъ мало приносятъ чести и пользы религіи и государству, такъ и свѣтскія ихъ занятія не приносятъ никакой пользы и чести послѣднимъ[11]). Ревизіи монастырей, какъ онѣ производятся теперь, совершенно безполезны: ревизоры только роскошно ѣдятъ, получаютъ деньги и уѣзжаютъ, при земныхъ поклонахъ монаховъ[12]).

Могутъ сказать: „такъ уничтожьте злоупотребленія, реформируйте монастыри, но не говорите о сокращеніи или закрытіи ихъ“. Но монастыри такъ уклонились отъ нормы, что привести ихъ въ первоначальный видъ, значитъ тоже, что закрыть[13]).

Возраженіе, что изъ монаховъ вышло столько ученыхъ, защитниковъ и покровителей вѣры, святыхъ, не имѣетъ значенія въ вопросѣ объ уничтоженіи орденовъ, потому что тѣ же выдающіяся лица постоянно вооружались противъ увеличенія монаховъ и сами закрывали нѣкоторые ордена, изъ которыхъ выходили и святые[14]).

Прежніе монахи содѣйствовали развитію земледѣлія, за это имъ спасибо, какъ за все хорошее, но настоящіе—безполезны, потому ихъ и нужно упразднить[15]).

---

[1]) § 72, s. 50. [2]) §§ 73—74, s.s. 50—51. [3]) § 75, s. 52. [4]) §§ 76—77, s.s. 52—53. [5]) § 78, s.s. 53—54. [6]) §§ 79—80, s.s. 54—56.

[7]) § 86, s. 61. [8]) §§ 87—89, s.s. 61—64. [9]) § 92, s.s. 65—68. [10]) § 93, s s. 68—69.

[11]) §§ 102—103, s.s. 84—85. [12]) § 104, s.s. 85—86. [13]) § 105, s s. 86—87. [14]) § 106, s.s. 87—89. [15]) § 107, s. 89.

На возраженіе женщины: „неужели ужъ не подать бѣдному, худо одѣтому нищенствующему монаху“? Эйбель отвѣчаетъ, что государь позаботится объ его обезпеченіи, за что̀, конечно, потребуетъ отъ него работы, а все его дѣло будетъ безмездно исправлять приходскій священникъ, то же, что̀ подавалось этому монаху, можно отдать на помощь ближнему или на другое дѣло[1]).

Государь можетъ закрыть монастыри и отобрать ихъ имѣнія, несмотря на права давности, на то, что монахи собрали свои богатства путемъ пожертвованій и т. п. За это высочайшее право стоятъ лучшіе и выдающіеся о.о. церкви.

Обращаясь къ государямъ, нашъ авторъ убѣждаетъ ихъ воспользоваться предоставленнымъ имъ соборами и папами правомъ и упразднить монастыри во исполненіе долга, возложеннаго на нихъ Богомъ[2]).

Указавъ на законы Константина великаго, Валентиніана, Валента, Юстиніана и другихъ, запрещавшіе брать въ монахи людей, полезныхъ для государства, опредѣлявшіе возрастъ, на необращеніе прежними государями вниманія на монашескіе обѣты и предшествовавшія утвержденія, на то, что раньше монахи женились, нашъ авторъ дѣлаетъ заключеніе, что ничто не мѣшаетъ и современнымъ государямъ возобновить законы прежнихъ православныхъ государей, или издать новые, согласные съ разумомъ, государственнымъ правомъ и евангеліемъ, привести монастыри въ первоначальный видъ, благодаря чему уничтожится разнообразіе и множество орденовъ, или, что̀ тоже самое, упразднить настоящее монашество[3]).

Авторъ предлагаетъ государю возстановить старую монастырскую дисциплину. 1—2) Хотя государь имѣетъ право сдѣлать все это и самъ, но можетъ привлечь и епископовъ. 3) Государь не долженъ выходящимъ изъ монастырей предлагать судебную помощь или т. н. Brachium seculare, а только слѣдить, чтобы они честно заработывали хлѣбъ, а не сдѣлались праздношатающимися. 4) Для всякаго, вновь поступающаго въ монастырь, нужно разрѣшеніе государства. 5) Возрастъ для принятія монашества—25 л. 6) Новиціатъ—3 года. 7) Допускать въ монахи получившихъ образованіе въ общихъ школахъ—и оказавшихся неспособными служить иначе. Монастырскія школы закрыть. Допустить поступать въ монастыри на время кающимся, Geisteserholer, лицамъ состарѣвшимся въ работѣ или не нужнымъ церкви и государству. 8) Обѣты отмѣняются; ихъ можно давать лишь на одинъ годъ. 9) Такъ какъ въ монастыри поступаютъ на время, или ненужные церкви и государству, то отобрать приходы у монаховъ и отдать бѣлому духовенству. 10) Отобрать у монаховъ все управленіе имѣньями и свѣтскія должности. 11) Заставить монаховъ работать, потому что они не все время молятся. 12) Выходить имъ изъ монастырей по нѣсколько человѣкъ, подъ над-

[1]) § 108, s.s. 89—99. [2]) § 109—111, s.s. 91—96. [3]) §§ 112—119, s.s. 96—101.

зоромъ старшаго. 13) Такъ какъ въ монастыряхъ будутъ негодящіеся люди, то не употреблять монаховъ и на обученіе дѣтей. 14) Отобрать у монаховъ завѣдываніе больницами. 15) Запретить монахамъ служить въ своихъ церквахъ, или, по крайней мѣрѣ, не допускать въ нихъ народа; послѣдній долженъ ходить въ приходскія церкви. 16) Очень немногихъ монаховъ посвящать въ священники и допускать до исповѣди. 17) Опредѣленно установить число и содержаніе монаховъ. 18) Вмѣстѣ съ этимъ прекратится необходимость принимать пожертвованія. 19) Собранное за службой представлять въ присутственное мѣсто. 20) Аббаты впредь не должны быть земскими чинами и получать митры; въ свѣтскихъ дѣлахъ они подчиняются уѣздному суду, а въ духовныхъ мѣстному священнику, декану. 21) Провинціалы упраздняются. За хозяйственной частью будутъ слѣдить свѣтскій чиновникъ изъ суда, магистрата, а за дисциплиной мѣстный священникъ, деканъ, епископъ. Мелкіе споры будетъ рѣшать священникъ. Переводить изъ одного монастыря въ другой возможно рѣже. При такихъ порядкахъ, меньше найдется охотниковъ итти въ монахи, а религіи и государству отъ этого будетъ не убытокъ, а выгода[1]).

Для осуществленія предложеннаго проекта, по мнѣнію автора, не представляется ни малѣйшаго препятствія. Папа ничего не будетъ имѣть противъ, потому что сами папы и всѣ соборы желали этихъ исправленій. Обѣты не мѣшаютъ: и солдаты даютъ клятву, однако полки уничтожаются. Не уменьшаетъ власти государя и установленное въ средніе вѣка различіе между торжественными обѣтами и не торжественными[2]).

Въ заключеніе авторъ выражаетъ увѣренность, что писалъ не противъ католической вѣры, церкви и церковной дисциплины, что съ нимъ согласятся епископы, священники и честные монахи, и что они не будутъ противодѣйствовать государю въ его мѣрахъ, а будутъ за нихъ благодарны. Государю не отъ кого бояться неповиновенія и противодѣйствія. Принудительныя мѣры и не понадобятся: забота о благѣ религіи и государства покоритъ всякое сердце.

Указавъ въ антитезахъ преимущества новаго порядка, авторъ въ обращеніи къ публикѣ совѣтуетъ ей молиться, чтобы Богъ сохранилъ ей такого государя и чтобы вложилъ ему мысль скорѣе уничтожить настоящее монашество[3]).

Въ томъ же 1782 г. вышла брошюрка К. Гмейнера—«Beweis, dass d. Ordensgelübde jener Orden, d. der Landesfürst in seinen Staaten nicht mehr dulden will ohne vorhergehender Dispensation ihre Verbindlichkeit verlieren». Wien und Grätz. 1782.

Цѣль сочиненія—познакомить съ сущностью и свойствами обѣтовъ людей, имѣющихъ объ нихъ неправильное понятіе и разсматривающихъ ихъ лишь самихъ по себѣ, не примиряя съ конечной цѣлью государства[4]).

---

[1]) §§ 121—142, s.s. 102—113. [2]) §§ 143—150, s.s. 113—116. [3]) §§ 153—156, s.s. 117—120. [4]) З, предисл.

Обѣтъ—добровольное, данное Богу и принятое Имъ обѣщаніе дѣлать что нибудь лучшее, чѣмъ что̀ человѣкъ обязанъ дѣлать[1]). Изъ этого опредѣленія обѣта легко понять, какіе обѣты имѣютъ силу и обязательны и какіе нѣтъ: именно, если кто нибудь обѣщаетъ Богу совершать поступокъ, который обязателенъ для него и безъ того или въ силу естественнаго, или добровольно принятаго закона (leges positivae), то это не есть обѣтъ, потому что обѣщано не лучшее и не болѣе совершенное, чѣмъ то, что̀ мы обязаны дѣлать. Также не обѣтъ, если кто нибудь обѣщаетъ Богу совершать поступокъ, который самъ по себѣ (in thesi) можетъ быть предметомъ обѣта, но при извѣстныхъ, сопровождающихъ его обстоятельствахъ (in hypothesi), перестаетъ быть почтеннымъ и хорошимъ и дѣлается непозволительнымъ, потому что въ этомъ случаѣ Богъ не только не принимаетъ такого обѣщанія, но и не можетъ принять его, посему оно не имѣетъ значенія и необязательно[2]). Можетъ случиться, что обѣтъ, который, когда онъ данъ, принятъ Богомъ и, слѣд., имѣетъ силу, однако потомъ, вслѣдствіе случившихся обстоятельствъ, теряетъ свою обязательность, потому что Богъ не требуетъ болѣе исполненія его отъ давшаго его[3]). Въ томъ случаѣ, когда не представится никакихъ обстоятельствъ, ради которыхъ Богъ болѣе не требовалъ бы исполненія даннаго и принятаго имъ обѣта, обязательность обѣта не разрѣшима и никто не можетъ разрѣшить себя отъ него въ томъ смыслѣ, чтобы прекратилась обязательность обѣщанія и чтобы Богъ, съ своей стороны, впередъ не требовалъ исполненія его или, сказать яснѣе,—Богъ отказался отъ своего права требовать исполненія даннаго обѣта не потому, что начальство дало разрѣшеніе, но начальство дало разрѣшеніе потому, что оно признаетъ, что есть такія остаятельства, ради которыхъ Богъ отказывается отъ требованія исполненія обѣта. Итакъ, право разрѣшать отъ обѣтовъ состоитъ только въ правѣ объяснять, что есть такія обстоятельства, которыя вліяютъ на то, что какой либо поступокъ, который, самъ по себѣ разсматриваемый, можетъ быть предметомъ обѣта, на будущее время не будетъ принимаемъ Богомъ, какъ обѣтъ[4]). Нужно замѣтить, что можно давать обѣты или безъ условія или подъ условіемъ[5]). Если кто нибудь далъ условное обѣщаніе и тотчасъ вполнѣ достовѣрно узналъ, что условіе, подъ которымъ онъ далъ его, прекратилось, то сама собою прекращается обязательность обѣта, безъ нужды въ разрѣшеніи, потому что въ этомъ случаѣ нѣтъ нужды объяснять, что есть такія обстоятельства, при которыхъ Богъ не требуетъ болѣе исполненія даннаго обѣщанія[6]). Только люди независимые могутъ давать обѣты условные или безусловные, зависимые же должны давать ихъ подъ высказаннымъ или невысказаннымъ условіемъ—„постольку и дотолѣ, поскольку и пока мой обѣтъ не нарушаетъ правъ и воли моего господина“; иначе значитъ давать обѣтъ, противорѣчащій естественному праву; такой обѣтъ не дѣйствителенъ: Богъ не принимаетъ его и не можетъ принять[7]). Въ

[1]) § 1, s. 5. [2]) § 2, s.s. 5—6. [3]) § 3, s s. 7—8. [4]) § 4, s.s 8—9. [5]) § 5, s. 10.
[6]) § 6, s. 11. [7]) § 7, s. 12.

силу 6—7 §§ теряютъ обязательность и не нуждаются въ разъясненіи, или разрѣшеніи духовнымъ начальствомъ обѣты тѣхъ лицъ, которыя знаютъ, что условіе не существуетъ, или подчиненныхъ, когда ихъ обѣты противорѣчатъ правамъ и волѣ ихъ государя[1]).

Изъ того, что условные обѣты только тогда нуждаются въ изъясненіи или диспенсаціи, когда обѣщавшійся не можетъ вѣрно и законно знать о несуществованіи условія и, напротивъ, обѣты теряютъ свою обязательность безъ всякой предварительной диспенсаціи, если можно знать о несуществованіи условія, слѣдуетъ, что, если будетъ доказано, что обѣты орденовъ необходимо должны быть условными и не могутъ быть безусловными, если будетъ доказано, что безъ всякой диспенсаціи вѣрно и законно можно знать, что условіе, подъ которымъ данъ орденскій обѣтъ, болѣе не существуетъ, и если будетъ доказано что члены ордена знаютъ, что государь болѣе не терпитъ ихъ ордена въ своемъ государствѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ доказано и то, что ихъ обѣты теряютъ свою обязательность безъ предварительной диспенсаціи[2]).

Чтобы доказать, что орденскіе обѣты не могутъ быть даваемы безусловно, нужно предпослать нѣсколько положеній изъ права естественнаго и государственнаго и вмѣстѣ показать изъ откровенія, что настоящее состояніе человѣческаго рода—состояніе природы, испорченной наслѣдственнымъ грѣхомъ[3]). Въ состояніи поврежденной природы отдѣльный человѣкъ не можетъ существовать и совершенствоваться внѣ общества[4]). Такъ какъ его личныя силы слабы, то ихъ нужно увеличить: такъ образуется общество, когда соединяется нѣсколько человѣкъ, чтобы стремиться къ цѣли общими силами[5]). Въ состояніи падшей природы человѣческому роду естественнымъ правомъ заповѣдано учрежденіе гражданскихъ обществъ[6]). Положеніе—„оставь всѣ поступки, противорѣчащіе конечной цѣли государства“—естественная и, слѣд., божественная заповѣдь[7]). Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ вредные для государства поступки не позволительны и, слѣд., всѣ вредные для государства обѣты—непозволительные поступки. Обѣта выполнять непозволительный поступокъ Богъ не принимаетъ и не можетъ принять, слѣд., подобные обѣты не имѣютъ силы[8]). Если кто хочетъ принять орденскій обѣтъ, обязуясь исполнять его, не обращая вниманія на то, полезенъ или вреденъ онъ для государства, то, если обѣтъ вреденъ, обѣщающійся обязывается къ непозволительному поступку, а такъ какъ непозволительный поступокъ никогда не можетъ быть обѣщаемъ чрезъ обѣтъ, то отсюда само собою слѣдуетъ, что орденскіе обѣты могутъ быть даваемы только подъ условіемъ—пока они не начнутъ быть вредными для государства, слѣд., всегда должны быть даваемы подъ условіемъ[9]).—И иначе можно доказать недѣйствительность безусловныхъ обѣтовъ. Дающіе орденскіе обѣты стоятъ подъ гражданской властью и должны давать обѣты подъ условіемъ—„поколику и сколь долго послѣдніе не противорѣчатъ правамъ и волѣ государя“, а то, что̀ проти-

[1]) § 8, s. s. 13—14. [2]) § 9, s.s 14—15. [3]) § 10, s. 16. [4]) § 11, s.s. 16—17. [5]) §§ 12, 15, 16, s.s. 17—20. [6]) § 17, s. 20. [7]) § 18, ss. 20—21. [8]) § 19, s 21. [9]) § 20, s. 22.

ворѣчитъ цѣли государства, противорѣчитъ и волѣ государя, слѣд., орденскіе обѣты должны быть даваемы подъ условіемъ—„доколѣ они не вредятъ государству“ [1]). Ни папа, ни церковь не могутъ требовать отъ монаховъ пожизненныхъ безусловныхъ обѣтовъ, потому что тогда церковь была бы уполномочена давать приказанія, прямо противныя божественной волѣ, такъ какъ всѣ вредныя государству дѣйствія запрещены естественнымъ правомъ [2]). Такъ какъ орденскіе обѣты всегда и непремѣнно условны, то отсюда само собою слѣдуетъ, что ихъ обязательность прекращается, коль скоро обѣщавшіеся точно и законно знаютъ, что есть такія обстоятельства, при которыхъ дальнѣйшее соблюденіе обѣтовъ было бы вреднымъ для государства. Остается вопросъ, можно-ли знать это безъ диспенсаціи? Если можно, тогда ясна ненужность послѣдней. Для утвердительнаго рѣшенія этого вопроса нужно замѣтить, что государь имѣетъ право изслѣдовать и опредѣлять, какія дѣйствія по различнымъ обстоятельствамъ противорѣчатъ цѣли государства и какія нѣтъ. Этимъ правомъ онъ пользуется исключительно потому, что не обязанъ никому давать отчета, почему объявляетъ тотъ или другой поступокъ вреднымъ для государства при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Если бы онъ долженъ былъ давать этотъ отчетъ, то или подданнымъ или духовенству. Но первые не могутъ быть судьями своего государя, второе также, потому что свѣтская власть независима отъ духовной [3]). Какъ только государь объявитъ извѣстный поступокъ вреднымъ для государства, подданные по совѣсти обязаны безъ разслѣдованія признавать его таковымъ и воздерживаться отъ него, потому что государю власть дана Богомъ [Римл. XIII] [4]). Выводъ изъ прежде сказаннаго относительно орденскихъ обѣтовъ у автора таковъ: право разъяснять, прекратило или нѣтъ свое существованіе извѣстное условіе, принадлежитъ или свѣтской или духовной власти, смотря по тому, на благосостояніе церкви или государства оно вліяетъ. Когда это условіе вліяетъ на государство, никто, кромѣ государя, не можетъ признать его не существующимъ и обѣтъ остается обязательнымъ, несмотря на разрѣшеніе духовной власти [5]). Ни одинъ членъ государства не можетъ принять орденскаго обѣта безъ placetum государя. Отсюда слѣдуетъ, что государь не только не обязанъ, но и не можетъ дозволять основанія въ своихъ владѣніяхъ ордена, коль скоро находитъ его вреднымъ для общественнаго блага. Онъ позволяетъ орденъ подъ условіемъ, что, въ случаѣ вреда отъ него для государства въ будущемъ, онъ береть назадъ свое placetum и не терпитъ ордена въ своемъ государствѣ. Также и граждане обязаны исполнять, пока позволитъ государь. Отсюда, зачѣмъ диспенсація со стороны духовной власти? Духовная власть не имѣетъ права объявлять, что вредно для государства, потому что это—право государя [6]).

Въ заключеніе нашъ авторъ разбираетъ возраженія о необходимо-

[1]) § 21, s. 23. [2]) § 22, s. 24. [3]) § 23, s.s. 24—25. [4]) §§ 24—25, s s. 26—29.
[5]) § 27, s.s. 29—32. [6]) § 28, s.s. 33—34.

сти разрѣшенія духовной властью даваемыхъ монахами обѣтовъ воздержанія, послушанія и нестяжательности[1]) и приходитъ къ такому выводу: обѣтъ можетъ быть или условнымъ или безусловнымъ. Обязательность условнаго обѣта прекращается безъ диспенсаціи, когда и безъ нея точно и законно можно знать, что прекратилось условіе, отъ котораго зависѣло его бытіе. Орденскіе обѣты должны быть условными, слѣд., безъ всякой диспенсаціи теряютъ свою обязательность, коль скоро члены ордена законно знаютъ, что не существуетъ болѣе условія, отъ котораго зависѣли ихъ обѣты; это и бываетъ тогда, когда государь не терпитъ болѣе ихъ ордена въ своемъ государствѣ[2]).

Въ 1782 же году во Франкфуртѣ на Майнѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ: „Die Klostergelübde historisch und sittlich betrachtet“. Она вызвана, по словамъ самого автора, разсмотрѣннымъ нами выше трактатомъ „D. Klostergeist“[3]). По взгляду анонимнаго автора, всѣ монашескія установленія—нѣчто чуждое существу христіанской религіи, энтузіастическое и случайное. Цѣль его названной брошюры—представить въ истинномъ свѣтѣ монашескіе обѣты, доказать ихъ несостоятельность и тѣмъ устранить всѣ затрудненія къ исправленію церковнаго устройства и монашества, представленныя авторомъ упомянутаго трактата[4]).

Такъ какъ это произведеніе не представляетъ собою ничего выдающагося, то мы не будемъ входить въ подробное изложеніе его содержанія.

Въ томъ же 1782 г. неизвѣстно, гдѣ и кѣмъ, скрывшимся подъ иниціалами C. B. A.***, была издана брошюра, подъ заглавіемъ: „Ja! der Kaiser hat Recht oder vertraute Briefe über die Aufhebung der Klöster“. Письма написаны къ обществу—къ канонику, офицеру и капуцину[5]). Авторъ хочетъ показать причины, по которымъ всякій патріотъ и истинный христіанинъ долженъ благословлять императора за его распоряженія относительно монастырей и монаховъ[6]).

Онъ опровергаетъ мнѣніе о ветхозавѣтномъ происхожденіи монашества, родоначальникомъ послѣдняго нельзя считать ни Адама, ни Илію, ни Іоанна Крестителя, ни Спасителя, ни Божіей Матери. Монашество возникло въ 3 в., когда Антоній и Павелъ въ гоненіе Декія удалились въ пустыню, но истиннымъ происхожденіемъ, хотя и посредственно, монашество обязано Оригену, облекшему христіанское ученіе въ платоновскую форму, а извѣстно ученіе Платона объ отрѣшеніи отъ всего земнаго. Такъ, по этому мотиву, Павелъ Ѳиваейскій ушелъ въ пустыню. Но такое удаленіе было еще задолго до Христа въ Египтѣ, Сиріи, Индіи, Месопотаміи, подъ вліяніемъ жаркаго климата, располагающаго къ покою, бездѣйствію и печали. Потомъ монашество (послѣ Антонія) распространили: Иларіонъ въ Палестинѣ и Сиріи, Евгеній въ Месопотаміи. Съ востока оно перешло на западъ. Здѣсь впервые насадилъ его св. Аѳанасій, а особенно Мартинъ

[1]) §§ 29—30, s.s. 37—43. [2]) § 31, s.s. 44—45. [3]) 310—317. [4]) Vorbericht. 3—4. [5]) 1. [6]) 8—9 ср. 20.

турскій. Но сначала монахи не были священниками и стояли подъ надзоромъ епископовъ; уже послѣ, по распоряженію государей, изъ нихъ стали выбирать іерархическихъ лицъ и даже епископовъ[1]). Каноникъ находитъ, что съ монастырями зашли слишкомъ далеко, что нельзя отрицать полезнаго вліянія ихъ на церковь и государство и что было бы жестокостью закрывать ихъ. Они сохранили намъ произведенія древнихъ, у нихъ были школы, ихъ нужно почтить, какъ ветерановъ. Авторъ соглашается, что теперь пишутъ о монахахъ слишкомъ много и при томъ люди, ничего не понимающіе въ этой области; смѣяться можно надо всѣмъ, но ихъ судъ, какъ судъ худыхъ людей, не страшенъ. Не окажется-ли этотъ крикъ противъ монастырей полезнымъ, такъ какъ онъ можетъ заставить точнѣе изучить дѣло[2])? Развѣ въ Австріи хотятъ совсѣмъ уничтожить монастыри? Только сократить до $^1/_2$—$^1/_3$—$^1/_4$ или больше. Иначе куда дѣть монаховъ, монастыри? Кто будетъ помогать священникамъ читать мессы? оказывать защиту бѣднякамъ, помощь больнымъ? Кто будетъ учить дѣтей? Развѣ изъ того, что монаховъ много, слѣдуетъ, что ихъ вовсе не должно быть? Развѣ изъ того, что есть злоупотребленія и уклоненія отъ правилъ, слѣдуетъ тоже? Не въ правѣ-ли монахи требовать себѣ терпимости наравнѣ съ евреями и некатоликами въ наше время—время братской любви?[3]).

Въ отвѣтъ на второе письмо авторъ продолжаетъ исторію монашества до Тридентскаго собора и дѣлаетъ изъ всего сказаннаго выводъ, что государи, желающіе измѣненій въ монашествѣ и не видящіе ихъ со стороны надлежащаго начальства, имѣютъ право сами взяться за это дѣло и не должны останавливаться предъ препятствіями[4]).

Въ виду всего сказаннаго, нельзя не одобрить Іосифа II за закрытіе монастырей, отобраніе у нихъ собственности и за иное назначеніе ея[5]). Вредъ для страны отъ множества монастырей подтверждается всей исторіей. Милостыней, да и то ничтожной монахи только вредятъ, собирая праздношатающихся. Нищенствующихъ монаховъ давно бы нужно было упразднить за ихъ безобразія. Что касается вліянія монаховъ на науку, то авторъ не требуетъ полнаго закрытія бенедиктинскихъ монастырей, хотя признаетъ ихъ ученыхъ не выдающимися, а ихъ обученіе юношества и прямо плохимъ. Онъ увѣренъ, что Іосифъ заведетъ лучшее образованіе[6]).

Его противникъ не убѣжденъ. Если монахи—то, чѣмъ представилъ ихъ авторъ, почему ни одинъ дворъ не дѣлаетъ того, что сдѣлалъ Іосифъ? На возраженіе, что этотъ фактъ свидѣтельствуетъ не объ иномъ настроеніи дворовъ, а только о томъ, что тамъ не пришло еще время сдѣлать тоже, онъ отвѣчаетъ, что остается при своемъ внутреннемъ убѣжденіи, что такой фатальный періодъ еще не насталъ во всей римско-католической церкви, и что онъ вѣруетъ, что провидѣніе не допуститъ до этого[7]).—Авторъ подсмѣивается надъ его вѣ-

[1]) 1-е письмо, 9—20. [2]) 2-е письмо, 25—37. [3]) Тоже, 37—40. [4]) 3-е письмо, 60—66.
[5]) Тоже, 83—85. [6]) Тоже, 89—94. [7]) 4-е письмо, 96—99.

рой въ спасеніе монастырей божественной помощью и иронически спрашиваетъ, почему онъ не привелъ очень вѣскаго аргумента въ пользу монастырей—не уничтоженіе ихъ Фридрихомъ Прусскимъ?[1]).

Въ 1782 же году вышло «Fortsetzung der Vorzügen und Gerechtsamen der Römischen Kaiser. Mit einem Anhang gegrundeter Anmerkungen über den Mönchenstand». Wien 1782. Въ этомъ небольшомъ трактатѣ (68 стр.) анонимный авторъ доказываетъ право императора утверждать избранныхъ епископовъ, право судить виновныхъ изъ нихъ, наказывать, перемѣщать и низлагать, право издавать церковные законы чрезъ посредство соборовъ и право распоряжаться церковными имѣніями[2]), а въ концѣ переходитъ къ монашеству, указываетъ вредъ отъ него и пороки монаховъ[3]) и предлагаетъ безпрепятственно отпустить желающихъ вытти изъ монастырей и положить имъ пенсію по 100 талеровъ въ годъ, нищенствующихъ монаховъ совсѣмъ упразднить и дать оставшимся монахамъ новыя правила, соотвѣтствующія истинному христіанству, чтобы монастыри были дѣйствительно collegia pia eruditorum[4]). Въ заключеніе авторъ обращается къ католическимъ государямъ: развѣ можно оставаться хладнокровными при такихъ вопіющихъ безпорядкахъ? Развѣ вы можете со спокойной совѣстью смотрѣть на то, сколько гибнетъ въ монастыряхъ отличныхъ головъ, къ стыду человѣчества, къ позору религіи и вреду для государства? Вашъ долгъ—заботиться о благѣ религіи, государства и каждаго изъ подданныхъ! Вы должны по совѣсти уничтожить монастыри. Тогда вы получите возможность дать жалованье бѣдному приходскому духовенству, а монастыри превратить въ такія мѣста, гдѣ юношество бѣдныхъ родителей будетъ получать образованіе въ общеполезныхъ наукахъ и тѣмъ исполните даже желаніе основателей монастырей[5]).

Въ томъ же 1782 г. вышла брошюра анонимнаго автора и безъ указанія мѣста изданія подъ заглавіемъ: «Von dem Einflusse des Mönchswesens auf Staat und Religion». Цѣль ея—показать всѣ недостатки и несовершенства монашества и фактами доказать вредное вліяніе послѣдняго на государство, религію, науку и искусство[6]). Но въ ней нѣтъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что было высказано въ другихъ, разсмотрѣнныхъ уже нами брошюрахъ.

Въ 1782 же году вышла анонимная брошюра „Der Weltpriester und Mönch. Wien. 1782.—Авторъ ея, настаивая на сокращеніи, ограниченіи и лишеніи монаховъ приходовъ и учительскихъ мѣстъ, ратуетъ за бѣлое духовенство. Его одно Христосъ поставилъ крестить, учить, вязать и рѣшить и оно одно пребудетъ до скончанія вѣка. Хотя монахи и принесли обществу нѣкоторую пользу, но несравненно больше зла. Бѣлое духовенство изъ-за чернаго въ пренебреженіи, оно невѣжественно, бѣдно и загнано, а между тѣмъ его судьба неразрывно связана съ религіознымъ состояніемъ народа и отзывается на немъ.

[1]) Письмо 5-е, 100—101. [2]) §§ I—V, s. s. 5—40. [3]) 55—64. [4]) 65—67. [5]) 67—68. [6]) Vorbericht. I.

Поэтому авторъ требуетъ реформы бѣлаго духовенства, возможно лучшаго образованія и обезпеченія его на счетъ чернаго.

Въ 1782 же году вышла брошюра анонимнаго автора, бывшаго нищенствующимъ монахомъ[1]), подъ заглавіемъ: „Der goldne Esel. Beyträge zur Geschichte der Bettelorden aus alten Urkunden gezogen. Von einem reduzirten Bettler". Sulzbach. Это до неприличія рѣзкое произведеніе представляетъ собой въ большей части (165 стр. изъ 190) простой переводъ съ примѣчаніями 8-й и 9-й книгъ „Золотаго осла" Люція Апулея, по ошибкѣ, превращеннаго красавицей Фотисъ въ осла. Оселъ былъ купленъ странствующими нищенствующими евнухами сирійской богини и, насмотрѣвшись на ихъ жизнь, разсказываетъ про всѣ ея безобразія во всей ихъ наготѣ. Анонимный авторъ, крайній противникъ монашества, желающій не реформы его, а полнаго упраздненія[2]), ставитъ нищенствующихъ монаховъ въ параллель съ этими отвратительными евнухами, чтобы утвердить ихъ благородное право нищенства почтенной исторической давностью[3]).

Такимъ же рѣзкимъ и неприличнымъ тономъ отличается вышедшая въ 1783 г. въ Берлинѣ брошюра „Vertheidigung der Mönche von einem Capuziner". По словамъ самого автора, она—переводъ вполнѣ въ духѣ оригинала, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вольностей, французской „Appel au Public des Moines de la Chretienté redigé par le R. P. Capucin Pediculoso, traduit du Portugais"[4]). Эта защита монашества (по заглавію) въ дѣйствительности оказывается самой злой сатирой на него.

Конечно, въ массѣ брошюръ за церковную реформу Іосифа II не мало было и совсѣмъ вздорныхъ, авторы которыхъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго результата, оказывали дѣлу реформы медвѣжью услугу. Бруннеръ пользуется ими въ своихъ интересахъ. Такъ, въ 1781 г. вышла въ Вѣнѣ брошюра подъ заглавіемъ „Der Mann ohne Vorurtheil in der neuen Regierung". Авторъ ея, между прочимъ, разсуждаетъ такъ: „Что поддерживаетъ человѣческую жизнь? Питаніе! Слѣд., кому я долженъ принадлежать? Тому, не правда-ли, въ чьихъ рукахъ мое питаніе, содержаніе. А въ чьихъ рукахъ содержаніе нашего духовенства? Нашего государства. Кому принадлежитъ наше государство? Императору. Итакъ, кто у нашего духовенства въ этомъ случаѣ монархъ? Іосифъ II! Смотри, какъ кратки, просты, ясны природа и истина".—Бруннеръ находитъ, что съ этой превосходной логикой для министра финансовъ нѣтъ никакихъ затрудненій, она можетъ служить очень простымъ ключемъ къ кассамъ всѣхъ банкировъ и Ринальдо-Ринальдини, какъ и Шиндерганнесъ съ ея помощью могли бы избѣжать висѣлицы. Эта въ высшей степени примитивная грубообработанная воровская логика, надо признаться, въ новѣйшее время сдѣлала успѣхи въ утонченіи цѣпи посылокъ. Далѣе этотъ великій логикъ въ финансовыхъ операціяхъ говоритъ: „У Христа и всѣхъ его апостоловъ не было столько вѣрныхъ доходовъ, сколько у насъ получаетъ и еще будетъ получать сельскій священникъ. Развѣ вы думаете, что

[1]) Vorrede, 6 ср. заглавіе. [2]) 186—190. [3]) 183—186.
[4]) Vorbericht d. Herausgebers. 3.

религія погибнетъ, если государственныя сокровища будутъ не въ рукахъ монаховъ? Если на васъ нападаютъ враги, грабятъ ваше имущество, безчестятъ вашихъ женъ и дочерей, что̀ васъ защищаетъ — пушки, мушкеты или чотки? Кто поднимаетъ за васъ оружіе—папа или государь?“ Бруннеръ находитъ, что авторъ просто хочетъ сказать: для содержанія войска нужно ограбить монастыри[1])!

Авторъ другой брошюры—„Beweise, dass Joseph II ein Protestant ist“ 1785 г.— такъ доказываетъ право монарха отобрать церковныя имущества:

„Между церковнымъ имуществомъ и имуществомъ другихъ честныхъ лицъ, разсматриваемымъ само по себѣ, нѣтъ никакого различія и все имущество, которымъ теперь владѣютъ церкви и монастыри, обязано своимъ происхожденіемъ такъ называемымъ свѣтскимъ людямъ. Вслѣдствіе перемѣны владѣльца, эти имѣнія, по истинѣ, не потерпѣли никакого существеннаго измѣненія, потому что кто въ здравомъ смыслѣ можетъ утверждать, что поле или сумма денегъ, подаренная церкви, вслѣдствіе этого стали божьими полемъ или деньгами? Утверждать, что имѣнья даны не духовенству, а Богу, св Петру или Павлу или какому-либо другому изъ небожителей—уловка, ведущая свое начало изъ временъ невѣжества. Кто не понимаетъ, что при такой двусмысленности, очень легко объявить божьей половину Европы? Но противъ такого искуснаго толкованія австрійскій монархъ, какъ и всякая другая коронованная глава, будетъ протестовать въ лучшей формѣ права, тѣмъ болѣе, что имѣнья, подаренныя церквамъ частью ихъ предками, частью подданными—истинная милостыня и долгъ всякаго государя наблюдать за тѣмъ, чтобы исполнялось намѣреніе, съ которымъ они собственно даны, и чтобы не было не святого употребленія ихъ, и, даже при хорошемъ употребленіи ихъ, ничто въ мірѣ не можетъ помѣшать государю сдѣлать изъ нихъ еще лучшее употребленіе“. Бруннеръ находитъ, что такими замѣчательными доводами въ концѣ концовъ можно дать право каждому залѣзать въ чужой карманъ, подъ похвальнымъ предлогомъ—дать деньгамъ лучшее употребленіе, чѣмъ имъ даетъ ихъ несчастный владѣлецъ[2]).

Стремленіе Іосифа II создать національную, независимую отъ Рима австрійскую церковь шло на встрѣчу желанію высшихъ германскихъ іерарховъ—освободиться отъ вѣкового тяжелаго римскаго ига. Дважды уже раньше обращались они къ императору за помощью въ своей борьбѣ съ папствомъ[3]). Неудача первыхъ попытокъ за время соправительства Іосифа матери не удержала князей-іерарховъ отъ новаго обращенія къ нему, когда онъ уже въ роли самостоятельнаго государя такъ рѣшительно выступилъ на борьбу съ римскимъ дворомъ за независимость австрійской церкви: теперь представлялось больше шансовъ на успѣхъ. Такъ явилась на божій свѣтъ Эмсская пунктація, представляющая собой послѣдній опытъ созданія нѣмецкой національной церкви.

[1]) 473—474. [2]) 474—475. [3]) Выше. 50—54.

Поводъ къ этой открытой борьбѣ съ папой, или, по выраженію Тейнера, „открытому и дерзкому возстанію противъ церкви и св. престола“[1]) былъ данъ со стороны Рима учрежденіемъ въ Мюнхенѣ новой четвертой нунціатуры.

Съ 1777 г. Пфальцбаварскій курфирстъ, за смертью двухъ вительсбахскихъ линій, владѣлъ, на ряду съ Австріей, между свѣтскими католическими князьями самой большой территоріей. Между тѣмъ на всемъ протяженіи Баваріи не было своихъ мѣстныхъ епископовъ, въ церковномъ отношеніи она подлежала вѣдѣнію иноземныхъ епископовъ сосѣднихъ странъ, изъ которыхъ каждый жилъ внѣ владѣній курфирста и былъ совершенно независимымъ отъ него, такимъ же, какъ и онъ, имперскимъ княземъ[2]). Конечно, такіе иноземные епископы представляли мало удобствъ для государства. Помимо даже политическаго вліянія, которое они могли оказывать подъ покровомъ религіи, при такомъ положеніи дѣла уплывали за границу значительныя суммы[3]). Конечно, это легче было переносить, пока епископы были изъ мѣстнаго княжескаго дома, но съ 1763 г. въ Германіи не было ни одного баварскаго князя-епископа[4]).

Такое положеніе вещей, естественно, вызывало на размышленіе, какъ его поправить. Еще въ началѣ 18 ст. въ Баваріи было желаніе завести туземныхъ епископовъ[5]). Теперь, съ территоріальнымъ расширеніемъ и возрастаніемъ государственнаго самосознанія, это стремленіе, конечно, только оживилось. Но такъ какъ этотъ дворъ, по традиціи, стоялъ въ слишкомъ хорошихъ отношеніяхъ къ римской куріи для того, чтобы, по примѣру Іосифа II, обратиться къ насильственнымъ мѣрамъ, а, съ другой стороны, нельзя было ждать отъ папы добровольнаго согласія на измѣненіе старыхъ границъ епархій въ правительственныхъ интересахъ[6]), то мысль о туземныхъ епископахъ оставили и взялись за учрежденіе въ Мюнхенѣ собственной нунціатуры, съ надѣленіемъ нунція правами по лжеисидоровскимъ началамъ, что̀ неизбѣжно было связано съ ущербомъ для власти мѣстныхъ епископовъ[7]).

Этому предложенію нунціатуры въ Римѣ былъ данъ полный ходъ въ концѣ 1784 и началѣ 1785 г. Тайныя извѣстія объ этомъ немедленно облетѣли нѣмецкую церковь, 14 февраля 1785 г. они были подтверждены папскимъ рѣшеніемъ, а 27 іюня Цольо (Zoglio) былъ назначенъ Мюнхенскимъ нунціемъ, съ опредѣленіемъ въ его округъ земель Баваріи, Пфальца и герцогствъ Юлихъ и Бергъ[8]). Архіепископы нѣмецкой имперіи поняли необходимость для іерархіи болѣе тѣсно сплотиться въ виду грозящей имъ бѣды. Теперь весь вопросъ былъ въ томъ, въ качествѣ-ли обычнаго нунція, съ особыми духовными правами, или въ качествѣ простаго посланника назначенъ Цольо. Они знали право каждаго государя держать при иностранныхъ дворахъ по-

[1]) L. c., 9.
[2]) Mejer. I, 89. [3]) Wolf, P. Ph. IV, 167. [4]) Mejer. I, 89—90. [5]) Pragmatische und aktenmässige Geschichte d. zu München neu errichtet. Nuntiatur, 3—5. [6]) Mejer. I, 90.
[7]) Pragm. und aktenmäs. Geschichte, 5—6. [8]) Ibidem, 6—7.

сланниковъ, поэтому и папа имѣлъ на это полное право, признанное за нимъ самимъ Фебронiемъ. Если въ Мюнхенъ назначенъ нунцiй въ такомъ смыслѣ, никто не имѣетъ права жаловаться на это; для такого назначенiя достаточно взаимнаго соглашенiя между папою и Пфальцбаварскимъ курфирстомъ[1]). Совсѣмъ другое дѣло, если въ Мюнхенъ назначенъ нунцiй съ обычными духовными правами нунцiевъ. А можно было предполагать послѣднее отчасти потому, что у пфальцскаго двора давно уже было намѣренiе, по возможности, лишить епископской юрисдикцiи своихъ духовныхъ чиновъ и, напротивъ, за недостаткомъ туземныхъ епископовъ, скорѣе признать надъ собою непосредственную папскую власть, отчасти потому, что римскiй дворъ никогда не упустилъ бы такого благопрiятнаго случая для расширенiя папской юрисдикцiи подъ защитою сильнаго свѣтскаго государя[2]).

Со второй половины XVI ст. существовало три постоянныхъ нунцiатуры—въ Кёльнѣ, Вѣнѣ и Люцернѣ, изъ которыхъ въ округъ первой входилъ нѣмецкiй сѣверъ и средняя Германiя, послѣдней—нѣмецкiй юго-западъ, а вѣнской—остальная Германiя. Старая Баварiя и Верхнiй Пфальцъ принадлежали къ вѣнскому округу, немного изъ Рейнскаго Пфальца къ Люцерну, остальная Курпфальцская область къ Кёльну. Эти трое нунцiевъ, какъ постоянные замѣстители папы, по мнѣнiю куpiи, пользовались юрисдикцiей, наравнѣ съ мѣстными епископами. Другихъ полномочiй нельзя было ждать и для новаго Мюнхенскаго нунцiя и поскольку можно было утверждать, что 4-й округъ нунцiатуры только вѣтвь уже существующихъ, постольку право епископовъ, уже ограниченныхъ нунцiями, не измѣнялось, но здѣсь учреждалась нунцiатура съ иными, по сравненiю со старыми границами, потому что она должна была обнять вполнѣ курпфальцбаварскую территорiю. Далѣе, она учреждалась съ опредѣленнымъ намѣренiемъ—исключить, по возможности, епископовъ, имѣвшихъ доселѣ компетенцiю въ этой территорiи, и, такъ какъ она учреждалась по желанiю государя, слѣдовало ожидать, что всѣми мѣрами будетъ поддержана правительствомъ. Наконецъ, старыя нунцiатуры,—за исключенiемъ отдѣльныхъ частей ихъ округовъ,—имѣли небольшое вліянiе на ограниченiе епископовъ, а здѣсь предполагалось учрежденiе, которое въ этомъ направленiи могло быть особенно дѣятельнымъ. И это дѣлалось въ то время, когда господствующая фебронiевская теорiя не признавала за папою того права на администрацiю его на ряду съ епископами, на которомъ опиралось все это учрежденiе, а въ кобленцской статьѣ 1769 г. оно было отвергнуто принципiально. Не задолго предъ этимъ еще вѣнскому нунцiю пришлось помириться съ полнымъ отнятiемъ этого права императорскимъ правительствомъ.— Во избѣжанiе такого папскаго соправительства, объявили права епископовъ принадлежащими имъ по божественному установленiю и льстили себя надеждой, что самъ папа, по истеченiи срока службы на-

[1]) Pragm. und akt. Geschichte. 7—8. [2]) Ididem. 9—10.

значеннаго въ Португалію нунція Беллисони, дастъ кёльнской нунціатурѣ другое устройство въ этомъ смыслѣ. Учрежденіемъ нунціатуры въ Мюнхенѣ папа сразу показалъ, что не расположенъ обращать вниманіе на такія мнѣнія и чувствительнѣйшимъ образомъ задѣлъ настроенныхъ въ епископальномъ тонѣ.

При иномъ положеніи вещей учрежденіе Мюнхенской нунціатуры едва-ли вызвало бы такое возбужденіе. Но теперь принципъ стоялъ лицомъ къ лицу съ принципомъ. Папѣ съ его куріальными претензіями пришлось уступить епископамъ, поддержаннымъ государственною властью, во Франціи, Испаніи, Австріи и различныхъ итальянскихъ государствахъ. Въ Германіи его положеніе было поколеблено Февроніемъ и едва-ли оставшимся неизвѣстнымъ въ Римѣ кобленцскимъ замысломъ 1769 г. Теперь онъ встрѣчалъ нѣмецкое правительство, расположенное вмѣстѣ съ нимъ итти противъ епископовъ. Ему представлялся лучшій случай одержать верхъ надъ февроніанами, а вмѣстѣ съ тѣмъ для римскаго двора нельзя было придумать лучшей куріалистической демонстраціи предъ лицомъ и внѣгерманскаго міра, какъ если бы ему при помощи этого правительства въ не незначительной части Германіи удалось проявлять свою власть въ такой формѣ, при которой епископы, очевидно, выступали бы лишь въ качествѣ папскихъ уполномоченныхъ, и которая поэтому епископалами безусловно отрицалась. Съ другой стороны, чѣмъ больше вреда ожидалось для февроніевской партіи отъ приведенія въ исполненіе папскихъ и пфальцбаварскихъ намѣреній, тѣмъ болѣе у послѣдней было побужденій рѣшительнѣйшимъ образомъ сопротивляться этимъ намѣреніямъ[1]).

Изъ четверыхъ нѣмецкихъ архіепископовъ больше всѣхъ въ этомъ дѣлѣ былъ заинтересованъ зальцбургскій и, какъ его суффраганъ, епископъ фрейзингенскій: первый былъ митрополитомъ, а второй епископомъ въ Мюнхенѣ, предполагавшейся резиденціи новаго нунція. Поэтому, какъ только намѣреніе римскаго двора сдѣлалось извѣстнымъ и подверглось обсужденію въ печати, зальцбургскій архіепископъ обратился къ папѣ съ промеморіей по поводу новаго нунція, въ виду „неожиданнаго назначенія котораго можетъ нарушиться существующая добрая гармонія между папою и высшей іерархіей—митрополитами и князьями-епископами германской имперіи“[2]). Фрейзингенскій епископъ также обратился въ Римъ съ промеморіей, въ которой указывалъ на свое смущеніе вслѣдствіе невѣдѣнія, какими правами будетъ надѣленъ этотъ нунцій и не будутъ-ли они въ ущербъ свободѣ и правамъ германской церкви и въ частности его, Мюнхенской[3]).

Майнцскій и кёльнскій архіепископы обратились въ Римъ съ „запросомъ“: „предполагается-ли послать въ Мюнхенъ новаго нунція только въ качествѣ папскаго посла при курпфальцкомъ дворѣ“, въ

[1]) Mejer. I, 90—92.
[2]) Pragm. und akt. Geschichte. Прил. B, 3—4.
[3]) Ibidem. Прил. C, 4—5.

каковомъ случаѣ они ничего не имѣютъ противъ, „или предполагается надѣлить его и духовными правами надъ нѣмецкими епископскими епархіями, входящими въ пфальцбаварскую землю“,—въ такомъ случаѣ они, подобно зальцбургскому и фрейзингенскому епископамъ, просятъ не дѣлать такого распоряженія. Оба они были заинтересованы въ этомъ, какъ епископы, потому что Майнцъ и Вормсъ тѣсно входили въ нижній Пфальцъ, Кёльнъ—въ пфальцбаварскія земли Юлигъ и Бергъ; и, въ случаѣ дѣйствительнаго перехода къ мюнхенскому нунцію ихъ епархіальныхъправъ въ тѣхъ близко граничащихъ областяхъ, ихъ епископскія права значительно сократились бы[1]).

На эти представленія германскихъ іерарховъ папа далъ далеко неутѣшительный для нихъ отвѣтъ, что новый нунцій будетъ пользоваться тѣми же правами, какими доселѣ пользовался кёльнскій[2]). Этотъ отвѣтъ папы, вмѣсто успокоенія нѣмецкихъ патріотовъ-архіепископовъ и епископовъ, еще болѣе обезпокоилъ ихъ. Поэтому они признали необходимымъ обратиться въ Римъ съ дальнѣйшимъ, болѣе рѣшительнымъ представленіемъ противъ новой нунціатуры[3]).

На эти представленія агентамъ нѣкоторыхъ архіепископовъ и епископовъ совсѣмъ не отвѣтили письменно, а сдѣлали ссылку на первый папскій отвѣтъ, майнцскому же курфирсту отвѣтили въ томъ смыслѣ, что надѣленіе мюнхенскаго нунція обычными правами, согласно съ просьбою и рвеніемъ пфальцскаго курфирста, не подлежитъ спору и нисколько не нарушаетъ епископскихъ правъ и тѣмъ болѣе не противорѣчитъ конкордатамъ германской націи, все равно какъ и юрисдикція кёльнскаго и вѣнскаго нунціевъ въ Мюнхенѣ и остальной части Баваріи[4]).

Тогда нѣмецкіе архіепископы и епископы, согласно съ коллегіальнымъ письмомъ курфирстовъ на высочайшее имя 1764 г.[5]), нашлись вынужденными обратиться съ рѣшительнымъ представленіемъ къ императору о недопущеніи учрежденія этой нунціатуры[6]).

12 окт. 1785 г. Іосифъ отвѣтилъ всѣмъ четверымъ нѣмецкимъ архіепископамъ на имя майнцскаго курфирста. Онъ заявлялъ о своемъ намѣреніи не только особенно поддерживать епископскія права въ ихъ епархіяхъ, какъ существенно-необходимую составную часть хорошаго дисциплинарнаго устройства, но и содѣйствовать возстановленію вѣками существовавшаго порядка, возвращенію случайно утраченныхъ епископами правъ. Поэтому онъ рѣшилъ немедленно объявить папскому престолу[7]), что никогда не позволитъ нарушать пра-

---

[1]) Mejer. I, 92—93.

[2]) Отвѣтъ зальцбургскому архіепископу помѣщенъ въ Pragm. und akt. Geschichte. Прил. D, 5—6, фрейзингенскому—ibidem. E, 6—7.

[3]) Ibidem. 14—16.

[4]) Ibidem. Прил. F, 7—8.

[5]) Выше. 50—51.

[6]) Pragm. und aktenm. Geschichte, 17. Представленіе майнцскаго курфирста было сдѣлано 22 сент. 1785 г. (Ibidem. Прил. G, 8—12), зальцбургскаго архіепископа—4 окт. того же года (Mejer. I, 94).

[7]) По позднѣйшему упоминанію императора (Münch. Gesch. d. Emser Congresses, 333), 12 окт. онъ сдѣлалъ только распоряженіе объ этомъ, а самое заявленіе папѣ было сдѣлано австрійскимъ посланникомъ въ особой аудіенціи 7 ноября (Mejer. I, 94, примѣч.).

ва архіепископовъ и епископовъ въ имперіи, данныя имъ Богомъ и церковью, и, слѣд., на папскихъ нунціевъ смотритъ только какъ на папскихъ посланниковъ по дѣламъ политическимъ и подлежащимъ непосредственному вѣдѣнію папы, какъ главы церкви, но не можетъ позволить этимъ нунціямъ ни проявленія юрисдикціи въ духовныхъ дѣлахъ, ни judicatur, почему эти права не признаются ни за кёльнскимъ нунціемъ, ни за вѣнскимъ, ни за всякимъ другимъ, являющимся въ нѣмецкую имперію. Императоръ приглашалъ курфирста вмѣстѣ съ суффраганами твердо стоять за свои митрополичьи и епархіальныя права и обѣщалъ имъ свою высочайшую поддержку противъ всякихъ посягательствъ на нихъ со стороны папскаго двора или его нунціевъ. Во всемъ же, касающемся до дѣлъ Beneficiat, онъ продолжаетъ и впредь будетъ держаться ясной буквы конкордатовъ германской націи, чѣмъ надѣется какъ оказать содѣйствіе религіи, такъ и доказать духовнымъ чинамъ и епископамъ имперіи свою постоянную заботливость о сохраненіи законовъ и сообразныхъ съ государственнымъ устройствомъ установленій[1]).

Мейеръ находитъ, что отвѣтъ императора не вполнѣ соотвѣтствовалъ представленной ему просьбѣ[2]), а П. Ф. Вольфъ, напротивъ, думаетъ, что Іосифъ сдѣлалъ даже больше, чѣмъ о чемъ его просили: онъ не только устранилъ всѣ опасенія архіепископовъ по поводу мюнхенской нунціатуры, такъ какъ запрещалъ прибывающимъ въ Германію нунціямъ всякаго рода юрисдикцію, но и приглашалъ нѣмецкихъ іерарховъ и на будущее время энергично противостоять всѣмъ римскимъ притязаніямъ[3]).

Въ началѣ 1786 г. у трирскаго курфирста вышло небольшое столкновеніе къ кёльнскимъ нунціемъ, заслуживающее упоминанія по своей характерности. Курфирстъ обратился къ нунцію съ сообщеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на заявленіе императора папѣ отъ 7 ноября, смотрѣлъ на высочайшій отвѣтъ курфирстамъ 12 окт. 1785 г., какъ на императорскую отмѣну юрисдикціи нунціевъ; подчиняясь, по долгу (obsequium), волѣ государя, онъ просилъ нунція возвратить акты по трирскимъ дѣламъ, находящимся у него на разсмотрѣніи, и болѣе не принимать никакихъ дѣлъ изъ трирской епархіи. Вслѣдствіе рѣшенія императора, впредь судъ нунціевъ не будетъ имѣть никакого значенія.—На это нунцій 22 февр. отвѣтилъ отказомъ: папа, которому нѣмецкіе архіепископы еще больше обязаны послушаніемъ, чѣмъ императору, безспорно владѣетъ судебною властью; и такимъ образомъ отнимать у него, ни въ какомъ случаѣ не фигуранта только, его права было бы насильственнымъ грабежомъ. Это напоминаніе о долгѣ послушанія папѣ курфирстъ принялъ дурно и отвѣтилъ сообразно съ своимъ настроеніемъ, но дѣло осталось по старому. Однако, трирскій и кёльнскій курфирсты запретили своимъ подданнымъ обращаться далѣе къ нунцію; несомнѣнно около этого времени сдѣлали тоже майнцскій и зальцбургскій архіепископы[4]).

[1]) Pragm. und akten. Geschichte, прил. II, 13—15. [2]) I, 94. [3]) L. c., IV, 176—177.
[4]) Mejer. I, 94—95.

Между тѣмъ нѣмецкіе архіепископы были заняты мыслью о томъ, какъ имъ получше воспользоваться высочайшимъ приглашеніемъ (12 октября 1785 года); въ этомъ смыслѣ выходили предварительныя работы. Сюда относится явившееся еще въ 1785 г. мнѣніе трирскаго декана Пидолля о „безобразіи пятилѣтнихъ полномочій", а также представленный [1]) Беккомъ трирскому курфирсту „Обстоятельный трактатъ о возникновеніи и распространеніи нѣмецкой церкви вообще и въ частности о правахъ архіепископовъ и епископовъ, а потомъ о попыткахъ со стороны римскаго двора ограничить ихъ". Въ февралѣ того же года явилось подобное мнѣніе майнцскаго викаріата, т. е. Геймеса и нѣсколько частныхъ мнѣній. На майнцскія конференціи по этому вопросу вмѣстѣ съ Геймссомъ и Деелемъ курфирстомъ были приглашены трое протестантовъ—Домъ, І. Мюллеръ и прусскій посолъ Штейнъ. На лѣто же 1786 г. падаетъ связанная съ оппозиціей Риму рейнская поѣздка зальцбургскаго архіепископа[2]).

Несмотря на заявленіе императора архіепископамъ, что онъ не допуститъ нарушенія папою ихъ іерархическихъ правъ, и на всѣ старанія Герзана, по высочайшему повелѣнію, къ отмѣнѣ новой нунціатуры, новый нунцій Цольо получилъ предписаніе прибыть въ Мюнхенъ и вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Лѣтомъ 1786 г. онъ и прибылъ, о чемъ извѣстилъ архіепископовъ и епископовъ, въ епархіи которыхъ входили земли Пфальцбаварскія, Юлихъ и Бергъ, письмомъ отъ 28 мая 1786 г.[3]), съ приложеніемъ папскаго кредитива [отъ 10 дек. 1785 г.][4]) и письма государственнаго секретаря Буонкампаньи [отъ 16 дек. 1785 г.][5]), въ которомъ послѣдній прямо заявлялъ, что Цольо будетъ пользоваться въ Пфальцбаварскомъ курфиршествѣ тѣми же правами, какими раньше пользовались тамъ вѣнскій и кёльнскій нунціи.

На это не послѣдовало ни отъ одного изъ архіепископовъ отвѣта ни папѣ, ни Буонкампаньи, ни Цольо. Одинъ фрейзингенскій епископъ послалъ папѣ [12 авг.] письмо, въ которомъ ссылался главнымъ образомъ на императорскій рескриптъ отъ 12 окт. 1785 г. и заявлялъ, что не въ его власти поступать вопреки послѣднему и дозволить проявленіе какой-либо юрисдикціи мюнхенскому нунцію[6]). На это письмо папа отвѣтилъ бреве отъ 18 окт. 1786 г.[7]), которое по своему неожиданному содержанію было такъ же оскорбительно для императора, какъ странно для всей нѣмецкой высшей іерархіи, почему авторомъ не разъ упоминавшейся нами его исторіи оно признается даже подложнымъ[8]).

Архіепископы, опираясь на обѣщанную императоромъ поддержку,

---

[1]) Въ началѣ 1786 г.
[2]) Mejer. I, 95—96.
[3]) Pragm. und akt. Geschichte, 17—18, прил. I, 16.
[4]) Ibidem. Прил. K, 17.
[5]) Ibidem. Прил. L., 18.
[6]) Ibidem. 18—19.
[7]) Ibidem. Прил. M, 19—30 ср. 26—154.
[8]) Ibidem. 19, 1, 2.

рѣшили выступить на открытую борьбу съ папой за свои права: они командировали на съѣздъ въ Эмсъ депутатовъ для выработки общихъ требованій отъ папы. Отъ Майнца былъ Валентинъ фонъ Геймесъ, статскій совѣтникъ и викарный епископъ, отъ Кёльна—духовный тайный совѣтникъ Георгъ Генрихъ Таутфей, отъ Трира—тайный совѣтникъ и оффиціалъ Іосифъ Людовикъ Беккъ, отъ Зальцбурга—членъ консисторіи Іоаннъ Михаилъ Бёнике. Эти делегаты послѣ мѣсячнаго совѣщанія[1]), 25 августа 1786 г. подписали знаменитую эмсскую пунктацію[2]). По сравненію съ кобленцскою статьею 1769 г.[3]), она не представляетъ ничего существенно новаго, какъ замѣчаетъ и Мейеръ[4]). Мысли тѣ же, только другой порядокъ ихъ изложенія и связаны онѣ съ поднятымъ тогда вопросомъ о полномочіяхъ нунціевъ и объ особыхъ правахъ, даваемыхъ епископамъ лишь на время, за которыми они доселѣ должны были обращаться въ Римъ. Если епископъ поставленъ Богомъ—самостоятельно, по божественному полномочію, управлять своею епархіей, то онъ не нуждается ни въ какомъ папскомъ полномочіи на это, слѣд., при такомъ полномочіи устраняется правовое основаніе папскихъ резерваций, такъ какъ послѣднихъ нельзя вывесть изъ одного права надзора папы, котораго за нимъ никто не отрицаетъ. Отсюда само собою вытекаетъ бо́льшая часть положеній пунктаціи. Нѣкоторые пункты (напр., XV, XVII, XXII)—въ спеціально-архіепископскомъ интересѣ и даже въ личномъ интересѣ 4 архіепископовъ [V ср. съ VII][5]).

Эта пунктація была представлена императору вмѣстѣ съ письмомъ 4 архіепископовъ, датированнымъ 3/8 сент. 1786 г. Въ немъ они заявляли, что, въ виду обѣщанной имъ въ рескриптѣ отъ 12 окт. прошлаго года высочайшей помощи и защиты и вмѣстѣ требованія со стороны Е. И. В.—твердо хранить на будущее время митрополичьи и епархіальныя права и противодѣйствовать вмѣшательству въ нихъ папскаго двора или нунціевъ, они рѣшили составить совѣщаніе по столь важному предмету, обратиться къ началамъ епископскихъ правъ, перешедшихъ къ нимъ по апостольскому преемству, и опредѣлить пока главныя права, считаемыя ими нераздѣльными съ ихъ служебнымъ долгомъ, по первоначальному церковному устройству и по божественному установленію, и обезпечить ихъ противъ дальнѣйшихъ нарушеній. Совокупность этихъ правъ и преимуществъ почтительнѣйше и представляется въ этихъ тщательно взвѣшенныхъ и единогласно установленныхъ пунктахъ съ тѣмъ бо́льшей увѣренностью въ высочайшей поддержкѣ и предстательствѣ предъ римскимъ дворомъ, что Е. И. В. по собственному почину всемилостивѣйше предупредилъ ихъ докладъ.

---

[1]) Wolf, P. Ph. IV, 177.

[2]) Mejer, I, 96. Она напечатана у Planck. I, 380—403, а изъ него перепечатана у Wolf, P. Ph. IV, 178—196.

[3]) Выше. 51—54.

[4]) Mejer. I 98. Планкъ въ примѣчаніяхъ къ ней (I, 380—403) указываетъ соотвѣтствующіе §§ изъ «Gravamina» архіепископовъ 1769 г., такъ что очень наглядно взаимное отношеніе между ними.

[5]) Mejer. I, 98—100.

Е. И. В. благоугодно было видѣть изъ содержанія этой жалобы, какъ жалко настоящее состояніе нѣмецкой церкви съ того времени, какъ они, благодаря злоупотребленіямъ въ вѣка невѣжества, вслѣдствіе вмѣшательства и посягательствъ римскаго двора, не могутъ безпрепятственно совершать свое тяжелое пастырское служеніе. Эти вмѣшательства и посягательства, столь пагубныя для нѣмецкой церковной свободы, начались рано и преимущественно со времени общаго распространенія лжеисидоровскихъ декреталій, а римскіе куріалы распространяли ихъ все далѣе. Противъ этихъ злоупотребленій нѣмецкая нація въ теченіе столѣтій поднимала много громкихъ жалобъ; за устраненіемъ ихъ она обращалась къ Констанцскому, Базельскому и Тридентскому церковнымъ соборамъ, но не только не добилась его, а даже не достигла исполненія публичныхъ договоровъ, временно заключенныхъ по разнымъ пунктамъ жалобъ. Поставляемое теперь цѣлью возвращеніе первоначальныхъ епископскихъ правъ еще болѣе оправдывается продолжительностью римскаго вмѣшательства. Такъ какъ императоръ при обѣщаніи своей помощи требовалъ соблюденія „ясной буквы“ заключенныхъ съ Римомъ конкордатовъ, то архіепископы заявляли, что они возстаютъ и ищутъ высочайшей помощи противъ односторонніхъ римскихъ толкованій и уклоненій, хотя въ этихъ договорахъ съ римскимъ дворомъ есть, очевидно, такія требованія, которыя нѣмецкая нація ни въ какомъ случаѣ не обязана вѣчно исполнять, а прямо удержала за собою право помочь себѣ другими путями. Поэтому они обращаются къ императору съ просьбой вступить въ переговоры съ римскимъ дворомъ по вопросу объ измѣненіи не подходящихъ къ настоящему времени договоровъ, а если путемъ добровольнаго соглашенія здѣсь ничего не придется получить, позаботиться; наконецъ, о созваніи національнаго собора нѣмецкихъ архіепископовъ и епископовъ, о которомъ говорилось въ конкордатахъ, для полнаго освобожденія нѣмецкой націи отъ всѣхъ притѣсненій возвращеніемъ принадлежащей ей полной свободы, которою она пользовалась въ первыя времена въ теченіе столѣтій. А если это средство окажется или неосуществимымъ или недостаточнымъ, въ такомъ случаѣ они твердо рѣшили, чтобы изложенныя въ „пунктаціи“ жалобы и особенно на тяжелые поборы были ближе разсмотрѣны, взвѣшены Е. И. В. и всею имперіей и чтобы законными или другими путями было сдѣлано нужное для ихъ устраненія[1]).

Мейеръ находитъ характернымъ, что здѣсь на послѣднемъ и главномъ мѣстѣ ставится не столько епископскій интересъ, сколько имперско-княжескій, именно—чтобы понапрасну не утекали деньги изъ страны. Это не вполнѣ согласно со сказаннымъ въ пунктаціи, въ которой послѣ одинаковой съ письмомъ ссылки на рескриптъ 1785 г. говорится, что это обѣщаніе императора побудило архіепископовъ примѣнить къ дѣлу ту заботу, которую они, по долгу, несутъ за свои соб-

[1]) Planck. I, 404—408.

ственныя церкви и за всю нѣмецкую,—тотчасъ „чрезъ 4 нижеподписавшихся депутатовъ свести вмѣстѣ тѣ главныя епископскія права, свободно пользоваться которыми имъ препятствовали уже въ теченіе столѣтій.“ Здѣсь на ряду съ ихъ епископскимъ интересомъ поставленъ не княжскій, а архіепископскій, по которому они приписывали себѣ представительство всей нѣмецкой католической церкви[1]).

Вскорѣ послѣ подачи императору эмсская пунктація была объявлена во всеобщее свѣдѣніе: сначала она была помѣщена въ вѣнской церковной газетѣ, потомъ, еще до конца года, въ майнцскомъ журналѣ, а, наконецъ, была издана и отдѣльно съ оффиціальнымъ введеніемъ и прибавленіемъ другихъ относящихся къ дѣлу документовъ, подъ заглавіемъ: „Resultat des Emser Congresses, von den vier deutschen Erzbischöfen unterzeichnet, sammt genehmigender Antwort Sr. Kaiserl. Majestät in echten Actenstücken“. Frankfurt, 1787[2]).

Повидимому, время для конгресса было самое благопріятное:

1] Іосифъ шелъ на встрѣчу желаніямъ владыкъ. Архіепископамъ не только нечего было опасаться со стороны Вѣны, но приходилось прямо подражать императору, что̀ они и сдѣлали, заимствовавъ въ своихъ заявленіяхъ цѣлыя фразы изъ рескриптовъ Іосифа противъ папства.

2] Общественное мнѣніе, лучшія силы Германіи должны были съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтить либеральную попытку своихъ іерарховъ.

3] Стремленіе создать національную церковь должно было восхитить патріотовъ и, слѣд., доставить поддержку образовавшагося тогда союза князей.

4] Нѣмецкимъ іерархамъ былъ данъ толчокъ самимъ Римомъ, ставшимъ нападающею стороною[3]).

Но, на ряду съ этимъ, были условія, неблагопріятствовавшія осуществленію эмсскихъ желаній. И, прежде всего, этотъ съѣздъ вызывалъ опасенія въ нѣмецкихъ епископахъ. Въ „пунктаціи“ архіепископы, хотя и отъ имени всей нѣмецкой іерархіи, выступали на защиту *своихъ* правъ; требуя отъ папы созданія національной церкви, они ставили во главѣ ея *себя*. Это было совсѣмъ не въ интересахъ епископовъ. Кауницъ тогда же объяснилъ это Іосифу II въ слѣдующихъ мѣткихъ выраженіяхъ: „ближайшее начальство всегда обременительнѣе далекаго и болѣе важнаго; отсюда вѣчное соперничество и разномысліе между архіепископскими и епископскими консисторіями; отсюда же вѣчное пристрастіе многихъ епископовъ къ апелляціямъ не только въ Римъ, но даже къ нунціямъ. Архіепископскія консисторіи стараются гнуть епископскія, а послѣднія радуются, когда первыхъ погнутъ изъ Рима“[4]). Епископы не были приглашены на эмсскій конгрессъ, архіепископы не спрашивали ихъ согласія на ходатайство предъ императоромъ. Естественно было ждать протеста съ ихъ стороны. И онъ не замедлилъ сказаться. Едва шней-

[1]) I, 97—98. [2]) Ibidem. I, 100.
[3]) Трачевскій. Союзъ князей. 413—414.
[4]) Ranke. II, 259 sq. Трачевскій. Ibidem, 415.

ерскій епископъ получилъ извѣстіе объ эмсскомъ рѣшеніи 4 архіепископовъ, какъ немедленно обратился къ епископамъ Гильдесгейма, Фрейзингена, Эйхштедта, Пассау, Фульды, Констанца и Регенсбурга съ письмомъ, въ которомъ обращалъ ихъ вниманіе на шагъ архіепископовъ, причемъ, въ виду его односторонности, выражалъ опасеніе, какъ бы не пострадали права епископовъ. „Епископамъ,—писалъ онъ,—во всякомъ случаѣ не будетъ пользы, если съ совершеннымъ подавленіемъ апостольскаго престола на его руинахъ возвысятся другіе". На этомъ шпейерскій епископъ не остановился. Въ это же время (12 ноября 1786 г.) онъ обратился къ императору.—Всѣмъ извѣстно,—писалъ онъ,—что германскіе архіепископы устроили между собою конгрессъ для утвержденія различныхъ мѣръ, касающихся нѣмецкаго церковнаго устройства. При этомъ, насколько онъ знаетъ, совершенно обошли епископовъ и не дали имъ никакихъ извѣстій о переговорахъ этого конгресса. Е. И. В. понимаетъ, что дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи могутъ очень чувствительно затронуть епископовъ и всю имперскую систему, тѣснѣйшимъ образомъ связанную съ нѣмецкимъ церковнымъ устройствомъ и іерархіей, особенно въ виду существующихъ между архіепископами и епископами споровъ, причемъ сильно пострадаютъ права епископовъ. Архіепископы, конечно, должны представить выработанные пункты на высочайшее утвержденіе; но такъ какъ и объ этомъ епископамъ не сдѣлано предварительнаго увѣдомленія, то не безъ основанія можно предположить, что и дальнѣйшіе шаги будутъ дѣлаться также односторонне и безъ участія епископовъ. Убѣжденный въ любви Е. В. къ праву и справедливости, онъ, шпейерскій епископъ, заранѣе увѣренъ, что Е. В. не дастъ своего согласія на подобныя одностороннія распоряженія. Въ этой увѣренности онъ умоляетъ Е. В., во всякомъ случаѣ, до своего рѣшенія выслушать и епископовъ имперіи съ ихъ замѣчаніями и, можетъ быть, возраженіями.

Въ своемъ отвѣтѣ ему (отъ 16 дек. 1786 г.) Іосифъ далъ понять, что онъ въ существенномъ раздѣляетъ взглядъ архіепископовъ. Императоръ съ удовольствіемъ видѣлъ, съ какимъ довѣріемъ 4 германскихъ архіепископа, по смыслу высочайшаго письма отъ 12 окт. 1785 г., обратились къ нему за устраненіемъ вкравшихся въ церковную дисциплину злоупотребленій; онъ желаетъ равномѣрнаго распространенія въ нѣмецкой имперіи сдѣланныхъ имъ ко благу религіи въ наслѣдственныхъ земляхъ распоряженій, принесшихъ уже много пользы, и готовъ поддерживать духовныхъ и свѣтскихъ имперскихъ чиновъ въ достиженіи этой важной цѣли. На письмо 4-хъ архіепископовъ онъ отвѣтилъ, что возможность приведенія въ исполненіе приложенныхъ къ нему пунктовъ и ожидаемая польза зависитъ отъ соглашенія ихъ съ викарными епископами и тѣми имперскими чинами, на земли которыхъ простираются ихъ епископскіе округа. Онъ желаетъ и надѣется, что, при его поддержкѣ, епископы безъ промедленія времени согласятся, во имя предстоящаго святаго дѣла, руководясь

тѣмъ же самымъ настроеніемъ. Поэтому императоръ приглашаетъ и шпейерскаго епископа оказать дѣятельное содѣйствіе этому дѣлу[1]).

Эмсская пунктація встрѣтила недоброжателей, кромѣ епископовъ, въ лицѣ троихъ курфирстовъ; эти „друзья лиги" тревожились потому, что „при такомъ направленіи духовенство должно было обратиться за помощью къ императору"[2]). Особенно непріятенъ былъ этотъ союзъ духовныхъ князей съ Австріей Берлину: какія то роковыя узы вѣчно соединяютъ ихъ,—въ первый разъ Габсбурги пошли противъ церковнаго феодализма и это не разрывало древней связи, а укрѣпляло ее, ибо владыки также вступили на этотъ путь. И вотъ вождь нѣмецкаго протестантизма долженъ былъ вступить въ союзъ съ Римомъ[3]).

Но этого мало. Виды самихъ архіепископовъ, какъ заключилъ Румянцовъ изъ бесѣдъ съ участниками Эмсскаго конгресса, были различны. „Кёльнскій архіепископъ хотѣлъ только умалить власть папы. Скромный трирскій курфирстъ, собственныхъ не имѣя намѣреній, во всемъ по личному дружеству и искренности съ нимъ согласовался. Но майнцскій имѣлъ виды совсѣмъ другіе, болѣе къ политической системѣ относительные. Можетъ быть, архіепископъ зальцбургскій, начальникъ (предсѣдатель) сего конгресса, коего княжество между австрійскими владѣніями и Баваріей находится, втайнѣ творитъ обѣты видѣть исполненіе хитрыхъ видовъ и затѣй майнцскаго курфирста и для того къ продолженію онаго конгресса и дальнему разсмотрѣнію сего дѣла и майнцскихъ предложеній хотя осторожную однако склонность показалъ"[4]).

Поднявъ общее дѣло для охраненія собственныхъ интересовъ, архіепископы тотчасъ же пошли врознь,—каждый изъ нихъ думалъ о своихъ личныхъ интересахъ. Одни изъ участниковъ конгресса ограничивались строго церковной сферой, другіе вовлекались въ политику; послѣднее обстоятельство должно было поселить недовѣріе къ конгрессу у всѣхъ, кто пользовался властью въ Германіи, или стремился къ ней. Въ то же время архіепископы не подумали привлечь къ своему дѣлу остальное духовенство. Они вели себя, какъ церковная аристократія, точно подражая обращенію 3-хъ курфирстовъ, основателей лиги, съ фирстами-союзниками. Опасенія епископовъ оправдывались: предъ ними въ перспективѣ показывался деспотизмъ 4-хъ нѣмецкихъ папъ. И уже ходили по рукамъ письма вестфальскихъ епископовъ, грозившія нѣмецкой церкви расколомъ[5]).

Наконецъ, главная опора архіепископовъ (императоръ) оказалась ненадежною. Вначалѣ онъ отнесся сочувственно къ ихъ идеѣ. Выше мы видѣли, какъ онъ приглашалъ ихъ твердо стоять предъ папою за

[1]) Wolf, P. Ph. IV, 239—242. Pragm. und akt. Geschichte, прил. DD, 127—129; EE, 129—131. [2]) Донесеніе Николая Румянцова Остерману 1/12 авг. 1786 г. (Трачевскій. Союзъ князей, 416).

[3]) Трачевскій. Ibidem, 416. [4]) Румянцовъ Остерману 19/31 авг. 1786 г. (Трачевскій. Ibidem, 418).

[5]) Ranke. I, 369. (Трачевскій. Ibidem, 418)

свои права и воодушевлялъ на борьбу съ нимъ. Но скоро онъ узналъ чрезъ Николая Румянцова, что на конгрессѣ заговаривали и о политикѣ, при томъ прямо противной его интересамъ. Къ этому присоединилось мнѣніе Кауница. Послѣдній, какъ вѣрный и опытный стражъ свѣтскаго абсолютизма, съ самаго начала ничего не прозрѣвалъ въ затѣѣ архіепископовъ, кромѣ молодыхъ когтей церковнаго абсолютизма. По поводу эмсской пунктаціи, съ объясненіями майнцскаго владыки, онъ подалъ императору свое мнѣніе[1]). Возставая противъ всѣхъ статей пунктаціи до мелочей, словно заклятый врагъ нѣмецкихъ іерарховъ, Кауницъ повсюду проводилъ одну идею,—что принципы архіепископовъ „компрометтируютъ права свѣтской власти вообще, императорской въ особенности". Оттого, хотя конгрессъ „подражаетъ реформаціоннымъ примѣрамъ" Іосифа, онъ тѣмъ не менѣе направленъ прямо противъ него. Присвоивая себѣ право разрѣшать разводы и обнародованіе буллъ, закрывать монастыри и т. д., архіепископы отнимаютъ это право уже не у папы, а у императора, ибо они выводятъ его изъ своей собственной архипастырской, а не изъ свѣтской власти. Мало отвергнуть подобныя притязанія: императоръ не долженъ допускать ихъ даже въ собственныхъ владѣніяхъ архіепископовъ. Иначе онъ разыгралъ бы постыдную роль орудія честолюбивыхъ замысловъ іерархіи, вздумавшей выставить императора, какъ щитъ, на который должны сыпаться удары папства и множества другихъ враговъ. Во главѣ послѣднихъ несомнѣнно станутъ нѣмецкіе же епископы. „Чтобы не подвергнуться ненавистнымъ кознямъ цѣлаго роя этихъ епископовъ и ихъ капитуловъ", необходимо потребовать, чтобы архіепископы предварительно вошли въ соглашеніе съ ними. Соборъ Кауницъ считалъ немыслимымъ дѣломъ. Вселенскій—„просто забавная химера", такъ какъ на немъ нѣмецкіе голоса были бы заглушены большинствомъ итальянскихъ, испанскихъ, португальскихъ и цѣлаго роя другихъ епископовъ, вполнѣ преданныхъ куріалистическимъ предразсудкамъ и не знающихъ азбуки истиннаго государственнаго права или безпристрастной исторіи; національный же соборъ „произвелъ бы больше шуму, чѣмъ добра, а, пожалуй, послужилъ бы искрой для взрыва новыхъ опасныхъ раздоровъ". Что же касается до Рима, то нечего и думать о предстательствѣ тамъ за эмсскій конгрессъ. Папа прибѣгнетъ къ обычному маневру: „Я заключалъ конкордаты не съ однимъ императоромъ и 4 архіепископами, а со всею имперіей",—скажетъ онъ и обратится „не только ко всѣмъ духовнымъ, но также и къ свѣтскимъ чинамъ имперіи". „Легко можетъ случиться, что, если даже духовные чины оказались бы единодушными, свѣтскіе пойдутъ противъ нихъ". Мало того „Папскій дворъ притаится даже позади протестантскихъ князей, напр., такихъ, какъ курфирстъ бранденбургскій"[2]). И такъ Кауницъ, отвергая всѣ требованія архіепископовъ, совѣтовалъ только имъ притти

[1]) Мнѣніе Кауница объ эмсскомъ конгрессѣ отъ 11 ноября 1786 г. у Ranke. II, 292—298. [2]) Трачевскій. Ibidem, 419—420.

къ соглашенію съ епископами, что̀ можно было принять почти за насмѣшку съ его стороны[1]).

Іосифъ, подъ этимъ вліяніемъ Кауница, пришелъ къ мысли, что поднимаемое архіепископами движеніе противъ Рима въ принятомъ ими направленіи въ смыслѣ учрежденія соборнаго церковнаго устройства не менѣе идетъ въ разрѣзъ съ его собственнымъ намѣреніемъ создать церковь, подчиненную государству, чѣмъ и куріалистическія притязанія папы. Поэтому онъ рѣшилъ не содѣйствовать этому движенію, а указать ему дорогу, совсѣмъ не предвѣщавшую успѣха этому дѣлу. Таковъ былъ его отвѣтъ архіепископамъ отъ 16 ноября того же года. Въ немъ онъ, обѣщая имъ полное содѣйствіе въ объемѣ императорскаго имперскаго церковнаго покровительства, замѣтилъ, что возможность осуществленія и достиженія ожидаемой пользы отъ этой реформы зависитъ, въ большей части, отъ предварительнаго соглашенія г.г. архіепископовъ съ пользующимися привиллегіями (Exemten), съ своими викарными епископами и тѣми имперскими чинами, на земли которыхъ простирались ихъ епархіи, поэтому онъ и совѣтовалъ заручиться прежде всего этимъ соглашеніемъ съ указанными лицами. Въ готовности послѣднихъ содѣйствовать спасительному дѣлу онъ нимало не сомнѣвался.[2]).

Какъ видно изъ письма посланника Іосифа при Нижнесаксонскомъ округѣ, гр. Меттерниха на имя князя-епископа Гильдесгейма-Падерборна (отъ 8 янв. 1787 г.), императоромъ всѣмъ посланникамъ было поручено сообщить епископамъ объ его отвѣтѣ архіепископамъ и пригласить первыхъ къ соглашенію съ послѣдними[3]). Въ письмѣ къ брату Леопольду Іосифъ, упомянувъ объ обращеніи къ нему архіепископовъ, замѣчаетъ, что онъ своимъ отвѣтомъ воодушевилъ ихъ къ соглашенію съ викарными епископами для сверженія этого (римскаго) ига съ общаго согласія. Онъ не знаетъ, что̀ изъ этого выйдетъ, но Римъ сильно интригуетъ[4]).

Леопольдъ смотрѣлъ на эмсскую пунктацію сквозь розовые очки. Придавая величайшую важность предложенію германскихъ архіепископовъ, въ обращеніи ихъ къ императору онъ видѣлъ истинный поводъ привлечь на свою сторону всѣ церковные дворы и навсегда стряхнуть съ Германіи деспотическое иго римскаго двора. Для этого нужно только поддержать и воодушевить всѣхъ епископовъ Германіи; уничтожить навсегда всѣ нунціатуры въ Германіи, начиная съ вѣнской, низведя нунціевъ на степень простыхъ посланниковъ, по примѣру другихъ дворовъ, отнявъ у нихъ всякое право суда и не принимая въ этомъ званіи лицъ духовныхъ; собрать изъ германскихъ епископовъ и церковныхъ князей національный соборъ, на которомъ разобравъ свои жалобы на римскій дворъ, они стряхнули бы съ себя его авторитетъ и возстановили бы свои первоначальныя права, узурпированныя у

[1]) Трачевскій. Ibidem, 420. [2]) Planck. I, 409—410.
[3]) Pragm. und akten. Geschichte, прим. A A, 51—52. Mejer. I, 101—102.
[4]) Письмо отъ 21 ноября 1786 г. (Arneth. J. II. und L. v. T. II, 43).

нихъ Римомъ, отъ которыхъ ихъ предшественники никогда не могли отказаться безъ ущерба для своихъ будущихъ преемниковъ, и установили бы въ этой области однообразныя правила и дисциплину, согласно съ изданными императоромъ постановленіями. Послѣднимъ, по мнѣнію Леопольда, не достаетъ только санкціи національнаго собора, составленнаго изъ всѣхъ епископовъ, чтобы быть твердыми, постоянными и повсюду однообразными, этого-то единственно римскій дворъ боится больше всего, такъ какъ здѣсь онъ совершенно безсиленъ. Леопольдъ знаетъ за вѣрное, что нѣтъ интриги, которую въ Римѣ не пустили бы въ ходъ только затѣмъ, чтобы воспрепятствовать дѣлу нѣмецкихъ епископовъ и упраздненію нунціатуры. Съ этою спеціальною цѣлью посланъ въ Вѣну нунцій Капрара, на котораго возлагаютъ надежду[1]).

Въ отвѣтѣ Іосифа Леопольду видно вліяніе кауницевскаго взгляда на предпріятіе архіепископовъ. Іосифъ согласенъ, что теперь для епископовъ удобный моментъ сбросить оковы Рима, но они,—онъ нисколько не сомнѣвается,—будутъ носить ихъ, какъ бы его отвѣтъ ни авторизовалъ и ни воодушевлялъ ихъ. Большинство изъ нихъ ничего не понимаетъ въ своихъ дѣлахъ и слѣпо управляется подчиненными, у которыхъ здѣсь различные интересы и виды. Національный соборъ никогда не кончится и, несомнѣнно, на немъ займутся какими нибудь другими дѣлами, только не церковной реформой. Не касаясь въ своихъ монархическихъ церковныхъ распоряженіяхъ ни догмы, ни обряда, ни внутренней дисциплины, онъ не нуждается и въ санкціи для нихъ со стороны собора и прямо даже признается, что боялся бы общаго собранія своихъ епископовъ, потому что они еще очень далеки отъ разумныхъ и надлежащихъ принциповъ, которые онъ желалъ бы въ нихъ видѣть[2]).

Леопольдъ предвидѣлъ, что указанный Іосифомъ архіепископамъ путь не приведетъ ни къ чему. „Я видѣлъ,—писалъ онъ Іосифу II 6 марта 1787 г.,—ваше рѣшеніе по дѣлу германскихъ епископовъ, но такъ какъ не всѣ будутъ согласны поддерживать и дѣломъ защищать права, отнятыя у нихъ Римомъ, и не согласятся уничтожить всѣ нунціатуры и считать нунціевъ простыми посланниками иностраннаго двора безъ всякой юрисдикціи, то ничего не будетъ достигнуто“[3]). Іосифъ, вполнѣ сознавая всю важность единодушія для германскихъ епископовъ, соглашался съ братомъ, что на него нельзя надѣяться: каждый изъ епископовъ или руководится своими расчетами или въ рукахъ окружающихъ, имѣющихъ свои виды,—и вотъ почему все идетъ криво[4]).

Итакъ, соглашеніе съ епископами было ахиллесовой пятой въ дѣлѣ архіепископовъ. Въ Римѣ хорошо поняли это съ самаго начала и сюда направили свои удары. Такъ, еще до полученія свѣдѣній объ эмсскомъ конгрессѣ, по поводу шага архіепископовъ съ фрейзингенскимъ епископомъ противъ мюнхенской нунціатуры и посланія им-

[1]) Письмо отъ 5 дек. 1786 г. (Arneth. II, 48—49).
[2]) Письмо отъ 14 дек. 1786 г. (Ibidem. II, 55). [3]) Ibidem. II, 72.
[4]) Письмо отъ 15 марта 1787 г. (Ibidem. II, 75)

ператора, уничтожавшаго юрисдикцію всѣхъ нѣмецкихъ нунціевъ, въ бреве на имя фрейзингенскаго епископа отъ 18 окт. 1786 г. папа возстановлялъ епископовъ противъ архіепископовъ указаніемъ на властолюбивые замыслы послѣднихъ. Онъ прямо заявлялъ, что «illi spectant, ut super alios dominentur»[1]), что присоединяясь къ архіепископамъ, онъ-фрейзингенскій епископъ «non solum s. sedis ejusque Nuntiorum auctoritatete (se) subtrahens, quae certe Germanicam libertatem non laedit, sed tuo (suo) subjicens Metropolitano ultra terminos ab universali Ecclesia praescriptos, ad quod certe assequendum adversantium conatus spectare, nemo est, qui non intelligat»[2]).

Немного извѣстно о переговорахъ архіепископовъ съ епископами. Изъ зальцбургскихъ суффрагановъ имѣлся въ виду одинъ князь-епископъ фрейзингенскій, баронъ фонъ Вельденъ, еще раньше вступившій въ соглашеніе съ архіепископами, потому что австрійскіе епископы вполнѣ зависѣли отъ императора и Бриксенъ лежалъ внѣ нѣмецкихъ интересовъ. Такъ же, какъ фрейзингенскій, стоялъ сосѣдній съ Зальцбургомъ, князь-епископъ Пассау, графъ Ауершпергъ, бывшій зальцбургскимъ суффраганомъ въ качествѣ гуркскаго епископа. Трирскіе суффраганы не принимали участія, такъ какъ были французскими епископами. Самая важная кёльнская суффраганъ-епископія, Мюнстеръ, была въ рукахъ архіепископа, вторая—Оснабрюккъ въ то время управлялась протестантски, слѣдовательно, въ кёльнской провинціи былъ одинъ только суффраганъ-епископъ, отношеніе котораго къ дѣлу имѣло значеніе,—это только въ 1785 г. избранный князь-епископъ Люттиха, графъ Гонсбрёкъ. Онъ съ самаго начала былъ противникомъ архіепископовъ. Болѣе всего поднимался вопросъ о майнцскихъ суффраганахъ. Изъ нихъ Куръ стоялъ, какъ Бриксенъ; Страсбургъ уклонился отъ всякаго участія, какъ французская епископія по преобладанію; Корвэ было слишкомъ незначительно и еще не было признано въ качествѣ епископіи со стороны имперіи. Вормсъ и Аугсбургъ были епископіями самого архіепископа Карла Фридриха. Слѣдовательно, кромѣ Шпейера, князь-епископъ котораго графъ Лимбургъ-Штирумъ уже выступилъ противъ архіепископовъ, какъ мы упоминали выше, оставались Падерборнъ и Гильдесгеймъ, бывшіе тогда въ рукахъ князя-епископа Фр. В. Л. барона фонъ Вестфаленъ; Вюрцбургъ, который вмѣстѣ съ привиллегированнымъ княжествомъ-епископіей Бамбергомъ управлялся братомъ архіепископа, Францемъ Людовикомъ; Констанцъ, гдѣ былъ баронъ фонъ Родтъ; Эйхштедтъ, гдѣ былъ І. Ад. Э. баронъ фонъ Цеменъ и Фульда, гдѣ княземъ-епископомъ былъ Генрихъ баронъ фонъ Вибра. Кромѣ этого еще нужно было принять во вниманіе „изъятаго“ князя-епископа регенсбургскаго, графа Фуггеръ. Изъ нихъ Гильдесгеймъ-Падерборнъ и Фульда, не выступая врагами, отказались отъ всякаго положительнаго участія[3]). Также нейтрально относился Вюрцбургъ-Бамбергъ: князь-епископъ его не позво-

[1]) Pragm. und akt. Geschichte, прил. M, 19. [2]) Ibidem, 29.
[3]) Kopp. Kath. Kirche im XIX Jahrhund. 38 (Mejer. I, 102–103)

лялъ въ своей епархіи ничего даже печатать о спорѣ изъ-за нунціатуръ и объ эмсскомъ конгрессѣ. Интересъ его двора,—объявилъ онъ своей духовной администраціи, — требуетъ воздержаться отъ мнѣній: если появятся сочиненія за эмсскій конгрессъ и противъ нунціевъ, ему нельзя будетъ избѣжать назойливости римскаго двора и нунціевъ. Въ противномъ случаѣ тоже самое ожидаетъ его со стороны архіепископовъ. Онъ оставался въ этомъ случаѣ покойнымъ, также и его земли[1]). Князья-епископы Констанца, Эйхштедта и Регенсбурга, въ возрастѣ отъ 70 до 75 лѣтъ, были одинаково не расположены какъ къ нововведеніямъ, такъ и къ публичному спору съ архіепископами. Иначе отнесся къ этому, какъ мы уже видѣли, епископъ шпейерскій, на нѣсколько лѣтъ моложе вышеупомянутыхъ, человѣкъ горячій и энергичный и безъ того бывшій не въ ладахъ съ майнцскимъ архіепископомъ[2]). Вмѣсто соглашенія съ архіепископами и содѣйствія ихъ дѣлу, которое ему предлагалъ Іосифъ, шпейерскій епископъ постарался помѣшать соглашенію съ архіепископами и другихъ епископовъ. Въ этихъ видахъ онъ послалъ своему архіепископу 18 мая 1787 г. обширныя замѣчанія на эмсскую пунктацію и въ то же время издалъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе, выступая такимъ образомъ во главѣ противной партіи. Авторомъ ихъ считали эксъ-іезуита Антона Шмидта, бывшаго Гейдельбергскаго профессора[3]).

Въ помѣщенномъ впереди мнѣніи шпейерскій епископъ заявлялъ, что единственный путь къ достиженію всѣхъ указанныхъ въ эмсской пунктаціи требованій—полюбовные переговоры и представленія папѣ, отчасти вслѣдствіе благоговѣнія предъ главою церкви, отчасти вслѣдствіе постояннаго пользованія папы этими правами. Для нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ измѣненій требуется согласіе всей имперіи и Conclusum рейхстага и, наконецъ, при многихъ другихъ каждому епископу крайне необходимо обращать серьезное вниманіе на особое положеніе своей епархіи и сосѣднихъ съ нею свѣтскихъ владѣльцевъ.

Послѣ такого общаго введенія епископъ касался отдѣльныхъ пунктовъ конгресса. Такъ, второй пунктъ, въ которомъ шла рѣчь о возвращеніи епископамъ ихъ первоначальнаго права диспенсаціи, казался ему очень несправедливымъ уже потому, что нельзя лишать римскій дворъ этого права, которымъ онъ пользовался болѣе 1.000 лѣтъ, безъ предварительныхъ особыхъ переговоровъ съ нимъ объ этомъ. Относительно нунціатуръ, составляющихъ предметъ четвертаго пункта, онъ сомнѣвался даже въ правѣ желать какихъ бы то ни было измѣненій въ принятой практикѣ. „Однако въ нунціяхъ,—говорилъ онъ,—нужно признавать не простыхъ посланниковъ, а представителей главы церкви, которые, по порученію папы, дѣйствуютъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ долженъ бы принять участіе въ силу своего примацтва. Таковыми признали ихъ самъ императоръ въ своемъ рескриптѣ отъ 12 окт. 1785 г. Если теперь имъ не будетъ дано ничего, что

[1]) Schwab Franz Berg. 109 (Mejer. I, 103—104).
[2]) Mejer. I, 104. [3]) Ibidem. I, 104, пр. 2.

могло бы нанести ущербъ епископской юрисдикціи, а только поручено пользованіе такими правами, которыя признаются еще за папскимъ престоломъ и въ виду этого постояннаго владѣнія должны быть признаваемы, то онъ не понимаетъ, какъ можно требовать полной отмѣны нунціевъ, или отказывать имъ въ пользованіи тою юрисдикціей, которая имѣетъ отношеніе только къ этимъ резерваціямъ. Ему кажется еще болѣе страннымъ даже думать объ этомъ, если какой-либо свѣтскій дворъ, какъ теперь случилось съ Пфальцбаварскимъ, самъ пожелаетъ такъ устроенной и опредѣленной юрисдикціи нунціатуръ для облегченія своихъ подданныхъ, потому что, конечно, нельзя надѣяться на возможность силою навязать такому двору противоположные и еще спорные принципы, а съ тѣмъ бо́льшею вѣроятность юслѣдуетъ опасаться, что изъ необходимо предстоящей коллизіи могутъ получиться слѣдствія, которыя принесутъ вреда гораздо больше предполагающейся выгоды. Кромѣ того, такъ какъ ему неизвѣстно ни одного основного имперскаго закона, которымъ запрещалась бы совершено всякая юрисдикція нунціатуръ, а извѣстны хорошо такіе, которыми она удерживается лишь въ своихъ границахъ и запрещается только вмѣшательство нунціевъ въ свѣтскія дѣла, то эти имперскіе законы до совершеннаго уничтоженія всякой юрисдикціи нунціатуръ могутъ быть распространены только законнымъ объясненіемъ и это объясненіе принадлежитъ только цѣлой имперіи, въ такой мѣрѣ, что не могутъ быть исключены даже протестантскіе чины, которые въ этомъ отчасти заинтересованы вслѣдствіе своихъ католическихъ подданныхъ. Объ этомъ можно трактовать только на рейхстагѣ, гдѣ онъ-епископъ шпейерскій—потомъ, если только зайдетъ объ этомъ рѣчь, предоставляетъ себѣ право дать и дальнѣйшія объясненія“.—Относительно 6-го и 7-го членовъ пунктаціи епископъ допускалъ выставленный тамъ принципъ, что конкордаты нѣмецкой націи съ римскимъ престоломъ представляютъ собою ничто иное, какъ принятые въ 1439 г. съ извѣстными измѣненіями базельскіе декреты, Ашаффенбургскій же содержитъ только нѣсколько обѣими сторонами допущенныхъ исключеній, но изъ послѣдняго обстоятельства выводилъ слѣдствіе, что ни одна сторона безъ согласія другой не можетъ снова отмѣнить этихъ исключеній, поэтому онъ—епископъ не можетъ согласиться со сказаннымъ въ 7-мъ членѣ о неудобопримѣнимости къ состоянію нѣмецкой церкви extravaganten Execrabilis и ad Regimen, такъ какъ то и другое прямо приняты въ конкордаты. При послѣднемъ пунктѣ этого члена, которымъ за папою до общей церковной реформы еще признавалось право раздачи Brevia eligibilitatis въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, епископъ сдѣлалъ довольно горькое замѣчаніе объ источникѣ архіепископскаго великодушія, на такое долгое время предоставляющаго римскому престолу это преимущество,—онъ объяснилъ при этомъ, что, какъ ему кажется, совмѣщеніе епископій гораздо больше противорѣчитъ духу церковныхъ законовъ, чѣмъ пребендъ, и что особенно епископы имѣютъ причину желать, чтобы никто вмѣстѣ съ архіепископіей не занималъ еще нѣсколько епископій. - Въ эмсской пунктаціи архіепископы заботливо

старались скрыть крайнее усиленіе своихъ митрополичьихъ правъ. Но это имъ не вполнѣ удалось. 17-й и 22-й члены даютъ поводъ шпейерскому епископу выразить опасеніе, что митрополиты хотятъ усилить свои права на счетъ епископской свободы, особенно же 22-й. „Такъ какъ господа архіепископы,—говорилъ шпейерскій епископъ,—требуютъ себѣ права назначать въ эти суды кромѣ директора еще по двое засѣдателей, то послѣ второй архіепископской инстанціи и эта третья въ сущности всегда останется архіепископской же. Такъ какъ можно предполагать, что этотъ соборный судъ долженъ будетъ засѣдать въ архіепископской резиденціи, то вліяніе митрополитовъ и съ этой стороны еще болѣе увеличится, такъ какъ у нихъ всегда довольно окажется средствъ и путей для привлеченія засѣдателей на свою сторону и для принятія послѣдними отъ времени до времени принциповъ, совсѣмъ не выгодныхъ для епископскихъ правъ“[1]).

Естественно, что сочиненіе шпейерскаго епископа не прошло безслѣдно: завязалась цѣлая полемика, не свободная отъ личныхъ счетовъ. Вотъ нѣсколько такихъ сочиненій: «Vorläufige Beleuchtung d. an Se. Kurfürstl. Gnaden zu Mainz in Betreff der Embser Punkte von Sr. fürstl. Gnaden zu Speier erlassenen Antwortschreibens». Frankf. und Lpz. 1787.—«Einstweilige Antwort auf die vorläufige Beleuchtung». 1787.—«Gegenbeleuchtung der vorläufigen Beleuchtung». 1788.—Между тѣмъ и сами архіепископы дали отвѣтъ: «Gründliche Entwickelung der Dispens-und Nunziaturstreitigkeiten zu Rechtfertigung des Verfahrens der vier deutschen Erzbischöfe wider die Anmassungen des römischen Hofes, sammt einer Prüfung des Furstbischöfl. speierischen Antwortschreibens an Se. Kurfürstl. Gnaden zu Mainz. 1788». Въ предисловіи авторъ очень удачно показываетъ, что нельзя и почему нельзя обратиться къ посредству полюбовныхъ переговоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о возвращеніи отнятыхъ правъ или объ устраненіи вкравшихся злоупотребленій. Нѣтъ никакой вѣроятности даже чего нибудь достигнуть путемъ переговоровъ съ римскимъ дворомъ. Также не годится шпейерскій проектъ—обратиться за рѣшеніемъ нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ къ рейхстагу. „Если эти спорные пункты,—говоритъ авторъ,—касаются, какъ предполагаютъ, конкордатовъ, то папа не можетъ отослать насъ къ рейстагу. Онъ заключалъ договоры съ націей, раздѣляющейся на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, у каждаго изъ послѣднихъ свой государь и представитель. Правда, въ имперскомъ организмѣ они соединены подъ общей имперской главой, но такъ независимы другъ отъ друга, что одинъ имперскій чинъ по правилу не можетъ распоряжаться въ области другого. Всякій имперскій чинъ, будетъ-ли то архіепископъ или епископъ или свѣтскій князь, разсматривается какъ заключавшій договоръ въ конкордатахъ и можетъ въ силу собственнаго права, полученнаго имъ для себя и своихъ подданныхъ, требовать

[1]) Plank. II, 402 f.f. Wolf, P. Ph. IV, 244—247.

какъ исполненія всѣхъ обѣщанныхъ въ конкордатахъ нашей націи пунктовъ, такъ и отмѣны всѣхъ идущихъ въ разрѣзъ съ ними притязаній и стѣсненій римскаго двора, и, если послѣдній не дастъ ему удовлетворенія, принять соотвѣтственныя мѣры для удовлетворенія права своего и своихъ подданныхъ. Поэтому доселѣ мы не нуждались въ законномъ истолкованіи конкордатовъ и, кажется, легко можемъ обходиться безъ него, потому что что̀ ясно и прямо не признано за римскимъ дворомъ, то, по здравому смыслу, у него отнимается. Напротивъ, каждый нѣмецкій имперскій чинъ имперскими законами, особенно же избирательной капитуляціей ограниченъ въ томъ смыслѣ, что онъ не смѣетъ ничего предпринять или уступить римскому двору, вопреки конкордатамъ, ко вреду своихъ сочиновъ и подданныхъ, такъ какъ конкордаты въ имперіи имѣютъ силу закона. Но если возникнетъ объ этомъ вопросъ между самими имперскими чинами и имперскими подданными, то рѣшеніе его подлежитъ высшимъ имперскимъ судамъ, которые одни только могутъ рѣшить предварительный вопросъ—необходимо-ли законное объясненіе конкордатовъ“?

Хотя шпейерское объясненіе касалось многихъ членовъ эмсской пунктаціи, защита архіепископовъ, обходя остальныя возраженія, ограничивалась главнымъ образомъ двумя предметами, именно—оспариваемымъ правомъ диспенсаціи епископовъ и нунціатурами. Доводы шпейерскаго епископа шагъ за шагомъ основательно разобраны и опровергнуты на исторической почвѣ[1]).

Литературная полемика по вопросу о нунціяхъ велась одновременно съ борьбою практической, въ жизни.

Архіепископы отказались признать Цольо и прибывшаго въ Кёльнъ вмѣсто Беллисони Пакка, если они прямо не заявятъ, что не имѣютъ никакихъ полномочій, кромѣ политическихъ, и запретили своимъ епархіальнымъ епископамъ обращаться къ нимъ. Нунціи отказались исполнить желаніе архіепископовъ, обратились въ Римъ за рѣшеніемъ къ папѣ. Такъ они оказались внѣ связи съ архіепископами, хотя, не обращая вниманія на это, примѣняли на практикѣ свои права[2]), пока архіепископы составляли эмсскій конгрессъ и обращались къ Іосифу. Такъ, Цольо выдавалъ полныя индульгенціи [напр., отъ 12 авг. 1786 г.[3])], разрѣшалъ брачныя препятствія [напр., 4 окт. 1786 г. Іоанну Гигериху и Гертрудѣ Эбергардинъ во второй степени свойства, изъ мѣстечка Лауденбахъ, по территоріи пфальцскаго курфиршества, а по епархіи майнцскаго діоцеза[4])]. 11 окт. 1786 г. онъ даже назначилъ себѣ комиссара для Юлиха и Берга въ Дюссельдорфѣ въ лицѣ пробста Робертца[5]). Нунцій Бартоломей Пакка разрѣшилъ бракъ князю Гогенлоэ-Бартенштейнъ и графинѣ фонъ Бланкенгеймъ во второй степени кровнаго родства и не ограничился однимъ разрѣшеніемъ, а велѣлъ опубликовать его[6]). По этому поводу кёльнскій курфирстъ и архі-

[1]) Planck. II. 400 sqq. Wolf, P. Ph. IV, 248—259.
[2]) Bourgoing. 86 - 287. Mejer. I, 106.
[3]) Pragm. und aktenmäs. Geschichte, 19—20, прил. N, 31—32.
[4]) Ibidem, прил. O. 32—35. [5]) Ibidem, прил. Z, 49—50. [6]) Ibidem. 21.

епископъ обратился къ нему съ письмомъ (27 ноябр. 1786 г.), въ которомъ указавъ на безпорядки, которые должно вызвать вмѣшательство чужестранцевъ въ отправленіе епископскихъ функцій, выражалъ увѣренность, что нунцій впредь воздержится отъ проявленія своей юрисдикціи въ его епархіи и не поставитъ его въ необходимость прибѣгнуть къ самымъ дѣйствительнымъ средствамъ для сохраненія своихъ правъ[1]). Одновременно съ этимъ въ письмѣ къ своему министру въ Римѣ, маркизу д'Античи кёльнскій архіепископъ, отказываясь вѣрить тому, чтобы папа поручилъ отправленіе юрисдикціи въ его епархіи какому-то иностранному (extraneo) архіепископу, поручилъ ему принести папѣ на это жалобу и просить запретить названному архіепископу вмѣшиваться въ дѣла его епархіи[2]).

Несмотря на такой энергичный протестъ, Пакка настоялъ на своемъ правѣ[3]). Но онъ не остановился на этомъ, а пошелъ дальше. Узнавъ, что архіепископы разрѣшаютъ брачныя препятствія своею властью, безъ испрашиванія чрезъ каждые 5 лѣтъ папскихъ индультовъ, 30 ноября 1786 г. онъ издалъ духовенству надѣлавшій много шуму циркуляръ. Въ немъ онъ исторически доказывалъ, что архіепископы обращались къ папѣ чрезъ каждые 5 лѣтъ за индультами и имѣютъ право давать разрѣшенія лишь въ указанныхъ въ послѣднихъ случаяхъ, поэтому всѣ разрѣшенія иного характера объявлялъ не имѣющими силы, заключенные на основаніи ихъ браки незаконными, а дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ incestis nuptiis, лишенными правъ законнорожденныхъ[4]). Архіепископы были слишкомъ оскорблены этимъ неслыханнымъ шагомъ ни при одномъ дворѣ не принятаго нунція и не замедлили выступить съ дружнымъ протестомъ. Кёльнскій викаріатъ 19-го дек. распорядился, чтобы всѣ патеры вернули обратно посланіе „выдающаго себя за кёльнскаго нунція, но не признаннаго въ семъ званіи курфирстомъ иностраннаго епископа", представивъ немедленно удостовѣренія почты въ отсылкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было строго запрещено принимать всякія посланія, breve, буллы и т. п. отъ папскаго двора раньше полученія письменнаго разрѣшенія со стороны викаріата на разсылку и публикацію[5]). Въ такомъ же смыслѣ, съ болѣе или менѣе оскорбительными для нунція Пакка замѣчаніями, были сдѣланы распоряженія трирскимъ викаріатомъ [20 дек. 1786 г.][6]) и майнцскимъ [21 дек. 1786 г.][7]). Кромѣ этихъ трехъ распоряженій 4 февраля слѣдующаго года (1787 г.) явилось очень рѣзкое и ядовитое пастырское посланіе кёльнскаго архіепископа, всецѣло направленное противъ посланія Пакка[8]).

Архіепископамъ оставалось обратиться за помощью къ императору, обѣщавшему имъ (12 окт. 1785 г.) защиту отъ подобныхъ дѣйствій нунціевъ. И, дѣйствительно, 10 и 17 дек. 1786 г. кёльнскій

---

[1]) Pragm. und aktenm. Geschichte, прил. P, 35—36.
[2]) Ibidem, прил. R, 37—42. [3]) Ibidem, прил. Q, 36—37. [4]) Mejer. I, 106.
[5]) Ibidem, прил. U, 46—47. [6]) Ibidem, прил. T, 44—46.
[7]) Ibidem, прил. S, 42—43. [8]) Wolf, P. Ph. IV, 235—237. Mejer. I, 107.

курфирстъ обратился къ нему съ просьбой о защитѣ какъ противъ интернунція Цольо въ Дюссельдорфѣ, такъ и противъ Пакка[1]).

Въ бреве на имя кёльнскаго архіепископа (отъ 20 янв. 1787 г.) папа, вмѣсто отвѣта на жалобы послѣдняго на поведеніе нунція Пакка, самъ выступилъ съ самыми горькими упреками архіепископу за нарушеніе правъ папскаго престола и оспариваніе преимуществъ его приматства[2]). Бреве отличалось рѣзкими выраженіями. Поэтому и кёльнскій архіепископъ въ своемъ отвѣтѣ папѣ (2 апр. 1787 г.) принялъ рѣшительный тонъ[3]).

Въ срединѣ февраля всѣ трое архіепископовъ подали императору жалобу на окружное посланіе нунція Пакка. Императоръ очень быстро отвѣтилъ на ихъ жалобу, можетъ быть, желая ослабить тѣмъ впечатлѣніе отъ папскаго бреве кёльнскому архіепископу. Уже 27 февраля онъ издалъ чрезъ имперскій придворный совѣтъ, какъ высшую имперскую власть, два декрета: одинъ по вопросу о Пакка на имя 3 рейнскихъ архіепископовъ, другой — по поводу кёльнской жалобы на Цольо на имя курфирста пфальцъ-баварскаго. Содержаніе перваго декрета не соотвѣтствовало обѣщанію, потому что относительно нунція Пакка Іосифъ ограничился теперь утвержденіемъ архіепископскаго распоряженія духовенству о возвращеніи назадъ окружнаго посланія, что̀ не касалось его, какъ императора, и кассаціей самаго посланія, что̀, по характеру содержанія послѣдняго, послѣ его опубликованія, въ сущности было безцѣльно. Далѣе, если въ этомъ декретѣ брачныя разрѣшенія обозначаются, какъ „отчасти только свѣтскій предметъ“, такъ что „окружное посланіе не компетентно вторгается въ коронныя права имперскихъ чиновъ“, то это, конечно, отвѣчало австрійско-территоріальнымъ принципамъ, но никакъ не католическому ученію, которое въ этомъ пунктѣ архіепископы не отрицали. Декретъ на имя пфальцскаго курфирста былъ рѣшительнѣе. Имъ приказывалось послѣднему не допускать въ свою страну нунція, облеченнаго правами церковной администраціи, и запретить дюссельдорфскому Робертцу принимать отъ нунція порученія. Но этотъ курфирстъ не былъ расположенъ исполнять такія предписанія. Тотчасъ по полученіи этого декрета имперскаго придворнаго совѣта онъ издалъ (6-го марта 1787 г.) рескриптъ на имя вормсскаго духовенства, которымъ, подъ угрозой лишенія доходовъ, приказалъ вернуть архіепископскому викаріату его распоряженіе о возвращеніи нунцію окружнаго посланія и впредь не принимать никакого распоряженія викаріата, если на него не будетъ Placetum electorale[4]).

7 апрѣля онъ отвѣтилъ и императору: принять нунція въ своей странѣ онъ имѣетъ полное право въ качествѣ государя; такое принятіе также мало противорѣчитъ имперскимъ законамъ, какъ и конкордатамъ. 8-мъ членомъ вестфальскаго мира ему обезпечена полная власть также и въ духовной сферѣ и онъ не знаетъ ни одного имперскаго

[1]) Mejer. I, 107. [2]) Wolf, P. Ph. IV, 263—267. [3]) Ibidem. IV, 267—269.
[4]) Mejer. I, 108—9. Wolf, P. Ph. IV, 237—238.

законодательнаго запрещенія—признавать за нунціемъ неограниченную юрисдикцію. Имперское законодательство не только не идетъ противъ юрисдикціи нунціевъ, а даже утверждаетъ ее; тѣ отдѣльныя опредѣленія, которыя, повидимому, уничтожаютъ ее, должны быть прежде еще законно истолкованы рейхстагомъ. А его коронное право можетъ быть ограничиваемо не декретами имперскаго придворнаго совѣта, а, въ крайнемъ случаѣ, имперскимъ законодательствомъ. Это разъясненіе онъ заключалъ угрозою—округи своихъ земель, доселѣ стоявшихъ въ духовномъ отношеніи подъ юрисдикціей архіепископовъ, отдѣлить отъ епархій послѣднихъ и назначить для нихъ, съ согласія папскаго престола, своихъ туземныхъ епископовъ. На это онъ уполномоченъ въ силу своей advocatiae ecclesiasticae territorialis и ни императоръ, ни имперія не могутъ воспрепятствовать ему сдѣлать изъ вытекающихъ отсюда правъ такое примѣненіе, какое онъ найдетъ полезнымъ для блага своихъ подданныхъ. Сами избирательныя капитуляціи обезпечиваютъ ему пользованіе такимъ правомъ и, наконецъ, онъ самъ могъ бы даже сослаться на примѣръ Е. И. В., который въ своихъ коронныхъ земляхъ закрываетъ старыя епархіи и учреждаетъ новыя, не отвѣчая за это ни предъ какою властью.—Это были тѣ же самые принципы, которыми руководился самъ императоръ въ своей Австріи[1]).

Но въ Мюнхенѣ невозмутимо шли дальше. Уже въ апрѣлѣ вормскій викаріатъ обратился къ императору съ жалобой на назначеніе и для Куръ-Пфальца помощника нунція, подобно дюссельдорфскому, въ лицѣ духовнаго совѣтника Гартлинга въ Гейдельбергѣ. Изъ Зальцбурга также неслись жалобы на административныя церковныя распоряженія нунція. Императоръ ограничился передачею дѣла на дальнѣйшее разсмотрѣніе въ имперскій придворный совѣтъ[2]).

Въ этомъ же году архіепископамъ было нанесено новое оскорбленіе со стороны папскаго двора. Уже за долго до этого времени вошло въ обычай у пфальцскаго двора брать съ духовенства десятину, на это испрашивался каждые 5 лѣтъ папскій индультъ. Такой индультъ былъ данъ папскимъ бреве отъ 6 ноября 1787 г. Карлу Теодору. Это было въ порядкѣ вещей и никто, тѣмъ менѣе епископы не возражали противъ этого. Но на этотъ разъ исполненіе папской буллы было поручено мюнхенскому нунцію, тогда какъ раньше это дѣлали епископы. Изъ римской канцеляріи было дано ему тоже самое полномочіе, которое прежде давалось епископамъ. Ему дана была власть всѣхъ, противящихся сбору десятины, независимо отъ состоянія и званія, подвергать всѣмъ церковнымъ наказаніямъ, даже отлученію, въ случаѣ нужды, лишать должностей и приходовъ и разрѣшать не прежде точнаго исполненія папскаго распоряженія. Чтобы еще чувствительнѣе оскорбить епископовъ, раньше бывшихъ исполнителями подобныхъ буллъ, нунцій разослалъ имъ циркуляры, въ которыхъ извѣщалъ о полученномъ изъ Рима порученіи, съ выраженіемъ надежды на то, что они

[1]) Wolf, P. Ph. IV, 271. Mejer. I, 109. [2]) Mejer. I, 109—110.

своимъ сопротивленіемъ не заставятъ его обратиться за помощью противъ нихъ къ свѣтской власти[1]).

Трирскій и зальцбургскій архіепископы не замедлили энергично протестовать противъ поведенія мюнхенскаго и римскаго дворовъ и придали своему протесту возможную публичность. Оба они находили въ высшей степени опаснымъ уже то обстоятельство, что безъ ихъ спроса и согласія индультъ былъ данъ на 10 лѣтъ, а еще болѣе жаловались на то, что исполнителемъ папской буллы являлся мюнхенскій нунцій. „Этимъ происшествіемъ, — говорилъ трирскій архіепископъ въ своемъ письмѣ къ пфальцбаварскому курфисту, — чувствительнѣйшимъ образомъ оскорбляются всѣ епископскія права и снова потрясаются вольности цѣлой нѣмецкой націи. Не только вопреки всякой практикѣ, а и вопреки всѣмъ каноническимъ и имперскимъ законамъ—чужому, не пользующемуся въ Германіи никакой юрисдикціей епископу осмѣливаться браться за исполненіе столь обременительной папской буллы. Поэтому императору и имперіи невозможно будетъ равнодушно смотрѣть на это, такъ какъ онъ вынужденъ будетъ представить дѣло Е. В., если, вопреки ожиданію, не принесутъ никакой пользы уже сдѣланныя имъ по этому поводу представленія папѣ“[2]). Зальцбургскій архіепископъ обратился къ курфирсту съ письмомъ въ такомъ же родѣ. Курфирстъ отвѣчалъ имъ обоимъ. Завязалась переписка, но она ни къ чему не привела: всѣ протесты архіепископовъ оказались безсильными, императоръ не рѣшился притти къ нимъ на помощь[3]).

Хотя въ пфальцскомъ вопросѣ были заинтересованы и оба другихъ архіепископа и всѣ епископы, епархіи которыхъ простирались на баварскую землю, однако въ переписку съ мюнхенскимъ дворомъ вступили только двое вышеупомянутыхъ архіепископовъ, остальные уклонились отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Причиною уклоненія майнцскаго архіепископа было вступленіе его въ союзъ князей противъ императора и условіе съ папою, составленное при избраніи имъ майнцскаго коадъютора. Вступленіе курфирста въ союзъ князей, образованный прусскимъ королемъ въ видахъ противодѣйствія усиленію австрійскаго императора, не могло вызывать сочувствія ни въ странѣ, привыкшей въ своемъ австрійско-императорскомъ настроеніи видѣть въ протестантской Пруссіи врага, ни въ части капитула. Поэтому для обезпеченія прочной связи Майнца съ союзомъ необходимо было избрать преемникомъ старому, страдавшему водянкою курфирсту человѣка, расположеннаго къ прусскому союзу. Такимъ оказался эрфуртскій штатгальтеръ, Карлъ фонъ Дальбергъ, еще въ ноябрѣ 1785 г. обѣщавшій министру Гертцбергу „всегда исполнять долгъ нѣмецкаго патріота и честнаго человѣка и всегда съ

[1]) Unjustificierliches Betragen d. Herrn Cäsar Zoglio, Nunzius in München. 129 (y Wolf, P. Ph. IV, 273).
[2]) Wolf, P. Ph. IV, 274.
[3]) Ibidem. 274—280. Mejer. I, 116—117.

благодарностью вспоминать, что его сіятельство удостоило его довѣрія и великій король своей милости". Первымъ дѣломъ Дальберга послѣ того, какъ майнцскій курфирстъ согласился на его избраніе, была подпись договора союза князей (9 апр. 1787 г.). Послѣ этого за нимъ были обезпечены голоса и на избраніе въ коадъюторы въ Вормсѣ. Въ промежуткѣ между майнцскимъ рѣшеніемъ и формальнымъ избраніемъ въ коадъюторы, состоявшимся только 5 іюня, нужно было выхлопотать папское разрѣшеніе на избраніе преемника архіепископу раньше открытія вакансіи, вмѣстѣ съ чѣмъ папою была бы дана необходимая для его преемника каноническая институція. Выхлопотать „избирательное бреве" было поручено прусскому дипломату, маркизу Луккезини, отправившемуся въ Римъ уже въ февралѣ, а получить его и, если нужно, дать удостовѣреніе въ правовѣріи Дальберга, было поручено Іоанну Мюллеру, посланному въ Боннъ и прибывшему туда въ срединѣ апрѣля. Ожидали затрудненій, съ одной стороны, въ виду той извѣстности, какой пользовался Дальбергъ по своей связи съ современнымъ либеральнымъ движеніемъ, такъ что къ нему относились съ недовѣріемъ, считали его иллюминатомъ, а съ другой—въ виду положенія, занятаго самимъ архіепископомъ по отношенію къ папѣ. Что Майнцъ посылалъ для засвидѣтельствованія правовѣрія Дальберга протестанта,—конечно, только въ видѣ тайнаго агента,—и что въ Римѣ вели переговоры при содѣйствіи первой протестантской державы—въ то время не вызывало соблазна; эта держава въ имперіи была враждебною императору и надежда на противодѣйствіе ея намѣреніямъ послѣдняго имѣла въ куріи большое значеніе. Къ тому же Пруссія не держалась ничьей стороны въ дѣлѣ эмсскаго конгресса, а объявила себя совершенно нейтральной. Съ римской точки зрѣнія было важно получить обѣщаніе, подъ прусской гарантіей, сдержать поддержанныя императоромъ архіепископскія стремленія, душею которыхъ былъ доселѣ Майнцъ. Въ Вѣнѣ ходилъ въ маѣ 1787 г. слухъ, какъ видно изъ письма Кауница Герзану отъ 18 мая, что Breve Eligibilitatis дано Дальбергу подъ двумя условіями,—чтобы онъ держался союза князей и не примыкалъ къ рѣшенію 4 архіепископовъ на эмсскомъ конгрессѣ. Герзанъ опровергалъ этотъ слухъ. По собраннымъ имъ отовсюду свѣдѣніямъ, на просьбу курфирста о Breve facultativum на избраніе коадъютора папа отвѣтилъ, что, хотя имѣетъ много важныхъ причинъ быть имъ недовольнымъ, однако немедленно соизволяетъ на него; г-ну же коадъютору прямо совѣтуется не раздѣлять новшествъ г.г. архіепископовъ, а о томъ, что онъ долженъ пристать къ союзу князей, не сдѣлано ни малѣйшаго упоминанія[1]). Но Герзанъ доставилъ плохія свѣдѣнія: въ дѣйствительности, папское согласіе было дано только на основаніи формальнаго тайнаго договора, который, хотя и не содержалъ прямаго условія, что Дальбергъ долженъ примкнуть къ союзу князей, но опирался на соглашеніи, что онъ это

[1]) Письмо Герзана Кауницу отъ 4 іюля 1787 г. (Brunner. 163).

сдѣлаетъ. Прямыя условія были поставлены относительно архіепископскихъ стремленій къ реформѣ. Отстать отъ нихъ немедленно Майнцъ не могъ обѣщать, но онъ могъ дать обѣщаніе, какъ желалъ Римъ, подъ тѣмъ условіемъ, если и съ папской стороны можно будетъ разсчитывать на уступки по спорнымъ доселѣ пунктамъ. Курія дала это обѣщаніе и такъ явился договоръ, о содержаніи котораго позднѣе Римъ и Майнцъ были не совсѣмъ одного мнѣнія. По римскому пониманію, Майнцъ обѣщалъ папскому двору искреннюю дружбу и тѣсный союзъ въ тѣхъ видахъ, чтобы дружелюбно прекратить всѣ споры касательно нунціатуръ и эмсской пунктаціи и сохранить въ Германіи римскій авторитетъ и права римскаго престола[1]). Пруссія поручилась, что ни курфирстъ, ни Дальбергъ не будутъ ни содѣйствовать эмсскимъ планамъ, ни поддерживать ихъ и въ этихъ видахъ, до дружественнаго окончанія споровъ, сохранять status quo[2]).

По майнцскому пониманію, было дано обѣщаніе подождать съ проведеніемъ эмсскихъ намѣреній до дружественнаго соглашенія съ римской куріей и выраженіе „сохраненіе status quo“ дѣйствительно было употреблено въ этомъ отношеніи, „однако съ прибавленіемъ, что надѣются, что папа также готовъ подать руки и съ своей стороны сохранить авторитетъ и права германскихъ архіепископовъ и епископовъ“. Также и Пруссія взятую на себя гарантію поставила въ зависимость отъ прямаго условія, „что римскій дворъ не позволитъ себѣ никакихъ дальнѣйшихъ вмѣшательствъ въ епископскія и митрополичьи права германской церкви и именно майнцскаго престола“[3]).

Собственно противорѣчіе едва-ли лежитъ въ этомъ двоякомъ чтеніи, а расходился взглядъ на значеніе того, что было обѣщано съ обѣихъ сторонъ. То, что папа считалъ своимъ правомъ, до времени обезпеченнымъ майнцскимъ обѣщаніемъ, Майнцъ признавалъ прямымъ римскимъ вторженіемъ „въ германскія церковныя права“, отъ котораго папа до времени отказался своимъ обѣщаніемъ.

Сначала поведеніемъ Майнца, повидимому, подтверждалось римское мнѣніе: архіепископъ, которому съ римской стороны было обѣщано, что въ курпфальцской области не будутъ ничѣмъ нарушены его епископскія и архіепископскія полномочія, 15 іюня снова испросилъ для своего вормскаго округа извѣстные папскіе индульты на раздачу бенефицій, просилъ о возобновленіи для Майнца и Вормса 5-ти-лѣтнихъ полномочій и этимъ согласился на поручѐніе кёльнскому нун-

---

[1]) Майнцскій архіепископъ: «Obstrictum esse... ad veram amicitiam, ac unionem cum Aula Romana ineundam, ad omnes discordias, quae in Ecclesia Germanica praesertim circa Nunciaturas, principiaque in congressu Ems stabilita fervent, amice tollendas, ad Auctoritatem pontificiam, Romanaeque sedis Jura in Germania conservanda». [Вѣрительная грамота Лукезини майнцскаго архіепископа отъ 2 мая 1787 г. (,,Responsio Pii papae VI ad Metropolitanos“...., 33)].

[2]) ..... il serenissimo Elettore di Magonza...., come....il di lui Coadjutore Barone di Dahlberg non saranno ne' promotori, ne' fautori delle Convenzioni del congresso di Ems, e con questo stesso conserveranno lo statu quo (Тамъ же. Ibidem. 33).

[3]) Майнцское представленіе прусскому двору. Reuss. Deutsche Staatskanzlei, 22, 369 sq. Münch. 338 (Mejer. I, 115).

цію ставленическаго испытанія Дальберга[1]). Въ этомъ же духѣ былъ прусскій рескриптъ въ маѣ 1787 г., если только онъ не подложенъ, на имя правительства Клеве, въ которомъ бралась подъ защиту юрисдикція мѣстнаго нунція противъ архіепископско-кёльнскихъ претензій.

Во вторую половину 1787 г. и первую 1788 г. со стороны всѣхъ троихъ архіепископовъ не было сдѣлано ни одного публичнаго шага въ ихъ спорномъ дѣлѣ съ Римомъ. По поводу отказа пфальцскаго курфирста подчиниться февральскому декрету имперскаго придворнаго совѣта, послѣдній самъ (17 ноября) представилъ императору отзывъ въ томъ смыслѣ, что онъ-курфирстъ имѣетъ право на свои распоряженія: ему, какъ владѣтельному князю, нельзя запретить допустить въ своихъ владѣніяхъ нунція и съ духовными правами. Только вслѣдствіе настоянія, главнымъ образомъ, кёльнскаго курфирста, этотъ отзывъ по своему содержанію вполнѣ отвѣчавшій ходячимъ въ Вѣнѣ австрійскимъ взглядамъ, не былъ внесенъ въ acta imperii[2]).

Условіе майнцскаго архіепископа съ папою оставалось для остальныхъ архіепископовъ тайною; оно не могло быть сообщено брату императора (кёльнскому архіепископу) уже потому, что было тѣсно связано съ союзомъ князей. Теперь вопросъ былъ въ томъ, возможна-ли при этомъ для него полная солидарность въ дѣйствіяхъ съ остальными архіепископами? По заключеніи условія съ Римомъ, майнцскій курфирстъ вмѣстѣ съ прусскимъ дворомъ занялся выработкой того, къ чему же должно стремиться на почвѣ этого дружественнаго соглашенія: Существующія доселѣ данныя не даютъ возможности съ достовѣрностью рѣшить, какъ скоро въ этомъ отношеніи составили въ Майнцѣ опредѣленный планъ и согласились ли на него въ Берлинѣ тотчасъ и въ какой мѣрѣ, но самый планъ извѣстенъ и состоялъ въ томъ, чтобы перенести вопросъ о нунціатурахъ на рейхстагъ, гдѣ нужно было ждать обсужденія и рѣшенія его въ противномъ папѣ смыслѣ, и указаніемъ на такой исходъ склонить Римъ къ тому, чтобы онъ добровольнымъ уничтоженіемъ духовныхъ правъ нунціевъ предотвратилъ такой неблагопріятный имперскій законъ. Подъ этимъ условіемъ потомъ архіепископы должны будутъ заключить съ Римомъ соглашеніе относительно эмсскихъ пунктовъ, для обсужденія чего папа долженъ послать въ Германію легата. Насколько расположены пожертвовать этими пунктами, относительно этого, повидимому, воздержались отъ рѣшенія,—можетъ быть будутъ довольны измѣненіемъ 5-ти-лѣтнихъ полномочій. До извѣстной границы эти мысли должны были быть обсуждены всѣмъ союзомъ князей, такъ какъ Пруссія (въ ноябрѣ 1788 г.) ссылается на майнцское окружное посланіе по этому поводу (повидимому, отъ 1787 г.). При этомъ случаѣ говорится, что король чрезъ агента Чіофани въ Римѣ и чрезъ посланника графа Брюля въ Мюнхенѣ не разъ убѣждалъ папу послать въ Регенсбургъ легата и дѣлалъ ему представленіе о невозможности въ Герма-

[1]) Planck. II, 447, прим.
[2]) «Responsio Pii p. VI», 21—22. Mejer. I, 110—116.

ніи юрисдикціи нунціевъ; но римскій дворъ, не высказываясь опредѣленно относительно легата, „постоянно настаиваетъ на исполненіи гарантіи мнимаго status quo и на томъ, что архіепископы должны сдѣлать ему предложенія“ [1]).

Въ концѣ января 1788 г. майнцскій курфирстъ обратился къ остальнымъ архіепископамъ съ убѣжденіемъ оставаться твердыми въ своей оппозиціи Риму, онъ же, съ своей стороны, старается чрезъ имперскаго вице-канцлера Коллоредо побудить императора къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ противъ нунціевъ. Императоръ отвѣтилъ на это 5 апрѣля чрезъ князя Коллоредо: пфальцскій курфирстъ не можетъ здѣсь помѣшать ему; пусть майнцскій курфирстъ рѣшитъ, полезно-ли и не помѣшаетъ-ли скорѣе предварительнымъ имперскимъ судебнымъ мѣрамъ противъ нунціевъ перенесеніе дѣла на рейхстагъ. Если онъ ожидаетъ отъ этого благопріятнаго результата, то Е. И. В. готовъ самъ предложить это дѣло на обсужденіе общаго имперскаго собранія, потребовать имперскаго отзыва на qaestiones an et quomodo и т. д. Если майнцскій курфирстъ выскажется противъ, то не признаетъ ли онъ нужнымъ итти къ доброму соглашенію при посредствѣ императора.—Майнцскій курфирстъ не могъ быть за послѣдній путь: императорское посредничество при заключеніи соглашенія лежало внѣ его горизонта, опредѣленнаго римскимъ договоромъ, за то первое предложеніе императора вполнѣ гармонировало съ его мыслями. Въ этомъ смыслѣ онъ написалъ остальнымъ архіепископамъ и они въ концѣ мая и началѣ іюня отвѣтили согласіемъ. Въ Кёльнѣ въ этомъ пунктѣ произошла перемѣна, потому что еще въ началѣ этого года мѣстнымъ министромъ фонъ Вельденфельсомъ въ его сочиненіи противъ шпейерскихъ замѣчаній на „Эмсскій результатъ“ совершенно отрицалась мысль, что многое изъ содержимаго въ послѣднемъ можетъ быть рѣшено только имперскимъ законодательнымъ путемъ [2]). 21 іюня майнцскій курфирстъ сообщилъ своимъ соучастникамъ по спору съ папой, что онъ принялъ императорское предложеніе о перенесеніи въ рейхстагъ дѣла о нунціяхъ, о чемъ написалъ въ этотъ же день имперскому вице-канцлеру. Архіепископъ „признаетъ и цѣнитъ“,—говорилось въ послѣднемъ письмѣ,—„какъ истинный знакъ имперски-отеческой заботливости“ императора то, что „для болѣе полнаго обезпеченія противъ римскихъ нунціевъ сокровища церковной національной свободы“ онъ желаетъ потребовать имперскаго отзыва и путемъ законнаго предусмотрѣнія разъ навсегда помѣшать такому безобразію и теперь, какъ и на будущее время, совершенно предотвратить подобныя претензіи [3]). Но онъ не сказалъ императору, да и остальные его сотоварищи по дѣлу не знали, что онъ хочетъ воспользоваться рейхстагомъ лишь какъ репрессивнымъ средствомъ для расположенія Рима къ добровольному соглашенію.

На это рѣшительное обращеніе къ императору, повидимому, по

[1]) Mejer. I, 117—118.
[2]) Planck. II, 406, пр. [3]) Planck. II, 452 sq. Münch. 337 (Mejer. I, 119).

крайней мѣрѣ, непрямое вліяніе имѣла Пруссія. Въ первыхъ числахъ іюня 1788 г. во время поѣздки короля на Везель папскимъ дворомъ былъ присланъ туда кёльнскій нунцій, чтобы напомнить ему о взятомъ предъ Римомъ поручительствѣ и просить о защитѣ нунціевъ противъ архіепископовъ. Нунцій исполнилъ это приказаніе сообразно съ долгомъ своимъ, но не безъ значительнаго сомнѣнія въ удобствѣ такого требованія по отношенію къ королю, лично принадлежавшему къ числу еретиковъ[1]). Близостью короля не преминуло воспользоваться и майнцское правительство, причемъ оно обращало вниманіе на удобство момента побудить папу послать въ Германію легата для веденія переговоровъ по поводу несогласій между германскою церковью и папскимъ престоломъ, и просило Пруссію снова предложить въ Римѣ такую мѣру; указывало на благопріятность этого момента и для папскихъ интересовъ[2]). Но Пруссія не сдалась на эти желанія[3]). Непосредственно за этимъ Майнцъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ у императора; объ этомъ шла рѣчь, когда вскорѣ послѣ этого (въ іюлѣ 1788 г.) кёльнскій братъ послѣдняго былъ въ Ашаффенбургѣ у своего майнцскаго коллеги[4]). Теперь, дѣйствительно, между Майнцемъ и императоромъ послѣдовало соглашеніе [придворный императорскій декретъ отъ 9-го августа][5]).

Здѣсь императоръ, коснувшись извѣстныхъ споровъ и ранѣе упомянутыхъ обращеній къ нему архіепископовъ, кратко излагаетъ ходъ дѣла, съ упоминаніемъ о пфальцскомъ отказѣ подчиниться имперскому придворному декрету и одновременныхъ вормской и зальцбургской жалобахъ. Такъ какъ теперь онъ убѣжденъ, „что при столь различныхъ взглядахъ въ имперіи на дѣло нунціатуръ на будущее время нельзя придумать лучшаго средства, чѣмъ имперскій законъ“, на что̀ прямо указалъ и пфальцскій курфирстъ, „и всѣ г-да нѣмецкіе архіепископы теперь также всеподданѣйше высказали Е. И. В. свое единодушное желаніе, чтобы дѣло было передано общему рейхстагу“, то императоръ самъ предлагаетъ „этотъ предметъ“ рейхстагу и требуетъ сообразнаго съ дѣломъ отзыва, чтобы потомъ ему была тѣмъ бо́льшая возможность сдѣлать нужныя распоряженія“.

22 авг. 1788 г. этотъ императорскій декретъ былъ переданъ рейхстагу и теперь предстояло обсудить дѣло тамъ. Для этого должно было предварительно предложить его на обсужденіе майнцскому курфирсту въ коллегіи князей, Австріи или Зальцбургу въ совѣтѣ князей, Регенсбургу въ коллегіи городовъ. Но до этого дѣло не дошло, обсужденіе ограничилось предварительными разсужденіями. Кёльнъ и Зальцбургъ подали промеморіи противъ нунціатуръ, въ которыхъ по-

[1]) Pacca, Memorie, 89 sq., 93. Король отвѣтилъ общими сдержанными благожеланіями (Mejer. I, 120).

[2]) Planck. II, 453, пр. Опредѣленіе времени въ майнцской нотѣ отъ 3 ноября. [Münch. 239 (Ibidem. 120)].

[3]) Тамъ же, въ упомянутой нотѣ (Ibidem. 120).

[4]) Münch. 340 (Ibidem. 120).

[5]) Planck. II, 454. Münch. 331, 334 (Ibidem. 120).

вторяли свои старыя положенія съ болѣе подробнымъ обоснованіемъ. Пфальцскій курфирстъ представилъ въ коллегію курфирстовъ объясненіе, въ которомъ высказался не противъ мирнаго окончанія дѣла, а противъ Кёльна и Зальцбурга подалъ промеморію, въ которой доказывалъ, что этотъ вопросъ не можетъ быть предметомъ обсужденія на рейхстагѣ, и грозилъ учрежденіемъ самостоятельныхъ епархій, если не восторжествуютъ, вопреки лучшимъ ожиданіямъ, „голосъ истины и религіи, святость имперскихъ законовъ, честь націи, поставленное на карту спокойствіе отечества, права и привиллегіи нѣмецкихъ князей“ [1]). Все это было еще въ августѣ и сентябрѣ 1788 г. 1 октября майнцскій курфирстъ разослалъ остальнымъ духовнымъ имперскимъ чинамъ пространное посланіе, въ которомъ еще разъ излагалъ положеніе дѣла и право архіепископскихъ протестовъ и въ заключеніе сообщалъ, что онъ хочетъ теперь попытать предложенный императоромъ, баварскимъ курфирстомъ, а теперь и рейхстагомъ „путь дружественнаго соглашенія съ Римомъ“ и въ этомъ смыслѣ написать папѣ. А если здѣсь онъ ничего не достигнетъ, то формально предложитъ это дѣло на рейхстагѣ [2]). Такимъ образомъ, для проведенія своего вышеупомянутаго плана онъ воспользовался полномочіями своего предсѣдательства въ рейхстагѣ. На рейхстагѣ было сдѣлано достаточно для того, чтобы имъ можно было воспользоваться въ качествѣ пугала при переговорахъ съ римской куріей для побужденія ея къ добровольному отступленію. Теперь оставалось приступить къ этому. Но для этого Майнцу нужна была помощь Пруссіи.

Въ концѣ октября и первыхъ числахъ ноября курфирстъ сдѣлалъ въ Берлинѣ представленіе, что, по сдѣланному съ майнцкой точки зрѣнія краткому перечню событій, нарушено условіе принятой на себя Пруссіей гарантіи въ Римѣ, именно—что и папа не сдѣлаетъ никакихъ шаговъ, нарушающихъ архіепископскія права, потому что такіе шаги имъ сдѣланы. Слѣдовательно, Пруссія теперь свободна. Теперь курфирстъ хочетъ написать папѣ и потребовать отъ него, чтобы онъ добровольнымъ упраздненіемъ нунціатуръ открылъ путь къ мирному соглашенію относительно Эмсскихъ пунктовъ. Если Пруссія придастъ въ Римѣ значеніе тому, что на рейхстагѣ большинство голосовъ противъ нунціатуръ, и король будетъ противъ, то папа уступитъ. Поэтому Пруссію просятъ о двухъ вещахъ: во первыхъ, чтобы она на рейхстагѣ высказалась противъ нунціатуръ, но не той или другой въ частности, а принципіально; во вторыхъ, чтобы она обѣщала свое ходатайство предъ папою; между тѣмъ послѣднее должно быть втайнѣ, такъ какъ иначе Кёльнъ обратиться за такимъ ходатайствомъ къ императору. Только окончательнымъ заявленіемъ Пруссіи трирскій и кёльнскій курфирсты могутъ быть побуждены къ рѣшительному шагу, но самъ майнцскій курфирстъ не можетъ приступить къ дѣйствіямъ прежде, чѣмъ узнаетъ навѣрное, на что

[1]) Plank. II, 454 sq. Pacca. Memorie, 102 (Mejer. I, 122). Wolf, P. Ph. IV, 286—296.
[2]) Gesch. d. Nuntiaturen Deutschlands. 255 (Mejer. I, 122).

онъ можетъ расчитывать со стороны Пруссіи въ неожиданномъ случаѣ упорства папы[1]). Пруссія раньше признала юрисдикцію кёльнскаго нунція для своихъ нижнерейнскихъ протестантскихъ земель и по поводу упомянутаго майнцкаго окружнаго посланія относительно подачи голосовъ на рейхстагѣ противъ нунціевъ высказалась только съ оговоркой,—настоящее майнцское требованіе отчасти относилось сюда. На это Пруссія заявила[2]), что она готова высказаться вообще за отмѣну нунціатуръ и особенно относительно кёльнской такъ выразиться, что „относительно дальнѣйшаго можно установить соглашеніе съ майнцскимъ и кёльнскимъ курфирстами". Что касается второй просьбы, то всего логичнѣе будетъ „написать папѣ ясно и опредѣленно, что̀ могутъ и желаютъ сдѣлать архіепископы относительно соглашенія"; при этомъ потребовать, чтобы для переговоровъ объ этомъ папа немедленно прислалъ въ Германію легата и заявить, что, въ противномъ случаѣ, архіепископы не могутъ не принести своихъ жалобъ рейхстагу, отъ котораго, по положенію дѣла, римскому престолу нужно ждать неблагопріятнаго рѣшенія. Такое посланіе король готовъ поддержать предъ римскимъ дворомъ самымъ энергичнымъ представленіемъ, а также сохранить тайну этого посредничества, котораго онъ, впрочемъ, не ищетъ. Такимъ образомъ, король обѣщалъ свое содѣйствіе только подъ условіемъ точной формулировки архіепископскихъ предложеній соглашенія[3]).

Почти одновременно съ берлинскимъ отвѣтомъ майнцскій архіепископъ получилъ отвѣтъ епископа Пассау на свое письмо отъ 1 октября[4]). Епископъ, въ общемъ державшійся одной съ архіепископами фебронієвской почвы, не отрицалъ того, что вслѣдствіе односторонняго доселѣ поведенія архіепископовъ среди епископовъ возникло недовѣріе. Онъ не вполнѣ довѣряетъ рейхстагу; по этому думаетъ, что „нѣмецкіе епископы могутъ надѣяться на лучшую судьбу при посредствѣ добраго соглашенія", и присоединяется поэтому къ майнцскому предложенію, „что прежде всего нужно обратиться къ папѣ съ сильнымъ представленіемъ" и такимъ образомъ открыть путь мирныхъ переговоровъ. Если папа вступитъ на него, то уже нельзя будетъ вести дѣло на имѣющемся базисѣ, а нужно установить соглашеніе по обсуждаемымъ предметамъ между всѣми нѣмецкими епископами и свѣтскими имперскими князьями. Если же папа не согласится на переговоры, то, до принятія дальнѣйшихъ мѣръ, нужно составить съѣздъ всѣхъ епископовъ Германіи чрезъ депутатовъ и на немъ рѣшить, что̀ и какъ дѣлать[5]).

1 декабря курфирстъ написалъ папѣ, около этого же времени обратились къ послѣднему съ подобными письмами остальные архіепископы. Курфирстъ кратко излагалъ ходъ спора о нунціяхъ, не упомянувъ прямо

[1]) Reuss. D. Staatskanzlei, 22, 360 sq. Münch. 338 sq. (Mejer. I, 123).
[2]) Письмомъ отъ 4 ноября. [Münch. 358 sq. (Mejer. I, 123)].
[3]) Mejer. I, 117—124.
[4]) Письмо отъ 1 ноября. [Kopp. Kath. Kirche im XIX Jahrhund., 39 sq. (Mejer. I, 124)].
[5]) Mejer. I, 124.

эмсскихъ постановленій. Дѣло перенесено на рейхстагъ, по побужденію пфальцскаго курфирста, причемъ архіепископы только дали свое согласіе, хотя и безъ затрудненій. Но здѣсь съ увѣренностью нужно ждать имперскаго закона противъ нунціевъ. Разъ на рейхстагѣ поднимется вопросъ о нунціяхъ, онъ и другіе имперскіе духовные чины сочтутъ своимъ долгомъ поднять и другія старыя жалобы на аннаты, плату за палліумъ, резерваціи и т. п., и вопросъ о самомъ Ашаффенбургскомъ конкордатѣ, какъ главномъ предметѣ жалобъ, и искать устраненія ихъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, спрашиваютъ и просятъ папу, не пожелаетъ-ли онъ кончить споръ другимъ образомъ, съ честью для своего престола, если по собственному побужденію отмѣнитъ вызывающія жалобы права нунціевъ и относительно остальныхъ пунктовъ жалобъ серьезно протянетъ руку къ примиренію съ императоромъ и имперіей[1]). Итакъ архіепископъ написалъ не въ предложенномъ ему Пруссіей смыслѣ, а воздержался отъ точной формулировки своихъ требованій, что̀ единственно и возможно было для него въ виду епископскаго настроенія, выраженнаго епископомъ Пассау. Поэтому трудно было ждать отъ Пруссіи поддержки въ Римѣ.

Римъ заставилъ ждать отвѣта цѣлый годъ. Несомнѣнно, въ куріи скоро узнали, что докладъ о рейхстагѣ былъ не вполнѣ точенъ.

Между тѣмъ въ ожиданіи отвѣта майнцскій архіепископъ по своей епархіи дѣлалъ распоряженія, можетъ быть, также имѣвшія цѣлью репрессивно подѣйствовать на папу. Такъ, въ маѣ 1789 г. онъ закрылъ, не испросивъ папскаго дозволенія, доминиканскій монастырь въ городѣ Майнцѣ и обратилъ его въ учрежденіе для пенсіонеровъ. 18 іюля 1789 г. онъ издалъ распоряженіе готовиться къ имѣющему быть созваннымъ вскорѣ епархіальному собору для обсужденія улучшенія церковнаго порядка; догматовъ и нравственныхъ принциповъ въ церковныхъ законахъ не должно касаться, а все остальное должно быть примѣнено къ потребностямъ и пользѣ стада господня. Начальники капитуловъ, деканы, настоятели монастырей и священники приглашались подавать проекты исправленій. Кое-что изъ этихъ подготовительныхъ работъ было сдѣлано, но самый соборъ не состоялся[2]).

Какъ и слѣдовало ожидать, въ виду отсутствія единства между архіепископами и епископами и самими даже архіепископами, папа отвергъ протянутую ему архіепископами руку примиренія своимъ отвѣтомъ на ихъ обращеніе къ нему. Этотъ отвѣтъ явился въ формѣ breve отъ 14 ноября 1789 г. подъ заглавіемъ: «Sanctissimi Domini nostri Pii Papae sexti Responsio ad Metropolitanos Moguntinum, Trevirensem, Coloniensem et Salisburgensem super Nuntiaturis apostolicis. Romae 1789“ и обнимаетъ собою [по второму (1790 г.) изданію] 336 стр. in 4° большаго формата.

Въ немъ папа обстоятельно разбиралъ всѣ общія и частныя жалобы архіепископовъ по поводу возникшаго въ Германіи спора о нун-

[1]) Mejer. I, 124—125. [2]) Ibidem. I, 125—126.

ціяхъ, который называлъ «absurda, indecora, injuriae plena et cum summa injustitia conjucta»[1]). Написанъ отвѣтъ со всѣмъ арсеналомъ куріальной учености. Матеріалъ былъ доставленъ бывшимъ вѣнскимъ нунціемъ, кардиналомъ Гарампи, эксъ-іезуитомъ Франпомъ Антономъ Заккаріа и отчасти Пакка. Обработка его была поручена Піемъ VI кардиналу Кампанелли, который пользовался услугами молодаго римскаго юриста Смита[2]). Написанъ отвѣтъ крайне рѣзко, съ сознаніемъ силы, по мѣстамъ даже дерзко и оскорбительно для архіепископовъ. Папа ни на іоту не уступилъ архіепископамъ, назвавъ самую просьбу ихъ, поданную на его имя въ декабрѣ 1788 г. «absona (justitiae?), et repugnans, et absurda»[3]). Всѣ ихъ жалобы, по его разбору, оказались неосновательными: ни епископскія ни архіепископскія права ихъ нисколько не нарушены, напротивъ, всѣ ихъ жалобы представляются вторженіемъ въ папскія верховныя права[4]). Въ заключеніе своего отвѣта онъ прямо отказывался отъ предложеннаго ему архіепископами соглашенія, требуя вмѣсто того безусловнаго подчиненія: „Nos, vener. fratres,—писалъ онъ въ концѣ,—Comitia adire non possumus, nec debemus, neque extraordinarium legatum mittere, ne apostolicam sedem judici incompetenti subjiciamus: verum nullatenus abdicare valemus nunciaturarum jura cum primatu a Deo Nobis concredito colligata et conjuncta. Agnoscite ergo, uti vos decet, hujusmodi apostolica jura et si qui in exercitio facultatum Nunciorum irrepserunt abusus Nobis ignoti, referte illos ad Nos aut per litteras, aut per vestros negotiorum gestores, quemadmodum toties vestri majores praestiterunt“[5]).

Излагать подробно содержаніе «Responsio» и доказательства папы мы не будемъ, потому что въ нихъ нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго.

На помощь папѣ въ борьбѣ съ архіепископами пришли французская революція со всѣми ея ужасами и смерть Іосифа II. Триръ сдался первымъ, за нимъ Кёльнъ и Зальцбургъ, послѣдній, повидимому, безъ большихъ колебаній. Дольше всѣхъ сопротивлялся майнцскій курфирстъ. Въ избирательныхъ капитуляціяхъ 1790 и 1792 г.г., несмотря на все удобство случая, эмсскія идеи нашли себѣ не полное выраженіе, да некому было проводить и то, что было сдѣлано: общественные интересы приняли другое направленіе[6]).

[1]) Responsio, 5. [2]) Mejer. I, 125.
[3]) Responsio. I. [4]) Ibidem. 169. [5]) Responsio, 336.
[6]) Mejer. I, 127—136. Brunner. 200, 227—228.

Глава VI.

Итоги церковной реформы Іосифа II.

Неудача реформы Іосифа.—Различные взгляды ученыхъ на его реформу.—Итоги церковной реформы.—Причина неудачи реформы.—Матеріальный и духовный прогрессъ Австріи за время царствованія Іосифа и историческое значеніе его преобразованій.

Самостоятельное правленіе Іосифа II продолжалось менѣе 10 лѣтъ. 20 февр. 1790 г. онъ смежилъ свои уставшія очи, сломленный продолжительной болѣзнью и удрученный неудачами. На его долю не выпало даже не большого счастья—умереть, не увидѣвъ, по крайней мѣрѣ, паденія зданія, которое онъ громоздилъ всю жизнь съ увлеченіемъ до самозабвенія, до пожертвованія ему всѣмъ. Еще въ іюнѣ 1789 г. Іосифъ, встрѣтившись въ ляксенбургскомъ саду съ однимъ итальянскимъ аббатомъ, извѣстнымъ ему за хорошаго поэта, заказалъ ему для себя эпитафію на тему: „Здѣсь лежитъ государь, который при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ не могъ отстоять ни одного своего плана“[1]). 18 февр. 1790 г., когда была увезена изъ Вѣны венгерская корона, онъ сказалъ: „Теперь я вижу, что Всемогущій еще при моей жизни разрушаетъ всѣ мои дѣла“[2]).

Дѣйствительно, какъ мы видѣли, ему пришлось самому отмѣнять свои преобразованія и папа, на основаніи всѣмъ извѣстныхъ распоряженій императора, могъ сказать въ консисторіи по поводу его смерти, что тронутый неудачей въ войнѣ съ турками и болѣзнью, Іосифъ воззвалъ, какъ блудный сынъ къ небесному Отцу, хотѣлъ взять назадъ свои распоряженія во вредъ религіи и св. престолу, отчасти и сдѣлалъ это, но преждевременная смерть не дала ему возможности довести дѣло до конца, предоставивъ это его преемнику[3]). Вспоминая о смерти Іосифа II въ другой разъ, въ консисторіи по поводу смерти Леопольда II, папа заявилъ, что Іосифъ II сознался ему откровенно, что ошибался въ своихъ распоряженіяхъ, особенно касательно религіи, нѣкоторыя изъ нихъ отмѣнилъ и готовъ былъ еще больше отмѣнить, если бы смерть дала ему на это время[4]).

[1]) Wendrinsky. 365. [2]) Ibidem. 367. [3]) Письмо Гервана къ Кауницу отъ 23 іюня 1790 г. (Brunner. 210) [4]) Тоже отъ 23 іюня 1792 г. (Ibidem. 229).

Оставляя на совѣсти папы его заявленіе о признаніи ему Іосифа лично въ ошибочности своихъ взглядовъ, мы не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что такое признаніе императора стоитъ въ рѣзкомъ диссонансѣ со всѣмъ, извѣстнымъ намъ объ императорѣ до послѣднихъ минутъ его жизни включительно.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ горькія предсмертныя минуты для императора служило сознаніе исполненнаго долга. Уже умирая, онъ произнесъ: „Я думаю, что исполнилъ свой долгъ, какъ человѣкъ и государь!“[1]).

Своей реформой Іосифъ II до такой степени возстановилъ противъ себя имперію, что въ его смерти многіе видѣли спасеніе страны. При извѣстіи объ его смерти Кауницъ воскликнулъ: «Il a fort bien fait!» („Онъ очень хорошо сдѣлалъ!“). Адамъ Вольфъ, приведя эти слова, прибавляетъ: „какъ канцлеръ, такъ и другіе выдающіеся и честные государственные люди были убѣждены, что спасеніе монархіи зависитъ отъ паденія Іосифовской системы“[2]).

Широкая, разносторонняя реформа Іосифа II не только встрѣтила страстный протестъ у современниковъ, но и у позднѣйшихъ историковъ часто обсуждается съ партійнымъ пристрастіемъ. „Ни одинъ государь новѣйшаго времени,—говоритъ Гроссъ-Гоффингеръ,—не привлекалъ въ такой высокой степени вниманія историковъ, но ни одного чаще не признавали, ни объ одномъ неправильнѣе не судили, ни одного несправедливѣе не порицали“[3]).

Не говоря уже о такихъ крайне ультрамонтанскихъ писателяхъ, какъ, напр., Бруннеръ, Тейнеръ и Брюккъ, не видящихъ во всей реформѣ Іосифа II ни одного свѣтлаго штриха, его правленіе рѣзко осуждается От. Лоренцомъ[4]), Гормайеромъ[5]) и Ад. Вольфомъ[6]). Но большинство изслѣдователей эпохи Іосифа II склоняются къ благопріятному взгляду на его реформу и разнятся между собою только тѣмъ, что одни, напр., Гроссъ-Гоффингеръ, П. Ф. Вольфъ, Мейнертъ, Рамсгорнъ слишкомъ увлекаются и превозносятъ Іосифа II, тогда какъ другіе, напр., Арнетъ, Блоккъ, Борьби, Вальхъ, Вендринскій, Адамъ и Жерсонъ Вольфы, Домъ, Егеръ, Кронесъ, Майлатъ, Мейеръ, Мюллеръ, Николаи, Ранке, Риль и Рейнёль, Франкъ, Фридбергъ, Керештези[7]), Фракной[8]), Іелленцъ[9]), Пелитцъ[10]), Рёмеръ[11]), Роттекъ[12]), Шнеллеръ[13]), Трачевскій указываютъ не мало и тѣневыхъ сторонъ на общемъ свѣтломъ фонѣ.

При вступленіи на престолъ Іосифа II въ качествѣ самостоятельнаго государя Австрія продолжала жить средневѣковой жизнью. При свѣтѣ новыхъ идей императоръ видѣлъ ея отсталость и причи-

---

[1]) Ramshorn. 507. [2]) Wolf, Ad. Marie Christine. Wien. 1863. II, 48 (Brunner. 205, прим.). [3]) L. c., 604. [4]) Joseph II und d. belgische Revolution Wien. 1862. 60 (Brunner. 225—526).

[5]) Oester. Plutarch. 2 Bdchen. Biographie Joseph II (Gross-Hoffinger, 608-614). [6]) Marie Christine. Wien. 1863. II, 44 (Brunner. 531). [7]) Krones. 46—47. [8]) „Szá zadok“. „Hist. Zeitschrift“. 1878). [Wendrinsky, 301—305]. [9]) Wendrinsky, 376. [10]) Ibidem. 375—376. [11]) Ibidem. 376. [12]) Gross-Hoffinger. 615—618. [13]) Ibidem. 618—624.

ны послѣдней. Проникнутый безкорыстной, беззавѣтной любовью къ родинѣ и одушевленный великой и благородной мыслью—сдѣлать счастливымъ свой народъ, Іосифъ рѣшилъ вывести Австрію на путь современной цивилизаціи и изъ разноплеменной имперіи съ множествомъ національныхъ и сословныхъ привиллегій, съ разнообразнымъ строемъ государственной жизни и законодательствомъ создать одно цѣльное, прочное просвѣщенное государство съ одинаковыми правительственными учрежденіями, законами, даже языкомъ. Къ осуществленію этой цѣли и была направлена вся гражданская и церковная реформы императора.

Стремленіе къ централизаціи, усиленію государственной власти на счетъ національныхъ и сословныхъ привиллегій было въ духѣ половины XVIII столѣтія. Если гдѣ, то въ Австріи эти идеи должны были въ представителяхъ государственной власти встрѣтить особенное сочувствіе. Эта тенденція къ централизаціи въ Австріи впервые замѣтно выступаетъ при Маріи-Терезіи, но нерѣшительно, робкими шагами. Если въ гражданской сферѣ эта нерѣшительность объяснялась политикой, то въ отношеніяхъ къ церкви она обусловливалась еще характеромъ и настроеніемъ императрицы, ея благоговѣніемъ не только предъ католической вѣрой, но и предъ католической іерархіей. Іосифъ былъ весь проникнутъ идеей централизаціи, ею окрашена вся его реформа какъ гражданская, такъ и церковная. И онъ шелъ къ поставленной самимъ себѣ задачѣ прямолинейно, не обращая вниманія ни на какія національныя и сословныя права[1]), особенности и привиллегіи, постоянно сталкиваясь съ протестами и до послѣдней крайности не уступая имъ, дѣлая все своей собственной властью.

Устраненіе безпорядковъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій вкравшихся въ церковную жизнь и вызывавшихъ столько справедливыхъ и горячихъ жалобъ, реформа церкви органически тѣсно была связана съ общегосударственной реформой. Суевѣрный, невѣжественный народъ, руководимый не менѣе невѣжественнымъ, фанатичнымъ духовенствомъ, строющимъ свое благополучіе на народной темнотѣ, не способенъ къ прогрессу и нравственной жизни: его удѣлъ—полный духовно-нравственный застой, инертное прозябаніе и враждебное даже настроеніе ко всякимъ попыткамъ разогнать духовный мракъ лучами просвѣщенія. Такой народъ всегда останется на ступени жалкаго младенчества, какъ показываютъ историческіе примѣры Италіи и Испаніи. Чтобы не сѣять на камнѣ, Іосифъ II считалъ необходимымъ просвѣтить народъ, а для этого преобразовать церковь. И онъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ своемъ правѣ въ качествѣ „tutor supremus et canonum custos“[2]) преобразовать церковь не только безъ ея согласія, но и не предувѣдомивши ея высшую признанную власть. Изъ церкви, подчиненной Риму, пред-

[1]) Хотя императоръ даже письменно высказывалъ, что должно уважать въ націяхъ предразсудки, каковы бы они ни были („Points de réflexions au sujet de l'Archiduc François“. Arneth. Joseph II und Leopold. I, 348), но только подъ конецъ жизни, сломленный неустанной борьбой съ протестами, пришелъ къ сознанію невозможности подвести подъ одну мѣрку пониманіе и мысль людей (Meynert. 75).

[2]) Резолюція Іосифа II на докладѣ духовной комиссіи 4 сент. 1782 г. (Brunner. 425).

ставлявшей собою государство въ государствѣ, Іосифъ хотѣлъ создать австрійскую національную церковь, независимую отъ Рима, подчиненную государству и служащую ему. Не касаясь зданія церкви, ея догматовъ, онъ думалъ, что можетъ обойтись и безъ обращенія къ ней въ лицѣ папы и епископовъ.

Но здѣсь-то и лежала коренная ошибка со стороны императора, вызвавшая неудачу и всей его церковной реформы. Онъ переступилъ границы „tutor supremus et canonum custos“ и выступилъ въ церкви въ роли полнаго хозяина, распредѣляя епархіи, закрывая монастыри, отбирая церковныя имѣнія, взявъ въ свои руки образованіе духовенства и издавая даже богослужебныя распоряженія. Этимъ онъ ниспровергъ вѣками установившійся правовой порядокъ.

Единственнымъ оправданіемъ для Іосифа служитъ его убѣжденіе въ томъ, что иначе ничего нельзя было добиться въ церковной сферѣ. Бруннеръ находитъ, что часто повторяющееся мнѣніе, будто императоръ долженъ былъ энергично взяться за церковную реформу, такъ какъ дѣло не могло долѣе оставаться въ такомъ положеніи, а въ Римѣ не были склонны къ измѣненію существующаго, опровергается документально. Папа Пій VI былъ человѣкомъ очень уступчивымъ и склоннымъ къ примиренію, онъ подалъ бы руку ко всѣмъ преобразованіямъ на церковной почвѣ, которыя нашли бы для себя каноническое основаніе[1]). Но уступчивость Пія VI существуетъ больше въ воображеніи Бруннера, чѣмъ въ дѣйствительности. Къ тому же, личное настроеніе папы не могло имѣть большаго значенія въ такомъ важномъ дѣлѣ, все зависѣло отъ коллегіи кардиналовъ, всегда вѣрной римскимъ традиціямъ, а „каноническое основаніе“, по пониманію папы, имѣетъ слишкомъ широкій объемъ, такъ что, если бы Іосифъ въ своей церковно-преобразовательной дѣятельности ограничился отводимой ему Бруннеромъ сферой, его реформа оказалась бы слишкомъ микроскопической и не могла бы даже серьезно носить этого имени: для коренной церковной реформы, какъ показываетъ многовѣковая исторія, папы никогда не находили „каноническаго основанія“; въ крайнихъ случаяхъ уступая требованіямъ времени, они всегда ограничивались несущественными измѣненіями.—Что касается епископовъ, то Іосифъ не только не ждалъ никакой пользы для дѣла церковной реформы отъ національнаго собора, но даже боялся его по неподготовленности епископовъ къ желательному для императора преобразованію церкви[2]). Созданіе національной германской церкви, какъ показала исторія эмсскаго конгресса, было въ интересахъ однихъ архіепископовъ, потому что для епископовъ отдаленное римское начальство легче близкаго, а подчиненіе церкви государству было невыгоднымъ ни для тѣхъ, ни для другихъ. Австрійской іерархіи, по духу административной дѣятельности императора, не трудно было предвидѣть, что, избавившись отъ власти Рима, она подпадетъ подъ власть Вѣны, а вѣнскія оковы обѣ-

[1]) 12. [2]) Выше. 353.

щали быть тяжелѣе римскихъ. Поэтому Іосифъ не могъ надѣяться на поддержку своей церковной реформы съ этой стороны.

Но совершѣнно ошибочно нѣкоторые изслѣдователи, въ виду церковной реформы императора, считаютъ его энциклопедистомъ, въ лучшемъ случаѣ, индифферентнымъ къ католической вѣрѣ, а въ худшемъ и прямо атеистомъ. Онъ былъ и остался добрымъ католикомъ, нелицемѣрно проникнутый отвращеніемъ къ тому направленію своего времени, которое, ослѣпленное блестками остроумія, направляло жало остроты противъ высшаго, къ холодной, ничего не доказывающей и ничего не опровергающей насмѣшкѣ. Поэтому-то онъ заботился о томъ, чтобы подобные взгляды не были распространяемы среди народа посредствомъ иностранной литературы,—такъ, напр., запретилъ переводъ сочиненій Вольтера[1]), а также строго запрещалъ и преслѣдовалъ и другія книги, противныя религіи[2]). Что императоръ не былъ презрителемъ вѣры, а старался только поднять ее и очистить, видно, между прочимъ, изъ его распоряженія 1786 г., въ силу котораго смѣющіеся надъ религіей должны быть запираемы въ сумасшедшіе дома. И совѣтники Іосифа, именно члены государственнаго совѣта, совсѣмъ не были раздраженными радикалами, или невѣрующими въ вульгарномъ смыслѣ слова, хотя и были, бо́льшей частью, людьми свободномыслящими. Императоръ во многихъ случаяхъ при рѣшеніи склонялся къ благочестивой партіи государственнаго совѣта, которая, впрочемъ, была свободна отъ всякаго ханжества[3]). „Религія,—говоритъ Мейнертъ,—стояла въ его глазахъ слишкомъ высоко, чтобы онъ смотрѣлъ на нее лишь какъ на административное средство; никогда не унижалъ онъ ее до служенія мірскимъ цѣлямъ, до ширмы чуждыхъ ей цѣлей и даже та случайная оппозиція, которую онъ обнаруживалъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, была связана у него съ мыслью принести религіи пользу и обезпечить ея истинамъ общее признаніе. Онъ уважалъ священный санъ и здѣсь думалъ ограниченіями, которымъ отчасти подвергъ его, содѣйствовать его истинному призванію вмѣсто того, чтобы умалять. Предъ высокимъ образомъ христіанской добродѣтели вообще у него исчезали вѣроисповѣдныя различія, но при всемъ томъ по своей вѣрѣ и своимъ религіознымъ взглядамъ онъ былъ спеціально католикомъ и кто желалъ бы предположить въ немъ религіозный индифферентизмъ, крайне ошибся бы. Въ основаніи облегченій, сдѣланныхъ имъ для некатолическихъ вѣроисповѣданій, лежало у него,—это онъ не разъ ясно и опредѣленно высказывалъ въ своихъ резолюціяхъ,—вмѣстѣ съ гуманной цѣлью и политической необходимостью предположеніе, что свободнымъ выборомъ и освобожденіемъ отъ всякаго давленія некатолики тѣмъ вѣрнѣе будутъ возвращены въ лоно католической церкви, которая для него имѣла значеніе и именно въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ дѣйствительно, какъ „единоспасающая“ и къ которой онъ самъ не разъ прилагалъ это имя. Его вѣротерпимость

[1]) Meynert. 30—31.
[2]) Ibidem. 74—75. [3]) Wendrinsky. 209.

не заходила и такъ далеко, чтобы дозволить распаденіе на безчисленныя религіозныя партіи; только разъ признаннымъ главнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ онъ гарантировалъ охрану и права, но сектанство преслѣдовалъ съ неумолимой строгостью и поэтому ему принадлежитъ высокая заслуга—въ то время, когда это было всего труднѣе, спасти еще столько церковнаго единства, сколько было возможно. Онъ давалъ достаточно простору выбору собственнаго свободнаго убѣжденія, но безъ снисхожденія наказывалъ за намѣренное совращеніе отъ господствующей вѣры, такъ что удержалъ даже награды за открытіе религіозныхъ соблазнителей. Онъ уменьшилъ количество монастырей, но вслѣдствіе своей практичности уничтожилъ только тѣ, которые вели исключительно созерцательную жизнь, тѣ же монастырскія общины, которыя стояли на практической почвѣ учеными занятіями, обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей, уходомъ за больными, обработкой земли и другими общеполезными занятіями, оставилъ неприкосновенными. При приведеніи въ исполненіе изданныхъ распоряженій, особенно относительно закрытія монастырей, онъ часто сдерживалъ неумѣренное усердіе исполнительныхъ органовъ, и убѣждалъ къ умѣренности, что̀ же при этомъ случалось крайне поспѣшнаго и безпощаднаго, поэтому падаетъ не на его счетъ“ [1]).

Въ смыслѣ подчиненія церкви государству Іосифомъ было сдѣлано не мало. Вліяніе папы на австрійскую католическую церковь было въ значительной мѣрѣ ослаблено, вслѣдствіе установленія placetum regium для всѣхъ папскихъ breve, буллъ, указовъ и т. п., прекращенія непосредственныхъ сношеній монастырей съ иноземными генералами, запрещенія обращаться къ папѣ за разрѣшеніемъ брачныхъ препятствій, монастырской и школьной реформъ. Но полной эмансипаціи отъ Рима и созданія національной церкви, служащей государству, Іосифу II не удалось добиться. И то, что̀ было сдѣлано имъ, вызвало такую ожесточенную оппозицію, что послѣ его смерти было отмѣнено его преемниками. Но патентъ о вѣротерпимости не былъ отмѣненъ. Поминки въ Ветцларѣ, резиденціи императорскаго рейхскаммергерихта, соединившія католиковъ, лютеранъ и реформатовъ съ ихъ духовенствомъ 26-го марта въ францисканской церкви, а 28-го въ лютеранской, были данью благоговѣнія къ почившему монарху[2]).

Преемникъ Іосифа II на престолѣ, Леопольдъ II на петицію богемскихъ чиновъ о смягченіи отдѣльныхъ законовъ о вѣротерпимости заявилъ, что какъ во всѣхъ остальныхъ нѣмецкихъ земляхъ, такъ и въ королевствѣ Богеміи вѣротерпимость вообще остается in statu quo и чины должны заботиться о сохраненіи спокойствія и мира между послѣдователями различныхъ вѣроисповѣданій и объ устраненіи тѣхъ раздоровъ, которые въ древности принесли королевству столько несчастій[3]). Законъ о вѣротерпимости не можетъ быть принятъ только въ качествѣ постояннаго, сообразнаго съ конституціей закона, потому что, по устройству страны, одна католическая вѣра—господствующая

[1]) Meynert. 23—25. [2]) Frank. 148. [3]) Hofdecret v. 21 October 1790. (Frank. 148).

и только по терпимости дозволяется теперь некатоликамъ отправлять свое богослуженіе. Но всякая терпимость зависитъ только отъ благоусмотрѣнія законодателями, насколько онъ желаетъ ее оставить[1]).

Протестантскія консисторіи были утверждены; 18 апр. 1790 г. говорились вѣрноподданическія и благодарственныя проповѣди[2]).

Что положеніе некатоликовъ со смертью Іосифа II не измѣнилось, видно: 1) изъ запрещенія въ 1794 г. очень обидной для протестантовъ книги профессора Л. А. Гофмана «Höchstwichtige Erinnerungen zu seiner Zeit, über einige allerernsthaftesten Angelegenheiten dieses Zeitalters. Wien. 1794;» 2) изъ учрежденія въ Вѣнѣ общей школы для юношества аугсбургскаго и гельветическаго вѣроисповѣданій, не только безпрепятственно разрѣшенной правительствомъ, но и зачтенной обѣимъ общинамъ въ заслугу; 3) наконецъ, изъ безпрепятственнаго приглашенія иноземцевъ для евангелическаго богослуженія въ имперіи[3]).

Но терпимости мало, она должна была оскорблять протестантовъ. Это оскорбленіе было, наконецъ, сглажено: 8 апр. 1861 г. вмѣсто патента о вѣротерпимости былъ изданъ патентъ о протестантахъ, коимъ на всѣ времена была дарована евангелическому вѣроисповѣданію полная свобода, а его послѣдователямъ гражданская равноправность съ католиками[4]).

Но Австрія не была подготовлена для реформы Іосифа II. Въ этомъ глубокая и главная причина неудачнаго исхода его преобразованій[5]). Преобразованія императора имѣли своей цѣлью—разогнать мракъ, окутывавшій имперію, лучами современнаго просвѣщенія, вдохнуть жизнь въ мертвое австрійское царство. Но эти преобразованія неизбѣжно должны были натекнуться и натекнулись на подводные камни и потерпѣли крушеніе. Такими подводными камнями были, прежде всего, интересы національные и лично-сословные. Не было въ австрійской имперіи сословія, кромѣ простого народа, не было націи, интересы которыхъ разсматриваемые съ узкой сословно-національной точки зрѣнія, не были задѣты широкой реформой императора.

И, прежде всего, стремленіе создать изъ Австріи единое прочное государство съ одними законами, строемъ жизни и даже языкомъ

---

[1]) Hofdecret v. 25 Novemb. 1790 (Frank. 148). [2]) Frank. 149. [3]) «Annalen d. neuesten theol Litteratur.» 1794. 479, 492 (Frank. 149—150). Ergenzinger. «Geschichte d. vereinigten evang. Schulen in Wien von 1794—1870». Wien. 1872 (Frank. 149—150).

[4]) Frank. 150—151.

[5]) Въ библіографической замѣткѣ журнала «Historische Zeitschrift» (1872, III, 227—231) объ изданной Арнетомъ перепискѣ Іосифа II съ Леопольдомъ анонимный авторъ, скрывшійся подъ буквой S., вѣроятно, самъ издатель журнала Зибель видитъ ошибку Іосифа не въ его поспѣшности во внутренней политикѣ или деспотическомъ образѣ дѣйствія, а находитъ камень преткновенія, о который разбилось его дѣло, въ сцѣпленіи внутреннихъ реформъ съ военнозавоевательной внѣшней политикой. Австрія не была подготовлена къ ней. Человѣкъ, сотни разъ жалующійся на негодность орудій, долженъ былъ прежде создать новыя и тогда уже приступать къ новымъ дѣламъ.—Нельзя не признать доли справедливости за этимъ мнѣніемъ, но объяснять только этимъ сцѣпленіемъ всю неудачу грандіозной Іосифовской реформы было бы поверхностно и невѣрно. Конечно, успѣхъ многозначитъ, но ве все же: Іосифу легче было бы проводить свою реформу при полномъ военномъ счастьи, но и тогда она не привилась бы.

Прим. автора.

столкнулось съ сепаратистскими тенденціями разныхъ составныхъ частей имперіи, съ ихъ вѣками освященными привиллегіями и правами, какъ, напр., въ Венгріи и Бельгіи. По уровню своего развитія, онѣ не могли возвыситься до общегосударственной идеи и съ слѣпой ревностью стояли за традиціи, видя въ реформѣ Іосифа посягательство на національную свободу, хотя сами сознавали недостатки своего строя и просили объ устраненіи ихъ.

Далѣе, его административныя, судебныя, школьныя и экономически-финансовыя реформы задѣли интересы всѣхъ сословій въ государствѣ, за исключеніемъ простого народа, а особенно привиллегированныхъ классовъ—дворянства и духовенства.

Наконецъ, церковная реформа чувствительно затронула духовенство во всѣхъ отношеніяхъ. Усматривая во всѣхъ церковныхъ распоряженіяхъ Іосифа II одну тенденцію—подчиненіе церкви государству, оно напрягало всѣ усилія къ тому, чтобы разрушить дѣло императора и въ союзѣ съ дворянствомъ достигло своей цѣли, воспользовавшись національными предразсудками и страстями, а также своимъ вліяніемъ на простой народъ, по невѣжеству, не понимавшій мѣръ правительства и потому возставшій даже противъ самыхъ благодѣтельныхъ для себя.

Свою гигантскую работу Іосифъ II выполнилъ въ невозможно короткій срокъ, поэтому ему пришлось итти исполинскими спѣшными шагами, отсюда, при спѣшности работы, въ ней неизбѣжно не мало промаховъ, ошибокъ, увлеченій. Не мало было при исполненіи его распоряженій злоупотребленій, неразумной ревности со стороны исполнителей, не разъ выборъ лицъ и мѣръ оказывался ошибочнымъ. Но все это—частности, мелочи, которыя не въ состояніи уронить общее въ реформѣ Іосифа.

Объясненіе всѣхъ ошибокъ, увлеченій императора, давшихъ поводъ нашему почетному ученому Я. К. Гроту сказать, что Іосифу не доставало государственнаго ума и, даже болѣе, — не только политической мудрости, но и простого житейскаго благоразумія[1]), въ его крайнемъ идеализмѣ. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ силу идей, забывая дѣйствительность, гдѣ большинство руководится эгоистическими расчетами, принося въ жертву страстямъ самыя святыя и завѣтныя убѣжденія. Онъ понималъ, что его преобразованія не будутъ приняты добровольно и поэтому, убѣжденный въ безусловной истинѣ своихъ взглядовъ, навязывалъ свои реформы силой, не спрашивая согласія тѣхъ, кого онѣ касались, игнорируя законные пути, въ родѣ сеймовъ, рейхстаговъ, чиновъ и т. п. И вотъ онъ, при всемъ своемъ благородствѣ и гуманности, выступаетъ предъ взорами современниковъ и судомъ исторіи бюрократомъ-деспотомъ, давившимъ всякую свободу, съ тою, впрочемъ, существенной разницей, что современники, ослѣпленные ненавистью и эгоистическими расчетами, въ большинствѣ случаевъ, видѣли его только такимъ, какимъ онъ казался по внѣшности, а исто-

[1]) Гротъ, Я. К. «Императоръ Іосифъ II въ Россіи». („Рус. Старина", 1883 г. ноябрь, т. XL, 327).

рія знаетъ и указываетъ, какимъ онъ былъ и въ дѣйствительности, въ думѣ. Его реформа не кабинетно-секретная, а публичная, особенно теперь съ разработкой австрійскаго государственнаго архива и изданіемъ въ свѣтъ касающихся Іосифа документовъ.

Вслѣдствіе того же идеализма Іосифъ представляется и незнающимъ, или пренебрегающимъ элементарными правилами политической мудрости, непрактичнымъ, слишкомъ спѣшащимъ, не соображающимся съ требованіями дѣйствительности, такъ что наша Екатерина II такъ отозвалась объ немъ, своемъ „intime ami“, послѣ его смерти: „Не могу притти въ себя отъ изумленія. Какъ, бывъ рожденъ и воспитанъ для своего высокаго званія, бывъ одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился царствовать такъ дурно? Мало того, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха: онъ еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ“[1])!

Іосифъ поспѣшилъ родиться на цѣлое столѣтіе, явись онъ черезъ 100 лѣтъ и его реформа встрѣтила бы не такой пріемъ.....

Но и взятая такъ, какъ есть, она имѣла громадное значеніе для прогресса Австріи, особенно по своему воздѣйствію на будущее.

И, прежде всего, несомнѣненъ прогрессъ Австріи за 9-ти-лѣтнее правленіе Іосифа II въ матеріальной сферѣ. Добывающая и обрабатывающая промышленность, внутренняя и иностранная, сухопутная и морская торговля, внѣшнее благоустройство страны и общественная благотворительность получили болѣе совершенную организацію, по сравненію съ прежнимъ состояніемъ. Австрія стряхнула съ себя вѣковую дремоту и быстро спѣшила догнать ушедшую отъ нея впередъ остальную Европу[3]). Извѣстный политико-экономическій законъ, что показателемъ прогресса страны служитъ ростъ населенія. А между тѣмъ народонаселеніе Австріи за 5 только лѣтъ (1780—1786 г.) поднялось съ 20.533.000 до 25/м., слѣдовательно, увеличилось на 1/4 [4]), къ 1790-же году, судя поэтому, было навѣрное 27/м.[1]). Государственные доходы въ 1787 г. составляли 100.400.000 гульденовъ, тогда какъ въ 1755 г. доходили всего лишь до 40.027.856 гульденовъ[5]), т.. е. увеличились въ 2 1/2 раза.

Но гораздо важнѣе матеріальнаго духовный ростъ Австріи за время самостоятельнаго правленія Іосифа. Церковная реформа, преобразованіе судовъ, воспитанія и образованія, отмѣна крѣпостнаго права и свобода печати, въ связи съ современными гуманитарными идеями, содѣйствовали поднятію умственнаго и нравственнаго уровня страны, выраженіемъ чего служили литература и искусство[6]). При Іосифѣ II Австрія, смѣло можно сказать, шагнула сразу изъ XVI-го столѣтія въ XVIII-е. Онъ впервые создалъ австрійское государство съ общимъ

---

[1]) Письмо Екатерины II къ Гримму (21 апр. 1791 г.) („Письма императрицы Екатерины II къ Гримму“. 509).

[2]) Gross-Hoffinger. 570—584, 592—594. [3]) Luca. Oesterreich. Staatskunde (Ibidem 564).

[4]) Gross-Hoffinger. 569. [5]) Nicolai. Reisebeschreibung. Lettres de finances. (Ibidem. 570). [6]) Gross-Hoffinger. 584—592.

законадательствомъ, управленіемъ и финансами, проникнутое нѣмецкой народностью. Этими преобразованіями онъ перешагнулъ за границы своего времени, уровень развитія народа лишилъ его возможности избѣжать бюрократизма: вотъ причина смерти его дѣла. Но своими преобразованіями онъ проложилъ дорогу будущему развитію государства: всѣмъ, что̀ есть Австрія въ настоящее время и чѣмъ сдѣлается въ будущемъ, она обязана Іосифу II.

АЛФАВИТНЫЙ ЛИЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А (А).

Августъ, графъ, шпейерскій епископъ. 50, 348—350, 354—358.
Аде. XVII, 216.
Азара. 97—98, 215.
Аксіахуоли, португальскій нунцій. 4.
Аламберъ, д'. I.
Александръ III, папа. 17.
Александръ X, папа. 234.
Альбани, кардиналъ. 45.
Albedyhl, d', G. XIV.
Альбертъ, принцъ, ген.-штатгал. нидерландскій. 239—240, 244—247, 249—252, 255, 263—264, 279, 287.
Альтонъ, д', ген.-лейт. 255, 259, 278, 282—286, 288—289.
Античи, д', маркизъ. 359.
Антоній, пр. 335.
Антэнъ, д', герцогъ. X.
Апулей, Люцій. 338.
Аранда, графъ, испанскій министръ. 4.
Арбергъ, генералъ. 279, 287.
Арембергъ, герцогъ. 279.
Аржансонъ, д'. X.
Арнетъ, А. VI—IX, XII, XVI, XVIII, XXVII, XXXI, 36, 45, 55, 57—58, 64—77, 79, 81—85, 91—93, 95, 97—98, 112, 115—117, 129, 190, 214—215, 217—220, 222—223, 226, 229, 230, 237, 247—251, 253—254, 256—257, 264, 281, 285—291, 299—300, 303—305, 352, 373, 378.
Арро. X.
Астфельдъ, баронъ. 68.
Ауэршпергъ, графъ, гуркскій и пассаускій епископъ. 180, 196, 308, 354, 369.
Аѳанасій, великій. XXX, 21, 335.

В (Б).

Ballerinius, P. XI—XII, 39.
Бáнффи. 309.
Бардтъ, I. Ф. 38.
Бардтъ, К. Ф. 37—38, 41.
Бартель. 41.
Бартельмъ, Т. 185.
Бартенштейнъ. 90.
Бартолотти, I. Н. 310.
Баттіани, князь. 89—90.
Баттіани, графъ, кардиналъ, примасъ Венгріи, архіепископъ Грана. 222, 293, 301, 304.
Bauer. 216.
Beer. VI, XII, 98.
Беккъ, аббатъ, экс-іезуитъ. XXVI, 205, 209.
Беккъ, I. Л. 345, 346.

Бельджойозо. 239, 243—244, 246, 251, 254—255.
Беллярминъ. 12.
Беллисони, К., кёльнскій нунцій. 43, 342, 358.
Бендеръ, австр. фельдцейхмейстеръ. 289—290.
Бенедиктъ XIV, папа. 4, 61, 81.
Бенедиктъ. 321—323.
Бёнике, I. M. 346.
Берни, кардиналъ. XVII, 98, 215—216.
Беро-Беркастель, аббатъ. XXVI.
Бетгинелли 36.
Бидерманнъ. См. Гоккъ.
Бирó, М., епископъ Вешприма. 61—62.
Блаареръ, М. 197.
Бланкенгеймъ, графиня. 358.
Block. XVI, XXXVII, 45, 84, 373, 385.
Блюмегенъ, гр. II, 57, 68, 114, 119, 130, 167—168, 179, 191.
Боверій. 325.
Бокль. 94.
Бонавентура. 321, 324—325.
Бонифацій VIII, папа. 206—208, 311.
Borbis. XVI—XVII, 170, 373.
Борнъ. 196, 210—211.
Борромео, Карлъ. 23.
Боссюэтъ, Бенигнъ. 2, 35, 39.
Braun, P. XXVI.
Браунъ, Лейтомышльскій комиссаръ. 194.
Бретшнейдеръ. 326.
Бригидо, графъ, галиційскій губернаторъ. 171—172.
Брикнеръ, А., проф. XXXV.
Брокгаузъ. VIII.
Бруннеръ, С. VI—VIII, XVIII—XX, XXII, XXIV, XXVII, XXX—XXXI, XXXIII, XXXV—XXXVI, 49, 63, 77, 91, 98, 101, 109, 111—112, 114—120, 129, 131—132, 134—135, 137—139, 144—145, 199—200, 205, 212, 215—216, 223, 226, 242, 293—294, 304, 306—309, 326, 338—339, 371—373, 375.
Brück. XVIII, XXXVI, 49, 53—54.
Buisson, F. XVIII.
Букои, графъ. 138.
Бузенбаумъ. 208.
Булье, де, маркизъ.
Бюнкель. XXXII.
Буонкампаньи, кардиналъ, папскій госуд. секретарь. 226, 246, 307, 345.
Bourgoing. XVII—XVIII, 97—98, 112, 200, 216—218, 220, 222, 226, 229—230, 306, 358.
Бурганьонъ. 85.
Bourigny. 35.
Бурсье. X—XI.
Бѣловъ, Е. А. 299.

C (Ц, Ч. Х).

Целестинъ, папа. 20.
Черскій. 35.
Чіофани. 365.
Хоринскій, М., графъ, брюннскій епископъ. 65, 147—148, 212, 221.
Cornova. 244—246, 251, 287, 290.
Сохе. XX, 232—233, 253.

D (Д).

Дальбергъ, Карлъ, коадъюторъ майнцскаго архіепископа. 362—365.
Данненмайеръ. 144.
Деель. 51, 345.
Декій, императоръ. 335.
Дёллингеръ. XXXV.
Дидро. I.

Диге́. К.
Дилленъ, проф. 271.
Dippold, Н. К. XX.
Добрушка, жидовка. 134.
Дольфинъ, Д., венеціанскій посланникъ въ Вѣнѣ. IX.
Домъ. XX—XXI, 87, 92—93, 345, 373.
Доминикъ. 324.
Доминикъ, лембергскій епископъ. 115.
Дю-Фуръ. 240.
Дюпэнъ. X—XI.

E (Е, Э).

Эбергардинъ, Г. 358.
Эдлингъ, графъ, гёрцскій архіепископъ. XIX, 116—117, 196, 212—213, 217—218.
Эгеръ, членъ австр. госуд. сов. 132, 150.
Эйбель. XXVIII, 49, 85, 148, 150, 210, 241, 242, 319, 326--331.
Эйзенбахъ. XII, 182—183, 186.
Екатерина II. VI, VIII—IX, XIV, XV—XVI, XXXV, XXXVII, 93, 190, 214, 216, 223, 248, 249, 254, 256—257, 291, 299, 380.
Elisabeth de Württemberg. VIII.
Эммерихъ Іосифъ, майнцскій архіепископъ. 50—53.
Энценбергъ, графиня. 57—58.
Ergenzinger. 378.
Эспенъ, ванъ. XI, 3, 50.
Эсслингеръ. 5.
Эстергази, Францъ. 61.
Эупенъ, ванъ. 290.
Евгеній. 335.

F (Ф).

Фалькенштейнъ, графъ=Іосифъ II. XIV.
Февроній (=I. Н. Гонтгеймъ). VII, XI, XII—XIII, XV, XXV, XXVII, XXX, XXXV, 1, 4--54, 101, 208, 341—342, 369.
Фердинандъ, сынъ Карла неаполитанскаго. 4.
Фердинандъ I. 148.
Феррарисъ. 289.
Фридрихъ Карлъ Іосифъ, майнцскій курфирстъ. 45, 119, 342—372, 375—376.
Fessler. 59.
Фиккеръ. 128.
Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, регентъ. X.
Филиппъ II, испанскій. XXXVI—XXXVII, 93—94, 251.
Филиппъ IV, испанскій. 235.
Фирміанъ, кардиналъ, епископъ Пассау. 114, 222.
Флавіанъ. 21.
Флёри, К. 35.
Фоккъ. 185.
Фотисъ, красавица. 338.
Fournier. 36.
Фракной. 373.
François, archidue de Toscane. VIII, 374.
Франкъ. VI, XXI—XXII, XXIII, XXXIII, 49, 63, 75, 156—159, 161, 163—165, 167—172, 174, 176, 179—190, 210, 212, 230, 231, 304—306, 308--310, 373, 377, 378.
Франкенбергъ, кардиналъ, архіепископъ Мехельнскій. XXX, 233—234, 238—240, 242—243, 257, 259—260, 262—278, 285—286, 290—292.
Францискъ. 321—324.
Францъ I, австрійскій. 87.
Францъ, патеръ, іезуитъ. 90.
Францъ Людовикъ, вюрцбургско-бамбергскій епископъ. 354—355.
Friedberg. XXII, 36, 46, 48—50, 78—79, 82—83, 373.
Фридрихъ II, прусскій. XXI, XXXVII, 61, 64, 73—74, 85, 87, 236—237.
Фридрихъ Вильгельмъ II, прус-

скій. 251, 337, 351, 363, 365, 367, 369.
Фридрихъ III, австрійскій. 114.
Фругтъ, проф. 275.
Фуггеръ, графъ, регенсбургскій епископъ. 118—119, 354—355.
Фюрстенбергъ, князь. 169.

G, H (Г, Ж).

Гай, пробстъ. 73.
Гай, І. Л., кёниггрецскій епископъ. 107, 137, 179, 188, 193—194, 196, 304—305.
Галамбосъ, эксъ-іезуитъ. 180.
Галенъ, аббатъ. 243.
Ганнекэнъ. X.
Гартлингъ. 361.
Гарампи, папскій нунцій въ Вѣнѣ. 46, 68, 96, 102, 196, 199, 201—205, 217, 220, 341, 371.
Гашка, Л. Л., эксъ-іезуитъ. 309.
Гатцфельдъ, графъ. 107, 113, 140—141, 143, 150, 158, 162, 164, 167, 173, 188, 294.
Геблеръ. XXXII, 113, 123, 141, 157—160, 162—167, 169, 173, 187, 190, 294, 326.
Геймесъ, В. 345—346.
Гейнке. 120—122, 124, 140.
Гейссеръ. XXXIII.
Гейслеръ. 195, 212, 225.
Геласій, папа. 21.
Гёльдеръ. XXXIV.
Helfert. XXII—XXIII, 130, 139.
Гёллеръ, Игнацъ, патеръ, іезуитъ. 88.
Гельвецій. I.
Henke. 183.
Генрихъ IV, французскій король. 2.
Герберштейнъ, Карлъ, графъ, лайбахскій епископъ. XIX, 81, 118, 196, 305—307.
Герфсъ, проф. 275.
Gerlach. 277, 291.
Жерсонъ, I. 10, 27, 35.
Герцбергъ, графъ, прусскій министръ. 283, 362—363.
Герзанъ, кардиналъ. XVIII—XIX, XXX—XXXI, XXXV, 77, 98, 109, 111—112, 114—116, 118—120, 199—201, 205, 214—216. 219—220, 222—223, 230, 242, 306—307, 326, 345, 363.
Гёссенсъ. 258.
Жиберъ, аббатъ. X—XI.
Гигерихъ. 358.
Гиллесгеймъ, Ф. К. I. 51.
Глейнкъ, В., аббатъ. 46.
Гмейнеръ, К. XXVIII, 50, 331—335.
Hock. VI, XIII, XXI—XXIII, XXXI, 74—75, 78, 81—84, 104, 106—108, 110, 113—115, 117—121, 123—125, 128—132, 138—141, 143—147, 150, 152, 154—157, 159, 161—164, 167—169, 174, 180—181, 186—187, 190—195, 200, 202, 212, 217, 294, 297—299, 301—302, 306.
Гогенлоэ—Бартенштейнъ, князь. 358.
Гофманъ, К. Г. 38.
Гафманъ, Л. А. 378.
Голицынъ, князь. 190, 202, 215.
Гольцмайеръ. 46.
Гонсбрёкъ, графъ, люттихскій епископъ. 354.
Гонтгеймъ, І. Н. См. Февроній.
Гонтъ, де. 245, 248.
Горани. XVII.
Гормайеръ. 373.
Горъя. 299.
Граціанъ. 14, 16, 17, 19.
Grellmann. 59.
Григорій, великій. 12.
Григорій VII, папа (=Гильдебрандтъ). 43, 78, 106.

Григорій IX, папа. 19, 26.
Григорій XIII, папа. 101.
Гриммъ. VI, XV—XVI, 379—380.
Гро, ле. X—XI.
Гроссъ—Гоффингеръ. XVII, XX, XXIII—XXIV, XXXIII, 57, 88, 90, 120, 195, 211, 217—218, 233, 237, 241, 243—246, 251—252, 254, 256, 278—291, 299—300, 302, 373, 380.
Гротъ, Я. К., академикъ. XIV, XV, XVI, 379.
Губеръ, 164.
Губеръ, К. І., линцскій каноникъ. 310.
Hübner. 91, 93, 231.
Гукъ, каноникъ. 264—265.
Гюксель, д'. К.
Hurter, Jean. XXVI.
Густавъ III, шведскій король (=графъ Готландскій). XIV.
Huth. XXVI—XXVII.

I, J (И, І, Ю, Я)

Jäger. XXIV, XXXIII, 373.
Іелленцъ. 373.
Иларіонъ. 335.
Юліанъ, кардиналъ. 24.
Illgen, Dr. XXV.
Янсеній. 208, 234.
Иннокентій III, папа. 18.
Иннокентій X, папа. 234.
Инцаги, графъ, тріестскій епископъ. 120.
Іоаннъ, патріархъ антіохійскій. 227.
Іоаннъ, Златоустъ. 21.
Іосифъ II. I—IX, XII—XXXVIII, 1, 50—53, 55, 57, 64—71, 73—77, 85—98, 101—135, 138—147, 149—153, 155—239, 241—310, 321—322, 331, 336, 338—340, 343—355, 358—363, 365—368, 370—381.
Юстиніанъ. 330.
Изденци. 61, 113, 151.

К (К).

Кампанелли, кардиналъ. 371.
Kampen. 283—284.
Капонъ. X.
Капрара, вѣнскій нунцій. 306, 353.
Караффа, кардиналъ. 105.
Карлъ, великій. 28, 312.
Карлъ II, испанскій. 232.
Карлъ V. 243.
Карлъ VI. 50, 58, 81, 114—115, 232, 234, 235.
Карлъ, герцогъ Пфальцъ-Цвейбрюккенскій. 237.
Карлъ, бурбонъ, неаполитанскій. 4.
Карлъ Теодоръ, пфальцбаварскій курфирстъ. 46, 50, 226, 237, 340—341, 356, 360—362, 368, 370.
Каррихій, іезуитъ. 41.
Касицынъ, Д. Ѳ., свящ., проф. М. Д. А. XXXV—XXXVI.
Кауфманъ, І. Г. 40.
Кауницъ, князь. II, XII, XIX, XXX, XXXI, 45, 56—57, 71, 77, 79—82, 84, 96, 98, 102, 106, 108—109, 111—116, 118—120, 123—124, 129, 141—142, 150, 157—161, 163—164, 167, 169, 173, 180, 187, 190, 196, 201—205, 214—216, 219—220, 225, 230, 237, 242, 245, 247, 251, 253, 255, 299—301, 306—307, 326, 348, 351—353, 363, 372—373.
Кеглевичъ, графъ. 304.
Кейтъ, англійскій посланникъ въ Вѣнѣ. XX.
Кенель. 208, 234.
Керенсъ, вѣнско-нейштадтскій епископъ. 109, 115, 142—143, 145, 196, 308,

Керештези. 297—298, 302, 304, 373.
Кипріанъ, карѳагенскій. 23.
Клаверсъ. 262.
Клейнеръ, I., іезуитъ, проф. 37—38, 41.
Klein. 121.
Клементъ Венцель, трирскій курфирстъ. VII, XXV—XXVII, 43—48, 50—54, 196, 205—210, 344—363, 365—371, 375—376.
Климентъ VIII, папа. 105.
Климентъ XI, папа. 234.
Климентъ XIII, папа. 5, 34—36, 38—40, 43, 79, 84, 120.
Климентъ XIV, папа. 43, 57, 79.
Климо Г., фюнфкирхенскій епископъ. 105.
Клингеръ. XXXII.
Кобенцль, графъ. 217, 253, 280, 290—291.
Ковачъ, Ф. 185.
Кольбъ. 144.
Колла́ръ. 292.
Коллетта. 3—4.
Коллоредо, князь, имперскій вице-канцлеръ. 366.
Коллоредо, Іеронимъ, графъ, зальцбургскій архіепископъ. XXXI, 45, 114, 118, 137, 196, 308, 342—349, 351—359, 361—362, 367 — 371, 375—376.
Коллоредо Мельцъ и Валльзее, графъ, ольмюцскій архіепископъ. 212.
Коловратъ, графъ. 128, 138—139, 307.
Колонна, М. А., кардиналъ. 205.
Константини. 40.
Константинъ, великій. 330.
Корр. 354, 369.
Корси, Р. М. 38—39.
Köster. 184, 185, 305.
Крезель, баронъ. II, 113, 142—144, 163—164, 167, 169, 173, 190, 202.
Кригельштейнъ, баронъ. 105.
Krones. VI, XXIV, 59, 62—63, 93—96, 170, 292, 296—299, 302, 304, 373.
Kropatschek. XII—XIV, 49, 96, 104—105, 107—108, 111, 122—123, 125, 136—139, 145, 151—155, 157—158, 164, 170—172, 175—179, 182, 187—189, 193, 205, 222, 238, 309.
Крумпипенъ. 256, 287.

L (Л).

Лаффито, аббатъ. X.
Лаго, I. 185.
Ламберъ, графъ. 212.
Ламине, С. 310.
Ласси, графъ, фельдмаршалъ. IX.
Латуръ, де. X.
Лауберъ. 273—275.
Левъ, великій, папа. VI.
Лейенъ, Д., графъ. 53.
Леклеръ. 240.
Леемпёль. 290—291.
Лемпёль. 262.
Лёнгерю, де, аббатъ. X.
Леопольдъ I. 58, 62.
Леопольдъ II, австр. императоръ, братъ Іосифа II. VII—VIII, XII, XIX—XX, XXIV, XXXIII, 71, 76—77, 91—92, 97—98, 112, 115—117, 128—129, 135, 140, 151, 204, 215—219, 222—223, 226, 229—230, 237, 246—247, 250—251, 254, 264, 281, 282, 286, 287—290, 298, 300, 302—305, 352—353, 372, 377—378.
Ле-Платъ. 239—240, 258.
Лербархъ, австрійскій посланникъ въ Мюнхенѣ. 226.

Лёръ, членъ австр. государ. сов. 157—159, 163—165, 169, 173.
Лже-Исидоръ. 14—16, 21, 26, 28—29.
Лихтенштейнъ, княгиня. 198.
Лимпенсъ. 282.
Лобковицъ, Ф., князь, гентскій епископъ. 240, 263.
Лоркъ, К. XXIV.
Lorenz, Ott. XXIV, 93, 373.
Luca, de. 121, 380.
Луккезини, маркизъ. 363.
Людовикъ XIV. 2.
Людовикъ XV. X.
Лютеръ. 183—184, 231.

M (M).

Mailáth. XXV, 59, 62, 93, 98, 134, 293, 298, 304, 373.
Мазіеръ, де, проф. 271.
Максимиліанъ Фридрихъ фонъ Кёнигсеккъ Ротенфельсъ, кёльнскій архіепископъ и курфирстъ. 45, 50—53.
Максимиліанъ, эрцгерцогъ, кёльнскій архіепископъ и курфирстъ. 222, 253—254, 342—344, 346—351, 353—356, 358—362, 365—371, 375—376.
Мальмсбюри, лордъ (=Гаррисъ). XIV.
Мамахій, Т. М. 42.
Маранъ, проф. 275.
Марія-Анна, австр. эрцгерцогиня, сестра Іосифа II. 90.
Марія-Христина, сестра Іосифа II, нидерландская штатгальтерша. 223, 233, 251, 278—279, 290, 303—304.
Марія-Терезія. II—III, VII, IX, XVI—XVII, XIX—XX, XXIII—XXV, XXVII, XXXIII, XXXVI, 36, 45, 49, 54—59, 60, 62—79, 81—90, 92, 95—96, 103, 105, 113, 119—120, 123, 145, 155—156, 191, 197, 232—233, 286, 293, 295, 299, 301, 303, 374.
Марксеръ, викарный епископъ. 198.
Мартинъ, турскій. 335—336.
Мартини, баронъ. II, 36, 46, 48, 85, 108—110, 140—143, 180, 187—188, 244, 245, 319.
Маттъ. 148,
Матѳей. 324.
Mejer, Otto. XXV, 2—3, 48, 51—54, 98, 113, 119, 340, 342—348, 352, 354, 358—362, 364—367, 369—371, 373.
Мейеръ, перев. Бургуэна. XVII.
Мейзель. XXVI.
Мельпомена. 209.
Menzel. 46.
Мерръ, ле, отецъ. X—XI.
Мершъ, ванъ деръ. 259, 283—286, 288—290.
Мерцъ, А., эксъ-іезуитъ. 210.
Меттернихъ, графъ. 352.
Meynert. VI, XXI, XXV, XXXIII, XXXVII, 85, 104, 106—107, 113, 152, 155—158, 161—162, 168, 171—172, 174, 179—180, 187, 191—195, 217, 373, 376—377.
Мигацци, графъ, кардиналъ, вѣнскій архіепископъ. II, 36, 46, 81, 108—109, 115, 119—120, 142, 146, 148, 196—200, 210—212, 217, 219, 276.
Микосъ. 300.
Миньярелли, I. A., аббатъ. 41.
Mohnike. XXV—XXVI, 207, 209—211.
Молина. 208.
Морозини, I., веронскій епископъ. 196, 309.

Мотманнъ. 283.
Мюллеръ, I. 345, 363.
Мюллеръ, А. XXVII, 130, 373.
Müller, Jean. 37.
Münch. 343, 364, 366—367, 369.
Мюрре, графъ. 250, 252—257.

N (Н).

Нахатцъ, I. 310.
Нáдасди, графъ. 61, 304.
Нелисъ, К., антверпенскій епископъ. 238, 260, 267. 269.
Нени, К., баронъ, 57.
Неустроевъ. XXIX.
Николай I, папа. 17.
Nicolai. XXVII, 55—56, 98—100, 210, 231.
Нолькенъ, шведскій посланникъ въ С.П.Б. XIV.
Нотъ, ванъ деръ. 245 — 246, 283—284, 286—287, 289—290.
Нуэ. X.

O (О).

Олива. 326.
Онкенъ, издатель. XXXIII.
Ону, А. М. XXXVI—XXXVII.
Оригенъ. 335.
Орси, кардиналъ. 18.
Остерманъ. 350.
Otto, Ev. XIV—XV.

P (П).

Павелъ, Өивейскій. 335.
Павелъ Петровичъ. VIII.
Пакка, Бартоломей, кёльнскій нунцій. 344, 358.
Пáльффи, графъ. 300.
Парадейзеръ. 180.
Пáсстори. 300.
Pediculoso, капуцинъ. 338.
Пегемъ, I. I. 49—50, 85, 273—275.
Пелитцъ. 373.
Пергенъ. 148.
Пергенъ, I. Б., графъ, епископъ Мантуи. 309.
Перейра, А. 37.
Петръ Леопольдъ, флорентійскій герцогъ. 45—46.
Петръ де Марка. 2.
Пидолль, трирскій деканъ. 345.
Пихлеръ, Каролина. 89.
Pitrof. 144.
Питу. 2.
Пій IV, папа. 234.
Пій VI, папа. VI—VII, XIII—XIV. XVII, XIX, XXII, XXX—XXXI, XXXIV, 43—47, 97 — 98, 101, 106, 109, 111—120, 130, 196, 199—203, 205, 208, 212—230, 242, 246, 251, 291—292, 306—307, 309, 340—343, 345—348, 350—354, 358, 360—367, 369—373, 375.
Planck. XXVIII—XXX, 346—347, 352, 357—358, 365—367.
Платонъ, философъ. 335.
Подевильсъ, графъ, прусскій министръ. 88—89.
Помбаль, португал. министръ. 4.
Потемкинъ, князь. 299.
Поццобопелли, Дж., миланскій архіепископъ. 112.
Прево. XI.
Птипье, аббатъ. X.
Пуффендорфъ. 13, 42.
Пуже. XI.
Путцъ, I. M. 68.

R (Р).

Рабенеръ. 313.
Ramshorn. XXIV, XXIX, 87, 90—91, 98, 112, 165, 298, 302, 304, 373.
Ranke. VI, XXIX—XXX, 348, 350, 351, 373.
Раутенштраухъ, аббатъ. 49, 79, 105—106, 140, 142—143.

Рейшахъ. 150.
Remundi, P. 37.
Reuss. 364, 369.
Ricci, Scipio. 308.
Риттеръ, П. I. II, 48—49, 81—82, 85, 169, 319.
Riehl und Reinöhl. XXIX—XXX, XXXIII, 62, 78, 82—83, 85, 114, 118—119, 121—123, 136, 139, 145, 151—152, 155, 190—193.
Ринальдо-Ринальдини. 338.
Рисбекъ. 56.
Риттеръ. XXXIII, 45.
Робертцъ, пробстъ. 358, 360.
Родтъ, баронъ, констанцскій епископъ. 119, 354—355.
Роландъ. XVII.
Рольсбергъ, баронъ. 68.
Ронге. XXXV.
Роттекъ. 373.
Роттенганъ, графъ. 167.
Рувруа. 288.
Рудольфъ I, габсбургъ. XX, 201.
Румянцовъ Задунайскій, П. А., графъ. 190.
Румянцовъ, Н. П., графъ, русскій посланникъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. 350—351.
Руссо. I.

S (З, С, Ш).

Шаафгочъ, графъ, бреславскій епископъ. 61, 119, 217.
Заккаріа, Фр. А., іезуитъ. 40—43, 47, 371.
Шалоте, де ля. XI.
Сангалло, Ю. А., 39—40.
Шанце. 273—275.
Саппель, Л. 37—41.
Зехъ, Фр. К., 39—40.
Шейдемантель. 186.
Шейдлейнъ. 49.
Зейлернъ, Х. А., графъ, штатгальтеръ Нижней Австріи. 57, 135.
Зейнсгеймъ, А. Фр., бамбергско-вюрцбургскій архіепископъ. 53. Шевалье. X—XI.
Зибель. 378.
Шифферъ, Л., свящ. 180.
Шильтеръ. 32.
Симонъ, сенъ, герцогъ. X.
Шиндерганнесъ. 338.
Шлоссеръ. XX—XXI, XXX, 98.
Schlözer. XXVI, 184, 220, 225, 294, 304, 308.
Шмидтъ, А., эксъ-іезуитъ. 41, 355.
Шмидтъ. 109.
Смитъ. 371.
Шнейдеръ, I. Г. (Эвлогій). 310.
Шнеллеръ. 373.
Сохацкій, П. А., проф. XXIX.
Соловьевъ, С. М. VI, XXXVII.
Зондадари, нидерландскій нунцій. 242, 247, 251, 268.
Шёнфельдъ, Ф. Э. 310.
Зонненфельсъ, баронъ. II, XXXIV, 319.
Зоннлейтнеръ, Хр. 41.
Spalding. 144.
Шпауръ, I. Ф., графъ, епископъ Бриксена и Секкау. 63, 74—75, 169, 196, 308—309.
Шпильманнъ. 300.
Шрёдеръ, генералъ. 285.
Шрёккъ. 144, 164, 210, 275.
Штаффартъ. 267.
Стефанъ, папа. 23.
Штейнъ, прусскій посолъ. 345.
Страссольдо, графъ, аквилейскій викарій. 117.
Шуазёль. 4, 57.
Шубикъ, эксъ-іезуитъ. 197.
Швинтеккъ, Я. 183—184.
Свитенъ, ванъ, баронъ. II, 36, 84, 85, 239.

T (Т, Ѳ).

Талія. 209.

Тануччи, неаполитанскій министръ. 4.
Таутфей, Г. Г. 346.
Тейнеръ, А. XXX, XXXIII, XXXVI, 145, 237—243, 247, 253—260, 262—278, 285, 291—292, 340, 373.
Тенненбахъ. 82.
Тилишъ. 185.
Ѳома. 329.
Томассинъ. 2.
Торреджіани, кардиналъ. 36, 40.
Торси, де, маркизъ. X—XI.
Трачевскій, А., проф. VI, VIII—IX, XII, XXIX, XXXVII, 91—93, 95, 190, 202, 205, 215, 348, 350—352, 373.
Траутвейнъ. 38, 40.
Траутманнсдорфъ, графъ. 254—255, 257—263, 265, 269—273, 276—278, 280—289.
Траверсари, К. 41.
Троицкій, И. Е., профессоръ С.П.Б. Д. А. и университета. V.
Турнелій. 19.

V, W (B).

Wagner, A. XX.
Walch. XXI, XXVIII — XXXI, 36—41, 50, 58—59, 61—62, 107, 122—123, 169, 176, 191, 373.
Вальдгуберъ, А. 157.
Вальденфельсъ, кёльнскій министръ. 366.
Вальцель, І. 101.
Валентиніанъ. 330.
Валентъ. 330.
Ваттеротъ. 144, 310.
Веберъ, Г. XIX, XXXI.
Вельденъ, баронъ, фрейзингенскій епископъ. XXII, 342—343, 345, 348—349, 353—354.
Wendrinsky. XXXI—XXXIII, 4, 88—90, 110, 124, 130, 134, 144, 151, 191—192, 225, 230, 232, 236—237, 243—244, 246, 251—255, 278—279, 287—290, 292, 298—299, 302, 304, 372—373, 376.
Верженнь. 136.
Werner, K. M., Dr. XXXII, 326.
Vörwetz. 306.
Вестфаленъ, Фр. В. Л., баронъ, епископъ Гильдесгейма-Падерборна. 352, 354.
Віаторъ де Коккальо. 40.
Вибра, Г., баронъ, епископъ Фульды. 354.
Викентій, Лиринскій. 7.
Виландтъ. 186.
Вилльруа, де. X.
Винье, Петръ, де. 324.
Висконти, миланскій архіепископъ. 112.
Виттола, М. А., пробстъ. 46, 310.
Вольфъ, Адамъ. VI, XVIII—XX, XXXI—XXXIII, 117—118, 121—130, 132, 134, 145, 152, 199, 223, 303—304, 373.
Вольфъ, Жерсонъ. VI, XXI, XXXIII — XXXIV, 63, 116, 119, 127, 139—141, 143—146, 149, 151, 168, 174, 192—195, 307, 373.
Вольфъ, Петръ Филиппъ. XVII, XXXII—XXXV, 5, 35—36, 38—43, 45—48, 56, 59, 61—62, 84, 91, 93, 100—101, 105—107, 119, 135, 137—140, 152—154, 156, 164, 182, 185, 196—202, 205, 211—218, 220—223, 225—229, 231, 233, 235, 241—244, 254—256, 259—262, 270—275, 279—280, 284—287, 292—294, 304, 305, 308, 340, 344, 346, 350, 357—362, 373.

Вольтеръ. I, III, 376.
Вонкъ. 284.

Z (Ц).

Цеменъ, I. A. Э., баронъ эйхштедтскій епископъ. 354—355.

Цинцендорфъ, тріестскій губернаторъ. 190.
Цольо, Цезарь, мюнхенскій нунцій. 340, 345, 358, 360, 362.
Цвидинеккъ-Зюденгорстъ. VI, XXXV, 74.

